ОБОЗРѢНІЕ

СОСТАВНЫХЪ ЧАСТЕЙ ГОСУДАРСТВА

И

ОТНОШЕНІЙ ИХЪ МЕЖДУ СОБОЮ,

ВПРОДОЛЖЕНІИ УДѢЛЬНАГО ПЕРІОДА.

Государственная публичная
БИБЛИОТЕКА
470409.
Историческая

ОБОЗРѢНІЕ

СОСТАВНЫХЪ ЧАСТЕЙ ГОСУДАРСТВА

И

ОТНОШЕНІЙ ИХЪ МЕЖДУ СОБОЮ,

ВПРОДОЛЖЕНИИ УДѢЛЬНАГО ПЕРІОДА.

Мы представили Исторію княжествъ, на кои была раздѣлена Русская земля передъ грозою, несшеюся на нее съ дальняго Востока. Извлечемъ заключенія изъ нашихъ извѣстій о томъ состояніи, въ какомъ вообще она находилась, изслѣдуемъ причины, содѣйствовавшія къ ея разстройству, и, наконецъ, постараемся отыскать основы ея лучшей будущности, залоги ея спасенія.

Обозрѣвая исторію Удѣльнаго, по преимуществу, періода, отъ кончины Ярослава до нашествія Татаръ, мы видимъ въ дѣйствіи: князей съ дружинами, города съ воями и волости съ народомъ, церковь.

Чтобъ составить себѣ яснѣйшее объ ней понятіе, необходимо разсмотрѣть эти составныя государственныя части порознь.

Начнемъ съ князей, и поговоримъ прежде объ ихъ *происхожденіи и размноженіи.*

Впродолженіи Норманскаго періода, къ счастію молодаго государства, бывало большею частію по одному князю: Рюрикъ, (1 степень), Олегъ, Игорь, (2 ст.), Святославъ (3 ст.), слѣдовали одинъ за другимъ по одиначкѣ, и распространяли предѣлы своей земли. Наслѣдство Святославово, вскорѣ по кончинѣ старшихъ, Ярополка и Олега, досталось одному Володимеру (4 ст.). Отъ Володимера, хоть у него было и двѣнадцать сыновей, удѣлы соединились чрезъ короткое время въ рукѣ Ярослава, (5 ст.), который собственно и сдѣлался *родоначальникомъ* всѣхъ Русскихъ князей, кромѣ Полоцкихъ, происходившихъ отъ его старшаго брата Изяслава.

Какъ укрѣпленію, усиленію молодаго государства, содѣйствовало малочисліе князей, такъ умножавшееся безпрестанно ихъ количество, постепенно ослабляло его, и наконецъ привело на край гибели.

Ярославъ оставилъ пять сыновъ, Изяслава, Святослава, Всеволода, Вячеслава и Игоря, (6 ст.), роднаго внука Ростислава, (отъ старшаго сына Володимера), и двоюроднаго, Всеслава, (отъ Изяслава, сына Володимера Святаго), (7 ст.)

Отъ нихъ пошли дѣти, и съ этой шестой степени, въ коей считалось князей 11, число ихъ начало умножаться въ такой мѣрѣ:

въ седьмой извѣстныхъ было 15,
въ осьмой 39,
въ девятой 49,
въ десятой . . . . 66 и т. д.

Обозримъ эти роды по *старшинству*.

1 родъ, Изяслава, Володимерова сына, (5 ст.), чрезъ Брячислава (6 ст.) и Всеслава (7 ст.), составлялъ совершенно отдѣльное цѣлое, владѣя *Полоцкимъ* княжествомъ, отчиною праматери Рогнѣды. Предъ Татарскимъ нашествіемъ извѣстія о немъ прерываются.

2 родъ, старшаго Ярославова сына, Володимера, (6 ст.), при немъ умершаго, чрезъ сына его Ростислава (7 ст.), и внуковъ— Володаря, Василька и Рюрика (8 ст.), получилъ *Галичь*, гдѣ и пресѣкся въ 11 степени, за 25 лѣтъ до Татаръ.

3 родъ, втораго Ярославова сына, Изяслава, (6 ст.), вступившаго послѣ него на великокняжескій столъ, получилъ себѣ во владѣніе, при потомкахъ Святополка (7 ст.) Изяславича, отчину свою, *Туровъ*. Въ эпоху Татарскаго нашествія этотъ родъ ослабѣлъ и обмелѣлъ. Отъ него ведутъ впрочемъ до сихъ поръ свое происхожденіе многіе княжескіе и дворянскіе роды въ Литвѣ, Польшѣ и въ нынѣшнихъ западныхъ губерніяхъ.

4 родъ, самый многолюдный, третьяго сына Ярославова, Святослава, отъ котораго, чрезъ сына Олега (7 ст.) пошли князья *Черниговскіе* и Сѣверскіе, а чрезъ сына Ярослава, *Муромскіе* и Рязанскіе.

5 родъ, также многолюдный и самый славный, четвертаго сына Ярославова, Всеволода, котораго сынъ Володимеръ Мономахъ (7. ст.) сдѣлался родоначальникомъ большей части Великихъ князей, а чрезъ сына Георгія, Великихъ князей *Суздальскихъ*, и впослѣдствіи Великихъ князей Московскихъ и Царей всея Руси.

Родъ Мономаха имѣлъ еще нѣсколько отраслей: отъ старшаго сына его Мстислава, чрезъ сына Изяслава, пошли князья *Владимиро-Волынскіе*, и одинъ изъ нихъ, Романъ, сдѣлался родоначальникомъ вторыхъ *Галицкихъ* князей; чрезъ сына Ростислава пошли князья *Смоленскіе*.

Отъ этихъ двухъ родовъ, Святославова и Всеволодова, происходитъ большая часть нынѣшнихъ природныхъ Русскихъ князей, кромѣ жалованныхъ и пришлыхъ.

6 родъ, пятаго Ярославова сына, Вячеслава *въ Смоленскѣ*, пресѣкся вскорѣ.

7 родъ, шестаго Ярославова сына, Игоря, получившаго удѣлъ во *Владимирѣ-Волынскомъ*, потерялся въ неизвѣстности; ближайшіе потомки княжили въ *Городнѣ*.

Родоначальницами всѣхъ Русскихъ князей были: Рогнѣда, дочь Варяжскаго князя Рогволода Полоцкаго, одна изъ супругъ Великаго князя Володимера, и Ингигерда, супруга Великаго князя Ярослава, дочь Шведскаго Короля Олофа.

Потомство Ярослава соединялось брачными союзами, преимущественно въ ближайшихъ степеняхъ, съ иностранными владѣтельными родами, на примѣръ сыновья его:

Володимеръ былъ женатъ на какой-то сѣверной княжнѣ.

Изяславъ—на сестрѣ Казимира, Короля Польскаго, дочери Мечислава II, умершей въ 1107 г.

Всеволодъ—на Греческой царевнѣ, (по инымъ: внукѣ Греческаго Императора Константина Мономаха).

Вячеславъ—на Одѣ, дочери Леопольда, графа Штадскаго.

Игорь—на Кунигундѣ, графинѣ Орламиндской.

Въ 7 степени сынъ Изяславовъ, Святополкъ, былъ женатъ на дочери Половецкаго хана Тугоркана.

Сынъ Всеволодовъ, Мономахъ, въ первомъ бракѣ имѣлъ Гиду, дочь Англійскаго короля Гаральда.

Мономаховъ сынъ, Мстиславъ, былъ женатъ по первому браку на Христинѣ, дочери Шведскаго короля Инга Стенкильсона; по второму браку на дочери Новогородскаго посадника Дмитрія Завидича.

Въ послѣдующихъ степеняхъ брачные союзы, съ иностранными владѣтельными домами, продолжались хотя рѣже, вплоть до нашествія Татаръ.

Точно также и Русскія княжны выходили замужъ за государей иностранныхъ.

Дочери Ярослава: Елизавета—была въ замужствѣ за Гаральдомъ, принцемъ Норвежскимъ.

Анна—за Генрихомъ I, Королемъ Французскимъ.

Анастасія — за Андреемъ I, Королемъ Венгерскимъ.

Неизвѣстная княжна была въ замужествѣ за Болеславомъ II, Смѣлымъ, Королемъ Польскимъ.

Дочь Всеволода, Евпраксія, была за Маркграфомъ Штаденскимъ, Генрихомъ Долгимъ, а потомъ въ 1089 году за Императоромъ Генрихомъ IV.

Дочери Святополка Изяславича: Сбыслава была замужемъ за Болеславомъ Кривоустымъ, Королемъ Польскимъ, 1103.

Передслава, 1104, за Венгерскимъ Королевичемъ, сыномъ Коломановымъ.

Дочь Володимера Мономаха за Венгерскимъ Королемъ Коломаномъ.

Другая дочь Мономахова, Марія, была за Царевичемъ Леономъ, сыномъ Императора Греческаго Діогена.

Дочь Володаря Ростиславича (ст. 9) за Греческимъ Царевичемъ Алексiичемъ.

Дочь Всеволода Ольговича, Звѣнислава за Польскимъ Королемъ Болеславомъ Кудрявымъ (1142).

Другая, еще прежде (1140) была отведена туда же, за Герцога Владислава, брата его.

Дочери Мстислава Володимеровича и Христины Шведской были выданы замужъ—одна за Норвежскаго Короля Сигурда, а послѣ за Датскаго Эрика Эдмунда.

Вторая за Канута Святаго, Короля Оботритскаго—(отъ нихъ родился Волдемаръ I), славный Король Датскій.

Третья за Греческаго Царевича, 1124, и проч.

Переходимъ къ владѣнію князей и обозримъ *развѣтвленіе княжествъ*.

Русская земля дѣлилась и раздроблялась между изчисленными родами князей. Ярославъ раздѣлилъ ее между пятью своими сыновьями, на пять частей, кои суть, кромѣ Великаго княжества, составлявшаго какъ бы маіоратъ, Туровское княжество, Черниговское, Переяславское, Смоленское,

Владимиро-Волынское, — съ принадлежащими къ нимъ волостями.

Нѣкоторыя изъ нихъ соединялись между собою по временамъ, вначалѣ, но впослѣдствіи раздѣлились окончательно.

Кромѣ сихъ Ярославовыхъ княжествъ, было еще Новогородское, невошедшее въ составъ его дѣленія, и Полоцкое, отдѣленное при Володимерѣ Святомъ.

Новогородское, принадлежавшее въ первое время какъ бы къ Кіевскому маіорату, получало себѣ князей тогда отъ Великихъ князей Кіевскихъ, но вскорѣ утвердило у себя правленіе избирательное, и избирало изъ рода Ярославова по благоусмотрѣнію, не допуская никакихъ дѣленій, и давая иногда во временный удѣлъ, вслѣдствіе особыхъ обстоятельствъ, Псковъ, Торжекъ, Ладогу, Волокъ Ламскій.

Псковъ впослѣдствіи отдѣлился отъ Новагорода и составилъ особое владѣніе.

Полоцкое, совершенно особое княжество, осталось въ родѣ Изяславовомъ, (Володимерича), и имѣло въ числѣ удѣловъ, кромѣ Полоцка, Минскъ, Изяславль, Витебскъ и проч.

Отъ *Кіевскаго* Великаго княжества, съ которымъ при В. К. Изяславѣ соединилось Владимиро-Волынское, а при братѣ его Всеволодѣ Переяславское и Смоленское, отдѣлились:

Галицкое, отданное Всеволодомъ Ростиславичамъ.

Владимиро-Волынское, отошедшее въ родъ старшаго сына Мстиславова, Изяслава.

Смоленское, отошедшее въ родъ втораго его сына Ростислава.

Черниговское княжество раздѣлилось при сыновьяхъ Святослава Ярославича, на *Черниговское* съ Давидомъ Святославичемъ, *Сѣверское* съ Олегомъ Святославичемъ, *Муромское* съ Ярославомъ Святославичемъ, *Тмутораканское*, вскорѣ затертое Половцами.

Отъ Муромскаго отдѣлилось *Рязанское*.

Отъ Рязанскаго *Пронское*.

Отъ *Переяславскаго* отдѣлилось *Суздальское*, отданное Мономахомъ меньшимъ дѣтямъ.

Отъ Суздальскаго или Владимирскаго отдѣлились *Ростовское* и *Переяславское*.

Каждое изъ сихъ княжествъ раздроблялось впослѣдствіи болѣе и болѣе, такъ что наконецъ, предъ нашествіемъ Татаръ, инымъ городомъ на югѣ кормилось въ одно время по два князя.

Самый важный вопросъ при князьяхъ состоитъ въ ихъ *правѣ наслѣдства* или преемства.

Въ древней Россіи право старѣйшинства пользовалось особеннымъ уваженіемъ. Безпрестанно встрѣчаются въ лѣтописяхъ мѣста, свидѣтельствующія объ его значеніи, какъ въ глазахъ князей, такъ и въ глазахъ народа.

По этому праву, принесенному вѣроятно съ Сѣвера, какъ въ первомъ или Великомъ княжествѣ, такъ и во всѣхъ княжествахъ, въ случаѣ смерти князя, старшій въ его родѣ занималъ его мѣсто, то-есть братъ послѣ брата, а не сынъ послѣ отца, (напримѣръ послѣ В. К. Изяслава братъ его Всеволодъ, а не сынъ Ярополкъ, и тому подоб.).

Право старѣйшинства было однакожъ ограничено, касательно наслѣдства, судя по событіямъ, то есть имѣло нѣкоторыя исключенія. Старшій въ родѣ имѣлъ право занять только такой столъ, который былъ занимаемъ когда нибудь его отцемъ. Такимъ образомъ дѣды и прадѣды не принимались въ разсчетъ, то есть, нельзя было, или, лучше,

не должно было внуку искать и получить то, чѣмъ владѣлъ его дѣдъ или прадѣдъ, но не владѣлъ отецъ; хотя, разумѣется, внукъ или правнукъ имѣлъ сугубое право на то владѣніе, которымъ владѣлъ не только отецъ его, (conditio sine qua non), но и дѣдъ и прадѣдъ,—на свою отчину и дѣдину.*

Изяславъ, старшій сынъ Володимира Святаго отъ Полоцкой Рогнѣды, умеръ при жизни отца (1001), слѣдовательно не владѣлъ Кіевомъ, и потому потомство его лишилось права на этотъ столъ. Оно осталось во владѣніи своею отчиною, Полоцкомъ.

Потому и Ростиславичи, потомки старшаго сына Ярославова, Володимера, должны были ограничиться княжествомъ Галицкимъ, ибо родоначальникъ ихъ Володимеръ умеръ въ Новѣгородѣ (1052) прежде своего отца.

Теперь перейдемъ къ потомству Изяслава. Онъ владѣлъ Кіевомъ, и Кіевъ достался по чередѣ старшинства сыну его Святополку-Михаилу, но старшій сынъ Святополка, Ярославъ, умеръ въ 1123 году, не владѣвъ Кіевомъ, который принадлежалъ при немъ еще старшему дядѣ его, Мономаху. Потомство его, слѣдовательно, утратило по этому случаю право свое на Кіевъ.

Меньшіе сыновья Святополковы, не имѣвшіе даже никакихъ удѣловъ, умерли съ небольшимъ черезъ годъ послѣ Мономаха, и не могли состязаться, если не было другихъ причинъ, (незаконнаго происхожденія), съ могущественнымъ Мстиславомъ, которому Володимеръ предоставилъ Кіевъ.

Впрочемъ, право ихъ, если и было какое, продолжалось по смерти Мономаховой только годъ.

---

* Соотвѣтственное явленіе представляется послѣ въ исторіи мѣстничества.

Изъ двухъ потомствъ, Святославова и Всеволодова, первое было старшее, но оно утратило свои права, потому что дѣти Святослава, Олегъ, Давыдъ и Ярославъ, уступили, или принуждены были уступить Кіевскій столъ, по кончинѣ Святополка Изяславича, Володимеру Мономаху (1113), избранному Кіянами.

Нѣкоторые князья впрочемъ изъ его рода, старшіе сыновья, попадали на Кіевскій столъ, а именно Всеволодъ Ольговичъ насильственно, (1139), сынъ его Святославъ, (1177), вслѣдствіе полюбовной сдѣлки, и внукъ Всеволодъ Чермный, нѣсколько разъ, (1206, 1207, 1210), вслѣдствіе различныхъ обстоятельствъ.

Князь получалъ свой столъ по прямому наслѣдству: Изяславъ послѣ Ярослава, (1054).

На основаніи старшинства: такъ наслѣдовали въ Кіевѣ Всеволодъ Ярославичъ брату Изяславу (1078), въ Черниговѣ Ярославъ Святославичъ брату Давиду (1123), въ Смоленскѣ Мстиславъ Романовичъ дядѣ Давиду Ростиславичу (1192) и проч.

По предоставленію и назначенію предшественника: Мстислава назначилъ отецъ Мономахъ (1125) въ Кіевѣ, Володимера Давидовича двоюродный братъ Всеволодъ Ольговичъ (1140) въ Черниговѣ, Георгія—отецъ Всеволодъ во Владимирѣ (1212).

По народному избранію: Мономахъ (1113) въ Кіевѣ, Рогволдъ Всеславичъ (1128) въ Полоцкѣ.

Вслѣдствіе полюбовной сдѣлки: Мстиславъ Изяславичъ (1169) въ Кіевѣ, Святославъ Ольговичъ (1158) въ Черниговѣ.

Или рѣшенія князей: Ярославъ Изяславичъ (1174), Володимеръ Мстиславичъ въ Кіевѣ (1175).

А иногда и насильно: Святославъ Ярославичъ (1073) занялъ Кіевъ, Всеволодъ Ольговичъ (1128) Черниговъ.

Случалось соединиться нѣкоторымъ изъ этихъ условій, напримѣръ, законный наслѣдникъ былъ вмѣстѣ и избираемъ, Всеволодъ Юрьевичъ во Владимирѣ (1176) послѣ брата Михаила.

Или садился на столъ съ бою, Константинъ Всеволодовичъ (1216) послѣ войны съ меньшимъ братомъ Георгіемъ, во Владимирѣ.

Разсмотримъ *отношенія* князей между собою.

Великій князь.

Что такое былъ между ними *Великій князь?*

Это было именное старшинство, почетное титло, завидное владѣніе, особенно сначала, когда силы у него было больше, волость обширнѣе, дружина многочисленнѣе, земля обильнѣе и богаче, и ничего болѣе. По завѣщанію Ярославову, князь Кіевскій долженъ былъ быть «въ отца мѣсто» меньшимъ своимъ братьямъ, прочимъ князьямъ. Отеческое вліяніе продолжалось не долго. Братья же вскорѣ возстали на Изяслава, старшаго сына Ярославова. Никакой власти надъ ними онъ не имѣлъ. Еще болѣе оказалось это во второмъ послѣ нихъ поколѣніи и слѣдующихъ. Князю Кіевскому не было никакого дѣла, что происходило въ Черниговѣ, Галичѣ или Полоцкѣ. Всѣ князья совершенно отъ него не зависѣли. Ни о какихъ правахъ и преимуществахъ помину нѣтъ нигдѣ. Онъ имѣлъ вліяніе только на князей, жившихъ въ предѣлахъ его собственнаго, т. е. Кіевскаго княжества, гдѣ онъ распоряжался удѣлами: раздавалъ кому хотѣлъ, разумѣется, согласно съ древними обычаями, и отбиралъ. Остальная власть Великаго Князя условливалась совершенно личными его качествами и обстоятельствами, въ коихъ онъ находился. Если случилось Великому Князю быть не только старше, но и умнѣе другихъ, имѣть искусство воспользоваться своею силою, тогда онъ повелѣвалъ ими, имѣя въ виду обычаи, отношенія, сообразно своему характеру. Таковы были Святополкъ, Мономахъ, Мстиславъ, Всеволодъ Ольговичъ, — хотя и имъ часто оказывалось сопротивленіе, смотря по обстоятельствамъ.

А въ чемъ состояли его повелѣнія? Въ слѣдующихъ словахъ Мономаха, заключается полное ихъ содержаніе: (1117) «Ярославу покорившюся и ударившу челомъ передъ стрыемъ своимъ Володимеромъ, и наказавъ его Володимеръ о всемъ, веля ему къ себѣ приходити, когда тя позову.»

Съ Ярополка Володимеровича (1133) начинаются стороннія покушенія на Кіевъ, безпрестанные споры, и Великій Князь терялъ постепенно свою силу и значеніе, тѣмъ болѣе, что предѣлы его княжества стѣснялись, вслѣдствіе размноженія князей.

Но Кіевъ все-таки считался первымъ, старшимъ, главнымъ городомъ; помнились еще слова Олеговы, по его переселеніи съ Волхова къ Днѣпру: се буди мати градомъ Русскимъ. Съ Кіевомъ соединялись всѣ воспоминанія княжескаго рода, какъ съ колыбелью: отсюда вѣщій Олегъ ходилъ воевать Константинополь, и сюда приносилъ золотую греческую дань; здѣсь правила Ольга, мудрѣйшая всѣхъ людей; Святославъ разносилъ изъ Кіева страхъ Русскаго имени по всѣмъ странамъ окольнымъ; Володимеръ

принялъ святое крещеніе и просвѣтилъ народъ свой, основалъ славную Десятинную церковь; Ярославъ, создатель Софійскаго собора и Золотыхъ воротъ, слишкомъ тридцать лѣтъ творилъ здѣсь судъ и правду, и предлагалъ пристанище королямъ и князьямъ иноземнымъ; святые мученики Борисъ и Глѣбъ здѣсь прославились и посылали исцѣленіе приходившимъ съ вѣрою. Печерскій монастырь съ святыми своими угодниками, былъ вмѣстѣ и разсадникомъ святителей, управлявшихъ Русской церковію. Митрополитъ Кіевскій былъ ея главою. Всѣ эти воспоминанія жили между князьями, какъ и въ народѣ, передавались отъ отцевъ къ дѣтямъ, и Кіевъ былъ въ то время тожественъ со всею землею Русскою, которая, не смотря на разновластіе, сознавалася и чувствовалася повсемѣстно. Святополкъ и Мономахъ, призывая Святославичей, говорятъ имъ: «придѣта Кіеву, на столъ отецъ нашихъ и дѣдъ нашихъ, яко то есть старѣйшій градъ въ землѣ во всей, Кыевъ; ту достойно снятися и порядъ положити.» Такъ передалось и ихъ дѣтямъ: Кіевъ— стольный городъ; Кіевскій князь—первое лицо въ Русской землѣ, особенно сначала. Потому-то нѣкоторые князья, чуть кто изъ нихъ былъ способнѣе, предпріимчивѣе, получивъ какой-нибудь предлогъ, устремлялись къ Кіеву, желали стола Кіевскаго, а не Черниговскаго, Полоцкаго, или инаго другаго. Тѣ столы были безспорны, развѣ между своими князьями. Изъ прочихъ княжествъ инымъ и не случалось воевать между собою, напримѣръ Черниговскому съ Смоленскимъ, или Галицкому съ Переяславскимъ.

Общія предпріятія противъ Половцевъ, происходили по преимуществу изъ Кіева.

Наконецъ Великій Князь Суздальскій Андрей, владѣя обширною, неприкосновенною почти страною, взялъ верхъ надъ Кіевомъ, обобраннымъ и ослабѣлымъ. Ставъ вскорѣ вмѣстѣ и старшимъ изъ потомковъ Мономаховыхъ, онъ располагалъ имъ по своему произволу, оставаясь самъ во Владимирѣ (1155—1174).

Такое же вліяніе пріобрѣлъ себѣ Всеволодъ, братъ его, благодаря своимъ государственнымъ способностямъ (1176—1212). Достоинство Великаго Князя Кіевскаго унизилось и въ общемъ мнѣніи.

Старшимъ во всѣхъ смыслахъ сталъ Великій Князь Владимирскій.

Великаго Князя Владимирскаго слушались сосѣдніе князья, Рязанскіе и Муромскіе, князья сосѣдніе, равно какъ и дальніе,— болѣе нежели прежде Великихъ Князей Кіевскихъ, потому что онъ былъ гораздо сильнѣе ихъ.

Названіе отцемъ при Владимирскихъ князьяхъ продолжалось, какъ прежде при Кіевскихъ, также не безъ возраженій, смотря по обстоятельствамъ: Мы нарекли тебя отцемъ своимъ, говорятъ Ростиславичи Андрею (1174), но если ты говоришь съ нами, не какъ съ князьями, а какъ съ подручниками, то пусть разсудитъ насъ Богъ.... Точно также поступилъ и Рюрикъ Ростиславичъ съ Всеволодомъ въ 1195 году.

По смерти Всеволода (1212), достоинство Великаго Князя Владимирскаго начало унижаться также, какъ прежде Кіевскаго, и Георгію, сыну его, хлопотъ было много дома съ братьями, а до Кіева ему уже и дѣла не стало.

Таковы были отношенія Великаго Князя къ прочимъ князьямъ: какія отношенія были у нихъ между собою?

Всѣ князья считали себя, какъ бы въ правѣ, хоть и безотчетно, имѣть что нибудь, участвовать во владѣніи Русскою землею, палѣзенной трудами ихъ отцевъ и дѣдовъ, имѣть что нибудь въ своемъ владѣніи, точно какъ теперь всякій поселянинъ считаетъ себя въ правѣ участвовать во владѣніи землею своего села. Какъ сельская земля находится въ общемъ владѣніи всего села, такъ вся Русская земля, земля Руси, находилась какъ бы въ общинномъ владѣніи княжескаго рода, на которое всѣ князья имѣли притязаніе, кому по происхожденію и родству гдѣ что приходилось.

Всѣ князья были *равны* между собою, находясь въ зависимости, въ нѣкоторомъ смыслѣ отвлеченной, каждый у старшаго въ своемъ родѣ, княжившаго въ стольномъ отчинномъ городѣ, а вмѣстѣ отъ В. К. Кіевскаго, послѣ Суздальскаго.

Провинившійся князь терялъ волость по приговору князей, (напр. Давидъ Игоревичъ, въ 1096 году).

Старшій князь раздавалъ своимъ дѣтямъ или родственникамъ города, въ предѣлахъ его княжества находившіеся, и удѣльные князья обязаны были его слушаться, то-есть, ходить на зовъ его, (напр. Мономахъ, сынъ его Мстиславъ и проч.).

Главною заботою всѣхъ князей, источникомъ и причиною всѣхъ ихъ войнъ и сношеній, было *владѣніе*.

Князья, въ своемъ родѣ, или въ отношеніи къ Кіеву, ссорились между собою изъ-за волостей, желая каждый себѣ больше власти: ломоть въ чужой рукѣ каждому изъ нихъ казался длиннѣе.

Извѣстенъ даже особый глаголъ, вышедшій теперь изъ употребленія, и опредѣляющій характеръ междоусобныхъ войнъ — *волоститься;* а князья или государи въ этомъ отношеніи назывались волостелями. О многихъ войнахъ именно такъ и сказано самими князьями или лѣтописателями, безъ всякихъ околичностей, просто и ясно.

Однимъ изъ предлоговъ къ войнамъ служило право наслѣдства, съ его исключеніями, право, по которому не сынъ наслѣдовалъ послѣ отца, а братъ или вообще старшій въ родѣ.

Часто искали князья владѣній безъ всякаго предлога, (напр. Ростиславъ Володимировичъ 1064), Всеволодъ Ольговичъ (1132).

Иногда искали съ предлогами, болѣе или менѣе справедливыми, каковы: месть, подозрѣніе (Святославъ Ярославичъ 1072), (Георгій Володимеровичъ 1149), желаніе воротить свое (Ольговичи 1155).

Для чего князья искали себѣ владѣній? Для *доходовъ*.

Волости и города они цѣнили количествомъ доходовъ, съ нихъ собираемыхъ. Романъ Волынскій говоритъ (1195) тестю своему, В. К. Рюрику Ростиславичу, на предложеніе его объ уступкѣ данной Роману волости: мнѣ любо иную волость въ тое мѣсто даси, любо кунами даси за нее, во что будетъ была.

Смоленскій князь Ростиславъ Мстиславичъ получалъ одной дани, судя по десятинѣ, предоставленной имъ новопоставленному епископу, до 3150 гривенъ серебра.

Кромѣ владѣнія, причинъ къ междоусобіямъ было мало, и то въ началѣ этого періода, а именно: принужденіе къ покорности (Мономахъ и Глѣбъ Минскій 1109, Ярославъ Святославичъ 1119), наказаніе (Мстиславъ и Полоцкіе князья 1129), заступленіе, (Всеволодъ за Ярополка 1084); наконецъ надо замѣтить немногіе походы съ общаго согласія (напр. вслѣдствіе ослѣпленія Василька 1096).

Войны состояли часто изъ однихъ движеній или занятій, безъ всякаго кровопролитія, и рѣшались почти всегда однимъ сраженіемъ (Ярославичи съ Всеславомъ 1066), или даже однимъ походомъ (Мономахъ 1085 противъ Ярополка), набѣгомъ (Ростиславъ Володимеровичъ 1064 въ Тмуторакани), осадою (города Владимира Святополкомъ въ 1099 году).

На мѣстѣ сраженій убитыхъ оставалось мало: князей погибло не болѣе пяти впродолженіи всего періода, а по нимъ можно заключить и о прочихъ.

Вредъ отъ междоусобныхъ войнъ испытывали по большей части князья.

Послѣ князей терпѣли ихъ бояре и дружина.

Много доставалось городамъ.

Народъ страдалъ меньше, особенно въ первой половинѣ этого періода, отъ 1055 до 1146 года.

Междоусобныя войны оканчивались: со стороны наступавшихъ—достиженіемъ цѣли, то-есть завладѣніемъ, принужденіемъ къ покорности, изгнаніемъ, опустошеніемъ волости; безъ успѣха—бѣгствомъ, переговорами и мирами.

Со стороны оборонявшихся: уступкою безъ обороны, отраженіемъ.

Междоусобныя войны не имѣли, особенно сначала, характера непримиримости: это были часто условныя, полюбовныя, если можно такъ выразиться, схватки, съ оружіемъ въ рукахъ, какъ Богъ разсудитъ, т. е. чья возметъ, а послѣ враги становились друзьями, и наоборотъ, какъ въ кулачныхъ бояхъ. Это въ отношеніи къ князьямъ, а до народа касались они тогда еще менѣе. Князья воевали другъ съ другомъ, и не противъ народа; они, по большей части, хотѣли владѣть тѣми волостями и городами, на кои нападали, слѣдовательно не могли, для своей собственной пользы, разорять ихъ кромѣ особенныхъ случаевъ. (Князья съ воями сами по себѣ, а поселяне сами по себѣ).

Всѣ *сношенія* князей между собой, всѣ ихъ договоры, союзы и ссоры, имѣли также причиною, самою главною, владѣніе, кромѣ немногихъ частныхъ случаевъ: напримѣръ князья сносились между собою, и помогали другъ другу, иногда по родству, — братъ помогалъ брату, имѣя общія выгоды: Изяславъ Мстиславичъ и Ростиславъ Мстиславичъ (1147); Игорь Олеговичъ и Святославъ Олеговичъ (1146); всѣ Олеговичи Всеволоду Чермному (1207) и проч.

По неволѣ, —если какому князю случалось взять верхъ надъ другими и заставить ихъ ходить подъ его рукою: такъ слушались многіе князья Мономаха, Мстислава, Всеволода Олеговича, Андрея Боголюбскаго.

Изъ страха навлечь на себя месть, напримѣръ, Давыдовичи помогали сперва Изяславу Мстиславичу, а потомъ Святославу Ольговичу (1146).

По условію, напримѣръ, Святополкъ и Мономахъ, Святославъ Всеволодовичъ и Рюрикъ Ростиславичъ, дѣйствовали за одно (1189).

Князья входили между собою въ *союзы*, составляли нѣкотораго рода артели или товарищества, чтобъ дѣйствовать заодно, выбирали себѣ набольшихъ, для которой цѣли и обязывались клятвою, цѣлуя крестъ, по древнему: ходили ротѣ, почему и назывались ротниками.

Великіе Князья, сильнѣйшіе, принуждали иногда къ тому силою. Такъ Мономахъ постановилъ условіемъ Глѣбу Минскому (1116), Ярославу Святополковичу (1117), приходить къ себѣ на зовъ. Мстиславъ жаловался на Полоцкихъ князей, зачѣмъ они не приходятъ къ нему на помощь противъ Половцевъ, и за то лишилъ ихъ отчины (1130).

Князья сносились и переговаривались на съѣздахъ, обсылались послами (1195), или посольниками (1144), которыми были мужи или бояре (1159, 1197), лица духовныя (1161), даже иногда митрополиты (1140), союзные князья.

Въ случаѣ неудачи прибѣгали къ чужой помощи: къ Половцамъ, Ляхамъ, Уграмъ.

Таковы были отношенія князей между собою и къ Великому князю, сначала Кіевскому, а потомъ Владимирскому.

При всякомъ новомъ обстоятельствѣ, столонаслѣдованіи по кончинѣ старшаго князя, и по прибытіи новаго, при столопріобрѣтеніи въ слѣдствіе войны, выигранной или проигранной, происходило новое разсаживаніе князей, и новая разверстка или переверстка, какъ у крестьянъ весною, волостей, —по волѣ главнаго или старшаго князя, если онъ былъ не только старше, но и умнѣе и сильнѣе всѣхъ, —по взаимному соглашенію князей, имѣвшихъ какія-либо права или притязанія, могшихъ поддерживать свои требованія силою, — по назначенію побѣдителя, если дѣло доходило до схватки, —по требованію людей и городовъ, если они, призывая или уступая, предлагали какія условія. Сила, умъ, характеръ, возрастъ и старшинство, опредѣляли надѣлы при всякомъ случаѣ.

Если было нѣсколько лицъ равносильныхъ, они улаживались между собою, и налагали условія на прочихъ (напр. Святополкъ и Мономахъ относительно Ольговичей 1095).

При перемѣнѣ обстоятельствъ они торговались и вновь уступали, или требовали, воевали.

Умиралъ Великій Князь Кіевскій, —наслѣдникъ ему, то есть, старшій въ родѣ, приходилъ изъ другаго города, Чернигова, Турова, Смоленска, . . . и распредѣлялъ Кіевскіе города по своему усмотрѣнію, стараясь привести другихъ къ покорности, и распространить свою область, надѣлить лучше своихъ дѣтей, братьевъ, ротниковъ.

Оставленный тѣмъ или другимъ княземъ столъ занимался ближайшимъ къ нему членомъ семейства, который передавалъ свой удѣлъ другому князю также, какъ ему заблагоразсудилось.

Являлись иногда незаконные притязатели, овладѣвавшіе, благодаря стеченію благопріятныхъ для сего обстоятельствъ, Кіевомъ или другимъ стольнымъ городомъ, и распоряжавшіеся произвольно.

Иногда рѣшала дѣло война, и побѣдители были еще безотчетнѣе въ своихъ рѣшеніяхъ.

А въ чемъ состояла власть князя въ предѣлахъ его княжества?

Власть княжеская, впродолженіи Норманскаго періода, сосредоточенная въ Кіевѣ, разнеслась, по кончинѣ Ярослава, по многимъ другимъ городамъ, сдѣлавшимся средоточіями особыхъ княжествъ, столицами.

Во всякомъ новомъ удѣлѣ князь заводилъ тотъ же порядокъ, какой установился въ Кіевѣ, и дѣлался такимъ же государемъ въ предѣлахъ своего княжества, какимъ былъ сначала В. К. Кіевскій.

Сѣвъ на столъ, князь рядился съ людьми. Напримѣръ Игорь Ольговичъ (1146), Ростиславъ Мстиславичъ (1116).

Вотъ кругъ его дѣятельности:

Отъ князя зависѣло назначеніе должностныхъ лицъ въ городахъ и волостяхъ: посадниковъ—Олегъ Святославичъ въ Ростовѣ и Суздалѣ (1096), Ярополкъ Володимеровичъ въ Курской волости, (1133).

Тысяцкихъ—Игорь Ольговичъ (1146).

Тіуновъ—Мстиславъ Изяславичъ (1169).

Даже въ назначеніи духовныхъ властей князь могъ принимать непосредственное участіе: Митрополитовъ,—Ярославъ назначилъ Митрополитомъ Иларіона, Ростиславъ Мстиславичъ требовалъ назначенія Климова, Мстиславъ Изяславичъ—Константинова.

Епископовъ—Андрей Боголюбскій (1162), Всеволодъ (1190).

Игуменовъ — Святополкъ Изяславичъ (1112).

Князь давалъ и отнималъ, перемѣнялъ удѣлы въ границахъ своихъ владѣній, — дѣтямъ: Мономахъ (1113), Георгій Долгорукій (1155).

Родственникамъ: Ярополкъ Володимеровичъ племянникамъ Мстиславичамъ (1133). Всеволодъ Георгіевичъ послалъ въ Новгородъ свояка Ярослава Володимеровича.

Чужимъ: Изяславъ Мстиславичъ далъ города Святославу Всеволодовичу (1146), Рюрикъ В. К. Всеволоду (1195).

Какъ бы въ помѣстье или за службу, даже иноплеменникамъ: Рюрикъ Ростиславичъ далъ Двѣренъ (1192) Кунтувдѣю Половчину.

Сроковъ никакихъ не назначалось: дача случалась и при началѣ княженія, и впродолженіи, и по завѣщанію, на время. Случалось, что князь и по неволѣ долженъ былъ уступать тотъ или другой городъ: В. К. Кіевскій Рюрикъ Ростиславичъ уступилъ В. К. Суздальскому, Всеволоду Георгіевичу пять городовъ (1195), а прежде зятю Роману.

Или въ исполненіе обязательства: Ярополкъ далъ Переяславль племяннику Всеволоду (1133).

Князь получалъ съ народа дань. Онъ собиралъ ее лично, объѣзжая свои волости. Вмѣстѣ съ собираніемъ здѣсь соединялся и судъ. Такіе древніе объѣзды получили названіе полюдья. Напомнимъ полюдья Юрья Володимеровича (1154), Всеволода Юрьевича (1186).

Собираніе дани поручалось иногда избраннымъ мужамъ: Янъ собиралъ дань по Волгѣ для В. К. Святослава Ярославича (1071).

Употребленіе предоставлялось въ полную его волю, по усмотрѣнію.

Дань, а равно и прочіе доходы, съ извѣстной волости или города, князь

предоставлялъ иногда кому заблагоразсуждалось—женѣ: подъ 1159 г. есть извѣстіе о городѣ княгини Святослава Ольговича.

Дѣтямъ: Рюрикъ Ростиславичъ (1173).

Боярамъ: при Изяславѣ Мстиславичѣ (1150).

Монастырямъ: Мстиславъ Володимеровичъ (1125).

Церквамъ: Андрей Боголюбскій (1155).

Князь издавалъ законы по поводу извѣстныхъ случаевъ. См. въ Правдѣ Ярославичей о пени за убіеніе конюха.

Былъ верховнымъ судьею, см. въ описаніи 1093 о Всеволодѣ, 1147 о Вячеславѣ Володимеровичѣ.

Творилъ судъ и правду: Ярославъ Всеволодичъ (1229).

Опредѣлялъ пени: Ростиславичи (1175).

Получалъ пошлину съ суда, съ торговли, съ промысловъ, какъ видно изъ Русской правды, Уставовъ Всеволода, Святослава Ольговича, Ростислава Смоленскаго.

Имѣлъ дружину, жившую на его содержаніи, и начальствовалъ ею во время войны, — Вячеславъ Володимеровичъ (1151).

Предпринимая войну, онъ собиралъ вои, разселенные по городамъ и волостямъ, — Ярополкъ, (1135).

Ходилъ обыкновенно самъ, иногда посылалъ вмѣсто себя сына, брата, родственника, воеводу: Мстиславъ Володимеричъ—братьевъ и сыновей (1125); Андрей Боголюбскій—сына Мстислава, воеводу Бориса Жидиславича (1869); Святополкъ Изяславичъ Путяту (1097).

Въ сраженіи принималъ личное и непосредственное участіе, и чуть ли не начиналъ его: Андрей Боголюбскій (1151, 1152).

Находился при большомъ полку: Глѣбъ Юрьевичъ (1172).

По окончаніи войны распускалъ вои: Рюрикъ Ростиславичъ (1195).

Заключалъ миръ: братья Изяславъ и Всеволодъ (1072).

Съ пріобрѣтеніемъ или уступкою волостей: Андрей Боголюбскій (1169).

Переговаривался съ князьями лично: общіе съѣзды (1097, 1100), Всеволодъ Ольговичъ съ братьями (1142).

Или чрезъ пословъ, имъ назначенныхъ: Давидовичи съ Изяславомъ Мстиславичемъ (1147).

Подчинялъ себѣ противниковъ: Мономахъ (1117), сынъ его Мстиславъ.

Пересылался по усмотрѣнію съ иностранными государями: Изяславъ Мстиславичъ съ королемъ Угорскимъ, Ляшскимъ и Чешскимъ (1149).

Ходилъ къ нимъ на помощь: Мономахъ и Олегъ къ Ляхамъ на Чеховъ (1076).

Посылалъ—Всеволодъ Ольговичъ зятю Владиславу (1142).

И получалъ помощь: Изяславъ Мстиславичъ отъ Угровъ (1149).

Предпринималъ походы въ чужія страны, Андрей Боголюбскій на Болгаръ (1164), Георгій Всеволодовичъ на Мордву (1220).

Ставилъ города по мѣрѣ надобности: Ярополкъ Володимеричъ городъ Желди (1116), Юрій Долгорукій Переяславль, Юрій Всеволодовичъ Нижній.

Переводилъ людей изъ города въ городъ: Святополкъ Изяславичъ (1095).

Распоряжался въ городѣ: Изяславъ Ярославичъ (1069).

Князю принадлежали особыя села, дворы, волости, земли, холопы, изгои, стада, пчелиныя борти, рыбныя ловли, сѣножати, (1140, 1146, 1156, 1158, 1159, 1171), что видно и по грамотамъ—Мстиславовой (1125), Смоленской Ростиславовой (1150) и проч.

Князь имѣлъ при себѣ особыхъ исполнителей и служителей, изъ коихъ упоминаются ключники (1151, 1174), стольники (1230), меченоши (1210).

Князья считались властелинами своихъ подданныхъ и господами земли (1071), впрочемъ всегда въ смыслѣ временнаго владѣнія, а не собственности (1197).

Таковъ былъ кругъ дѣятельности княжеской. Разсматривая его, подумаешь, что князь дѣлалъ, что̀ хотѣлъ въ своемъ княжествѣ. Нѣтъ, власть его ограничивалась другими дѣятелями, которые по временамъ также дѣлали, что хотѣли, и тѣмъ возстановляли равновѣсіе силъ, или производили новое замѣшательство, безпорядокъ.

Эти дѣятели—дружина, вои, города.

Дружина.

Дружина, впродолженіи Норманскаго періода, восполнялась преимущественно выходцами съ дальняго сѣвера, приходившими въ Гольмгардъ, по зову князей, участвовать въ ихъ удалыхъ походахъ на берега Чернаго и Каспійскаго морей, въ Европѣ и Азіи, на Константинополь, въ Дунайскія страны. Въ свободное время дружинники жили съ княземъ въ Кіевѣ, или уходили отъ него на промыселъ, гдѣ казалось имъ выгоднѣе.

Послѣ кончины Ярослава движеніе изъ Скандинавіи прекратилось, и жители Швеціи, Норвегіи и Даніи, усѣлись крѣпко на своихъ мѣстахъ, въ благоустроившихся государствахъ. Дружина Кіевская должна была замкнуться въ своемъ составѣ, но еще долго держался въ ней духъ стараго движенія, и при первомъ преемникѣ Ярославовомъ, вслѣдствіе распри съ княземъ, она сбиралась по знакомому пути идти въ Грецію, предавъ Кіевъ сожженію.

Потомъ и туда путь закрылся нахлынувшими толпами Половцевъ, которые заняли низовья Днѣпра и Дона: дружинники сохранили первоначальный обычай перехода, измѣнивъ только цѣли своихъ путешествій, т. е. переходя отъ князя къ князю, по усмотрѣнію.

У каждаго князя была своя дружина (1055, 1067), которая всюду слѣдовала за нимъ (1093, 1140), жила большею частію при немъ, въ его стольномъ городѣ, въ дѣтинцѣ, такъ какъ онъ часто имѣлъ въ ней нужду, при безпрестанныхъ войнахъ и поводахъ къ столкновеніямъ.

Дружина удерживала свое раздѣленіе первоначальное: на старшую (первую, лучшую, бо̀льшую), т. е. бояръ и мужей (1093, 1147), и молодшую (меньшую), отроковъ или дѣтскихъ (1149, 1169).

При умноженіи князей значеніе дружины возвысилось еще болѣе: князь безъ дружины не значилъ почти ничего, и потому дружина составляла драгоцѣннѣйшее его сокровище (1146, 1181), пользовалась его уваженіемъ (1145), имѣла на него всегда сильное вліяніе, принимала живое участіе во всѣхъ дѣлахъ (1147), выражала свое мнѣніе свободно, и дѣйствовала часто

по своему произволу (1067), владѣла домами, селами, дворами (1146), многимъ товаромъ, т. е. имуществомъ (1159), получала часть добычи, пировала вмѣстѣ съ княземъ (1064); поземельной наслѣдственной собственности у дружины, въ политическомъ или государственномъ смыслѣ, слѣдовъ не примѣчается.

Дружина назвалась впослѣдствіи дворомъ (1192), а члены, ее составлявшіе, дворянами.

Оставаясь по смерти князя въ городѣ, она поступала на службу къ его преемнику, пользуясь тѣмъ же окладомъ, или расходилась, хотя частію, по его дѣтямъ (1154, 1171).

Бояре назывались и мужами (1136).

Бояре имѣли своихъ отроковъ, чадь, кои составили впослѣдствіи дворню—родоначальниковъ дворовыхъ людей (1095, 1177).

Боярамъ поручались главныя должности: посадника, тысяцкаго или воеводы, тіуна (1146, 1176).

Званія боярскія и дѣтскія были наслѣдственны, то есть, точно какъ были съ самаго начала, роды княжескіе, такъ точно были роды боярскіе и роды отроковъ или дѣтскихъ (впослѣдствіи дѣтей боярскихъ). О пожалованіи въ это званіе, о пріобрѣтеніи его заслугами, нѣтъ нигдѣ ни малѣйшаго указанія въ древнее время, ни даже намека.

Тоже должно сказать о нѣкоторыхъ должностяхъ, напримѣръ воеводы или тысяцкаго: онѣ передавались наслѣдственно, или, по крайней мѣрѣ, принадлежали, поручались лицамъ извѣстныхъ родовъ по преимуществу, при чемъ было нужно, разумѣется, утвержденіе княжее, точно какъ для самихъ князей народное. Такъ у Андрея Боголюбскаго воеводою былъ Борисъ Жидиславичъ (1171), у брата его Всеволода Михаилъ Борисовичъ (1204, 1207), у сына его Георгія Жирославъ Михаиловичъ (1237).

Между отроками должно замѣтить гридней (1166) и мечниковъ (1146, 1175), пасынковъ (1177), и кощеевъ (1170).

Города.

Городское населеніе, потомки пришлыхъ Варяговъ-Руси, сохранило свой древній военный характеръ. Всѣ дѣйствія, приписываемыя лѣтописями жителямъ городовъ, обличаютъ въ нихъ первоначально военныхъ людей, напримѣръ, угроза Ярославичамъ уйдти въ Грецію. Также подъ г. 1147, 1151 и проч. Прежнее ихъ населеніе подчинилось совершенно пришлому. Города сдѣлались военными посадами, въ родѣ древнихъ Римскихъ колоній, какъ теперь это посады побольшей части правительственные.

Города получали свое значеніе, преимущественно, какъ пребыванія князей, придававшихъ имъ блескъ и важность, а сами по себѣ значили не много, развѣ который имѣлъ особенно выгодное положеніе или славенъ былъ древностію, наприм. Кіевъ.

Военное сословіе, составляя главную часть народонаселенія городскаго, принимало, вмѣстѣ съ дружиною, участіе въ общихъ княжескихъ и своихъ мѣстныхъ дѣлахъ, смотря по обстоятельствамъ, въ такъ называемыхъ вѣчахъ.

Вѣча встрѣчаются по лѣтописямъ во всѣхъ городахъ: въ Кіевѣ (1067, 1068, 1113, 1146, 1147, 1150), Владимирѣ-Волынскомъ (1097), Звѣнигородѣ (1147), Полоцкѣ (1159, 1186), Смоленскѣ (1185), Ростовѣ (1157, 1175), Суздалѣ (1157,

1175), Владимирѣ-Залѣсскомъ (1157, 1175, 1176), Переяславлѣ (1175), Рязани (1177), Галичѣ (1231).

Вѣча бывали иногда на походѣ (1185).

Мірскія сходки нашего времени по селамъ суть древнія волостныя вѣча.

Вѣча созывались самими горожанами (1146), княземъ (1147, 1148, 1150, 1231), его уполномоченными (1147), въ отсутствіе князя (1159), противъ воли князя (1159), въ между-княжіе (1068, 1079, 1113, 1147, 1154, 1157, 1175, 1177).

На вѣчѣ присутствовало все населеніе городское, преимущественно все военное сословіе, населявшее городъ, (что видно изъ всѣхъ мѣстъ): князь, бояре, остальная дружина (1147), купцы (1177).

Мѣсто собранія вѣча въ Кіевѣ было: на торговой площади (1067), у Туровой божницы (1146), у Св. Софіи (1147).

Вѣчевыя собранія происходили вслѣдствіе обстоятельствъ. Это было явленіе случайное, право по обычаю: городской людъ, бывъ доволенъ, или, не имѣя силъ, молчалъ и жилъ спокойно; недовольный—созывалъ вѣче и принималъ свои мѣры.

Вѣчевыя рѣшенія, въ старшихъ городахъ, были закономъ для младшихъ или пригородовъ (1151, 1175), но не безусловно (1175, 1177).

Касательно предмета вѣчь—горожане на вѣчахъ избирали князей (1113), принимали (1138), или отвергали (1095), изгоняли князей (1128).

Право это было также отрицательное, если можно такъ выразиться, т. е. соблюдалось и не соблюдалось. Князья слѣдовали, какъ мы уже видѣли, одни за другими по своему порядку, безъ возраженія со стороны горожанъ, которыхъ согласіе предполагалось; иногда на оборотъ, города предлагали условія князьямъ, уговаривались и присягали взаимно, приносили жалобы; князь дѣлалъ горожанамъ лично или чрезъ своихъ повѣренныхъ предложенія, кои принимались ими, или отвергались; горожане предлагали свои мѣры; безъ князя разсуждали объ общественныхъ дѣлахъ (1146, 1147), продолжать ли войну, или мириться, сдаваться и т. п.

Вѣче открывалось съ соблюденіемъ нѣкоторыхъ обычаевъ (1157).

Городское населеніе, военное сословіе, происходившее отъ прежняго племени Варяго-Русскаго, было весьма немногочисленно, и у самыхъ сильныхъ князей, наприм. Кіевскаго, Владимирскаго, число воевъ, кои могли они выставить въ поле, въ нужнѣйшихъ случаяхъ, кромѣ чрезвычайныхъ, напримѣръ въ Половецкомъ походѣ, простиралось тысячь до трехъ; у другихъ оно должно было быть гораздо менѣе, по 500 и т. п. Такъ точно и въ городахъ ихъ, большихъ и малыхъ, жило по количеству соразмѣрному.

Этимъ малымъ количествомъ воевъ, бывшихъ въ дѣйствіи, объясняется, какъ случалось, что князья съ поля сраженія убѣгали иногда-самъ другъ, самъ-третей, наприм. 1093 г. Святополкъ, 1149 Изяславъ Мстиславичъ, 1216 Юрій и Ярославъ. Этимъ объясняется и неуспѣшность большей части осадъ. Силъ вообще было недостаточно, взяться было некѣмъ; воевъ было мало, такъ что небольшаго перевѣса

въ средствахъ у одной изъ двухъ противныхъ сторонъ было довольно для успѣха, и осажденные, затворясь въ городѣ, могли всегда бороться долго со своими врагами.

Малочисленностію воевъ объясняется также легкость ихъ движеній; это были толпы, кои удобно могли ходить по дорогамъ, не раздѣляясь и не затрудняясь нисколько въ продовольствіи. Иначе нельзя было бы понять нѣкоторыхъ походовъ и многихъ явленій въ междоусобныхъ войнахъ, на прим. въ 1064 г., Ростиславъ, бѣжа изъ Новагорода съ Порѣемъ и Вышатою, могъ выгнать внезапно Глѣба изъ Тмуторакани. Онъ вышелъ оттуда, когда отецъ, Святославъ Черниговскій, пришелъ на помощь къ сыну, и по удаленіи занялъ въ другой разъ. Такъ Ярополкъ Изяславичъ въ 1085 г., княжа во Владимирѣ Волынскомъ, считалъ для себя возможнымъ бороться съ дядею, Великимъ княземъ Кіевскимъ, Всеволодомъ Ярославичемъ.

Вои раздѣлялись на тысячи и сотни. Самое названіе тысяцкаго и сотскаго служитъ доказательствомъ о бывшемъ существованіи тысячей и сотенъ: если были тысяцкіе и сотскіе, то были тысячи и сотни.

Земля, волости, дань.

Къ каждому городу принадлежало извѣстное пространство земли, составлявшее его округъ, какъ бы уѣздъ, раздѣленный на волости, прежде верви, имѣвшія, вѣроятно, отношеніе къ тысячамъ, на погосты, впослѣдствіи на станы.

Раздѣленіе земли по городамъ отъ первыхъ князей было основано преимущественно на различіи племенъ и нарѣчій, вмѣстѣ съ нѣкоторыми живыми урочищами, въ особенности рѣками.

Волости, приписанныя, говоря по нынѣшнему, къ городу, или, выражаясь древнимъ складомъ, притянутыя, обложены были данью еще отъ первыхъ Варяжскихъ князей.

Дани наложены были огульно (напримѣръ Новугороду Олегъ назначилъ платить двѣ тысячи гривенъ), и раскладывались плательщиками между собою, или порознь, по щлягу, черной кунѣ, бѣлкѣ, отъ дыма, отъ рала. Такъ точно и доставлялись подданными племенами и дѣлились въ городахъ, вѣроятно по раскладкѣ.

Дани съ однихъ волостей шли въ клѣть княжую, то есть принадлежали собственно князю; другія, по его распоряженію, предоставлялись женѣ, дѣтямъ, родственникамъ; нѣкоторыя волости отдавались боярамъ; остальныя опредѣлены были на содержаніе воевъ, то есть городовъ, въ коихъ обитали вои. Чуть ли не съ самаго начала всѣ земли первыми князьями были раздѣлены на княжія, боярскія, городовыя.

По мѣрѣ размноженія князей города съ своими волостями поступали имъ въ удѣлъ; нѣкоторые образовали удѣльныя княжества, которыя иногда отдѣлялись совершенно, пріобрѣтая совершенную независимость.

Князья, въ удѣльныхъ княжествахъ, основывали свое пребываніе въ старыхъ главныхъ городахъ, средоточіяхъ древнихъ племенъ, наприм. въ Смоленскѣ у Кривичей, въ Черниговѣ у Сѣверянъ; иногда выбирали себѣ по усмотрѣнію другіе, въ предѣлахъ доставшейся волости находящіеся, напримѣръ Овручъ, (Рюрикъ Ростиславичъ 1160), Пересопницу (Мстиславъ Нѣмой); иногда строили новые города, на примѣръ Владимиръ Залѣсскій.

Князья, поступая на столы отдѣльныхъ княжествъ, опредѣляли дани съ мѣста еще точнѣе и подробнѣе первыхъ князей, какъ мы видимъ то изъ грамоты Ростислава въ Смоленскѣ (1150), и Святослава Ольговича въ Новѣгородѣ (1137). Они дѣлали новую раскладку: брали себѣ княжескія волости; боярамъ и отрокамъ, остававшимся на ихъ службѣ, отдавали прежнія ихъ волости; вновь пришедшимъ съ ними отдавали волости ушедшихъ, или назначали вновь изъ свободныхъ.

Чѣмъ больше волости или волостей принадлежало къ городу, и чѣмъ больше сіи волости приносили доходу, тѣмъ городъ былъ желаннѣе, завиднѣе.

Князья удерживали себѣ нѣкоторыя волости и въ оставленныхъ княжествахъ, смотря по условіямъ и полюбовнымъ сдѣлкамъ съ заступившими тамъ ихъ мѣсто братіями.

Содержаніе, т. е. количество волостей служивымъ людямъ, боярамъ и отрокамъ, опредѣлялось сначала, вѣроятно, большею частію вездѣ равное, (какъ и послѣ въ царскій періодъ), что и избавляло, съ одной стороны, отъ затрудненій дѣлежа при всякомъ новомъ водвореніи, а съ другой препятствовало усиленію, обогащенію, и даже осѣдлости сословія высшаго, т. е. боярскаго и отроческаго.

Волости, опредѣленныя сначала на содержаніе воевъ или городовъ, оставались за ними, за городами, не перемѣняя такъ часто господъ, всѣхъ крѣпче. Можетъ быть,—это черныя волости, которыя за разбродомъ, переводомъ, если не истребленіемъ, перваго военнаго поселенія, остались на время безъ хозяевъ.

Сельское население.

Туземцы работали, т. е. воздѣлывали землю и платили дань натурою, какъ напримѣръ сказано это о Радимичахъ: повозъ везутъ и до сего дня, (т. е. до времени лѣтописателя), мѣхами—бѣлками (Поляне, Сѣверяне, Вятичи), черными кунами (Древляне) и деньгами—щлягами (Радимичи).

Назывались они въ отношеніи къ пришедшимъ князьямъ, или отъ нихъ, смердами, (а послѣ черными людьми).

Туземное народонаселеніе, племени Славянскаго, не принимало никакого участія въ войнахъ, а спокойно продолжало свои занятія, какъ прежде, даже и по водвореніи между ними Варяговъ-Руси; занималось рукомеслами, и торговало, особенно въ городахъ.

Судьба поселянъ, или, какъ называла ихъ первая Русь, смердовъ, оставалась безъ большихъ перемѣнъ. Для нихъ было все равно, кому бы ни шла ихъ дань—князю ли, боярину, монастырю, или для содержанія воевъ. Состояніе ихъ, кажется, было сносное; никакой особенной тягости они не несли. Исполнить свои обязанности было легко; средства для пропитанія были вездѣ въ обиліи, земли удобной было много, лѣсовъ съ дикими звѣрями и птицами, воды съ рыбою также. Война—это было дѣло княжее, и до поселянъ она не касалась. Приходилось терпѣть во время походовъ и войнъ междоусобныхъ изрѣдка, и то по большимъ дорогамъ. Послѣ пожара выстроиться было не трудно.

Земля искони была у поселеній въ общемъ владѣніи—отличительное явленіе Русской Исторіи, и справедливо замѣчаютъ, что

«только въ общемъ владѣніи можно искать «причины молчанія древнѣйшихъ нашихъ «законовъ касательно наслѣдства поземель-«ной собственности. Земля въ Русской «Правдѣ со всѣмъ не упоминается, какъ «предметъ наслѣдства.»

Неизмѣримое количество земли по всѣмъ сторонамъ было причиною, что цѣны долго ей не придавалось, относительно частнаго владѣнія, и всякій могъ селиться, гдѣ ему было угодно, неся извѣстную повинность.

Свобода переходить была у поселянъ полная, (живи гдѣ хочешь), и не встрѣчается ни въ лѣтописяхъ, ни въ грамотахъ никакого мѣста, изъ котораго бы можно заключить объ ихъ принадлежности къ землѣ или личной зависимости. Положительныя извѣстія о холопахъ, закупахъ и кабальныхъ людяхъ, доказываютъ свободу прочихъ областей земли Русской, которая, такъ сказать, разумѣлась сама собою.

Приложимъ нѣсколько общихъ замѣчаній объ отношеніяхъ всѣхъ этихъ дѣятелей— князей, дружины и воевъ, городовъ, смердовъ, между собою.

Отношенія князя къ волостямъ и смердамъ состояли въ полученіи дани, въ правѣ суда и разныхъ поборахъ.

Дружина жила обыкновенно въ городахъ при князьяхъ, да и неудобно, опасно было князьямъ отпускать отъ себя дружину, при частыхъ поводахъ къ столкновеніямъ и междоусобныхъ войнахъ. Имѣя возможность и удобство помогать и мѣшать, дружина сама по себѣ не могла для себя дѣлать ничего; сборная, бродячая, не составляла она замкнутаго цѣлаго, не могла пріобрѣсти особаго отдѣльнаго значенія и потому, что была малочисленна, состояла изъ двухъ отдѣленій различныхъ, уменьшалась болѣе и болѣе, по мѣрѣ размноженія князей, между коими безпрестанно размѣщалась, и часто перемѣняла мѣстопребываніе, не имѣя наслѣдственной поземельной собственности.

Самые бояре не могли сдѣлать ничего безъ князя, какъ и князь безъ нихъ. Ходившіе взадъ и впередъ за князьями, привязанные только къ одному лицу своего князя, дававшаго имъ кормленіе, разсѣянные по княжествамъ и городамъ, безъ всякой связи между собою, въ зависимости отъ князей, они не могли составить особаго живаго сословія; связи между ними же не могло быть никакой, такъ какъ не было и общихъ выгодъ.

Въ такихъ же отношеніяхъ къ князю находились и города, выражавшіе часто свою волю, совершенно несогласную съ его видами, но неспособные къ собственной дѣятельности, по своей отдѣльности и безпомощности, относительному малочислію, завися отъ главнаго города, гдѣ князь имѣлъ силу и большое вліяніе.

Отношеніе ихъ къ волостямъ ограничивалось полученіемъ опредѣленной дани. Перемѣняя ихъ, не имѣя мысли объ ихъ удержаніи, бояре не привыкали, какъ и князья, ни къ какой мѣстности.

Смерды жили особою жизнію; заплативъ дань съ дыма, съ плуга,—князю, боярину, монастырю, городу, могли быть спокойны; кромѣ особенныхъ случаевъ, гдѣ слѣдовали съ нихъ опредѣленныя пошлины, имъ не было дѣла до междоусобій княжескихъ, въ коихъ лично не участвовали.

Земля заселенная преимущественно по большимъ судоходнымъ рѣкамъ, не составляла ничьей собственности, не имѣла, сама по себѣ, никакой цѣны. Между жилыми мѣстами находилось вездѣ много пустопорожнихъ пространствъ, гдѣ свободно было ставить слободы князьямъ, боярамъ и всякимъ сильнымъ людямъ: туда сходились со всѣхъ сторонъ смерды, желая подъ покровительствомъ пользоваться еще большимъ спокойствіемъ, защитою,—и въ древнѣйшихъ нашихъ законахъ встрѣчается уже много статей о такъ называемыхъ ролейныхъ закупахъ.

Таковы были особенности и отношенія различныхъ сословій государственныхъ. Но эти особенности и отношенія мы видимъ уже въ самомъ проявленіи, дѣйствіи, событіи: отнюдь не были онѣ опредѣлены никакими правилами съ ясностію, и не были съ точностію разграничены. Никакой народъ не представляетъ такого отвращенія отъ обряда (формы), какъ Русскій. Да и нужды въ этомъ обрядѣ (формѣ) не оказывалось. Въ нашей исторіи, все происходило смотря по обстоятельствамъ, и рѣшалось по усмотрѣнію дѣйствующихъ лицъ, по требованіямъ минуты, или соглашенію, полюбовнымъ сдѣлкамъ въ извѣстное время; господствовали не правила, а обстоятельства, свободная воля, здравый смыслъ. О писанномъ правѣ никогда и помину нѣтъ, вездѣ имѣется въ виду только живое право, какъ оно дѣйствующими лицами въ данную минуту себѣ представляется.

Мы усматриваемъ нѣсколько, очень мало, коренныхъ обычаевъ, и то по большей части въ ихъ уклоненіяхъ, каковы суть:
для князей—право старшинства, отчинность, провинность,
для бояръ—право перехода,
для городовъ и волостей—вѣчевыя собранія,
для смердовъ обязанность платить дань,
раздѣленіе волостей по городамъ.

Какъ ни мало было этихъ коренныхъ правилъ, но часто не исполнялись и онѣ, служа князьямъ только предлогами къ спорамъ.

Князь наслѣдовалъ по старшинству, но случалось, что являлся ему соперникъ, нарушавшій его право и занимавшій, ни съ того ни съ сего, его мѣсто, (Всеволодъ Ольговичъ), или народъ противопоставлялъ ему своего избранника (Изяслава Мстиславича). Иногда князь назначалъ себѣ самъ преемника (Всеволодъ Ольговичъ), иногда народъ выбиралъ его (Мономаха), и даже изгонялъ своего законнаго государя (Изяслава Ярославича). Иногда князья, по взаимному соглашенію, сажали одного изъ своей среды на столъ (Мстислава Изяславича).

Теряли волость князья за вину по приговору князей, которые, случайно, брали на себя эту обязанность.

Бояре имѣли право перехода, но случалось, что князь подвергалъ ихъ заточенію (Даніила заточеника), изгнанію (Володиславичей).

Въ однихъ случаяхъ бояре выражали свою волю, въ другихъ—люди, тѣ и другіе требовали войны, или отказывались отъ войны, и князь долженъ былъ ихъ слушаться.

Вѣча собирались, какъ случится, княземъ, противъ князя, боярами, простыми людьми.

Припомнимъ теперь событія удѣльнаго періода, именно съ этой точки, въ отношеніи къ ихъ случайности, и неопредѣленности, подтверждая наше замѣчаніе объ

отличительномъ характерѣ Русской исторіи. Мы войдемъ въ нѣкоторыя повторенія, но онѣ необходимы для ясности.

Ярославъ раздѣлилъ свое владѣніе между пятью сыновьями:

Изяслава посадилъ онъ въ Туровѣ,

Святослава въ Черниговѣ,

Всеволода, любимаго, въ Переяславлѣ,

Вячеслава въ Смоленскѣ,

Игоря во Владимирѣ.

Выборъ стольныхъ городовъ зависѣлъ, разумѣется, отъ его *воли* и усмотрѣнія.

Къ Черниговскому княжеству присоединены еще Муромская страна и Тмутаракань, а къ Переяславскому Суздальская и Ростовская.

Въ Новѣгородѣ оставался сынъ Володимера, умершаго не задолго до смерти отца, Ростиславъ, малолѣтный, но Изяславъ, ѣздившій туда во время кончины Ярославовой, вѣроятно присвоилъ столъ себѣ съ согласія Новогородцевъ, и назначилъ тамъ посадникомъ близока Остромира, какъ прежде Ярославъ Коснятина.

На Кіевскомъ столѣ братья должны были слѣдовать по старшинству.

Старшій братъ долженъ былъ занимать отца мѣсто, а все прочее предоставлялось обстоятельствамъ, подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ обычаевъ, напримѣръ права старѣйшинства, права отчиннаго, и обязанности князей отвѣчать за вину волостью, какъ бояре отвѣчали головою.

Братья сначала жили мирно. Скончался (1057) одинъ меньшій братъ, Вячеславъ, въ Смоленскѣ, и старшіе братья *переводятъ* туда меньшаго Игоря изъ Владимира, *по своему усмотрѣнію,* а наслѣдство его присвоиютъ себѣ. (Старшій братъ Изяславъ не надѣляетъ въ правду прочихъ братьевъ, чѣмъ, вѣроятно, и возбуждаетъ ихъ злобу).

Потомъ вскорѣ умираетъ и Игорь. Его наслѣдство братья *раздѣляютъ* на три части.

Дѣти умершихъ Ярославичей, Вячеслава и Игоря, малолѣтные, остаются на рукахъ у матерей, или у дядей, отъ которыхъ должно было зависѣть ихъ будущее надѣленіе, безъ отношенія къ ихъ отчинамъ, а какъ случится.

Оставался въ живыхъ еще сынъ Володимеровъ, братъ Ярослава, Судиславъ, но *объ немъ никто и не подумалъ,* какъ о Кіевскомъ законномъ наслѣдникѣ: просидѣвши 24 года въ порубѣ, онъ только былъ освобожденъ, приведенъ къ кресту, чтобъ не идти противъ племянниковъ, и не искать ихъ власти въ ущербъ имъ, и вскорѣ постригся въ монахи, а потомъ и умеръ.

Какъ сынъ перваго Полоцкаго князя, Изяслава, получившаго съ матерью Рогнѣдою въ особой удѣлъ, въ отчину, Полоцкъ, Брячиславъ нападалъ на Новгородъ, при началѣ княженія Ярославова, и миромъ выговорилъ себѣ распространеніе волости (Витебскъ и Усвятъ); такъ точно и теперь при Изяславѣ первое междоусобіе замышлено сыномъ Брячислава Всеславомъ *безъ* всякой законной *причины:* онъ напалъ на Новгородъ, ограбилъ, потомъ былъ разбитъ и плѣненъ (1067).

Вслѣдствіе нападенія Половцевъ и *мятежа* въ Кіевѣ, этотъ Всеславъ изъ погреба *посаженъ* былъ *на столъ* великаго княжества *дружиною,* а Великій князь Изяславъ принужденъ былъ удалиться, *лишенный* всего владѣнія (1068).

Онъ воротился вскорѣ съ Польскою помощью, и Всеславъ, не нашедъ себя въ силахъ съ нимъ бороться, бѣжалъ въ свой Полоцкъ (1069). Дружина и вои явились съ повинною головою.

Дѣла и отношенія пришли въ прежній порядокъ, и Ярославичи начали опять властвовать мирно въ своихъ удѣлахъ.

Черезъ четыре года по возвращеніи Изяслава изъ изгнанія, чрезъ двадцать лѣтъ по смерти Ярослава, начинается открытая война, о которой въ лѣтописяхъ сказано прямо: Святославъ *хотя больше власти*, вѣроятно, какъ выше замѣчено, вслѣдствіе обдѣленія (1073). Здѣсь меньшіе братья шли противъ старшаго, имѣвшаго несомнѣнное право, точно какъ прежде шелъ меньшой братъ Мстиславъ противъ старшаго Ярослава, ища себѣ владѣнія, или прежде Володимеръ противъ Ярополка, а Ярополкъ старшій шелъ на меньшаго Олега, желая властвовать одинъ.

Въ этихъ войнахъ повторяю, нѣтъ и помину ни о старшинствѣ, ни объ отчинѣ, ни о правѣ, ни о причинѣ: князья ищутъ просто распространенія своихъ волостей.

Изяславъ принужденъ былъ бѣжать во второй разъ, и оставшіеся братья *раздѣлили* между собой Русскую землю; Святославъ сѣлъ въ Кіевѣ, а Всеволодъ въ Черниговѣ, ему отъ брата уступленномъ, разумѣется, по договору или сдѣлкѣ.

Послѣ продолжительныхъ исканій, Изяславъ воротился съ помощниками, а Святославъ между тѣмъ умеръ, и Всеволодъ *уступилъ* ему Кіевъ, выговоривъ себѣ опять Черниговъ (1077).

Два брата, въ сознаніи своей силы, держали всю землю, и племянники остались *не при чемъ*.

Олегъ Святославичъ и Борисъ Вячеславичъ пришли съ Половцами *искать себѣ части*. На сраженіи, проигранномъ впрочемъ ими, пали В. К. Изяславъ и Борисъ Вячеславичъ, а Олегъ долженъ былъ спасаться бѣгствомъ (1078).

Всеволодъ переима власть Русьскую всю, и распорядился *по собственному усмотрѣнію*: главные ближайшіе города, Черниговъ и Переяславль, отдалъ сыновьямъ. Племяннику, сыну убитаго за него брата Изяслава, онъ предоставилъ Владиміръ вмѣстѣ съ Туровымъ, выговоря, разумѣется, подчиненность, а другой племянникъ Святополкъ оставался въ Новѣгородѣ.

Святославичи, побѣжденные и вновь пытавшіеся неудачно, были *лишены* совершенно владѣній, и всякое право ихъ было забыто.

Другіе племянники, возмужавъ, стали искать себѣ волостей, и нападали кому какъ случалось удобнѣе, на Тмуторакань, Владиміръ. Всеволодъ послѣ разныхъ столкновеній *далъ* имъ: Давиду Игоревичу Дорогобужъ, а Ростиславичамъ города Червенскіе, отрѣзавъ ихъ отъ Ярополкова удѣла.

Этими дачами уменьшался удѣлъ Ярополковъ, и онъ, «послушавъ злыхъ совѣтникъ», вознамѣрился *идти на* самаго В. К. Всеволода, своего *дядю* (1085). Послѣ разныхъ превратностей, онъ былъ убитъ, по наущенію, какъ подозрѣвали, Ростиславичей, видѣвшихъ въ немъ главнаго своего противника (1086).

Святополкъ, по смерти Ярополка, перешелъ изъ Новагорода въ Туровъ, какъ въ

отчину, на княженіе, а Владимиръ *взялъ* себѣ Всеволодъ; въ Новгородъ *послалъ* онъ внука Мстислава.

По смерти Всеволодовой (1093), Володимеръ, изъ уваженія къ праву, и вмѣстѣ изъ опасенія подвергнуться случайностямъ войны, по доброй волѣ *призвалъ* на столъ великокняжескій старшаго двоюроднаго брата, Святополка Изяславича, изъ Турова.

Святополкъ и Володимеръ ходили на Давыда къ Смоленску, и дали ему *по своему усмотрѣнію* Новгородъ, а Мстиславъ отходилъ въ Ростовъ, призванный вскорѣ опять Новгородцами. Давыдъ возвратился тогда въ Смоленскъ.

Олегъ Святославичъ пришелъ въ третій разъ съ Половцами, и *досталъ* себѣ Черниговъ, а Володимеръ отошелъ въ Переяславль (1094).

Святополкъ и Володимеръ *выгнали* его оттуда вскорѣ (1095), за дружбу съ Половцами, и онъ удалился въ Муромъ, откуда *овладѣлъ* было Володимеровыми городами—Суздалемъ и Ростовомъ, хотѣлъ идти на Новгородъ, но былъ предупрежденъ, и долженъ былъ возвратить ихъ подоспѣвшему на помощь изъ Новагорода Мстиславу, 1096.

Положено было порѣшить спорныя дѣла въ Любечѣ на общемъ совѣтѣ (1097), гдѣ и *постановлено* держать князьямъ свои отчины: Святополкъ—Изяславлю, Кіевъ; Володимеръ — Всеволожу, Переяславль; Давыдъ, Олегъ и Ярославъ—Святославлю, Черниговъ. Всеволодовы дачи утверждены: Владимиръ за Давыдомъ, Червенскіе города за Ростиславичами.

Пало подозрѣніе на связь Володимера съ Ростиславичами, и Василько былъ ослѣпленъ, по уговору Святополка съ Давыдомъ Игоревичемъ. Началась междоусобная война, которая нѣсколько разъ измѣняла всѣ отношенія *по обстоятельствамъ*, и кончилась съѣздомъ въ Увѣтичахъ (1100).

На совѣтѣ положено *отнять* у Давыда Игоревича за его вину Владимиръ, который Святополкъ отдалъ сыну Ярославу.

Давыду предоставленъ Бужскъ, къ которому Святополкъ *прибавилъ* Дубно и Черторыскъ, а Володимеръ и Святославичи *по двѣсти гривенъ*.

Потомъ (1102) Святополкъ и Володимеръ имѣли частный *рядъ* между собою, чтобъ Новгородъ отданъ былъ Святополку для сына, а Мстиславъ занялъ Владимиръ, но Новгородцы воспротивились.

Власть сосредоточилась въ ихъ рукахъ, и они, согласясь между собою, начали дѣйствовать за одно, *по своему благоусмотрѣнію*.

Главное вниманіе ихъ было устремлено на Половцевъ, и они достигли до того, вслѣдствіе многократныхъ нападеній и побѣдъ, что тѣ не осмѣливались тревожить болѣе Русскихъ предѣловъ.

По кончинѣ Святополка (1113) Кіяне *призвали* къ себѣ настоятельно Володимера, хотя онъ и медлилъ къ нимъ пріѣхать.

Святославичи, Давыдъ, Олегъ и Ярославъ, не предъявили никакого сопротивленія, потому ли, что не чувствовали себя въ силахъ бороться съ Володимеромъ, или потому что получили себѣ какое-нибудь вознагражденіе (вѣроятно Курскъ).

Олегъ впрочемъ вскорѣ умеръ (1115), а потомъ и Давыдъ (1123), Ярославъ же оставался въ Муромѣ.

Володимеръ соединилъ въ своихъ рукахъ всю власть, и всѣ князья его *слушались* безъ прекословія. Онъ *роздалъ* удѣлы сыновьямъ: Мстиславу Новгородъ, а потомъ Бѣлгородъ, оставивъ въ Новѣгородѣ внука Всеволода, Ярополку Переяславль, Вячеславу Туровъ, (вѣроятно по малолѣтству наслѣдника), Святославу Смоленскъ, Георгію Залѣсскую страну.

Оказали сопротивленіе князья Полоцкіе, и онъ ходилъ два раза войною на Глѣба Минскаго (1116), который и былъ плѣненъ, и *заточенъ* въ Кіевѣ, гдѣ и умеръ.

Ярославъ Святополчичъ, который получилъ, вѣроятно, отъ него Владимиръ, женясь на его внукѣ, дочери Мстислава, поднялся противъ него, и былъ смиренъ, давъ обѣщаніе являться на зовъ его. Впрочемъ бѣжалъ скоро въ Ляхи, и Володимеръ прислалъ во Владимиръ сына Романа, а послѣ Андрея.

Ярославъ чрезъ три года *явился* съ многочисленнымъ войскомъ изъ Угровъ, Ляховъ, Чеховъ, съ Ростиславичами, но былъ убитъ случайно при осадѣ Владимира (1123).

По кончинѣ Володимера, (1125), столъ его наслѣдовалъ старшій сынъ Мстиславъ, заблаговременно вызванный отцемъ изъ Новагорода, и посаженный на всякій случай подлѣ себя въ Бѣлѣгородѣ.

Ни Ярославъ Святославичъ, троюродный дядя его, княжившій по смерти братьевъ въ Черниговѣ, ни старшіе троюродные братья его, Брячиславъ и Изяславъ Святополчичи, по причинѣ своей слабости, или малолѣтства, или незаконности, ни дѣти Олеговы и Давыдовы, по причинѣ, что отцы ихъ не княжили въ Кіевѣ, *не могли* спорить. Мстиславъ съ братьями былъ сильнѣе ихъ всѣхъ вмѣстѣ, и сдѣлался такимъ же *неограниченнымъ* распорядителемъ, какъ и его отецъ. Братья его слушались. О дѣтяхъ и говорить нечего.

Онъ хотѣлъ распространить свою власть еще далѣе, и *подчинить* себѣ Полоцкихъ князей, которые до сихъ поръ жили особнякомъ. Подъ предлогомъ ихъ нежеланія участвовать въ дѣйствіяхъ противъ Половцевъ, онъ выслалъ противъ нихъ войско, и заставилъ Полочанъ перемѣнить князя, а потомъ и всѣхъ князей отправилъ въ ссылку въ Грецію, Полоцкъ же *отдалъ* сыну Изяславу (1129).

Въ Черниговѣ, доселѣ спокойномъ, въ княженіе Мстислава, произошла внутренняя перемѣна. Младшій племянникъ, Всеволодъ Ольговичъ, безъ малѣйшаго права *выгналъ* дядю Ярослава, и заставилъ удалиться въ Муромъ. Всеволодъ Ольговичъ занялъ Черниговъ, который и безъ Ярослава долженъ бы былъ принадлежать Давыдовичамъ, какъ старшимъ, и *удержалъ* его, не смотря на обѣщанія Ярославу Мстислава, котораго, тестя, Всеволодъ успѣлъ умилостивить просьбами и бояръ его дарами.

(Можетъ быть, теперь Курскъ достался Мстиславу, т. е. Всеволодъ за помощь уступилъ ему Курскъ, пріобрѣтенный Святославичами при вступленіи на Кіевскій столъ Мономаха, (см. выше).

Мстиславъ былъ сильнѣе всѣхъ современныхъ князей, и распоряжался по усмотрѣнію, но при братѣ его Ярополкѣ начались распри и смятенія (1132).

Братья его сперва испугались, чтобъ онъ не отдалъ Кіева послѣ себя племянникамъ. *Ряды* между ними измѣнились нѣсколько разъ.

Полоцкіе князья ворогились изъ Греціи, и добыли себѣ свою отчину, выгнавъ Мстиславичей. Въ распряхъ Мономаховичей приняли участіе и Ольговичи.

Сосѣдній князь Черниговскій, Всеволодъ Ольговичъ, овладѣвшій и Черниговымъ *насильственно*, изъ рукъ дяди, мимо старшихъ двоюродныхъ братьевъ, началъ притязанія. «Мы хотимъ держать то, что наши отцы держали при вашихъ отцахъ.» (Вѣроятно, опять идетъ рѣчь о Курскѣ). Ярополкъ не уступилъ ему впрочемъ ничего, и при возобновленіи войны, заставилъ отказаться отъ притязанія (1038), но по его смерти Всеволодъ выгналъ Вячеслава, брата его, даже изъ великаго княжества и овладѣлъ Кіевымъ, какъ прежде Черниговымъ, насильственно, безъ всякаго права, вопреки обычаю (1039).

Что здѣсь дѣйствовала сила, а не право, видно изъ того, что онъ *хотѣлъ* было отнять и Владиміръ, Переяславль, Смоленскъ, Новгородъ, отъ Мономаховичей, но принужденъ былъ отказаться отъ своего намѣренія, хотя и удержалъ за собою Кіевъ. Мономаховичи не смѣли спорить съ нимъ, и находились въ его волѣ.

Тотъ же произволъ видимъ мы и въ дѣйствіяхъ его по отчинѣ: *обѣщавъ* прежде Черниговъ братьямъ, онъ *отдалъ* однакожъ Давыдовичамъ, имѣвшимъ дѣйствительно большее право. Братья напрасно просили у него надѣленія въ отчинѣ: онъ *настоялъ* на томъ, послѣ многихъ покушеній съ ихъ стороны, чтобъ они удовольствовались нѣкоторыми Кіевскими городами 1142. Такимъ образомъ Всеволодъ продолжалъ держать много и изъ прежняго своего владѣнія, Вятичей.

Всеволодъ предъ смертію *хотѣлъ* укрѣпить Кіевъ за братомъ Игоремъ, и снялъ присягу со многихъ князей. Игорь имѣлъ обѣщаніе и со стороны Галицкаго Володимерка помогать ему про Кіевъ.

Но лишь только Всеволодъ скончался (1146), какъ и началась война. Игорь плѣненъ, *Кіяне хотѣли* Изяслава Мстиславича, которому явился соперникомъ дядя Юрій, нашедшій себѣ естественнаго союзника въ Святославѣ Ольговичѣ Сѣверскомъ, мстителѣ за брата Игоря.

Давыдовичи, напротивъ, хотѣли было, къ своему Чернигову, *овладѣть* и его областію, Сѣверскимъ княженіемъ, которую и покорилъ имъ Изяславъ Мстиславичъ за ихъ союзъ; но не надолго.

Для укрѣпленія себя на Кіевскомъ престолѣ, онъ *призвалъ* старшаго дядю Вячеслава, и рядилъ подъ его именемъ. Юрья, послѣ многократныхъ схватокъ, съ перемѣнными успѣхами, онъ *выгналъ* даже изъ его Переяславля и Городца.

По кончинѣ Изяславовой (1154), Вячеславъ призвалъ его брата Ростислава Смоленскаго, а до прибытія его племянника его Святослава Всеволодовича, сказавъ ему: «перебуди у меня Кіевѣ, доколѣ же придетъ Ростиславъ, а *тогда рядъ вси учинимъ*.»

Кіяне говорятъ ему: «до живота твоего Кіевъ тебѣ.»

Ростиславъ *даетъ* Святославу Всеволодовичу, изъ чужаго рода, Туровъ и Пинскъ, принадлежащіе къ *другой* отчинѣ (1154).

Но вдругъ умеръ Вячеславъ (1155), и Ростиславъ сталъ лицемъ къ лицу передъ дядею Юрьемъ, который имѣлъ передъ нимъ право и силу.

Убоясь Изяслава Давыдовича съ Половцами, противъ котораго пошелъ было онъ войною, онъ *уступалъ* ему подъ собою

Кіевъ, а подъ племянникомъ Мстиславомъ Переяславль. Тогда Мстиславъ оставилъ его, и онъ долженъ былъ бѣжать, а Изяслава Давыдовича *приняли Кіяне,* опасаясь Половцевъ.

Онъ началъ *ладиться* съ Святославомъ Ольговичемъ, княжившимъ въ Новѣгородѣ, чтобъ ему сѣсть въ Черниговѣ, а Изяславу въ Кіевѣ; но вскорѣ всѣ они увидѣли, что не могутъ бороться съ подходящимъ Юрьемъ.

Юрій, занявъ Кіевъ, сдѣлалъ свои распоряженія, *роздалъ* сыновьямъ города: Вышгородъ Андрею, чтобъ имѣть подлѣ себя на случай, какъ то дѣлалъ и Мономахъ, Борису Туровъ, Глѣбу Переяславль, Васильку Поросье. Кромѣ того за нимъ оставалась Залѣсская страна (1155).

Юрій, одинъ, все-таки *считалъ себя не въ силахъ* держать Русскую землю, искалъ союзниковъ, и кромѣ Галицкой помощи, на которую надѣялся по родству съ Ярославомъ, женившимся на его дочери, *пригласилъ* къ себѣ Ростислава изъ Смоленска.

Ростиславъ, нужный для Юрія, счелъ себя обязаннымъ *хлопотать* за своихъ племянниковъ, сыновъ Изяслава, съ которымъ онъ жилъ душа въ душу, и столько лѣтъ дѣлилъ всѣ труды и опасности. Хлопоты и ходатайство были тѣмъ нужнѣе, что Юрій, не любившій ихъ, ходилъ уже на ихъ войною, и *вынималъ* Мстислава изъ Пересопницы, и посылалъ воевъ въ Луцкъ на Ярослава.

Дѣло было въ томъ, чтобъ *удержать* за ними по крайней мѣрѣ Владиміръ. Ростиславъ же, пришедъ Кіеву, нача просити о братанѣхъ своихъ. Гюрги же послуша. Ростиславъ послалъ за братомъ Володимеромъ во Владиміръ, и за племянниками Мстиславомъ и Ярославомъ въ Луцкъ, и привелъ ихъ обоихъ, и *съ полкома ею,* а Мстиславъ оставался во Владимірѣ, потому что онъ боялся плѣна. Юрій принялъ всѣхъ въ любовь, но не искренно.

Уладившись съ ними и получа Галицкую помощь, онъ послалъ къ Изяславу Давыдовичу спросить: хочешь ли придти къ намъ въ миръ, а не то мы придемъ къ тебѣ. Изяславъ, увидя, что побороть его не можетъ, цѣловалъ имъ крестъ.

На снемѣ въ Лутавѣ Юрій *далъ* ему Корческъ, а Святославу Ольговичу Мозырь (1155).

Точно такъ распоряжались князья и въ другихъ княжествахъ. Святославъ Ольговичъ тогда «Сновескъ себѣ *отъя*, и Карачевъ и Воротынескъ» у Святослава Всеволодовича, племянника, «занеже бѣ его отступилъ,» и *далъ* ему за нихъ другіе три города, вѣроятно худшіе.

Рязанскіе князья цѣловали крестъ Ростиславу, Смоленскому князю: имѣяхуть и отцемъ себѣ.

Племянникъ Изяслава Давыдовича, Святославъ Володимеричъ, вѣроятно *не довольный* удѣломъ, уѣхалъ изъ Березаго во Вщижъ, и *занялъ* города Подесненскіе (1157).

Андрей, сынъ Юрьевъ, безъ отчей воли, *отошелъ* въ Суздаль (1155).

Мстиславъ Изяславичъ *напалъ* изъѣздомъ на дядю Володимера Мстиславича, полонилъ его жену и тещу, отнялъ имѣніе, занялъ Владиміръ.

Юрій, обѣщавшійся брату своему Андрею, удержать за его сыномъ Владиміръ, *пошелъ*

на Владимиръ, чтобъ отнять его у Мстислава Изяславича, взявшаго его у Володимера Мстиславича (1156).

О правѣ тутъ рѣчи быть не могло: Мстиславу Изяславичу не слѣдовало отнимать его у дяди, а Юрью для Володимера Андреевича и подготово.

Юрій не могъ взять Владимира, но все-таки *далъ* племяннику Дорогобужъ.

Какъ Юрій дѣйствовалъ неискренно въ отношеніи къ Мстиславичамъ, такъ и они въ отношеніи къ нему. Какъ Юрій послѣ клятвы хотѣлъ отнять Владимиръ у нихъ, такъ и они не упускали случая противъ него. Изяславъ Давыдовичъ все думалъ о Кіевѣ, и *примирилъ къ себѣ* Ростислава, и Мстислава Изяславича. Свой только родной, Святославъ Ольговичъ, не хотѣлъ участвовать въ его предпріятіи, ссылаясь на клятву (1157).

Юрій умеръ скоропостижно, и Изяславъ Давыдовичъ занялъ Кіевъ, *уступивъ* Черниговъ племяннику Святославу Володимеричу, по своему разсужденію.

Явились притязатели на Черниговъ: Святославъ Ольговичъ, который пришелъ съ Святославомъ Всеволодовичемъ. Володимеричу далъ помощь Изяславъ Давыдовичъ съ Мстиславомъ Изяславичемъ. «Начаша слати межи собою, и тако умирившеся, и хрестъ цѣловаша межи собою.» Разверстка. Черниговъ отданъ Святославу Ольговичу только съ семью маловажными городами, а вся область осталася у Изяслава Давыдовича съ племянникомъ, за что Святославъ Ольговичъ послѣ жаловался. Новгородъ отданъ Святославу Всеволодичу.

Изяславъ Давыдовичъ, ни съ того ни съ сего, со многими князьями союзными или подручными, пошелъ *отнимать* Туровъ и Пинскъ у Юрья Ярославича для Володимера Мстиславича (1157).

Туровъ былъ первоначально отчиною Изяслава, принадлежалъ сыну его Святополку и Ярополку. Ближайшее право на него имѣлъ единственный представитель рода, Юрій Ярославичъ.

Союзъ не имѣлъ успѣха.

Возникла война за Ивана Берладника, которому Ярославъ Володимеровичъ Галицкій *не давалъ части*, и котораго принялъ подъ свое покровительство В. К. Изяславъ Давыдовичъ. Ожидая нападенія, онъ предлагалъ Святославу Ольговичу за помощь Мозыръ и Чечерскъ, и они *уладились*. Противники отложили нападеніе, но Изяславъ рѣшился искать Берладнику волости, возбуждаемый самими Галичанами.

Попытка не удалась, и Изяславъ долженъ былъ спасаться бѣгствомъ (1158).

Кіевскій столъ упразднился, и союзники *призвали* на него Ростислава Мстиславича (1159).

Ростиславъ въ томъ же лѣтѣ *снимался* съ Святославомъ Ольговичемъ.

Изяславъ Давыдовичъ шатался воюя, и наконецъ успѣлъ *составить* новый союзъ противъ Ростислава, и занять Кіевъ, но отъ Бѣлагорода вслѣдствіе измѣны долженъ былъ бѣжать и въ бѣгствѣ убитъ (1162).

Мстиславъ Изяславичъ *не уладился* съ братіей, и выѣхалъ изъ Кіева недовольный; города его отобралъ Ростиславъ: Торческъ, Бѣлгородъ, Триполь.

На другой сторонѣ Андрей выгналъ братьевъ изъ Суздаля, хотя быти самовластецъ.

Многіе князья пошли на Володимера Мстиславича, который принужденъ былъ уступить имъ Случескъ.

Братъ, В. К. Ростиславъ, *далъ* ему Триполь, и еще четыре города придалъ къ Триполю (1162).

Помирясь съ Мстиславомъ Изяславичемъ, онъ *возвратилъ* ему всѣ города: Торческъ, Бѣлгородъ, а за Триполь далъ Каневъ (1163).

Такъ точно и въ Черниговѣ: по смерти Святослава Ольговича (1164), сынъ его Олегъ *уступилъ* Черниговъ Святославу Всеволодовичу, а себѣ *взялъ* Новгородъ.

Они поссорились опять *по случаю дѣлежа,* по смерти Святослава Володимерича, и Олегъ получилъ наконецъ четыре города.

По смерти Ростислава (1168), братья *послали* за Мстиславомъ Изяславичемъ, но не дожидаясь его, *хотѣли разобрать себѣ* волости: Володимеръ Мстиславичъ, которому, какъ старшему, *слѣдовалъ бы* собственно Кіевъ, бралъ къ Триполю Торческъ, все Поросье, Володимеръ Андреевичъ Берестіе, Ярославъ Владимиръ. Но Мстиславъ, прибывъ, *возмя (другой) рядъ* съ братьею, и съ дружиною, и съ Кіяны, и *уладишася* о волости цѣловаша крестъ.

Мстиславъ возбудилъ противъ себя сильнаго Андрея Суздальскаго, *за то* особенно, что вопреки ему далъ сына Романа Новогородцамъ. Ростиславичи питали къ нему подозрѣніе. Володимеръ Андреевичъ *припрашивалъ* волости. Андрей прислалъ сильное войско, къ коему *пристали* всѣ русскіе князья, и Мстиславъ, послѣ отчаяннаго сопротивленія, долженъ былъ бѣжать въ свой Владимиръ.

Андрей *отдалъ* Кіевъ брату, Глѣбу Переяславскому (1169).

Мстиславъ напрасно пытался возвратить его, и, постигнутый болѣзнію, «начася слати къ брату Ярославу, рядовы дѣля о дѣтехъ своихъ? *Урядився добрѣ* съ братомъ и крестъ цѣловавъ, якоже ему не *подозрѣти волости* подъ дѣтьми его, преставися (1172).

По смерти Глѣба, Ростиславичи *послали* въ Дорогобужъ, за Володимеромъ Мстиславичемъ, который, *утаився* ротниковъ, пришелъ въ Кіевъ; *они договорились* между собою, но онъ, посадивъ сына Мстислава въ Дорогобужѣ, вскорѣ умеръ, и Андрей, гнавшій его, *отдалъ* Кіевъ Роману, но вскорѣ прислалъ на него войско вмѣстѣ съ братьями, *за ослушаніе* (1173).

Войско было прогнано, Ростиславичи *положиша* на Ярославѣ Изяславичѣ, пришедшемъ нечаянно на мѣсто распри, *старѣйшинство*, и даша ему Кіевъ.

Святославъ Всеволодичъ напомнилъ ему *первый рядъ* и просилъ *надѣленія;* получивъ отказъ, занялъ Кіевъ *изъѣздомъ*, *но долженъ* былъ его оставить. Ярославъ *также*.

Ростиславичи просили Кіевъ у Андрея брату Роману (1175), который и пріѣхалъ туда, уже по убіеніи Андреевомъ, но ему вмѣстѣ съ его братьями явился соперникъ Святославъ Всеволодовичъ, которому также *хотѣлось* Кіева, какъ его отцу. Ростиславичи начали *договариваться*, и *уступили* ему Кіевъ послѣ разныхъ столкновеній (1177).

Иде Святославъ къ Любчю, и призва къ себѣ братью свою, Ярослава, Игоря, Всеволода, *ряды ему дѣющу...*

Всеволодъ Владимирскій захватилъ его сына, помогавшаго зятю, Рязанскому князю, противъ Великаго князя. Святославу хотѣлось отомстить, «но нелзѣ Ростиславичи, а

тѣми во всемъ пакостять въ Русской землѣ..., Давыда иму, а Рюрика выжену изъ землѣ, и *прійму* единъ власть Русскую и съ братьею» (1179).

Ошибясь въ разсчетѣ, послѣ неудачнаго похода, онъ увидѣлъ себя *въ невозможности* удерживать Кіевъ, и уѣхалъ въ Черниговъ, а Рюрикъ занялъ и *распорядился* съ своими родными (1180).

Святославъ, соединясь съ братьею и Половцами, сказалъ: я старше Ярослава, а ты, Игорь, старше Всеволода, я остался вамъ въ отца мѣсто, и велю тебѣ, Игорь, остаться здѣсь и блюсти Черниговъ и всей волости, а я пойду со Всеволодомъ къ Суздалю, выручать сына Глѣба, какъ *разсудитъ насъ Богъ* со Всеволодомъ.

По возвращеніи Святослава Рюрикъ, размысливъ, съ мужи своими угадавъ, бѣ бо Святославъ старѣй *лѣты*, и *урядився* съ нимъ, *ступися ему старѣйшинства* и Кіева, а собѣ взя всю Русскую землю, и утвердившеся крестомъ честнымъ.

Святославъ Всеволодовичъ и Рюрикъ Ростиславичъ начали дѣйствовать сообща, какъ прежде Святополкъ и Мономахъ, преимущественно въ отношеніи Половцевъ.

На Галичъ открылись виды. Рюрикъ и Святославъ пошли. «И бывшимъ имъ по мѣсту всимъ и *рядящимся* о волость Галицкую, Святославъ же даяшетъ Галичь Рюрикови, а собѣ *хотяшетъ* всей Русской земли, около Кыева. Рюрикъ же сего не *улюбяшетъ* лишитися отчины своеи, не (но?) хотѣ подѣлитися Галича, и тако *урядившеся*, и возвратишася во свояси.

...Бяшетъ ему (Святославу) тяжа съ Рюрикомъ и съ Давыдомъ и Смоленскою землею, того дѣля и съ братьею совокупился бяшетъ, какъ бы ему ея *не ступити*. Рюрикъ же сослався со Всеволодомъ, сватомъ своимъ, и съ Давыдомъ братомъ своимъ, послаша ко Святославу мужи своя, рекущи ему: «ты, брате, намъ крестъ цѣловалъ *на Романовѣ ряду*, такоже нашъ братъ Романъ сѣдѣлъ въ Кыевѣ: дажь стоиши въ томъ ряду, то ты намъ братъ, паки ли поминаешь давныя тяжа, которыя былѣ при Ростиславѣ, то ступилъ еси ряду, а мы *ся въ то недамы;* а се ти крестныя грамоты.» (1190)

Святославъ позва братью свою въ Роговъ, Ярослава, Игоря, Всеволода, и поча съ ними *думати*, хотя на Рязаньскіи князи: бяхуть бо имъ рѣчи про волости. И пославшася ко Всеволоду въ Суздаль, *просячися* у него на Рязань. Всеволодъ же ихъ волѣ не створи (1194).

Посла Рюрикъ по брата своего Давыда (по смерти Святослава) къ Смоленску, река ему: брате, се вѣ осталася старѣйши всѣхъ въ Руськой землѣ, а поѣди ко мнѣ Кыеву; что будетъ о Русской землѣ думы и о братьи своей, о Володимери племени, и то все *укончаевѣ*.

Давыдъ пріѣхалъ, и съ братомъ своимъ Рюрикомъ *ряды* вся укончa о Русской землѣ и о братьи своей, о Володимерѣ племени (1195).

Всеволодъ Суздальскій прислалъ къ нему пословъ сказать: вы есте нарекли мя во своемъ племени во Володимерѣ старѣйшаго; а нынѣ сѣлъ еси въ Кыевѣ, а мнѣ *еси части не учинилъ* въ Русской землѣ, но *роздалъ* еси инѣмъ моложьшимъ братьи своей; даже мнѣ въ ней части нѣтъ; да то ты, а то Кіевъ и Руская область; а кому еси въ ней часть далъ, съ тѣмъ же

еи и блюди и стрежи; до како ю съ нимъ удержишь, а то узрю же, а мнѣ ненадобѣ.

Рюрикъ убоялся и спросилъ, чего онъ хочетъ.

Всеволодъ бо *просяше* у него Торцького, Треполя, Корсуня, Богуславля, Канева, еже бѣ *далъ* зятю своему Роману.

Рюрикъ предоставилъ ему ихъ, а Всеволодъ изъ нихъ отдалъ зятю Ростиславу Торческъ. Романъ возъимѣлъ подозрѣніе.

Рюрикъ послѣ этой передачи далъ Роману Полоной и полъ Торческа Русскаго.

Но Романъ былъ недоволенъ, *и соединился* съ Ольговичами, а Рюрикъ со Всеволодомъ.

Рюрикъ, сговорясь съ Всеволодомъ и съ братомъ своимъ Давыдомъ, послалъ мужей къ Ярославу и всѣмъ Ольговичамъ: цѣлуй намъ крестъ со всею братьею, чтобъ не искать нашей отчины, Кіева и Смоленска, подъ нами, и подъ нашими дѣтьми, и подъ всѣмъ Володимеримъ племенемъ, и оставаться на всегда, какъ раздѣлилъ Ярославъ, по Днѣпръ, а Кіева вамъ нѣтъ. Ольговичи, посовѣтовавшись, отвѣчали: Кіева блюсти подъ тобою, и подъ сватомъ твоимъ Рюрикомъ, въ томъ стоимъ, но отказываться отъ него навсегда не хотимъ; мы не Угры и не Ляхи, но единаго дѣда внуки, при вашемъ животѣ не ищемъ Кіева, а послѣ кому Богъ дастъ.

Началась война. Всеволодъ заключилъ отдѣльный миръ, и *умолви* съ нимъ (Ярославомъ) про волость свою и про дѣти своя, а Кыева подъ Рюрикомъ не искати, а подъ Давыдомъ Смоленьска не искати, и води Ярослава ко честному кресту и всѣхъ Ольговичъ; Ярославъ же посла своя мужа и води Всеволода и Давыда кресту, и Рязанскыя князи на *своихъ рядахъ*.

Рюрикъ разсердился на Всеволода, и отнялъ тѣ города, которые далъ ему въ Русской землѣ, и *раздалъ* опять своей братьи (1196).

Когда было *мироположенье* о Русскихъ волостяхъ по возвращеніи изъ Половецкаго похода, кому что слѣдуетъ за его труды для Русской земли, возникла новая *ссора* у Рюрика съ Романомъ, и онъ былъ пострижень (1205).

Послѣ Романовой смерти Рюрикъ поднялся опять и *уговорился* съ Ольговичами.

Рюрикъ и Ольговичи, послѣ многихъ *сношеній,* пошли на Галичь и не успѣли (1205).

Воротясь, Всеволодъ Чермный, надѣясь *на множество вой,* вниде въ Кіевъ (1206), и сѣде въ немъ, и *разосла* намѣстники своя по городамъ кіевскимъ, и хотя нѣсколько разъ былъ выгоняемъ, но наконецъ утвердился въ Кіевѣ, а Рюрикъ въ Черниговѣ.

Потомъ, приписывая Ростиславичамъ гибель своихъ родныхъ въ Галичѣ, Всеволодъ Чермный *выгналъ* было ихъ *изъ Русской земли;* но явился имъ мститель, Мстиславъ Галицкій, который установилъ порядокъ. Всеволодъ бѣжалъ и умеръ въ Черниговѣ (1214).

Мстиславъ Романовичъ и Володимеръ Рюриковичъ дѣйствовали за одно съ Мстиславомъ Галицкимъ по особымъ договорамъ (1214—1235).

На сѣверѣ происходили точно такія же явленія: Всеволодъ *назначилъ* наслѣдникомъ младшаго сына, Георгія, мимо старшаго, Константина.

По смерти его начались споры между братьями, которые кончились полюбовною сдѣлкою (1214).

Мстиславъ Галицкій, воюя противъ меньшаго ихъ брата Ярослава, доставилъ Константину Владимирскій столъ (1216).

По смерти Константиновой новыя ссоры между братьями, которые раздѣлились на двѣ стороны, пока наконецъ уладились (1218).

Рязанскіе князья безпрестанно ссорились между собою, и отдавались на судъ В. К. Владимирскаго Всеволода, который, пользуясь ихъ распрями, подчиняетъ себѣ Рязань на время.

Такъ неопредѣленны, или, лучше сказать, такъ измѣнчивы были отношенія между князьями и высшими сословіями государственными, потомствомъ пришлаго Норманскаго племени, дружиною и ея членами, боярами и отроками, городами и воями.

Вслѣдствіе этой зыбкости, мы видимъ, впродолженіи двухъ сотъ лѣтъ, отъ кончины Ярослава, до нашествія Монголовъ, безпрерывное *движеніе* князей. Какъ въ великомъ княжествѣ, такъ и въ каждомъ отдѣльномъ княжествѣ, въ каждой отчинѣ, *Князья* переходили по старшинству изъ одного удѣла въ другой, старшій, значительнѣйшій, какъ будто по лѣстницѣ, а всѣ вмѣстѣ смотрѣли на Кіевъ, красовавшійся на ея вершинѣ, какъ на свою вожделѣнную цѣль. Такимъ образомъ вслѣдствіе этого права, принесеннаго безъ сомнѣнія съ Сѣвера, или чаще, подъ его предлогомъ, въ землѣ происходила безпрестанная перестановка князей. Ни одинъ князь не былъ и не считалъ себя крѣпкимъ на своемъ мѣстѣ; да и никто того и не желалъ, а стремился куда-то на лучшее мѣсто. Такъ должно было быть, и иначе быть не могло, по внутреннему коренному убѣжденію и заведенному порядку вещей. Никогда почти князь не могъ надѣяться, чтобъ послѣ его смерти княжество досталось его дѣтямъ; нѣтъ—приходилъ со стороны иной князь садиться на его столъ, а дѣти часто оставались не только безъ владѣнія, но даже безъ пристанища, и ихъ надѣленіе всегда зависѣло отъ старшихъ князей, ихъ дядей, и вообще отъ обстоятельствъ. Отсюда происходило, что князья искали владѣнія, всю жизнь свою объ томъ только и думали, а собственности постоянной у нихъ и въ заводѣ не было, въ совершенную противоположность съ Западомъ, гдѣ кто сначала сѣлъ, тотъ тамъ и приросъ. Владѣніе поземельное въ высшей мѣрѣ было у насъ пожизненное, а не наслѣдственное, временное пользованіе, потому что и при жизни перемѣнялось по большей части нѣсколько разъ, и такимъ образомъ не могло упрочиваться, развиваться, успѣвать. Вслѣдствіе этого обычая не установились съ самаго начала у князей, на Руси, мысли о поземельной и наслѣдственной собственности.

Князья переходили изъ города въ городъ, ища, гдѣ себѣ лучше, какъ рыба ищетъ, гдѣ ей глубже, а за князьями слѣдовали ихъ дружины, неотлучные ихъ спутники, дѣлившіе съ ними счастье и несчастье, выгоды и потери. Если князю дѣлалось лучше, то и дружинѣ его было лучше; съ новыми пріобрѣтеніями она получала новыя выгоды, постоянныя или временныя. Села съ данями были вездѣ для нея готовы, во всякомъ княжествѣ, чуть ли не по генеральному общему первоначальному варяжскому размежеванію.

Потомуже *бояре* и *отроки* не могли также пріобрѣсти себѣ осѣдлости, и перемѣняли

свои волости такъ, какъ князья перемѣняли города. Ходя постоянно по городамъ съ князьями, имѣвшими безпрестанную нужду, и не могшими отпускать ихъ отъ себя на житье, они не могли снискать постоянныхъ привычекъ.

Кромѣ перехода съ князьями, бояре имѣли еще свое собственное право перехода, то-есть, право оставлять своего князя, въ случаѣ личнаго неудовольствія, и переходить на службу къ другому князю. Это право принесено также съ Сѣвера, и имѣетъ начало въ глубокой древности. Норманны ходили на службу въ Гольмгардъ, въ Грецію, къ Козарамъ и по разнымъ владѣніямъ Скандинавіи. Такъ приходили они къ Олегу, Игорю, Володимеру. Такъ при Изяславѣ Кіяне, т.-е. не только бояре, но и люди, хотѣли уйдти въ Грецію. Когда внѣшніе пути были заперты, бояре ходили между князьями отъ одного къ другому.

Въ этихъ переселеніяхъ принимали иногда участіе и низшіе *вои*, люди, жители *городовъ*, по любви къ князю, въ надеждѣ бо̀льшихъ выгодъ, вслѣдствіе неустановившагося образа жизни. Такъ въ 1146 году мы видимъ изъ прямаго указанія лѣтописи, что три города вышли, были пойманы и задержаны.

А глядя на нихъ, пріучались переходить съ мѣста на мѣсто и самые *поселяне*, ища себѣ больше льготы и покоя подъ защитою и покровительствомъ значительнѣйшихъ бояръ, удаляясь отъ главныхъ путей сообщенія, по коимъ слѣдовали вои, —тѣмъ болѣе, что земли было вездѣ много праздной, и она считалась ни почемъ, совершенно не сходно съ Западомъ, гдѣ каждой лоскутокъ ея былъ дорогъ. Срубить избу, гдѣ бы то ни было, ничего не стоило.

Князья переходили, бояре переходили, вои переходили, смерды переходили, города, въ смыслѣ гарнизоновъ, (засадъ), переходили. Города переходили и въ смыслѣ столицъ, то-есть, пребываній княжескихъ. Князья получали себѣ во владѣніе ту или другую волость, выбирали себѣ новое мѣстопребываніе, и такимъ образомъ переносили средоточіе силы и власти. Такъ по временамъ получали и теряли значеніе Овручь, Галичь, Пересопница, Вщижъ, Туровъ.

Предѣлы княжествъ безпрестанно измѣнялись, да ихъ почти и не было, а были предѣлы временныхъ владѣній княжескихъ, напримѣръ, княжество Кіевское при В. К. Изяславѣ Ярославичѣ имѣло одни предѣлы, другіе при братѣ его Всеволодѣ, при Святополкѣ, при Мономахѣ, при Мстиславѣ, при Всеволодѣ Ольговичѣ, при Ярополкѣ Володимеричѣ.

И главный центръ княжествъ *(средоточіе)* переносился съ мѣста на мѣсто— Новгородъ, Кіевъ, Владиміръ, (какъ послѣ Тверь, Москва, Петербургъ...?)

Наконецъ, странное явленіе, большая часть древнихъ *городовъ* нашихъ даже вещественно, *какъ поселенія,* не остались на первыхъ своихъ мѣстахъ, напримѣръ, Новгородъ, Бѣлозерскъ, Ростовъ, Рязань, Переславль...

Въ этомъ движеніи, представляющемъ какъ бы переходъ отъ кочевой жизни азіятской къ осѣдлой европейской, въ этомъ броженіи, вслѣдъ за основаніемъ Государства, и распространеніемъ его предѣловъ, представляется одно изъ главныхъ отличій Русской Исторіи отъ Исторіи западныхъ европейскихъ государствъ, и вмѣстѣ основаніе, условіе, многихъ послѣдующихъ событій.

ЗАКОНЫ.

Русская Правда, данная Ярославомъ, распространенная его сыновьями и внукомъ Володимеромъ Мономахомъ, получила въ продолженіи этого періода еще новыя дополненія и опредѣленія, и заключала постановленія объ убійствѣ, увѣчьѣ и побояхъ, кражѣ, уликахъ и свидѣтеляхъ, о долгахъ, ростахъ и уплатѣ, о завѣщаніяхъ и наслѣдствѣ, о холопахъ и наемникахъ, объ испытаніи, въ случаѣ неизвѣстности или невозможности добраться до истины, желѣзомъ и водою.

Пени или вирныя пошлины, въ пользу князя и въ пользу обиженнаго, составляли сущность этихъ постановленій, имѣвшихъ въ виду преимущественно военное, городское населеніе.

Пени были наказаніемъ, которымъ оканчивались всякія преступленія, въ особенности высшаго сословія.

Рабству подвергались несостоятельные должники и неисправные наемники.

Предлагаемъ въ подлинникѣ эту Правду, какъ она сохранилась въ спискѣ 1284 года, съ объяснительнымъ переводомъ на нынѣшній языкъ.

СОУДЪ ЯРОСЛАВЛЬ ВОЛОДИМИРИЦА.

ПРАВДА РОУСЬСКАЯ.

Срав. первоначальную Русскую Правду Ярославову, с. 70—72, Правду его дѣтей, с. 96—98. Статьи съ одною звѣздочкою принадлежатъ, въ болѣе или менѣе томъ же видѣ, и первой Правдѣ съ двумя звѣздочками—второй; съ одной и двумя—принадлежатъ всѣмъ тремъ Правдамъ. Порядокъ статей въ спискѣ Троицкомъ показанъ при основномъ въ скобкахъ, а въ переводѣ числами показывается порядокъ естественный по сущности предметовъ.

1. Ажь оубьіеть моужь моужа, то мьстити братоу брата, любо отцю, любо сыноу, любо брато чадоу, любо братню сынови; ожели не боудеть кто іего мьстя, то положити за головоу 80 гривенъ, аче боудеть Княжь моужь, или тивоуна Княжя. Ачели боудеть Роусинъ, любо гридь, любо коупець, любо тивоунъ бояреськъ, любо мечникъ, любо изгои, любо Словенинъ, то 40 гривенъ положити зань.

1. Если мужъ убьетъ мужа, то мстить брату за брата, сыну за отца, отцу за сына; или племяннику, какъ по братѣ, такъ и по сестрѣ; если же некому мстить, то съ убійцы взыскать деньгами: ** за голову мужа или тіуна Княжескаго 80 гривенъ. *За Русина, гридня, купца, тіуна Боярскаго, мечника, изгоя, и Славянина 40 гривенъ.

2. По Ярославѣ же пакы съвъкоупивъшеся сынове іего: Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ, и моужи ихъ: Късначько, Перенѣгъ, Никифоръ, и отложиша оубиіеніе за головоу; нъ коунами ся выкоупати, а ино все, якоже Ярославъ соудилъ, такоже и сынове іего оуставиша.

О оубииствѣ.

3. Аже кто оубиіеть Княжя моужа въ разбои, а головника не ищють, то вирьвноую платити, въ чьіеиже върви голова лежить, то 80 гривенъ; паки людинъ, то 40 гривенъ.

4. Которая ли вървь начнеть платити дикоую вироу, колико лѣтъ заплатять тоу вироу, занеже безъ головника имъ платити.

Боудеть ли головникъ ихъ въ върви, то зане к нимъ прикладываіеть, тогоже дѣля имъ помогати головникоу, любо си дикоую вироу, нъ сплатити имъ въобчі 40 гривенъ, а головничьство, а то самому головникоу, а въ 40 гривенъ іемоу заплатити из дроужины свою часть.

Но оже боудеть оубилъ или въ свадѣ, или въ пироу явлено, тъ тако іемоу платіти по върви нынѣ, иже ся прикладываіеть вирою.

Оже станеть без вины на разабои.

5. Боудеть ли сталъ на разбои безъ всякоя свады, то за разбоиника людые не платять, нъ выдадять и всего съ женою и съ дѣтьми на потокъ, а на разграбленііе.

6. Аже кто не вложиться въ дикоую виру, томоу людые не помагають, нъ самъ платить.

А се покони вирьнии.

7. А се покони вирнии были при Ярославѣ: вирьникоу взяти 7 вѣдеръ солодоу на недѣлю,

2. По кончинѣ Ярослава, соединились сыновья его: Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ, и ихъ мужи: Коснячко, Перенѣгъ и Никифоръ, и отмѣнили мщеніе смертію за убійство, и постановили, вмѣсто того, откупаться кунами, а прочее все оставили въ томъ видѣ, какъ узаконено было при Ярославѣ.

О убійствѣ.

3. Если кто убьетъ Княжескаго мужа, сдѣлавъ насильственное на него нападеніе, **и если убійца не будетъ отысканъ; то платитъ за него виру—80 гривенъ та округа, гдѣ совершилось убійство; если же убитый будетъ людинъ, (свободный человѣкъ), то 40 гривенъ.

4. Если какая округа начнетъ такимъ образомъ платить дикую виру, то платежъ сей, поелику онъ дѣлается безъ участія убійцы, можетъ быть разсроченъ на нѣсколько лѣтъ.

Если же убійца находится самъ въ оной округѣ, то, поелику онъ равномѣрно участвуетъ въ платежѣ пени, и она взаимно должна помогать ему, или же платить дикую виру, то-есть, заплатить, съ своей стороны, общими силами 40 гривенъ, а другія 40 гривенъ пени на свою часть платить самому убійцѣ изъ (?) дружины.

Если кто убьетъ человѣка въ ссорѣ, или въ пьянствѣ явно, то убійца платитъ пеню также съ помощію отъ округи.

Если кто убьетъ человѣка безъ причины, разбоемъ.

6. Если кто убьетъ человѣка безъ всякой ссоры, то волостные обыватели не платятъ за убійцу, но выдаютъ его вмѣстѣ съ женою и дѣтьми на заточеніе и разграбленіе.

5. Если кто не взносилъ для дикой виры, тому и другіе не помогаютъ, но платитъ самъ одинъ.

Опредѣленіе вирныхъ пошлинъ.

19. ** Слѣдующія вирныя пошлины установлены были при Ярославѣ: вирнику получать

оже овьнъ, любо полоть, или 2 ногатѣ; а въ среду коуна, оже (въ Троицкомъ спискѣ: же) сыръ, а въ пятничю такоже; а коуръ по двоіе на день, а хлѣбовъ 7 на недѣлю, а пшена 7 оуброковъ, а горохоу 7 оуброковъ, а соли 7 голважень: то то вирникоу съ отрокомъ; а кони 4, конемъ на ротъ соути овьсъ. Вирникоу 8 гривенъ, а 10 коунъ перекладьная, а метелникоу 12 векши, а съсадная гривна.

7 ведеръ солоду на недѣлю, одного барана, или полоть, или вмѣсто того деньгами 2 ногаты; въ середу или сыръ (сырный день?) и въ пятницу также, по одной кунѣ, а въ прочіе дни по 2 курицы на день; также 7 хлѣбовъ на недѣлю, 7 уброковъ пшена, 7 уброковъ гороху и 7 голваженъ соли. Это должно идти вирнику съ отрокомъ; да кромѣ того четыре лошади, которымъ давать овса вдоволь. Ему же 8 гривенъ, и 10 кунъ перекладныхъ; а метельнику 12 векшъ, да ссадная (?) гривна.

О вирахъ.

8. Аже боудеть вира въ 80 гривенъ, то вирникоу 16 гривенъ, и 10 коунъ и 12 вѣкше; а переди съсадная гривна, а за головоу 3 гривны.

О вирахъ.

7. Если вира будетъ въ 80 гривенъ, то вирнику брать 16 гривенъ, 10 кунъ и 12 векшъ; да предварительно ссадную гривну; за убійство 3 гривны.

О Княжи отроцѣ.

9. Аже въ Княжи отроцѣ, или въ конюсѣ, или въ поварѣ, то 40 гривенъ.

10. А за тиоунъ за огнищныи, и за конюшии, то 80 гривенъ.

11. А въ сельскомъ тиоунѣ въ Княжи, или в ратаинѣмь, то 12 гривнѣ, а за рядовича 5 гривенъ, такоже и за бояреськъ.

О Княжескомъ служителѣ.

8. За убійство Княжескаго служителя, конюха или повара, полагается 40 гривенъ.

9. **За тіуна огнищанъ и тіуна конюшаго 80 гривенъ.

10. **За Княжескаго тіуна сельскаго или земледѣльческаго 12 гривенъ, а за простаго служителя 5 гривенъ; тоже и за боярскаго.

О ремьствьницѣ.

12. А за ремьствьника и за ремьствьницю, то 12 гривне.

13. А за смерди и холопъ 5 гривенъ; а за робоу 6 гривенъ. (Въ Тр. смердии.)

14. А за кормилца 12 гривенъ и за кормилицю, хотя си боуди холопъ или роба.

О ремесленникѣ.

11. За убійство ремесленника и ремесленницы взыскивать пени 12 гривенъ.

12. За простаго человѣка и холопа 5 гривенъ; за рабу 6 гривенъ.

13. ** За дядьку и кормилицу, хотя бы они были и рабскаго состоянія, 12 гривенъ.

О поклѣпнеи вирѣ.

15. (Изъ Тр. сп.) Аще будеть на кого поклепная вира, то же будеть послуховъ 7, то ти выведуть виру; паки Варягъ или кто інъ, тогда (то два?).

А по костяхъ и по мертвеци не платить верви, ажс имени не вѣдають, ни знають его.

О вирѣ по подозрѣнію.

14. Если будетъ на кого вира по подозрѣнію, то онъ долженъ представить 7 свидѣтелей для оправданія; Варягъ или кто иной (чужестранецъ?) двоихъ.

За кости или мертвеца вервь не платитъ виры.

Оже съвержеть виру.

16. А оже съвержеть виру, тъ гривна коунъ съметная отрокоу, а кто и клъпалъ, а томоу

Если кто отведетъ отъ себя виру.

15. Если кто оправдаетъ себя въ убійствѣ и чрезъ то устранитъ отъ себя платежъ пени,

дати дроугоую гривноу, а от виры (отъ верви?) помоченаго 9 коунъ.

17. Искавше ли послоуха и не налѣзоуть, а истьца начьнеть головою клепати, то ти имъ правьдоу желѣзо. Такоже и въ всѣхъ тяжахъ, и въ татбѣ, и въ поклепѣ, оже не боудеть лица, тъ тогда даті іемоу железо изнѣволѣ до полоугривны золота.

Ажели мьнѣ, то на водоу, оли до двою гривноу; аже мьнѣ, то ротѣ ити іемоу по своѣ коуны.

Оже кто оударить мечемь.

18. Аже кто оударить мечемь, не вынезъ іего, или роукоятью, то 12 гривне продаже за обидоу.

19. Ожели вынезъ мьчь, а не оутнеть, то гривноу коунъ.

20. Аже кто кого оударить батогомь, любо чашею, любо рогомь, любо тылѣснию, то 12 гривнѣ; не тьрпя ли противоу томоу, оударить мечемь, то вины іемоу в томь нѣтоуть.

21. Ащели оутнеть роукоу, и отпадеть роука, или оусъхнеть, или нога, или око, или не оутьнеть(?), тъ полъвиры, 20 гривенъ, а томоу за вѣкъ 10 гривенъ.

22. Аже пьрсть оутьнеть кыи любо, то 3 гривны продаже, а самомоу гривна коунъ.

Оже придеть кръвавъ моужь.

23. Оже придеть кръвавъ моуже на дворъ, или синь, то видока іемоу не искати, нъ платиті іемоу продажю 3 гривны.

Или не боудеть на немь знамения, то привести іемоу видокъ, слово противоу слова, а кто боудеть началъ, томоу платити 60 коунъ.

тотъ платитъ отроку за труды по производившемуся дѣлу гривну кунъ, да обвинитель другую, а отъ верви въ помочь 9 кунъ.

16. Если тяжущіеся, искавши свидѣтеля, не найдутъ его нигдѣ, а между тѣмъ истецъ обвиняетъ въ убійствѣ, то дѣло должно рѣшиться испытаніемъ желѣза. Такимъ же образомъ вершить и всякія тяжбы въ воровствѣ, и поклепѣ, при недостаткѣ другихъ очевидныхъ доказательствъ, если только искъ простирается до полугривны золота.

А ежели менѣе, то испытывать водою, даже до двухъ гривенъ, а менѣе—достаточно привести къ присягѣ по своихъ кунахъ.

Если кто ударитъ мечемъ.

20. Если кто кого ударитъ необнаженнымъ мечемъ или его рукояткою, то платитъ 12 гривенъ пени за обиду.

21 *Если же обнажитъ мечъ, но впрочемъ не ударитъ, то гривну кунъ.

22. *Если кто кого ударитъ тростію, или чашею, или рогомъ, или тупой стороной меча, то платитъ 12 гривенъ; а ежели ударенный, не стерпѣвъ обиды, самъ ударитъ обидчика мечемъ, то того въ вину ему не ставить.

23. *Если кто ударитъ кого по рукѣ или по ногѣ, и нога или рука отъ того отпадетъ или усохнетъ, или выколетъ глазъ: то съ таковаго взыскать въ половину противу пени за убійство, т. е. 20 гривенъ, да въ пользу раненаго за увѣчье десять гривенъ.

24. *Ежели кто отрубитъ у кого какой нибудь палецъ, то пени 3 гривны, а раненому гривна.

Если кто придетъ окровавленный.

25. **Если кто придетъ на Княжескій дворъ въ крови, или въ синихъ пятнахъ, то таковый не имѣетъ нужды представлять свидѣтелей, но и безъ того получаетъ въ удовлетвореніе свое 3 гривны.

Если же на немъ не будетъ знаковъ, то долженъ представить очевидцевъ драки для точнаго объясненія дѣла, и тотъ, кто окажется начинщикомъ драки, долженъ заплатить 60 кунъ.

Ачеже и кръвавъ придеть, или боудеть самъ почалъ, а выстоупять послоуси, то то іемоу за платежь, оже и били.

24. Аже оударить мечемь, а не оутнеть на смерть, то 3 гривны, а самомоу гривна за раноу, оже лѣчебноіе; потьнеть ли на смерть, то вира.

25. Или пьхнеть моужь моужа, любо к собѣ, любо от собѣ, любо по лицю оударить, или жердью оударить, а видока два выведоуть, то 3 гривны продаже.

Оже боудеть Варягъ или Колбягъ, тъ полная видока вывести, и идета на роту.

О челядьхъ.

26. Аже челядинъ съкрыіется, а закличють и на търгоу, а за три дьни не выведоуть іего, а познаіети и третии день, тъ свои челядинъ пояти, а оному платити 3 гривны продаже.

Оже кто всядеть на чюжь конь.

27. А оже кто всядеть на чюжь конь не прашавъ, то 3 гривны.

28. Аче кто конь погоубіть, или ороужиіе, или портъ, а заповѣсть на търгоу, и послѣдь познаіеть въ своіемь городѣ, своіе іемоу лицемь взяти, а за обидоу платити емоу 3 гривны.

29. Аже кто познаіеть своіе, что боудеть погоубилъ, или оукрадено оу него что, или конь, или портъ, или скотина, то не рьци: се моіе, нъ поиди на сводъ: кдѣ іеси възялъ? съведитеся, кто боудеть виноватъ, на того татьба снидеть; тъгда онъ своіе възметь, а что боудеть съ нимь погыбло, тоже іемоу начнеть платити.

Если же истецъ и явится на судъ окровавленъ, но свидѣтели покажутъ, что онъ самъ началъ драку, то это вмѣняется ему въ платежъ, хотя его и били.

26. Если кто поранитъ кого мечемъ; но не смертельно, то съ таковаго взыскать 3 гривны пени, да въ пользу раненаго и на лѣченье гривну; если же убьетъ до смерти, то полная вира взыскивается.

27. *Если кто кого пихнетъ къ себѣ, или отъ себя, или заушитъ, или ударитъ жердью, и если то засвидѣтельствуютъ два очевидца; то взыскать съ таковаго три гривны пени.

Если же учинившій сіе будетъ Варягъ или Колбягъ, то истецъ долженъ вывести полное число свидѣтелей, и идти къ присягѣ.

О рабахъ.

65. *Если рабъ убѣжитъ, и о побѣгѣ его будетъ провозглашено на торгу, а тотъ, у кого онъ кроется, не выведетъ его чрезъ три дни послѣ того, и наконецъ это обнаружится; то господину въ семъ случаѣ взять своего раба, а съ того, кто держалъ его, взыскать 3 гривны пени.

Если кто сядетъ на чужую лошадь.

52. *Если кто сядетъ на чужую лошадь безъ спросу хозяина, то съ таковаго взять 3 гривны.

53. *Ежели кто потеряетъ лошадь, оружіе или платье, и о томъ обнародуетъ на торгу, а послѣ опознаетъ потерянную вещь у кого нибудь изъ своихъ согражданъ, то потерявшій имѣетъ право взять ее у него лицемъ, и сверхъ того взыскать съ него 3 гривны за обиду.

54 *Ежели кто опознаетъ у кого потерянную имъ, или украденную у него вещь, напримѣръ одежду, лошадь или другую какую скотину, то не говори ему: «это вещь моя», но спроси его: «у кого взялъ ее,» и на кого покажетъ, съ тѣмъ свести его; на комъ воровство остановится, тотъ и долженъ быть призванъ виновнымъ; тогда отыскавшій беретъ свою собственность, и вмѣстѣ получаетъ вознагражденіе за все то, что пропало съ нею.

30. Аче боудеть коневыи тать, а выдати Князю на потокъ; пакы ли боудеть клѣтьныи тать, то 3 гривны платити iемоу.

О сводѣ.

31. А оже боудеть во одиномь городѣ то ити истьцю до конца того свода.

Боудеть ли съводъ по землямъ, то ити iемоу до третьяго свода, а что боудеть лице, то томоу платити третьiемоу, платити коунами за лице.

А съ лицемь ити до конца сводоу, а истьчю жьдати прока; а кдѣ снидеть на конечняго, то томоу все платити и продажю.

О татьбѣ.

32. Пакы ли боудеть что татебно коупилъ въ търгоу, или конь, или пъртъ, или скотиноу, то выведеть свободьна моужа два; или мытника; аже начнеть не знати оу кого коупилъ, то ити по немь тѣмь видокомъ на търгоу на ротоу, а истьцю своiе лице взяти; а что с нимь погыбло, а того iемоу желѣти, а ономоу желѣти своихъ коунъ, зане не знаiеть оу кого купивъ.

Познаiет ли на долзѣ оу кого купивъ, то своiе коуны възметь, и семоу платити что оу него погыбло, а Князю продажю.

О челядинѣ.

33. Аже кто познаiеть челядинъ свои оукраденъ, а поиметь и, то ономоу вести и по коунамъ и до третьяго свода; пояти же челядинъ въ

55. Если кто уличится въ кражѣ лошади, тотъ долженъ быть выданъ Князю на поточенiе; клѣтный воръ платитъ ему 3 гривны.

О сводѣ.

56. Ежели тотъ, у кого будетъ опознана украденная вещь, станетъ показывать, что онъ получилъ ее отъ одного изъ сограждан своихъ, и сей будетъ также показывать на другаго, въ томъ же городѣ живущаго человѣка: то истцу идти съ поличнымъ до конца свода, то-есть, до дѣйствительнаго вора, который уже не въ состоянiи будетъ показать ни на кого другаго.

* Но ежели ссылка пойдетъ на жителей постороннихъ, то истцу взять за украденное деньги съ третьяго отвѣтчика, который, между тѣмъ, идетъ съ поличнымъ далѣе, пока наконецъ не отыщется истинный воръ, которому платить все и пеню.

О воровствѣ.

58. Если кто купитъ что-нибудь краденое, одежду ли то, или лошадь, или другую какую-нибудь скотину, и настоящiй хозяинъ того объявится, то покупщикъ долженъ представить двухъ свидѣтелей, людей свободныхъ или сборщика пошлинъ, которые бы клятвенно подтвердили, что онъ купилъ у неизвѣстнаго ему человѣка; а истцу взять свое лицемъ; а что съ тѣмъ пропало, того взять не гдѣ, равно и купцу не на комъ взыскивать цѣны купленной имъ вещи, ибо не знаетъ у кого купилъ.

59. Если же въ послѣдствiи времени опознаетъ онъ того человѣка, который продалъ ему краденную вещь, то взять ему съ него свои деньги, а хозяину вещи доправить съ него за свои убытки и кромѣ того Князю пеню.

О рабѣ.

78. *Ежели кто опознаетъ у кого украденнаго своего раба, то, взявъ его, вести по кунамъ на сводъ до третьяго отвѣтчика, который

челядина мѣсто, а оному дати лице, ать идеть до конечьняго свода.

А то іесть не скотъ, не лзѣ речи: не вѣдѣ оу кого іесмь коупилъ, нъ по языкоу пти до конча. А кдѣ боудеть конечнии тать, то опять воротять челядина, а свои поиметь. И проторъ томоужe платити.

34. Князю продаже 12 гривне въ челядинѣ или оукрадъше. (?)

О сводѣ.

35. А и-своіего города въ чюжю землю свода нѣтоуть, нъ такоже вывести іемоу послоухы, любо мытника, передъ кымьже коупивъше.

То истьцю личе взяти, а прока іемоу желѣти, что с нимъ погыбло, а оному своихъ коунъ желѣти.

О татьбѣ

36. А оже оубьють кого оу клѣти, или оу которои татьбы, то оубьють въ пса мѣсто; ожели и додьржать свѣта, то вести и на Княжь дворъ.

Ожели оубиють и, а оуже боудоуть видѣли людиіе съвязана, то платити в томь 12 гривне.

37. Аже крадеть кто скотъ въ хлѣвѣ, или клѣть, тоже боудеть одинъ, то платити іемоу 3 гривны и по 30 коунъ; боудеть ли ихъ много, то всѣмъ по 3 гривны и по 30 коунъ платити.

О татьбѣ же.

38. Аже крадеть скотъ на поли, или овци, или козы, или свиньіе, 60 коунъ; боудеть ли ихъ много, то всѣмъ по 60 кунъ.

дастъ ему своего собственнаго раба, а опознаннаго беретъ съ собою, и идетъ съ нимъ до окончательнаго свода.

Отвѣтчикъ не можетъ сказать: «не знаю, у кого купилъ», ибо рабъ не скотъ безсловесный; слѣдовательно по языку его можно дойти до дѣйствительнаго вора. Когда же такимъ образомъ отыщется виновный, то господинъ беретъ (сведеннаго) холопа, а взятаго (въ залогъ отъ третьяго отвѣтчика) возвращаетъ. Виновный же платитъ хозяину всѣ протори или убытки.

79. **Да Князю пени 12 гривенъ за кражу раба.

О сводѣ.

57. А изъ своего города въ чужую область свода не допускается; въ такомъ случаѣ отвѣтчикъ обязанъ представить свидѣтелей или сборщика пошлинъ, въ присутствіи коихъ купилъ онъ опознанную у него вещь.

(Когда свидѣтели подтвердятъ истину словъ его,) то истцу взять вещь лицемъ, а прочихъ убытковъ не искать; равно и покупщикъ невозвратно лишается денегъ, заплаченныхъ имъ за взятую у него вещь.

О воровствѣ.

30. **Вора убить въ клѣти на воровствѣ, можно какъ собаку; но если онъ продержанъ будетъ до свѣта, то вести его на Княжескій дворъ.

**Если же онъ будетъ убитъ, а другіе видѣли его связаннымъ, то въ семъ случаѣ платить за убійство его 12 гривенъ.

31. **Если кто украдетъ скотъ изъ хлѣва, или въ клѣти, и будетъ одинъ, то платитъ онъ 3 гривны и 30 кунъ; если же воровъ будетъ много, то взыскать со всякаго по 3 гривны и 30 кунъ.

О воровствѣ же.

32. Если кто украдетъ скотъ съ поля, овецъ ли, или козъ, или свиней, тотъ платитъ 60 кунъ; если же при кражѣ было много, то съ каждаго взыскать по 60 кунъ.

39. Аже крадеть гоумьно, или жито въ ямѣ, то колико ихъ боудеть крало, то всѣмъ по 3 гривны и по 30 коунъ; а оу негоже погибло, то оже боудеть лице, то лице поиметь, а за лѣто възметь по полугривнѣ.

33. Ежели украдутъ съ гумна или изъ ямы жито, то со всякаго, кто воровалъ, взять по 3 гривны и по 30 кунъ; а тотъ, у кого было украдено, если украденное будетъ въ наличности, долженъ взять оное лицемъ; за пользованіе же вора украденнымъ взять съ него за лѣто по полугривнѣ.

40. Пакы ли лица не боудеть, а боудеть былъ Княжь конь, то платиті зань 3 гривны, а за инѣхъ по двѣ гривнѣ.

34. **Если украденнаго въ наличности не окажется, и если это будетъ Княжій конь, то (доправлять съ вора) за покражу его 3 гривны, а за покражу у другихъ 2 гривны.

А се оуроци скотоу.

Пени за покражу скота.

41. Оже за кобылоу 60 коунъ, а за волъ гривноу, а за коровоу 40 коунъ, а за третьякоу 30 коунъ, а за лоньщиноу полъгривны, а за теля 5 коунъ, а за свинью 5 коунъ, а за порося ногата, а за овьцю 5 коунъ, а за боранъ ногата, а за жеребець, оже не всѣдано нань, то гривна коунъ, а за жеребя 6 ногатъ, а за коровніе молоко 6 ногатъ.

То ти оуроци смьрдомъ, оже платять Князю продажю.

35. **За покражу кобылы брать хозяину 60 кунъ, за быка гривну, за корову 40 кунъ, за трехлѣтняго быка 30 кунъ, за годовика полгривны, за теленка 5 кунъ, за свинью то же, за поросенка ногату, за овцу 5 кунъ, за барана ногату, за жеребца неѣзжалаго гривну кунъ, за жеребенка 6 ногатъ, за коровье молоко 6 ногатъ.

Сіи цѣны постановляются для земледѣльцевъ, которыя они должны платить въ пеню на Князя.

Оже боудоуть холопи татьіе.
Соудъ Княжь.

Если уличатся въ воровствѣ холопы.
Судъ Княжескій.

42. А оже боудоуть холопи татьіе, любо Княжи, любо боярьстии, любо черньчи; ихъже Князь продажею не казнить, зане соуть несвободьни, то двоици платиті истьчю за обидоу.

50. Если будутъ пойманы въ воровствѣ холопы Княжескіе, Боярскіе или монастырскіе; то Князь не взимаетъ съ нихъ пени, поелику они не свободные, но должно платить истцу вдвое за обиду.

А оже кто скота възищеть.

Если кто будетъ съ другаго требовать скота (денегъ).

43. А оже кто възищеть коунъ на дроузѣ, а онъ ся начнеть запирати, то оже нань выведеть послоуси, то ти пойдоуть на ротоу, а онъ възмѣть своіе коуны; занеже не далъ іемоу за много лѣтъ, то платити іемоу за обидоу 3 гривны.

102. *Если кто будетъ требовать съ другаго денегъ, и сей начнетъ запираться, то истецъ долженъ представить свидѣтелей, при коихъ онъ давалъ деньги, и когда свидѣтели въ томъ присягнутъ, то онъ беретъ съ должника свои деньги, да сверхъ того 3 гривны за обиду, (причиненную ему долговременною проволочкою).

44. Аже кто коуньць коупцю дасть въ коупьлю коуны, или въ гостьбоу, то коупцю передъ послоухы коунъ не имати, послоуси іемоу

103. Если купецъ повѣритъ купцу свои деньги для употребленія ихъ во внутреннюю ли то, или заграничную торговлю, и дол-

ненадобѣ, нъ ити іемоу самомоу ротѣ, оже ся почнеть запирати.

О поклажаи.

45. Аже кто поклажаи кладеть оу кого любо, то тоу послоуха нетоуть; Нъ оже начнеть болшимъ кльпати, томоу ити ротѣ, оу кого то лѣжалъ товаръ, а толко іеси оу мене положилъ, занеже іемоу бологo дѣлъ (въ Тр. сп. дѣялъ), и хоронилъ товаръ іего.

О рѣзѣ.

46. Аже кто коуны даіеть въ рѣзъ, или наставъ на медъ, или жито въ присопъ; то послоухы емоу ставити, како ся боудеть рядилъ, тако іемоу іемати.

О мѣсяцьнѣмь рѣзѣ.

47. А мѣсяцьныи рѣзъ, оже за мало, то имати іемоу.

Заидоуть ли ся коуны до тогоже года, то дадять іемоу коуны въ треть, а мѣсяцьны рѣзъ отгрѣноути.

Послоуховъ ли не боудеть, а боудеть коунъ 3 гривны, то ити іемоу про своіе коуны ротѣ.

Боудеть ли боле коунъ, то рчи іемоу тако: промиловалъ іеси, оже іеси не ставилъ послоуховъ.

А се оустави Володимир.

48. А се оуставилъ Володимиръ Всеволодичь, по Святополче съзвавъ дроужиноу свою на Берестовомъ: Ратибора, тысячького Кыіевьского, и Прокопию Бѣлогородьского тысячького, Станислава, Пьреяславьскаго тысячького, Нажира Мирослава, Иванка Чюдиновича, Ольгова моужа, и оустави люди до третьяго рѣза, оже іемлеть въ рѣзъ коуны. Аже кто

жникъ начнетъ запираться: то въ такомъ случаѣ истцу нѣтъ нужды представлять свидѣтелей, но самъ отвѣтчикъ долженъ присягнуть.

О поклажѣ.

104. Ежели кто отдастъ кому-нибудь подъ сохраненіе свои пожитки, то въ свидѣтеляхъ нѣтъ нужды. Но если хозяинъ начнетъ большаго требовать, то принявшій вещи на сохраненіе долженъ утвердить клятвою, что именно столько, а не болѣе дано ему (подъ сохраненіе); ибо (кто беретъ подъ сохраненіе,) тотъ благодѣтельствуетъ, и хранитъ имѣніе другаго.

О ростахъ.

105. Если кто отдастъ деньги въ ростъ, или медъ и жито съ уговоромъ нѣкоторой наддачи; тому въ случаѣ спора представить свидѣтелей, и, согласно ихъ показанію, какая была между ими ряда, взять все съ заимобрателя.

О мѣсячномъ ростѣ.

106. Мѣсячные росты позволяется единственно брать за малое время.

Если же заемъ растянется на цѣлый годъ, то заимодавецъ беретъ уже третные росты, а мѣсячные уничтожаются.

Ежели заемъ будетъ въ три гривны, и заимодавецъ свидѣтелей не представитъ, то въ такомъ случаѣ идти ему къ присягѣ.

Если же будетъ простираться свыше сей суммы, то сказать заимодавцу: «пропали твои деньги; зачѣмъ давалъ безъ свидѣтелей».

А это уставилъ Володимиръ.

107. По Святополкѣ, Володимеръ Всеволодовичъ собралъ въ Берестовѣ дружину свою: Тысячскихъ: Ратибора Кіевскаго, Прокопія Бѣлогородскаго и Станислава Переяславскаго, Нажира Мирослава и Боярина Олегова, Іоанна Чудиновича, и, (посовѣтовавшись съ ними), опредѣлилъ (брать третный ростъ только) до третьяго платежа. Кто возметъ

възмѣть два рѣза, тъ то взяти іемоу исто; пакы ли възметь три рѣзы, то иста іемоу не взяті.

О рѣзѣ.

49. Аже кто іемлеть по 10 коунъ от лѣта на гривноу, то того не отметати.

О закупѣ.

50 (52). Аже закоупъ бѣжить от господы, то обѣль. Идеть ли искать коунъ, а явлено ходить; или къ Князю, или къ соудиямъ бѣжить, обиды дѣля своіего господина, нъ про то не роботять іего, нъ дати іемоу правьдоу.

О послоушьствѣ.

51 (59). А послоушьство на холопа не складають, но оже не боудеть свободьнааго, то по ноужи ти сложити на боярьскаго тиоуна, а на инѣхъ не складывати.

А въ малѣ тяжіе по ноуже сложити на закоупа.

О бородѣ.

52 (60). А кто порьвѣть бородоу, а выиметь знаменьіе, а вылѣзоуть людьіе, то 12 гривнѣ продаже; аже безъ людии, а въ поклепе, то нѣтоу продаже.

О зоубѣ.

53 (61). Оже выбьють зоубъ, а кръвь оувидять оу него въ ртѣ, а люді вылѣзоуть, то 12 гривнѣ продаже, а за зоубъ гривна.

О бърти.

54 (62). Аже оукрадеть кто бортѣ, то 12 гривнѣ продаже.

съ своего должника третный ростъ два раза, тому болѣе никакого роста не требовать, а взять только свой капиталъ; если же заимодавецъ возметъ три раза третные росты, то онъ лишается своего капитала.

О ростѣ.

108. Если кто беретъ по 10 кунъ съ гривны на годъ, то таковыхъ ростовъ взимать не воспрещается.

О наемникѣ.

82. Ежели наемникъ уйдетъ отъ своего господина, то онъ чрезъ то дѣлается полнымъ крѣпостнымъ холопомъ. Если же онъ отлучался для отысканія денегъ, или открыто ходилъ къ Князю, или судьямъ, для прошенія на своего господина въ обидѣ, то не обращать его въ рабство, но дать ему расправу.

О свидѣтельствѣ.

79. Раба въ свидѣтели не призывать; но если не случится свободнаго гражданина, то по нуждѣ можно сослаться на боярскаго тіуна, но ни на кого болѣе.

Но въ маломъ искѣ дозволено сослаться и на наемника.

О бородѣ.

28. *Если кто вырветъ у кого клокъ бороды, такъ что вырванное мѣсто будетъ примѣтно, и если свидѣтели то подтвердятъ, то взыскать (съ обидчика) 12 гривенъ пени; но если очевидцевъ нѣтъ, которые бы утвердили истину жалобы, то пени съ отвѣтчика не взыскивать.

О зубѣ.

29. Если кто у кого выбьетъ зубъ, такъ, что кровь будетъ видна во рту, и если это будетъ подтверждено очевидцами, то взыскать съ (обидчика) 12 гривенъ пени, да (обиженному) за зубъ гривну.

О борти.

36. Кто украдетъ борть, съ того взыскать 12 гривенъ.

55 (63). Аже боудеть росѣчена земля, или на земли знамениіе, имьже ловлено, или сѣть, то по върви искати въ собѣ татя, любо платіти продажю.

56 (64). Аже разнаменаіеть бърть, то 12 гривнѣ.

57 (65). Аже можю перетнеть борътьноую, или ролѣиноую розореть, или дворноую тыномь перегородить, то 12 гривнѣ продаже.

58 (66). Оже доубъ пер тнеть знаменныи или межьныи, то 12 гривнѣ продаже.

А се наклади.

59 (67). А се наклади 12 грівноу: отрокоу двѣ гривнѣ и 20 коунъ, а самомоу іехати съ отрокомъ на двоу коню, соути же на ротъ овьсъ, а мясо дати овьнъ или полъть, а инемь кормомь, что има чрево възметь. Писчю 10 коунъ, перекладнаго 5 коунъ, а за мѣхъ двѣ ногатѣ.

О женѣ.

60 (83). Оже кто оубьіеть женоу, то тѣмьже судомь соудити, якоже и моужа; оже боудеть виноватъ, то полъвиры, 20 гривенъ.

61 (84). А въ холопѣ и въ робѣ виры нѣтоуть, нъ оже боудеть без вины оубьіенъ, за холоцъ оурокъ заплатити, или за робоу, а Князю 12 гривнѣ продаже.

О задници.

62 (85). Аже оумреть смердъ, то задница Князю; аже боудоуть дъчери оу него дома, то даяти часть на нѣ; аже боудоуть за моужемъ, то не дати имъ части.

О задници боярьстѣи и о дружинѣ.

63 (86). Аже въ боярѣхъ, или въ дроужинѣ, то за Князя задница не идеть; нъ оже не боудеть сыновъ, а дъчери възмоуть.

43. Если земля будетъ разрыта, или на землѣ будутъ оставлены признаки ловли, или сѣти, то округа обязана искать у себя вора, или платить пеню.

44. **Кто стешетъ бортные знаки, срубитъ бортную грань или дубъ, или межевый столбъ, или запашетъ межу полевую, или перегородитъ дворовую, съ того взять 12 гривенъ пени.

Опредѣленіе накладовъ.

45. Слѣдующіе наклады или прибавки постановляются къ 12 гривнамъ: отроку брать 2 гривны и 20 кунъ; а самому (судьѣ?) съ отрокомъ ѣхать на двухъ лошадяхъ, и брать на нихъ овса, сколько онѣ могутъ съѣсть; въ пищу себѣ получать изъ мяснаго: барана или полоть и изъ другаго корма, сколько двое съѣдятъ. Писцу давать 10 кунъ, перекладнаго 5 кунъ, да за мѣхъ (?) 2 ногаты.

О женѣ.

17. За убійство жены тотъ же судъ, что и за убійство мужа; съ виноватаго взыскать полвиры, то-есть, 20 гривенъ.

18. За раба и рабыню виры не полагается; но кто убилъ ихъ безвинно, долженъ заплатить господину, какъ за раба, такъ и за рабу, урокъ или цѣну убитаго, да Князю 12 гривенъ пени.

О наслѣдствѣ.

90. Когда простолюдинъ умретъ бездѣтенъ, то имѣніе его поступаетъ къ Князю; буде остались дочери (не замужнія), то выдѣлить на нихъ нѣкоторую часть; если же будутъ за мужемъ, то не имѣютъ ни малѣйшей доли въ наслѣдствѣ.

О наслѣдствѣ послѣ бояръ и дружины.

91. Но имѣніе послѣ бояръ или дружины не можетъ поступать на Князя; если они не оставили послѣ себя сыновей, то дочери имѣніе ихъ получаютъ.

64 (87). Аже кто оумирая роздѣлить домъ, на томьже стояти: накы ли без рядоу оумреть, тъ все дѣтемъ, а на самого часть дати души.

65 (88). Аже жена сядеть по моужи, то оу своихъ дѣтеі взять часть, а что на ню моужь възложить, тъ томоу госпожа іесть, а заднича іеи моужня ненадобѣ.

Боудоуть ли дѣти, то что пьрвои жены, тъ то възмоуть дѣті матери своіеи, любо си на женоу възложилъ боудеть; обаче матери своіеи възмоуть.

66 (89). Оже боудеть сестра въ дому, тъ то задница ненадобѣ, нъ отдадять ю за моужь братья, како си могоуть.

А се о женѣ, оже вьрчеться сѣдѣти по мужи.

67 (95). А іеже жена вьрчеться сѣдѣти по моужи, а ростеряіеть добытокъ, и поидеть за моужь, то платити іеи вьсе дѣтемъ.

Не хотѣти ли іеи дѣти начноуть ни на дворѣ, а она начьнеть хотѣти всяко и сѣдѣти, то творити іеи всякоу волю, а дѣтемъ не дати воле.

Нъ что іеи далъ моужь, съ тѣмьже іеи сѣдѣти, или свою часть въземъши сѣдить же.

68 (96). А матерня часть дѣтемъ ненадобѣ; нъ комоу мати дасть, томоуже взяти; дасть ли всѣмъ, то все роздѣлять; безъ язька ли оумреть, то оу кого боудеть на дворе была, и кто ю кърмилъ, то томоу взяти.

69 (97). Аже боудоуть двою моужю дѣти, а одиноя матери, а онемь своіего.

Боудеть ли потерялъ своіего иночима что, а онѣхъ отца, а оумреть, то възворотять

92. Если кто, умирая, раздѣлитъ имѣніе свое, то воля его остается непремѣнною; если же умретъ безъ завѣщанія, въ такомъ случаѣ отдать все дѣтямъ, съ исключеніемъ части на поминъ души.

93. Если жена захочетъ остаться вдовою по смерти мужа, то взять ей часть изъ наслѣдства; но что далъ ей мужъ при жизни, то остается неотъемлемо въ ея владѣніи; на имѣніе, оставшееся послѣ мужа, вообще она не имѣетъ никакого права.

Дѣти первой жены наслѣдуютъ ея имѣніе, или вѣно, назначенное отцемъ для ихъ матери.

94. Если останется сестра въ дому, то она не имѣетъ доли въ наслѣдствѣ; но она получаетъ приданое отъ своихъ братьевъ, по возможности, при поступленіи въ замужство.

О томъ, если жена обречется пребыть вдовою по смерти мужа.

95. Если жена, обрекшись сидѣть во вдовствѣ, по смерти мужа, проживетъ имѣніе, и вступитъ въ брачный союзъ, то обязана возвратить дѣтямъ все (прожитое).

Если же она захочетъ жить въ одномъ домѣ съ своими дѣтьми, а дѣти не захотятъ того, то въ семъ случаѣ удовлетворять волѣ матери, а не дѣтей.

И что далъ ей мужъ, или что слѣдовало получить ей на свою часть изъ имущества, (оставшагося послѣ мужа), то составляетъ ея достояніе.

96. На материнскую часть дѣти не могутъ имѣть никакого притязанія, но кому ее назначитъ, тому и взять; назначитъ всѣмъ, — то и раздѣлить между всѣми; если жъ умретъ безъ языка, то, у кого она жила, и кто ее содержалъ, тому и взять ея достояніе.

97. Если будутъ дѣти разныхъ отцевъ, но одной матери, то каждый сынъ беретъ отцовское.

Если второй мужъ растратилъ имѣніе своего иночима, ихъ отца, и умеръ, то дѣти его

братьи, нань же и людые вылѣзуть, что боудеть отець іего истерялъ иночимля; что іемоу своіего отца, то дьржать

70 (98). А матери которыи сынъ боудеть добръ, томоуже дасть своіе; аче вси боудоуть іеи сынови лиси, а дъчери можеть дати, кто ю кърмить.

А се оурочи судебнии.

71 (99). А се оурочи соудебнии: ти виры 9 коунъ, а мятелникоу 9 вѣкошь; от бортьнои земли 30 коунъ; а онѣхъ всѣхъ тяжь комоу помогоуть по 4 коуны, а метелникоу 6 вѣкошь.

О з а д н и ц и.

72 (100). Аже братья ростяжються передъ Князем о задницю, то которыи дѣчькыи дѣти и ихъ дѣлить, то томоу взяти гривна коунъ.

О у р о ч и р о т н и и.

73 (101). А се оурочи ротнии: от головы 30 коунъ, а от бортьнои земли 30 коунъ бес треи коунъ; такоже и от ролеинои земли и от свободы 9 коунъ.

А се о коупци оже истопиться.

74 (50). Аже которыи коупьць, шедъ кдѣ либо съ чюжими коунами и истопиться, любо рать възметь, любо огнь, то не насилити іемоу, ни продати іего, нъ како почнеть от лѣта платити, такоже платить, занеже пагоуба от Бога іесть, а невиноватъ іесть.

Ожели пропьіеться или пробиіеться, (?) въ безоумии чюжь товаръ испорьтить, то како любо тѣмъ, чые то коуны: жьдоуть ли іему, а своя имъ воля, или продадять ли, своя имъ воля.

должны возвратить оное (единоутробной) братіи, согласно съ показаніемъ свидѣтелей; они владѣютъ (только) отцовскимъ имѣніемъ.

98. Что касается до матери въ семъ случаѣ, то она отдаетъ имѣніе тому сыну, который былъ добрѣе, (не разбирая того, съ которымъ мужемъ прижитъ ею); если сыновья всѣ были злы, то она въ правѣ отдать имѣніе и дочери, которая ее содержитъ.

Пошлины судебныя.

111. Слѣдующія пошлины опредѣляются съ судовъ: изъ виры судьѣ 9 кунъ, метельнику 9 векошъ; съ бортной земли 30 кунъ, а во всѣхъ прочихъ тяжбахъ съ того, кого оправдаютъ, судьѣ брать по 4 куны, а метельнику 6 векошъ.

О н а с л ѣ д с т в ѣ.

112. Если братья станутъ между собою тягаться о наслѣдіи предъ Княземъ, то дѣтскій, посланный для ихъ раздѣла, получаетъ гривну кунъ (за трудъ).

Пошлины присяжныя.

113. Слѣдующія пошлины опредѣляются съ дѣлъ, присягою рѣшаемыхъ: отъ уголовнаго суда 30 кунъ, съ тяжбы о бортной и пахатной землѣ 27 кунъ; по дѣламъ о свободѣ 9 кунъ.

О купцѣ, претерпѣвшемъ кораблекрушеніе.

109. Если какой-нибудь купецъ, взявъ чужіе (товары или) деньги, потерпитъ кораблекрушеніе, или подвергнется пожару, или будетъ ограбленъ непріятелемъ, то (вѣритель) не въ правѣ сдѣлать ему какое-нибудь насиліе, или продать его въ рабство, но долженъ позволить ему разсрочку платежа погодно; ибо онъ не виноватъ въ несчастной утратѣ товара; власть Божія.

Но если купецъ ввѣренный ему товаръ или пропьетъ, или промотаетъ, или испортитъ отъ небреженія, то онъ отдается въ полную волю вѣрителей: хотятъ ждутъ, хотятъ продадутъ въ рабство, ихъ воля.

О долзѣ.

75 (51). Аже кто многымъ долженъ боудеть, а пришедъ гость изъ иного города, или чужеземьць, а не вѣдая запоустить зань товаръ, а опять начнеть не дати гости коунъ іемоу, а пьрвии дължьбити начьноуть іемоу запинати, не дадоуче іемоу коунъ, то вести и на торгъ и продати и; отдати же пьрвѣіе гостины коуны, а домашьнымъ что ся останеть коунъ, тѣмьже ся подѣлять.

Пакы же ли боудоуть Княже коуны, то Княже коуны переже взяти, а прокъ въ дѣлъ.

Аже кто много реза ималъ, то томоу не имати.

О закоупѣ.

76 (53). Оже ролѣиныи закупъ оу господина боудеть, и погоубить воискыи* (?) конь, то не платіти іемоу; нъ іеже далъ іемоу господинъ плоугъ и бороноу, от негоже ковоу іемлеть, тъ то погоубивъши іемоу платити.

* Въ др. сп. свойскии.

Ожели господинъ отслеть іего на своіе ороудьіе, а погынеть без него, того іемоу не платити.

О закоупѣ.

77 (54). Оже из хлѣва выведоуть, то закоупоу того не платити: нъ оже погоубить на поли, и въ дворъ не вьженеть, и не затворить, кдѣ іемоу господинъ велить; или орудия своя дѣя, а того погоубить, то то іемоу платити.

78 (55). *Аже господинъ переобидить закоупа, а оувѣдить враждоу іего, (?) (въ друг. сп. ковy), или отарицю, (?) то то іемоу воротити, а за обидоу платіти іемоу 7 коунъ.

Пакы ли приметь на немь коунъ, то опять іемоу воротіти коуны, что боудеть прилъ, а за обидоу платити іемоу 3 гривнѣ продаже.

О долгахъ.

110. Если кто многимъ долженъ, а купецъ, пріѣхавшій изъ другаго города, или изъ другой земли, не зная про то, повѣритъ ему товаръ свой, и онъ окажется послѣ не въ состояніи заплатить сему вѣрителю за товаръ, по причинѣ требованій со стороны первыхъ заимодавцевъ; въ такомъ случаѣ вести должника на торгъ и продать, и удовлетворить напередъ требованіямъ гостя, а остальное раздѣлить между прочими заимодавцами.

Также, если онъ долженъ будетъ князю, то очиститъ напередъ княжія требованія, а остальное въ дележъ.

Если кто изъ нихъ взялъ уже много ростовъ, тотъ лишается своихъ денегъ.

О наемникѣ.

83. Если у господина будетъ наемный земледѣлецъ, и потеряетъ войсковую (?) лошадь, то ему не за что отвѣтствовать, а ежели утратитъ плугъ и борону, данныя ему господиномъ, отъ котораго онъ получаетъ плату, то онъ долженъ за сію потерю заплатить господину.

Если же сіи вещи пропали въ его отсутствіе, когда онъ посланъ былъ за господскимъ дѣломъ, то въ семъ случаѣ наемникъ не обязанъ платить.

О наемникѣ.

84. Наемникъ не отвѣтствуетъ за скотину, уведенную изъ хлѣва; но когда растеряетъ ее въ полѣ, или не загонитъ на дворъ, или не затворитъ въ хлѣвѣ, вопреки приказанію своего господина, или утратитъ ее за своимъ дѣломъ, то наемникъ подлежитъ отвѣтственности.

85. Если господинъ обидитъ наемнаго слугу, не выдастъ ему полнаго жалованья (?),... то господинъ долженъ возвратить ему удержанное; да кромѣ сего заплатить ему за обиду 7 кунъ пени.

Равнымъ образомъ, когда господинъ возметъ и станетъ удерживать деньги наемника, то взятыя деньги возвратить, да за обиду заплатить ему 3 гривны пени.

Продасть ли господинъ закоупа обьль, то наиметоу свобода въ всехъ коунахъ, а господиноу платити за обидоу 12 гривнѣ продаже.

Аже господинъ бьетъ закоупа про дѣло, то без вины iесть; бьеть ли не смысля пьянъ, без вины, то якоже и въ свободномь платежь, такоже и въ закоупѣ.

О холопѣ.

79 (56). Аже холопъ обѣльныи выведеть конь чии любо, то платити зань 2 гривнѣ.

О закоупѣ.

80 (57). О закоупѣ.—Оже оувѣдеть что, то господинъ въ томь; нъ оже индѣ налѣзоуть, то заплатить передниi господинъ iего, конь, или ино что боудеть взялъ, iемоу холопъ обѣльныи.

Пакы ли господинъ не хотѣти начнеть платити зань, а продасть и, отдасть же переди или за конь, или за волъ, или за товаръ, что боудеть чюжего взялъ, а прокъ iемоу самомоу взяти собѣ.

А се оже холопъ оударить.

81 (58). Аже холопъ оударить свободна моужа, а оубѣжить въ хоромъ, а господинъ iего не выдасть, то платиті зань господину 12 гривнѣ.

А за тѣмъ аче кдѣ налѣзѣть оудареныи тъ своiего истьча, ктоже iего оударилъ, то Ярославъ былъ оуставилъ и оубити; нъ сынове iего оуставиша по отци на коуны, любо и бити розвязавше (?), или взяти гривна коунъ за соромъ.

А се о борти.

82 (68). Аже борть подътнеть, то 3 гривне продаже, а за дерево полъгривнѣ.

83 (69). Аже бчелы выдереть, то 3 гривне продаже, а за медъ, оже боудоуть бчелы нелажены, то 10 коунъ; боудеть ли олекъ, то 5 коунъ.

85. Ежели господинъ продаетъ вольнаго слугу за холопа, то слуга очищаетъ весь свой долгъ, за который онъ пошелъ въ служенiе, а продавецъ вноситъ 12 гривенъ пени.

Если господинъ бьетъ наемнаго слугу за дѣло, то въ семъ вины нѣтъ: если же бьетъ его въ пьянствѣ, и безъ всякой вины, то платитъ ему какъ свободному.

О холопѣ.

76. Ежели чей крѣпостной холопъ уведетъ лошадь, то платитъ за то 2 гривны.

О наемникѣ.

87. Если наемникъ украдетъ что-нибудь, то господинъ не отвѣтствуетъ; но если онъ будетъ пойманъ, то господину отдается на волю, хочетъ ли онъ заплатить извѣстную сумму за учиненную слугою его покражу, напр. лошади, или какого-нибудь другаго предмета, и въ такомъ случаѣ наемникъ дѣлается полнымъ его холопомъ.

Если же господинъ не захочетъ платить за него, то долженъ продать его, и изъ вырученныхъ денегъ заплатить за покраденное имъ, лошадь ли то будетъ, или быкъ, или товаръ, или другое что имъ унесенное, а что останется за уплатою, то взять себѣ.

О томъ, если холопъ ударитъ.

77. *Если холопъ ударитъ свободнаго человѣка, и скроется въ дому, а господинъ не выдастъ его, то платить за него господину 12 гривенъ.

Но если послѣ сего ударенный встрѣтитъ гдѣ-нибудь того, кто ударилъ его, то Ярославъ опредѣлилъ было убивать его; но дѣти Ярославовы, отмѣнивъ сiю казнь, дали истцу одно право бить, развязавъ (?), виновнаго холопа, или взять за безчестiе гривну кунъ.

О борти.

46. **Кто срубитъ борть, платитъ 3 гривны пени, а за дерево хозяину полгривны.

47. За выдранiе пчелъ 3 гривны, а хозяину, буде медъ еще не былъ вынутъ, 10 кунъ, буде же уже вынутъ, 5 кунъ.

84 (70). Не боудеть ли татя, то по слѣдоу женоуть. Аже (не) боудеть слѣда или къ селоу, или к товароу; а не отсочать от себе слѣда, ни іедоуть на слѣдъ, или отобиються, тъ тѣмъ платити татбоу и продажю.

А слѣдъ гнати съ чюжими людми, а с послоухы; аже погоубять слѣдъ на гостинци на велицѣ, а села не боудеть, или на поусте, кдѣже не боудеть ни села, ни людии, то не платити ни продаже, ни татьбы.

48. Если тать скроется, должно искать его по слѣду. Если слѣдъ приведетъ къ селу, или къ какому-либо имѣнію, и если жители или хозяева не отведутъ отъ себя слѣда, не пойдутъ на слѣдъ и станутъ отбиваться, то платить имъ за покраденное съ пенею. А слѣдить надлежитъ съ чужими людьми и свидѣтелями. Но буде слѣдъ кончится на большой дорогѣ, при коей не будетъ никакого селенія, или на пустомъ, не застроенномъ и безлюдномъ мѣстѣ, то не платить ни пени, ни цѣны украденнаго.

О смърдѣ.

85 (71). Оже смердь моучить смьрда безъ Княжя слова, то 3 гривны продаже, а за моуку гривна коунъ.

86 (72). Аже огнищанина моучить, то 12 гривне продаже, а за моуку гривна.

87 (73). Аже лодью оукрадеть, то 6 коунъ продаже, а лодию лицемь воротити; а за морьскоую лодью 3 гривны, а за набоиноую 2 гривне, а за челнъ 8 коунъ, а за строугъ гривна.

О простолюдинѣ.

88. **Ежели простолюдинъ чинитъ истязаніе простолюдину безъ княжескаго повелѣнія, то 3 гривны пени, да гривна битому за муку.

89. **За истязаніе же огнищанина 12 гривенъ пени, и гривна кунъ самому битому.

42. **Если кто украдетъ ладію, то 6 кунъ пени, съ возвращеніемъ хозяину лицемъ; за морскую ладію 3 гривны, за набойную 2, за челнъ 8 кунъ, за стругъ гривна.

О перевесехъ.

88 (74). Аже перетнеть вървь въ перевесѣ, то 3 гривне продаже, а за вървь гривна коунъ.

89 (75). Аже кто оукрадеть въ чеіеи перевесе песъ, или соколъ, или ястрябъ, то продаже 3 гривны, а господиноу гривна.

90 (76). А за голоубь 9 коунъ, а за коуря 9 коунъ.

91 (77) А за оутовь 30 коунъ, а за гоусь 30 коунъ, а за лебедь 30 коунъ, а за жеравь 30 коунъ.

92 (78). А в сенѣ и въ дровѣхъ 9 коунъ, а господиноу колико боудеть возъ оукрадено, то имати іемоу по 2 ногатѣ за возъ.

О перевѣсахъ.

40. Если кто перерубитъ веревку въ перевѣсѣ, то 3 гривны пени, да за веревку (птицелову) гривну.

37. **Кто украдетъ въ чьемъ-нибудь перевѣсѣ собаку, сокола или ястреба, платитъ пени 3 гривны, да хозяину гривну.

38. **За голубя 9 кунъ, за куря тоже.

39. *За утку, гуся, лебедя и журавля 30 кунъ.

41. **За покражу сѣна и дровъ 9 кунъ, а хозяину за каждый украденный возъ по двѣ ногаты.

О гоумнѣ.

93 (79). Аже зажьжеть гоумно, то на потокъ, и на розграбежъ домъ іего, переди пагоубоу исплатить, а въ прочи Князю поточити и.

Такоже оже кто дворъ зажьжетъ.

О гумнѣ.

49. Зажигатель гумна выдается Князю на заточеніе, и домъ его на разграбежъ, изъ коего напередъ вознаграждается убытокъ (хозяина), а остальнымъ располагаетъ по своей волѣ Князь.

Также поступать и съ зажигателемъ двора.

94 (80). А кто пакощами порежеть конь или скотиноу, то продаже 12 гривне, а за пагоубоу гривноу оурокъ платити.

95 (81). Ты тяже все соудять послоухы свободьными. Боудеть ли послоухъ холопъ, то холопоу на правдоу не вылазіти.

Нъ оже хочеть истьчь, или иметь и, а река тако: по сего речи іемлю тя, нъ азъ іемлю тя, а не холопъ, и іемете и на желѣзо.

Аже обинить и, іемьлеть на немь своіе. Не обинить ли іего, а платити іемоу гривноу за моукоу, за(не) по холопьи речи ялъ и.

96 (82). А желѣзнаго платити 40 коунъ, а мечникоу 5 коунъ, а полъгривне дѣтьчьскому: то ти желѣзныи оурокъ, кто си въ чемь іемлеть.

Оже иметь на желѣзо по свободьныхъ людии речи, любо запа нань боудеть, любо прохожениіе ночноіе, или кымь любо образомь, аже не ожьжеться, то про моукы не платити іемоу, нъ одино желѣзноіе, кто будеть ялъ.

50. Если кто по злобѣ зарѣжетъ чужаго коня или другую скотину, тотъ платитъ въ казну 12 гривенъ пени, да (хозяину) за причиненный ущербъ гривну.

60. Всѣ изложенныя доселѣ тяжбы судятся по свидѣтельствамъ свободныхъ людей. Если же случится быть свидѣтелемъ холопу, то онъ не можетъ быть представленъ къ суду.

Но истецъ, если хочетъ, можетъ воспользоваться свидѣтельствомъ раба, и, сказавъ отвѣтчику: «я требую тебя къ суду по поводу свидѣтельства сего раба, впрочемъ отъ своего собственнаго лица, а не единственно по рѣчамъ холопьимъ», можетъ требовать отъ отвѣтчика, чтобы оправдался испытаніемъ желѣза.

Если послѣдній окажется виновнымъ, то платитъ искъ. Если же явится невиновнымъ, то истецъ даетъ ему за муку гривну, поелику вызвалъ его на испытаніе по поводу холопьихъ рѣчей.

61. Пошлины желѣзной 40 кунъ, мечнику 5 кунъ, княжескому отроку полгривны; это называется желѣзною пошлиною, взимаемою по случаю такихъ вызововъ на испытаніе желѣзомъ.

Если же истецъ вызоветъ кого на желѣзо по показанію свободныхъ людей, или по подозрѣнію, (?)если наприм. видѣли обвиняемаго проходящимъ ночью, или другимъ какимъ образомъ, то отвѣтчикъ, оправдавъ себя невредженіемъ отъ желѣза, не беретъ ничего за муку съ истца, который платитъ только желѣзное.

А се закладаюче городъ.

97 (90). А се оурочи городникоу: закладаюче городьня, коуна взяти, а кончавше ногата; а за кормъ, и за вологу, и за мяса, и за рыбы, 7 коунъ на недѣлю, 7 хлѣбовъ, 7 оубороковъ пшена, 7 лоуконъ овса на 4 кони; імати же іемоу, донелѣ городъ съроубять, а солоду дадять іемоу одиноу 10 лоуконъ.

Пошлины для строителей городскихъ стѣнъ.

114. Строителю города вотъ какая плата: закладывая городни брать куну, да по окончаніи ногату; на пищу и на питье, на мясо и рыбу полагается 7 кунъ въ недѣлю, 7 хлѣбовъ, 7 уброковъ пшена, 7 луконъ овса на 4 лошади; что и получать ему, пока не будетъ городъ срубленъ; солоду давать ему на все время 10 луконъ.

А се оуроци мостьникоу.

98 (91). А се мостьникоу оуроци: помостивъше мостъ взяти от 10 локотъ по ногатѣ.

Пошлины для строителей мостовъ.

115. **Строителю моста вотъ какая плата: по построеніи (новаго) моста, брать съ 10 локтей по ногатѣ.

Аже починить моста ветхаго, то колико городень починить, то взяти іемоу по коунѣ от городне.

А мостьникоу іехати самому съ отрокомъ на дву коню, взяти 4 лоукна овса на недѣлю, а ѣсти что можета.

О задници.

99 (92). Аже боудоуть робые дѣти оу моужа, то задницѣ имъ не имати, нъ свобода имъ съ матерью.

100 (93). Аже боудоуть въ домоу дѣти малы, а не джи (дюжи?) ся боудоуть сами собою печаловати, а мати имъ поидеть за моужь, то токмо имъ ближеи боудоуть, томоуже дати на роуцѣ, и съ добытъкомь и съ домомь, донелѣже възмогоуть, а товаръ даті передъ людьми.

А что сърѣзить товаромь тѣмь, ли пригостить, то то іемоу собѣ, а истыи товаръ воротить имъ а прикоупъ іемоу собѣ, зане кърмилъ и печаловалъся.

Аже от челяди плъдъ, или от скота, то то поимати лицемь; что поималъ боудеть, или истерялъ, то то іему все платити дѣтѣмъ тѣмъ.

101 (94). Ачеже и отьцимъ приметь дѣти съ задьницею, то такоже іесть рядъ, а дворъ безъ дѣла отьнь всяко мьншемоу сынови.

О холопьствѣ.

102. Холопьство обьлноіе троіе: Оже коупить, хотя и до полоугривьны, а послоухы поставять, а ногатоу дасть передъ самѣмь холопомь.

103. А второіе холопьство: поиметь робоу безъ рядоу; поиметь ли ся съ рядомъ, то како боудеть ся рядилъ, на томьже стоить.

104. А се третьіеіе холопьство: тиоуньство без рядоу, или привяжеть къ собѣ ключь без рядоу. Или с рядомъ, то како ся боудеть рядилъ, на томьже стоить.

105. А въ даче не холопъ, ни по хлѣбе роботять, ни по придатъцѣ, нъ оже не доходять

Еслижъ будетъ починенъ только старый мостъ, то, сколько городень будетъ починено, брать со всякой по кунѣ..

Сверхъ того давать ему съ помощникомъ двѣ лошади, на конхъ брать имъ по 4 лукна на недѣлю; а пищи, сколько съѣсть могутъ.

О наслѣдствѣ.

99. Дѣти, прижитыя съ рабою, не имѣютъ участія въ наслѣдіи, но получаютъ свободу и съ матерію.

100. Если останутся въ дому дѣти малолѣтныя, которыя не въ состояніи еще пещись о себѣ, а мать выдетъ за-мужъ, то отдать ихъ пр свидѣтеляхъ на руки ближайшему родственнику вмѣстѣ съ имуществомъ и домомъ.

А что опекунъ присовокупитъ къ имѣнію, отдавая его въ ростъ, или пуская въ торговые обороты, то возметъ себѣ за трудъ и попеченіе, но самый капиталъ долженъ имъ возвратить.

Приплодъ же отъ рабовъ и отъ скота остается въ пользу дѣтей, которыя получаютъ его лицемъ (отъ опекуна). Если опекунъ утратитъ что-нибудь изъ принятаго имъ имѣнія, то онъ обязанъ за все то заплатить дѣтямъ.

101. Если и отчимъ возметъ дѣтей вмѣстѣ съ имуществомъ (подъ свою опеку), то при возвращеніи имѣнія поступать на тѣхъ же основаніяхъ, но дворъ отеческій всегда поступаетъ къ меньшему сыну.

О крѣпостномъ состояніи.

62. Холопство полное есть трехъ родовъ: первое, когда кто купитъ человѣка, хотя бы и за полгривны, поставитъ свидѣтелей, и отдастъ деньги (?) при самомъ холопѣ.

63. Второе, когда кто женится на рабѣ безъ всякаго условія; если же сдѣлано будетъ при семъ условіе, то оно остается въ своей силѣ.

64. Третіе, когда кто безъ условія же пойдетъ въ тіуны или въ ключники. Если же было учинено условіе, то какъ условливался, такъ при томъ и оставаться.

81. Ни дача заработной платы, ни содержаніе, ни снабженіе домашнимъ обиходомъ не дѣлаютъ

года, то ворочати iемоу милость; отходить ли, то не виноватъ iесть.

106. Аже холопъ бѣжить, а заповѣсть господинъ, оже слышавъ кто, или зная и вѣдая, оже iесть холопъ, и дасть iемоу хлѣба, или оукажеть iемоу поуть, то платити iемоу за холопъ 5 гривенъ, а за робоу 6 гривенъ.

107. Аже кто перейметь чюжь холопъ, и дасть вѣсть господиноу iего, то имати iемоу переiемъ гривна коунъ. Не оублюдеть ли, то платити iемоу 4 гривны, а пятая iемоу перейма; оже боудеть роба, тъ 5 гривенъ, а шестая на переiемъ отходить.

108. Аже кто своего холопа самъ досочиться въ чиiемъ любо (го)родѣ, а боудеть посадникъ не вѣдалъ iего, то повѣдавше iемоу пояти оунего отрокъ, и шедъши, оувязати и, и дати iемоу вязебное 10 коунъ, а перейма нѣтоуть.

Аче оупоустить, собѣ iемоу пагоуба, а не платить в то нiктоже, тѣмьже и перейма нѣтоуть.

109. Аже кто не вѣдая чюжь холопъ оусрячеть, или вѣсти дѣiеть, любо дьржить оу себе, идеть от него,—то ити iемоу ротѣ, яко не вѣдалъ iесмь, оже iесть холопъ, а платежа въ томь нѣтоуть.

110. Ачеже холопъ кдѣ коуны вложить, а онъ не вѣдая вдалъ, то господиноу выкоупати, али лишитися iего; вѣдая ли боудеть далъ, то коунъ iемоу лишитися.

111. Аже кто поустить холопа въ торгъ, а одолжаiеть, то выкоупати iего господину, а не лишиться iего.

112. Аже кто крьнеть (?въ Тр. сп. коупить) чюжь холопъ не вѣдая, то пьрвому госпо-

никого холопомъ; и ежели кто, изъ таковыхъ наемниковъ, не дослуживъ года, захочетъ отойти прочь, то ему не возбраняется; только долженъ онъ въ такомъ случаѣ возвратить господину полученное.

66. Ежели холопъ бѣжитъ, и господинъ о побѣгѣ его заявитъ, и если кто, слышавъ сiю явку, или зная, что холопъ бѣглый, дастъ ему хлѣба или укажетъ дорогу, то платитъ господину за холопа 5 гривенъ, а за рабу 6.

67. Если кто перейметъ чужаго холопа, и дастъ о томъ знать господину, то взять ему за переемъ гривну кунъ. Если же, поймавъ бѣглеца, не устережетъ его, то платитъ господину 4 гривны, а за рабу 5 гривенъ; въ первомъ случаѣ пятая, а во второмъ шестая, уступается ему за то, что онъ поймалъ бѣглаго.

68. Если кто самъ дознается, что холопъ его находится въ извѣстномъ городѣ, а между тѣмъ посадникъ не знаетъ о томъ, то, донесши о томъ посаднику, онъ имѣетъ право вытребовать у него отрока, дабы вмѣстѣ съ нимъ связать бѣглеца; за каковое содѣйствiе и дастъ ему 10 кунъ; но за переемъ не платитъ ничего.

Но если преслѣдователь упуститъ раба, то жаловаться на себя самого; и никто не платитъ за то, какъ и онъ никому не отвѣчаетъ за переемъ его.

69. Если кто по невѣдѣнiю встрѣтитъ чужаго холопа, подастъ ему вѣсть, или станетъ держать его у себя и бѣглецъ сойдетъ отъ него,—то, буде онъ присягаетъ, что по невѣдѣнiю поступалъ такимъ образомъ съ бѣглецомъ, освобождается отъ всякаго взысканiя.

70. Если холопъ (обманомъ) испроситъ у кого деньги подъ именемъ вольнаго человѣка, то господинъ его долженъ или заплатить или отступиться отъ него; но если вѣритель, зная, что онъ холопъ, далъ ему деньги, то лишается своихъ денегъ.

71. Если кто дозволитъ своему холопу торговать, и холопъ тотъ одолжаетъ, то господинъ обязанъ платить за него долги, но не властенъ отъ него отступиться.

72. Если кто возметъ (?) чужаго холопа не зная, то первый господинъ беретъ своего

диноу холопъ пояти, а ономоу коуны имати ротѣ ходивше, яко не вѣдая іесмь коупилъ. Вѣдая ли будетъ купилъ, то коунъ ему лишену быти.

холопа обратно, а послѣдній, буде присягнетъ, что купилъ его по невѣдѣнію, получаетъ свои деньги; если же откроется, что купилъ его за-вѣдомо, то лишается своихъ денегъ.

113. Оже холопъ бѣгая добоудетъ товаръ, то господину холопъ и долгъ, господиноу же и товаръ, а не лишатися іего.

73. Ежели холопъ, будучи въ бѣгахъ, пріобрѣтетъ себѣ имѣніе, то какъ долгъ за холопа оплачиваетъ господинъ, такъ и пріобрѣтеніе, сдѣланное имъ, принадлежитъ господину вмѣстѣ съ лицемъ раба.

114. Аже кто бѣжа, а поіемлеть что соусѣдне, или товаръ, то господиноу платити зань оурокъ, что боудеть взялъ.

74. Ежели холопъ, бѣжавъ, снесетъ съ собою что-либо изъ принадлежащаго сосѣду, то господинъ обязанъ заплатить (за снесенное имъ по надлежащей цѣнѣ).

115. Аже холопъ крадеть кого любо, то господиноу выкоупати и, любо выдати и, съ кымъ боудеть кралъ, а женѣ и дѣтемъ не надобѣ; а оже боудоуть с нимь крали и хоронили, то всехъ выдати.

Пакы ли а выкоупаіеть господинъ, аже боудоутъ свободнии сь нимь крали или хоронили, то Князю въ продаже.

75. Ежели холопъ обокралъ кого-нибудь, то господинъ обязанъ или заплатить за него, или выдать его вмѣстѣ съ другими участниками воровства, или хоронившими краденое, кромѣ ихъ женъ и дѣтей.

Если (съ холопомъ) крали и хоронили свободные люди, то съ таковыхъ, при выкупѣ господиномъ, взять пеню для Князя.

Изъ предложенныхъ статей Русской Правды, какъ и изъ ниже предлагаемыхъ статей договоровъ видно, что во все продолженіе удѣльнаго періода, до Татаръ, преступленія, какъ убійство, побои, воровство, укрывательство, наказывались или оплачивались пенями по прежнему.

Статьи о купцахъ, ссудахъ, долгахъ, рѣзахъ, покровительствѣ гостямъ, которые удовлетворяются прежде туземцевъ, послѣ князя, показываютъ значительное развитіе торговли (44, 46, 47, 48, 49, 74, 75).

Статьи о закупахъ ролейныхъ и прочихъ доказываютъ многочисленность этого класса и вновь возникшее обыкновеніе обработывать землю паймомъ. Примѣчательно покровительство, оказываемое закономъ наймитамъ (50, 76, 77, 78, 80).

Точно тоже должно сказать о холопахъ, челядинахъ, которымъ посвящено очень много статей, сравнительно съ другими предметами (26, 33, 34, 42, 51, 61, 79, 81, 102—115).

Общинное (артельное) начало съ круговой порукою примѣтно въ статьяхъ о дикой вирѣ, (3, 4, 6), на которую заранѣе вкладывались жители вервей, точно какъ Новгородскіе купцы вкладывались въ Иванское купечество на торговлю воскомъ (см. ниже).

Замѣчательно въ статьяхъ о наслѣдствѣ предпочтеніе меньшаго сына, которому предоставлялся отеческій домъ, въ противоположность западнымъ маіоратамъ (101).

Наслѣдство боярское при неимѣніи сыновей дѣлится между дочерьми, (63), а наслѣдство смердовъ въ такомъ случаѣ идетъ на князя (62).

Пени за убійство различаются по званію убіеннаго (1, 9, 14).

Нѣкоторыя изъ важнѣйшихъ статей Русской Правды, или имъ соотвѣтственныя, являются еще въ торговыхъ договорахъ этого времени съ Нѣмцами. Мы присоединимъ къ нимъ оттуда и прочія законоположенія.

Въ договорѣ Новогородскаго князя Ярослава Володимеровича съ Нѣмецкими послами, около **1199** года, было постановлено:

3.* А оже убьють Новгородца посла заморемъ, или Нѣмецкыи посолъ Новѣгородѣ, то за ту голову 20 гривенъ серебра.	А если убьютъ Новогородца посла за моремъ, или Нѣмецкаго посла въ Новѣгородѣ, то за ту голову 20 гривенъ серебра.
4. А оже убьють купчину Новгородца или Нѣмчина купчину Новѣгородѣ, то за ту голову 10 гривенъ серебра.	А если убьютъ купчину Новогородца (у Нѣмцевъ) или Нѣмчина купчину въ Новѣгородѣ, то за ту голову 10 гривенъ серебра.
5. А оже мужа свяжють без вины, то 12 гривенъ за соромъ старыхъ кунъ.	А если свяжутъ мужа безъ вины, то 12 гривенъ за безчестье, старыхъ кунъ (денегъ).
6. Оже ударять мужа оружеіемь любо коломъ, то 6 гривенъ за рану старыіе.	Если ударятъ мужа оружіемъ или коломъ, то за рану 6 гривенъ старыхъ.
7. Оже упьхньть, любо мятель роздрьть, то 3 гривны старыіе.	Если толкнетъ (кто) или разорветъ одежду (мантію, mantel, мятель), то 3 гривны старыхъ.
8. Оже пошибаіеть мужеску жену, любо дчьрь, то Князю 40 гривенъ ветхъми кунами. А женѣ или мужьскоіе дчери 40 гривенъ ветхыми кунами.	Если прибьетъ (кто) мужнюю жену, или дочь, то Князю 40 гривенъ старыми кунами. А женѣ или мужней дочери 40 гривенъ старыми кунами.
9. Оже съгренеть чюжеіе женѣ повои с головы или дщьри, явится простоволоса, 6 гривенъ старыіе за соромъ.*	Если сорветъ (кто) повойникъ съ головы у чужой жены или дочери, и (она) явится простоволосою, то 6 гривенъ старыхъ за безчестіе.
10. Оже тяжа родится бес крови, снидутся послуси и Русь и Нѣмци, то вергуть жеребеіе; кому ся выимьть, ротѣ шьдъ свою праву възмуть.	Въ случаѣ спора (драки?) безъ крови, свидѣтели, Русь и Нѣмцы, бросаютъ жребій: кому вынется, (тотъ), присягнувъ, получаетъ слѣдующее вознагражденіе.
11. Оже іемати скотъ Варягу на Русинѣ или Русину на Варязѣ, а ся іего заприть, то 12 мужь послухы идеть ротѣ, възметь своіе.	При взысканіи денегъ Варягомъ съ Русина, или Русиномъ съ Варяга, въ случаѣ его запирательства, (истецъ), въ присутствіи 12 свидѣтелей, идетъ къ присягѣ, и беретъ свое.
16. Оже кто рабу поврежьть насильіемь, а не соромить, то за обиду гривна.	Если кто повалитъ рабу насильно, но не обезчеститъ, то за обиду гривна.
Пакы ли соромить, собѣ свободна.	Если обезчеститъ, то раба свободна.
17. Оже убьють таль или попъ Новгороцкоіе или Нѣмецкъіе Новѣгородѣ, то 20 гривенъ серебра за голову.	Если убьютъ заложника или попа Новогородскаго, или Нѣмецкаго въ Новѣгородѣ, то 20 гривенъ серебра за голову.

* Начало договора, первыя двѣ статьи, (1, 2), и запредпослѣднія четыре, 12—15, см. ниже.

Въ договорѣ Смоленскаго князя Мстислава Давидовича (1228) съ Ригою и Готскимъ берегомъ и проч. слѣдующія 14 статей въ началѣ, послѣ приступа, согласны совершенно съ узаконеніями Русской Правды.

1. Оже убьють вольнаго человѣка, платити за голову 10 гривенъ серебра по 4 гривны кунами или пѣнязи, а за холопа гривна серебра.	Если случится убійство, то за жизнь вольнаго человѣка платить 10 гривенъ серебра, деньгами или кунами, пѣнязями, считая оныхъ (кунъ) 4 гривны на одну гривну серебра.
Аже кто холона ударить, гривна кунъ.	Кто ударитъ холопа, платитъ гривну кунъ.
Та же правда буди и въ Смоленскѣ, и въ Ризѣ, и на Готьскомъ березѣ.	Та же пеня въ Смоленскѣ, въ Ригѣ, и на Готскомъ берегу.
2. Аще око выбьють, или руку отътнуть, или ногу, или иная которая хромота на тѣлѣ явиться, 5 гривенъ серебра, а за зубъ 3 гривны серебра.	За поврежденіе глаза, отсѣченіе руки, ноги, и всякое увѣчье, 5 гривенъ серебра; за вышибенный зубъ 3 гривны серебра.
3. А кто деревомъ ударить человѣка до крови, полторы гривны серебра; аже ударить по лицю или за волосы иметь, или батогомъ шибеть, платить безъ четверти гривна серебра.	За окровавленіе человѣка посредствомъ дерева $1^1/_2$ гривны; кто ударитъ по лицу или схватитъ человѣка за волосы, или ударитъ батогомъ, даетъ $^3/_4$ гривны.
4. Аже послови пригодится пакость или попови, въ всякой обидѣ за два человѣка платити дань.	Пеня за обиду посла и священника должна быть двойная.
5. Аще кто друга ранить, а хромоты на тѣлѣ не будеть, полторы гривны серебра платити.	За рану, безъ знаковъ увѣчья, пеня въ полторы гривны.
6. Аще Рускый гость или въ Ризѣ, или на Готьскомъ березѣ извинится, (будетъ виноватъ), никакоже его всадити въ дыбу, оже будеть порука по нь; не будеть ли порукы по нь, то лзѣ всадити въ желѣза.	Если Русскій гость провинится въ Ригѣ или на Готскомъ берегу, то нельзя посадить его въ дыбу, когда онъ представитъ поруку за себя; если поруки не будетъ, то можно заковать въ желѣза.
7. Или Нѣмецкый гость извинится, нелзѣ его вереци въ погребъ; оже не будеть по нь порукы, лзѣ его всадити въ желѣза.	Если Нѣмецкій гость провинится, то нельзя бросить его въ погребъ; не будетъ у него поруки, то можно заковать его въ желѣза.
8. Или Нѣмечкый гость дасть холопу Княжю или боярьску, а кто задницю (наслѣдіе) его возметь, то у того Нѣмичю товаръ взяти.	Если холопъ княжескій или боярскій умретъ, занявъ деньги у Нѣмца, то наслѣдникъ перваго — или кто взялъ его имѣніе, — платитъ долгъ.
9. Русину же нелзѣ вести одинаго Русина въ послушьство, ни двою. Таже правда буди Нѣмцемъ въ Смоленскѣ.	И Нѣмецъ и Россіянинъ обязаны въ тяжбахъ представлять болѣе двухъ свидѣтелей изъ своихъ единоземцевъ.
10. Русину же нелзѣ имати Нѣмчича на желѣзо, такоже и Нѣмцичю Русина; аже возлюбить самъ своею волею, то его воля.	Испытаніе невинности посредствомъ раскаленнаго желѣза дозволяется только въ случаѣ обоюднаго на то согласія; принужденія нѣтъ.

11. Русину же нелзѣ позвати Нѣмчича на поле въ Смоленскѣ, ни Нѣмчичю въ Ригѣ и на Готьскомъ березѣ.

12. Или Нѣмечкый гость битися въ Руси межи собою мецами или сулицами, Князю то не надобѣ и никакому Русину, а правятся сами по своему суду.

13. А иметь Русинъ Нѣмчица у своеи жены, ино за соромъ 10 гривенъ серебра: такоже Русину, въ Ригѣ, и на Готскомъ берегу.

14. Аще который Нѣмчичь учинить насилье надъ вольною женою въ Смоленскѣ, а дотолѣ было не слышати бляднѣ ей, 10 гривенъ серебра за соромъ; та же правда буди Русину и пр.

Русинъ не можетъ звать Нѣмчича на поле въ Смоленскѣ, ни Нѣмчичъ въ Ригѣ и на Готскомъ берегу.

Если Нѣмецкіе гости (вздумаютъ когда) биться между собою мечами или сулицами, то Князю до этого нѣтъ дѣла, и никакому Русину; пусть правятся своимъ судомъ.

Если Россіянинъ застанетъ Нѣмца или Нѣмецъ Россіянина у своей жены, виноватый платитъ 10 гривенъ серебра за безчестіе; такъ и Русинъ въ Ригѣ и на Готскомъ берегу.

Если Нѣмецъ или Россіянинъ обезчеститъ дѣвицу или вдову хорошаго поведенія, то взыскать съ виновнаго 10 гривенъ серебра за безчестіе.

Окончаніе договора, см. ниже въ главѣ о торговлѣ.

Преступленія, которыя имѣлись въ виду Русскою Правдою 12 вѣка, были слѣдующія:

Убійство — *душегубство*. *Головникъ* — убійца; *голова* (1, 2, 3), *кости*, *мертвецъ* (15)—убитый человѣкъ. *Клепать головою* (17)—взводить убійство.

Вѣкъ, увѣчье (4). Порвать бороду (52), выбить зубъ (53).

Ударить (81)—побои.

Разбой — самоуправство, своеволіе, насиліе. *Разбойникъ* — озарникъ, виноватый въ разбоѣ (5).

Тать, *татьба*, татебное, *красть*,— воръ, воровство (32, 36, 37).

Поджогъ (93) гумна, двора.

Порѣзать коня, скотину (94).

Свада (4)—ссора, распря, споръ.

Поклепъ, *клепать* (17) — обвиненіе по подозрѣнію, *клепать бо́льшимъ*—(45) требовать лишнее.

Соро́мъ—безчестіе (81), оскорбленіе чести побоями и проч.

Обида (43), *пагуба* (93, 94, 108)— убытокъ, причиненіе убытка.

Побѣгъ (*холопъ бѣжитъ*—106). Укрывательство.

Мука, мучить (85, 86)—бить, истязать.

Проторъ (33)—издержки, убытки.

Наказанія за эти преступленія полагались:

Вира—пеня за убійство, которую платилъ убійца; *дикая вира*,—которую платила вервь, когда убійца неизвѣстенъ (3—8); *поклепная вира* (15) — по подозрѣнію; *полвиры*, за женщину (60).

Вывести виру (15), снять вину, оправдать.

Свергнуть виру (16)—оправдаться.

Головничество (4) — плата пени за убійство.

Потокъ, *поточить* — заточеніе, заключеніе (5), *выдать на потокъ* (30, 93).

Потокомъ называлось и изгнаніе. Такъ Половцы (1079) убили Романа, а «Олга емше *поточиша* и за море Царюгороду. Мстиславъ, Великій князь Кіевскій, *поточи* (1130) Полотьскіи князѣ, съ женами и съ дѣтьми въ Греки.

Разграбленіе, разграбежъ (5, 93) — конфискація, отобраніе въ казну, т. е. на князя.

Продажа (18, 31, 34)—пеня за разныя преступленія. *Продать*—обложить пенею.

Желъзо, дать желъзо (17) — доказательство вины посредствомъ желѣза. *Брать на желъзо. Вода* (17)—посредствомъ воды.

Покони вирные (7). *Уроки судебные* (71), *ротные* (73, *желъзные*,—повинности по дѣламъ подвергаемымъ суду, рѣшаемымъ присягою, чрезъ испытаніе желѣзомъ.

Наклады (59)—надбавки къ пенямъ.

Сметная (16), плата отроку при оправданіи. *Перекладное* (7, 59). *Помоченое* (16). *Вязебное* (108). *Желъзное, желъзной урокъ* (96). *Ссадная* (7), *переди ссадная* (8) гривна(?). *Лъчебное* (24).

Для опредѣленія различныхъ общественныхъ отношеній встрѣчаются въ Правдѣ 12 столѣтія слѣдующія слова:

Ряда, рядъ (64, 103) распоряженіе; *рядиться* (46) — условливаться, договариваться.

Судъ, судить, (60) судія. *Дать правду* (50) разсудить дѣло по закону.

Тяжа (17) — судебное производство спора, дѣло; *малая тяжа*—не важная; *растяжутся* (72)—начнутъ тяжбу. *Утягать*—выиграть тяжбу.

Сводъ, изводъ (29), хожденіе съ поличнымъ отъ одного лица, у кого оно найдено, къ другому, чтобъ отыскать виноватаго. *Идти на сводъ. Конечный сводъ* (33).

Запиратися (44)—отрекаться, отказываться.

Рота—клятва, присяга. *Идти ротъ* (17), *на роту* (32, 43)—присягать.

Задница (62, 63, 101) наслѣдство, остающееся по смерти имѣніе.

Дать на руки (100)—сиротъ подъ опеку.

Дълъ, раздълъ (73, 101).

Долгъ, одолжать (111), задолжать.

Поклажа, класть поклажаи (45), давать на сохраненіе.

Ростъ, ръзы,—проценты, излишекъ за ссуду. Давать куны въ рѣзъ (46)—деньги въ проценты. *Сръзить* (100) — накопить процентами. Давать жито въ присопъ, наставъ на медъ (46). *Ръзы мъсячные, третные* (47). Два рѣза, три рѣза (48).

Дача денегъ въ куплю и гостьбу (44).

Прикупъ (100)—барышъ, торговыя выгоды во внутренней торговлѣ.

Пригостить (100)—наторговать въ иностранной торговлѣ.

Исто (48)—капиталъ.

Лице (17, 28, 31), поличное.

Взыскивать (43)—требовать.

Платить, (100, 107, 114).

Жалъть (32, 35) — считать потерянымъ, не искать.

Закликать, заповъдать — на торгу объявлять о бѣгствѣ рабовъ (26), о пропажѣ (27).

Отходить (105, о холопахъ) — оставлять службу.

Выкупъ, выкупать кунами) свою вину, убійство холопа, (110) его воровство, (115) долги, (111) убытки, имъ причиненные.

Переемъ (107, 108)—поимка, перехватъ бѣглаго.

Изъ удѣльнаго періода дошли до насъ еще слѣдующіе памятники права, относящіеся преимущественно къ дѣламъ церковнымъ, ихъ имѣніямъ и доходамъ: (см. ниже).

Грамота сына Мономахова Мстислава Новогородскому Юрьеву монастырю, 1125 года, на земли и судныя пошлины, (древнѣйшая изъ подлинныхъ).

Грамота сына его, Новогородскаго князя Всеволода (1127 — 1132) церкви Св. Іоанна Предтечи, имъ основанной. Въ этой грамотѣ есть статьи о торговлѣ.

Уставъ Новогородскаго князя Святослава Ольговича (1137) о жалованьѣ епископу вмѣсто десятины съ даней.

Грамота и духовная Антонія Римлянина (†1147) о монастырскомъ владѣніи.

Грамота Варлаама Хутынскаго монастырю (1192) на земли и рыбныя ловли.

Уставная грамота Смоленскаго князя Ростислава Мстиславича, (1150 г.), объ учрежденіи епископіи.

О сихъ грамотахъ см. въ отдѣленіи о церковномъ управленіи.

Торговый договоръ Новогородскаго князя Ярослава Володимеровича съ Нѣмцами, 1099 года.

Торговый договоръ Смоленскаго князя Мстислава Давидовича, 1228 года, съ Ригою, Готскимъ берегомъ, и проч. (См. ниже въ отдѣленіи о торговлѣ).

Дѣла, подвѣдомыя Епископскому суду, согласно съ уставами В. К. Володимера Святаго, и сына его Ярослава:

А тяжъ епископлихъ не судити никомуже, судитъ ихъ самъ епископъ: первая тяжа роспустъ; другая тяжа, ажъ водить кто двѣ жонѣ; третьяя тяжа, аще кто поимется чрезъ законъ; а четвертая уволочская, ажъ уволочетъ кто дѣвку, што возметь князь, съ епископомъ на полы, или посадникъ что възметь свои тяжи, то съ епископомъ на полы; а пятое ажъ ту женку, то епископу; шестая вопросъ (?), а то епископу, зелья и душегубство тяжа епископля; семая ажъ бьетася двѣ женѣ, то епископля тяжа; осьмая ажъ церковный человѣкъ дойдетъ чего, то своему епископу; девятая ажъ кого Богъ отведетъ церковныхъ людей, а не будетъ зла ничего церкви.

Епископлихъ дѣлъ не судить никому кромѣ самаго епископа: первое дѣло — разводъ; второе — двоеженство; третье — незаконный бракъ; четвертое—похищеніе: пеню за похищеніе дѣвки беретъ Князь или посадникъ съ епископомъ пополамъ; пятое — за похищеніе замужней женщины, (пеня) епископу; шестое—вопросъ (?) епископу, что касается до зелій и душегубства (чрезъ волхвованіе); седьмое—поединокъ двухъ женщинъ; осьмое вины церковнаго человѣка подлежатъ епископу; девятое — если кто изъ церковныхъ людей отойдетъ, безъ причиненія зла церкви.

УПРАВЛЕНІЕ.

Князь, при вступленіи своемъ на столъ, рядился всякій разъ съ людьми, какъ ему *сидѣть, ходить* и ихъ *держать*. (Сидѣть, на древнемъ языкѣ, значило начальствовать; сажать кого—дѣлать кого начальникомъ; ходить—собирать дань; держать—управлять; вводить—назначать; выводить—отрѣшать; рядиться—договариваться.) «Се Богъ поялъ стрыя твоего Вячеслава,» говорятъ бояре Ростиславу Мстиславичу, «а ты ся еси еще съ людми Кіевѣ *не утвердилъ;* а поѣди леплѣ въ Кіевъ, же съ людми *утвердися*» (1154).

Взьмя рядъ (Мстиславъ Изяславичъ) съ братьею, и дружиною, и съ Кіяны, занялъ столъ Кіевскій (1169).

Владимирцы приняли къ себѣ Ярополка Ростиславича, «весь *порядъ* положьше» (1175).

«Михалко (1176) ѣжа въ Суздаль, а изъ Суждаля Ростову, и створи людямъ весь *нарядъ*, утвердився крестнымъ цѣлованьемъ съ ними.»

Князь былъ вездѣ главнымъ судьею, и Княжій дворъ—мѣстомъ суда.

При обозрѣніи жизни Всеволодовой (Ярославича † 1093) сказано объ его старости: людемъ *недоходити княже правды,* начаша тіуны грабити, людей продавати (облагать пенями), сему не вѣдущу въ болѣзнѣхъ своихъ.

«Заутренюю воздавши хвалу Богови,» говоритъ Мономахъ въ своемъ поученіи дѣтямъ, «и сѣдше думати съ дружиною, или *люди оправливати*...—И худаго смерда,» продолжаетъ онъ, ставя себя въ примѣръ, «и убогія вдовицы не далъ есмь сильнымъ обидѣти.»

«Намъ стати предъ Святославомъ,» говорятъ волхвы (ок. 1071 г.) боярину Яну, ихъ судившему.

При вступленіи на столъ Игоря Ольговича (1146): «почаша Кіяне складывати вину на тіуна на Всеволожа на Ратьшу, и на другаго тіуна Вышегородьского, на Тудора, рекуче: Ратша ны погуби Кіевъ, а Тудоръ Вышегородъ, а нынѣ... цѣлуй намъ крестъ; аще кому насъ будетъ обида, то *ты прави.*»

«Все богатство въ единъ день, мѣсяца Сентября въ 7 «(1229), говоритъ Суздальская лѣтопись,» отъяся (отъ епископа Ростовскаго Кирилла) нѣкакою тяжею, *судившю Ярославу тако,* ту сущу ему на сонмѣ. Бяшеть бо Кирилъ богатъ зѣло, кунами и селы, и всѣмъ товаромъ, и книгами, и просто рѣщи—такъ бѣ богатъ всѣмъ, такъ ни единъ епископъ бывъ въ Кіевской области. Онъ же о всемъ о томъ вздасть Богови хвалу, пострижеся въ схиму,... а что ся ему оста, то раздая любимымъ и нищимъ.»

Осенью и весною, князь объѣзжалъ всѣ свои волости, по древнему Норманскому обычаю, и, собирая дань, творилъ вездѣ судъ и правду, какъ ему Богъ на сердце полагалъ, что̀ составляло вмѣстѣ и важнѣйшій источникъ его доходовъ.

Эти объѣзды назывались въ древности *путями*: «Всѣхъ путей, говоритъ Мономахъ, (совершилъ я) 80 и 3 великихъ, а прока неиспомню меньшихъ.»

Впослѣдствіи пути назывались чаще *полюдьями*, которыя упоминаются въ грамотѣ В. К. Мстислава Володимеровича (1125), въ грамотахъ Смоленскаго князя Ростислава Мстиславича (1150), и въ свидѣтельствахъ лѣтописей о времени В. К. Суздальскихъ, Юрья Долгорукаго, и сына его Всеволода (1154, 1190).

Мѣсто князя по городамъ и волостямъ занимали опредѣленные имъ посадники и тіуны, какъ это видно изъ вышеприведенныхъ мѣстъ о В. К. Всеволодѣ Ярославичѣ и Игорѣ Ольговичѣ. Это видно и изъ слѣдующаго мѣста Суздальской лѣтописи объ управленіи Ростиславичей, по кончинѣ В. К. Андрея Боголюбскаго: «сѣдящема Ростиславичема въ княженьи земли Ростовьскыя, роздаяла бяста по городамъ посадничьство Русьскымъ дѣтьцкимъ; *ониже* многу тяготу людемъ симъ створиша *продажами и вирами*. А сама князя молода бяста, слушая боляръ, а боляре учахуть я на многое иманіе.»

Естественный здравый смыслъ, на степени своего развитія въ данное время, указанія и требованія обстоятельствъ, сообразно съ принятыми обычаями, —вотъ какія были главныя основанія для рѣшенія всѣхъ дѣлъ и споровъ между князьями: такъ рѣшались онѣ и вообще въ народѣ назначенными отъ князя и избранными лицами. Для важныхъ общественныхъ дѣлъ въ городахъ собирались вѣча, съ почином князя въ однихъ случаяхъ, и въ другихъ съ почином народа; въ волостяхъ съ этою цѣлію собирались, какъ и теперь, мірскія сходки.

Лице князя въ городахъ и волостяхъ представляли мужи, имъ посаженные, его намѣстники, *посадники*, которые управляли народомъ, судили и рядили его.

Собирателями податей, блюстителями доходовъ княжескихъ, облагателями и взыскателями пропажъ или пеней по суду за вины, были *тіуны*.

Въ Русской Правдѣ, распространенной послѣ Ярослава, упоминаются слѣдующія должностныя лица: *тіуны княжіе*, управители княжіе, *боярскіе*, т. е. исполнявшіе эту должность въ волостяхъ боярскихъ; *огнищные* (13)—у огнищанъ; *конюшіе*—надъ конюхами (за убійство тіуна кон. полагалась высокая пеня, 80 гривенъ) *ратайные* или *сельскіе княжіе* (11)—надъ земледѣльцами, сельскіе старосты, (за нихъ полагалось по 12 гривенъ.)

Тіунами назывались и вообще управители. Такъ Изяславъ Мстиславичъ (1149) послалъ «мужи своя и тивуны своего дѣля товара и своихъ дѣля стадъ, а мужи одни сами поѣхали, а другіе послали своихъ тивуновъ,» для разбирательства къ Юрью Долгорукому. Ростиславъ, по смерти дяди Вячеслава (1154) «созва тивуны и ключники».

Тіуны вообще не пользовались доброю славою, какъ-то видно, напримѣръ, изъ приведенныхъ выше свидѣтельствъ лѣтописей, и изъ извѣстнаго въ древности вопроса, гдѣ быти тіуну на ономъ свѣтѣ? Тоже подтверждаютъ слова Даніила заточеника: «Неимѣй себѣ двора близь княжа двора, не держи села близь

княжа села: тіунъ бо его яко искры; аще отъ огня устержешися, но отъ искры не можешь устрещися женія портъ.»

Въ Русской Правдѣ значатся еще слѣдующія должностныя лица.

Вирники—чиновники, опредѣлявшіе ?) и взыскивавшіе виру, (1) и получавшіе за то опредѣленное вознагражденіе (7). У нихъ помощниками были изъ отроковъ или дѣтскихъ (7). (Слово *судія*, встрѣчающееся однажды, употреблено вѣроятно въ нарицательномъ смыслѣ и о нсится или къ посаднику, или тіуну, вирнику).

Метельники, (7) вѣроятно были тоже, что *писцы*, упоминаемые однажды (59).

Всѣ эти лица получали запасы и пошлины для себя со всякаго дѣла, (7, 59, 96).

Мытники (32) — собирали мытъ, пошлину съ предметовъ внутренней торговли. (Мытники встрѣчаются и въ лѣтописи).

Что касается до населенія, до народа, до сословій, то въ Правдѣ встрѣчаются слѣдующія наименованія:

Бояре, мужи княжіе, (113) за умерщвленіе полагалось 80 гривенъ, — та же пеня и за тіуна княжаго, за тіуна огнищнаго, конюшаго.

Отроки, *дѣтскіе*, которые употреблялись въ помощь высшихъ чиновниковъ. За убійство отрока княжаго, какъ и конюха, повара, вира полагалась въ 40 гривенъ (9).

Огнищане, (13) сословіе, принадлежащее исключительно Новугороду, и замѣненное тамъ впослѣдствіи житыми людьми, какъ будто среднее между боярами и людинами. (За убійство тіуна огнищнаго та же высшая пеня, что и за боярина, 80 гривенъ).

Купцы, (74), *гости* (75), иноземные купцы.

Гриди (1) вѣроятно то, что послѣ дворяне, дружинники).

Мечники (1, 96 (—какой-нибудь особый видъ ихъ.

Люди, людинъ, (3) — такъ продолжали называться всѣ свободные люди, члены военнаго сословія. За убіеніе людина полагалась пеня половинная въ сравненіи съ мужемъ княжимъ, или тіуномъ, то-есть 40 гривенъ.

Смерды—поселяне, земледѣльцы; упоминаются и холопы смердьи (13). За убійство гривенъ. Надъ ними были старосты или 6 тіуны сельскіе.

Холопы (14, 50) — княжіе, боярскіе чернчи, (42) рабы временные, (за убійство) 5 гривенъ раба, холопы обѣльные, *обѣль* (50, 80, 102, 103, 104)—полные.

Закупы—наймиты, наемники, ролейные (76, 77)—, кои брались воздѣлывать землю.

Рядовичи (11) .(княжіе) и боярскіе—вѣроятно вообще служители.

Общія нарицательныя наименованія, по званіямъ и занятіямъ, встрѣчаются слѣдующія: судія (50), свободный (31, 78), мужъ (81), свободный послухъ (81), господинъ (50), (въ отношеніи къ рабамъ), госпожа (65), хозяина, роба (13, 14), робить, роботять (50), челядь, челядинъ (26) рядовичь (11) (рядовые люди, простолюдины), кормилецъ, кормилица (14), ремественникъ, ремественница (12).

По обстоятельствамъ, въ коихъ кому случается быть: *Истецъ*, (35) — человѣкъ, который ищетъ, (истецъ или отъ исто?) жалуется. *Должбитъ*—заимодавецъ, *должну* быть (75).

Виддкъ, послухъ,—свидѣтель-очевидецъ; послушество. Складывать послушество на кого (51)—призывать кого въ свидѣтели.

Поручникъ, принимающій виноватаго къ себѣ на поруку, на свою отвѣтственность.

Собирательныя имена мѣстностей по Русской Правдѣ:

Миръ—общество.

Верви, напоминавшія самымъ именемъ Норманское межеваніе веревкою, представляются общинами, коихъ члены какъ бы связаны были между собою, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, круговою порукою: верви обязаны были платить виру въ извѣстныхъ случаяхъ, когда въ ихъ предѣлахъ находилося мертвое тѣло (4). Члены ея вкладывались предварительно (6), и убійца, если участвовалъ въ складчинѣ, платилъ уже половину виры, а если не вкладывался, то сполна.

Торгъ. На торгу оглашались пропажа, бѣгство рабовъ, происходилъ сводъ свидѣтелей (23, 28).

Село (84)—заселенное мѣсто, селитьба.

Городъ (28) Варяго-Русскіе города были безъ всякаго сомнѣнія укрѣпленіями, крѣпостями, а такъ какъ они сряду и вмѣстѣ упоминаются съ прежними, Славянскими, то-есть Новымгородомъ, Кіевомъ, Смоленскомъ, Ростовомъ и проч., то нѣтъ никакой причины предполагать и въ сихъ послѣднихъ чтолибо другое.

Города или крѣпости были деревянные, что видно изъ самыхъ словъ выражающихъ ихъ строеніе: рубити, ставити. (1044, 1116). Каменныя имѣлъ только Новгородъ и Ладога (1116), можетъ быть Кіевъ, Переяславль.

Городъ раздѣлялся на внѣшній, окольный — *острогъ*, и внутренній, дѣтскій — *дѣтинецъ*, называвшійся такъ, вѣроятно, отъ пребыванія тамъ дѣтскихъ.

Стѣны назывались *заборолами*, и вообще городомъ.

Въ городѣ, т. е. стѣнахъ, было по нѣсколько *воротъ*, которыя запирались, напр. Золотыя въ Кіевѣ (каменныя), Жидовскія, Лядскія, Угорскія, во Владимирѣ Волынскомъ—Кіевскія, въ Галичѣ—Нѣмецкія, и проч.

Улицы встрѣчаются рано въ Кіевѣ Пасынча бесѣда, Козары (1945): въ Полоцкѣ (1095).

Жители назывались вообще *гражанами*, (1146) людьми градскими (1096), между которыми упоминаются люди лѣпшіе, лучшіе (1141, 1156).

Въ городахъ упоминаются *торговища* (1067).

Погребъ, порубъ — въ родѣ общественной темницы.

Селитьба ближайшая къ городу называлась *предгородьемъ*.

Города окружались *валами*, кои назывались также спами, приспами, переспами. При валахъ выкапывались *рвы*. *Греблею* называлась дорога черезъ ровъ, и самый ровъ. — *Гатью* искусственная дорога черезъ рѣку. О *мостѣ* искусственномъ первое извѣстіе— черезъ Днѣпръ, въ Кіевѣ—устроилъ Володимеръ Мономахъ (1115).

ТОРГОВЛЯ, КУНЫ (ДЕНЬГИ).

Русская торговля, впродолженіи Норманскаго періода, т. е. въ 9, 10 и началѣ 11 столѣтія, какъ мы видѣли, была очень обширна, производяся между странами отдаленными — Самаркандомъ, Бухарою, Бактрой, Каспійскимъ моремъ, Волгою, Уральскими горами, Скандинавіей, Германіей и Греціей. Русскіе торговали съ Арабами, Козарами, Болгарами, Весью, Югрою, Норманнами, Нѣмцами, Греками.

Во второй половинѣ 11-го столѣтія, въ 12-мъ и въ началѣ 13-го, то есть впродолженіи періода удѣльнаго, до нашествія Татаръ, торговля Русская стѣснилась нѣсколько въ своихъ предѣлахъ, потому что Арабы перестали подъ конецъ ѣздить на Сѣверъ, вслѣдствіе какихъ-то малоизвѣстныхъ переворотовъ на ихъ востокѣ, Козары въ устьяхъ Волги были совершенно поражены, Болгаре ослабли: но она была еще очень значительна, и увеличилась внутри, а также вскорѣ и на Сѣверѣ, со вновь образовавшеюся Ганзою. Живое торговое движеніе ясно примѣчается въ лѣтописяхъ, какъ ни разбросаны мелкія извѣстія. Кіевскіе купцы ѣздили въ Крымъ, Грецію и Константинополь, къ Половцамъ, и въ страну Залѣсскую или Суздальскую. Новогородскіе плавали по Балтійскому морю, торговали въ Даніи и Готландѣ, ходили за Уралъ, и разсыпались по всей Русской землѣ, въ Кіевѣ и Смоленскѣ, Черниговѣ, Переяславлѣ и Володимерѣ. Смольяне, Полочане, Видбляне, торговали съ Ригою и Нѣмцами. Латины приходили въ Кіевъ, Владимиръ, въ землю Болгарскую. Жиды принимали дѣятельное участіе въ этой торговлѣ, живя въ Кіевѣ, и, вѣроятно, въ другихъ городахъ. Нѣмцы пріѣзжали изъ внутренней Германіи, Галичане съ солью отъ Карпатскихъ горъ, Дунайскіе Болгаре сообщались между собою и Русью. Норманны не забывали еще своего Austurvigi, Константинополя, и древней Біарміи, которую ограбили особенно въ 1222 году.

Средоточіемъ Греческой торговли былъ Кіевъ. Средоточіемъ Сѣверной торговли былъ Новгородъ.

О торговлѣ *Кіевской* впродолженіи, какъ Норманскаго, такъ и удѣльнаго періода, свидѣтельствуютъ писатели—Греческіе (Константинъ Багрянородный, около 950, Зонара, 1118), Сѣверные, (Адамъ Бременскій, до 1076, Саксонъ Грамматикъ, † 1204), Нѣмецкіе (Дитмаръ, около 1020), и Арабскіе (вновь найденные: Ибн-Хордадбегъ, во 2 половинѣ IX вѣка, Ибн-Даста, около 913,—Ибнъ-Фоцланъ, 922, Ибнъ-Гаукалъ, послѣ 973, Якутъ, 1178—1229).

Кіевская торговля съ Греціей впродолженіи удѣльнаго періода, до Татаръ, была

такъ велика, и предметъ ея былъ такъ важенъ для князей, что они иногда принуждены были брать на себя сами, сообща, обязанность провожать купцовъ, торговавшихъ съ Греціей, охраняя обозы отъ нападенія хищныхъ племенъ, кочевавшихъ по ихъ пути.

Купцы, торговавшіе съ Греціей, назывались Гречниками. Гречники — это, безъ всякаго сомнѣнія, Сѣверные Griskir, Grickir, какъ назывались Норманны, ѣздившіе въ Грецію. Названіе ихъ перешло послѣ и къ нашимъ Кіевскимъ купцамъ, торговавшимъ съ Греціей.

Первое извѣстіе о Греческихъ купцахъ встрѣчается подъ 1084 годомъ: Давидъ Игоревичъ, младшій внукъ Ярославовъ, одинъ изъ князей, наиболѣе буйствовавшихъ въ это время, захватилъ въ Олешьѣ (нынѣ Алешки, городъ Екатеринославской губерніи) Гречниковъ, т. е. купцовъ торговавшихъ съ Греціей, и отнялъ у нихъ много товару.

Подъ 1167 г. встрѣчается извѣстіе еще любопытнѣе: Кіевская лѣтопись говоритъ, что Половцы, услышавъ о несогласіяхъ князей Русскихъ между собою, начали «пакостити» Гречникамъ. Значитъ, что князья, въ мирное время, не допускали Половцевъ причинять вреда купцамъ. И въ этомъ году, впрочемъ, великій князь Кіевскій, Ростиславъ, внукъ Мономаховъ, послалъ вои для возведенія Гречниковъ, т. е. для препровожденія ихъ вверхъ по Днѣпру.

Но самое важное мѣсто о Греческихъ купцахъ находится подъ слѣдующимъ 1168 годомъ: тогда Ростиславъ снарядилъ цѣлую многочисленную экспедицію, для охраненія Греческихъ купцовъ, изъ Владиміра, Луцка, Бужска, Дорогобужа, Овруча, Городна, Галича и проч.

Одиннадцать князей, со всей Руси, даже отдаленная Галицкая помощь, оказались нужными для охраненія купцовъ изъ Греціи. Бо́льшихъ ополченій не бывало и для наступательной войны съ Половцами. Не ясно ли изъ этого слѣдуетъ, что обозы были огромные, и что польза отъ торговли простиралась на всю Русь, которая принимала въ ней дѣятельное участіе, такъ что князья, изъ самыхъ отдаленныхъ странъ, считали своей обязанностію, для собственныхъ своихъ выгодъ, ей покровительствовать. Замѣтимъ еще выраженіе, въ пользу нашего заключенія о многочисленности купцовъ и товаровъ: князья стояли *долгое время*, пока не взошли Гречникъ и Залозникъ; слѣдовательно долгое время восходили купцы; слѣдовательно ихъ было очень много. Далѣе: не можетъ быть, чтобъ это случилось только въ одномъ году; вѣрно торговое сообщеніе было обыкновенное, какъ оно было «обыкновенно» въ Норманскомъ періодѣ, и только въ лѣтопись оно попалось подъ этимъ годомъ, по особенному случаю, равно какъ и слѣдующее подъ 1170 г., когда великій князь Мстиславъ Изяславичъ созвалъ также князей почти со всей Южной Руси, и возбудилъ ихъ противъ Половцевъ именно потому, что послѣдніе «изотымали» у Руси, пути: *Греческій* (т. е. Днѣпръ), *Соляный* (т. е. тотъ, по которому Русскіе промышленники ѣздили за солью въ Крымъ, по свидѣтельству Рубруквиса) и *Залозный*.

Река (Мстиславъ Изяславичъ) тако: «братье! пожальтеси о Русской земли и о своей отцинѣ и дѣдинѣ, оже несут хрестьяны на всяко лѣто у вѣжѣ свои, а съ нами роту взимаюче, всегда переступаюче; а уже

у насъ и *Гречьскій путь изотимають, и Соляный, и Залозный,* а лѣпо ны было, братье, възряче на Божію помочь... поискати отець своихъ и дѣдъ своихъ *пути* и своей чести. И угодна бысть рѣчь его преже Богу, и всеѣ братьѣ, и мужемъ ихъ. И рекоша ему братья вся: Богъ ти, брате, помози въ томъ, оже ти Богъ вложилъ таку мысль въ сердце, а намъ дай Богъ за крестьяны и за Русскую землю головы своѣ сложити, и къ мученикомъ причтеномъ быти и пр.... И потомъ по малѣ посла Мьстиславъ по братью свою, и съвкупишася вся братья у него Кіевѣ: Ярославъ изъ Лучьска, Володимиръ Андреевичъ изъ Дорогобужа, Рюрикъ изъ Вручего, Давыдъ изъ Вышегорода, а Гюргевичь Иванъ изъ Турова. И нача молвити Мьстиславъ братьи своей: се, братье, Половцемъ есме много зла створили, вѣжѣ ихъ поимали есмы, дѣти ихъ поимали есмы, и стада и скотъ, а тѣмъ всяко пакостити *Гречнику нашему и Залознику;* а быхомъ вышли противу *Гречнику».**И люба бысть рѣчь всеѣ братьѣ, и рекоша ему братья: тако буди, то есть намъ на честь и всѣѣ Рускѣй земли — и шедше сташа у Канева».

Походъ былъ очень успѣшенъ, и князья воротились съ добычею и славою. Но въ слѣдствіе этого похода они почли за необходимое принять новыя сильныя мѣры для охраненія Гречниковъ въ слѣдующемъ году. Опять собрались они изъ Кіева, Вышегорода, Луцка, Дорогобужа, Ѳвруча, Турова, и пошли въ Каневъ.

Вотъ и второе ополченіе, столь же многочисленное, какъ и Ростиславово, черезъ короткое время послѣ онаго.

* Есть станція Лозовая на дорогѣ изъ Харькова въ Таганрогъ.

Подъ Каневымъ обыкновенно князья стерегли землю Русскую отъ нападеній Половцевъ, напримѣръ въ 1192 году: «Князь Святославъ со сватомъ своимъ съ Рюрикомъ совокупившеся съ братьею, и стояше у Канева все лѣто стерегучи земли Русскіѣ».

Эти извѣстія нашихъ лѣтописей поясняются и подтверждаются разительно извѣстіями Арабскихъ писателей, напримѣръ Ибнъ-Хордадбехомъ, который у насъ былъ мало извѣстенъ, обнародованный послѣ книги Френа; онъ жилъ во 2-й половинѣ IX вѣка. Вотъ его слова: «Что касается до Русскихъ купцевъ, принадлежащихъ къ Славянамъ, то они изъ отдаленнѣйшихъ странъ Славянскихъ привозятъ бобровые мѣха, мѣха черныхъ лисицъ и мечи къ берегу Румскаго моря, то есть Чернаго, гдѣ оно касается Византійскаго государства, и къ морю около Константинополя. Тамъ даютъ они десятую часть Византійскому Императору».

Вотъ они, наши Гречники!

«Иногда они на корабляхъ ходятъ по рѣкѣ Славянъ, (то есть Волгѣ), и проѣзжаютъ по заливу Хазарской столицы (Итиля), гдѣ платятъ десятую часть тамошнему Царю. Оттуда отправляются они въ Каспійское море, и выходятъ на берегъ, гдѣ имъ угодно. Иногда они возятъ свой товаръ на верблюдахъ до Багдада». Въ Булгарѣ, какъ и въ Итилѣ, Русскіе купцы имѣли цѣлыя слободы и складочные амбары, живя тамъ по долгу.

О вывозѣ мѣховъ Русскими въ другія страны повторяютъ писатели Xвѣка: неизвѣстный сочинитель Книги странъ, Массуди, Истахри; въ XI в. Мукаддези, въ XII Идризи, и другіе. Согласно съ этими древними извѣстіями, позднѣйшій писатель Ибн-ел-атиръ (ум. въ 1233 г.) говоритъ, что послѣ пораженія

Русскихъ и Половцевъ Монголами въ 1224 году, «соединились многіе изъ важнѣйшихъ купцевъ Русскихъ и богачей (въ Корсунѣ), нагрузили, что̀ имѣли цѣннаго, и отправились моремъ въ земли мусульманскія на нѣсколькихъ судахъ; но когда они приближались къ пристани, къ которой шли, (вѣроятно Синопу), одно судно разбилось, а люди спаслись.... остальныя суда уцѣлѣли. Объ этомъ и разсказывали бывшіе на нихъ люди».

У Ибн-ел-атира есть темное извѣстіе о Русскихъ купцахъ въ Таврисѣ.

Первые западные путешественники къ Татарамъ свидѣтельствуютъ тоже:

Плано-Карпини (1246) встрѣчаетъ Русскихъ въ Орнѣ или нынѣшнемъ Азовѣ.

По словамъ Рубруквиса (1253) Русскіе торговцы пріѣзжали въ Судакъ или Сурожъ въ крытыхъ телѣгахъ, запряженныхъ волами, мѣняли мѣха на шелковыя и бумажныя ткани, и пряныя коренья. Въ Крымъ за солью пріѣзжали со всѣхъ концевъ Россіи (это нынѣшніе чумаки). За возъ соли давались двѣ бумажныя ткани, стоившія половину Константинопольскаго червонца.

Кіевляне торговали также съ *Половцами.*

Еще митрополитъ Іоаннъ (1080—1089) въ своемъ церковномъ правилѣ доказываетъ всякому гостю или купцу, сколь грѣшно торговать крещеными рабами въ землѣ язычниковъ Половцевъ, даже ѣздить туда, и для выгодъ сребролюбія оскверняться нечистыми яствами.

Отъ Половцевъ, какъ прежде Печенѣговъ, получались лошади, овцы, рогатый скотъ.

Подъ 1184 г. находимъ мы извѣстіе въ Кіевской лѣтописи, что Русскіе князья, въ походѣ своемъ противъ Половцевъ, встрѣтили гостей или купцовъ, шедшихъ изъ земли Половецкой, которые доставили имъ свѣдѣнія о мѣстахъ, гдѣ тогда кочевали Половцы, а именно по рѣкѣ Хоролу.

О торговлѣ солью изъ Галича есть извѣстіе у Нестора въ житіи св. Ѳеодосія: «Егда же Святополкъ съ Давыдомъ Игоревичемъ рать зачаста за Василькову слѣпоту... не пустиша купцевъ ко Кіеву отъ *Галича* и *Перемышля*, и не бысть соли во всей Россійской земли».

Прохоръ, чудотворецъ Печерскій, раздавалъ тогда пепелъ вмѣсто соли, «вздвижеся зависть отъ продающихъ соль, и створися имъ неполученіе хотѣнія своего: мнѣвшеся въ ты дни всего мира богатство пріобрѣсти въ соли; и сеже бысть имъ тщина велія, иже прежде драго цѣняще, по двѣ головажни на куну, нынѣ же и по 10 не брегомѣ».

Въ 1164 г. «пойде вода изъ Днѣстра велика въ болонье, и взиде оли до Выковаго болота, и потопи человѣкъ болѣе 300, иже бяху пошли съ солью изъ Удеча».

Изъ нашихъ городовъ видимъ мы Кіевскихъ купцевъ только во *Владимирѣ Залѣсскомъ,* какъ свидѣтельствуетъ Суздальская лѣтопись подъ г. 1175, и то совершенно случайно, (см. ниже).

Какъ Кіевскіе купцы ѣздили по другимъ городамъ, такъ *Новогородскіе* и прочіе пріѣзжали въ Кіевъ.

Наконецъ, кромѣ домашнихъ купцовъ, жили въ Кіевѣ и *иноземные,* Латинскіе или Нѣмецкіе, что̀ всего яснѣе видно изъ слѣдующаго мѣста въ лѣтописи:

1174 г. Ярославъ Луцкій, подозрѣвая Кіянъ въ измѣнѣ, будто они навели на него Святослава Всеволодовича Черниговскаго, попродалъ (обложилъ контрибуціею) весь Кіевъ, игуменовъ и поповъ, чернцевъ и черницъ, *Латину* и *гостей* и *затворы,*

и всѣхъ Кіянъ. Подъ *затворами* нельзя разумѣть ничего, кромѣ магазиновъ, амбаровъ. (Затворами назывались иногда монастыри, но здѣсь мѣстомъ, которое занимаетъ это слово — между Латинами, гостями и Кіянами, послѣ уже духовенства, исключается послѣднее значеніе).

Еще лучшее свидѣтельство о пребываніи иностранныхъ купцовъ въ Кіевѣ сохранилось въ Новогородской лѣтописи, что весьма замѣчательно, указывая именно на торговое сообщеніе, (извѣстіе принесено было, вѣроятно, въ Новгородъ изъ Кіева Новогородскими купцами), а именно подъ 1203 годомъ: Половцы, взявши Кіевъ на щитъ, дали жизнь иноземцамъ *всякаго языка*, затворившимся въ церквахъ, раздѣливъ товары съ ними пополамъ. («1203, января 1 дня, Рюрикъ съ Ольговици и съ погаными Половци.... взяша градъ Кыевъ на щитъ.... а что гости *иноземьця всякаго языка*, затворишася въ цьрквахъ, и вдаша имъ животъ, а товаръ съ ними раздѣлиша наполы»).

Свидѣтельства нашихъ лѣтописей подтверждаются словами современника Нестора, Польскаго лѣтописателя Мартина Галла, который такъ выражается (въ предисловіи) о своемъ отечествѣ: Sed quia regio Polonorum ab itineribus peregrinorum est remota, et nisi transeuntibus in Russiam pro mercimonio paucis nota. Польша дѣлалась извѣстною преимущественно только потому, что чрезъ нее проѣзжали иностранные купцы въ Русь.

Изъ Нѣмецкихъ грамотъ, мы узнаемъ, что Регенсбургъ въ 12 вѣкѣ, случалось, имѣлъ въ Кіевѣ свои торговые домы, и что чрезъ Енсъ (?) и Вѣну отправлялись Регенсбургскіе торговцы въ Кіевъ за покупкою мѣховыхъ товаровъ, коихъ тогда сей городъ считался складочнымъ мѣстомъ. Они (Ruzarii—купцы, торговавшіе съ Русью, какъ наши Гречники торговали съ Греціей?) платили подать при отъѣздѣ и по возвращеніи въ отечество.

Въ началѣ 10-го столѣтія Русскіе купцы приходили съ своими телѣгами чрезъ Богемію на берега Дуная, продавать Баварцамъ лошадей и невольниковъ.

Въ 1027 году Поляки съ Русскими доходили до Сициліи.

Жиды имѣли особую улицу въ Кіевѣ, и отличались, видно, богатствомъ: потому что при смерти Святополка 1113 г. Кіяне бросились грабить Жидовъ.

1124 г. «Погорѣ гора.... и Жидове.»

Жидовскія ворота упоминаются подъ 1151 годомъ.

Переходимъ къ Новугороду.

Новгородъ и его область, сырая, болотистая, безплодная, не изобиловала никакими естественными произведеніями, напротивъ она чувствовала недостатокъ въ главнѣйшихъ потребностяхъ. Но Новогородцы были посредниками всей Русской торговли съ Сѣверомъ и Германіей. Они ѣздили сами за море: 1130. «Идуце изъ заморія съ Готъ (изъ заморя съ острова Готланда), потопи лодей семь, и сами истопоша и товаръ, а друзіи вылѣзоша, но нази, и въ доми придоша здорови».

Въ 1134 году Новогородскіе купцы были посажены подъ стражу въ Даніи.

Въ 1142 году, Шведскій король, въ 60 шнекахъ, напалъ на Новогородцевъ, возвращавшихся въ трехъ ладьяхъ изъ-за моря, но не успѣлъ ничего, потерявъ даже полтораста человѣкъ въ сраженіи и три шнеки. (Ладьи Новогородскія, видно, были очень велики, если онѣ могли бороться съ 60 шнеками, и, побивши 150 человѣкъ, отойдти безопасно).

Въ 1188 году у Новогородцевъ была важная ссора съ Варягами, т. е. съ Скандинавами, которые заточили ихъ купцовъ на островѣ Готландѣ. Новогородцы, по праву возмездія, поступили, кажется, также съ ихъ купцами у себя, и въ Торжкѣ, и хотя отпустили ихъ на другой годъ, но не позволили своимъ купцамъ ѣхать за море, ни отправили пословъ.

Иностранные купцы пріѣзжали въ Новгородъ, жили тамъ постоянно, имѣли свой дворъ и церковь. Въ Ярославовомъ уставѣ о мостовыхъ упоминается о цѣломъ участкѣ, заселенномъ Нѣмцами.

Св. Антоній Римлянинъ (1106 г.) нашелъ въ Новѣгородѣ «человѣка Греческія земли гостьбу дѣюща,... иже умѣяше Греческимъ, Римскимъ и Русскимъ языкомъ.»

1128 г. матери отдавали иностраннымъ гостямъ въ крѣпость дѣтей во время голода. «Отецъ и мати чадо свое всажаше въ лодью даромъ гостемъ».

1152 г. сгорѣла Варяжская церковь.

1156 г. «Поставиша заморьстіи (купцы) церковь святыя Пятницѣ на търговищи».

1201 г. «Варягы пустиша безъ мира за море.... на осень придоша *Варязи* горою (вотъ, слѣдовательно, и сухопутное *сообщеніе*) на миръ, и даша имъ миръ, на всей воли своей».

1207 г. «Съвършиша църковь святыя Пятница заморьскіи (купцы)».

1217 г. «Въ Варязьской божници изгорѣ товаръ вѣсь Варязьскый безъ числа.»

1230 г. «Купляхомъ по гривнѣ хлѣбъ и по болшю, а ржи 4 часть кади.... по гривнѣ серебра, и даяху отци и матери дѣти свое одьрень, изъ хлѣба, *гостемъ*».

1231 г. «Прибѣгоша Нѣмьци изъ моріа съ житомъ и съ мукою».

Наши свидѣтельства о торговлѣ Новогородской съ Сѣверомъ подтверждаются иностранными. Исландскія саги наполнены ими. Адамъ Бременскій свидѣтельствуетъ, что Датчане въ его время пріѣзжали въ Новгородъ въ 4 недѣли, а отъ устья Одера совершали туда путь обыкновенно въ 43 дня. Городъ Волинъ XI вѣка называетъ онъ величайшимъ изъ городовъ Европейскихъ и знаменитѣйшимъ сборнымъ мѣстомъ для варваровъ и *Грековъ* окрестныхъ, то есть нашихъ *гречниковъ*.

Въ 1157 году Свендъ, король Датскій, при осадѣ Шлезвига, захватилъ Русскіе купеческіе корабли, и товары, на оныхъ взятые, роздалъ своимъ ратникамъ вмѣсто жалованья.

Въ 1158 г. Бременскіе купцы явились въ устьѣ Двины, и начали съ тѣхъ поръ постоянно торговать съ Ливами и Русскими.

1161—1180 изъ заключенія древнѣйшей Новогородской Скры видно, что съ Русью торговали между прочими городами Сестъ, Дортмундъ и Любекъ.

Въ грамотѣ епископа Кельнскаго Рейвольда (1165 г. авг. 31) есть извѣстіе, что жители городка Медебаха въ Вестфаліи торговали съ Русью.

Въ 1187 г. Императоръ Фридрихъ грамотою, данною городу Любеку, освободилъ отъ пошлинъ Руссовъ, Готовъ, Норманновъ и другихъ восточныхъ обитателей, приходившихъ для торговли.

Торговыя сношенія Новагорода съ Нѣмецкими землями были такъ значительны, обширны и постоянны, что очень рано оказалось нужнымъ постановлять правила, и обязываться въ ихъ исполненіи. Около 1199 года заключенъ Новогородцами торговый договоръ съ Нѣмцами слѣдующаго содержанія, съ ссылкою на старый миръ:

Се язъ князь Ярославъ Володимѣричь, сгадавъ с посадникомь с Мирошкою, и с тысяцкымь Яковомь, и съ всѣми Новгородци, *подтвердихомъ мира старого*, с посломь Арбоудомь, и съ всѣми Нѣмьцкыми сыны, и с Гты, и съ всемъ Латиньскымь языкомъ.

Я, князь Ярославъ Володимеричь, разсудивъ съ посадникомъ Мирошкою, съ тысяцкимъ Яковомъ и со всѣми Новогородцами, *подтвердили старый договоръ* съ посломъ Арбудомъ, со всѣми Нѣмцами и Готами, со всѣмъ Латинскимъ языкомъ.

Послалъ іесмь посла своіего Григоу на сеи правдѣ:

Посылаю посла своего Григу съ слѣдующими условіями:

1. Ходити Новгородцю послу и всякому Новгородцю в миръ в Нѣмечьскоу землю и на Гъцкъ берегъ. Такоже ходити Нѣмьчьмь и Гтяномъ в Новъгородъ безъ пакости не обидимъ никым же.

1. Ходить Новогодскому послу и всякому Новогородцу въ мирное время въ Нѣмецкую землю, и на Готскій берегъ,—также и Нѣмцамъ, Готамъ, ходить въ Новгородъ,—безъ всякихъ притѣсненій и обидъ.

2. Аче боудеть соудъ князю Новгороцкъму Новѣгородѣ или Нѣмецкъмоу въ Нѣмчьхъ; а в томь миру ити гостю домовь бес пакости; а кого Богъ поставить князя, а съ тѣмъ мира потвердить, любо ли земля без мироу станеть.

2. Если случится судъ (раздоръ) Новогородскому князю въ Новѣгородѣ, или Нѣмецкому въ Нѣмцахъ, то гостю идти домой безъ притѣсненія; въ случаѣ раздора, съ новымъ княземъ имѣетъ быть подтвержденъ тотъ же миръ.

Слѣдующія статьи 3—11, см. ниже въ отдѣленіи о торговлѣ.

12. Оже родится тяжа в Нѣмцехъ Новгородцю, любо Нѣмчину Новѣгородѣ, то рубежа не творити, на другое лѣто жаловати. Оже не правять, то князю явя и людемъ, взяти своіе оу гости, оже тяжа родится в Новѣгородѣ.

12. Если случится тяжба у Новогородца въ Нѣмцахъ, или у Нѣмчина въ Новѣгородѣ, то задержки не дѣлать, (тяжущимся) придти на другое лѣто. Въ случаѣ неудовлетворенія, по объявленіи князю и людямъ взять свое у гостя (?), если тяжа случится въ Новѣгородѣ.

13. Оже тяжа родить въ иноіе земли в Рускыхъ городѣхъ, то оу тѣхъ своіе тяже прашати, искати Новугороду не надобе. А тяжа на городы, а Нѣмчинъ свободь и Новгороци.

13. Если тяжа случится въ иномъ мѣстѣ, въ другихъ Русскихъ городахъ, то тамъ и спрашивать своего рѣшенія; въ Новѣгородѣ искать нечего. Тяжа въ городахъ, Нѣмчинъ и Новогородцы свободны.

14. Оже придетъ въ своіси лодьи в Нѣмецкои домовь, аче самъ не поидеть в неи опять мужь, дастъ кърмьникоу.

14. Если кто, пришедъ въ своей (?) Нѣмецкой ладьѣ домой (?), не пойдетъ опять въ ней самъ, то поручаетъ кормнику.

15. Нѣмчина не сажати в погребъ Новѣгородѣ, ни Новгородца въ Нѣмцьхъ, нъ іемати своіе оу виновата.

15. Нѣмчина не сажать въ тюрьмѣ въ Новѣгородѣ, ни Новогородца въ Нѣмцахъ, но взыскивать свое съ виноватаго (?).

По основаніи Риги въ 1201 г., и по совершенномъ водвореніи Нѣмцевъ въ устьяхъ Западной Двины, торговыя сношенія распространились еще болѣе: въ лѣтописи Ливонской встрѣчается объ нихъ много свѣдѣній.

1204. Датскій король Вальдемаръ подтвердилъ грамоту Фридриха I.

1210. Рыцарь Арнольдъ ѣздилъ въ Полоцкъ, и упросилъ Полоцкаго князя позволить Латинскимъ купцамъ торговлю по прежнему.

Въ 1212 г. Рижскій епископъ заключилъ торговый договоръ съ Полоцкимъ княземъ, при посредствѣ Володимера Псковскаго, и вмѣстѣ оборонительный противъ Литовцевъ.

1213. Гросмейстеръ Волквинъ провожалъ купцевъ внизъ по Двинѣ.

Въ 1228 году заключенъ обширный торговый договоръ Смоленскаго князя Мстислава Давидовича съ Ригою и Готскимъ берегомъ, (см. ниже).

Касвини, писатель 14 вѣка, въ началѣ, нашедшій въ Маинцѣ много восточныхъ монетъ, удивляется, «что здѣсь, на отдаленномъ западѣ, встрѣчаются въ огромномъ количествѣ пряныя коренья, свойственныя лишь крайнему Востоку, —перецъ, имбирь, гвоздика, нардъ, костъ, галанга, которые вывозятся изъ Индіи. Эти произведенія привозились на Западъ чрезъ Россію еще въ XI вѣкѣ.

Переходимъ къ *внутренней* торговлѣ Новагорода.

Новогородцы послѣ древнихъ, вѣроятныхъ, своихъ поселеній въ Бѣжецкѣ, Волокѣ-Ламскомъ, Торжкѣ, Ростовѣ, Муромѣ, Бѣлозерскѣ, селились съ торговыми цѣлями по рѣкамъ Вагѣ, сѣверной Двинѣ, Пинегѣ, Мезени, Печерѣ, даже до Оби. Подъ 1096 г. помѣщенъ въ Новогородской лѣтописи разсказъ о самомъ дальнемъ сѣверовостокѣ: «Четыре года тому назадъ вотъ что я слышалъ отъ Юряты Роговича Новогородца,» говоритъ вводный свидѣтель: «я посылалъ отрока своего въ Печеру, къ людямъ, дающимъ дань Новугороду. Изъ Печеры отрокъ мой ходилъ въ Югру. Югра—народъ нѣмой, сидитъ на границѣ съ Самоядью, въ полуночныхъ странахъ. Они разсказывали моему отроку о случившемся за три предъ тѣмъ года: за лукою моря есть горы, путь къ нимъ непроходимъ—пропастями, снѣгомъ и лѣсомъ; «высота имъ яко до небесе, и въ горахъ тѣхъ кличь великъ и говоръ, и сѣкутъ гору хотяще высѣчися, и въ горѣ той просѣчено оконце мало». Оттуда говорятъ они, но нельзя понять что; они показываютъ на желѣзо, давая знаки рукою, прося желѣза. За ножъ или сѣкиру, кто дастъ имъ, они платятъ мѣхами. Мудрено доходить до тѣхъ мѣстъ, а есть еще и дальше на сѣверъ поселенія».

Подъ 1114 годомъ есть еще воспоминаніе, переданное лѣтописателю Ладожанами, «что мужи старые ходили за Югру и за Самоядь», разсказывая многое удивительное о тамошнихъ странахъ.

Въ 1193 г. Новогородцы ходили войною на Югру, которая, желая спасти свой городъ отъ осады, прислала сказать имъ, «яко копимъ сребро и соболи, и ина узорочья, а не губите своихъ смердъ и своей дани».

Новогородцы получали оттуда мѣха, морскихъ птицъ, моржевое сало, клыки, и доставляли преимущественно желѣзныя издѣлія.

Новогородскіе купцы ѣздили въ *Кіевское* княжество. Это мы видимъ изъ того, что въ 1161 году Великій князь Кіевскій Ростиславъ, разсѣрдясь на Новогородцевъ,

велѣлъ перехватить ихъ купцевъ, что были въ Кіевѣ, и посадить въ погребъ, гдѣ ихъ въ одну ночь умерло 14 человѣкъ, а остальные разосланы были послѣ по городамъ.

Новогородцы торговали съ *Черниговымъ*, что видно изъ предложенія князя Михаила Черниговскаго принимать къ себѣ ихъ купцевъ.

1225. «Кн. Михаилъ рече Новгородьчемъ: не хочу у васъ княжити, иду Цьрнигову, *гость ко мнѣ пускайте*, а яко земля ваша, тако земля моя.»

Въ *Суздальскомъ* княжествѣ бывало ихъ множество, и безпрестанно встрѣчаются въ лѣтописяхъ извѣстія, что князья, по неудовольствіямъ съ Новымгородомъ, захватываютъ ихъ купцевъ, и не пускаютъ къ нимъ хлѣба—самое дѣйствительное средство противъ Новагорода: 1141. (въ Суздальской лѣтописи) «Новгородци не стерпяче безъ князя сѣдѣти, и ни жито къ нимъ не идяше ни отколѣже,—и емлюще метахуть и въ погребъ».

1148. «Ходи архіепископъ Нифонтъ.... и пріятъ и съ любовію Гюрги.... и *Новотържцѣ* всѣ выпроси, и гость весь цѣлъ».

О количествѣ Новогородскихъ купцевъ всего лучше можемъ мы судить по извѣстію о томъ, сколько князь Ярославъ, который послѣ былъ Великимъ княземъ Владимирскимъ — поссорясь съ ними, захватилъ въ Торжкѣ въ 1215 г. мужей Новогородскихъ и купцевъ— *болѣе двухъ тысячъ*! Каково количество, котораго бо̀льшую часть составляли, безъ сомнѣнія, купцы! «Ярославъ.... гость Новъгородьскый весь прія (въ Торжкѣ).... Посла князь Мьстиславъ (сказать ему): мужь мои и гость пусти.... Князь же Ярославъ того не улюбивъ.... а Новгородцѣ съзва на поле за Тържькъ.... вьси мужи и *гостьбници*, изъимавъ я вся, посла исковавъ по своимъ городомъ, а товары ихъ раздая и конѣ; *а бяше вьсѣхъ Новгородьць болѣ* 2000.»

О пребываніи Новогородскихъ купцевъ въ *Переяславлѣ* (Залѣсскомъ) находимъ извѣстіе въ исторіи того же Ярослава; онъ перехватилъ тамъ Новогородскихъ купцевъ въ 1216 г.: «Ярославъ (разбитый Мстиславомъ), вънбѣгъ въ Переяславль и изыма *Новогородцы* и *Смолняны*, иже бяху *зашли гостьбою* въ землю его, повелѣ въ погребы вметати ихъ, что есть Новогородцевъ, а иныхъ въ гридницу, и ту ся изодхоша, а иныхъ повелѣ затворити въ тѣснѣ избѣ, и издуши ихъ полтораста, а Смолнянъ 15 мужъ затвориша кромѣ, тѣ же быша вси живы».

«Мстиславъ поиде къ Переяславлю.... пояли что живыхъ Новгородьць, и что было съ Ярославомъ въ пълку».

Изъ грамоты Новогородскаго князя Всеволода Мстиславича (1136) мы узнаемъ объ одной важной отрасли Новогородской торговли, а именно о воскѣ. «Даю св. Великому Іоанну отъ своего велико имѣнія на строеніе церкви во вѣки вѣсъ вощаный».

Соорудивъ каменную церковь во имя св. Іоанна Предтечи на Петрятинѣ дворищѣ, что на Опокахъ, и предназначивъ ей быть соборною, княжескою, онъ хотѣлъ обезпечить содержаніе какъ самой церкви, такъ и ея причта на будущее время. Съ этою цѣлію онъ, примѣнительно къ уставу св. Владимира, предоставлявшему духовному вѣдомству наблюденіе за торговыми мѣрами и вѣсами, далъ означенной церкви право держать въ притворѣ вѣсы, взвѣшивать на нихъ воскъ, и, вѣроятно, нѣкоторые другіе товары, и за то брать съ торговцевъ *вѣсчія* пошлины. Мѣра пошлинъ была назначена различная: иная съ гостей Низовскихъ,

другая съ Полоцкихъ и Смоленскихъ, и еще иная съ Новоторжцевъ и Новогородцевъ. Для производства торга отведено было вокругъ церкви св. Іоанна Предтечи опредѣленное пространство земли, гдѣ мѣста отдаваемы были на откупъ и плата за нихъ шла въ церковь св. Іоанна. Наконецъ, за право торговать здѣсь, или точнѣе, включиться въ постоянное «купечество Ивановское,» желавшіе должны были вносить извѣстную сумму, 50 гривенъ серебра, изъ которой часть отдѣлялась въ казну той же церкви.

Вотъ древнѣйшіе слѣды Русскаго обычая дѣйствовать сообща, общинами, артелями.* (Монастырскія общины и братчины представляютъ соотвѣтственное явленіе.)

Чтобы смотрѣть за правильностію вѣсовъ, собирать разныя подати въ пользу церкви, хранить и употреблять ихъ соотвѣтственно назначенію, князь поставилъ ей трехъ старостъ отъ житыхъ людей, одного тысяцкаго отъ черныхъ и двухъ старостъ отъ купцевъ, и повелѣлъ «ни во что Ивановское» не вмѣшиваться ни посаднику, ни боярамъ Новогородскимъ, ни самому владыкѣ. Изъ доходовъ церкви положено было ежегодное жалованье: священникамъ, діакону, сторожамъ. Изъ тѣхъ же доходовъ ежегодно отпускаема была значительная сумма для храмоваго праздника св. Іоанна Предтечи на свѣчи и другія издержки.

«А въ Торжку» князь продолжаетъ «даю пудъ вощаный, половина св. Спасу, а половина св. Великому Іоанну на Петрятино дворище.» Отсюда можно заключить, что и въ другихъ мѣстахъ, кромѣ Новагорода, были церкви, напримѣръ въ Торжкѣ—Спасская, которыя пользовались жалованьемъ княжескимъ. Такъ и Андрей Боголюбскій предоставилъ Владимирскому собору десятой торгъ.

Иногородные купцы въ Новѣгородѣ назывались *гостями*.

По Всеволодовой грамотѣ мы видимъ *Низовскихъ*, *Смоленскихъ*, *Полоцкихъ*, *Новоторжскихъ* гостей, также *Тверскихъ*, *Бѣжецкихъ*, *Деревскихъ съ Помостья* (т. е. съ живущихъ по рѣкѣ Мстѣ).

Новогородскіе купцы принадлежали къ числу почетнѣйшихъ гражданъ, ходили послами, и участвовали въ войнахъ, условіяхъ съ князьями.

1137. «Имаше (на пріятеляхъ кн. Всеволода Мстиславича изъ бояръ) съ полуторы тысяцы гривенъ, и даша *купцемъ* крутитися на войну.»

1166. «Приде Ростиславъ изъ Кыева и позва Новгородьцѣ на порядъ: огнищане, гридь, *купьць* вячьшее.»

1195. «Идоша съ княземъ Ярославомъ огнищане, и гридьба, и *купци*» (на Черниговъ), по вызову Великаго князя Суздальскаго Всеволода.

Кромѣ Новагорода производили торговлю *Псковичи*, *Новоторжцы*, *Ладожане*, *Рушане*, какъ видно изъ нѣкоторыхъ выше и ниже предложенныхъ мѣстъ, а именно: Ярославъ въ 1232 г. не пустилъ въ *Псковъ* купцевъ съ солью.

Въ 1234 г. Литва нападала на *Русу*, въ коей отбивались купцы.

О Смоленскихъ купцахъ въ Переяславлѣ встрѣчается извѣстіе въ лѣтописи по тому поводу, что Ярославъ Всеволодовичъ, послѣ пораженія подъ Липицами, захватилъ ихъ

* Намекъ на нихъ встрѣчается еще въ слѣдующемъ нѣсколько позднѣйшемъ извѣстіи лѣтописи подъ 1342 г.: Новогородцы отправились со спѣхомъ ко Пскову на помощь, «обчины всѣ попечатавъ».

вмѣстѣ съ Новогородцами,* пятнадцать человѣкъ; они были заключены особо, и остались въ живыхъ.

Въ Ливонскихъ лѣтописяхъ есть извѣстіе, что въ 1210 году нѣкто Лудольфъ изъ Смоленска былъ посланъ въ Ригу Полоцкимъ княземъ къ епископу Альберту для переговоровъ о мирѣ: безъ сомнѣнія это былъ купецъ, проживавшій въ Смоленскѣ.

О торговлѣ *Смоленска*, вмѣстѣ съ *Полоцкомъ* и *Витебскомъ*, сохранилось въ Рижскомъ архивѣ драгоцѣнное подлинное свидѣтельство—договоръ Смоленскаго князя Мстислава Давидовича съ Ригою и Готскимъ берегомъ, 1228 года. Пропади этотъ документъ, что знали бы мы изъ нашихъ лѣтописей о торговлѣ Смоленска? Рѣшительно ничего. А между тѣмъ она была такъ обширна и велика, что для содержанія ея въ законныхъ предѣлахъ потребовалось опредѣлить множество частностей, доказывающихъ самое живое и частое сообщеніе. Мы узнаемъ теперь, что Смоленскихъ купцевъ бывало множество въ Нѣмецкой землѣ; что Нѣмецкихъ купцевъ бывало множество въ Смоленскѣ; что Нѣмецкіе купцы имѣли въ Смоленскѣ церковь, и ѣздили изъ Смоленска и *въ другіе города;* что Полоцкъ и Витебскъ производили такую же торговлю съ Нѣмцами, какъ и Смоленскъ, и что Двина по всему своему теченію была свободна. Предлагаемъ договоръ вполнѣ:

Князь Мстиславъ Давидовиць послалъ свои мужи, Еремѣя попа, Пантелѣя Сотьского, отъ Смольнянъ въ Ригу, а изъ Ригы на Готьскый берегъ, утерживати миръ, а розлюбье на сторону отверечи, которое было межи Нѣмци и Смольняны; а за тотъ миръ страдалъ (старался) Рулфъ изъ Кашля (Касселя) и Тумашъ Михайловичь, абы добросердье межь ихъ было, абы Рускымъ купцемъ въ Ризѣ и на Готьскомъ березѣ, а Нѣмечкымъ купцемъ въ Смоленьской волости любо было, какъ миръ утверженъ, и добросердье абы въ вѣкы стояло, и князю любо бы и всимъ Смолняномъ и Рижаномъ и всимъ Нѣмчемъ, по Восточному морю ходящимъ, оже такую правду въпсали, которою правдою быти Русину въ Ризѣ и на Готьскомъ березѣ, а быша тоя правды держали и въ вѣкы. . . . .

Богъ того не дай, оже розбой по грѣхомъ пригодиться межи Нѣмци и Руси, что за что платити, абы миръ не раздрушенъ, абы Нѣмчицю любо было.

А се починокъ правдѣ.*

14. А како услышить Волоскый тіунъ, еже гость Нѣмечкый пріѣхалъ въ Смолняны на Волокъ, послати ему своего человѣка вборзѣ къ Волочаномъ, ать перевезуть Нѣмечкый гость съ товаромъ; а никтожь иметь имъ пакостити, занеже въ той пакости велика пагуба бываеть Смолняномъ отъ поганыхъ. И Нѣмцемъ метати жеребьи, кому пойти напередъ. Аще иный гость будеть Рускый, тому пойти позади.

15. А како будеть гость Нѣмечкый въ городѣ, дати имъ Княгини поставъ частины, а тивуну Волочному рукавичь перьстатый Готьскый (рукавицы съ перстами или перчатки).

16. А который Волочанинъ вскладываеть товаръ Нѣмечкый или Смоленскый на кола своя чересъ Волокъ везти, а что погынеть

* См выше, с. 471.

* Первыя 13 статей, относящихся къ праву, см. выше, въ главѣ о законахъ, с. 455.

того товара, всимъ Волочаномъ платити. Таже правда буди Русину и на Готьскомъ березѣ.

17. А како будеть Нѣмечкый гость въ Смоленьскѣ городѣ, тако ему продати свой товаръ безо всякія борони (препятствія); а како будеть Рускый гость въ Ризѣ и на Готьскомъ березѣ, вольножь ему продати безо всякой борони.

18. Аще который Нѣмчиць хочеть пойти съ своимъ товаромъ въ иный городъ, князю не боронити, ни Смолпяномъ; или который Русинъ всхочеть съ Готьскаго берега въ Нѣмечкую землю въ Любокъ (Любекъ), Нѣмцемъ не боронити пути того.

19. Аще который Русинъ возметъ товаръ у Нѣмчица, а понесеть товаръ изъ двора, тый товаръ не ворочаеться; или который товаръ купилъ у Русина, и понесеть изъ двора, тый товаръ не ворочаеться.

20. Русину же не лзѣ позвати на опцій (общій) судъ, развѣе на Смоленскаго князя; аже возлюбить Нѣмчиць на опьчій судъ, то его воля. А Нѣмчичю не лзѣ позвати Русина въ Ригѣ или на Готьскомъ берегѣ на опчій судъ: всхочеть ли Русипъ на опчій судъ, то его воля.

21. Русину же не лзѣ приставити Дѣчкаго, (дѣтскаго, отрока, военнаго пристава), къ Нѣмчицю въ Смоленьскѣ, но преже обвѣстить старѣйшему ихъ: оже старѣйшина его не умолвить, то лзѣ ему приставити. Такоже и Нѣмчичю въ Ригѣ и на Готьскомъ березѣ, не лзѣ ему приставити дѣтьского.

22. Оже будеть Русину товаръ имати на Нѣмчичи или въ Ригѣ, или на Готьскомъ березѣ, въ которомъ городѣ въ иномъ Нѣмечкомъ: пойти истьцю къ истьчю, и взяти ему тая правда, которая въ томъ городѣ; а *рубежа* (лишенія) имъ не дѣяти; а Нѣмчицю таже правда взяти въ Руси.

23. А Нѣмчичю платити вѣсцю отъ двою капью (съ 24 пудъ) куна Смоленьская.

24. Оже купити Нѣмчичю гривну золота, дати ему ногата вѣсцю, или продасть, не дати ему ни векши.

25. Или который Нѣмцичь купить судъ (сосудъ) серебряный, дати ему отъ гривнѣ куна вѣсцю, или продасть, не дати ему ни векши.

26. Аще купить Нѣмцичь гривну серебра, дати вѣсцю 2 векши, или продасть, не дати ему.

27. Оже Нѣмчинъ дасть серебро платить, дати ему куна Смоленьская гривень (съ гривны).

28. Аще вощный пудъ (вощаной вѣсъ или 12 пудъ) исказиться, лежить капь во святій Богородици на горѣ, а другая въ Нѣмечкой Богородици: то тымъ пудъ извѣряче, право учинити. Та же правда буди Русину въ Ризѣ и на Готьскомъ березѣ.

29. Нѣмчичю же всякой товаръ вольно купити безъ борони въ Смоленскѣ, такоже и Русину вольно купити всякый товаръ безъ борони въ Ризѣ и на Готьскомъ березѣ.

30. Нѣмчичю же не надобѣ никое мыто изъ Смоленьска до Ригѣ, а изъ Ригы до Смоленьска; такоже и Русину не надобѣ мыто съ Готьскаго берега и до Ригѣ, а изъ Риги до Смоленьска.

31. Аще Смоленьскый князь пойдеть на войну, не надобѣ ему (Нѣмцу) ѣхати; оже всхоцеть съ княземъ, то своя ему воля; такоже буди и Русину воля въ Ризѣ и на Готьскомъ березѣ.

32. Аже Русинъ или Нѣмчичь иметь татя у своего товара, въ томъ его воля, что хочеть учинити.

33. Русину же не дати пересуда (судной пошлины) ни въ Ригѣ, ни на Готьскомъ берегѣ, ни Нѣмчичю же платити пересуда въ Смоленьскѣ, или у князя, или у тіуна, или урядили будуть добріи мужи; болѣ же того не поимати ни въ Ригѣ, ни на Готьскомъ березѣ. Таже правда буди Нѣмечкому гостю въ Смоленьскѣ.

34. А пудъ (вѣсъ) дали Нѣмчи Волочаномъ, иже имъ товаръ возити всякому гостю, и коли исказиться, а подругъ (такой же) его лежить въ Нѣмечькой божницѣ, а другый ковати извѣривше тими.

35. Епископъ же Рижьскый, Фолкунъ Мастеръ *Божіихъ Дворянъ* (Рыцарей Христовыхъ), и вси волостели по Рижеской земли дали Двину волену отъ устья до верху по водѣ, и по берегу, всякому гостю Рижьскому и Нѣмечькому ходящимъ внизъ и верхъ. Богъ того не дай, аще кого притца пріиметь, или ладья уразиться Руская, или Нѣмечькая, вольно ему свой товаръ привезти къ берегу безъ всякой борони. Аще будеть въ пособленіе людій мало будеть, а къ тому принаймати людій въ помощь; то, что будеть сулилъ найма, черезъ то болѣ не взяти. Таже правда буди Русину въ Ризѣ и на Готьскомъ березѣ, и Нѣмчицю въ Смоленьской волости, и въ Полтьской, и въ Витебьской.

А еи грамота написана бысть при попѣ Иванѣ и при мастерѣ Фулкинѣ и при Рижьскихъ мужехъ, и при многыхъ купчехъ Рижьскаго царства; еже есть тѣхъ печать на сей грамотѣ. А се суть сему послуси (свидѣтели): Регембодъ, Тетартъ, Адамъ, горожане на Готьскомъ березѣ; Мемеберъ, Вередрикъ Домомъ изъ Люпка (Любека); Индрикъ, Тонліеръ: таже суть изъ *Южата* (Данцига?); Кондратъ кривый, Еганъ Кинотъ: ти суть изъ Мунстера (Минстера). Берникъ и Фолкирь, ти же суть изъ *Глугли* (Гренингена?). Яремъ, Брахтъ: ти же суть изъ *Дротмины* (Дортмунда). Индрикъ, Чижикъ: ти же изъ *Дрямь* (Бремена?). Альбряхъ Слукъ, Берняръ Велетеръ, Алеберь судья Рижскій: тоже суть Рижане.

Аще который Русинъ или Нѣмчиць противитися всхочеть сей правдѣ, да тотъ противенъ Богу и сей правдѣ.

Изъ городовъ Смоленскаго княжества извѣстенъ по торговлѣ *Торопецъ:* въ лѣтописи еще подъ 1074 годомъ упоминается «богатый» купецъ Торопчанинъ, который роздалъ имѣніе свое нуждающимся, и постригся въ монастырѣ Ѳеодосіевомъ, нареченный Исакіемъ.

Въ былинахъ поется о Димитріѣ, богатомъ гостѣ *Черниговскомъ*.

Что во *Владимирѣ Суздальскій* приходили купцы: *Греческіе, Нѣмецкіе, Кіевскіе и Восточные*, — о томъ узнаемъ мы случайно изъ причитанья Кузмища Кіянина надъ трупомъ Андреевымъ. «Иногда бо аче и *гость* приходилъ изъ Царягорода, и отъ иныхъ странъ изъ *Руской* земли, и аче *Латининъ*, и до всего *хрестьяньства*, и до всея *погани...*» Андрей всѣмъ велѣлъ показывать богатства церковныя.

О купцахъ во Владимирѣ, какъ части заселенія городскаго, есть два мѣста, подъ годами 1177 и 1206.

Низовые купцы должны были платить въ Новѣгородѣ отъ двухъ берковецъ вощаныхъ

по гривнѣ серебра, да гривну перцу. Перецъ не откуда было получать Низовымъ купцамъ, кромѣ востока. Слѣдовательно восточная торговля чрезъ Астрахань и Булгаръ продолжалась еще въ XIII вѣкѣ.

Въ житіи князя Глѣба Андреевича, (неизвѣстнаго по лѣтописямъ), говорится о множествѣ иностранныхъ гостей, бывшихъ во Владимирѣ при смерти сего молодаго князя.

Иностранные купцы, торгуя съ Русскими, проѣзжали еще чрезъ Русскую землю въ сосѣднія страны съ тою же цѣлію, а именно:

Въ *Болгарію*, что узнаемъ мы въ извѣстіи объ умерщвленіи въ Болгарскомъ городѣ богатаго купца, который не хотѣлъ тамъ измѣнить христіанству, и былъ замученъ. 1229. «Страсть новаго мученика Христова (Аврамія), его же убиша Болгаре въ великомъ градѣ ихъ; съ бысть *иного языка не Русскаго,* хрестьянъ же сы, имѣяше имѣнье много, *гостешбу* дѣя по градомъ....» Болгаре принуждали его отречься отъ христіанской вѣры и умертвили.

Едризи, арабскій писатель половины XII вѣка, говоритъ о продолжавшейся, хотя въ меньшемъ объемѣ, торговлѣ Итиля.

Норманновъ мы видимъ при взятіи *Константинополя* Латинами, которые ихъ выгнали. 1204. «Грекы же Варягы изгнали изъ града, иже бяхутся остали».

Такова была торговля внутреняя и внѣшняя Руси въ удѣльномъ періодѣ. Она находилась подъ особымъ покровительствомъ князей, что видно и по лѣтописямъ и по договорамъ, и была ограждена законами, очень подробными въ Русской Правдѣ, чѣмъ и доказывается ея значительное развитіе съ кредитомъ, (заимствомъ), процентами, (ростомъ, рѣзами, лихвою), порученіями (коммиссіями). Не только деньги давались взаемъ, но и жито въ присопъ, наставъ въ медъ, скотъ въ приплодъ, (см. въ Русской Правдѣ). Деньги давались въ куплю, и въ гостьбу, т. е. въ торгъ домашній и заграничный. Рѣзы, росты (откуда нын. ростовщикъ) обыкновенные 20. Противъ рѣзоимства очень сильно вооружались проповѣдники.

Церковь также покровительствовала торговлѣ и наблюдала за ея вѣрностью: мѣрила торговыя, напримѣръ, сказанныя въ уставѣ Всеволода Мстиславича скалвы (вѣсы) вощаныя, пуды медовые, гривенки рублевыя... на всякой годъ взвѣшивались и проч.

Кіевъ, Новгородъ, Смоленскъ, Полоцкъ, Витебскъ, Торопецъ, Псковъ, Руса, Ладога, Торжекъ, Владимиръ, Переяславль, Черниговъ—вотъ города, о коихъ положительныя извѣстія сохранились въ лѣтописяхъ.

Арабскія монеты 9—12 столѣтія, находимыя во множествѣ на всемъ пространствѣ Россіи (въ губерніяхъ: Новогородской, Псковской, Тверской, Минской, Могилевской, Витебской, Смоленской, Московской, Владимирской, Ярославской, Костромской, Тульской, Рязанской, Казанской, Саратовской, Таврической, Вятской, Пермской, Тобольской, Петербургской, Эстляндской, Лифляндской, Курляндской, въ Финляндіи, а равно и въ восточной Швеціи, и по всему Балтійскому поморью, и нигдѣ болѣе), свидѣтельствуютъ всего вѣрнѣе и осязательнѣе объ обширности восточной торговли и мѣстахъ производства.* Онѣ находятся въ различныхъ количествахъ, вѣсомъ отъ семи пудъ, цѣною отъ семи тысячъ цѣлковыхъ (близъ Великихъ Лукъ) до нѣсколькихъ сотъ и десятковъ, (древнѣйшіе Русскіе клады). Недавно еще близъ Глазова въ Вятской

* См. въ атласѣ карту нахожденія монетъ въ Россіи.

губерніи найдено 1500 серебреныхъ монетъ, изъ коихъ самыя новыя принадлежатъ къ 843—844 г. Изъ Сассанидскихъ монетъ есть 587 и 619 г. Въ Муромѣ въ прошломъ году найдено до 11 тыс. куфическихъ сер. монетъ.

Въ 1817 году считалось восточныхъ монетъ въ академическомъ Минцъ-кабинетѣ до 20 тысячъ. Теперь вѣроятно несравненно болѣе. Сколько же ихъ пропало, и находится въ частныхъ рукахъ!

Въ Швеціи было тогда извѣстно до 6 тысячъ.

Русь продавала свои товары въ Болгарѣ и Итилѣ всегда на чистыя деньги, по свидѣтельству самыхъ Арабскихъ писателей, Ибн-Дасты и Ибн-Фоцлана.

Вмѣстѣ съ арабскими монетами, шедшими преимущественно изъ Мавераннегра, (Хивы и Бухары), попадаются древнія Греческія, Римскія, Нѣмецкія, Англо-Саксонскія. Восточная торговля впрочемъ значительно уменьшилась въ продолженіи удѣльнаго періода.

Главные предметы заграничной торговли, какъ на западъ, такъ и на востокъ, были мѣха—соболи, горностаи, куницы, песцы, волки, медвѣди, бобры, зайцы, рыбьи зубы, поташъ, воскъ, медъ, лѣсъ, кожи, (юфть), иногда хлѣбъ; на югѣ въ особенности челядь.

Получались по прежнему: драгоцѣнныя ткани, янтарь, сукна, (Ипское изъ Ипра во Фландріи), желѣзныя издѣлія, изъ Греціи церковныя принадлежности: иконы, сосуды, мозаика, вина, съ востока вина, пряныя коренья, благовонія.

Изъ Смоленскаго договора видно,* что въ Смоленскѣ продавалось и покупалось золото и серебро.

* См. выше, статьи 25—28.

Предметы торговли мы видимъ въ внутреннемъ оборотѣ, въ употребленіи, напримѣръ въ 1148 году:

«Изяславъ да дары Ростиславу, что отъ *Рускыи землѣ* и отъ *всихъ царскихъ земель,* (т. е. Греческихъ), а Ростиславъ да дары Изяславу, что отъ верхнихъ земель и отъ Варягъ, (т. е. сѣверныхъ, Нѣмецкихъ).

Что касается до внутренней торговли,—различіе въ климатѣ и почвѣ земли, обиліе тѣхъ или другихъ естественныхъ произведеній, по мѣстамъ были причиною происхожденія разныхъ отраслей мѣстной промышленности и мѣновой торговли. Такъ напримѣръ Новгородъ (1141) долженъ былъ получать хлѣбъ съ юга изъ Суздаля, или даже отъ Нѣмцевъ, а Суздаль, въ случаѣ нужды, отъ Болгаръ.

Главные пути—рѣки: Волга, Ока, Днѣпръ, Донъ, Нева, и прочія, между которыми находились волоки. Два волока, между Бабиновичами и Оршею, и Болиголовичами и рѣкою Уллою, гдѣ впослѣдствіи прорытъ Березинскій каналъ, почти до нашего времени служили путями торговыхъ сообщеній между рѣчными системами Днѣпра и Двины. На первомъ изъ этихъ волоковъ найдены въ четырехъ разныхъ мѣстахъ Халифскія и Парѳскія монеты, преимущественно VIII вѣка. Въ одномъ лишь кладѣ были Сассанидскія, X вѣка. Волоки дали имя городамъ Вышнему Волочку, Волоку-Ламскому.

Доставлялись по мѣстамъ товары и сухимъ путемъ: напримѣръ изъ житія Ѳеодосіева видимъ, что онъ встрѣтилъ близь Курска обозъ, шедшій въ Кіевъ. Послѣдуя за нимъ, онъ достигъ Кіева чрезъ три недѣли, слѣд. въ день дѣлалось верстъ по 20.

Ибн-Гаукалъ говоритъ, что изъ Булгара купцы доходили до Кіева, чрезъ Мордовскую землю.

Въ городахъ вездѣ были *торговища*, т. е. торговыя площади, (кои до сихъ поръ сохранились и во всѣхъ Славянскихъ городахъ на западѣ).

Въ *Новѣгородѣ* искони, цѣлая сторона называлась *торговою*.

Въ *Кіевѣ* (1067). Людье Кыевстіи.... створиша вѣча на *торговищи*.

Изяславъ възгна (1069) *торгъ* на гору.

Тамъ же упоминается (1146) Бабинъ торжекъ.

Упоминается *торговище* (1096) въ Вздвижени, *торгъ* (1234) въ *Русѣ*.

Смоленскій *торгъ* упоминается въ житіи св. Авраамія.

Пригородъ Новогородскій *Новой Торгъ*, *Торжекъ*, получилъ свое имя отсюда.

При монастыряхъ, особенно въ дни ихъ праздниковъ, происходили торги, подавшіе впослѣдствіи поводъ къ учрежденію ярмарокъ.

По одному слову въ Русской Правдѣ (84) можно заключать объ особыхъ площадяхъ за городами, куда привозились товары: гостинница великая,—если впрочемъ оно не означаетъ большой дороги.

Предметы торговли внутренней, о коихъ значится именно въ современныхъ памятникахъ, напр. въ Русской Правдѣ: хлѣбъ—рожь, пшеница, пшено, овесъ, сѣно, мясо, рыба, соль, воскъ, медъ, ленъ, дрова, вообще съѣстные припасы, рогатый скотъ и все нужное для одежды и обуви. (Затворники Печерскіе плели копытца и клобуки, и носили на продажу въ городъ, гдѣ покупали жито).

Внутренняя торговля была обложена *пошлинами*, о коихъ можемъ судить по уставу Всеволодову.*

* См. выше, с. 471.

Одно мѣсто и въ лѣтописи подтверждаетъ оныя: въ 1150 году, князь Борисъ Юрьевичъ принужденъ былъ бѣжать отъ Владимирка Галицкаго, напавшаго внезапно на его Бѣлгородъ. Владимирко захватилъ бы его самаго, говоритъ лѣтопись Кіевская, еслибъ «мытникъ» не успѣлъ разметать моста. Если былъ мытникъ, то было и мыто, *пошлина*. Селенія съ именемъ *Мытищи* указываютъ на мѣста собиранія древнихъ пошлинъ, какъ *Исады*—древнихъ пристаней, а *Волоки* древнихъ промежуточныхъ пространствъ между рѣками.

Были пошлины на *перевозахъ*, на *мостахъ*, *передмѣръ*, (съ мѣры, помѣрное), *осмничее*, вѣсчее (съ вѣсу, за вѣсъ).

Древняя Русская, и по преимуществу Новогородская, торговля, воспѣта въ современной былинѣ о богатомъ купцѣ Новогородскомъ Садкѣ, котораго имя встрѣчается и въ лѣтописи Новогородской подъ годомъ 1167: На весну заложи Садко Сытиниць церковь камяну святую мученику Бориса и Глѣба, при князи Святославѣ Ростиславичѣ, при архіепископѣ Иліи.

Жилъ былъ Садко, богатый гость.
Все-то у Садка по небесному:
На небѣ солнце, во теремѣ солнце,
На небѣ звѣзды, во теремѣ звѣзды,
На небѣ мѣсяцъ, во теремѣ мѣсяцъ,—
Все-то у Садка по небесному.

≈

Потомъ Садкё купецъ, богатый гость,
Зазвалъ къ себѣ на почестенъ пиръ
Тыихъ мужиковъ Новогородскіихъ,
И тыихъ настоятелей Новогородскихъ,
Ѳому Назарьева и Луку Зиновьева.

Всѣ на пиру наѣдалися,
Всѣ на пиру напивалися,
Похвальбами всѣ похвалялися:
Иный хвастаетъ безсчетной золотой казной,
Другой хвастаетъ силой-удачей молодецкою,
Который хвастаетъ добрымъ конемъ,
Который хвастаетъ славнымъ отечествомъ,
Славнымъ отечествомъ, молодымъ молодечеством.
Умный хвастаетъ старымъ батюшкомъ,
Безумный хвастаетъ молодой женой.

Говорятъ настоятели Новогородскіе:
«Всѣ мы на пиру наѣдалися,
«Всѣ на почестномъ напивалися,
«Похвальбами всѣ похвалялися.
«Что же у насъ Садкё ничѣмъ не похвастаетъ,
«Что у насъ Садкё ничѣмъ не похваляется?»

Говоритъ Садкё купецъ, богатый гость:
«А чѣмъ мнѣ, Садку, хвастаться,
«Чѣмъ мнѣ, Садку, похвалятися?
«У меня ль золота казна не тощится,
«Цвѣтно платьице не носится,
«Дружина хоробра не измѣняется.
А похвастать не похвастать безсчетной золотой казной:
«На свою безсчетну золоту казну
«Повыкуплю товары Новогородскіе,
«Худые товары и добрые!»

Не успѣлъ онъ слова вымолвить,
Какъ настоятели Новогородскіе
Ударили о великъ закладъ,
О безсчетной золотой казнѣ,
О денежкахъ тридцати тысячахъ:
Какъ выкупить Садку товары Новогородскіе,
Худые товары и добрые,
Чтобъ въ Новѣ-градѣ товаровъ въ продажѣ болѣ не было.

Ставалъ Садкё на другой день ранымъ рано,
Будилъ свою дружину хоробрую,
Безъ счета давалъ золотой казны,
Ираспущалъ дружину по улицамъ торговымъ,
А самъ-то прямо шелъ въ гостинный рядъ,
Какъ повыкупилъ товары Новогородскіе,
Худые товары и добрые
На свою безсчетную золоту казну.

На другой день ставалъ Садкё ранымъ рано,
Будилъ свою дружину хоробрую,
Безъ счета давалъ золотой казны,
И распущалъ дружину по улицамъ торговымъ,
А самъ-то прямо шелъ въ гостинный рядъ:
Вдвойнѣ товаровъ принавезено,
Вдвойнѣ товаровъ принаполнено
На тую на славу на великую Новогородскую.
Опять выкупалъ товары Новогородскіе,
Худые товары и добрые,
На свою безсчетную золоту казну.

На третій день ставалъ Садкё ранымъ рано,
Будилъ свою дружину хоробрую,
Безъ счета давалъ золотой казны,
Ираспущалъ дружину по улицамъ торговымъ,
А самъ-то прямо шелъ въ гостинный рядъ:
Втройнѣ товаровъ принавезено,
Втройнѣ товаровъ принаполнено,
На ту на великую на славу Новогородскую.
Какъ тутъ Садке пораздумался:
«Не выкупить товара со всего бѣла свѣта:
. . . .
«Подоспѣютъ товары заморскіе.
«Не я, видно, купецъ богатъ Новогородскій,
«Побогаче меня славный Новгородъ».
Отдавалъ онъ настоятелямъ Новогородскимъ
Денежекъ онъ тридцать тысячей.

~~

На свою безсчетную золоту казну
Построилъ Садкё тридцать кораблей,
Тридцать кораблей, тридцать черленыихъ;
Корму онъ строилъ по гусиному,
А носъ онъ строилъ по орлиному,
Въ очи выкладывалъ по камешку,
По славному камешку по яхонту.
На ты на корабли на черленые
Свалилъ товары Новогородскіе.
Поѣхалъ Садкё по Волхову,
Со Волхова во Ладожско,
А со Ладожска во Неву рѣку,
А со Невы рѣки во сине море.

Вспомнимъ: бѣ путь изъ Варягъ въ Греки, и изъ Грекъ по Днѣпру, и верхъ Днѣпра волокъ до Ловоти, по Ловоти внити въ Илмеръ озеро великое, изъ него же озера потечеть Волховъ, и втечеть въ озеро велико Нево, того озера внидеть устье въ море Варяжское.

Какъ поѣхалъ онъ по синю морю,
Продавалъ товары Новогородскіе,
Получалъ барыши великіе,
Насыпалъ бочки сороковки красна золота,
чиста серебра,
Поѣзжалъ назадъ во Новгородъ,
Поѣзжалъ онъ по синю морю.
На синемъ морѣ сходилась погода сильная,
Застоялись черлены корабли на синемъ морѣ.
А волной-то бьетъ, паруса рветъ,
Ломаетъ кораблики черленые,
А кораблики нейдутъ съ мѣста на синемъ
морѣ.
Говоритъ Садкё купецъ, богатый гость
Ко своей дружины ко хоробрыя:

«Ай же ты дружинушка хоробрая!
«Какъ мы вѣкъ по морю ѣздили,
«А морскому царю дани не плачивали:
«Видно, царь морской отъ насъ дани
требуетъ,
«Требуетъ дани во сине море.
«Ай же братцы, дружина хоробрая!
«Взимайте бочку сороковку чиста серебра,
«Спущайте бочку во сине море».

Потомъ поѣзжали корабли по синю морю,
Полетѣли какъ черные вороны.
Говоритъ—промолвится Садко богатый гость:
«Это, братцы, жеребья на жеребья!
«Вырѣжемъ-те жеребья изъ красна золота,
«Изъ того изъ чистаго изъ серебра,
«А кинемъ-ка жеребья на верхъ воды,
«Намъ кому итти да во сине море:
«Чей жеребей на дно пойдетъ,
«Тому итти во сине море».
Вырѣзали жеребья изъ красна золота,
Изъ того изъ чистаго изъ серебра;

Кинули оны жеребья на верхъ воды:
Всѣ-то жеребья пловутъ на верхъ воды,—
А купца Садко-то на дно идетъ.
Тутъ Садко купецъ, богатый гость,
Садился на дощечку на дубовую:
Пошла тая дощечка во сине море,
Приходила дощечка во сине море,
Ко царю пришла ко морскому.

Садко пріобрѣлъ благосклонность морскаго царя своею игрою на гусляхъ—это прежде было его ремесло, — и получилъ себѣ его дочь въ замужство, которая и доставила его въ Новгородъ, а по другому разнорѣчію онъ отказался отъ такой невѣсты.

КУНЫ (ДЕНЬГИ).

Гривна серебра вѣсила фунтъ, или около фунта; въ Новѣгородѣ соотвѣтствовала маркѣ, въ Кіевѣ соотвѣтствовала литрѣ.

Изъ гривны или фунта серебра выливалось въ Новѣгородѣ двѣ гривны кунъ, (денегъ). Въ гривнѣ кунъ (денегъ) было слѣдовательно полфунта или около.

Вотъ эти гривны—полуфунты и должно разумѣть подъ гривнами кунъ, которыя упоминаются въ Новогородскихъ документахъ, то есть ходячею монетою, и сохраняются въ нашихъ минц-кабинетахъ, вѣсомъ отъ 40 до 48 золотниковъ.

Представимъ теперь таблицу мелкихъ денегъ, составлявшихъ гривну кунъ, по Карамзину, и переведемъ ее только съ кожи на серебро по нашему изслѣдованію.

Гривна серебра=фунтъ сер.=20 р. с.
Гривна кунъ =полфун. сер.=10 р. с.
— — =20 ногатъ,
— — =25 кунъ,
— — =50 рѣзаней,
Ногата=$2\frac{1}{2}$ рѣзани—50 к. с.
Куна =2 рѣзани—40 к. с.
Рѣзань= . . . . . 20 к. с.

Это разсчетъ Новогородской гривны кунъ, денегъ, ходячей монеты, въ полфунта.

Смоленская ходячая монета была вдвое легче: въ Мстиславовомъ (Смоленскаго князя) договорѣ съ Ригою 1228 г. полагалось пени за убійство 10 гривенъ серебра, считая въ гривнѣ серебра по 4 гр. кунъ. Слѣдовательно ногата равнялась 25 к. с., куна 20 к. с., рѣзань 10 к. с.

Кіевская гривна была средняя между Новогородскою и Смоленскою. Она вѣсила треть фунта по слѣдующему положительному показанію въ договорѣ Ольговомъ: «по Русскому закону», назначена пеня за ударъ мечемъ, или какимъ-нибудь сосудомъ, 5 литръ серебра, а въ Русской Правдѣ за эту вину назначалось пени 12 гривенъ: слѣдовательно 12 гривенъ равнялись пяти литрамъ серебра, а въ литрѣ было 72 зол., въ 5 литрахъ слѣдовательно 360 зол., слѣдовательно въ Кіевской гривнѣ кунъ было 30 золотниковъ, каковыя мы, говоря вообще, въ Кіевскихъ такъ называемыхъ гривнахъ и находимъ 30—38 золотниковъ.

Слѣдовательно Кіевская ногата 40 к. с.
—— —— куна 30 к. с.
—— —— рѣзань 15 к. с.

Изъ фунта въ 96 золотн. въ Новѣгородѣ выливалось двѣ гривны кунъ, въ Кіевѣ почти три, въ Смоленскѣ четыре.

Отсюда счетъ Новогородскій, Кіевскій, Низовый, (Смоленскій, Тверской, Московскій).

Затрудненіе и замѣшательство происходитъ отъ разныхъ значеній гривны, кои трудно намъ разобрать, хоть и сами мы, теперь, употребляемъ это слово въ разныхъ значеніяхъ, но общепринятыхъ и потому легко понятныхъ: гривна серебра, гривна мѣди, гривна ассигнаціями суть различныя гривны, точно какъ и рубль серебра, рубль мѣди, рубль золота, рубль ассигнаціями различные рубли; въ гривнѣ мѣди считается 10 копеекъ, а въ гривнѣ серебра 35, и т. п.

Гривны сперва были вѣсовыя, потомъ вѣсовыя и денежныя, потомъ однѣ денежныя, кои цѣнились сперва по вѣсу, а потомъ и курсу.

Важный вопросъ состоитъ въ томъ, съ котораго времени начинаются гривны кунъ, то-есть съ котораго времени появились у насъ слитки, денежныя гривны, въ 48, 36, 24 зол.?

Ярославъ назначилъ пени за убійство 40 гривенъ, — должно разумѣть не сорокъ, кажется, гривенъ вѣсомъ, то-есть не 40 фунтовъ, а 40 гривенъ литыхъ, ходячею монетою.

Части гривны кунъ—ногаты, куны, рѣзани, встрѣчаются въ Ярославовой Правдѣ: онѣ были слѣдовательно частію гривны кунной, денежной, а не гривны вѣсовой, слѣдовательно гривны денежныя тогда уже существовали.

Вновь найденныя въ Нѣжинѣ монеты должны быть Кіевскія рѣзани.

Кожаныя деньги могли существовать только по мѣстамъ, для домашняго обихода, какъ существовали и существуютъ въ наше время по мѣстамъ разные условные знаки.

Еще Володимеръ говорилъ наемнымъ Варягамъ, требовавшимъ по двѣ гривны съ каждаго человѣка въ Кіевѣ: пождите, пока куны сберутъ. Прохожіе Варяги, разумѣется, требовали не кожи, для нихъ никуда негодной, а серебра.

ЦѢНЫ, ПЕНИ,

По Правдѣ Ярославичей.

(Кіевской счетъ):

Въ нижеслѣдующихъ исчисленіяхъ, какъ и выше, принимаются вездѣ круглыя числа.

	По изслѣдованіямъ автора.				Д. И. Прозоровскаго.*		
	грив.	фунт.	руб.	коп.	фунт.	руб.	коп.
За несправедливое убійство огнищанина.	80	25	500	—	$29\frac{1}{6}$	663	$73\frac{1}{3}$
А въ подъѣздномъ княжи.	80	25	500	—	$29\frac{1}{6}$	663	$73\frac{1}{3}$
За княжескаго старосту.	80	25	500	—	$29\frac{1}{6}$	663	$73\frac{1}{3}$
За конюха стараго у стада.	80	25	500	—	$29\frac{1}{6}$	663	$73\frac{1}{3}$
За сельскаго старосту княжаго и ратайнаго.	12	4	80	—	$4\frac{3}{8}$	99	56
За рядовика княжаго.	5	$1\frac{1}{2}$	30	—	$1\frac{79}{96}$	41	$48\frac{1}{3}$
За смерда и холопа.	5	$1\frac{1}{2}$	30	—	$1\frac{79}{96}$	41	$48\frac{1}{3}$
За кормилицу рабу и кормильца. . . .	12	4	80	—	$4\frac{5}{8}$	99	56
За княжаго коня съ пятномъ.	3	1	20	—	$1\frac{3}{32}$	24	89
За смердьяго.	2	$\frac{2}{3}$	15	—	70 зол.	16	$59\frac{1}{3}$
За кобылу. . . . . 60 рѣз.	—	—	9	—	—	9	96
За вола.	1	$\frac{1}{3}$	7	—	35 зол.	8	$29\frac{2}{3}$
За корову. . . . . 40 рѣз.	—	—	6	—	—	6	64
За третьяка. . . . . 15 кун.	—	—	$4\frac{1}{2}$	—	—	2	44
За лонщину.	$\frac{1}{2}$	$\frac{1}{6}$	$3\frac{1}{2}$	—	$17\frac{1}{2}$ зол.	4	$14\frac{5}{6}$
За теля. . . . . 5 рѣз.	—	—	—	75	—	—	$81\frac{1}{3}$
За яря, барана. . . . . . . 1 ног.	—	—	—	40	—	—	$41\frac{1}{2}$

* О причинахъ различія въ выводахъ, см. въ приложеніяхъ.

	По изслѣдованiямъ автора.				Д. И. Прозоровскаго.		
	грив.	фунт.	руб.	коп.	фунт.	руб.	коп.
За уведенiе чужаго холопа, рабы, хозяину.	12	4	80	—	$4^5/_8$	99	56
За украденнаго коня или быка, за окраденную клѣть, съ одного.	1	30р.	12	—	56 зол.	13	$27^2/_3$
Если въ десятеромъ, съ каждаго (?) по .	3	30р.	25	—	$1^5/_{16}$	29	87
За княжую борть.	3	1	20	—	$1^3/_{32}$	24	89
За побои смерда, безъ княжаго слова. .	3	1	20	—	$1^3/_{32}$	24	89
За огнищанина, тивунина, мечника. . .	12	4	80	—	$4^3/_8$	99	56
За запаханную межу.	12	4	80	—	$4^3/_8$	99	56
За украденную ладью . . . . 30 р.	—	—	$4^1/_2$	—	—	4	98
да пени. . . 60 р.	—	—	9	—	—	9	96
За голубя и куря. . . . . . 9 к.	—	—	2	70	—	1	$49^2/_5$
За утку, гуся, журавля, лебедя. . 30 р.	—	—	$4^1/_2$	—	—	4	98
да пени. . . 60 р.	—	—	9	—	—	9	96
За пса, ястреба, сокола.	3	1	20	—	$1^3/_{32}$	24	89
За покраденное сѣно. . . . . 9 к.	—	—	2	70	—	1	$49^2/_5$
дрова. . . . . 9 к.	—	—	2	70	—	1	$49^2/_5$
За украденную овцу, хотя въ десятеромъ, продажи по. . . . . 60 р.	—	—	9	—	—	9	96
Поимавшему. . . . . 10 р.	—	—	$1^1/_2$	—	—	1	66
Мечнику изъ гривны. . . . . . 1 к.	—	—	—	15	—	—	$16^2/_3$
въ десятину. . . 15 к.	—	—	$4^1/_2$	—	—	2	44
князю.	3	1	20	—	$1^5/_{52}$	24	89
Изъ 12 гривенъ поимщику. . . 70 к.	—	—	21	—	—	11	62
въ десятину.	2	$^2/_3$	15	—	70 зол.	16	$59^1/_3$
князю.	10	4	80	—	$3^{31}/_{48}$	82	$96^2/_3$
Баранъ или полоть ветчины. . . 2 р.	—	—	—	30	—	—	$33^1/_3$
Вирнику въ недѣлю. . . . 15 к.	—	—	$4^1/_2$	—	—	2	44
Вирнику (?).	60	20	400	—	$21^7/_8$	497	80
и 10 р. 12 векшей.	—	—	2	—	—	—	—
Предварительно ему.	1	$^1/_3$	7	—	35 зол.	8	$29^2/_3$
За рыбу вирнику. . . . . 7 р.	—	—	10	5	—	1	$16^2/_3$
Мостовщикамъ за работу и за сваи по 1 н.	—	—	—	40	—	—	$41^1/_2$

По Правдѣ разпространенной.

За убiйство мужа или тiуна княжескаго.	80	25	500	—	$29^1/_6$	663	$73^1/_3$
Вервь платитъ за убiйство, если убiйца не найдется.	80	25	500	—	$29^1/_6$	663	$73^1/_3$
За людина.	40	$12^1/_2$	250	—	$14^7/_{12}$	331	$86^2/_3$
Вирнику 7 вед. солода, барана, или полоть ветчины, или деньгами. . . . . . 2 н.	—	—	—	80	—	—	83
Вирнику въ сырные и постные дни по 1 к.	—	—	—	30	—	—	$16^2/_3$
А въ скоромные по 2 курицы на день, 1 к.	—	—	—	30	—	—	$16^2/_3$
Ему же.	8	$2^1/_3$	50	—	$2^{11}/_{12}$	66	$37^1/_3$

	По изслѣдованіямъ автора.				Д. И. Прозоровскаго.		
	Грив.	фунт.	руб.	коп.	фунт.	руб.	коп.
И перекладныхъ. . . . . . . 10 к.	—	—	3	—	—	1	$66\frac{2}{3}$
Метельнику судная.	1	$\frac{1}{3}$	7	—	35 зол.	8	$29\frac{2}{3}$
и . . . . 12 в.							
Съ виры въ 80 г. вирнику.	16	5	100	—	$5\frac{5}{6}$	132	$74\frac{2}{3}$
и . . . . 10 к. 2 в.	—	—	2	—	—	—	—
Предварительно судная. . . .	1	$\frac{1}{3}$	7	—	35 зол.	8	$29\frac{2}{3}$
За убійство.	3	1	20	—	$1\frac{5}{32}$	24	89
За убійство княжаго отрока, конюха, повара.	40	$12\frac{1}{3}$	250	—	$14\frac{7}{12}$	331	$86\frac{2}{3}$
Тіуна огнищанъ и тіуна конюшаго. . .	80	25	500	—	$29\frac{1}{6}$	663	$73\frac{1}{3}$
За сельскаго или ратайнаго.	12	4	80	—	$4\frac{3}{8}$	99	56
За рядовича.	5	$1\frac{1}{2}$	30	—	$1\frac{79}{96}$	41	$48\frac{1}{3}$
Также и за боярскаго.	5	$1\frac{1}{2}$	30	—	$1\frac{79}{96}$	41	$48\frac{1}{3}$
За убійство ремественника и ремественницы.	12	4	80	—	$4\frac{3}{8}$	99	56
За смерда и холопа.	5	$1\frac{1}{2}$	30	—	$1\frac{79}{96}$	41	$48\frac{1}{3}$
За рабу.	6	2	40	—	$2\frac{3}{16}$	49	78
За кормильца и кормилицу.	12	4	80	—	$4\frac{3}{8}$	99	56
При снятіи виры отроку. . . . . *г. к.*	1	$\frac{1}{3}$	7	—	35 зол.	8	$29\frac{2}{3}$
Отъ обвинителя ему же.	1	$\frac{1}{8}$	7	—	35 зол.	8	$29\frac{2}{3}$
Въ то число помоченаго. . . . . 9 к.	—	—	2	70	—	1	$49\frac{2}{3}$
Испытаніе желѣзомъ за дѣло въ $\frac{1}{2}$ г.	—	—	—	—	$17\frac{1}{2}$ з.	49	$77\frac{7}{9}$
Присяга за дѣло въ 2 г.	—	—	—	—	70 зол.	16	$59\frac{1}{2}$
За ударъ мечемъ и проч.	12	4	80	—	$4\frac{3}{8}$	99	56
За обнаженіе меча. . . . . *г. к.*	1	$\frac{1}{3}$	7	—	35 зол.	8	$29\frac{2}{3}$
За ударъ чѣмъ-нибудь.	12	4	80	—	$4\frac{3}{8}$	99	56
За увѣчье въ казну.	20	6	120	—	$7\frac{7}{24}$	165	$93\frac{1}{3}$
Раненому.	10	$3\frac{1}{2}$	60	—	$3\frac{31}{48}$	82	$96\frac{2}{5}$
За палецъ въ казну.	3	1	20	—	$1\frac{3}{32}$	24	89
Раненому.	1	$\frac{1}{3}$	7	—	35 зол.	8	$29\frac{2}{3}$
За побои видимые битому.	3	1	20	—	$1\frac{3}{32}$	24	89
Безъ знаковъ. . . . . 60 к.	—	—	18	—	—	9	96
За рану.	3	1	20	—	$1\frac{3}{32}$	24	89
Раненому и на леченье. . . . . . *к.*	1	$\frac{1}{3}$	7	—	35 зол.	8	$29\frac{2}{3}$
За толчекъ или ударъ жердью.	3	1	20	—	$1\frac{3}{32}$	24	89
За скрытаго челядина продажи. . . .	3	1	20	—	$1\frac{5}{32}$	24	89
Кто сядетъ на чужаго коня.	3	1	20	—	$1\frac{5}{32}$	24	89
За утаеннаго чужаго коня.	3	1	20	—	$1\frac{5}{32}$	24	89
Клѣтной воръ платитъ.	3	1	20	—	$1\frac{5}{32}$	24	89
За кражу челядина князю.	12	4	80	—	$4\frac{3}{8}$	99	56
За убіеніе вора связаннаго.	12	4	80	—	$4\frac{3}{8}$	99	56
Кто крадетъ скотъ въ хлѣвѣ или клѣть.	3	1	20	—	$1\frac{5}{52}$	24	89
За кражу на полѣ по . . . . . 60 к.	—	—	18	—	—	9	96
На гумнѣ и т. п., съ вора.	3	1	20	—	$1\frac{5}{32}$	24	89
и . . . . 30 к.	—	—	9	—	—	4	98

		По изслѣдованіямъ автора.				Д. И. Прозоровскаго.		
		грив.	фунт.	руб.	коп.	фунт.	руб.	коп.
За пользованіе въ лѣто по		$\frac{1}{2}$	$\frac{1}{6}$	$3\frac{1}{2}$	—	$17\frac{1}{2}$ зол.	4	$41\frac{5}{6}$
За княжаго коня.		3	1	20	—	$1\frac{5}{32}$	24	89
За простаго коня.		2	$\frac{2}{3}$	15	—	70 зол.	16	$59\frac{1}{3}$
За покражу кобылы платятъ смерды	60 к.	—	—	18	—	—	9	96
За быка.		1	$\frac{1}{3}$	7	—	35 зол.	8	$29\frac{2}{3}$
За корову.	40 к.	—	—	12	—	—	6	64
За трехлѣтняго быка.	30 к.	—	—	9	—	—	4	98
За годовика.		$\frac{1}{2}$	$\frac{1}{6}$	$1\frac{1}{2}$	—	$17\frac{1}{2}$ зол.	4	$41\frac{5}{6}$
За теленка, свинью.	5 к.	—	—	$1\frac{1}{2}$	—	—	—	$81\frac{1}{3}$
За поросенка, барана.	1 н.	—	—	—	40	—	—	$41\frac{1}{2}$
За овцу.	5 н.	—	—	2	—	—	2	$7\frac{1}{2}$
За жеребца неѣзженаго.	*г. к.*	1	$\frac{1}{3}$	7	—	35 зол.	8	$29\frac{2}{3}$
За жеребенка.	6 н.	—	—	$2\frac{1}{4}$	—	—	2	49
За коровье молоко.	6 н.	—	—	$2\frac{1}{2}$	—	—	2	49
Уличенный должникъ платитъ пени.		3	1	20	—	$1\frac{5}{32}$	24	89
По Правдѣ Мономаха.								
Позволяется брать рѣзу въ лѣто съ гр.	10 к.	—	—	3	—	—	1	$66\frac{2}{3}$
За клокъ вырванный бороды.		12	4	80	—	$4\frac{3}{8}$	99	56
За выбитый зубъ, продажи.		12	4	80	—	$4\frac{3}{8}$	99	56
А за зубъ.		1	$\frac{1}{3}$	7	—	35 зол.	8	$29\frac{2}{3}$
За украденный бортъ.		12	4	80	—	$4\frac{3}{8}$	99	56
За уничтоженіе межевыхъ и пр. знаковъ.		12	4	80	—	$4\frac{3}{8}$	99	56
Сверхъ того отроку.	20 к. и в. 2.	—	—	6	—	—	—	—
Писцу.	10 к.	—	—	3	—	—	1	$66\frac{2}{3}$
Перекладнаго.	5 к.	—	—	$1\frac{1}{2}$	—	—	—	$81\frac{1}{3}$
За мѣхъ.	2 н.	—	—	—	80	—	—	83
За убійство женщины виноватой.		20	6	120	—	$7\frac{7}{24}$	165	$93\frac{1}{3}$
За убійство холопа князю.		12	4	80	—	$4\frac{3}{8}$	99	56
Изъ виры судьѣ.	9 к.	—	—	2	70	—	1	$49\frac{2}{5}$
Метельнику.	9 в.							
Съ бортной земли.	30 к.	—	—	9	—	—	4	98
Съ оправданнаго, судьѣ.	4 к.	—	—	1	20	—	—	$66\frac{2}{3}$
Метельнику.	6 в.	—	—	—	—	—	—	—
Дѣтскому за дѣлежъ наслѣдства.	*к.*	1	$\frac{1}{3}$	7	—	35 зол.	8	$29\frac{2}{3}$
По присяжнымъ дѣламъ, отъ уголовнаго суда.	30 к.	—	—	9	—	—	4	98
О бортной и пахатной землѣ.	27 к.	—	—	8	—	—	4	40
О свободѣ.	9 к.	—	—	2	70	—	1	$49\frac{2}{3}$
Господинъ платитъ закупу за удержанное жалованье.	60 к.	—	—	18	—	—	9	96
За удержанныя деньги, продажи.		3	1	20	—	$1\frac{5}{32}$	24	89
Продавецъ закупа за холопа платитъ продажи.		12	4	80	—	$4\frac{3}{8}$	99	56

	По изслѣдованіямъ						
	автора.				Д. И. Прозоровскаго.		
	грив.	фунт.	руб.	коп.	фунт.	руб.	коп.
Холопъ платитъ за уведенную лошадь.	2	2/3	15	—	70 зол.	16	59 1/3
Господинъ платитъ за скрытаго имъ холопа, виноватаго въ побояхъ вольному мужу.	12	4	80	—	4 3/8	99	56
Встрѣченный послѣ холопъ платитъ за соромъ. . . . . *к.*	1	1/3	7	—	35 зол.	8	29 2/3
За срубленный бортъ, продажи.	3	1	20	—	1 3/32	24	89 2/3
За дерево.	1/2	1/6	3 1/2	—	17 1/2 зол.	4	14 5/6
За выдраніе пчелъ.	3	1	20	—	1 3/32	24	89 2/3
Если медъ не будетъ вынутъ. . 10 к.	—	—	3	—	—	1	66 2/3
Если медъ будетъ вынутъ. . . . 5 к.	—	—	1 1/2	—	—	—	81 1/3
Смердъ платитъ за побои смерда безъ княжескаго повелѣнія, продажи.	3	1	20	—	1 3/32	24	89 2/3
Ему за муку. . . . . *к.*	1	1/3	7	—	35 зол.	8	29 2/3
За побои огнищанина.	12	4	80	—	3 3/4	24	89 2/3
Ему за муку.	1	1/3	7	—	35 зол.	8	29 2/3
За кражу ладьи, если возвратится. 6 к.	—	—	1	80	—	—	99 3/5
А если не возвратится, за морскую.	3	1	20	—	1 3/32	24	89
За набойную.	2	2/3	15	—	70 зол.	16	59 1/3
За челнъ. . . . . 8 к.	—	—	2	40	—	1	33 1/3
За стругъ.	1	3	7	—	35 зол.	8	29 2/3
За перерубл. веревку въ перевесѣ, продажи.	3	1	20	—	1 3/32	24	89
За веревку. . . . . *к.*	1	1/3	7	—	35 зол.	8	29 2/3
За украденнаго въ перевесѣ пса, сокола, ястреба, продажи.	3	1	20	—	1 3/32	24	89
Господину.	1	1/3	7	—	35 зол.	8	29 2/3
За голубя и куря. . . . . 9 к.	—	—	2	70	—	1	49 2/3
За утку, гуся, лебедя, журавля. 30 к.	—	—	9	—	—	4	98
За сѣно и дрова. . . . . . . 9 к.	—	—	2	70	—	1	49 2/3
Господину съ воза по . . . . 2 н.	—	—	—	80	—	—	83
За зарѣзаннаго коня идр. скотину продажи.	12	4	80	—	4 3/8	99	56
За вину.	1	1/3	7	—	35 зол.	8	29 2/3
Вызванный несправедливо по холопьимъ рѣчамъ на желѣзо получаетъ за муку.	1	1/3	7	—	35 зол.	8	29 2/3
Желѣзной пошлины. . . . . . 40 к.	—	—	12	—	—	6	64
Мечнику. . . . . 5 к.	—	—	1 1/2	—	—	—	81 1/3
Дѣтскому.	1/2	1/6	3 1/2	—	17 1/2 зол.	4	14 5/6
Городнику за заложеніе города. . . 1 к.	—	—	—	30	—	—	16 2/3
За окончаніе. . . . . 1 н.	—	—	—	40	—	—	41 1/2
На пищу и питье, мясо и рыбу въ недѣлю 7 к.	—	—	2	10	—	1	16 2/3
Мостнику съ 10 локтей по. . . 1 н.	—	—	—	40	—	—	41 1/2
За починку стараго моста съ городнино 1 к.	—	—	—	30	—	—	16 2/3
За указаніе дороги бѣглому холопу или снабженіе пищею.	5	1 2/3	—	30	1 79/96	41	48 1/3

	По изслѣдованіямъ автора.				Д. И. Прозоровскаго.		
	грив.	фунт.	руб.	коп.	фунт.	руб.	коп.
За рабу.	6	2	40	—	$2^{3}/_{16}$	49	78
Перенявшій бѣглаго холопа получаетъ *к.*	1	$^{1}/_{5}$	7	—	35 зол.	8	$29^{2}/_{3}$
Не удержавшій платитъ господину. . .	4	$1^{1}/_{5}$	$27^{1}/_{2}$	—	$1^{11}/_{24}$	33	$18^{2}/_{3}$
За рабу.	5	$1^{2}/_{5}$	30	—	$1^{79}/_{96}$	41	$48^{1}/_{3}$
За помогу при поимкѣ бѣглаго холопа 10 к.	—	—	3	—	—	1	$66^{2}/_{5}$

По уставу Всеволода Мстиславича, 1137 года.

(Новогородской счетъ).

Оброку попамъ изъ вощанаго вѣса. . .	8	4	80	—	$6^{18}/_{25}$	152	$91^{5}/_{9}$
дьякону.	4	2	40	—	$3^{9}/_{25}$	76	$45^{7}/_{9}$
сторожамъ.	3	$1^{1}/_{2}$	30	—	$2^{1}/_{2}$	57	$34^{1}/_{3}$
дьяку.	3	$1^{1}/_{2}$	30	—	$2^{1}/_{2}$	57	$34^{1}/_{3}$
Желающій вступить въ товарищество давалъ вкладу.	50	25	500	—	42	955	$72^{2}/_{9}$
Изъ этого количества въ церковь. . .	25	$12^{1}/_{2}$	250	—	21	477	$86^{1}/_{9}$
Съ 2 берковцевъ отъ Низовскаго купца.	$^{1}/_{2}$	$^{1}/_{4}$	5	—	$40^{8}/_{25}$ зол.	9	$55^{15}/_{18}$
Да гривенка перцу.							
Отъ Полоцкаго и Смоленскаго съ берков.	2	1	20	—	$1^{17}/_{25}$	38	$22^{8}/_{9}$
Отъ Новоторжскаго.	$1^{1}/_{2}$	$^{3}/_{4}$	15	—	$1^{13}/_{50}$	28	$67^{1}/_{6}$
У Новогородца 6 мордокъ.							
Князь получалъ въ годъ.	25	$12^{1}/_{2}$	250	—	21	477	$86^{1}/_{9}$
На празднованіе назначалось.	25	$12^{1}/_{2}$	250	—	21	477	$86^{1}/_{9}$
Владыкѣ за служеніе на праздникѣ. . .	1	$^{1}/_{2}$	10	—	$80^{16}/_{25}$ зол.	19	$11^{4}/_{9}$
Архимандриту... за служеніе на второй день.	$^{1}/_{2}$	$^{1}/_{4}$	5	—	$40^{8}/_{25}$ зол.	9	$55^{13}/_{18}$
Игумену... за служеніе на третій день. .	$^{1}/_{2}$	$^{1}/_{4}$	5	—	$40^{8}/_{25}$ зол.	9	$55^{13}/_{18}$

По договору Смоленскаго Князя Мстислава Давидовича съ Ригою, 1228 года.

(Смоленской счетъ).

За убійство въ ссорѣ.	40	10	200	—	$8/_{25}$	191	$15^{5}/_{9}$
За ударъ холопу.	1	$^{1}/_{4}$	5	—	$20^{4}/_{25}$ зол.	4	$77^{8}/_{9}$
За всякое увѣчье.	5	$1^{1}/_{4}$	25	—	$1^{1}/_{20}$	23	$89^{4}/_{9}$
За вышибенный зубъ.	3	$^{3}/_{4}$	15	—	$60^{12}/_{25}$ зол.	14	$33^{2}/_{3}$
За окров. деревомъ и за рану безъ увѣчья.	$1^{1}/_{2}$	$^{3}/_{8}$	$7^{1}/_{2}$	—	$30^{6}/_{25}$ зол.	7	$16^{5}/_{6}$
За побои.	$^{1}/_{4}$	$^{1}/_{16}$	$1^{1}/_{4}$	—	$10^{1}/_{25}$ зол.	1	$19^{17}/_{36}$
За прелюбодѣяніе.	10	$2^{1}/_{2}$	50	—	$2^{1}/_{10}$	47	$75^{6}/_{9}$
Вѣсовщику за 2 капи. . . . . . . 1 к.	—	—	—	20	—	—	$9^{5}/_{9}$
За гривну купленнаго золота. . . 1 н.	—	—	—	25	—	—	$23^{43}/_{48}$
За гривну серебра 2 в.							
За серебреной сосудъ отъ гривны. 1 к.	—	—	—	20	—	—	$9^{5}/_{9}$
При покупкѣ вещей на серебро съ гр. 1 к.	—	—	—	20	—	—	$9^{5}/_{9}$

По Новогородской лѣтописи:

(Новогородской счетъ).

	Цѣны хлѣбныя.	а в т о р а.				Д. И. Прозоровскаго.			
		Грив.	фунт.	руб.	коп.	Новг. деньг.	фунт.	руб.	коп.
1123.	Купляху по ногатѣ хлѣбъ. . . .	—	—	—	50	7	—	—	$31\frac{1}{9}$
1127.	Ржи осминка ($\frac{1}{2}$ четверти) по. . .	$\frac{1}{2}$	$\frac{1}{4}$	5	—	30	—	1	$33\frac{1}{3}$
1128.	Осминка ржи по.	1	$\frac{1}{2}$	10	—	60	—	2	$66\frac{2}{3}$
1137.	Осминка великая. . . . . 7 рѣз.	—	—	1	40	14	—	—	$62\frac{2}{3}$
1161.	Кадка малая (то же что осминка. 7 к.	—	—	2	80	14	—	—	$62\frac{2}{9}$
1170.	Кадь ржи (4 четверти).	4	2	40	—	240	45 зол.	10	$66\frac{2}{9}$
	Хлѣбъ. . . . . 2 ногаты.	—	—	1	—	14	—	—	$62\frac{2}{9}$
	Меду пудъ. . . . . . . 10 кунъ.	—	—	4	—	20	—	—	$88\frac{8}{9}$
1188.	Хлѣбъ по ногатѣ.	—	—	—	50	7	—	—	$31\frac{1}{9}$
	Кадь ржи.	6	3	60	—	360	$67\frac{1}{2}$ з.	16	—
1215.	Кадь ржи.	10	5	100	—	600	$1\frac{11}{64}$ф.	$26\frac{2}{3}$	
	Овса.	3	$1\frac{1}{2}$	30	—	180	$33\frac{3}{4}$ з.	8	—
	Рѣпы возъ.	2	1	20	—	120	—	5	$33\frac{1}{3}$
1228.	Хлѣбъ по. . . . . 2 к.	—	—	—	80	180	—	—	$17\frac{7}{9}$
	Кадь ржи.	3	$1\frac{1}{2}$	30	—	—	$33\frac{3}{4}$ з.	8	—
	Пшеницы.	5	$2\frac{1}{2}$	50	—	300	$56\frac{1}{4}$ з.	$13\frac{1}{3}$	
	Пшена.	7	$3\frac{1}{2}$	70	—	420	$78\frac{3}{4}$ з.	18	$66\frac{2}{3}$
1230.	Хлѣбъ по. . . . . 8 к.	—	—	3	20	16	—	—	$71\frac{1}{9}$
	Кадь ржи по.	20	10	200	—	1200	$2\frac{11}{32}$ф.	$53\frac{1}{3}$	
	Въ дворахъ по.	25	$12\frac{1}{2}$	250	—	1500	$2\frac{15}{16}$ф.	$66\frac{2}{3}$	
	Пшеницы.	40	20	400	—	2400	$4\frac{11}{16}$ф.	$106\frac{2}{3}$	
	Пшена.	50	25	500	—	3000	$5\frac{7}{8}$ф.	$133\frac{1}{3}$	
	Овса по.	13	$6\frac{1}{2}$	130	—	780	$1\frac{67}{128}$ф.	$34\frac{2}{3}$	
	Хлѣба по.	1	$\frac{1}{2}$	10	—	60	—	$2\frac{2}{3}$	
1233.	Соль по.	7	$3\frac{1}{2}$	70	—	420	$78\frac{3}{4}$ з.	18	$66\frac{2}{3}$

О цѣнахъ на хлѣбъ извѣстія есть только въ лѣтописи Новогородской. Хлѣбъ по преимуществу въ Новѣгородѣ былъ значительнымъ предметомъ торговли для жителей, бѣдныхъ собственными запасами для продовольствія. Цѣны отмѣчаются, разумѣется, самыя высокія, вслѣдствіе неурожая и совершеннаго недостатка, въ виду голодной смерти.* Въ обыкновенное время хлѣбъ былъ дешевле, даже и въ Новѣгородѣ, а въ прочихъ мѣстахъ, на югѣ, безъ всякаго сравненія.

* «Иніи простая чадь рѣзаху люди живыя и ядяху, а иніи мертвая мяса и трупіе обрѣзающе ѣдяху, а друзіи конину, псину, кошкы.. Братъ брату не съжаляшеться, ни отечь сынови, ни мати дчери, ни сусѣдъ сусѣду не уломляше хлѣба. . даяху отци и матери дѣти свои одьрень изъ хлѣба гостемъ.»
Это извѣстіе находится въ Новогородской лѣтописи подъ 1230 годомъ, кажется, по ошибкѣ писца, соединившаго два года въ одномъ.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ.

Сельская промышленность предопредѣлялась самою природою обитаемой страны: обширныя поля, заливные луга, дремучіе лѣса и многоводныя рѣки, представляя обиліе естественныхъ произведеній, для удовлетворенія главныхъ потребностей человѣка, пищи, питья, одежды, устройства жилищъ, были источниками, побужденіями первыхъ промысловъ: земледѣлія, скотоводства, звѣроловства, рыболовства, птицеловства и пчеловодства. Хлѣбъ, рогатый скотъ, овцы, свиньи, домашнія птицы, дичь, рыба, медъ, ленъ, лѣсъ,—вотъ произведенія, которыя искони добывались, разводились и обработывались нашими предками, и о которыхъ встрѣчаются положительныя свидѣтельства въ лѣтописяхъ.

Земледѣліе.

Пашенная земля называлась *ролью*. Пахать выражалось словомъ *орать*. Орали лошадьми, а не волами, какъ нынѣ въ Малороссіи. Когда въ 1103 году Мономахъ звалъ своего двоюроднаго брата, Кіевскаго Великаго князя, Святополка Изяславича, противъ Половцевъ, то дружина его возражала, (по Лавр. списку), «яко негодно нынѣ, веснѣ, ити хочемъ, погубити смерды и *ролью* ихъ. И рече Володимеръ: дивно ми, дружино, *оже лошадій* жалуете, ею же то ореть (смердъ), а сего чему не промыслите, оже то начнеть *орати* смердъ, и пріѣхавъ Половчинъ ударитъ и стрѣлою, а лошадь его поиметъ, а въ село его ѣхавъ, иметь жену его, и дѣти его, и все его имѣнье, (по Ип. списку: и гумно его зажжетъ), то лошади жаль, а самаго не жаль ли»?

Земледѣльческія орудія: *плугъ*, *рало*, упоминаются у Нестора и въ Русской Правдѣ, *борона* въ Русской Правдѣ.

Коса и серпъ (въ Сузд. лѣтописи 1178) извѣстны съ глубокой древности.*

Жатва, *сѣно сѣчи*, выраженія въ правилѣ Кирилла митрополита.

Въ Словѣ о полку Игоревѣ такъ описывается уборка хлѣба иносказательно: на Немизѣ *снопы стелятъ* головами, *молотятъ чепи* харалужными, на *токѣ* животъ кладутъ, *вѣютъ* душу отъ тѣла.

Въ житіи Ѳеодосіевомъ упоминаются ручные *жернова*.

Прочія орудія: мотыки, лыскари (1074), рогаліи (1091), кирки.

Сѣно уп. въ Русской Правдѣ, въ Новг. лѣтописи (1145), *сѣножати*, въ грамотѣ

---

* См. изображеніе древняго серпа, въ атласѣ.

Ростиславовой. Въ селѣ Сѣверскаго князя Игоря Ольговича, въ 1146 г. военными противниками найдено было на гумнѣ 900 *стоговъ* (сѣна?).

Хлѣбъ сушился въ *овинахъ*, упоминаемыхъ въ уставѣ Володимера Святаго, хранился на *гумнахъ*, въ *ямахъ*, какъ значится въ Русской Правдѣ; въ житіи Св. Ѳеодосія говорится о *сусѣкахъ*, въ Словѣ Даніиловомъ упоминаются *житницы*, въ Кіевской лѣтописи (1146 г.) *бретьяницы*.

Роды хлѣба, упоминаемые въ памятникахъ: *рожь, жито*, (1193); *пшеница*, (1114, въ ВК.) *пшено*, измѣрявшееся по Русской Правдѣ убороками (четвериками?), *просо*, (1095), *ячмень, солодъ* (ведрами), *овесъ* (лукнами), *отруби, ярь* (яровое); въ Новогородской лѣтописи подъ 1127 г. *вершь*, (всходы), *озимица*.

Въ церковномъ уставѣ 1051 — 1054: Аще мужъ иметь красти *коноплю* или *ленъ* или всяко *жито*, митрополиту въ винѣ съ князёмъ на полы, такожъ и жонка.

Гобино—урожай, обиліе, (оттуда: угобзить); *готовизною*, вѣроятно, назывались всякіе припасы, слово, отъ котораго остался у насъ глаголъ: готовить кушанье.

Мѣры хлѣба: кадь (послѣ бочка, оковъ), содержала 4 четверти, четверть 2 осмины. Кадка малая должна быть что осминка великая, а осминка малая—четверикъ?

Въ ЖѲ. *бъчьвь* (оттуда бочка) полна меду.

Къ земледѣлію относятся въ Русской Правдѣ законы: Аже будеть росѣчена земля... то платити продажу, аже *межу... ролейную* разореть, то 12 гривенъ продажи. Оже дубъ перетнеть знаменный или межьный, то 12 гривенъ продажи.

Особеннаго имени для земледѣльцевъ въ древности не было, какъ теперь крестьяне, развѣ мужи (откуда нынѣшніе мужики). Пришлое, господствующее племя называло этихъ мужей-туземцевъ *смердами*. Впослѣдствіи, однажды (1216) встрѣчается имя *поселей*, откуда нынѣшніе поселяне.

Въ Правдѣ значатся еще особенные батраки, которые назывались ролейными закупами, наймитами. (Это имя кажется переведеннымъ съ чужаго языка, и указываетъ на иностранное происхожденіе обычая). Закупы получали отъ хозяина особую плату, и обязывались за нее служить ему, обработывать землю. Ихъ, видно, было столько, что для опредѣленія ихъ отношеній понадобились многія особыя правила:

Плата, содержаніе, снабженіе нужными вещами, не давали права на личность; получавшій могъ до срока отходить, съ обязанностію возвратить все полученное. За потерянный плугъ и борону закупъ долженъ платить, а если пропажа случится въ его отсутствіе по дѣламъ хозяйскимъ, то она не причитается ему въ вину. За уведенную скотину изъ хлѣва закупъ не отвѣчаетъ, но если онъ потеряетъ ее въ полѣ, не загонитъ во дворъ, не затворитъ, гдѣ хозяинъ велитъ, то долженъ платить. Ежели господинъ обидитъ закупа и не выдастъ ему полнаго жалованья, то долженъ удовлетворить его, и заплатить 60 кунъ за обиду. Ежели возметъ у него деньги, то долженъ возвратить съ прибавленіемъ 3 гривенъ пени. Если господинъ продастъ закупа въ крѣпость, то лишается всѣхъ денегъ ему выданныхъ, и платитъ 12 гривенъ продажи. Если господинъ побьетъ закупа про дѣло, то безъ вины есть, а не смысля, пьяный, то платитъ, какъ за свободнаго человѣка. Закупъ за кражу, выплаченную его господиномъ, дѣлается ему

крѣпостнымъ. Бѣгство наказывалось закрѣпощеніемъ, жалобы за неплатежъ или обиду не ставились въ вину, а требовали суда.

Изъ этихъ правилъ заключить должно, что очень много было земли уже въ древнее время, которая обработывалась по найму. Вѣроятно свободные мужи-поселяне шли въ такіе заработки, чтобъ пользоваться покровительствомъ князя или боярина, зажиточнаго человѣка, и имѣть для себя все нужное, готовое.

Закупы были, такъ сказать, родоначальниками свободнаго перехода крестьянъ, который установился впослѣдствіи (Юрьевъ день).

Въ Русской Правдѣ упоминаются сельскіе, ратайные тіуны, княжіе, боярскіе.

Въ одномъ, хотя и не ясномъ, мѣстѣ (13), говорится о холопяхъ смердіихъ.

Св. Ѳеодосій въ дѣтствѣ «начатъ на труды подвиженъ бывати, якоже исходити ему съ рабы на село и дѣлати съ великимъ смиреніемъ.»

Бояре «села вдаваюче на попеченіе имъ» (инокамъ Печерскаго монастыря).

О работѣ помощію закуповъ есть мѣсто и въ древней былинѣ объ Ильѣ Муромцѣ:

Илья Муромецъ пошелъ къ отцу на пожню;
Приходитъ на пожню,
Отецъ съ семействомъ отдыхаютъ—спятъ,
И съ работниками своими.
И енъ приходитъ, и взялъ топоры,
И началъ пожни чистить:
И столько онѣ съ работниками и семействомъ
Не начистили въ три дни,
Сколько енъ одново часа,
И развалилъ поле великое,
И топоры во пни воткнулъ,
И никому не вынять.

Сюда относится и слѣдующее мѣсто въ другой пѣснѣ:

Они тутъ-то садились на добрыхъ коней,
Они поѣхали ко славному ко городу Чернигову,
Ко своимъ *посельямъ* ко *дворянскіимъ*.

Слѣды древняго земледѣлія встрѣчаются въ былинахъ, слѣды, по коимъ можно судить, какимъ уваженіемъ пользовалось въ древности это занятіе.

Молодой Вольга Святославичъ
. . . .
Выѣхалъ въ раздольице чисто поле.
Онъ услышалъ въ чистомъ полѣ *ратая*;
Сошка у ратая поскрипываетъ,
Омѣшики по камешкамъ почеркиваютъ.
. . . .
Оретъ въ полѣ ратай, понукиваетъ,
Съ края въ край *бороздки* пометываетъ;
Въ край онъ уѣдетъ, другаго не видать;
Коренья, каменья вывертываетъ,
А великія-то всѣ деревья въ борозду валитъ.
Кобыла у ратая соловая,
Сошка у ратая кленовая,
Гужики у ратая шелковыя.

Иначе поется это мѣсто:

У оратая сошка красна дерева,
А омѣшики серебреные,
А присошечекъ красна золота.
У оратая сапожки на ножкахъ — зеленъ сафьянъ:
Шиломъ пяты, носы востры,
Подъ пяту-пяту воробей пролетитъ,
Около носа-носа яицо прокатитъ;
Кудри у молодца качаются,—
Не скатенъ жемчугъ розсыпается;
Брови чернаго соболя,
Глаза—яснаго сокола.

Вольга Святославичъ настигъ его, видѣннаго издали, уже на третій день, и пригласилъ ѣхать вмѣстѣ съ нимъ.

Дорогою ратай вспомнилъ объ оставленной сошкѣ:

Ай же Вольга Святославовичъ!
Оставилъ я сошку въ бороздочкѣ,
. . . .
Какъ бы сошка съ земельки повыдернута,
Изъ омѣшиковъ земелька повытряхнута,
И бросить бы сошка за ракитовъ кустъ.

Посланная дружина ничего не могла сдѣлать:

Оны сошку за обви вокругъ вертятъ,
А не могутъ сошки съ земельки
повыдернуть, и проч.

Ратай долженъ былъ воротиться и распорядиться своей сошкою. На вопросъ удивленнаго Вольга Святославича, между прочимъ, отвѣчалъ ему:

А я ржи напашу, да во *скирды* сложу,
Во скирды сложу, домой выволочу,
Драни надеру, да и пива наварю.
Пива наварю, да и мужичковъ напою.
Станутъ мужички меня покликивати:
Молодой Микулушка Селяниновичъ!
. . . .
Тоби было, Микулушка, пахать да орать,
Тоби было, Микулушка, крестьянствовать!

Богъ тя благословитъ, Илья Муромецъ,
силой своей,
Такъ и стой за вѣру Христіянскую,
И за домъ Пресвятыя Богородицы;
На бою тебѣ смерть не писана.
Бейся же со всею силой невѣрною,
И противу всея поленицы удалыя;
А сильнѣе тебя на бѣломъ свѣтѣ
Самсонъ Самойловичъ да Святогоръ Колывановичъ;
Еще сильнѣе отъ *матушки сырой земли*
Микула Селяниновичъ.

Огородничество.

Объ огородахъ встрѣчаются часто извѣстія въ лѣтописяхъ: 1146. Изяславъ... взяша Игоревы товары передъ Золотыми вороты и подъ *огороды.*

Черные Клобуки около Кіева (1151) села пожгоша и *огороди* всѣ присѣкоша.

(Сузд. 1149, Кіев. 1172, 1175).

Печерскіе затворники, «въ оградѣ копахуть зелиннаго ради растенія».

Огородъ Святоши, насажденный имъ самимъ, существовалъ еще при Еп. Симонѣ.

Надъ сыномъ *огородника* совершено чудо Св. Борисомъ и Глѣбомъ, какъ значится въ современномъ свидѣтельствѣ житія.

Овощи въ Вол. лѣтописи подъ 1229 г.

Въ житіи Авраамія См. говорится, что Игнатій, еписк. Смоленскій, скупилъ *огради овощныя* окрестъ града, и постави церковь.

1151. Смоленскій князь Ростиславъ Мстиславичъ отдалъ епископу Мануилу огородъ съ *капустникомъ.*

Изъ *овощей* упоминается въ Русской Правдѣ *горохъ,* измѣрявшійся уборками; въ нѣкоторыхъ изводахъ говорится о *полбѣ.*

Макъ, горохъ, тыква, бобы, чеснокъ и лукъ, извѣстны по Печерскимъ житіямъ.

Хмѣль извѣстенъ изъ древности.

Въ 1215 г. возъ *рѣпы* въ Новѣгородѣ стоилъ двѣ гривны.

Огороды упом. въ патерикѣ съ древами плодовитыми, слѣд. въ смыслѣ *садовъ.*

Подъ 1159 г. въ лѣтописи градъ сравнивается съ *яблоками.*

Въ 1091 и 1169 г. родилось много *плодовъ.*

Въ 1228 году Новогородскій князь Ярославъ Володимеровичъ везъ Псковичамъ въ коробьяхъ дары, паволоки и *овощь,* (вѣроятно иностранные плоды).

Скотоводство.

Въ Русской Правдѣ упоминаются *кони*, (*жеребцы, кобылы*), *быки* и *коровы, волы*, (третьяки, лонщипы-годовики), *телята, поросята, овны-бараны, овцы, козы, свиньи. Мясо, полоть, сыръ, молоко*.

Въ лѣтописяхъ подъ г. 1141: Поима Всеволодъ городы Гюргевѣ—*конь, скотъ, овцъ*, и кдѣ что почюя товаръ.

Подъ 1158 г. упом. *скотъ рогатый.*

Скотина содержалась въ хлѣвахъ, хлѣвинахъ. Въ пищу ей шелъ овесъ, сѣно, трава.

Изъ описанія войны В. К. Изяслава Мстиславича изъ за Игоря Ольговича (1146 г.) можно заключать, какъ обширно бывало сельское хозяйство у удѣльныхъ князей: «шедше сташа въ Мелтековѣ селѣ, и оттуда пославше и заграбиша Игорева и Святославля стада, въ лѣсѣ, по Рахни, кобылъ стадныхъ 3000, а конь 1000; пославше же по селомъ, пожгоша жито и дворы. На гумнѣ въ Игоревѣ сельцѣ было стоговъ девятьсотъ».

1159. Мстиславъ зая товара много Изяславли дружины, и *коній* и *скота*. О стадахъ его подъ 1170 г.

Стада конскія и кобыльи въ Вол. лѣтописи подъ 1225 г.

Тамъ же о борзомъ конѣ актазѣ, что подарилъ Мстиславъ Галицкій зятю Даніилу.

Коневый тать выдавался князю на потокъ (поточеніе, заточеніе).

За убійство своего конюха В. К. Изяславъ наложилъ виру на Дорогобужцевъ 80 гривенъ: такъ было велико значеніе этой должности. (Срав. значеніе Конюшаго въ царскомъ періодѣ.)

У Нестора подъ 1103 г. встрѣчается *лошадь*.

Въ Словѣ о полку Игоревѣ *комони*.

Въ Кіев. лѣтописи *фари*, 1150 г.

Звѣроловство.

Древнѣйшая дань, которую платили Славянскіе обитатели Норманнамъ, состояла въ черныхъ *кунахъ*, (не отсюда ли произошло и имя денегъ — куны, какъ у Латинянъ pecunia отъ pecus?), и бѣлыхъ *веверицахъ* или бѣлкахъ.

Пардусы или *рыси* встрѣчаются часто въ лѣтописяхъ.

Бобры въ Русской Правдѣ.

Югра говорила Новогородцамъ, что готовитъ для нихъ *соболей*.

Богатство князей заключалось столько же въ золотѣ и серебрѣ, какъ и въ мѣхахъ; напримѣръ въ 1067 г. во дворѣ Изяславовомъ разграблено безчисленное множество злата и сребра, кунами и *скорою*.

Ростиславъ Смоленскій дарилъ въ 1159 году Святослава Ольговича собольми, горностаями, черными кунами, песцы, бѣлыми волки и рыбьими зубы.

Звѣроловство было любимымъ занятіемъ князей.*

Въ поученіи Мономаховомъ описывается звѣриная охота.**

Говоря объ охотѣ съ отцемъ на *всякаго звѣря*, онъ упоминаетъ о дикихъ коняхъ, турахъ, оленяхъ, лосяхъ, вепряхъ, медвѣдяхъ.

Была извѣстна охота за зайцами: «Мстиславъ, 1176, поѣхалъ изъ Суздаля борзо, яко и на заяцъ».

* См. выше, с. 124.

** См. ниже въ главѣ о частной жизни, с. 515.

Изображенія, относящіяся къ охотѣ въ стѣнописи Софійскаго собора, см. въ атласѣ.

У Новогородцевъ строго опредѣлены были мѣста, гдѣ ихъ князья могли пользоваться ловлею дикихъ звѣрей и птицъ.

Въ уставѣ Всеволода Мстиславича упоминается о ловѣ княжѣ.

Въ Словѣ Даніиловомъ упом. о сернѣ въ тепетѣ.

Въ пѣсняхъ сохранились слѣдующіе слѣды этого занятія и промысла. Вольга Святославичъ посылалъ свою дружину ловить звѣрей:

Вейте веревочки шелковыя,
Становите веревочки по темну лѣсу,
Становите веревочки по сырой землѣ.

(Вотъ перевѣсища лѣтописи, и верви, перевѣсы, Русской Правды!)

И ловите вы куницъ и лисицъ,
Дикихъ звѣрей и черныхъ соболей.

Дружина работала неудачно, и Вольга самъ

Поскочилъ по сырой землѣ, по темну лѣсу,
Заворачивалъ куницъ, лисицъ,
И дикихъ звѣрей, черныхъ соболей,
Большихъ поскакучіихъ заюшекъ,
Малыхъ горностаюшекъ.

Въ другомъ изводѣ этой былины такъ описываются подвиги витязя на звѣриной ловлѣ:

Дружина спитъ, такъ Волхъ не спитъ:
Онъ обернется и сѣрымъ волкомъ,
Бѣгалъ, скакалъ по темнымъ лѣсамъ и по раменью,
А бьетъ онъ звѣри сохатые,
А и волку, медвѣдю, спуску нѣтъ,
А и соболи, барсы, любимый кусъ.
Онъ зайцамъ, лисицамъ, не брезгивалъ.

Птицеловство.

Въ Русской Правдѣ значится: аже будетъ росѣчепа земля, или на земли знаменіе, имь же ловлено, или сѣть, то по верви искати вора, либо платити продажу.

Аже перетнеть вервь въ перевесѣ, то три гривны продажи, а за вервь гривну купъ.

За украденнаго въ перевѣсѣ сокола или ястреба пени три гривны.

Пругло, тенето, уп. въ житіи Ѳедосіевомъ; *ловчій нарядъ,* въ поученіи Мономаха; *тенета, кляпцы,* въ Словѣ Даніиловомъ.

Варлаамъ Хутынскій отдалъ монастырю ловища гоголины.

Въ Словѣ о полку Игоревѣ встрѣчаются: бѣлые гоголи, чернеди (дикія утки), сизые орлы, галицы (галки), кречеты, (бѣлые соколы), черные вороны, сороки, чайки, соколы, дятлы.

Тетерева въ отвѣтахъ Нифонта и грамотѣ Ростислава.

Въ Словѣ о богатомъ: ряби, елени, вепреве, дичина и проч.

Игорь Святославичъ Сѣверскій въ плѣну ястребомъ ловяшетъ (1185).

О птицеловствѣ изъ пѣсень—выше упомянутый Вольга Святославичъ посылалъ дружину по лѣсамъ:

Вейте силышка шелковыя,
Становите силышка на темный лѣсъ,
На темный лѣсъ, на самый верхъ,
Ловите гусей, лебедей, ясныхъ соколей,
И малую птицу пташицу.

Изъ домашней птицы въ Русской Правдѣ упоминаются: куря, голубь, утовь, гусь, лебедь, жеравъ; для охоты: соколъ, ястребъ.

Пчеловодство.

(Бортничество).

Это слово происходитъ отъ борть, выдолбленное дерево для помѣщенія пчелъ; оно процвѣтало въ нашихъ странахъ съ глубокой древности. Лѣса давали обильную пищу пчеламъ, разводившимся въ дуплахъ, (бортное ухожье), и *медъ, воскъ*, принадлежали къ числу наиболѣе распространенныхъ произведеній: медъ для домашняго употребленія въ пищу и питье, а воскъ для иностранной торговли.

Русская Правда представляетъ особыя постановленія для охраны этого прибыточнаго промысла:

За украденную борть назначалось 12 гривенъ пени.

Кто раззнаменаетъ борть, или перетнетъ межу бортную, тотъ платитъ 12 гривенъ пени.

За борть ссѣченную 3 гривны пени, а за дерево полгривны.

За выдраніе пчелъ 3 гривны, а хозяину за медъ нелаженаго улья 10 кунъ, за лаженный 5 кунъ.

Если тать скроется, то должно искать его по слѣду, но съ чужими людьми и съ свидѣтелями.

Кто не отведетъ слѣда отъ своего жилища, тотъ виноватъ; но если слѣдъ кончится у «гостинца великаго» (большой дороги?), или на пустѣ, гдѣ села нѣтъ, то не платить ни пени, ни татьбы.

О пчеловодствѣ нашихъ Славянъ говорятъ еще древніе писатели Арабскіе, и даже знаютъ слово улей, описываютъ борти.

Рыболовство.

Принадлежитъ также къ древнѣйшимъ промысламъ, и съ учрежденіемъ постовъ по принятіи христіанства употребленіе рыбы въ пищу значительно увеличилось.

Св. Антоній Римлянинъ купилъ рыбную ловитву на потребу монастыря.

Варлаамъ Хутынскій отказалъ монастырю ловища рыбныя въ Волховскомъ селѣ, на Волховци колѣ, въ селѣ на Слудицѣ.

По Смоленской грамотѣ епископу Мануилу дано въ Торопчѣ урока—*неводъ*... и *бредникъ*.

Неводъ упоминается и въ Словѣ Даніила Заточеника.

Рыболовамъ Галицкимъ мѣшалъ Іоаннъ Берладникъ съ Половцами, (1159).

Въ пѣсняхъ остались также слѣды этого промысла. Вольга Святославичъ посылалъ свою дружину рыбу ловить:

Возмите топоры дроворубные,
Стройте суденышко дубовое,
Вяжите путевья шелковыя,
Выѣзжайте вы на сине море,
Ловите рыбу семжинку и бѣлужинку,
Щученьку и плотиченьку,
И дорогую рыбку осетринку.

Рыболовные охотники княжескіе жалуются:

Свѣтъ, государь, ты Владимиръ Князь!
Ѣздили мы по рѣкамъ, по озерамъ,
На твои щаски княженецкія,
Ничего мы не поимывали:
Нашли мы людей—есть молодцовъ
За триста и за пятьсотъ,
Называются дружиною Чуриловою.
Всю они бѣлую рыбицу повыловили,
Щуки, караси повыловили жь,
И мелкую рыбицу повыдавили.
Намъ въ томъ, государь, добычи нѣтъ,
Тебѣ, государю, приносу нѣтъ.

Солевареніе.

Соль вываривалась въ Галичѣ и на сѣверо-востокѣ Россіи, что видно изъ устава Новогородскаго князя Святослава Ольговича, (1137), по которому назначалось въ пользу духовенства пошлины отъ *чрена,* (желѣзная сковорода для варенія соли), и отъ салгы по *пузу* (какая-то мѣра для соли).

Въ былинѣ о Микулѣ Селяниновичѣ говорится:

Былъ-то онъ въ городѣ во Кіевѣ:
Вывезъ онъ соли два мѣха,
А во который мѣхъ всходитъ
Пудовъ по сороку.

Ремесла.

Разсѣянное житье, недостатокъ въ сообщеніяхъ, и множество другихъ препятствій,—были причиною, что жители вездѣ научились сами рано удовлетворять главныя свои потребности, не прибѣгая къ посторонней помощи.

Русской крестьянинъ съ женою изготовляетъ до сихъ поръ все нужное для своего обихода—одежду, лѣтнюю и зимнюю, обувь, посуду, орудія; женщина прядетъ ленъ и точетъ холстину, мужъ валяетъ сукно, плететъ лапти, шьетъ тулупъ изъ домашней овчины, сколачиваетъ возило.

О *ремественникахъ* и *ремественницахъ* есть особая статья въ Русской Правдѣ. За убійство пеня полагается въ 12 гривенъ.

Слово ремесло почти нигдѣ не встрѣчается болѣе. Въ Словѣ о богатомъ только упоминается враческое ремество.

Плотники, этотъ промыселъ принадлежалъ преимущественно Новогородцамъ, у которыхъ особый конецъ въ городѣ назывался Плотенскимъ. Еще Святополковы вои корили ихъ: а вы плотницы сущи!

Изъ дерева вырѣзывались разныя вещи, напримѣръ стрѣлы:

Потому тѣмъ стрѣламъ цѣны не было:
Колены онѣ были изъ стрость-дерева,
Строганы тѣ стрѣлки въ Новѣгородѣ,
Клеены онѣ клеемъ осетра рыбы,
Перены онѣ перьицами сиза орла.

Улица *Лубяница* указываетъ на промыселъ тамъ лубяной.

Гончарный конецъ населенъ былъ гончарами—глиняное и горшечное искусства.

Въ лѣтописяхъ встрѣчаются гарнцы.

Каменщики. Ростовцы говорятъ о Владимирцахъ (1176): ти суть холопи наши каменщики.

Въ 1119 году заложена въ Новогородскомъ Юрьевѣ монастырѣ церковь Георгія каменная, а мастеръ трудился Петръ.

Андрею Боголюбскому при построеніи Владимирскаго собора (1156) «приведе Богъ изъ всѣхъ земель мастеры.»

О *стѣнѣ* подъ Выдубецкимъ монастыремъ, 1199, Кіевская лѣтопись говоритъ: «Благовѣрный Великій князь Рюрикъ Ростиславичь... заложи стѣну камену подъ церковью святаго Михаила у Днѣпра, иже на Выдобычи. О ней же многѣ не дерзнуша помыслити отъ древнихъ, али на дѣло ятися... изобрѣте бо подобна дѣлу и художника во своихъ си пріятелехъ, имёнемъ Милонѣгъ, Петръ же по крещенію,» (который и построилъ ее съ небольшимъ въ годъ).

1194. Обновлена бысть церкы святая Богородица въ Суждали... и покрыта бысть оловомъ отъ верху до комаръ и до притворовъ, и то чюду подобно, ... а иже *не ища мастеровъ отъ Нѣмець*, но налезе мастеры отъ клевретъ св. Богородици и отъ своихъ, иныхъ *олову* льяти, иныхъ крыти, иныхъ *извистью* бѣлити.

О постройкахъ *церковныхъ*, см. ниже.

Каменныя *стѣны* имѣли нѣкоторые города: Новгородъ, Кіевъ, Переяславль, Ладога.

При построеніи Печерской церкви оказалась каменная доска на олтарь, неизвѣстно кѣмъ принесенная; игуменъ посылалъ «тамо, идѣже дѣлаются *таковыя вещи*, три гривны серебра, да тоя мастеръ возметъ за свой трудъ.»

Упоминаются въ лѣтописяхъ мраморныя *гробницы* послѣ Ярослава: В. К. Изяслава, Сына Ярополка, и проч.

Вытесывались изъ камня *кресты* и разныя украшенія.*

Въ вопросахъ діакона Кирика упоминаются сосуды деревянные, глиняные, стеклянные, мѣдные, серебряные.

Кузнецы. Въ житіи Θеодосія есть извѣстіе, что онъ «шедъ единому отъ *кузнецъ*, и повелѣ ему желѣзо счепито (изъ цѣпей) *сковати*». *Клещи* (1114).

Даніилъ Заточеникъ говоритъ: не огнь творитъ разженіе желѣзу, но надыманье *мѣшное* (посредствомъ мѣховъ).

У него же встрѣчаются выраженія: желѣзо *варити*, камень *долотити*.

---

* См. Новогородскій крестъ въ атласѣ.

Литейное искусство было извѣстно, въ чемъ удостовѣряетъ множество оставшихся крестовъ мѣдныхъ и образковъ*.

Въ 1151 году епископъ Нифонтъ оби свинцемъ св. Софію.

Серебряныхъ и золотыхъ дѣлъ мастерство было довольно распространено.

Окладъ Мстиславова евангелія, дѣланный впрочемъ въ Греціи, сохранился до нашего времени (около 1125).**

Андрей Боголюбскій *вскова* на образъ Владимирской Божіей Матери болѣе 30 гривенъ золота, проче серебра.

Въ Словѣ о полку Игоревѣ говорится о златѣ стремени. Въ Словѣ Даніила Заточеника о златокованныхъ трубахъ. Въ древняхъ пѣсняхъ о разныхъ золотыхъ издѣліяхъ.

Въ предисловіи къ Новогородской Софійской лѣтописи, вѣроятно около 1200 г., сказано, при сравненіи древнихъ князей и мужей ихъ съ новыми: «не жадаху, мало ми есть сто гривенъ; не кладаху на свои жены *златыхъ обручей*, но хожаху жены ихъ въ серебрѣ, и расплодили были Русскую землю.»

Подъ 1234 г. упоминается въ Новогородской лѣтописи *серебреникъ*.

(См. въ отдѣленіи объ одеждѣ и о церковныхъ украшеніяхъ).

Были вѣроятно и *денежники*, которые чеканили монету.

Плано-Карпини видѣлъ (1245) въ Ордѣ Русскаго *золотыхъ дѣлъ мастера* Козму, который сдѣлалъ престолъ для Хана.

---

* См. въ атласѣ.
** См. въ атласѣ.

Золотошвейное искусство было извѣстно искони:

Еще подъ 1024 г. о Варягѣ Якунѣ, пришедшемъ на помощь къ В. К. Ярославу, сказано: луда бѣ у него золотомъ исткана.

Подъ г. 1146, союзные князья ограбили церковь Св. Вознесенія въ Путивлѣ, принадлежавшемъ къ владѣніямъ ихъ врага, Святослава Ольговича Сѣверскаго: индитьбѣ (ἐνδυτεα, одежды, покровы,) и платы служебныя, (воздухи), а все *шито золотомъ.*

Въ 1183 году сгорѣла Владимирская соборная церковь, и что бяше въ ней... портъ *шитыхъ золотомъ* и женчюгомъ, яже вѣшали на праздникъ въ двѣ верви отъ Золотыхъ воротъ до Богородицѣ, а отъ Богородицѣ до Владычнихъ сѣней во двѣ же верви чюдныхъ. (Кіевская лѣтопись по Ипат. списку).

Подъ 1216 г. упоминается объ оплечьяхъ, шитыхъ золотомъ: Ярославъ передъ сраженіемъ подъ Липицами говоритъ своимъ боярамъ и первымъ своимъ людямъ: аще и *золотомъ шито оплечье* будетъ, убій!

Въ лѣтописяхъ упоминаются: *котельникъ*, *опоньникъ* (1216), *кожевникъ* (1240).

Въ житіи Θеодосіевомъ говорится о дѣланіи *полотенъ.*

Въ житіи Муромскаго князя Константина о тканіи *красна.*

Въ пѣсняхъ упоминаются *чеботные* и *портные* мастера (порты—платье, одежда).

Солнышко Владимиръ стольно-Кіевскій!
Есть у Ставра чимъ похвастати:
Есть у Ставра тридцать молодцевъ,
Тридцать молодцевъ — чеботныхъ мастеровъ, —
Оны шьютъ сапожки съ нова на ново;
Которы сапоги я день держу,
День держу, я другой проношу,
Снесу-то я сапожки на рыночекъ,
Князьямъ—боярамъ повыпродамъ
И возьму-то за нихъ цѣну полную.

Още есть у Ставра чимъ похвастати:
Есть у Ставра тридцать молодцевъ,
Тридцать молодцевъ—портныхъ мастеровъ,
Оны шьютъ-то кафтанцы съ нова на ново,
Который кафтанчикъ я день держу,
День держу, я другой проношу,
Снесу эти кафтанцы на рыночекъ,
Князьямъ—боярамъ повыпродамъ
И возьму за нихъ цѣну полную.

ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ.

(Большая часть сохранившихся объ ней свѣдѣній относится къ князьямъ. Безъ сомнѣнія онѣ относятся и къ боярамъ, вообще къ высшимъ сословіямъ).

Князьямъ и княжнамъ при рожденіи давалось *имя*.

Какъ Володимеръ, принявъ святое крещеніе, получилъ второе имя христіанское, Василія, такъ и сыновья его, что извѣстно положительно о нѣкоторыхъ, напримѣръ Борисъ — Романа, Глѣбъ — Давыда, Ярославъ—Георгія.

Въ потомствѣ его удерживалися прежнія языческія имена, кои давались при рожденіи, и вмѣстѣ начались новыя, или христіанскія, такъ что всѣ князья, до нашествія Татаръ, имѣли по *два имени*: одно такъ называемое княжее, мірское, которое употреблялось въ общежитіи, а другое христіанское.

Древнѣйшее извѣстіе о такихъ двойныхъ именахъ мы имѣемъ въ Хожденіи игумена Даніила ко святымъ мѣстамъ, (въ началѣ XII вѣка), который въ Лаврѣ св. Саввы записалъ для поминовенія слѣдующія имена: Святополка-Михаила (Изяславича), Володимера-Василія (Мономаха), Олега-Михаила (Святославича), Мстислава-Андрея (Всеволодовича, Игорева внука).

А вотъ свидѣтельства изъ лѣтописей:

1113. Преставися Князь Михаилъ, *зовомый* Святополкъ.

1151. Родися у Святослава Ольговича сынъ, и нарекоша ему имя въ св. крещеньи Георгій, а *мирьски* Игорь.

Женщины имѣли также по два имени:

1178. Родися у Великаго Князя Всеволода дчи, и нарекоша имя ей въ святомъ крещеніи Пелагѣя, *княже* Сбыслава.

1198. Родися дщи у Ростислава Рюриковича, и нарекоша имя ей Ефросѣнья, прозваніемъ Исмарагдъ, еже наречеться дорогый камень.

Употребительныхъ именъ было очень мало, не больше двадцати.

Мірскія, княжія имена, были—Норманскія: Рюрикъ, Олегъ, Игорь.

Славянскія: Брячиславъ, Всеславъ, Вячеславъ, Изяславъ, Мстиславъ, Ростиславъ, Святославъ, Ярославъ, Святополкъ, Ярополкъ, Володимеръ, Володарь, Всеволодъ.

(Станиславъ, Судиславъ, Позвиздъ, встрѣчаются по разу).

Нѣкоторые князья извѣстны были только подъ именами христіанскими, каковы въ особенности Давыдъ и Романъ, (христіанскія имена Бориса и Глѣба), Василько, Андрей, Юрій или Георгій (Дюрги, Гюрги).

Женскія Норманскія имена: Ольга (1150), Малфридь (1167), Рогнѣда (1168).

Славянскія: Передслава (1104, 1116), Верхуслава (1137, 1187), Звѣнислава (1142), Болеслава (1166), Сбыслава (1178), Ярослава (1187), Всеслава (1197).

———

Въ каждомъ изъ родовъ, на кои раздѣлилось потомство Ярославово, были свои собственныя *любимыя* имена, напримѣръ въ Святославовомъ имена Олега, Всеволода, Игоря, Святослава.

Во Всеволодовомъ имена Володимера, Мстислава, Ростислава, Изяслава.

О многихъ князьяхъ именно сказано, что имъ даны имена въ *честь* отца или дѣда, наприм. о Ростиславѣ Рюриковичѣ (1173), о Георгіѣ Всеволодовичѣ (1187), о Володимерѣ Всеволодовичѣ (1192), о Всеволодѣ Георгіевичѣ (1213).

Константинъ Всеволодович первому своему сыну далъ имя женнна отца, Василька, а второму своего, Всеволода.

Замѣчательно, что *княжихъ именъ* въ народѣ не встрѣчается, какъ будто бы онѣ были особливою собственностію княжескаго рода, и никому болѣе не позволялось имѣть оныя.

У частныхъ людей бывали также по *два имени:* изъ послѣсловія къ извѣстному Евангелію 1056 года мы видимъ, что владѣлецъ его, посадникъ Изяславовъ, *Остромиръ*, имѣлъ христіанское имя *Іосифа.*

1200. Изобрѣте бо подобна дѣлу (по строенію стѣны, подъ Выдубицкимъ монастыремъ) и художника въ своихъ сопріятелехъ, (Кіевскій князь Рюрикъ Ростиславичь), именемъ *Милонѣгъ, Петръ* же по крещеніи.

———

Князья назывались по имени своему и *отеческому,* (не говорю по отчеству, ибо это слово имѣло тогда другое значеніе), которое очень рано замѣнилось *вичемъ*: Ростиславъ, *сынъ* Володимерь (1064), Всеславъ, сынъ *Брячиславль* (1066, Володимеръ, сынъ *Всеволожь*, и Олегъ, сынъ *Святославль* (1076).

Бѣжа *Игоревичь* Давидъ съ Володаремъ *Ростиславичемъ* (1081). Ярославъ *Ярополчичь,* Ярославъ *Святополчичь* (1102).

———

Бояре назывались также по имени и отчеству съ древнихъ временъ: Иванъ *Жирославичь* (1078), Иванко *Захарьичь* (1106), Иванъ *Войтишичь,* Петръ *Ильичь* (1146), Петръ *Бориславичь* (1178).

———

У Князей и бояръ оставались иногда *уменьшительныя имена:* Василько, Володимерко.

Уменьшительныя употреблялись и въ бранномъ значеніи, напримѣръ В. К. Рюрикъ Ростиславичь увѣдомляетъ (1185) В. К. Всеволода Георгіевича объ измѣнѣ своего зятя: *Романко* отъ насъ отступилъ.

Уменьшительныя имена употреблялись и у бояръ: напр. *Иванко* Жирославичь (1078).

Иногда употреблялись только отеческія имена, напр. Ростиславичи, для означенія *дѣтей,* (1180), а иногда и для всего *потомства,* напр. Олеговичи (1148).

Для отличія употреблялись иногда и *материнскія* имена, напр. 1136. Внукъ Володимера Василько *Маринич* убіенъ бысть ту, т. е. сынъ дочери его Марины.

1187. Бяше бо Олегъ *Настасьичь*, т. е. рожденный отъ Настасьи, наложницы Ярослава Володимеровича Галицкаго.

———

Воспріемниками при крещеніи бывали, вѣроятно, большею частію родственники. Мономахъ напоминаетъ двоюродному своему брату Олегу Святославичу объ его крестникѣ: «егда же убиша дѣтя мое и *твое.*» Также: «аще ти добро, то съ тѣмъ, али ти лихое, да то ти сѣдить *сынъ твой хрестный* съ малымъ братомъ своимъ... или хочеши того убити.»

1178. Родися у В. К. Всеволода... дчи, и крести ю *тетка* Ольга (жена Ярослава Галицкаго, брошенная мужемъ, и жившая у брата во Владимирѣ).

Князья отдавались родителями на воспитаніе *Кормильцамъ* или *дядькамъ*, то есть, къ нимъ приставлялись, съ самымъ юныхъ лѣтъ, особые знатные мужи изъ бояръ, которые за ними ходили.

(У Святослава еще мы видѣли кормильца Асмуда, 942).

1151. Когда Андрей Юрьевичь бросился черезъ Лыбедь, въ сраженіи подъ Кіевымъ съ Изяславомъ Мстиславичемъ, — двоюроднаго брата его Володимера Андреевича, бывшаго съ нимъ въ сраженіи, «не пусти *кормилець* его, зане молодъ бѣ въ то время».

1171. Мстиславъ Изяславичь плѣнилъ Пука, *кормильця* Володимиря, (Мстиславича).

1178. «Се приказываю дѣтя своѣ Володимера *Борисови Захарьичу*, и со симъ даю брату Рюрикови и Давидови съ волостію на руцѣ», говоритъ умирающій Мстиславъ Ростиславичь.

«Малу же времени минувшю, приведоша *кормиличича*, иже бѣ загналъ великыи князь Романъ, невѣры ради,» то есть: пришли (въ Галичь) сыновья кормильцевы, которыхъ изгналъ В. К. Романъ. (Волынская лѣтопись невѣрно подъ 1202. г.).

1208. Володиславъ *кормиличичь*, (кормильцевъ сынъ), бѣжалъ въ Угры (при избіеніи бояръ Галицкихъ Игоревичами).

Есть извѣстіе и о *кормилицахъ* подъ годами 1202, 1231.

Тамъ же княгиня (супруга Романова) совѣтъ сотвори съ Мирославомъ, съ *дядькомъ*, и на ночь бѣжа въ Ляхы. Данила же возмя дядька передъ ся, изъиде изъ града; Василька же Юрья попъ съ *кормилицею* возмя.»

1231. «Давыдови уполошнишуся, теща бо его бяше вѣрна Судиславу, *кормильчья* Нѣздиловая, матерью бо си нарѣчашеть ю, вѣща ему: яко не можешь удержати града сего.»

Княженъ брали иногда къ себѣ на воспитаніе бабушка и дѣдушка: 1198. Взяста ю, (Евфросинію, дочь Ростислава Рюриковича и Всеславы Всеволодовны), къ *дѣду* и *бабѣ*, и тако воспитана бысть въ Кіевѣ на горахъ.

По третьему или четвертому году Князьямъ были *постриги*, принадлежавшіе къ семейнымъ праздникамъ: обрѣзывались у ребенка волосы, (что происходило въ соборѣ, чрезъ епископа), и сажался онъ потомъ на коня.

1191. Быша *постригы* у Великаго князя Всеволода, сына Георгева, внука Володимеря Мономаха, сыну его Георгеви, въ градѣ Суждали; того же дни и *на конь* его *всади*, и бысть радость велика въ градѣ Суждали, (а онъ родился 1188 г.).

1194. Быша *постригы* у благовѣрнаго и христолюбиваго князя Всеволода, сына Георгева, сыну его Ярополку, (который родился въ 1190 г.).

1212. Быша *постриги* у Костянтина, сына Всеволожа, сынома его Василку (род. 1209 г.) и Всеволоду (род. 1210 г.).

1230. Князь Михаилъ створи *постригы* сынови своему Ростиславу, Новѣгородѣ, у св. Софьѣ, и *уя власъ* архіепископъ Спиридонъ.

Князья съ молоду учились *грамотѣ*, вѣроятно у духовныхъ лицъ: Мстиславъ, 1096, писалъ къ отцу; Мономахъ писалъ къ Олегу, и требовалъ отъ него отвѣта.

1164. Святославъ прочте грамоту вборзѣ отъ епископа о смерти дяди.

1172. Галичане, списавше грамоту ложную, пославше къ Мстиславу Изяславичу.

При князѣ Володимерѣ Мстиславичѣ, 1169, упоминается *дьячекъ* Имормыжъ. 1213. Въ Вол. лѣтописи уп. дьякъ Василь, рекомый Молза.

О Полоцкой княжнѣ Евфросиніи: случижеся дѣвицѣ сей ученѣ быти книжному писанію, еще недостигше ей въ совершенъ возрастъ тѣлеснаго естества.

Вѣкъ живи, вѣкъ учись,—эта пословица прикладывается къ древнему воспитанію, о чемъ мы имѣемъ и любопытное замѣчаніе Мономахово: «его же умѣючи, того не забывайте доброго, а его же не умѣючи, а тому ся учите; яко же бо отецъ мой, дома сѣдя, изумѣяше пять языкъ, въ томъ бо честь есть инѣхъ земель. Лѣность бо всему мати: еже умѣеть, то забудеть, а его же не умѣеть, тому ся не учить; добрѣ же творяще, не мозите ся лѣнити ни на что же доброе.»

Вѣроятно значительную часть воспитанія занимали слѣдующія упражненія, упоминаемыя въ пѣснѣ:

У меня за маленька да было хожено,
У меня за маленька да было боротось,
Съ за маленька* было стрѣляно.
Горитъ душа, мнѣ-ко хочется
Съ вашими стрѣльцами пострѣлятися,
Пострѣлятися во чистомъ полѣ.

Князья получали себѣ отъ родителей удѣлы очень рано.

Точно какъ Володимеръ Святый разослалъ своихъ сыновей въ самой ранней молодости по ихъ городамъ, точно такъ встрѣчаемъ мы множество примѣровъ и въ нашемъ періодѣ:

1102. О Мстиславѣ Володимеровичѣ говорятъ Новгородцы: «сего ны далъ Всеволодъ, а въскормили есмы себѣ Князь.» Мстиславъ родился въ 1076 г., а Всеволодъ скончался въ 1093 г., слѣд. Новогородское княженіе Мстиславово начинается никакъ не позднѣе 13 или 14 лѣтъ.

1119. Андрей Володимеровичь получилъ отъ отца Мономаха Владимиръ 17-ти лѣтъ.

1146. Ярославъ Всеволодовичь посаженъ отцемъ въ Туровѣ шести лѣтъ, (род. 1140).

1146. Володимеръ Андреевичь посаженъ дядею во Владимиръ, а его черезъ пять лѣтъ еще не пускалъ кормилецъ битися въ опасномъ мѣстѣ, (1151), слѣд. вѣрно онъ сидѣлъ младенцемъ.

1154. Давидъ Ростиславичь, 14 лѣтъ, оставленъ отцемъ въ Новѣгородѣ на столѣ, (род. 1140).

1169. Глѣбъ Георгіевичь, получивъ отъ брата Кіевъ, отдалъ Переяславль сыну Володимеру, едва десяти лѣтъ, потому что чрезъ два года ему было только 12.

1198. Ростиславъ, сынъ Ярослава Володимерича, (род. 1190), умеръ въ Лукахъ осьми лѣтъ, гдѣ посаженъ былъ княземъ.

---

* Въ малолѣтствѣ, съизмаленька.

1201. Ярославъ Всеволодовичь посланъ въ Переяславль Русскій по десятому году (род. 1191).

1208. Святославъ Всеволодовичь отпущенъ въ Новгородъ на княженіе, пяти лѣтъ (род. 1196).

1218. Константинъ Всеволодовичь послалъ сыновъ своихъ на княженіе—Василька, въ Ростовъ, по девятому году (род. 1209), а Всеволода въ Ярославль по осьмому году (род. 1210), Всеволодъ былъ посланъ дядею въ Русскій Переяславль по семнадцатому году (1227).

1221. В. К. Георгій послалъ сына Всеволода по девятому году въ Новгородъ (род. 1213).

Точно также очень рано выступали они и на поприще дѣйствій, принимали участіе въ походахъ, и примѣръ Святослава, начавшаго сраженіе съ Древлянами (945) тогда, какъ едва онъ могъ бросить копье, есть отнюдь не необыкновенный примѣръ.

Володимеръ Мономахъ свидѣтельствуетъ, что онъ началъ свои пути и ловы тринадцати лѣтъ.

Володимеръ Мстиславичь, (род. 1131), оставленный братомъ Изяславомъ въ Кіевѣ, защищалъ Игоря Олеговича отъ убійцъ съ опасностію собственной жизни (1146), пятнадцати лѣтъ, и съ тѣхъ поръ принималъ участіе во всѣхъ слѣдующихъ войнахъ, посыланъ за помощью въ Угры, и проч.

Володимеръ Андреевичь въ 1151 г. не былъ пущенъ своимъ кормильцемъ биться черезъ Лыбедь, «зане молодъ бѣ», а онъ уже три года предъ тѣмъ участвовалъ въ походахъ, и не переставалъ дѣйствовать.

Игорь Святославичь родился въ 1151 г., а мы видимъ его, уже осьми лѣтъ, 1159, на снемѣ въ Лутавѣ.

1159. Ярославъ Всеволодовичь принялъ бѣжавшую княгиню Изяслава Давыдовича, проводилъ ее до Гомеля, потомъ участвовалъ въ походахъ ея мужа на Переяславль и проч. осьмнадцати лѣтъ (род. 1140).

Святославъ Ольговичь, род. 1167, отводилъ полки назадъ изъ несостоявшагося похода на Половцевъ, шестнадцати лѣтъ; 1183 г., и потомъ въ томъ году ходилъ опять на Половцевъ.

Всеволодъ Юрьевичь, 16 лѣтъ, (1174), ходилъ подъ Кіевъ въ рати своего брата Андрея Боголюбскаго, а двадцати долженъ уже былъ выдерживать сильную борьбу съ своимъ племянникомъ и Рязанскимъ Княземъ, Глѣбомъ, т. е. быть главнымъ дѣйствующимъ лицемъ.

Олегъ Игоревичь, (род. 1174), посланъ отцемъ, семи лѣтъ, провожать полки домой вмѣстѣ съ двоюроднымъ братомъ, изъ несостоявшагося къ Половцамъ похода (1183).

Святославъ Игоревичь (род. 1176), посланъ семи лѣтъ провожать Галицкаго князя Володимера Ярославича по примиреніи съ нимъ отца (1183).

Константинъ Всеволодовичь, (род. 1185), ходилъ 14-ти лѣтъ съ отцемъ на Половцевъ (1199).

Ярославъ Всеволодовичь участвовалъ въ походѣ на Половцевъ также по 14 году.

Володимеръ Всеволодовичь (род. 1195) по 15 году участвовалъ съ отцемъ въ походѣ на Рязань (1207).

Иванъ Всеволодовичь, съ 14 лѣтъ, (род. 1194), участвовалъ во всѣхъ взаимныхъ отношеніяхъ старшихъ братьевъ.

Ростиславъ Рюриковичь (род. 1172) ходилъ въ походъ на Галичь, четырнадцати лѣтъ, (1186).

Василько Константиновичь, (род. 1209), посыланъ былъ дядею, В. К. Георгіемъ, противъ Татаръ, въ 1224 г., четырнадцати лѣтъ.

Всеволодъ Константиновичь (1215) посыланъ на помощь къ дядѣ Ярославу въ Торжекъ, пятнадцати лѣтъ, (род. 1200), и четырнадцати уже ходилъ съ полками.

Ѳедоръ Ярославичь, (род. 1218), посыланъ дядею, В. К. Георгіемъ, на Мордву, одиннадцати лѣтъ, (1230).

Даніилъ Романовичь, лѣтъ девяти, былъ уже на конѣ, и не сходилъ съ него,—а осьмнадцати принималъ самое жаркое участіе въ сраженіи съ Татарами на Калкѣ.

О всѣхъ князьяхъ, которыхъ годъ рожденія записанъ, рѣшительно сказать можно, что они съ самыхъ молодыхъ лѣтъ начинали принимать участіе во всѣхъ происшествіяхъ, слѣдовательно это должно заключить и о тѣхъ, которыхъ рожденіе не записано.

Въ бракъ князья вступали въ самой ранней молодости.

1117. Андрей, сынъ Мономаховъ, женился на Тугаркановой внукѣ пятнадцати лѣтъ.

1181. Святославъ Игоревичь, десяти лѣтъ, женатъ на дочери Рюрика Ростиславича (род. 1171).

1187. Ростиславъ Рюриковичь, 14 лѣтъ, женатъ отцемъ на 8-лѣтней дочери В. К. Всеволода Суздальскаго, (род. 1173).

1187. Володимеръ Игоревичь, семнадцати лѣтъ, (род. 1170), привелъ изъ Половецъ Кончаковну, и съ дѣтятемъ, и обвѣнчанъ.

1196. Константинъ Всеволодовичь женатъ былъ отцемъ десяти лѣтъ (род. 1186).

1205. Ярославъ Всеволодичь женился пятнадцати лѣтъ (род. 1191).

1227. Василько Константиновичь (род. 1209), семнадцати лѣтъ, на дочери Михаила Черниговскаго (1227).

1229. Всеволодъ Константиновичь (род. 1210), девятнадцати лѣтъ, на дочери Олега Святославича Курскаго.

1230. Всеволодъ Игоревичь семнадцати лѣтъ (род. 1213),

1233. Ѳедоръ Ярославичь, четырнадцати лѣтъ, (род. 1219), среди приготовленій къ свадьбѣ, скончался.

Браки устроивались преимущественно родителями жениха и невѣсты, — кромѣ особенныхъ случаевъ; по крайней мѣрѣ всѣ выраженія, встрѣчающіяся при записанныхъ бракахъ, это показываютъ:

1102. *Ведена* бысть дщи Святополча Сбыслава въ Ляхы за Болеслава, мѣсяца ноября въ 16 день.

1107. *Поя* Володимеръ за Юрья (Долгорукаго) Осеневу внуку, а Олегъ *поя* за сына... Гиргеневу внуку, мѣсяца генваря 12 день.

1142. Всеволодъ (Ольговичь) *отда* дчерь свою Звениславу въ Ляхы за Болеслава.

1143. Всеволодъ (Ольговичь) *ожени* сына своего Святослава Василковною, Полотскаго князя.

1148. Ростиславъ Смоленскій *проси* дчери у Святослава Ольговича за Романа, сына своего, и ведена бысть Новогороду... января въ 9 день.

1155. *Ожени* Гюрги (Володимеровичь) сына своего Глѣба, въ Руси, Изяславною Давыдовича.

1189. Князь Великій Всеволодъ *отда* дчерь свою Верхуславу Бѣлугороду за Рюриковича Ростислава, м. іулія въ 30 день.

1206. Великій князь Всеволодъ *ожени* сына своего Ярослава, и приведоша за нь Юрьевну Кончаковича.

1211. Великій князь Всеволодъ *ожени* сына своего Георгія Всеволожною Кыевьскаго князя.

1227. *Ожени* Великій князь Гюрги, сынъ Всеволожь, сыновца своего Василка Константиновича, и *поять* за нь Михаиловну, Черниговьскаго князя.

Замѣчательно, что о Новогородцахъ, въ отношеніи къ ихъ Князьямъ, употребляются выраженія, какъ о родителяхъ:

1155. *Оженища* Новгородци Мстислава Гюргевича, и *пояша* за нь *Петровну Михалковича.*

Собственный выборъ, (когда родителей не было въ живыхъ), выражался слѣдующимъ образомъ:

1094. *Поя* Святополкъ себѣ жену, дщерь Тугорканю, князя Половецькаго.

1175. *Оженися* Ярополкъ Ростиславичь, князь Володимерьскій, пославъ Смоленьску, *поя* за ся княгиню Всеславлю, дщерь князя Витебьскаго.

1215. *Оженися* Володимеръ, сынъ Всеволожь, въ Переяславли Русскомъ, Глѣбовною, Черниговьского князя.

1232. *Оженися* князь Володимеръ Константиновичь.

Къ особеннымъ случаамь должно отнести слѣдующіе:

1116. Ярополкъ жену *полони* собѣ Ясыню.

1153. Изяславъ *повелъ* жену собѣ изъ Обезъ.

Браки первыхъ поколѣній послѣ Ярослава совершались преимущественно съ *иностранными владѣтельными* домами, а именно—королей Угорскихъ и Польскихъ, царей Греческихъ и князей Германскихъ, хановъ Половецкихъ.*

А потомъ, какъ законы о родствѣ стали то дозволять, князья брали себѣ женъ, *дома,* другъ отъ друга.

Изъ частныхъ лицъ извѣстны только нѣсколько браковъ съ *Новогородками:*

1122. (Н.). Оженися Мстиславъ (Володимеровичь) Кыевѣ, поя Дмитровьну, Новѣгородѣ, Завидиця.

1123. Оженися Всеволодъ, сынъ Мьстиславль, Новѣгородѣ.

1155. В. К. повелѣ Дюрги Мстиславу, сынови своему, Новѣгородѣ, женитися Петровною Михалковича, и оженися.

1176. (Н.) Оженися князь Мьстиславъ (Ростиславичь) Новѣгородѣ, и поя у Якуна дчерь у Мирославиця.

Свадебные пиры отличались пышностью и роскошью: Князья созывались издалека, родственные и союзные. За невѣстами посылались многочисленные поѣзды.

1144. (СЛ.) Изяславъ отда дщерь свою Полотску за Борисовича за Роговолода, и Всеволодъ, князь Кіевскій, приде съ женою, и со всѣми боляры, и съ Кыяны, Переяславлю, на свадьбу.

* См. выше, с. 404 и 405 (по ошибкѣ 494 и 495).

Самое подробное описанiе относится къ браку дочери Великаго князя Суздальскаго, Всеволода Юрьевича, Верхуславны съ Ростиславомъ сыномъ Великаго Князя Кiевскаго Рюрика Ростиславича.

1187. Посла князь Рюрикъ Глѣба князя, шюрина своего, съ женою, Славна *тысяцкого* съ женою, Чюрыну съ женою, многи бояре съ женами, ко Юрьевичу къ Великому Всеволоду въ Суждаль, по Верхуславу, за Ростислава. А на Боришь день отда Верхуславу, дщерь свою, Великiй князь Всеволодъ, и да по ней многое множство, безъ числа, злата и сребра, а *сваты* подари великими дары, и съ великою честью отпусти; ѣха же по милоѣ своей дочери до трехъ становъ, и плакася по ней отецъ и мати: занеже бѣ мила има, и млада сущи осми лѣтъ; и тако многи дары давъ и отпусти въ Русь, съ великою любовью, за князя Ростислава. Посла же съ нею сестричича своего Якова съ женою, и ины бояры съ женами; приведоша же ю въ Бѣлъ-городъ на Офросѣньинъ день, а заутра Богослова, а вѣнчана у святыхъ Апостолъ, у деревянной церкви, блаженнымъ епископомъ Максимомъ. Створи же Рюрикъ Ростиславу велми силну свадбу, акаже нѣсть бывала въ Руси, и быша на свадбѣ князи мнози, за 20 князей; сносѣ же своей далъ многи дары и городъ Брягинъ; Якова же свата и съ бояры отпусти ко Всеволоду въ Суждаль, съ великою честью, и дары многими одаривъ.

Сваты, тысяцкiе, поѣзды, дары, приданое, представляютъ сходство съ обрядами, которые сохранились до сихъ поръ въ нашихъ селахъ, и слѣдующая пѣсня какъ будто пѣлася въ Суздали или Кiевѣ.

Повелѣлъ мнѣ сударь - батюшко,
Повелѣла моя матушка:
«Подойди, дите любимое,
«Ко столу да ко дубовому,
«Поклони свою головушку,
«Покори свое сердечушко
«Этимъ гостямъ незнакомымъ,
«Господину честну тысяцку,
«Княжаямъ—брюдгамъ боярынямъ,
«Всему кругу молодецкому,
«Поѣзду да княженецкому,
«Молоду князю въ особину;
«Называй его по имени,
«Звеличай его по изотчины,
«Не кори его отечества:
«Онъ честнаго отца—матери,
«Роду—племени почтеннаго.»

Съ терема на теремъ красная дѣвица шла
Желтыя кудри за столъ пошли,
Русую косу за собой повели:
Желтыя кудри—(Ростиславъ) молодецъ,
Русая коса—душа (Верхуслава).
На улицѣ дождикъ накрапываетъ,
Доброй молодецъ у дѣвицы выспрашиваетъ:
«Ты скажи—скажи, красна дѣвица!
«Кто тебѣ изъ роду милъ?»
—Милъ мнѣ милешенекъ
Батюшко родной.—
«Дѣвица красная—душа!
«Эта не правда твоя, не истинная:
«Свое сердце тѣшишь, а мое гнѣвишь.»

На улицѣ дождикъ накрапываетъ,
У красной дѣвицы перстень съ руки выпадываетъ,
Добрый молодецъ у дѣвицы выспрашиваетъ:
«Ты скажи, скажи правду всю,
«Кто тебѣ изъ роду милъ, душа дѣвица?
—Милъ мнѣ милешенекъ добрый молодецъ.—
«Красная дѣвица-душа!
«Это правда твоя, это истинная:
«Свое сердце тѣшишь, мое веселишь.»

Присоединимъ прочія описанія свадебъ.

1194. Заутра же въ понедѣльникъ, приде ему вѣсть отъ *сватовъ*, иже идяхуть поимати внукы Святославлѣ Глѣбовны Офимьи за царевича. Святославъ же посла противу има мужи Кыевьскыя.

1196. (Ник.) В. К. Всеволодъ жени сына своего князя Константина у князя Мстислава Романовича.... ту сущу и самому князю.... и со княгинею своею и з дѣтьми, и Рязанскому князю Роману...., и съ нимъ братія его князь Всеволодъ.... и Владимиръ с сыномъ своимъ Глѣбомъ, и князь Муромскій Володимеръ, и Давыдъ, и Юрьи, съ мужи своими, и бысть радость и любовь велія въ городѣ Володимери.

Есть еще любопытное описаніе приготовленій къ княжеской свадьбѣ въ Новогородской лѣтописи, по поводу смерти старшаго Ярославова сына Θеодора, который внезапно среди сихъ приготовленій скончался: 1233. Еще младъ, и кто не пожалуетъ сего, —сватба пристроена, меды изварены, (въ Т. посычены), невѣста приведена, князи позвани, и бысть въ веселія мѣсто плачь и сѣтованіе.

Совершеніе брака не мѣшало принимать участіе *немедленно* въ войнѣ, если обстоятельства того требовали. Такъ въ 1144 г. начался Галицкой походъ тотчасъ послѣ свадьбы въ Переяславлѣ.* Василько Константиновичъ, женившись по осьмнадцатому году (1227), на другой же годъ (1228) ходилъ войною на Мордву; Ярославъ Всеволодовичъ, женившись пятнадцати лѣтъ, ходилъ вскорѣ по приглашенію, въ Галичь, и дѣйствовалъ въ происшествіяхъ на югѣ, принималъ участіе въ Рязанскомъ походѣ отца, и проч.

Объ *отношеніяхъ* мужа къ женѣ приводимъ наставленіе Володимера Мономаха дѣтямъ: «Жену же свою любите, но не дайте имъ надъ собою власти.»

Княгини пользовались всѣми правами, имъ принадлежавшими, имѣли особые удѣлы, и были предметомъ любви и уваженія.

Какъ ни скудны наши лѣтописи извѣстіями этого рода, но мы все-таки можемъ указать нѣсколько, въ подтвержденіе своего положенія, именно: Когда князья явились подъ Кіевымъ, вслѣдствіе ослѣпленія Василькова, и грозили войною, вдова Всеволода съ митрополитомъ вышла изъ города просить ихъ о пощадѣ; Мономахъ «прѣклонися на молбу княгинину, чтяшеть ю, *акы матерь*, отца ради своего.... и послуша ея, *акы матере.*»

1180. Святославъ (Всеволодовичь) ходяшеть ловы дѣя,... и тогда сдумавъ съ *княгинею своею* и съ Кочкаремъ, милостьникомъ своимъ, и не повѣдѣ сего мужемъ своимъ лѣпшимъ думы своея, и абіе устремися Святославъ на рать....»

1194. Сего же болми охудѣвающи силѣ и отемняющи языкъ, и возбнувъ, и рече ко *княгинѣ своей*: коли будетъ, рче, св. Макковѣй. Она же: въ понедѣльникъ. Князь же рче: о не дождочю я того.... Княгини же усмотрѣвши, яко ино видѣніе видѣ нѣкако князь, нача прошати, и проч.

Напомнимъ объ отношеніяхъ В. К. Ростислава Мстиславича къ сестрѣ Рогнѣдѣ (1168), В. К. Рюрика Ростиславича къ снохѣ Верхуславѣ (1187), В. К. Всеволода Георгіевича къ сестрѣ Ольгѣ, и проч.

---

* См. выше, с. 505.

Браки бывали иногда не безъ грѣха, — впрочемъ, судя по безпристрастію, и вообще по духу нашихъ лѣтописей, не скрывающихъ съ умысла ничего предосудительнаго, нельзя предполагать, чтобъ нарушенія были часты. Изъ лѣтописей мы узнаемъ только о неправильности жизни въ этомъ отношеніи Ярослава Святополковича, который 1117 отослалъ отъ себя жену свою, Мономахову внуку; Романа Галицкаго, который поступилъ также 1197 съ женою своей, дочерью В. К. Рюрика Ростиславича, и хотѣлъ постричь ее, — и наконецъ двухъ Галицкихъ князей, аименно знаменитаго Ярослава Галицкаго, и преимущественно сына его Володимера.

Объ Ярославѣ сказано, въ Кіевской лѣтописи, подъ 1173 годомъ:

Выбѣже княгиня Ярославляя изъ Галича въ Ляхи, съ сыномъ съ Володимеромъ, и мнози бояре съ нею. Вскорѣ они были вызваны назадъ: поѣди вборзѣ, отца ти есмы взяли, и пріятелѣ его, Чаргову чадь, избилѣ, а се твой ворогъ Настаска. Галичане же накладше огонь, сожгоша ю, а сына ея въ заточеніе послаша, а князя водивше ко кресту, яко ему имѣти княгиню въ правду, — и тако уладившеся.

Неудовольствія однако продолжались, и Ярославъ умирая завѣщалъ-было свой столъ Олегу, рожденному отъ Настасьи.

О Володимерѣ сказано 1188: мужи Галичьскіи не добро живутъ съ княземъ своимъ про его насилье, зане гдѣ улюбивъ жену, или чью дочерь, поимашеть насильемъ.... поя у попа жену, и постави собѣ жену, и родися у нея два сына.

Романъ Волынскій, въ безпрерывной распрѣ съ своимъ тестемъ, В. К. Рюрикомъ Ростиславичемъ, нача отпущати его дочь. Неизвѣстно, что съ нею сталося, а Романъ вскорѣ взялъ себѣ другую жену, впрочемъ можетъ быть вслѣдствіе ея смерти.

У Ярослава Всеволодовича, тесть, Мстиславъ Новогородскій, взялъ къ себѣ его жену (1216), неизвѣстно по какой причинѣ и не отпустилъ ея, несмотря на его просьбы.

У Святополка-Михаила былъ, по извѣстіямъ лѣтописи, сынъ, рожденный отъ наложницы.

Кажется, не будетъ смѣло утверждать по малому количеству этихъ записанныхъ нарушеній, что бракъ между князьями соблюдался строго и свято, въ общемъ образѣ жизни.

На радостяхъ о рожденіи дѣтей, князья ставили церкви:

1127. Заложи церковь камену св. Іоанна во *имя сына своего* (Новогородскій князь Всеволодъ Мстиславичь).

1173. Родися (у Рюрика Ростиславича) сынъ... Михаилъ-Ростиславъ... въ Лучинѣ.., и поставиша на *томъ мѣстѣ* церковь, *св. Михаила,* кдѣ ся родилъ.

Родины праздновалися также пиромъ, равно какъ и постриги, о которыхъ извѣстія представлены выше. Предложимъ одно по Никоновскому Сборнику:

1196. Быша постриги у.... В. К. Всеволода.... сыну его Володимеру...., ту сущу.... епископу Ивану, и ту сущу князю Рязанскому Роману, и з братьею своею, и с мужи своими, и быша въ радости, и в веселіи, и въ любви, и въ соединеніи вѣчнѣмъ, и тако разидошася во свояси.

Праздновались также именины.

1097. Не ходи отъ именинъ моихъ, проситъ Святополкъ несчастнаго Василька. Да аще не хощешь остати до именинъ моихъ, да приди нынѣ, цѣлуеши мя, и посѣдимъ вси съ Давыдомъ.

Праздновались церковные праздники: Пасха, Рождество Христово, и проч.

1084. Приходи Ярополкъ ко Всеволоду на *Великъ день*.

1096. Подожди *Святокъ*, приглашаетъ Святополкъ Василька Ростиславича, пріѣзжавшаго, 4 ноября, помолиться въ Выдобичѣ.

1159. Начаша Ростислава звати лестью у братщину (Полочане) къ св. Богородици старѣй на *Петровъ день*.

Братчинами назывались преимущественно монастырскіе торжественные обѣды.

Кромѣ семейныхъ пировъ бывали роскошныя угощенія *по случаю освященія церквей:*

1072. Пренесоша.... св. Бориса и Глѣба (Ярославичи) и отпѣвше литургію, *обѣдаша* братья, на скупь, кождо съ бояры своими.

1115. Обѣдаша у Ольга и пиша, и бысть *учрежение велико*, (по случаю оснoванія новой церкви св. Бориса и Глѣба), и накормиша убогыя и странныя по три дни.

1184. Священа бысть ц. св. Василья...., и созва (В. К. Святославъ Всеволодовичь) на пиръ отъ св. митрополита Никифора, ины епископы, игумены и весь святительскій чинъ, и *Кіяны*, и *быша весели*, и отпусти ѣ, и разидошася во свояси.

1200. Пріѣха В. К. Рюрикъ со княгинею, и со сынома.... и съ дочерью.... и со снохою, и постави кутью у св. Михаила, и молитву принесе.... и створи *пиръ не малъ*, и трапезу со приготовленіемъ, и накорми игумены, и со калугеры всими... и подари вся яже отъ первыхъ и до послѣднихъ, не токмо ту сущая, но и прилучившаяся тогда ... и возвесели духовно о пришедшей въ дѣло таково царьской мысли его.

1218. Великое торжество было во Владимирѣ по случаю принесенія Полоцкимъ епископомъ мощей Логина сотника для В. К. Константина.

Въ Ростовѣ при освященіи церкви св. Бориса и Глѣба, В. К. Константинъ *сотвори пиръ* и *учреди люди*, и проч.

На всѣхъ подобныхъ праздникахъ угощались обыкновенно убогіе и странные (1115)

Володимеровъ прекрасный обычай разсылать на возахъ по улицамъ пищу и питье больнымъ и бѣднымъ исполнялся и другими князьми, напримѣръ, по извѣстію, сохранившемуся въ КИ. и В. К. Андреемъ Боголюбскимъ: 1175. Веляшеть по вся дни возити по городу брашно и питье разноличное, больнымъ и нищимъ на потребу.

По случаю княжескихъ *съѣздовъ* и *свиданій* происходили роскошные пиры, съ коими соединялось богатое одариванье.

1147. Прославъ Гюрги и рече: приди ко мнѣ, брате, въ Московъ. Святославъ же ѣха къ нему съ дѣтятемъ своимъ Олгомъ, въ малѣ дружинѣ, пойма съ собою Володимера Святославича. Олегъ же ѣха напередъ къ Гюргеви, и *да* ему пардусъ. И пріѣха по немъ отецъ его Святославъ, и тако любезно цѣловастася, въ день пятокъ, на похвалу св. Богородицы, и тако быша весели. Наутріи же повелѣ Гюрги устроити *обѣдъ силенъ*, (первый Московскій славный обѣдъ!), и створи честь велику

имъ, и да Святославу *дары* многы, съ любовію, и сынови его Олгови и Володимеру Святославичу, и мужѣ Святославлѣ *учреди*, и тако отпусти и.

1149. Изяславъ же позва (пришедшихъ къ нему въ помощь Угровъ и Ляховъ) къ собѣ на *обѣдъ*, и тако обѣдавше быша весели, великою честью учестивъ ѣ, и дарми многыми *дарова* ѣ, и тако поѣхаша кождо въ своя товары.

1151. Вячеславъ... позва сына своего Изяслава къ собѣ на обѣдъ, и *Кіяны вся*, и королевы мужи и Угры, съ ихъ дружиною, и пребыша у велицѣ любви. Вячеславъ же и Изяславъ велику честь створиста Угромъ, Вячеславъ же отъ себе, а Изяславъ же отъ себе, и *дарми* многыми одариста и, и сосуды и порты и комонми и паволоками, и всякими дарми.

1160. Снимася Ростиславъ съ Святославомъ Ольговичемъ Моровійскѣ, м. мая въ 4 день. Бысть же съѣздъ ею на великую любовь. Тогда же Ростиславъ позва Святослава къ собѣ *на обѣдъ*. Святославъ же ѣха къ нему безо всякаго извѣта, и бысть же радость въ тъ день межю има и *дарове* мнози: да бо Ростиславъ Святославу соболми, и горностайми, и черными кунами, и песци, и бѣлыми волкы, и рыбьими зубы: на заутріе же позва Святославъ Ростислава къ собѣ на обѣдъ.... *да* Святославъ Ольговичъ Ростиславу пардусъ и два коня борза у ковану сѣдлу.

1193. Ростиславъ испросися у отца ко строеви своему, ко Смоленьску, съ сайгаты.... Всеволодъ, тесть его, позва и (Ростислава) къ собѣ. Ростиславъ же ѣха к оцтю своему въ Суждаль, со сайгаты: тесть же его державъ у себе зиму сюя и *одаривъ* даръми многими, и со честью великою, зятя своего и дчерь свою, отпусти во свояси.

1229. Благоразумный князь Юрги призва (братьевъ и племянниковъ, на него вознеговавшихъ) на снемъ въ Суздаль, и исправивше все нелюбье между собою, и поклонишася Юрью вси... цѣловаша крестъ... и праздновавша Рождество Пресв. Богородицы у епископа Митрофана, бывше *весели* и *одарены* съ мужи своими, и разъѣхашася.

Бывали угощенія общія, въ коихъ весь городъ принималъ участіе, напримѣръ:

1148. Изяславъ съ сыномъ Ярославомъ посласта подвойскѣи и биричѣ по улицамъ кликати, зовучи къ князю на обѣдъ, *отъ мала и до велика;* и тако обѣдавше, веселишася радостью великою и честью, разъидошася въ свои домы.

1150. Изяславъ отъ святоѣ Софьи поѣха, и съ братьею, на Ярославль дворъ, и Угры позва съ собою на *обѣдъ*, и Кіяны, и ту обѣдавъ съ ними на велицѣмъ дворѣ на Ярославли, и пребыша у велицѣ весельи; тогда же Угре на фарехъ и на скокахъ *играхуть*, на Ярославли дворѣ, многое множество. Кіяне же дивяхутся Угромъ множеству, и кметьства ихъ, и комонемъ ихъ.

1195. Позва и Рюрикъ на обѣдъ, Давыдъ же пріѣха ко Рюрикови на *обѣдъ*, и быша въ любви велици и во весельи мнозѣ, и даривъ *дары* многими и отпусти и. И оттолѣ позва сыновецъ его Ростиславъ Рюриковичь къ собѣ на обѣдъ къ Бѣлугороду... Ростиславъ одаривъ *дары* многими и отпусти и. Давыдъ же позва великого князя Рюрика на обѣдъ къ собѣ, брата своего, и дѣти его, и ту пребыша въ *весельи* и въ любви велицѣ, и одаривъ

Давыдъ брата своего Рюрика *дарми* многими и отпусти и; потомъ же Давыдъ позва монастырѣ всѣ на *обѣдъ*, бысть съ ними веселъ, и милостыню силну раздава имъ и нищимъ, и отпусти и; потомъ же позва Давыдъ Черніи Клобуци вси, и ту попишася у него вси *Черніи Клобуци*, и одаривъ ихъ дарми многими и отпусти ихъ. *Кыяне* же почаша звати Давыда на пиръ, и ту подаваючи ему честь велику и дары многи; Давыдъ же позва *Кыяне* къ собѣ на обѣдъ, и ту бысть съ ними въ *весельи* мнозѣ и во любви велици, и отпусти ихъ.

Преимущественно, кажется, отличались расположеніемъ къ такимъ угощеніямъ Изяславъ Мстиславичъ и Рюрикъ Ростиславичъ. См. выше, подъ г. 1148, 1150, 1151, 1195.

Дары были данію въ нѣкоторомъ смыслѣ, какъ мы видѣли прежде, но вмѣстѣ служили и знакомъ почтенія, уваженія, а также и пріязни, равно какъ и залогомъ ходатайства, напримѣръ

1123. Послѣ неудачной попытки Ярослава Святославича подъ Владиміромъ помогавшіе ему «Угры же, и Ляхове, и Володарь, и Василько, разидошася, а къ Володимеру съ молбою и *дарами* послаша посла.»

1128. Всеволодъ (Ольговичь) «нача ся молити Мьстиславу (Володимеровичу), и бояры его подъучивая и *дары дая*, моляшеться имъ», чтобъ они убѣдили великаго князя не помогать дядѣ его Ярославу.

1159. Установи людье Ростиславъ (въ Полоцкѣ, по укрощеніи мятежа), и одаривъ многими *дарами*, и води я къ хресту.

Впрочемъ вообще князья любили *пировать* съ своею дружиною. Пировать называлось пить. Одно это выраженіе показываетъ, что знаменитое изреченіе Володимера святаго не утратило своего значенія: «Руси есть веселіе пити.»

Въ особенную похвалу внуку его Всеволоду говорится о воздержаніи его отъ пьянства и похоти.

Мономахъ въ своемъ Поученіи намекаетъ на то же.

1065. Единою *пьющу* Ростиславу съ дружиною.

1115. Князья обѣдаша у Олега и *пиша* (при пренесеніи мощей свв. Бориса и Глѣба).

1143. Скопишася братья вся и безбожніи Ляхове, и *пиша* у Всеволода, и тако разидошася.

1150. Въ то время (при нападеніи Изяслава Мстиславича) Борисъ (Георгіевичь) *пьяшетъ* въ Бѣлѣгородѣ на сѣньници съ дружиною своею и съ попы Бѣлогородьскими.

1151. Мстиславу, .. ставшю у Сапогыня, а Угре сташа около его. Тогда выслалъ ему бяшетъ Володимеръ Андреевичь *питье* изъ Дорогобужа много и Угромъ. Мстиславу же *пьючи* съ Угр. ы...

1153. *Пивъ* Гюрги (Володимеровичь) въ (у) осменика у Петрила, въ тъ день на ночь разболѣся.

1154. Сы ночи былъ *веселъ* съ своею дружиною, (В. К. Вячеславъ Володимеровичь), и шелъ спать здоровъ; якоже leглъ, такъ болѣ того не всталъ.

1188. Князящу Володимеру въ Галичской земли, и бѣ бо любезнивъ *питію* многому (т. е. пированью).

1217. Глѣбъ Володимеровичь съ братомъ позва (братьевъ) къ себѣ, яко на

честь *пиренья*, въ свой шатеръ.... скры (людей своихъ вооруженныхъ) близъ шатра, въ немъ же бѣ имъ *пити*,.... и яко начаша *пити* и *веселитися*....

Принадлежностію княжескихъ пировъ были пѣсни, пляска, и гудьба, если не музыка.

Въ Несторовомъ описаніи Святославова пира (Ярославича) читается: яко вниде (Ѳеодосій) во храмъ, идѣже бѣ князь сѣдя, и се видѣ многія играющи передъ нимъ, овы *гусльные* гласы испущающе, другые же *органные* гласы поюще, и инѣмъ *заморьскыя пискы* гласящимъ, и такъ всимъ играющемъ и веселящимся, яко же обычай есть предъ княземъ... Блаженный вскрай его сѣдя и долу никъ, и яко мало восклонився, рече къ тому: то будетъ ли еще на онѣмъ свѣтѣ тоже, ту абіе онъ.... умилися, и мало прослезися, повелѣ тѣмъ прѣстати.

Въ Словѣ о богатомъ описывается пиръ «съ *гусльми* и *свирѣльми*, веселіе многое,... смѣхословци, *плясанія*, воплеве, *пѣсни*...»

Слово о полку Игоревѣ свидѣтельствуетъ, что были особые пѣвцы,—въ родѣ сѣверныхъ скадьдовъ,—которые на такихъ пирахъ воспѣвали славу князей.

«Боянъ бо вѣщій, аще кому хотяше пѣснь творити, то растекашеться мышію по древу, сѣрымь волкомъ по земли, сизымъ орломъ подъ облакы. Помняшетъ бо рѣчь первыхъ временъ усобицѣ, тогда пущашетъ десять соколовъ па стадо лебедей—который дотечише, та преди пѣснь пояше: старому Ярославу, храброму Мстиславу, иже зарѣза Редедю предъ полки Касожьскими, красному Роману Святославичю. Боянъ же, братіе, не десять соколовъ на стадо лебедей пущаше, но своя вѣщія персты на живыя струны въскладаше, они же сами княземъ славу рокотаху. Почнемъ же, братіе, повѣсть сію отъ стараго Владимира до нынѣшняго Игоря...»

Въ былинахъ эти пѣвцы изображаются еще живѣе. Приведемъ нѣкоторыя мѣста, соединяя подобныя изъ разныхъ пѣсенъ.

Во славномъ во Новѣградѣ
Какъ былъ Садкё купецъ, богатый гость,
А прежде у Садка имущества не было:
Одни были гуселки яровчаты,
По пирамъ ходилъ—игралъ Садкё.
Садка день не зовутъ на почестенъ пиръ,
Другой не зовутъ на почестенъ пиръ,
И третій не зовутъ на почестенъ пиръ.
Потомъ Садке соскучился....

Онъ мастеръ Ставеръ въ гусли играть,
Игръ играть и напѣвокъ напѣвать
Про старыя времена и про нынѣшни,
И про всѣ времена досюлешны.

...Пошелъ Добрынюшка Микитинецъ
Къ князю Владимиру на почестенъ пиръ.
Сокручивается въ платы скоморошныя,
Идетъ въ теремъ златоверхатый
По ступенчикамъ идетъ по наличнымъ,
Ступенчики гибаются, весь теремъ шатается.
Говоритъ Владимиръ князь стольно-Кіевскій:
Скоморошье мѣсто на запечьѣ.
А Добрыня скочилъ на печку на муравленую,
Онъ натигивалъ въ гуселькахъ, налаживалъ
Двѣнадцать струночекъ золоченыихъ,

И зыгрылъ онъ въ гуслицы яровчаты,
Выигрывалъ хорошенько изъ Царя-града,
А изъ Царяграда до Іерусалима,
Изъ Еросалима къ той землѣ Сорочинскія.
Третій разъ сталъ поигрывати
Все свое похоженьице разсказывати.

На пиру игроки всѣ пріумолкнули,
Всѣ скоморохи пріослушались:
Этакой игры на свѣтѣ не слыхано,
И на бѣлоемъ игры не вѣдано.

Всѣ народы приближалися,
И Добрынюшкѣ поклонялися.

Тая-то игра прилюбилася
Всему кругу молодецкому
Всему поѣзду княженецкому.

Князю игра-та по уму пришла,
Самъ говорилъ таково слово:
Ай жа ты дѣтина (молода) скоморошина!
Опущайся со печки муравлены,
Выбирай себѣ мѣсто, гдѣ тебѣ любое.

Ставалъ Владиміръ князь на рѣзвы ножки,
Наливалъ-то онъ чару зелена вина,
Подносилъ къ молодой скоморошинѣ.

Въ былинѣ о Чурилѣ Пленковичѣ указывается еще на слѣдующее занятіе скомороховъ:

И возговоритъ княгина Опраксія:
Ай же ты, солнышко Владиміръ князь!
Положи-тко Чурилу въ постельнички,
Чтобы стлалъ онъ перину пуховую,
И складалъ бы зголовьице высокое,
И сидѣлъ бы у зголовьица высокаго,
Игралъ бы въ гуселышки яровчаты,
И спотѣшалъ бы князя Владиміра.—

Во вступленіи къ Волынской лѣтописи встрѣчается слѣдующее, не совсѣмъ ясное мѣсто о подобномъ обычаѣ у Половцевъ: «По смерти же Володимерѣ оставшю у сырьчана единому *гудцю* же Ореви, посла и въ Обезы, река: Володимеръ умерлъ есть, а воротися, брате, поиди въ землю свою; молви же ему моя словеса, пой же ему пѣсни Половецкія.

Есть древній слѣдъ тостовъ или здравицъ.

1065. Княже, хочу *на тя пити*, говоритъ катапанъ Греческій Ростиславу Володимиричу въ Тмуторакани. Оному же рекшю: пій....

Посты однакожъ строго наблюдались. Крѣпкимъ тому доказательствомъ служитъ, какое страшное смятеніе произошло во всемъ православномъ мірѣ, (1164), вслѣдствіе ученія Владимирскаго Епископа Леона.

«Неѣсти мясъ въ господьскыя праздникы, въ среды и въ пяткы, ни на Рождество Господне, ни на Крещенье. И бысть тяжа про то велика предъ княземъ Андреемъ, предо всѣми людьми, и упрѣ его (Леона) владыка Өеодоръ. Онъ же иде на исправленіе Царюгороду.»

Всѣ наши князья сочли обязанностію снарядить особыя посольства въ Константинополь, чтобы тамъ удостовѣриться въ истинномъ ученіи. Побѣда осталась на ихъ сторонѣ.

Черезъ четыре года воями Великаго князя Андрея Суздальскаго взятъ былъ Кіевъ, (1169), «его же не было никогда же,» и лѣтописецъ Суздальскій торжественно приписываетъ это несчастіе новому ученію, которое раздѣлялъ Кіевскій митрополитъ.

Вообще образъ жизни князей, ихъ *времепровожденіе* было вотъ какое въ дни мира:

Вставали они рано по утру, со свѣтомъ. Первое къ церкви,—говоритъ Мономахъ,— да не застанетъ васъ солнце въ постели, тако бо отецъ мой дѣяшеть блаженный и всѣ добріи мужи свершеніи. Заутреню отдавше Богови хвалу, и потомъ солнцю всходящю и узрѣвше солнце, и прославити Бога съ радостью.

По праздникамъ князья присутствовали при богослуженіи.

1125. О Мономахѣ сказано:

Жалостливъ же бяше отинудь, и даръ си отъ Бога прія, да егда въ церковь вниддшеть, и слыша пѣнье, и абье слезы испущашеть, и тако молбы ко владыцѣ Христу со слезами воспущаше.

Смоленскій князь Давыдъ Ростиславичь ежедневно посѣщалъ церковь (1199).

Съ Володимеркомъ Галицкимъ (1152) случился ударъ, какъ онъ шелъ отъ вечерни.

Андрей Боголюбскій къ заутрени въ нощь входяшеть въ церковь и свѣщи вжигивашеть самъ.

1169. Великій князь Ростиславъ по вся недѣли (впродолженіе Великаго поста) причащеніе имаше, слезами омывая лице свое и воздыханіемъ частымъ смиряя себе, и стонаніе отъ сердца своего испущая, всимъ видящимъ его въ толици смиреньи стояща, и тако не можаху удержатися отъ слезъ.

Службу слушали, вѣроятно, *на полатяхъ*, въ домовыхъ церквахъ своихъ:

1152. Якоже съѣха Петръ (посолъ В. К. Изяслава Мстиславича) съ княжа двора, и Володимеръ (Галицкій) поиде къ божницѣ, ко святому Спасу на вечерню, и якоже бы на переходѣхъ до божници, и ту виде Петра ѣдуща, и поругася ему... и то рекъ иде *на полати*, и отпѣвше вечернюю, и проч.

(Такія палати, кажется, мы видимъ при церкви въ Боголюбовѣ монастырѣ близь Владимира, гдѣ В. К. Андрей слушалъ божественную службу).

---

* См. въ атласѣ.

За тѣмъ слѣдовалъ завтракъ.

Да *заутрокай*, брате, говоритъ Святополкъ приглашенному Васильку, и обѣщался Василко *заутрокати*.

1095. На утрія въ недѣлю, заутрени суще годинѣ, пристрои Ратиборъ отроки въ оружьи, истобку пристави истопити имъ. И присла Володимеръ отрока своего по Итлареву чадь.... зоветь вы князь Володимеръ, реклъ тако: обувшеся, въ теплѣ избѣ *заутрокавше* у Ратибора, пріѣдите ко мнѣ.

Послѣ завтрака князь садился думать съ дружиною, или людей оправливать, какъ то видно изъ поученія Мономахова:

Тоже и худаго смерда и убогыя вдовицы не далъ есмь сильнымъ обидѣти, и церковнаго порядка и службы самъ есмь призиралъ.

О Володимерѣ Ярославичѣ Галицкомъ, въ предосужденіе его, сказано, что онъ думы не любяшеть съ мужми своими.

Вмѣсто думы и суда, иногда, Мономахъ предлагаетъ дѣтямъ:

Или на ловъ ѣхати или поѣздити.

Охота, за звѣрями и птицами, была любимымъ занятіемъ въ древности. Предлагая мѣста объ охотѣ, напомнимъ прежде объ охотѣ Олега и Люта Свѣнельдича изъ Норманскаго періода.

Всего яснѣе княжеская охота видна изъ описанія Мономахова:

Конь дикихъ своима рукама связалъ есмь, въ пущахъ 10 и 20 живыхъ конь, а кромѣ того иже по рови ѣздя ималъ есмь своима рукама тѣ же кони дикіѣ: тура мя два метала на розѣхъ и съ конемъ, олень мя одинъ болъ, а 2 лоси, одинъ ногама топталъ, а другый рогама болъ, вепрь ми на бедрѣ мечь отялъ, медвѣдь ми у колѣна

подклада укусилъ, лютый звѣрь скочилъ ко мнѣ на бедры, и конь со мною поверже: и Богъ невреженa мя съблюде, и съ коня много падахъ, голову си розбихъ дважды, и руцѣ и нозѣ свои вередихъ.

1191... Всеволоду *ловы* дѣющю звѣриныя за Вышегородомъ, заметавшимъ тенета, и кличаномъ кликнувшимъ....

1144. Вшедшю Володимеру въ Тисмяничу на *ловы.*

1180. Давыдъ Ростиславичъ по Днѣпру въ лодьяхъ, *ловы дѣя,* а Святославъ ходяшеть по Черниговьской сторонѣ, *ловы дѣя* противу Давыдови.

1190. (Святославъ съ Рюрикомъ) идоста на *ловы* по Днѣпру въ лодьяхъ, на устья Тесмени, и ту ловы дѣявша, и обловишася множествомъ звѣрей; и тако наглумистася, и во любви пребыста и во весельи, по вся дни.

1193. (Ростиславъ Рюриковичъ) ѣха съ *лововъ* отъ Чернобыля въ Торцькый вборзѣ, не повѣдая отцю, а по дружину свою посла.

1185. (Игорь Олеговичъ Сѣверскій въ плѣну у Половцевъ), гдѣ хочетъ ту ѣздяшеть, и *ястребомъ* ловяшеть, а своихъ *слугъ* съ 5 съ 6 съ нимъ ѣздяшеть.

Это мѣсто словомъ *ѣздяшеть* напоминаетъ еще Мономахово извѣстіе: «Или на ловъ ѣхать, или *поѣздити.*»

Что значитъ поѣздьство?

Военныя игры, чтобъ не сказать рыцарскія упражненія.

1161. В. К. Ростиславъ предложилъ союзнику своему Черниговскому князю, Святославу Ольговичу, прислать сына въ Кіевъ для знакомства. Святославъ отпустилъ Олега:

«И бысть у него по два дни на обѣдѣ; третій же день ѣдущю Олгови изъ товаръ *на поѣздьство.*

Подъ 1150 г. *Ѣздить*—выражено другимъ словомъ: Угры, отобѣдавъ у В. К. Изяслава, послѣ обѣда, «на фарехъ и скокахъ *играхуть* на Ярославли дворѣ».

Слѣдующее мѣсто изъ пѣсни относится вѣроятно къ военнымъ играмъ:

Кто изъ вась горазъ стрѣлять изъ луку
изъ каленаго,
Прострѣлить бы стрѣлочка коленая
По тому острею по ножовому,
Чтобы прокатилася стрѣлочка каленая
На двѣ стороны вѣсомъ равна,
И попала бы въ колечко серебряное.—

Въ полуденье былъ обѣдъ:

1096. Мстиславу сѣдящю *на обѣдѣ.*

1146. Игорь (Ольговичъ) ѣха на *обѣдъ....* И ту бѣхуть (Изяславъ Мст. и Володимеръ Дав.) стали *обѣдати.*

1149. Святославъ (Ольговичъ) позва и (Юрья Долгорукаго) къ собѣ на *обѣдъ.*

Послѣ полуденья спали.

«Спанье есть отъ Бога присужено полудне,—говоритъ Мономахъ,—отъ чипа бо почиваетъ и звѣрь и птици и человѣки.» Посему онъ совѣтуетъ дѣтямъ это отдохновеніе по исполненіи утреннихъ дѣлъ.

1097. Приде Святоша и Путята.., Давыдовымъ, воемъ облежащимъ градъ, въ полуденье Давыдови спящю.

День передъ вечеромъ оканчивался *ужиномъ.*

Иде Василко поклонитися къ святому Михаилу въ монастырь, и *ужина* ту... вечеру же бывшю приде въ товаръ свой.

Сну предшествовала *молитва.*

Не грѣшите ниедину же ночь, (то-есть, непропускайте ни одной ночи), аще можете поклонитися до земли; али вы ся начнеть немочи, а трижды, а того не забываете не лѣнитеся; тѣмъ бо ночнымъ поклономъ и пѣньемъ человѣкъ побѣжаетъ дьявола, и что въ день согрѣшитъ, а тѣмъ человѣкъ избываетъ.

Молитву творить совѣтуетъ Мономахъ и впродолженіи дня:

Аще и на кони ѣздяче, не будетъ ни съ кымъ орудья, аще инѣхъ молитвъ не умѣете молвити, а Господи помилуй зовѣте безпрестанно втайнѣ; та бо есть молитва всѣхъ лѣпши, нежели мыслити безлѣпицю.

———

Князья любили бесѣдовать съ духовными лицами.

Святославъ Ярославичъ приказывалъ умолкать своему пиру, лишь покажется въ дверяхъ св. Ѳеодосій, котораго всякое посѣщеніе считалъ онъ особеннымъ для себя счастіемъ.

1093. Всеволодъ.... вздая честь епископомъ и пресвитеромъ, излиха же любяше черноризци, подаяше требованье имъ.

То же разсказывается о Глѣбѣ Святославичѣ (†1078), о В. К. Ростиславѣ Мстиславичѣ (†1168), Глѣбѣ Георгіевичѣ (†1171), Андреѣ Боголюбскомъ (†1174) и проч.

———

Строили церкви и основывали монастыри, уступая имъ часть своихъ доходовъ, напримѣръ Ярославъ Изяславичь вда всю жизнь свою Небольскую волость и Дерьвьскую, и Лучьскую и около Кіева. Глѣбъ же вда въ животѣ своемъ, съ княгинею, 600 гривенъ серебра, а 50 гривенъ золота.*

———

* См. ниже, въ главѣ о церкви.

Наконецъ, должно замѣтить, что хозяйственное управленіе своими домашними дѣлами, селами, дворами, стадами и проч., счеты и разсчеты съ тіунами, занимало у князей много времени.

———

О баняхъ, упоминаемыхъ еще въ преданіи о св. Апостолѣ Андреѣ, встрѣчается извѣстіе въ Волынской лѣтописи, подъ 1205 г. Бенедиктъ, посланный Андреемъ, королемъ Угорскимъ, въ Галичь, «я (захватилъ) Романа въ *бани* мыющася.»

Въ Густынской лѣтописи подъ 1205 г. разсказывается, что Руские князи бишася со Литвою и Ятвяги, и побѣдиша ихъ, и уставиша на нихъ дань *лыка* и *кошницы* и *вѣники* до бани: не имяху бо сребра, ни иного чего краснаго.

———

Такова была ихъ жизнь во время мира, но война съ ея подвигами и опасностями, удачами и неудачами, добычею и славою, составляла любимое ихъ занятіе съ молодыхъ ногтей до глубокой старости. Мы говоримъ—война, повинуясь употребленію, но собственно это была не война, а какая-то борьба, въ родѣ мирныхъ кулачныхъ боевъ, по большей части безъ ненависти и злобы, безъ долговременной мести, которыхъ почти нѣтъ слѣдовъ въ нашихъ лѣтописяхъ, кромѣ двухъ-трехъ частныхъ случаевъ кои могутъ назваться исключеніями.

———

Крайности сходятся. Князья, воевавъ между собою, изъ за владѣній, думали о монашеской жизни. Въ одиннадцатомъ вѣкѣ, Никола Святоша Давидовичь, съ браннаго поля, становится сторожемъ передъ воротами монастырскими, и подчиняетъ себя всѣмъ требованіямъ строгаго монастырскаго устава.

Вскорѣ послѣ него многіе князья передъ смертію принимаютъ схиму, думавъ объ ней заранѣе, напримѣръ:

1146. Плѣненный и больной Игорь Ольговичъ говоритъ своему счастливому сопернику, Изяславу Мстиславичу:

Братъ! се боленъ есмь велми, а прошю у тебе постриженія, была бо ми *мысль на постриженіе еще въ княженіи своемъ*, нынѣ же у нужи сей.... не чаю собѣ живота. Онъ же сжаливъ си и рече: аще была ти мысль на постриженіе, въ томъ еси воленъ, но язъ тя и безъ таче выпущаю, болѣсти дѣля твоей....—Повелѣ ся постричи Еѳимью епископу, потомъ Богъ отда ему немощи, и приведоша Кіеву въ монастырь св. Ѳеодора, и призва игумена и братью, свершивъ же ся обѣщалъ, пострижеся.... въ скиму.

1168. Не могу здѣ лечи, говоритъ В. К. Ростиславъ сестрѣ, (уговаривавшей его «лечи Смоленьскѣ въ своемъ ему зданьи»), повезите мя Кіеву; аще мя Богъ отъиметь на пути, то положите мя въ отни благословеньи у св. Ѳеодора; аще ми Богъ отдасть болѣзнь сію, молитвами пречистые и св. отца нашего Ѳедосья.... то *постригуся* въ Печерскомъ монастырѣ.

Егда бо отходя житья сего маловременнаго молвяше.... отцю своему духовному: Тобѣ воздати слово о томъ Богу, занеже възборони ми отъ постриженія. Молвяше бо Ростиславъ часто то слово къ игумену Печерьскому Поликарпу: тогда, игумене, взяхъ мысль отъ постриженія, егда же приде ми вѣсть изъ Чернигова о Святославли смерти Олговича. Молвяше же и то всегда къ игумену: постави ми, игумене, келью добру, бояся напрасныя смерти, а что си о мнѣ Богъ устроить и ваша молитва.

1194. В. К. Святославъ Всеволодовичь, умирая, «веля ся постричи въ черньци».

1197. Преставися князь Смоленскій Давыдъ, сынъ Ростиславичь.... «пріимъ мнишскый чинъ, его же желаше,» о коемъ думалъ еще и прежде: «.... Моляся помышляше въ сердцѣ своемъ, дабы мя Богъ сподобилъ мнишьскому чину, и свободился быхъ отъ многомятежнаго житья и маловременнаго свѣта сего».

1228. Самъ удалой Мстиславъ Мстиславичь принялъ предъ смертію схиму.

Женщины привержены были къ церкви, разумѣется, еще болѣе, напримѣръ—внуки Ярославовы, дочери Всеволода, пошли въ монашество очень рано:

1086. Всеволодъ заложи церковь св. Андрея, и сотвори у церкви тоя монастырь, в немъ же пострижеся и дщи его дѣвою, именемъ Янька.... и совокупи черноризицы многи, и пребываше съ ними по монастырскому чину.

1106. Пострижеся Еупракси, Всеволожа дщи, (вдова Нѣмецкаго императора Генриха IV), м. декабря въ 6 день.

Княгини, вдовы, постригались вслѣдъ за мужьями своими, напримѣръ:

1197. Видивши княгини его (Давыда Ростиславича Смоленскаго) пріимши мнискый чинъ, и пострижеся и сама княгини его.

Назовемъ еще славную своими добродѣтелями въ древности княгиню, супругу В. К. Суздальскаго Всеволода Георгіевича, Марію, родомъ Ясыню.

1206. Пострижеся В. К. Всеволожая во мнишескій чинъ, въ монастыри св. Богородицѣ, юже бѣ сама создала, и нарекоша ей имя Марія, въ то же имя крещена бысть преже.

Въ лѣтописяхъ встрѣчаются слѣды *причитаній* надъ покойниками.

По Андреѣ Боголюбскомъ:

1175. Поча весь народъ (во Владимирѣ) плача молвити: «уже ли Кіеву поѣха, господине, въ ту церковь, тѣми Золотыми вороты, ихъ же дѣлать послалъ бяше той церкви на велицѣмъ дворѣ на Ярославлѣ, а река: хочю создати церковь таку же, акаже ворота си золота, да будеть память всему отечеству моему».

1179. По Мстиславѣ Ростиславичѣ:

Новогородцы «молвяху плачющеся: уже не можемъ, господине, поѣхати на иную землю; поганыихъ поработити въ область Новгородьскую: ты бо много молвяшеть, господине нашъ, хотя на всѣ сторонѣ поганыя; добро бы нынѣ, господине, съ тобою умрети створшему толикую свободу Новгородьцемъ отъ поганыхъ, яко же и дѣдъ твой Мстиславъ свободилъ ны бяше отъ всѣхъ обидъ; ты же бяше, господине мой, сему поревновалъ и наслѣдилъ путь дѣда своего; нынѣ же, господине, уже къ тому не можемъ тебе узрѣти, уже бо солнце наше зайде ны и во обидѣ всимъ остахомъ».

1180. По Смоленскомъ князѣ Романѣ Ростиславичѣ:

«Княгини его безпрестани плакаше, предстоящи у гроба, сице вопіюща: царю мой благый, кроткій, смиреный, правдивый! воистину тебѣ наречено имя Романъ, всею добродѣтелію сый подобенъ ему, многія досады прія отъ Смольянъ, и не виде тя, господине, никому же противу ихъ злу ни котораго зла воздающа, но на Бозѣ вся покладывая провожаше».

Князья погребалися очень скоро, обыкновенно на другой день по кончинѣ, напримѣръ:

1115. Преставися Олегъ Святославичъ августа въ 1 день, а во 2 погребенъ бысть у св. Спаса.

1093. Всеволодъ Ярославичъ преставися апрѣля въ 13 день, а погребенъ въ 14 день.

1113. Преставися апрѣля въ 16 день Святополкъ за Вышгородомъ, и положиша и въ церкви св. Михаила, иже бѣ самъ создалъ.

1132. Преставися Мьстиславъ (Володимеровичъ) апрѣля въ 15, празной недѣли въ пятокъ, положенъ бысть у церкви св. Ѳеодора, а Ярополкъ выиде въ Кіевъ въ 17 день, въ недѣлю.

1141. Андрей Володимеровичъ умеръ января 22, а похороненъ 23.

1158. Преставися Гюрги м. мая въ 15 въ среду въ ночь, а заутра въ четвергъ положиша у монастыря св. Спаса.

Тѣла князей полагаемы бывали обыкновенно при церквахъ, подлѣ родителей, напримѣръ:

1093. Всеволодъ положенъ бысть во гробѣ, въ велицѣй церкви св. Софьи. «Да ляжеши, идѣже азъ лягу, у гроба моего,» говорилъ ему отецъ Ярославъ.

1125. Мономахъ положенъ бысть у св. Софьи, у отца своего.

1154. Вячеслава положиша у св. Софьи, идѣже лежитъ Ярославъ, прадѣдъ его, и Володимеръ, отецъ его.

1133. Мстиславъ..... положенъ бысть у церкви св. Ѳеодора, юже бѣ самъ создалъ.

1154. Изяславъ (Мстиславичъ) въ церкви св. Ѳеодора въ отни ему монастырѣ.

1168. Ростиславъ Мстиславичъ.... вложенъ бысть въ гробу у св. Θеодора, въ отни ему монастырѣ.

Раки или гроба часто упоминаются *мраморные*, напримѣръ:

1078. Для В. К. Изяслава, 1086, для Ярополка Изяславича.

Тѣла князей, умершихъ въ удаленіи, привозились и погребались въ ихъ отчинныхъ городахъ.

1076. Тѣло Святослава Ярославича, скончавшагося въ Кіевѣ, отвезено было въ Черниговъ.

1077. Глѣбъ, сынъ его, убитый въ Заволочьѣ, погребенъ былъ въ Черниговѣ.

1086. Тѣло Ярополка Изяславича, убитаго около Звѣнигорода, ноября въ 22 д., привезено было въ Кіевъ, декабря 5.

1168. Тѣло В. К. Ростислава, скончавшагося близь Смоленска, марта 14, привезено было въ Кіевъ, и погребено 21.

По кончинѣ князя, у его гроба ставилось копіе.

1152. Ярославъ Володимеровичъ Галицкій, воротивъ, по случаю внезапной смерти отца, посла отъ В. К. Изяслава Мстиславича, говоритъ ему:

Богъ отца моего понялъ.... полкъ его и дружина его у мене суть.... развѣ *одино копіе поставлено у гроба его.*

За гробомъ при выносѣ слѣдовала дружина, и былъ несомъ *стягъ* (знамя) умершаго князя, и веденъ его *конь:*

1171. Игуменъ Поликарпъ объявилъ Вышегородскому князю Давыду Ростиславичу, по случаю принесенія тѣла Володимера Андреевича, изъ Дорогобужа, для погребенія въ Кіевѣ: княже! се дружина его не ѣдуть съ нимъ, а пусти своеѣ дружины нѣсколько, *не кто ни конь доведи, ни стягъ донеса.* Давыдъ рече: того стягъ и честь съ душею исшла.

1175. Когда тѣло князя Андрея Боголюбскаго понесено было изъ Боголюбова во Владиміръ для погребенія, то жители вышли къ нему на встрѣчу, и бысть по малѣ времени, и поча *выступати стягъ отъ Боголюбого.*

По смерти надѣвалося особое скорбное платье, трауръ.

1152. Умеръ князь Володимеръ Галицкій, передъ смертію отправившій Кіевскаго посла. Ярославъ, сынъ, велѣлъ воротить его, и пріѣха на княжъ дворъ, и ту снидоша противу ему съ сѣней слуги княжи вси въ *черниxъ мятлихъ....* взиде на сѣни, и видѣ Ярослава на отни мѣстѣ въ *черни мятли* и въ клобуцѣ.

Платье умершаго князя *вывѣшивалось* въ церкви на память:

1237. Татарове.... иконы ободраша.... и кресты честные и ссуды священныя.... и *порты* блаженныхъ первыхъ *князей,* еже бяху повѣшали въ церквахъ святыхъ *на память* себѣ, то все положиша себѣ въ полонъ.

Судя по этому мѣсту, можно и въ другомъ, нижеслѣдующемъ, подъ портами разумѣть также княжескія одежды.

1183. Сгорѣ (во Владимирѣ)... сборная церкви святая Богородица Златоверхая.... и что бяше внѣ и вну.... *портъ шитыхъ золотомъ* и жемчугомъ, яже вѣшали на

празникъ въ двѣ верви отъ Золотыхъ воротъ до Богородицѣ, а отъ Богородицѣ до Владычнихъ сѣней во двѣ верви чудныхъ.

———

По случаю кончины князя *раздавалась милостыня и устроивалось* поминовеніе.

1113. Преставися князь.... Святополкъ.... положиша въ церкви св. Михаила.... Княгини же его много раздѣли богатство монастыремъ и попомъ и убогымъ, яко дивитися всѣмъ человѣкомъ, яко такоя милости никтоже можеть творити.

1154. При кончинѣ В. К. Вячеслава Володимеровича, «Ростиславъ, спрятавъ тѣло его и ѣха на Ярославль дворъ, и съзва мужи отца своего Вячеславли, и тивуны и ключникы, каза нести имѣнье отца своего передъ ся, и порты, и золото, и серебро, и снесъ все, и нача роздавати по манастыремъ, и по церквамъ, и по затворомъ, и нищимъ, и тако раздая все, а себѣ ни прія ничто.... а прокъ имѣнія да, чѣмъ же надъ нимъ дѣяти на послѣднія дни, *чимъ свѣчю* и *просфору его побдѣти*».

Извѣстіе подъ 1158 г.: По княжи животѣ княгини (вдова Ярополка Изяславича), вда сто гривенъ серебра, а 50 гривенъ золота, а по своемъ животѣ вда княгини пять селъ и съ челядью, и все *да* и *до повоя*.

Милостыня начиналась иногда и передъ смертію.

(Ярославъ Володимеровичъ Галицкій), 1187, ко преставленію своему, въ болѣзни тяжьцѣ, познася худъ, и созва мужи своя, и всю Галичкую землю, позва же и сборы вся и манастырѣ, и нищая, и силныя и худыя, и тако глаголаша плачася ко всѣмъ: отци и братья и сынове! се уже отхожю свѣта сего суетнаго, и иду ко Творцю своему, а сгрѣшихъ паче всихъ, якоже инъ никто же сгрѣши, а отци и братья! простите и отдайте. И тако плакашеться по три дни, передо всими сборы и передо всими людми, и *повелѣ раздавати имѣніе..., свое манастыремъ и нищимъ*, и *тако даваше по всему Галичю по три дня*, и не могоша раздавати.

ПИЩА.

Хлѣбъ изъ ржаной муки пекся кислый на квасу (дрожди). Въ Несторовомъ житіи Ѳеодосія читается: «бѣсы овогда *муку* разсыпающе, иногда же поставленный *квасъ*, на устроеніе *хлѣбомъ*, разливаху».

Вотъ еще какія тамъ встрѣчаются слова и выраженія, относящіяся къ пищѣ и ея приготовленію: пища, ядь, брашно; жито, мука, отруби. Молоть жито. Огонь сѣчи. Мѣшать, мѣсить тѣсто, печь хлѣбы. Хлѣбъ сухой, хлѣбъ ржаной, хлѣбы чисты, съ макомъ и медомъ; хлѣбцы, укрухъ хлѣба, коврижки.

Масло деревянное, изъ льнянаго сѣмени. Корчага масла. Бить масло.

Сочиво. Зеліе вареное, безъ масла.

По вопросамъ Кирика «въ чистую недѣлю достоитъ медъ ясти прѣсный, квасъ житный, а икра по все говѣніе бѣльцемъ».

Соль мѣрилась головажнями, по Русской Правдѣ. 1233 г. въ Новѣгородѣ соль продавалась по 7 гривенъ берковецъ.

Въ случаѣ голода въ народѣ употреблялась лебеда.

Въ Русской Правдѣ говорится о кормѣ, о хлѣбахъ, о солодѣ, о мясѣ, о рыбѣ, о домашнихъ птицахъ.

Мясо, рыба, дичь, домашнія птицы употреблялись въ пищу, какъ видно въ Словѣ XII вѣка о богачѣ и нищемъ:

Предлагаемъ описаніе его роскошнаго обѣда. «На обѣдѣ же его служба бѣ многа, сосуди златомъ скованы и сребромъ, брашно многое (различно): тетеря, гуси, жеравіе и ряби, голуби, кури, заяци и елени, (вепреве, дичина, чамри (?), търтове (?), печени, кръпанія, (?) шемьлизи, (?) пирове, (?) пътъкы), множество *сокачии* (поваровъ), работающе и дѣлающе съ потомъ; иніи мнози текуще, и на перстѣхъ *блюда* носяще, ини же махающе съ боязнію; ини же сребреныя умывальница держаще, ини же укропьницѧ дъмуще, ини *сткляница* съ виномъ носяще, (чашѣ сребрены великыя позлащены, *кубци* и *котьли*...)*

«Егда *веселишися* многими брашны,» говоритъ Даніилъ Заточеникъ, «а мене помяни *сухъ хлѣбъ* ядущъ, или піеши *сладкое питіе*, а мене помяни теплу воду пьющи».

Въ житіи Ѳеодосіевомъ разсказывается, какъ Великій князь Изяславъ удивлялся сладости простыхъ монастырскихъ брашенъ, между тѣмъ какъ *дорогія*, изготовленныя его рабами, не приходятся такъ ему по вкусу. Святый отшельникъ приписывалъ это различіе способу изготовленія: въ монастырѣ съ молитвою, а у князя съ бранью и ссорами.

* Продолженіе см. на слѣдующей страницѣ о питьѣ.

Въ древнихъ пѣсняхъ встрѣчаются безпрестанныя упоминанія о почестныхъ пирахъ краснаго солнышка князя Владиміра.

Вотъ разсказъ объ угощеніи Добрыни Никитича матерью Дюка Степановича:

Брала за бѣлы руки,
Повела въ полаты бѣлокаменны,
Садила за тѣ столы дубовые, за яства сахарныя (медвяныя),
Подносила ему колачики крупичаты,
. . . .
Колачикъ ѣстъ, другой хочется,
Другой ѣстъ—по третьемъ душа горитъ.
Ѣшь молодецъ до сыти, пей до люби.

ПИТЬЕ.

Въ Русской Правдѣ питье называется вообще *вологою*.

Обыкновенные напитки *квасъ*, *медъ*, (скандин. miadr) *вино*, *олуй*.

1146. Дворъ Святославль раздѣли (В. К. Изяславъ Мстиславичь)... въ погребѣхъ было 500 берковьсковъ *меду*, а *вина* 80 корчагъ.

1151. Мстиславу... ставшу у Сапогыня, а Угре сташа около его. Тогда выслалъ ему Володимеръ Андреевичь *питье* изъ Дорогобужа много и Угромъ... пьюче... пьяни.

Олуй (1226) напитокъ, Норманскій нынѣшній Англійскій oel.

1233. Свадьба была пристроена, *меды извարены* (насычены) для князя Ѳеодора Ярославича,—въ Новѣгородѣ.

Въ Словѣ о богатомъ: питіе же много: медъ и квасъ, медъ чистый пъпряный, (съ перцемъ), питія обнощная.

Корчага вина упоминается и въ житіи Ѳеодосія. Тамъ же *викня*, сосудъ, для вина.

При убіеніи Андрея Боголюбскаго говорится о *медушѣ*, гдѣ заговорщики для ободренія напились (1175), бретьяницы, (1146) можетъ быть отъ бортъ, слѣдовательно тоже, что медуши?

Въ пѣсняхъ упоминаются часто *меды стоялые, питьица медвяныя, вино зелено.*

Изъ посуды упоминаются *сосуды* серебряные и золотые (1152), *блюда, чаши, кубки, котлы, стькляницы* (въ Словѣ о богатомъ). *Чаши* встрѣчаются и въ лѣтописи В. (1230). *Горнцы* (1217), горшки.

Въ пѣсняхъ слышатся *чары, стопы* зелена вина, меду ярого, пива пьянаго.

Дюкъ Степановичь хвастается:
У насъ вина пьютъ виноградныя,
Чарочку пьешь, а по другой душа горитъ:
У васъ вина-ты хлѣбныя,
Меды-ты у васъ кислые,
А у насъ меды-ты стоялыи.
У васъ все не по нашему:
У насъ столы кости слоновыя,
Скатерти у насъ на столахъ шелковыя,
А по угламъ висятъ кисти золоченыя,

ОДЕЖДА.

Общеупотребительное слово было *порты*, (оттуда портной, портомойное, въ пѣсняхъ портомойницы),—одежда, платье.

Въ Русской Правдѣ: аче кто конь погубитъ, или оружье, или *портъ*... (27).. аже кто познаетъ свое... или конь, или *портъ* и проч.

1183. Погорѣло во Владимирѣ множество *портъ* шитыхъ золотомъ и женчюгомъ, аже вѣшали на празникъ въ двѣ верви отъ Золотыхъ воротъ до Богородицѣ, а отъ Богородицѣ до владыцнихъ сѣній, во двѣ же верви чюдныхъ.

1216. Предъ Липецкой битвой, Ярославъ Всеволодовичь, увѣренный въ побѣдѣ,

распоряжался такъ: «се пришелъ бы товаръ въ руки, вамъ же буди кони, брони, *порты*, а человѣка оже кто иметь живаго, то самъ будетъ убитъ; аще и *золотомъ* шито оплечье будетъ, убій».

Княжеская одежда всего лучше представляется въ рисункѣ, приложенномъ къ Святославу Сборнику, и въ житіи св. Бориса и Глѣба.*

Исчислимъ прежде всего древнія матеріи: *Паволоки* Норманскаго періода встрѣчаются еще и въ XII вѣкѣ: 1115. Мономахъ, (чтобъ разсѣять толпу при перенесеніи мощей св. Бориса и Глѣба) повелѣ метати *паволоки*, фофудьи и орничѣ.

Фофудьи (оттуда фуфайка) теплая одежда. *Орничъ* — опушки, отъ греческаго слова orna, limbus.

1146. Присла Юрій (Долгорукій) дары многи Святославу (Ольговичу) *паволокою* и скорою, и женѣ его, и дружину его одари по велику.

1164. Греческій царь прислалъ къ Ростиславу дары многи, *оксамиты* и *паволоки*, и вся узорочья разноличная.

Въ Словѣ о богачѣ: Ты облачишися въ *паволоцѣ* и кунахъ, а убогій руба (оттуда рубаха, рубище), не имѣетъ на тѣлеси.

Тъ богатъ въ *багрѣ* и *паволоцѣ* хожаше.

Готовятъ же ему (богачу) и одръ *перинъ паволочитыхъ*.

Паволоки встрѣчаются и въ древнихъ пѣсняхъ.

Въ Несторовомъ житіи св. Бориса и Глѣба упоминается о *багряницѣ*—порфиръ.

1168. Снялъ быхъ вѣнецъ и *багряницу*, говоритъ умирающій Ростиславъ.

* См. въ атласѣ.

Аксамитъ—родъ парчи.

1175. Кіянинъ Козма упрекаетъ ключника Анбала: «помнишь ли, жидовине, въ которыхъ *портѣхъ* пришелъ бяшеть. Ты нынѣ въ *оксамитѣ* стоиши, а князь нагъ лежитъ.» Анбалъ бросилъ ему коверъ.

Въ Словѣ о полку Игоревѣ упоминаются дорогіе *аксамиты*. (Эта ткань употреблялась и для церковныхъ принадлежностей).

Въ древняхъ пѣсняхъ поется объ аксамитѣ, о скарлатъ-сукнѣ, о смуромъ сукнѣ, о крашенинѣ.

Камочка, камочка моя
Мелкотравчатая, узорчатая!
Не давайся развертываться
Ни атласу, ни бархату,
Ни тому что аксамиту на золотѣ.

—

На старомъ шубочка соболья была,
Подъ дорогимъ подъ зеленомъ подъ самитомъ.

—

Голой шапъ Давыдъ Поповичь
Приходилъ ко ласкову князю Владиміру,
Принесъ *сукно смурое*,
Да крашенину:

По свидѣтельству Рубруквиса, русскія женщины носили горнастаевыя платья, или дѣлали опушки и пакладки изъ горнастаевъ снизу до колѣнъ.

Ярославна причитаетъ въ СПИ: полечю зегзицею по Дунаеви, омочю *бебрянъ рукавъ* въ Каялѣ рѣцѣ.

Теперь приведемъ названія одеждъ, кои встрѣчаются въ памятникахъ:

Корзно, епанча, верхняя одежда.

1015. Святополкъ нача даяти овѣмъ *корзня*, а другымъ кунами.

1147. Огну и (Игоря Ольговича) *корзномъ* (Володимеръ Мстиславичь).

Кочь, также верхняя одежда: полукафтанье.* 1240. Михаилъ Черниговскій сънма съ себе *кочь* свой и верзе къ нимъ, (Татарамъ) В.

Въ Словѣ о полку Игоревѣ есть мѣсто: *ортьмами* (?) и *япончицами* (епанчи?) и *кожухи* (тулупы) начаша (Русскіе) мосты мостити по болотамъ и грязивымъ мѣстомъ (у Половцевъ).

Въ Несторовомъ житіи Ѳеодосія говорится объ *одеждѣ боярской*: облече въ одежю славну, свѣтлу, якоже е лѣпо бояромъ.

Мятель, (оттуда прозваніе Мятлевыхъ) мантія, mantel.

1152. Снидоша слуги княжи въ *черниxъ мятлихъ*.... Видя Ярослава (Галицкаго, Володимеркова сына) сѣдяща *на отни мѣстѣ*, въ *черни мятли* и въ *клобуцѣ*.

Касательно одежды духовенства, въ правилѣ м. Іоанна говорится о *ризахъ* различныхъ и *шелковыхъ*.

Шапочка архіеп. Никиты опушена горностаемъ.**

Въ отвѣтахъ Нифонта встрѣчаются слѣдующія выраженія объ одеждѣ:

Студенія ради іереемъ можно облачиться въ *порты* исподни, — отъ *кожъ* животныхъ, ихъ же ѣдять, и не снѣдныхъ, — нѣтуть бѣды ходити, хотя въ *медвѣжинѣ*.

Въ житіи Ѳеодосіевомъ упоминается *одежда* чистая, свѣтлая, худая, заплатаная; *свита* власяная, вотолина, (изъ грубой рядднины), козлина.

Тамъ же: *Копытцы* плетуще (вѣроятно что нибудь въ родѣ стелекъ, подкладокъ подъ подошвы), и *клобуки*.

* Исландское kot (t=ц), pectorale, thorax, въ нѣм. kotze, кафтанъ, бурка (не оттуда ли коцевейка?).
** См. въ атласѣ.

Сорочица, сорочка, рубашка.

Подъ 1097 г. о Васильковой сорочкѣ: вдаша попадьи oпрати.

(*Прати*, стирать, мыть, оттуда прачка).

1216. Князь Юрьи прибѣже въ Володимерь о полуднѣ, на четвертомъ кони, а трехъ удушилъ, въ первой *сорочицѣ, подкладъ* и тый выверглъ (по Тр. списку).

Въ древняхъ пѣсняхъ упоминается объ рубашечкахъ, чулочкахъ, сапожкахъ, лапоткахъ, чеботахъ, платьицахъ, пуговкахъ, петелькахъ, поясахъ, — шапки, шляпы, колпаки земли греческой, подсумка, войлоки, сукно одинцовое, особое *платье скоморошеское*.

ОБУВЬ.

Сапоги, лапти, черевья, чеботы.

1095. Обувшеся.

1216. Новогородцы, ссѣдше съ конь, и *порты... сапозѣ*, сметавше, боси, поскочиша.

СД. Луче бо ми видѣти нога своя въ *лычницы*, (лапти изъ лыкъ), нежели въ *червленѣ сапозѣ* въ боярстѣмъ дворѣ.

Несторъ пишетъ въ житіи Исаакія: Егда же приспѣша зима, стояша *въ прабошняхъ, въ черевьяхъ* протоптанныхъ, яко примерзняшета нозѣ его къ камени въ церкви.

1229. Сице умирающимъ (Уграмъ) иніи же выступахуть изъ *подошевъ* акы изъ *червія*.

—

Рукавицы перстатыя, перчатки, упоминаются въ Смоленскомъ договорѣ 1228 г.

—

Постель упоминается въ поученіи Мономаховомъ, въ лѣтописи подъ 1189 годомъ.

Въ Словѣ о богатомъ: Богатъ красенъ песмысленъ, той яко *поволочитое зголовье* соломы наткано.

Тамъ же упоминаются *перины, одръ слоновъ*.

1168. И бѣ видѣти слезы его (умирающаго В. К. Ростислава Мстиславича) лежачи на *скранью* его (подушка), яко жемчужья зерна.

Подушка упомин. въ житіи Святоши.

Даніилъ Заточеникъ жалуется: егда ляжеши на мягкихъ постеляхъ подъ собольими *одѣялы,* а мене помяни, господине, подъ единымъ *платномъ* лежаще зимою умирающе.

Паполома упоминается въ Словѣ о полку Игоревѣ, покрывало.

Ковры въ лѣтописяхъ подъ **1097, 1175** г.

Поясъ усьянъ у Кирилла Туровскаго.

Поволочникъ, скатерти, убрусья, упоминаются въ грамотѣ Ростиславовой **1150** г.

Понява, понявица, въ Сузд. лѣтописи подъ **1207** г. Женщина взя тѣло Василька, (убитаго Татарами), и *понявицею* обитъ, рекше саваномъ.

Вотъ какъ описывается богатый нарядъ юноши, который собрался странствовать:

У батюшки, у матушки, жилъ молодецъ,
Одинакій сынъ во дрокушкѣ (въ нѣгѣ)
Ѣлъ сладко, и *носилъ красно,* работалъ легко.
Захотѣлося дородню добру молодцу
Сходить на чужую дальнюю сторонушку,
Людей посмотрѣть и собя показать.
Сряжается во путь во дороженьку;
Шубоньку сшилъ онъ собѣ *кунью,*
По подолу *острочилъ* чистымъ серебромъ,
По рукавчикамъ и околъ ворота
Строчилъ шубоньку краснымъ золотомъ;
Воротъ въ шубонькѣ онъ сдѣлалъ выше головы:
Спереду-то не видать лица румянаго,
И сзаду не видать шеи бѣленькой;
Шапочку на головушку сшилъ онъ *соболиную,*
Дорогихъ-то соболей заморскіихъ;
Кушачекъ онъ опоясалъ семишелковый,
Перчаточки на рукахъ съ чистымъ серебромъ;
Сапожки-то на ноженькахъ сафьянные:

Къ свѣдѣніямъ о древней одеждѣ можно присоединить и слѣдующія мѣста изъ пѣсень:

Добрыня Никитичь садился подъ окошечко косящетое,
Зрѣлъ-смотрѣлъ въ поле чистое..
Какъ изъ далеча далеча чиста поля,
Отъ матушки отъ Сорочи отъ рѣки,
Идетъ съ поля толпа-сто молодцевъ:
Кони подъ нима одношерстные,
Узды на нихъ одномѣдныя,
Кафтанчики на молодцахъ *скурлатъ-сукна,*
Источенками (?) подпоясанные,
Сапожки на ножкахъ *зеленъ-сафьянъ,*
Носы по носъ шиломъ, *пяты* вострые,
Око носовъ-носовъ яицо покати,
Подъ пяту-пяту воробышко летитъ,
Воробышко летитъ, перепуркиваетъ.

Калѣка перехожая по приказанію Ильи Муромца

...Скидывалъ *подсумки* рытаго бархата,
И скидывалъ онъ *гуню* сорочинскую,
И разувалъ онъ *лапотки* шелковые,
И втыкнулъ онъ *клюшку* волжанку (изъ дерева иволги)
Во матушку сыру землю,—
И уходила та клюшка до *коковочки;* (загнутый верхній конецъ).
И скидывалъ онъ *шляпу греческую,*
И одѣвалъ онъ *платье* богатырское,
Садился на добра коня...

Строчечка одна строчена чистымъ серебромъ,
Другая строчена краснымъ золотомъ;
Въ *пуговки* воплетано по доброму по молодцу
Въ *петелки* воплетано по красной по дѣвушкѣ:
Какъ застегнутся, такъ обоймутся,
А растегнутся, и поцѣлуются.

Молода Настасья Микулична
Скорешенько бѣжала на широкій дворъ
Въ одной тонкой *рубашечкѣ* безъ *пояса*,
Въ однихъ тонкихъ *чулочикахъ* безъ *чеботовъ*.
А у матушки нижняя одежа дорогой камки,
Верхняя одежда золотой парчи,
На головушкѣ шляпа изъ крупнаго жемчуга,
Спереди положенъ камень самоцвѣтный,
Лапотики на ножкахъ плетеные,
Плетеные изъ шелковъ да шамаханскіихъ,
А въ носики вставлено по славному по каменю по яхонту.

Къ украшенію одежды принадлежали золотыя и серебряныя вещи:

1147. Біюче же Михаила, (во время Кіевскаго мятежа), отторгоша *хрестъ* на немъ, и съ *чепьми*, а въ немъ гривна золота.

1213. Убиша Михаила Скулу, (въ Галичѣ), главу его сусѣкоша, трои *чепи* сняше золоты.

Не кладаху на свои жены *златыхъ обручей*, (древніе бояре), но хожаше жены ихъ въ *серебрѣ*, говоритъ Новогородскій лѣтописатель во введеніи къ лѣтописи (ок. 1200 г.).

Серги. 1150. Жители Мичска емлюче серебро изъ ушью, сливаюче серебро, даяхуть Володимеру, (Галицкому, — какъ контрибуцію).

Богатство состояло въ золотѣ, серебрѣ, мѣди, железѣ, мѣхахъ, портахъ, паволокахъ.

1065. Дворъ княжъ (Изяслава Святославича) разграбиша: безчисленное множество злата и сребра, кунами и скорою.

1075. Святославъ Ярославичь показывалъ нѣмецкимъ посламъ «богатство свое... безчисленное множество злата и сребра и паволокъ».

1147. Идоста на Игорево селце, идѣже бяше устроилъ дворъ добрѣ; бѣ же ту готовизни много въ бретьяницахъ и въ погребехъ вина и медове, и что тяжкого товара всякого, до желѣза, и до мѣди, не тягли бяхуть отъ множества всего вывозити.

1175. Поидоша на сѣни (убійцы Андреевы), и вынимаша золото и каменье дорогое и жемчюгъ и всяко узорочье, и до всего любимаго имѣнія.

Движимое имущество называлось вообще товаромъ 1141, 1152.

Бяше дворъ княжъ внѣ города... и ту бѣ *товаръ* въ немъ многъ.

Вотъ описаніе жизни богатаго: Тѣ богатыи на земли живяши, и въ *багрѣ* (въ *паволоцѣ*) хожаще, кони его тучни бѣша, *иноходи* златомъ и тварьми украшени, *сѣдла* его позлащена, раби его предтекуще мнози, въ брачинѣ и въ *гривьнахъ златыхъ*, а друзіи позади въ *обручихъ*, и въ *монистехъ*, и отинудь рещи въ велицѣ славѣ излазя (далѣе слѣдуетъ описаніе его обѣда, см. выше), Готовяще ему и одръ слоновъ съ прѣтыканами понявами, свильнами, мякками (настьланъ перинъ паволочитыхъ). Возлежащу же ему и немогущю уснути, друзіи нозѣ ему гладять, иніи по лядвіямъ тѣшать его (ини по плечема чишуть, ини баютъ ему, и коцюнять), ини гудуть ему.

Повозы (экипажи).

Самое обыкновенное слово: *кола*, колеса.

1146. На *колихъ* и на *саньхъ*.

1147. Съ *колъ*.

1164. Многи человѣкы снимаху съ древъ (послѣ страшнаго наводненія) и *кола*.

Сани какія-то употреблялись и лѣтомъ, напримѣръ, мая 2 при перенесеніи мощей

св. Бориса и Глѣба, какъ и прежде привезеніи тѣла св. Володимера, іюля 15.

Возила встрѣчаются подъ 1115 годомъ.

Возъ. 1156. Всадивъ я (жену и мать) Володимеръ Мстиславичь, на возы, везе я.

Повозъ, подвода, 1152, 1209 (Н.).

Телеги упоминаются только въ Словѣ о полку Игоревѣ.

ЖИЛИЩА.

Хоромы, храмъ, клѣти, домъ, дворъ, истопка, истба-изба, теремъ, дворъ княжъ, сѣни, —вотъ названія относящіяся къ жилищамъ.

Дворъ княжъ, въ Кіевѣ, (1067, 1096, 1097), въ Переяславлѣ (1098), дворъ Брячиславль, дворъ Коснячковъ (1067), Мстиславль дворъ, Глѣбовъ дворъ (1147).

Дворы огораживались тыномъ (заборомъ). Если кто межу дворную *тыномъ* перегородитъ, то платитъ пени 12 гривенъ, по Русской Правды (57).

Подъ 1147 г. уп. *ворота,* подъ 1175 *двери.* Почаша бити въ двери (убійцы Андрея) и выломаша *двери.* (Также въ Вол. лѣтописи подъ 1204).

1216. *Бяше плетенемъ* оплетено то мѣсто, (подъ Липицами, передъ сраженіемъ, Т.) насовано *колья.*

1151. Верхъ (у божницы) бяше *нарубленъ* деревомъ.

Хоромы упоминаются въ Русской Правдѣ, и въ лѣтописяхъ:

1228. Сгорѣша *хоромы* княжи.

1129. Бысть вода велика, *хоромы* снесе.

Храмина, 1229.

Сѣнница. Сѣни. (Антресоли, верхнее жилье).

1067. Изяславу сѣдящу *на сѣнехъ,* изъ оконца зрящю.

1146. И сѣдшимъ братьѣ всей у Всеволода (Ольговича въ Кіевѣ) *на сѣняхъ.*

1147. Затвори ворота, а Игоря пусти на *сѣни*... Людіе вшедше во дворъ, узрѣста Игоря на *сѣнехъ,* и разбиша *сѣни* о немъ, и сомчавше его съ *сѣней* убиша.

1150. Вячеславъ сѣдяще на *сѣньници,* и мнози начаша молвити кн. Изяславу: ими и.

1150. Подсѣчемъ подъ нимъ *сѣни.*

1152. Петръ пріѣха на княжъ дворъ, и ту снидоша противу ему съ *сѣней*... слугы... взиде на *сѣни,* и видѣ Ярослава сѣдяща на отни мѣстѣ.

1175. И бѣжаше съ *сѣній,* шедше въ медушу, и пиша вино... поидоша на *сѣни.*

Андрей избитый иде *подъ сѣни.* Убійцы услышали его голосъ... рече одинъ: стоя видѣхъ князя яко идуща *съ сѣній* доловъ.... Сѣдящу ему подъ *столпомъ всходнымъ* (убійцы нашли и убили его).

Въ пѣсняхъ упоминаются сѣнныя дѣвушки.

1093. Изымавъ слы всажа и въ *истобъку,* И. *в ыстбу* Х. *в ызбу* Р. Т. 1102. *Изба.*

1095. Възлѣзше на *истобку,* прокопа и верхъ, и тако Олбегъ Ратиборичь прима лукъ, и наложивъ стрѣлу, удари Итларя въ сердце.

1097. Идоша въ *истобку,* (Н. Л.) въ гридницу (И.), въ комору (Р. Т.).

Клѣти упоминаются въ Русской Правдѣ: Аже убіють кого у клѣти (36), аже кто крадетъ клѣть (37), и въ лѣтописи: 1143. Розноси (бурею), хоромы и товаръ и *клѣти,* и жито изъ гуменъ.

Клѣтью назывался вѣроятно прежде амбаръ, магазинъ, кладовая, и также холодная горница.

Горенка 1152. Несоша и (Володимерка Галицкаго, внезапно пораженнаго ударомъ), въ *горенку*, и вложиша и въ *укропъ*.

Ложница, спальня (1175).

Одрины 1200. Н. Новогородцы засташа (Лотыголу) въ *одринахъ*.

Погребъ. 1067. Пойдемъ, высадимъ дружину свою изъ *погреба*, говорятъ возмутившіеся Кіевляне. Приде половина отъ *погреба*,... отворивше *погребъ*.

Порубъ. 1067. Людіе высѣкоша Всеслава изъ *поруба*. 1146. Повелѣ надъ нимъ *порубъ* розимати, и тако выяша изъ поруба (князя Игоря Ольговича).

Медуша. 1175. *Бретьяница*, (1146). См. выше.

1230. Паде *переводъ* съ *кровлею* трехъ *комаръ*, въ Переяславлѣ Русскомъ.

Снемше *доску* съ печи, 1197, слуги Давида Игоревича, ослѣпивши Василька.

Уже доски безъ кнеса (безъ князя) въ моемъ теремѣ златоверхіемъ—въ пѣсняхъ.

Изъ домашней утвари упоминаются въ лѣтописяхъ только:

Столецъ, стулъ, въ родѣ табуретки, судя по древнимъ рисункамъ; *ларецъ*, *носилицы* (1175).

Выберемъ изъ разныхъ былинъ и пѣсенъ мѣста о жилищахъ и утвари, приводя ихъ въ нѣкоторый порядокъ.

Добрыня Никитичь, посланный княземъ Володимеркомъ освидѣтельствовать Дюково богатство.

...Доѣзжаетъ Индѣи богатыя,
До того Волынъ-города до Галича,
До того до Дюкова посельица.
Увидѣлъ кругомъ двора *булатній тынъ*,
Наведено мѣдью яровицкою,
Столбики были точеные,
А *маковки* были золоченыя,
Двери-то были рѣшатчатыя,
Подворотеньки были серебряныя.
И поѣхалъ Добрыня на широкій дворъ:
По этому широкому двору
Разостланы сукна одинцовыя.
Соходилъ Добрыня со добра коня,
Зашелъ во *гридню* во *столовую*:
Всѣ *окошечки* скутаны,
Вкладены въ стѣны камни драгоцѣнные.

На томъ дворѣ на Чуриловомъ,
Стояло теремовъ де до семидесяти,
Во которыхъ теремахъ Чурила самъ живетъ,
Трои сѣни у Чурила де касерчатыя,
Трои сѣни у Чурила де рѣшетчатыя
Трои сѣни у Чурила де стекольчатыя.

Построены терема высокіе,
Просѣчены окошка косявчатыя,
И поставлены колоды бѣлодубовыя,
Наличники положены серебряныя.

Во сѣни ведетъ (Пленчище Сорожаниинъ)
во рѣшатчатыя,
Во другія ведетъ частоберчатыя,
Во третьи ведетъ во стекольчатыя,
И въ теремы ведетъ златоверхіе.
И такому-то князь диву дивуется:
На небѣ солнце,—и въ теремѣ солнце,
На небѣ мѣсяцъ,—и въ теремѣ мѣсяцъ,
На небѣ звѣзды,—и въ теремѣ звѣзды,
На небѣ зори,—и въ теремѣ зори:
Все въ терему по небесному.

Хорошо теремы изукрашены:
Полъ-середа изъ одного серебра,
Печки-то были все муравленыя,
Потики-то были все серебряные,
Потолокъ у Чурила изъ черныхъ соболей,
На стѣны сукна навиваны,
На сукна стекла навиваны·
Все въ терему по небесному:
Вся небесная луна понаведена была,
Инъ всякія утѣхи несказанныя.

У васъ все не по нашему:
Я подъхалъ ко подъѣзду княженецкому,
Ко тому столбу точеному, къ кольцу луженому;
У насъ столбики точеные, верхи и кольца золоченые.

У васъ все не по нашему:
Дорожки не разчищены,
Желтымъ пескомъ не засыпаны,
Ковры да сукна не подосланы;
У насъ дорожки-ты разчищены,
Желтымъ пескомъ призасыпаны,
И сукна-ты подосланы, сукна одинцовыи,
А по крыльцамъ и по ступенькамъ ковры все шелковыи,
Тѣхъ шелковъ шемаханскiихъ,
А по обѣ стороны разсажены—сады виноградные.

У васъ все не по нашему
И мы пришли на княжей дворъ,
У васъ ворота-ты сосновыя,
А на дворѣ хоть медвѣдь ногу моми;
У насъ ворота кости слоновыя,
А въ воротахъ столбы-ты золоченыи,
Дворы-ты у насъ убраны,
Ковры и сукна-ты подосланы,
Ковры-ты шелковыи,
Сукна одинцовыи.
Конюхи и дворники по двору гуляютъ,
Въ бабки и шашки играютъ.

У васъ все да не по нашему:
Мы шли въ палаты бѣлокаменны,
У васъ ступени изъ чернаго каменя,
А порученки у васъ точеныя;
А у нас ступеньки кости слоновыя,
И подосланы ковры-ты шелковыи,
Порученки точеныя, и вовсе золоченыя.

И пришли-то мы во гридни во столовыя:
У васъ мосты (полы?) сосновыи,
Стѣны и потолки у васъ не росписаны,
Столы у васъ дубовыи,
Скатерти забраныя;
У нась во гридняхъ во столовыихъ
Мосты-ты все кленовыи,
Стѣны—потолки всѣ росписаны,

У васъ все не по нашему:
У васъ печки-то кирпичныя,
А помяльца-то сосновыя,

(Печки биты глиняны,
А подики кирпичные,
А помелечко мочальное
Въ лахань обмакиваютъ).

У насъ печки-ты изразцовыя; карнизы золоченые,
Подики мѣдные.
У насъ помяльца-ты мочатъ въ меды стоялыи,

У васъ все не по нашему:
Какъ идетъ-то Владимиръ князь ко церкви-то соборныя,
По дорожкѣ у васъ сукна-ты не сланыя,
А у князя сапожки на ножкахъ сафьянные;
А у насъ-то матушка моя поѣдетъ во церковь-то соборную,
Впереди идутъ лопатники,
Во слѣдъ идутъ метельщики,
Още идутъ постельщики:
Лопатники дорожку разгребаютъ,
А метельщики песочкомъ посыпаютъ,
А по ступенькамъ стелютъ ковры-ты шелковыи,
Тѣхъ шелковъ шемаханскiихъ.
И тутъ няньки напередъ идутъ,
А служанки подъ руки ведутъ....

ВОЕННОЕ ДѢЛО.

Все войско называлось *воями*. Это было самое обыкновенное, общее, древнее имя, напримѣръ:

1093. Святополкъ поча сбирати *воѣ*, хотя на (Половцевъ). И рѣша ему мужи смысленіи: не кушайся противу имъ, яко мало имаши *вои*. Онъ же рече: имѣю отрокъ своихъ **800**. (Однако рѣшился просить помощи у Володимери). Володимеръ же собра *вои* свои.

1096. Олегъ.... (въ Смоленскѣ) поимъ *вои*... бысть же вѣсть Изяславу.... посла по *воѣ* Суздали и Ростову, и по Бѣлозерци, и собра *вои* многы.... надѣяся на множество *вои*.

Изъ этихъ мѣстъ мы видимъ, что вои— было собирательное имя, подъ которымъ разумѣлись собственно вои, низшее военное сословіе, и дружина, то-есть бояре и отроки.

Кромѣ общаго значенія, *вои* имѣли частное, означая низшее военное сословіе, въ противоположность дружинѣ, напримѣръ:

1136. Ярополкъ (В. К. Кіевскій) съ *дружиною* своей и братьею, ни *вой* своихъ сождавше, ни нарядившеся гораздо...

Чаще назывались *вои* по имени обитаемыхъ ими городовъ, Кіяне, Владимирцы, Суздальцы, Звѣнигородцы и проч.

Случалось — иногда воями назывались даже одни бояре, одни отроки, напримѣръ въ мѣстѣ приведенномъ выше о **1093** г.

Иногда все войско называлось также дружиною, (хотя дружина имѣла опредѣленное частное значеніе, что показано выше), напримѣръ:

1066. Святославъ собравъ дружины нѣколико, изыдѣ. Узрѣша Половцы идущ *полкъ*, пристроишася противу.

1096. (Изяславъ Володимеровичь, ожидая нападенія Олега Святославича, послалъ за *воями* въ Суздаль, Ростовъ и Бѣлоозеро, а послѣ, по его смерти, о братѣ его Мстиславѣ сказано): къ Мстиславу собрашася *дружина*... Новгородци, и Ростовци, и Бѣлозерци.

Мстиславъ исполчивъ *дружину*....

Наконецъ войско называлось *полкомъ*, ратью.

1096. Олегъ поиде къ нимъ *полкомъ*.

Брани велицѣ бывши и многомъ падающимъ отъ обою *полку*.

1150. Изяславъ взъѣха на дворъ на Ярославль всимъ своимъ *полкомъ*.

1195. Побѣди Межька Романа, и избиша въ *полку* его Руси много.

О значеніи рати. См. ниже.

Воями начальствовалъ *воевода.*

Воевода, въ этомъ періодѣ, —имя нарицательное, общее, какъ нынѣ предводитель, вождь, военачальникъ: воевода — всякой, кто ведетъ вои.

1067. Начаша людіе (въ Кіевѣ, на вѣчѣ во время мятежа противъ Изяслава Ярославича) говорити на *воеводу* на Коснячка.

1172. Коснятинъ же... бяше *воевода* съ Галичаны (присланный въ помощь къ Мстиславу Изяславичу).

1172. СЛ. Борису Жидиславичу *воеводѣ* въ то время (въ походѣ противъ Болгаръ) нарядъ весь держащю...

1173. Андрей посла сына Мстислава со всею дружиною, и со всими полкы.... и Бориса Жидиславичу *воеводу* же своего.... къ великому Новугороду.

1174. СЛ. Князь Андрей посла сына.... и со всею дружиною, и съ *воеводою* Борисомъ Жидиславичемъ.... къ Вышегороду.

1187. Преставися Галичьскій князь Ярославъ.... самъ не ходяшеть съ полкы своими, но посылашеть я съ *воеводами.*

1228. СЛ. В. К. Гюрги посла на Мордву Василька Константиновича и своего мужа Еремѣя Глѣбовича *воеводствомъ* съ полкомъ.

1231. *Воеводство* держащю тисяща Кыевская Іоанну Славновичу....

1237. В. Убиша (Татары) у Всеволода (Юрьева сына, подъ Москвою) *воеводу* его Еремѣя.... Поидоша къ Москвѣ и взяша.... и *воеводу* убиша Филиппа Няньку.

Воеводство преимущественно принадлежало тысяцкимъ.

Война называлась *ратью.*

1064. Всеславъ *рать почалъ,* т. е. началъ войну.

1093. Поидита противу поганымъ, любо съ миромъ, любо *ратью,* т. е. войною.

Володимеръ хотяше мира, Святополкъ... *рати,* т. е. войны.

1187. Бѣ князь крѣпокъ на *рати* (т.-е. на войнѣ) Володимеръ Глѣбовичь.

Иногда въ словѣ *рать* съ понятіемъ о войнѣ сливается понятіе о войскѣ.

1150. *Рать* идетъ изъ Галича, а другая отъ Чернигова, то ты мнѣ Кіевъ даешь, говоритъ Вячеславъ племяннику своему Изяславу Мстиславичу.

А иногда рать значитъ именно войско:

1162. Начашася просити Черніи Клобуци у Мьстислава напередъ, ать соглядаемъ, княже, велика ли *рать...* устерегоша *рать,* и пригнаша къ Изяславу, и повѣдаше ему *рать* велику.

Непріятель назывался *ратнымъ.*

1093. Предашася *ратнымъ,* т.-е. непріятелямъ.

1096. Наши погнаша въ слѣдъ *ратныхъ,* т.-е. непріятелей.

1183. Перебродися на *ратьную* сторону Днѣпра, т.-е. непріятельскую.

1135. *Заратишася* Ольговичи, т. е. сдѣлались непріятелями, начали войну.

1180. Всеволодъ... *зaратися* съ Болгары.

Въ слѣдующемъ мѣстѣ ратные употреблены въ смыслѣ военныхъ.

1151. *Ратніи* наши вси на конихъ, (говорятъ Черные Клобуки).

Слово *война* употреблялось въ лѣтописяхъ очень рѣдко, чуть ли не одинъ разъ:

1158. Мнози пѣши придоша съ тоѣ *войны.*

Есть два-три мѣста, гдѣ война названа еще *полкомъ*, какъ напримѣръ:

ДМ. Отца налѣзохъ съ *полку*, т.-е. съ войны пришедше.... (Мономахъ, къ Переяславлѣ).

Приготовленія къ войнѣ выражались преимущественно словомъ *доспѣвать* — сбираться, приготовляться, спѣшить.

1146. Володимеръ нача *доспѣвати*, яко взяти городъ.

Се брате, стрый мой идетъ на мя, *доспѣвай* (сбирайся).

1149. Изяславъ ти уже *доспѣваетъ*, т.-е. собирается.

1152. Отце! прислалъ еси ко мнѣ про обиду Галицкого князя, а язъ ти здѣ *доспѣваю*, а ты *доспѣвай* же, (т.-е. сбирайся, приготовляйся), говоритъ король Венгерскій шурину своему, В. К. Изяславу Мстиславичу.

1195. Сѣдѣлъ есмь *доспѣвъ*, жда отъ тебе вѣсти, говоритъ Рюрикъ Ростиславичь В. К. Всеволоду, т.-е. приготовившись.

Иносказательное употребительное выраженіе о началѣ военныхъ дѣйствій княземъ было: *сѣсть на коня*, напримѣръ:

1149. Изяславъ.... поча ся слати въ Угры.... и въ Ляхы.... и къ Чехомъ.... а бяша *всѣли на коня* сами... поити къ Кіеву.

1194. *Не всѣлъ на конь* — нынѣ же абы не стряпа *всѣлъ на конь*, зоветъ В. К. Рюрикъ Ростиславичь Суздальскаго В. К. Всеволода Юрьевича.

Вооруженіе впродолженіи удѣльнаго періода оставалось тоже, какое мы видѣли въ Норманскомъ: мечь, копье, лукъ со стрѣлами, сабля, сулица, рогатина, ножъ, топоръ, оскѣпъ, броня, щитъ, шлемъ.

Оружіе—общее слово.

1071. Янъ пойде самъ безъ *оружья*... повелѣ (отрокамъ) взяти *оружье*.

1195. Пристрои отроки въ *оружьи*, т.-е. вооружилъ.

Мечь. 1149. Андрей вынзе *мечь* свой.

1151. Единъ... вынза *мечь* свой, и нача сѣчи по шелому (Изяслава Мстиславича).

Копье. 1078. Изяславу, стоящу въ пѣшцихъ, пріѣхавъ единъ, удари и *копьемъ* за плече.

1151. Андрей Дюргевичь възмя *копье*, и ѣха напередъ съѣхася переже всѣхъ, и изломи *копье* свое.

Лукъ со стрѣлами. 1095. Ратиборичь пріима *лукъ* свой, и наложивъ *стрѣлу*, удари.

Идутъ... три богатыря могучіихъ,
И несутъ тугій лукъ разрывчатый,
Подносятъ къ Добрынюшку Микитинцу:
Молодой Добрынюшка Микитинецъ
Принимаетъ этотъ лукъ одной рукой,
Одной рукой, ручкой правою;
Сталъ Добрынюшка онъ стрѣлочки накладывать,
Сталъ Добрынюшка тетивочки натягивать;
Сталъ тугій лукъ разрывчатый покрякивать,
Шелковыя тетивочки полопывать.
Онъ порозорвалъ этотъ лукъ и весь повыломалъ.

Потомъ онъ шелъ въ полаты бѣлокаменны,
Надѣвалъ онъ платья дорожныя,
Кладывалъ тѣ *луки* во *налучники*,
Калены стрѣлы во *колчана*,
Вязалъ онъ крѣпки палицы на бедро свое.

Сабля. 1086. *Саблею* съ коня (Нерадецъ) прободе...Ярополкъ выторгну изъ себе *саблю*.

1162. Воиборъ Негечевичь сѣче по главѣ (Изяслава Давыдовича) *саблею*.

1175. Сѣкоша и (Андрея) мечи и *саблями*, и копійныя язвы даша ему.

Сулица. 1231. ВИ. *Сулици* его кровавѣ сущи и оскепищю (древку?), изсѣчену (у Василька Романовича).

Рогатина. 1149. Единъ отъ Нѣмчичь хотѣ просунути *рогатиною* (Андрея Боголюбскаго).

Ножъ. 1097. Торчинъ, держа *ножь*, хотя ударити (Василька).

Вверже въ ны *ножь*, говоритъ Мономахъ объ ослѣпителѣ Василька, т.-е. подалъ поводъ къ междоусобію.

1237. Козляне *ножи* рѣзахуся съ ними (съ Татарами).

Топоръ, топорецъ. 1071. Яневи идущю съ топорцемъ (на волхвовъ)... единъ грѣшися Яня *топоромъ*, Янъ же оборотя *топоръ* удари и *тыльемъ*, (обухомъ).

1216. Бѣ у него (Мстислава Мстиславича) *топоръ* съ *паворозою* на руцѣ, (въ сраженіи подъ Липицами).

Кій. 1216. Т. Они (изъ Суздальцевѣ, подъ Липицами), вергше *кій*, а они *топоръ*.

Оскѣпъ, проскѣпъ. 1071. Янъ повелѣ бити я (волхвовъ) и потергати браты его. Симаже тепенома и брадѣ его поторгонъ *проскѣпомъ.*

1123. Пободоста (Ярослава Ярополчича) *оскепомъ* (Ляхи подъ Владиміромъ).

Палица. Подъ г. 1114 г. упоминается *палица* при описаніи первобытныхъ временъ. Прежде *палицами* и каменіемъ бьяхуся.

Брони. 1111. Оболочишася въ *бронѣ*.

1143. Налѣзоша *бронѣ* у болотѣ, (занесенныя бурею).

1158. Изволочивше въ *бронѣ* подъ портѣ (надѣвши брони подъ платье—Полочане).

Шлемъ. 1151. *Шеломъ* спаде съ него (съ Андрея Боголюбскаго).

На шлемѣ бывали изображенія, напримѣръ у В. К. Изяслава Мстиславича:

1151. Бѣ же на шеломѣ написанъ святый мученикъ Пантелеймонъ златъ, udари и мечемъ, и тако вшибеся шеломъ до лба.

Щитъ. 1151. *Щитъ* на немъ оторгоша (объ Андреѣ Боголюбскомъ).

Слѣдовательно щитъ привязывался или прикрѣплялся какъ-нибудь къ доспѣхамъ.

(Не называлася ли *прилбицею* передняя часть шлема надъ лбомъ, какъ бы козырекъ).

1169. Володиславъ замысли стягъ взяти Михалковъ, (съ котораго сорвана была челка), и наткнути на нь *прилбицю*.

Оружіе вообще, кажется, не носилося при себѣ, а употреблялось только въ нужныхъ случаяхъ, напримѣръ:

1071. Бояринъ Янъ пойде самъ *безъ оружья*, и рѣша ему отроци его: не ходи *безъ оружья*, осоромятъ тя; онъ же повелѣ *взяти оружья* отрокамъ.

Оружіе хранилось у Князя.

1067. Дай, княже, *оружье* и кони, и еще бьемся съ ними, (говорятъ Кіяне В. К. Изяславу, желая идти на Половцевъ).

Оружіе возилось за воями на возахъ.

ДМ. Оружье *услали* бяхомъ *напередъ*.

На ночь воины отлагали оружіе, покрайней мѣрѣ иногда:

1207. СЛ. Выходяще ночью (осажденные Проняне) крадяху воду. То слышавъ князь Всеволодъ повелѣ *стрещи въ оружьи день и ночь* около града.

Если эта мѣра была необыкновенная, то значитъ, обыкновенно, почью, несоблюдалось всѣхъ мѣръ осторожности.

Осадныя орудія: *таранъ, порокы, праща.*

1231. ВИ. Лютъ бо бѣ бой у Чернигова, оже и *таранъ* нань поставиша, меташа бы *каменемъ* полтора перестрѣла, а камень якоже можаху 4 мужа сильніи подьяти.

1233. ВИ. Угры воротишася къ Галичю, (отъ Перемиля), и *порокы* пометаша.

1237. ВИ. Исшедше изъ града (Козляне), и сѣкоша *праща* ихъ (Татарскія).

Камни вообще употреблялись осажденными издавна для обороны, хотя именъ метательныхъ орудій и не встрѣчается въ лѣтописяхъ раньше вышеозначенныхъ.

1219. ВИ. Бѣ градъ (т. е. укрѣпленіе) сотворенъ на церкви (въ Галичѣ); онѣмъ же стрѣляющимъ, и *каменіе* мещющимъ на гражаны.

Говоря объ оружіи, въ заключеніе, приведемъ извѣстіе о *живомъ огнѣ.*

1184. Бяше обрѣлъ (Половецкой князь Кончакъ) мужа таковаго Бесерменина, иже стрѣляше *живымъ огнемъ.* —... И онаго Бесерменина яша, у него же бяшеть *живый огонь,* то и того къ Святославу (Всеволодовичу, Великому Князю Кіевскому), приведоша со *устроеньемъ.*

Вои состояли изъ конныхъ и пѣшихъ.

1059. Ярославичи поидоша (противъ Торковъ) *на коних* и въ лодіяхъ.

1151. Кіяне всими своими силами, и на *конѣхъ* и *пѣши,* (противъ Юрья), и тако сташа.

1152. Вышедшимъ *пѣшьцемъ* изъ города (изъ Чернигова) стрѣляться.

Пѣшци видивше полкы не смѣша выити изъ города.

Встрѣчается въ лѣтописяхъ имя сѣдельниковъ.

1170. Братья вси пожаловаша на Мьстислава, оже утаився ихъ пусти на воропъ *сѣдельникы* своѣ и кощѣѣ, ночь, заложився отай.... Вси здрави быша, развѣ бо изъ всѣхъ полковъ два убьена быста: Кснятинъ Васильевичь и *сѣдельникъ* Ярославль Изяславича.

1172. Глѣбъ пусти Половцѣ въ вѣжѣ, и сташа за Васильевомъ у *сѣдельниковъ,* сжидаюче дружины своея... Половци совокупившеся съ *сѣдельникы* бишася съ ними.

Венгерскіе конники названы однажды фаревниками. 1229. Оставившю ему (королю Угорскому) люди за собою оружники многи и *фаревники* (конь=фарь 1150).

Кони, или, по крайней мѣрѣ, запасъ коней содержался у князя:

1067. Кіяне, желая идти на Половцевъ, говоритъ В. К. Изяславу: дай, княже, оружіе и *кони.*

1185. Бяхуть бо у нихъ *кони* тучни вельми (у воевъ Игоря Святославича Сѣверскаго).

Кони милостные (?). 1175. Вымаша.... до всего любимаго имѣнія, и вскладше на *милостьныѣ конѣ,* послаша до свѣта прочь (заговорщики, по убіеніи В. К. Андрея).

Кони сумные. 1208. ВИ. Изяславъ бися... и отъяша отъ него *коня сумныя.*

Кони поводные и товарные.

1152. Бѣ (у) короля 70 и 3 полци проче Изяславлихъ полковъ и проче *поводныхъ коніи* и *товарныхъ.*

1185. Посла Игорь къ Лаврови, конюшаго свого, река ему: переѣду на ону сторону Тора (?), съ *конемъ поводнымъ.*

Изъ конской збруи упоминаются:

Сѣдла. 1216. Аже нынѣшніи полци, право навержемъ ихъ *сѣдлы.* Т.

1149. Ятъ бо бѣ двѣма копіема подъ нимъ конь, а третьимъ въ передній *лукъ сѣдельный.*

Стремень. 1152. Подлѣ твой *стремень* ѣждю, посылаетъ сказать В. К. Изяславу Мстиславичу. Галицкій Ярославъ.

1240. ВИ. Галичаномъ текущимъ у *стремени* его (боярина Доброслава)...

Поводъ. 1172. Берендѣевѣ яша коня (Глѣбова, Юрьевича,) за *поводъ.*

Подкладъ. 1216. Князь Юрьи... прибѣже... на четвертомъ кони... *подкладъ* и той выверглъ.

Приведемъ мѣста изъ пѣсенъ о збруѣ:

Выводилъ (Добрыня) добра коня на широкій дворъ,
Сталъ онъ сѣдлать добра коня,
Кладалъ онъ *потнички* на потнички,
Войлочки на войлочки,
На верехъ кладалъ ковано сѣдло Черкасское,
(Обсажено есть сѣделышко тое камешкомъ
Дорогимъ камешкомъ самоцвѣтнымъ).
Затягивалъ двѣнадцатью *подпругами* богатырскими,
Натягивалъ тринадцату продольную,
Подпруги тѣ были чистаго серебра,
Пряжки-шпильки краснаго золота,
Стремена булата заморскаго,
Шелкъ-то былъ да Шемахатный:
Шелкъ-то не трется да не рвется,
Булатъ не ржавѣетъ,
Красно золото не мидиетъ (немѣдится)
Чисто серебро не зелизиетъ, (не желѣзится).
Срочена была *попона* въ три строчки;
Перва строка была красна золота,
Другая строка чиста серебра,
Третья *мѣдью-казаркою,*
Которая мѣдь подороже злата и серебра,
Подороже скатнаго жемчуга.

Бывали сраженія и на водѣ.

1150. Начаша *ся бити* по Днѣпру у *насадѣхъ*... исхитрилъ Изяславъ *лодьи* дивно: бѣша бо въ нихъ *гребци* невидимы— токмо *весла* видити, а человѣкъ бяшетъ не видити, бяхуть бо лодьи покрыти досками, и борци стояше горѣ въ броняхъ и стрѣляюще, а *корьмника* два бѣста, единъ на *носѣ,* а другый на *кормѣ,* аможе хотя хуть, тамо пойдяхуть, не обращающе лодій... *Бьяхуться* съѣздячеся въ *насадѣхъ* о бродъ.

1160. *Бьяхуться* съ ними о рѣку Десну крѣпко, они на конихъ, а ини въ *насадѣхъ* ѣздяче.

1180. Ту... (на устьѣ Цѣвцы) оставиша всѣ *насады и галѣѣ* и Бѣлозерскій полкъ. Прибѣгоша (Болгаре) къ Волгѣ, и воскакаша во *вчаны,* и ту абіе испровергоша учанъ, и тако потопоша болѣ тысячи ихъ.

Въ Русской Правдѣ упоминаются: лодья морская, набойная, стругъ, челнъ, ужи= канаты, гужи.

Въ повѣсти о взятіи Царяграда мачта называется *шигою,* рея — *райною.*

1159. Упоминаются кубары.

За того ли моря, моря за Турецкаго,
Съ-подъ того ли то дуба, дуба сыраго,
Изъ подъ того ли вяза, вяза чернаго,
Изъ подъ той-то было березы кудреватыя,
Изъ подъ того креста Леванидова,
Изъ за того ли было острова Кодольскаго,
Той-то земли Веденецкія,
Плыло-выплывало три корабля,
Три корабля да три черные.
Всѣмь корабли изокрашены:
Носъ да корма по звѣриному (по туриному) была,
А бока-тѣ были по туриному,(по лосиному),
Якори-кодолы все серебреные, (булатные),
(У якорей колечики серебряные
У колечиковъ кодолы семи шелковъ)

Тонкіе парусы дорогой (крупчатой) камки,
Дорогой камочки кручатыя (хрущатыя),
Еще было на карабляхъ черненыихъ,
Вмѣсто рукъ (руля) было бѣлое повѣшеное,—
По дорогу по заюшку (соболю) заморскому,
Вмѣсто личика повѣшено
По дорогой лисицы по заморскія;
Вмѣсто оцей (глазъ) было врощено (вставлено)
По дорогу по соколу заморскому пролетному; (по заморскому камени по яхонту).
Вмѣсто бровъ было повѣшено
По дорогу по соболю заморскому;
Вмѣсто лба было врощено
По дорогу камешеку самоцвѣтному;
Вмѣсто кудрей было повѣшено
По дорогу бобру по заморскому.
Еще было на кораблѣ черненыемъ—
Подѣланы чердачки помуравлены,
Въ чердачкахъ были бесѣдочки сидѣльныя,
Обиты были лисицами-куницами заморскими
И черными соболями заморскими.*

Въ походѣ вои располагались товарами.

Товары—станъ. 1097. Ужина ту (Василько), а *товары* своя постави на Рудицѣ. Вечеру же бывшу приде въ *товаръ* свой. ...Повелѣлъ *товаромъ* поити впереди....

1116. Мономахъ нача ставити истьбу у *товара* своего.

1150. Глѣбъ стояше выше Пересопницы *товары* (станомъ).

Вячеелавъ, Изяславъ, стаста *товары* передъ Золотыми вороты.

Слово *станы* употреблялось сначала рѣдко:

1180. Всеволодъ посла въ *станы* его, и много взяша.

1195. ВИ. Возвратишася (Угры) во колымагы свои, рекше во станы.

---

* См. изображеніе корабля, морскаго судна, въ атласѣ.

Товарище—мѣсто товаровъ, стана.

1159. (Изяславъ Давыдовичь) всѣдше на конь, гна до товарищъ ихъ, и видѣ *товарища* горяща и вороти ся опять.

1066. 1152. *Шатеръ.*

1149. Поставиша ему *шатеръ* особно, и ту повелѣ Изяславъ (В. К.) Ростиславу (Юрьевичу).... ити въ *шатеръ*.

1216. Внидоста въ *шатеръ* съ братьею (Ярославъ Всеволодовичь).

За войскомъ слѣдовалъ обозъ—*возы.*

1146. Изяславъ Давыдовичь, выпросясь у братьевъ, пошелъ на Святослава Ольговичa на коняхъ *безъ возъ.*

1150. Володимеръ стояше у Бельза, и ту услышавъ, оже король уже вшедъ въ гору, и ту поверга *возы* свои, а самъ гна съ дружиною своею Перемышлю.

1170. Ярослава Всеволодовича оставиша (князья, поѣхавшіе, за Половцами) у *возъ.*

1176. (Всеволодъ) пусти *возы* на ту сторону рѣкы, идѣже Глѣбъ (Рязанскій) стояше.

Повозы—подводы. 1151. *Повозы* да ему (Святославъ Ольговичь—Юрью).

О коняхъ *поводныхъ* и товарныхъ, см. выше, с. 534.

Предъ начатіемъ военныхъ дѣйствій воюющіе посылали *сторожей.*

1096. Олегъ.... помышляше Новгородъ переяти, и посла брата.... въ *сторожъ.*

—Мьстиславъ же сдумавъ съ Новогородци, и послаша Добрыню Рагуиловича предъ собою въ *сторожъ.* Ярославъ стояше на Медвѣдицѣ въ *сторожихъ*, и побѣже.... и повѣда... яко *сторожъ* изъимани. Мстиславъ.... не постави *сторожевъ*.....

1150. Пустиста *сторожи* передъ собою (Володимеръ Галицкій и Андрей Юрьевичъ).

1152. И ту узрѣшася *сторожеве* обои Вячьславли, Изяславлѣ и Гюргеви.

1216. Т. Изымаша *сторожевъ* Ярославлихъ 30 и 3, а 73 ихъ убиша, а иніи убѣжаша въ Тверь.

Языки. 1152. Яша Половци *языкъ*, и приведоша къ Гюргеви.

1173. Срѣте Половьцѣ, иже ту ловяшеть *языка*, изъима ѣ.

1185. Сторожеви пріѣхаша, ихъ же бяхуть послалѣ (кн. Игорь Сѣверскій) *языка* ловить.

Зажитники. Собраніе припасовъ для продовольствія поручалось *зажитникамъ*.

1146. Ту прибѣгоша *зажитници*, (къ Изяславу Давыдовичу), яша бо у нихъ Берендичѣ 3 мужѣ.

1152. Володимеръ (Галицкій) изоима *зажитникы* королевѣ.

1159. Яли бяху въ *зажитьи* Козьму Сновидича съ отрокомъ.

1216. Ѣздяху (вои Мстиславовы) въ *зажитье* не боящеся.

Внезапное нападеніе, врасплохъ, называлось *изгономъ*, *изъѣздомъ*.

ДМ. *Изъѣхахомъ* городъ (Минскъ).

1125. Сл. Наворопиша.... (Половцы) *изгономъ* къ Барочю и ко Броню княжю.

1128. Всеволодъ я стрыя своего Ярослава, *изъѣхавъ* и.

1150. Изяславъ.... поѣха отъ Луческа Пересопници, и ту *изъѣха* Глѣба.

1195. Ольговичи поѣхавши къ Смоленьску изъѣздомъ.

Воропъ—приступъ. Пустить на воропъ—значило устремиться на опустошеніе, разореніе.

1093. Половцы пустиша на *воропъ* между Кіевымъ и Вышегородомъ.

1128. В. К. Мстиславъ велѣлъ посланнымъ своимъ въ одинъ день пустити всѣмъ на *воропъ*—въ Полоцкомъ княжествѣ.

1172. Иде (Мстиславъ Изяславичъ) Вышегороду, и пустиша на *воропъ* (приступъ), и бишася крѣпко изъ града.

1184. Рюрикъ (Ростивл.) и Святославъ (Всевол.) отрядиста Володимера Глѣбовича. Врядиша въ *наворопъ*... *наворопници*, перешедше Хороль и проч.

1190. Половци.... хотѣша пустити на *воропъ* по землѣ, и яша языкъ въ *воропцѣхъ*.

Полки. Въ правильномъ сраженіи вои были раздѣлены на полки, или отряды, такъ что полкъ, означая иногда, какъ мы видѣли, все войско, имѣлъ и частное значеніе, то-есть: означалъ извѣстную часть войска, отдѣленіе, *полкъ*, въ собственномъ, въ родѣ нынѣшняго, смыслѣ.

1151. Изяславъ въѣха въ свой *полкъ*, и посла по *всимъ* своимъ *полкомъ*, река: зрите же на мой *полкъ*, а како вы поидеть мой *полкъ*, такожде и вы поидите—и тако полци пойдоша къ собѣ (т.-е. другъ на друга).... Яко же и еще *полкомъ* идущимъ къ собѣ.

1152. Бѣже у короля *полковъ* 70 и 3, проче Изяславлихъ *полковъ*, и проче поводныхъ коней и товарныхъ.

1169. Галицкихъ *полковъ* пять да (Мстиславу Изяславу) Ярославъ.

1174. Бяхуть бо ратніи на *полкы* стояще, (подъ Вышегородомъ).

1185. И ти изрядиша *полковъ* шесть: Игоревъ *полкъ* (Сѣверскаго) середѣ, а по праву брата его Всеволожь, а по лѣву Святославль сыновця его... а третiй *полкъ* на переди же, стрѣлци же бѣхуть отъ всѣхъ князiй выведени.

Мѣсто о числѣ стяговъ Ярослава и Юрья Всеволодовыхъ въ сраженiи подъ Липицами, можетъ также служить подтвержденiемъ раздѣленiя воевъ на полки.*

При раздѣленiи воевъ на полки, передъ сраженiемъ, можетъ быть происходило и распредѣленiе между ими дружины, т.-е. бояръ и отроковъ, которые находились кажется во всякомъ полку.

1151. Изяславъ повелѣ изрядити *дружину изъ полковъ,* а полковъ не рушати.

Не значитъ ли это, что Изяславъ вызвалъ бояръ и отроковъ изъ полковъ, приказавъ, чтобъ полки, оставались въ своемъ опредѣленномъ на тотъ разъ видѣ, хотя и безъ бояръ и отроковъ. Слово рушити показываетъ здѣсь, кажется, что полки были непостоянные, а подвижные, т.-е. назначались, устроивались, передъ самымъ сраженiемъ. Исполчиться — приготовиться ко сраженiю, стать во фрунтъ.

1124. Всеволодъ ста *исполчився.*

1146. Утрѣи же день *исполчишася* (Давидовичи) и поидоша къ вротамъ Курьскымъ, во Новѣгородѣ Сѣверскомъ.

Еще принадлежатъ сюда выраженiя: *рядить, пристроиваться.*

1160. Володимеръ ста *изрядивъ* полкы.

1136. И ту *пристроившася,* (Всеволодъ Ольговичь), дождаша ихъ (В. К. Ярополка).

Въ Новѣгородѣ велося очень долго выраженiе: *крутиться* на войну, (1137).

---

* См. ниже, с. 538.

Вои имѣли *стяги*—знамена.

1093. Нашимъ ставшимъ межи валома поставиша *стяги* свои... и Половцы... поставиша *стягы* своѣ.

1096. И вдасть Мстиславъ *стягъ* Володимерь Половчину, и вдавъ ему пѣшьцѣ, и напя *стягъ* Володимерь, и узрѣ Олегъ *стягъ* Володимерь, и ужасъ нападе на нь. И видѣ Олегъ, яко поиде *стягъ* Володимерь, нача заходити въ тылъ его.... побѣже.

1146. Гдѣ узримъ *стягъ твой,* (говорятъ Кiяне Изяславу Мстиславичу), ту и мы съ тобою готови есмъ.

1149. *Стягъ* его (Андрея Боголюбскаго) видяхуть не *възволоченъ:* не величаву бо ему сущю на ратный чинъ.

1153. Изяславъ постави *стяги* Галичьскiя, и поидоша Галичане подъ своя *стягы.*

1172. Стрѣльци сняшася обои, и бысть сѣча зла, и потяша *стяговника* нашего, и *челку стяговую* сторгоша съ стяга.

Володиславъ же замысли взяти *стягъ* Михалковъ, и натьче (надкину, натисну), на нь *прилбицю.*

Изъ этихъ мѣстъ мы видимъ, что у всякаго князя былъ свой стягъ, свое знамя, 1096, 1136, 1146, и проч.

(Эти знамена служили, въ нѣкоторомъ смыслѣ, вмѣсто западныхъ *гербовъ*).

Знаменосецъ назывался *стяговникомъ,* 1169.

Стягъ для сраженiя былъ установляемъ, т.-е. утверждаемъ, кажется, въ землю, 1093, 1097, 1107, 1153, 1105, 1216.

Стягъ поднимался, *взволачивался,* и распускался въ началѣ сраженiя, см. выше подъ г. 1149 и 1176, что служило знакомъ какой-то торжественности.

Замѣтимъ выраженiе: напять, (напялить), 1096.

Челка—хвостъ волосяной, который навѣшивался на стягахъ.

При полкахъ были *трубы* и *бубны*.

1151. Въ Дюрги (у Юрья) *въ бубны* въ полку и *въ трубы вострубиша*.... Такоже и у Изяслава, и у Ростислава, почаша *бити въ бубны* и *въ трубы трубити*, полци же начаша доспѣвати.

1216. Т. *Вострубиша* въ Константиновыхъ полкахъ. Бяше бо у князя Юрья стяговъ 13, *а трубъ и бубновъ* 60; молвяхуть бо и про Ярослава стяговъ у него 17, а трубъ и бубновъ 40.

Въ правильномъ сраженіи вои раздѣлялись на крылья.

1095. Мстиславъ вдавъ (Половчину) Кунную пѣшцѣ и постави и на правомъ *крылѣ*.*

Большой полкъ, столько славный въ средней Исторіи, примѣчается уже и теперь.

1172. Глѣбъ... хотѣ на нѣ самъ ити, и Берендѣевѣ яша коня за поводъ, рекуще: княже, не ѣздь, тобѣ лѣпо ѣздити въ *великѣ полку*,... а нынѣ пошли брата.

1183. Володимеръ Глѣбовичь посла ко Игореви, прося у него ѣздити на *переди* полкомъ своимъ: Князи бо Русціи далѣ бяхуть на *передѣ* ѣздити въ Русской земли. Игорь же не да ему того; Володимеръ же разгнѣвався и возвратися.

Были заступы, какъ бы ешелоны, ширинги, ряды.

1096. Угри исполчишася на *заступы*. Алтунопа пригна къ *заступу*.

Непосредственное, ближайшее приготовленіе къ сраженію выражалось преимущественно словомъ: *пристроиваться*.

1067. Узрѣша Половци идущь полкъ *пристроиша* противу, сташа полки (въ творит. падежѣ), т.-е. стали во фронтъ, выстроились.

Сраженіе называлось очень часто *полкомъ*.

ДМ. Дивно ли, оже мужъ умерлъ въ *полку* ти, (пишетъ Мономахъ о сынѣ Изяславѣ, убитомъ на сраженіи).

1103. Убиша ту въ *полку* князій 20.

1139. Отци наши... братья... сынови на *полку*, они изоимани, а друзіи избьени.

1162. Володарь не да ему *полку* въ дне, но ночь выступи на нь изъ города.., онѣхъ избиша, а другыя руками изоимаша.

Отсюда и мѣсто сраженія—полка, называлось *полчищемъ*.

1136. Тысячкый съ бояры ихъ переже гнаша по Половчихъ, избиша ѣ и воротишася опять на *полчище*.

Сраженіе во время самаго дѣйствія называлося *боемъ, сѣчею, бранью*, 1078, 1093, 1097, 1099, 1137, 1153, 1172. Сѣча *зла*, брань *люта, крѣпка. Бишася крѣпко*, 1069, 1136, 1140, 1146, и проч.

Иногда сопротивные полки стояли долго, одни противъ другихъ, безъ дѣйствій, выжидая благопріятнаго случая для нападенія.

1096. Не поступи ни Олегъ на Мстислава, ни Мстиславъ на Олега, стояста противу себѣ четыре дня.

Ждали подкрѣпленія. Присоединеніе подкрѣпленія выражалося особенно глаголомъ *притягнути*.

1150. Вячеславль полкъ къ нему *не притяглъ*.

1160. Бяше бо Володимеръ въ тѣ день *притяглъ* съ полкомъ своимъ.

---

* См выше, с. 537, о полкахъ подъ 1185 г.

1177. Давыдъ же (Ростиславичь) *не притяглъ.*

Утягнуть—успѣть.

1132. Кіянъ тогда много побиша Литва, не *втягли* бо бяху съ княземъ, но послѣди идяху по немъ особѣ.

1136. Не *утягшимъ* перевезтися (Кіянамъ).

Иногда уклонялись отъ сраженія, ставя преграды, строя временныя укрѣпленія или *тверди,* уничтожая средства сообщенія.

1152. Володимерко выступися назадъ, за *твердь* ста.

1216. ЛТ. Ярославли мужи *учиниша твердь,* а пути отъ Новагорода *засѣкоша,* и реку Тверцу.

—Надѣяше бо ся на *твердь,* бяше бо *плетенемъ* оплетено то мѣсто, и насовано *колья.*

1161. Загорожено бяше *столпіемъ* отъ горы оли и до Днѣпра, въ Кіевѣ.

Обыкновенный глаголъ для выраженія преградъ по пути: *заложиться.*

1180. Давыдъ же *заложися* ночью, и бѣжа Смоленьску.

Дѣлали разныя движенія.

1149. Гюрги, *оборотя* полки своя... поидоша въ товары своя.... —Друзіи рекоша: бѣжать ти уже. Изяславу же то любо бысть. И поиде по нихъ.—... *Возворотишася* опять, и поидоша полкы своими противу имъ.

1150. Угада Изяславъ... поити черезъ ночь къ Мичьску, и нача велѣти всимъ воемъ своимъ *огни* великыи *класти,* и тако, накладше, огни, а сами поидоша черезъ ночь къ Мичьску.

Призывъ къ сраженію встрѣчается еще иногда древній:

Потягнемъ, 1067, 1221.

Стремительное начало сраженія, или вообще дѣйствія, выражалось глаголомъ: *поткнуть*—ударить, напасть, двинуться.

1149. Невѣдущимъ мысли брата своего Андрея, яко хощеть *ткнути* на пѣшцѣ.

1151. Изяславъ... положи совѣтъ одиною всимъ *поткнути* на нь, и *поткоша* на нь вси, и тако вбодоша ѣ въ Лыбедь.

А употреблялось и *ударить:*

1067. *Удариша* въ коней.

1096. Володимеръ хотѣ нарядити полкъ, они же не послушаше, но *удариша* въ конѣ къ сопротивнымъ.

Ввертѣться.

1183. Узрѣша помочныя полкы... абіе поскочиша, Русь же *ввертѣвшеся* въ нѣ, и нача ѣ сѣчи.

Обыкновенное начало сраженія выражалось глаголомъ: *ступиться.*

1097. *Ступишася* полци. *Сшибошася.*

1111. Бывшу *соступу.*

1136. 1146. Бывшю *съступленію* обѣима полкома.

1111. *Сразившемася* челома, полкома.

Но всего чаще, безъ особенныхъ случаевъ и обстоятельствъ, сраженія были начинаемы *стрѣльцами.*

1097. *Стрѣляющимъ* межи собою, идяху стрѣлы акы дождь.

1146. Идоша *стрѣлци* изъ товаръ къ граду, и ту бишася много. Съѣхашася... пустиша *стрѣлцѣ* свои ко граду.

Стрѣльцы часто перестрѣливались черезъ рѣки, напримѣръ черезъ Ушу, 1150.

Чрезъ Лыбедь 1151.

1180. Двѣ недѣли бьяхуся обои объ рѣку ту (Влену).

1185. *Перестрѣлъ*—пространство пролетаемое стрѣлою.

Впродолженіи сраженія противники старались больше всего зайти другъ другу въ *тылъ*, въ *бокъ*.

1096. *Заведъ* Кунуй пѣшцѣ.

1096. Видѣ Олегъ, яко пойде стягъ Володимерь нача заходити въ *тылъ* его, и побоявся побѣже.

1231. Даніилу *заѣхавшу въ тылъ* имъ, и бодущимъ ѣ.

Обращалось также особенное вниманіе на то, чтобъ пресѣчь дорогу, предупредить, что выражалось глаголами: *заѣхать, загнать*.

1144. *Заступиша* (Берладника) отъ града (Галича), т.-е. отрѣзали дорогу.

1047. Нача (Изяславъ Мстиславичъ) думати съ братомъ своимъ Ростиславомъ, съ дружиною и съ Черными Клобукы, куда бы имъ (Половцамъ) пойти *перекы* къ нимъ къ Сулѣ, идѣ же стояхуть. То рекше поидоша имъ *перекы*, не *перестигоша* ихъ до Всеволожа.

1185. Гада Игорь (Сѣверскій) съ дружиною, куда бы *переѣхати* полкы Святославлѣ... хотѣ ѣхати полемъ перекъ, возлѣ Сулу.

Бывали предложенія сражаться въ открытомъ полѣ.

1180. Святославъ Всеволодовичь говоритъ Всеволоду Юрьевичу: но же еси умыслилъ на мя зло... да не далече ти мене искати, отступи далѣ отъ рѣчкы тоѣ, дай ми путь, ать ближе къ тобѣ переѣду, ать насъ розсудить Богъ; мнѣ ли путь не даси, а язъ тобѣ дамъ, ты переѣди на сю сторону, а здѣ насъ Богъ розсудить.

1211. Т. Посласта князья (Мстиславъ Новгородскій и прочіе) къ князю Юрью... мира просяще; или не даси мира, да отступите далѣ на ровно мѣсто, а мы на ваши стороны пойдемъ; или мы отступимъ на Липици, а вы на наши станы.

Побѣда выражалась глаголами: *побѣдить* 1071, *одолѣть*, 1066, 1167, 1137.

Прочія выраженія, сюда относящіяся:

1093. Налегше на Святополка, *взломиша* полкъ его.

1136. Полки *взмятены*.

1150. Весь полкъ Изяславль *изцѣлѣ*.

Необходимость уступить выражалась словомъ: *нестерпѣть*.

1093. Не *терпяче* ратныхъ противленія.

1147. Глѣбъ не *терпя* противу стати поскочи.

Не *стерпя* быти (въ Городцѣ), бѣжа къ Чернигову (Юрій Володимеровичь).

Бѣгство выражалось глаголомъ *поскочить*—бѣжать.

1048. Глѣбъ... не терпя противу стати *поскочи*.

1149. Бысть лесть въ Переяславчехъ... и *поскочиша*.

—Побѣже *перескокъ* отъ Гюргя изъ полка.

Поскокъ значилъ и просто движеніе впередъ.

1051. Подъ Ростиславомъ на первомъ *поскокѣ* летѣ, (упалъ), подъ нимъ конь.

Преслѣдованіе выражалось слѣдующими оборотами:

1093. Наши *погнаша* вслѣдъ ратныхъ.

1096. Мстиславъ не бѣ ту, но *загналъ* бѣ съ передними въ слѣдъ полка Олегова.

1231. Данилови *гонящу* по Половцѣхъ.

1175. *Загонцы.*

Замѣтимъ еще употребительный глаголъ: *бодоти*—колоть.

1123. *Пободоста* и оскепомъ.

1146. *Вбодоша* ѣ во врата острожная.

1173. Мстиславъ въѣха въ ворота, и *пободъ* мужей нѣсколько, возворотися опять къ своимъ.

Отступленіе выражалось такъ:

1964. Ростиславъ *отступи* кромѣ изъ града (т.-е. оставилъ, вышелъ изъ Тмуторокани).

Половци начаша *отыматися* прочь.

По окончаніи брани вои разсылались на *покормъ*.

(Вспомнимъ Болеслава, короля Польскаго: 1018. Рече... разведе дружину мою по городомъ на покормъ, и бысть тако).

1096. Мстиславъ распусти дружину *по селомъ*.

1150. Изяславъ послалъ бяше Угры на *покормъ* Устилугъ.

Оборонительныя мѣры. Запирались въ городѣ, съ *засадою* (гарнизонъ).

1066. Мѣняне *затворишася* въ градѣ.

1078. Черниговци *затворишася* въ градѣ.

1159. Вошла бяше *засада* Ярославля въ городъ (Ушицу) и начашася бити крѣпко *засадници* изъ города.

1093. Половци... *оступиша* Торційскый градъ.—Половцемъ *осядлющемъ* Торцьскый.

Воемъ *облежащимъ* градъ.

1097. Святополкъ *оступи*(Дорогобужъ).

Оступиша Святошу въ градѣ (Луцкѣ).

Осажденные дѣлали вылазки.

1144. Выѣздяче изъ города (Галича) *бьяхуся* крѣпко, мнози падаху отъ обоихъ.

1146. По зорямъ *бишася* до позднѣ вечернѣ (подъ Звѣнигородомъ).

Города брались съ приступа.

1097. Взяста (Ростиславичи) городъ (Всеволожь) *копьемъ*.

Или — осажденные принуждаемы были сдаться голодомъ.

1093. Изнемогати начаша людье въ (Торческомъ) водною *жажею* и *голодомъ*.

1275. Володимерцы, не терпяше *глада*, рѣша Михалку: мирися, либо промышляй собѣ.

Жители взятаго приступомъ города брались въ плѣнъ—*на щитъ*.

1066. (Ярославичи) взяша Мѣнескъ, исѣкоша мужѣ, а жены и дѣти вдаша *на щитъ*.

1050. Дайте ми серебро.... пакы ли я възму вы *на щитъ*, говоритъ Володимерко Галицкій Мичанамъ.

1159. Изяславъ Давыдовичь взя городъ княгининъ *на щитъ* Святославлеѣ.

1177. (Глѣбъ Рязанскій) села пожже боярьскія, и жены и дѣти и товаръ да поганымъ *на щитъ*.

1185. Взяхъ *на щитъ* городъ Глѣбовъ у Переяславля... (раскаявается въ плѣну Игорь Сѣверскій): тогда бо не мало зла подъяша безвиніи хрестьани отлучаеми отецъ отъ рожденій своихъ.... все смятено пленомъ и пр.

Плѣнные назывались колодниками.

1111. *Колодниковъ* много изымаша руками (у Половцевъ).

1192. Бяхуть бо у нихъ *колодницы* отъ Черныхъ Клобуковъ.

1193. *Колодникъ* много *изоимаша*.

Ополонишася.

ЦЕРКОВЬ.

РАСПРОСТРАНЕНІЕ ХРИСТІАНСКОЙ ВѢРЫ.

Христіанская вѣра, отъ кончины Ярослава, распространялась далѣе и далѣе по обширнымъ областямъ его державы. Послѣ сосѣднихъ съ Кіевомъ странъ, обитаемыхъ племенами Славянскими, она проникала на дальній сѣверъ и востокъ, гдѣ Русскіе были окружены племенами Финскими. Успѣхи ея на этомъ пути могли быть, разумѣется, только постепенными; не говоря о другихъ естественныхъ препятствіяхъ, самое приготовленіе способныхъ священно-служителей, устроеніе церквей и снабженіе ихъ всѣми принадлежностями, сопряжено было съ великими затрудненіями, и требовало много времени.

Изъ *Ростова* первый епископъ *Ѳеодоръ*, присланный еще св. Володимеромъ, вмѣстѣ съ сыномъ его Борисомъ, и построившій въ 992 году, церковь дубовую, дивную и великую, (которая сгорѣла въ 1160 году), принужденъ былъ бѣжать. Онъ водворился въ Суздалѣ, гдѣ видно дѣло обращенія было успѣшнѣе.

Преемникъ его *Иларіонъ* не былъ счастливѣе его въ Ростовѣ.

Св. *Леонтій*, ученикъ св. Антонія Печерскаго, нашелъ также сильное сопротивленіе въ здѣшнихъ язычникахъ: онъ былъ выгнанъ изъ города, и поселился за городомъ близь ручья Брутовицы. Сюда сталъ онъ призывать дѣтей, кормилъ и ласкалъ ихъ, училъ началамъ св. вѣры и крестилъ. Крестились вмѣстѣ съ дѣтьми и взрослые. Прошло нѣсколько времени. «Укрѣпясь силою крестною, постомъ и бдѣніемъ, онъ возвратился въ соборный свой храмъ. Здѣсь продолжалъ онъ святое дѣло—учить дѣтей и проповѣдывать о пустотѣ и нечестіи идолослуженія. Язычники рѣшились убить его, и толпою собрались къ собору. Святитель въ полномъ облаченіи, сопровождаемый духовенствомъ, явился предъ ними съ крестомъ въ рукахъ, и укротилъ ихъ ярость. Многіе приняли тогда христіанство. Но вражда въ большинствѣ не прекращалась. Св. Леонтій былъ убитъ среди новаго возмущенія, вѣроятно около 1074 года. Первый Ростовскій священномученикъ, по выраженію св. Симона, жизнеописателя Печерскаго, его же Богъ прослави нетлѣніемъ, „и се третій гражданинъ небесный бысть Рускаго міра съ онѣма Варягома, (Ѳеодоромъ и Іоанномъ, убитыми при Володимерѣ), вѣнчався отъ Христа.»

Преемнику Леонтія *Исаіи*, также Печерскому подвижнику, оставалось еще много трудовъ. Въ церковной службѣ ему поется: «Разжигаемый любовію Божіею, болѣе чѣмъ огнемъ, ты, отче, обходилъ города и села въ Ростовской и Суздальской области, разорялъ идольскія капища, созидалъ церкви и научилъ народы пѣть: слава силѣ твоей, Господи!» (пѣс. 4). «Благодатію Св. Духа ты до конца истребилъ оставшееся въ Русской (Ростовской) землѣ идольское нечестіе, и явился крѣпкимъ поборникомъ православія» (пѣс. 3).

Онъ скончался около 1090 года.

Извѣстенъ еще Ростовскій проповѣдникъ *Авраамій*, жившій во время Мономаха, который сокрушилъ тростію каменный идолъ Велеса. Житіе его говоритъ, что онъ въ юности, ревнуя о жизни духовной, оставилъ домъ, родителей, принялъ иночество, и поселился у озера Неро, въ хижинѣ имъ поставленной. Здѣсь скорбѣвшій объ идолослуженіи, которое продолжалось въ Чудскомъ концѣ Ростова, имѣлъ онъ видѣніе, ободрившее его совершить свой подвигъ. На мѣстѣ сокрушеннаго идола онъ основалъ монастырь Богоявленскій, до нынѣ существующій.*

Есть извѣстіе, что нѣсколько жителей Ростовскихъ, не хотѣвшихъ принять христіанство, выселились куда-то на берегъ Волги.

Обращеніе *Вятичей*, сосѣднихъ съ Курской областію, въ нынѣшней Орловской губерніи должно относить къ первой трети XII столѣтія. Несторъ, описавъ языческія обыкновенія древнихъ Славянъ Русскихъ, прибавляетъ: се же творятъ Вятичи нынѣ, т.-е. въ началѣ XI и началѣ XII столѣтія. У Вятичей проповѣдывалъ св. *Кукша*. Св. Симонъ въ посланіи къ Поликарпу говоритъ, что онъ свелъ дождь, изсушилъ озеро и сотворилъ много чудесъ. Онъ былъ усѣченъ язычниками, и во многихъ мукахъ скончался съ ученикомъ своимъ Никономъ, что въ Кіевскихъ пещерахъ прозрѣлъ св. Пименъ постникъ, которой, ставъ среди церкви, возгласилъ, по Печерскому сказанію братъ нашъ Кукша предается смерти, — и съ этими словами самъ скончался.

Муромъ обязанъ своимъ просвѣщеніемъ преимущественно ревности перваго послѣ Глѣба своего князя Константина, который, идучи сюда на княженіе, присылалъ сперва сына Михаила — онъ былъ убитъ. Константинъ взялъ городъ и поставилъ церковь св. Благовѣщенія. Тамъ похоронилъ онъ убитаго своего сына Михаила съ христіанскими обрядами. «Невѣрніи же люди, «сказано въ житіи, весьма подновленномъ,» видяще сія, дивляхуся, еже не по ихъ обычаю творимо бѣ погребеніе, яко погребаему сыну самодержцеву въ зникъ на востокъ лицемъ, *могилы верхъ холмомъ не сыпаху*, но равно съ землею, *ни тризнища*, ни дани (по др. сп. дымы), ни *битвы*, ни *кожекроенія*, ни *лицедранія*, ни плача безмѣрнаго, не творяху. И о томъ безумніи ругающеся и смѣющеся вопрошаху христіаны: что не по ихъ обычаю погребеніе?»

По описаніи дѣйствій князя на пользу христіанства, житіе сообщаетъ любопытныя свѣдѣнія о современныхъ языческихъ суевѣріяхъ въ Муромѣ: «Гдѣ *рѣкамъ* и *озерамъ* требы кладущіи? Гдѣ дуплинамъ древянымъ вѣтви убрусцами *обвѣшающіи* и симъ поклоняющіися? Гдѣ кладеземъ и поникамъ покланяющіися, очныя ради немощи умывающеися, и сребреницы въ ня повергающеи? Гдѣ *кони закалающеи* по мертвыхъ, и *ременная плетенія* древолозная съ ними въ землю покоповающеи, и битвы и *кроенія* и лицъ *настреканія* и *дранія* творящеи? Гдѣ *свѣрилія* и горкая согрѣшенія восклицающеи?.. Идѣже бо въ Муромстѣй странѣ пройдеши, нигдѣ не услышишь проклятыхъ многобожныхъ именъ, ни *Перуна*, ни *Ждабога*, ни *Мокоша*, имъ же поганіи требы творяху».*

* Изображеніе креста Авраамієва см. въ атласѣ.

* Въ Муромскихъ курганахъ IX и X в., разрытыхъ въ недавнее время, найдены остатки коней, изображенія змѣй, сожженныя кости звѣрей и птицъ, идоловъ изъ глины.

Жители упорствовали и умышляли противъ своего князя. Однажды толпы собрались съ дубинами передъ его жилищемъ. Князь съ семьею своею, —говоритъ житіе,— съ духовными и нѣсколькими изъ добрыхъ слугъ сталъ на молитву. За тѣмъ одинъ явился, съ иконою Богоматери на рукахъ, къ волновавшейся толпѣ. Бунтовщики поражены были ужасомъ, и вмѣсто угрозъ выражали мольбу просвѣтить ихъ св. крещеніемъ. Обрадованный князь воздалъ благодареніе Господу и Пречистой Матери, назначилъ день, когда всѣ непросвѣщенные должны явиться на рѣку Оку. «Священницы мазаху ихъ хризмою чело, очи, уста, ноздри, уши. И надѣша на ня вѣнцы червленые на главы ихъ обязаша; на нихъ же крестъ и бѣлы ризы и ногавицы и сапоги, и даша всѣмъ свѣщи горящи въ руцѣ, и повелѣша ити въ церковь».

Къ 1147 году принадлежитъ обращеніе *Вологды* св. Герасимомъ, пришельцемъ изъ Кіева. Онъ основалъ обитель у ручья Кайсарова, пріобрѣтши землю отъ одного купца, котораго родъ, (Пятышевыхъ), пресѣкся только въ наше время.

На берега Сѣверной *Двины* принесли святое ученіе Новогородцы, и имѣли уже свои монастыри въ XII столѣтіи.

Вь 1174 году нѣкоторые изъ нихъ поселились на *Вяткѣ*, и принесли туда христіанство.

Къ *Кареламъ* (въ южной Финляндіи) Ярославъ Всеволодовичъ отправилъ въ 1227 году священниковъ.

Прибалтійская Чудь просвѣщаема была христіанствомъ изъ Новагорода и Пскова, о чемъ есть слѣды и въ лѣтописяхъ Ливонскихъ.

СЛѢДЫ ЯЗЫЧЕСТВА.

Такъ распространялась христіанская вѣра, но языческія вѣрованія долго еще по мѣстамъ были живы. Первая наша лѣтопись, подъ г. 1067, свидѣтельствуетъ о томъ, вставляя слѣдующія слова въ заимствованное изъ древняго Златоструя осужденіе своего времени: «Се бо не поганьски ли живемъ... аще бо кто усрящетъ черноризца, то возвращается, —ли единиць, ли свинью... се бо по дьяволю наученью кобь сію держать, друзіи же и закыханью вѣрують, еже бываетъ на здравье главѣ».

Древній, неизвѣстный проповѣдникъ говоритъ въ одномъ своемъ словѣ, что ревнитель христіанской вѣры не можетъ терпѣть христіанъ двувѣрныхъ; они христіане, но вѣруютъ въ *Перуна, Хорса, Мокошь, Сима, Рекла, Вилы,* которыхъ числомъ несчастные невѣжды полагаютъ тридесять. Все это считаютъ они богами и богинями, и кладутъ имъ жертвы, ломаютъ короваи, рѣжутъ куръ; они молятся огню и зовутъ его *Сворожицемъ*; и чеснокъ считаютъ за бога, и когда у кого бываетъ пиръ, кладутъ его въ ведра, въ чаши, и такъ пьютъ. Не одни *невѣжи,* но и *вѣжи* это дѣлаютъ, попы и книжники; если и не творятъ того книжники и вѣжи, то пьютъ и ѣдятъ сіе моленное брашно; если же не пьютъ и не ѣдятъ, то видятъ дѣянія ихъ злыя, если же не видятъ, то слышатъ и не хотятъ поучать».

И ноне, говоритъ другой древній ревнитель, по украинамъ молятся ему проклятому богу Перуну и Хорсу и Мокоши и Вилу, и то творятъ отаи, сего немогутъ ся лишити проклятаго ставленья, и вторыя трапезы нареченныя роду (?) и рожаницамъ (дѣвамъ жизни и судьбы, паркамъ)?

Данiилъ Заточеникъ въ своемъ словѣ говоритъ: дѣти бѣгаютъ рода, а господь пьянаго человѣка.

Сказанія о волхвахъ, разсѣянныя въ лѣтописи, до позднѣйшаго времени, представляютъ также слѣды древняго язычества. Сообщимъ ихъ сполна:

1071. Волхвъ пришелъ въ Кіевъ и разсказывалъ людямъ, что черезъ пять лѣтъ Днѣпръ потечетъ назадъ, и земли перемѣнятся: Греческая станетъ тамъ, гдѣ есть Русская, а Русская, гдѣ Греческая,—такъ измѣнятся и прочія. Глупые вѣрили, а умные говорили, что бѣсъ имъ играетъ на пагубу ему. Такъ и случилось, замѣчаетъ лѣтописатель: въ одну ночь онъ пропалъ безъ вѣсти.

По поводу этого извѣстія лѣтописатель разсказываетъ слѣдующее: Былъ голодъ въ Ростовской области. Два волхва, идя по Волгѣ, отъ Ярославля, обвиняли женщинъ, что онѣ скрываютъ у себя обилье. ...Жители приводили къ нимъ женъ, матерей, сестеръ. Волхвы прорѣзывали у женщинъ «въ мечтѣ» за плечемъ, и вынимали жито, рыбу, медъ; несчастныя были убиваемы, и ихъ имѣніе доставалось убійцамъ. Такимъ образомъ пришли они на Бѣлоозеро въ сопровожденіи человѣкъ трехъ сотъ. Тамъ собиралъ дань отъ Святослава Янъ, сынъ Вышатинъ. Бѣлозерцы сообщили ему, что два кудесника избили уже многихъ женщинъ по Волгѣ и Шекснѣ. Янъ спросилъ, чьи они смерды, и узнавъ, что они принадлежатъ къ области его князя, послалъ къ ихъ спутникамъ требовать ихъ выдачи. Тѣ не послушались. Янъ хотѣлъ идти къ нимъ самъ безъ оружья, но отроки его остановили: не ходи безъ оружья—осрамятъ тебя. Онъ велѣлъ 12 отрокамъ своимъ взять съ собою оружье, и пошелъ вмѣстѣ съ ними къ лѣсу, держа топорецъ въ рукѣ. Шайка исполчилась. На встрѣчу выступили три человѣка и сказали Яну: что идешь на смерть, неходи! Янъ велѣлъ убить ихъ, и двигался впередъ къ прочимъ. Тѣ бросились на Яна: одинъ промахнулся топоромъ, Янъ оборотя топоръ ударилъ его тыльемъ, и велѣлъ отрокамъ сѣчи ихъ. Всѣ разбѣжались. Въ схваткѣ убитъ былъ попинъ Яневъ. Янъ, воротившись въ городъ, сказалъ Бѣлозерцамъ: «поймайте волхвовъ, если не поймаете, то не уйду отъ васъ за лѣто.» Бѣлозерцы поймали и привели волхвовъ къ Яну. Между ними произошло состязаніе. «За что погубили вы столько людей?» —За то, что онѣ держали гобино. «Ложь это, Богъ сотворилъ человѣка изъ земли, человѣкъ имѣетъ кости и жилы, и нѣтъ въ немъ больше ничего». Волхвы сказали: мы знаемъ, какъ сотворенъ человѣкъ. «Какъ? Богъ мылся въ мовницѣ, и вспотѣвъ отерся ветошкой, которую бросилъ съ неба на землю. Сатана заспорилъ съ нимъ, кому сотворить изъ ней человѣка, и сотворилъ человѣка дьяволъ, а Богъ вложилъ въ него душу: потому и идетъ тѣло человѣка по смерти въ землю, а душа къ Богу. «По истинѣ прельстилъ васъ бѣсъ,» сказалъ Янъ, «какому Богу вы вѣруете?» Антихристу. «Гдѣ онъ?» Сидитъ въ безднѣ. «Какой же это Богъ, если сидитъ въ безднѣ? Это бѣсъ, а Богъ есть на небеси. Бѣсъ сверженъ оттуда за величанье, и сидитъ во безднѣ, ожидая когда придетъ Богъ, и велитъ связать его съ слугами его, и ввергнуть во тьму кромѣшную. Вы же примите муку отъ меня здѣсь, а по смерти тамъ.» «Боги повѣдаютъ намъ, что ты не можешь сдѣлать съ нами ничего.» Лгутъ вамъ боги,» сказалъ Янъ. Волхвы сказали: намъ стать передъ Святославомъ, а ты не

можешь сдѣлать съ нами ничего. Янъ велѣлъ бить ихъ, и драть бороду. «Ну что говорятъ вамъ теперь боги,» спросилъ Янъ. Стати передъ Святославомъ. Янъ велѣлъ вложить имъ въ ротъ рубль, и привязавъ къ упругу пустить по рѣкѣ въ ладьѣ, а самъ поплылъ за ними въ устье Шексны. Онъ спросилъ ихъ опять: «что говорятъ вамъ боги?» Не быть намъ живыми отъ тебя. «Вотъ это правду говорятъ они вамъ,» подтвердилъ Янъ. Но если ты пустишь насъ, сказали они, то много добра тебѣ будетъ; а если погубишь, то примешь зло и многу печаль.» Если я пущу васъ, то зло будетъ мнѣ отъ Бога,» —и обратясь къ перевощикамъ спросилъ, не убитъ ли кто ими изъ родныхъ. Одинъ назвалъ мать, другой сестру, третій рожанье. «Мстите же за своихъ.» Перевозчики убили волхвовъ и повѣсили на дубѣ. Въ ту же ночь медвѣдь пожралъ ихъ тѣла.

Подъ этимъ же годомъ разсказываетъ лѣтописатель: Пришелъ одинъ Новогородецъ въ Чудь, и попросилъ у кудесника волхвованья. Тотъ началъ призывать бѣсовъ въ храмину. Новогородецъ сидѣлъ на порогѣ, кудесникъ же упалъ оцѣпенѣвшій: шибе имъ бѣсъ. Вставъ спросилъ кудесникъ Новогородца: «боги несмѣютъ придти—у тебя есть что-то, чего они боятся.» Новогородецъ вспомнилъ, что на немъ есть крестъ, вышелъ и положилъ его въ сторонѣ. Позванные вновь бѣсы объяснили, за чѣмъ онъ пришелъ. Новогородецъ спросилъ послѣ, почему они боятся креста: «То-есть знаменье небеснаго Бога, котораго наши боги боятся». Онъ спросилъ: какіе у васъ боги, и гдѣ они живутъ? «Въ безднахъ: суть же образомъ черны, крылатыя, съ хвостами, восходятъ и подъ небо слушая ангеловъ. Кто умираетъ изъ вашихъ людей, того ангелы возносятъ на небо, а кто умираетъ изъ нашихъ, тотъ несется къ нашимъ богамъ въ бездну». Такъ и есть, заключаетъ лѣтописатель, грѣшники въ аду ждутъ муки вѣчныя, а праведники водворяются съ ангелами въ небесномъ жилищѣ.

Несторъ, разсказавъ этотъ случай, заключаетъ свои разсужденія о волхвованіи такъ: Паче же женами бѣсовьская волшвенья бываютъ... тако въ си роди много волхвують жены чародѣйствомъ, и отравою, и инѣми бѣсовьскими козньми.

При Глѣбѣ явился волхвъ въ Новѣгородѣ, и прельстилъ чуть ли не весь городъ, «творяся яко Богъ,» хуля вѣру христіанскую, говоря о себѣ: все знаю, и вызываяся перейдти Волховъ передъ всѣмъ народомъ. Сдѣлался мятежъ въ городѣ, хотѣли убить Епископа. Епископъ облекся въ ризы, и, съ крестомъ въ рукѣ, ставъ предъ нимъ сказалъ: кто вѣритъ волхву, иди къ нему; кто вѣруетъ, тотъ иди ко кресту. Князь Глѣбъ съ дружиною стали около епископа, а всѣ люди пошли за волхва. Глѣбъ спряталъ топоръ подъ *скутомъ*, и подошелъ къ волхву. Знаешь ли, что случится завтра поутру и нынѣ вечеромъ, спросилъ онъ волхва. «Все знаю,» отвѣчалъ тотъ. А что будетъ теперь, продолжалъ спрашивать Глѣбъ. «Чудеса великія сотворю». Глѣбъ выпулъ топоръ и ударилъ его. Волхвъ упалъ мертвый и народъ разошелся.

Въ 1091 г. явился волхвъ въ Ростовѣ, но вскорѣ погибъ.

1227. Новогородцы сожгоша волхвы четыре, творяхуть е потворы дѣюще, а Богъ вѣсть, и сожгоша ихъ на Ярославли дворѣ.

Нынѣ употребительныя слова волшебникъ, волшебство, остались памятникомъ древнихъ волхвовъ.

ЦЕРКОВНОЕ УПРАВЛЕНІЕ.

Митрополиты, епископы, епархіи, настолованіе, рукоположеніе, власть митрополита, соборы, участіе князей и народа въ назначеніяхъ, особенности Новогородскія, примѣчательные епископы, отношенія духовенства къ свѣтской власти, содержаніе духовенства, десятины, пошлины, благотворительныя учрежденія духовенства.

Церковь Русская управлялась митрополитами, присылаемыми изъ Константинополя. Ярославъ избралъ самъ митрополита — священника Берестовскаго, Иларіона, въ 1051 году, можетъ быть вслѣдствіе недавнихъ распрей съ Греціей, или намѣренія пріобрѣсти независимость. Но послѣ опять митрополитами насылались изъ Константинополя Греки, кромѣ избраннаго при В. К. Изяславѣ 1147 г. Русскаго, Клима, Смолятича, что подало поводъ послѣ къ распрѣ князей и епископовъ.*

Митрополиты руководствовались греческою Кормчею, обращаясь въ важныхъ случаяхъ къ патріарху, или къ созванію собора.

Изъ Кіевскихъ митрополитовъ примѣчательнѣйшіе были послѣ Иларіона: *Іоаннъ II*, поставленный около 1080 года. Несторъ прославляетъ его слѣдующими словами: мужь хитръ книгамъ и ученью, милостивъ убогимъ и вдовицамъ, ласковъ же ко всякому богату и убогу, смиренъ же и кротокъ, и молчаливъ, рѣчистъ же, книгами святыми утѣшая печальныя, и сякаго не бысть преже въ Руси, ни по немъ не будетъ сякъ.

* См. выше, с. 181, и ниже, въ слѣд. столпцѣ.

Св. Ефремъ, (около 1092—1097), изъ Русскихъ, любимецъ В. К. Изяслава, постриженникъ Ѳеодосіева Печерскаго монастыря, для котораго въ Константинополѣ списалъ уставъ Студійскій. Бывъ епископомъ въ Переяславлѣ, онъ построилъ тамъ многія церкви, «украсивъ всякою красотою,» заложилъ городъ каменный, и строеніе банное, учредилъ больницы и страннопріемницы. Въ Суздалѣ также остались памятники его благочестивой ревности.*

Никифоръ, Грекъ, (1104), извѣстенъ своими посланіями къ Володимеру Мономаху, — о постѣ, о вѣрѣ Латинской, — въ коихъ является пастыремъ просвѣщеннымъ, попечительнымъ о спасеніи душъ, готовымъ говорить правду князьямъ, и ревностнымъ къ охраненію православія.

Климентъ, Смолятичъ, избранный по желанію В. К. Изяслава Мстиславича, въ 1147 г., соборомъ русскихъ епископовъ, и посвященный, вмѣсто патріарха, по мысли Черниговскаго епископа Онуфрія, главою Св. Климента, папы Римскаго, хранившеюся въ Софійскомъ соборѣ. Нѣкоторые епископы,

* См. ниже.

напримѣръ Нифонтъ Новогородскій, не признавали сего избранія, равно и князья, напримѣръ Юрій Долгорукій, и онъ принужденъ былъ по обстоятельствамъ оставить каѳедру, которой уже и не занималъ болѣе. Лѣтопись свидѣтельствуетъ, что онъ подвизался въ затворѣ, и былъ такой книжникъ и философъ, какого прежде въ Россіи не бывало.

Послѣ Климентова избранія Кіевская церковь опять подчинилась вполнѣ Константинопольскому патріарху, который впрочемъ обѣщался В. К. Ростиславу (1162) не присылать въ Кіевъ митрополита безъ согласія Великаго Князя.

Помощниками митрополита Кіевскаго были епископы.

Кромѣ древнѣйшихъ епархій: Новогородской, Ростовской, Черниговской, Бѣлгородской, Владимирской на Волыни, во 2 половинѣ 11 вѣка сдѣлались извѣстными: Тмутаранская, около 1068, Переяславская и Юрьевская на Роси въ 1072. Въ 12 вѣкѣ: Полоцкая около 1105 г., Туровская въ 1114 г., Смоленская въ 1137 г. Галицкая въ 1157 г., Рязанская около 1207 г., Владимирская на Клязьмѣ въ 1215 г., и Угровская, передъ нашествіемъ Татаръ.

Замѣчателенъ обрядъ *настолованія* новопоставленныхъ епископовъ и митрополитовъ, совершавшійся тогда у насъ по примѣру церкви Греческой: чрезъ нѣсколько дней послѣ рукоположенія епископа или прибытія митрополита изъ Греціи, новый святитель возводимъ былъ другими святителями, во время литургіи, по прочтеніи Евангелія на столъ, или каѳедру, стоявшую среди церкви, и торжественно привѣтствованъ возглашеніемъ его епархіи и цѣлованіемъ. Такъ митрополитъ Иларіонъ самъ свидѣтельствуетъ о себѣ, что онъ, по рукоположеніи, былъ *настолованъ*: о митрополитѣ Никифорѣ замѣчено, что онъ прибылъ на Русь 6 Декабря, а 18 того же мѣсяца *на столъ посаженъ*; о Черниговскомъ епископѣ Ѳеоктистѣ сказано, что онъ поставленъ во епископы Января 12, а *посаженъ на столъ* 19.

Рукоположеніе, большею частію, совершалось въ Кіевѣ, а послѣ, иногда и въ новой великокняжеской столицѣ — Владимирѣ на Клязьмѣ; и для участія въ рукоположеніи обыкновенно приглашаемы были окрестные іерархи.

Власти митрополита подчинялись епископы. Онъ иногда самъ непосредственно избиралъ епископовъ, иногда только утверждалъ избранныхъ князьями и людьми.

Нѣкоторыя посвященія сопровождались великою торжественностью, напримѣръ Суздальскаго епископа Кирилла II, при князѣ Володимерѣ (Рюриковичѣ) и сынѣ его Ростиславѣ, воеводство тогда держащу Кіевской тысячи Іоанну Славновичу. Были въ то время въ Кіевѣ и многіе другіе князья на сонмѣ: Михаилъ, князь Черниговскій, и сынъ его Ростиславъ, Мстиславичъ Мстиславъ, Ярославъ, Изяславъ и Ростиславъ Борисовичъ, и многіе другіе. Съ митрополитомъ Кирилломъ священнодѣйствовали: Порфирій Черниговскій, Олекса Полоцкій, епископы Бѣлогородскій и Юрьевскій, архимандритъ Печерскій Аннудинъ, игумены Спасскій, Андреевскій, Ѳедоровскій, Васильевскій, Воскресенскій, Кирилловскій, изъ Чернигова игуменъ мученическій. По посвященіи былъ великій праздникъ въ монастырѣ: «ѣша и пиша... много множество людій

преизлиха зѣло, ихже не бѣ мощи и счести». Дома встрѣченъ онъ былъ торжественно, «и бысть радость велика во градѣ Ростовѣ.»

Митрополитъ пользовался правомъ суда и расправы надъ епископами: такъ, митрополитъ Климентъ Смолятичъ вытребовалъ (1149) въ Кіевъ, и заключилъ въ Печерскій монастырь, Новгородскаго епископа Нифонта, который не хотѣлъ повиноваться ему, и поминать его въ церковныхъ молитвахъ, а митрополитъ Константинъ (1163) на время лишилъ епископіи Ростовскаго епископа Нестора по доносу на него «отъ своихъ домашнихъ,» но потомъ возвратилъ ему епархію, увидѣвъ его невинность и заключивъ въ темницу самыхъ доносчиковъ.

Послѣ епископовъ, власть митрополита простиралась и на все духовенство: тотъ же митрополитъ Константинъ, какъ только прибылъ въ Кіевъ, лишилъ-было сана всѣхъ, рукоположенныхъ Климентомъ, но вскорѣ разрѣшилъ священнослуженіе пресвитерамъ и діаконамъ, а митрополитъ Константинъ II писалъ посланіе къ игуменамъ и священникамъ епархіи Ростовской, чтобы они не повиновались своему епископу Ѳеодору, пока онъ не придетъ въ Кіевъ, и не приметъ благословенія у первосвятителя Русской церкви.

Соборовъ, бывшихъ у насъ, въ настоящій періодъ, по важнѣйшимъ дѣламъ церковнымъ, извѣстно четыре, которые всѣ происходили въ Кіевѣ. Первый созванъ былъ въ 1147 г. Великимъ Княземъ Изяславомъ для избранія и рукоположенія митрополита Климента. Второй собирался около 1160 г. по случаю изгнанія изъ епархіи княземъ Андреемъ Боголюбскимъ Ростовскаго епископа Нестора: соборъ разсмотрѣлъ всѣ обвиненія, какія взводилъ князь на этого епископа, и призналъ его совершенно невиннымъ. Третій (1168) имѣлъ цѣлію рѣшить волновавшіе тогда церковь споры о постѣ въ среду и пятокъ, когда въ эти дни случится великій праздникъ, хотя вслѣдствіе сильнаго разногласія въ мнѣніяхъ между членами не рѣшилъ ничего. На четвертомъ (1169) былъ судимъ и осужденъ на смерть Ростовскій епископъ Ѳеодоръ, какъ нераскаянный еретикъ и злодѣй.*

Впрочемъ, кромѣ этихъ четырехъ, вѣроятно, были и другіе соборы: по крайней мѣрѣ, въ лѣтописи не разъ упоминаются епископы, собранные въ Кіевѣ.

Участіе князей и народа въ дѣлахъ церковныхъ постоянно обнаруживалось при избраніи епископовъ. Если въ какой-либо епархіи умиралъ епископъ или оставлялъ каѳедру, мѣстный князь вмѣстѣ съ своими подданными избиралъ кандидата, отправлялъ его въ Кіевъ къ В. К. Кіевскому и митрополиту, и просилъ о рукоположеніи. Такое избраніе, согласное съ древними обычаями церкви, считалось законнымъ. Если же митрополитъ самъ, безъ сношенія съ мѣстнымъ княземъ, поставлялъ куда-либо епископа, то избраніе могло оспориваться. Въ 1183 г., когда скончался Ростовскій епископъ Леонъ, митрополитъ Никифоръ поставилъ въ Ростовъ епископомъ Николая Грека, но Великій Князь Владимирскій и Суздальскій, Всеволодъ Юрьевичъ, не принялъ его, говоря: «не избраша сего людіе земли нашея,» и послалъ въ Кіевъ просить князя Святослава и митрополита, чтобы въ Ростовъ поставленъ былъ

* См. ниже.

епископомъ смиренный игуменъ Спасскаго монастыря на Берестовѣ Лука. Митрополитъ, съ своей стороны, не хотѣлъ уступить; но «неволею великою Всеволода и Святославлею» поставилъ Луку епископомъ въ землю Суздальскую, назначивъ Николаю другую епархію, Полоцкую. Лѣтописецъ при этомъ замѣчаетъ: «нѣсть бо достойно наскакати на святительскій чинъ на мздѣ, но его же Богъ позоветъ и Св. Богородица, князь восхочетъ и людье,»—указывая тѣмъ на общее правило, какого держались тогда искони при избраніи епископовъ.

Вслѣдствіе такого близкаго участія князей въ избраніи епископовъ и говорится въ лѣтописяхъ, что, напримѣръ, Кіевскій князь Рюрикъ «постави епископомъ въ Бѣлгородъ отца своего духовнаго, Выдубицкаго игумена Адріана;» Суздальскій князь Всеволодъ «посла на епископство въ Русскій Переяславль Павла (1198),» и проч.

Въ Новѣгородѣ, гдѣ всѣ важнѣйшія дѣла рѣшало народное вѣче, и избраніе епископа совершалось вѣчемъ. Въ 1156 году, когда скончался Новогородскій епископъ Нифонтъ, собрались, говоритъ мѣстная лѣтопись, жители всего города, и изволили поставить (т. е. избрать) себѣ епископомъ мужа богоизбраннаго Аркадія; они пошли всѣмъ народомъ, взяли его изъ монастыря отъ Св. Богородицы,—князь Мстиславъ Юрьевичъ, весь клиръ св. Софіи, и всѣ городскіе священники, игумены и чернецы, ввели его въ дворъ св. Софіи, и поручили ему епископію. Точно также, по смерти архіепископа Иліи (1186), Новогородцы, сдумавъ съ княземъ своимъ Мстиславомъ, и съ игуменами и съ священниками, изволили поставить себѣ епископомъ брата Иліи Гавріила. Въ 1193 г., по смерти архіепископа Гавріила, Новогородцы вмѣстѣ съ княземъ Ярославомъ, игуменами, Софійскимъ духовенствомъ и всѣми священниками, гадали между собою: одни желали избрать на епископію Митрофана, другіе Мартирія, третьи какого-то Гричина (мірское имя, или передѣланное изъ Григорія), и была между ними распря. Тогда положили на святой трапезѣ (въ Софійскомъ соборѣ) три жребія, и послали съ вѣча слѣпца, чтобы онъ взялъ жребій того, кого Богъ дастъ, и вынулся Божіею милостію жребій Мартирія. Немедленно послали за нимъ, привели его изъ Русы и посадили во дворѣ св. Софіи.

Кромѣ того, въ дѣлѣ избранія епископовъ у Новогородцевъ замѣчаются и другія особенности. Тогда какъ въ прочихъ епархіяхъ во епископы избирались почти исключительно настоятели обителей, Новгородцы часто избирали себѣ владыкъ изъ простыхъ иноковъ, даже изъ бѣлаго духовенства. Такъ Илья и братъ его Григорій избраны были изъ священниковъ приходскихъ Новгородскихъ церквей, Спиридонъ изъ іеродіаконовъ Юрьевскаго монастыря, а Антоній и Арсеній изъ простыхъ черноризцевъ Хугыня монастыря. Князь Михаилъ, предлагая Новгородцамъ въ 1229 году избрать новаго владыку, соотвѣтственно ихъ обычаю, выразился: «поищите себѣ такого мужа, въ попѣхъ ли, въ игуменѣхъ ли, въ чернцѣхъ ли». Тотчасъ по избраніи новаго епископа, Новгородцы вводили его во дворъ св. Софіи, и предоставляли ему управлять епархію, а сами отправляли пословъ къ митрополиту съ просьбою поставить имъ избраннаго владыку. Когда митрополитъ изъявлялъ свое согласіе, и присылалъ за

новоизбраннымъ съ великою честію: этотъ послѣдній торжественно ѣхалъ въ Кіевъ со свитою, и принималъ тамъ рукоположеніе. Случалось, что избранный во епископа управлялъ Новгородскою епархіею до своего посвященія довольно долго, дожидаясь, пока «будетъ отъ митрополита позваніе:» напримѣръ Аркадій управлялъ около двухъ лѣтъ, Илія и Митрофанъ по стольку же, а Арсеній, возведенный на владычныя «сѣни» изъ чернецовъ Хутыня монастыря, хотя правилъ епархіею два года, но посвященія вовсе не дождался: потому что, по происшествіи двухъ лѣтъ, былъ изгнанъ Новогородцами въ ту же обитель.

Принимая такое полное участіе въ избраніи для себя архипастырей, князья, а по мѣстамъ и народъ, иногда присвояли себѣ право и удалять ихъ съ каѳедры прежде суда надъ ними церковнаго, или даже вовсе безъ этого суда. Въ 1157 г. изгнанъ былъ изъ своей епархіи Ростовскій епископъ Несторъ за то, что не разрѣшалъ поста въ среду и пятокъ для праздниковъ Господскихъ, кромѣ Рождества Христова и Богоявленія, и еще за какія-то другія вины, которыя взводилъ на него князь Андрей Боголюбскій. Кіевскій митрополитъ Θеодоръ разсмотрѣлъ дѣло Нестора соборнѣ и совершенно оправдалъ его: но Боголюбскій не хотѣлъ принять избраннаго епископа, и Несторъ долженъ былъ искать себѣ защиты у Цареградскаго патріарха. Патріархъ также нашелъ его невиннымъ, и неоднократно просилъ Боголюбскаго о принятіи его: но не видно и послѣ этого, чтобы Несторъ былъ принятъ.

Въ 1159 г. Ростовцы и Суздальцы, съ согласія князь своего, Андрея Боголюбскаго, изгнали отъ себя епископа Леона за то, что онъ, будучи поставленъ въ Ростовѣ незаконно, еще при жизни Нестора, безъ нужды умножалъ число церквей и грабилъ духовныхъ. Чрезъ нѣсколько времени Боголюбскій принялъ Леона, но въ 1164 г. изгналъ опять. Вскорѣ возвратилъ его снова, впрочемъ только въ Ростовъ, а не въ Суздаль; но черезъ четыре мѣсяца изгналъ въ третій разъ: потому что Леонъ не соглашался разрѣшать постъ въ среду и пятокъ ни для какихъ господскихъ праздниковъ.

Въ 1168 г. Черниговскій князь Святославъ изгналъ также изъ епархіи епископа своего Антонія, будучи недоволенъ тѣмъ, что Антоній строго возбранялъ ему разрѣшать постъ среды и пятка для праздниковъ господскихъ кромѣ двухъ: Рождества Христова и Богоявленія.

Такимъ образомъ и въ церковныхъ дѣлахъ мы видимъ ту же неопредѣленность, какъ и въ гражданскихъ,—по крайней возможность, обычай, уклоняясь отъ правилъ, соображаютъ съ обстоятельствами и современными требованіями.

Въ дѣлахъ, собственно гражданскихъ, епископы зависѣли отъ князей. Такъ, когда въ 1208 году Великій Князь Всеволодъ Владимирскій, огорченный непокорностію Рязанцевъ, повелѣлъ ихъ городъ сжечь, а самихъ всѣхъ отвесть въ свою столицу, онъ плѣнилъ и епископа ихъ Арсенія, который содержался во Владимирѣ четыре года, пока не былъ отпущенъ со всѣми Рязанцами.

Въ 1229 г. Ростовскій епископъ Кириллъ, вслѣдствіе княжескаго суда, происходившаго на «сонмѣ,» лишился всего своего богатства.

Но болѣе всѣхъ позволяли себѣ власти по отношенію къ своимъ владыкамъ—Новогородцы. Въ 1212 г. они прогнѣвались за что-то на архіепископа Митрофана, и, не давъ ему оправдаться, удалили его въ Торопецъ, а себѣ избрали новаго владыку, Хутынскаго чернеца Антонія. Черезъ шесть лѣтъ Митрофанъ возвратился въ Новгородъ, и Новогородцы проводили его въ Благовѣщенскій монастырь, а въ слѣдующемъ (1219) году, когда Антоній поѣхалъ въ Торжокъ, ввели Митрофана въ дворъ владычній и посадили снова на каѳедру, пославъ сказать Антонію: «иди себѣ, куда хочешь.» Антоній однакожъ пришелъ въ Новгородъ, и остановился въ Спасскомъ Нередицкомъ монастырѣ. Не зная, что дѣлать, Новогородцы отправили обоихъ архіепископовъ на судъ къ митрополиту. Митрополитъ порѣшилъ тѣмъ, что Митрофана возвратилъ въ Новгородъ, а Антонію далъ Перемышльскую епархію. По смерти Митрофана (1223), Новогородцы избрали себѣ владыкою Хутынскаго чернеца Арсенія, но чрезъ два года съ радостію приняли прежняго своего архіепископа Антонія, пришедшаго изъ Перемышля, и Арсеній долженъ былъ оставить свое мѣсто. Когда Антоній, лишившись употребленія языка, добровольно отказался отъ каѳедры (1228), и заключился въ Хутынскомъ монастырѣ, Арсенію снова предоставлено было управленіе епархіею. Но вскорѣ, по случаю безпрестанныхъ дождей, опустошавшихъ поля, народъ возсталъ на Арсенія, и составилъ противъ него вѣче, говоря: это за то мы страждемъ, что онъ выпроводилъ Антонія въ Хутынь, а самъ несправедливо занялъ владычній престолъ, подкупивъ князя. Съ шумомъ ворвались безразсудные въ архіерейскій домъ, выгнали изъ него Арсенія, и едва не умертвили, такъ что онъ съ трудомъ спасся въ Софійскомъ соборѣ. На другой день извлекли архіепископа Антонія, больнаго и нѣмаго, изъ Хутыня монастыря и посадили на святительской каѳедрѣ, давъ ему въ помощники двухъ свѣтскихъ чиновниковъ. Уже князь Михаилъ Черниговскій, прибывшій (1229) управлять Новогородцами, убѣдилъ ихъ избрать новаго владыку, вмѣсто больнаго и изнемогшаго старца.

Участіе князей и народа обнаруживалось также въ открытіи новыхъ епархій, напримѣръ, Рязанской, Смоленской и иногда въ установленіи праздниковъ, — напримѣръ, 18 Іюля, въ память явленія Богоматери Андрею Боголюбскому, и 1 Августа, по случаю побѣды его надъ Болгарами, — въ избраніи игуменовъ, перемѣщеніи ихъ и удаленіи отъ должности.

Изъ епископовъ примѣчательнѣйшіе были въ Новѣгородѣ: *Лука Жидята*,—первый изъ Русскихъ епископовъ, (1036),—при которомъ строился и освященъ былъ Софійскій соборъ (въ 1051). Будучи оклеветанъ слугою своимъ Дудикомъ, онъ вызванъ былъ на судъ митрополита въ Кіевъ, и содержался тамъ три года. По оправданіи пріѣзжалъ въ другой разъ въ Кіевъ, и на пути скончался (вѣроятно 1058 г., Октября 15). Послѣ него осталось поученіе.*

Св. Никита, изъ Печерскихъ затворниковъ,** прославился святостію своей жизни. (1096 — 1107). Новогородская лѣтопись приписываетъ его молитвамъ низведеніе дождя во время засухи, и прекращеніе одного губительнаго пожара.

* См. ниже. ** Также.

Св. Нифонтъ, также изъ Печерскихъ затворниковъ (1130), отличался знаніемъ церковныхъ законовъ и строгостію правилъ; не хотѣлъ вѣнчать Новогородскаго князя Святослава Ольговича,* и запретилъ подвѣдомому духовенству; не соглашался на избраніе митрополитомъ Климента мимо воли патріаршей, за что послѣ (1149) посаженъ былъ В. К. Изяславомъ Мстиславичемъ въ Печерскій монастырь, гдѣ и оставался до прибытія Юрьева, который отпустилъ его въ Новгородъ. Отсюда отправился онъ опять въ Кіевъ для встрѣчи новаго митрополита, занемогъ тамъ, и скончался. Лѣтописецъ Новогородскій прославляетъ его, осуждая хулителей: «который епископъ тако украси святую Софію, притворы исписа, кивотъ сотвори, и всю извну украси, а Плесковѣ святаго Спаса церковь созда камяну, другую въ Ладозѣ святаго Климента. Мню бо, яко нехотя, по грѣхомъ нашимъ, дати намъ на утѣху гроба его, отведе и Кіеву, и тамо преставися и положиша и въ Печерскимъ монастырѣ у Святѣи Богородицы въ печерѣ.»

Сохранились отвѣты его, по поводу разныхъ церковныхъ недоумѣній, доместику Кирику.**

Св. Илія (Іоаннъ) родился въ Новѣгородѣ, гдѣ служилъ спачала священникомъ при церкви св. Власія; его молитвамъ приписывается спасеніе Новагорода отъ рати Андрея Боголюбскаго.*** Ему и брату его *Гавріилу*, бывшему преемникомъ, принадлежитъ основаніе многихъ церквей въ Новѣгородѣ.

Во Владимирѣ Волынскомъ, святый Стефанъ, ученикъ и сотрудникъ св. Ѳеодосія, назначавшаго быть ему его преемникомъ въ Печерскомъ монастырѣ, рукоположенный въ 1091 году.

* См. выше, 310. **Антиминсъ его см. въ атласѣ.
***См. выше, с. 317.

Въ Ростовѣ, св. *Леонтій,* котораго дѣятельность мы видѣли выше въ описаніи разпространенія христіанской вѣры.*

Св. Исаія, Кіевлянинъ, изъ Печерскихъ иноковъ, продолжавшій съ успѣхомъ дѣло св. Леонтія.**

Пахомій (†1218). «Сь бѣ агня, а не волкъ, не бѣ бо хитая отъ чюжихъ домовъ богатьства, ни сбирая его, ни тѣмъ хваляся, но паче обличаше грабителя и мздоимца, поревновавъ праву Златоустаго, и преходя отъ дѣла въ дѣло уншее,... не согбенѣ руцѣ имѣя на вданье ихъ, но отверзенѣ отинудь».

Кириллъ I, оставившій въ 1229 г. по болѣзни епископію. Это былъ богатѣйшій изъ Ростовскихъ епископовъ, кунами и селами, книгами и всякимъ товаромъ. По суду князя Ярослава, *случившагося* на сонмѣ въ Ростовѣ, онъ лишился всего своего имѣнія, нѣкакою тяжею. Что же? Онъ ни мало не огорчился, воздалъ хвалу Богу, и все остальное роздалъ любимымъ и нищимъ, а самъ принялъ схиму.

Кириллъ II Онъ прежде служилъ архимандритомъ въ Рождественскомъ монастырѣ въ Владимирѣ. Ростовскіе князья—Василько, Всеволодъ и Владимиръ, послали просить своего дядю В. К. Георгія и владыку Митрофана, чтобъ онъ отпустилъ Кирилла на епископство въ Ростовъ, на что и послѣдовало согласіе (1230). Князья и княгини, бояре и всѣ мужи Ростовскіе, духовенство и всѣ граждане отъ мала и до велика, вышли къ нему на встрѣчу, и ввели его

* См. выше, с. 543. ** Тамъ же.

въ соборную церковь Святыя Богородицы. Лѣтописи прославляютъ единогласно этого епископа, свидѣтельствуя, что онъ былъ достойный настольникъ и намѣстникъ святыхъ Леонтія, Исаіи и Нестора, «не оста ничимъ же прежнихъ епископъ, слѣдуя нравомъ ихъ и ученію, не токмо бо словомъ уча, но и дѣломь кажа». Князья и вельможи, всѣхъ возростовъ, не только простые люди, но попы и игумены, приходившіе изъ окрестныхъ городовъ, дивились, «послушающе ученья его яже отъ святыхъ книгъ, со страхомъ и покореньемъ.»

Этотъ епископъ прославился еще украшеніемъ соборной церкви Ростовской.

Св. Кириллъ Туровскій, родился и воспитывался въ Туровѣ, на рѣкѣ Припети, отъ богатыхъ родителей. Съ молодыхъ лѣтъ пристрастился къ книжному ученію, и поступилъ въ монастырь. Тамъ вскорѣ прославился онъ духовными добродѣтелями, и по просьбѣ князя и жителей города со столпа, гдѣ подвизался въ постѣ и молитвахъ, возведенъ былъ на епископскую каѳедру. На каѳедрѣ проповѣдьми заслужилъ имя Россійскаго Златоуста.* Около 1182 года, оставивъ служеніе, уединился.

Св. Симонъ, первый епископъ *Владимирскій*, поставленъ въ 1115 г., и скончался въ 1126 году, извѣстенъ посланіемъ къ иноку Поликарпу, въ коемъ заключаются извѣстія о нѣкоторыхъ Печерскихъ угодникахъ.**

Духовенство не принимало у насъ участія въ управленіи и вообще въ свѣтскихъ дѣлахъ: митрополитъ и епископы были въ строгомъ смыслѣ только учителями и блюстителями вѣры и благочестія. Только ходатайство за обвиненныхъ и умиротвореніе противниковъ принимали они на себя предъ князьями, и голосъ ихъ всегда имѣлъ значеніе и силу.

Такъ духовенство ходатайствовало за Василька (1097).* Такъ митрополитъ Николай уговорилъ Мономаха помириться съ Святополкомъ (1097).** Когда Юрій Долгорукій хотѣлъ выдать Ярославу Галичскому двоюроднаго брата его, митрополитъ говорилъ Юрію; грѣхъ тебѣ цѣловавъ крестъ, держать его въ такой нуждѣ, а ты ему хочешь выдать его на убійство. И Юрій послушался (1157).*** Князь! мы Богомъ поставлены въ Русской землѣ, чтобъ удерживать васъ отъ кровопролитія, говорилъ митрополитъ Великому Князю Рюрику, и предотвратилъ войну съ Великимъ Княземъ Всеволодомъ Суздальскимъ (1195).****

Иногда сами князья отдавали себя на судъ духовныхъ лицъ.

Касательно содержанія—каѳедры святительскія пользовались: а) *десятиною* или *недвижимымъ имѣніемъ*. Володимеръ назначилъ построенному имъ Богородничному храму *десятину*, изъ своихъ доходовъ. Митрополитъ Кириллъ писалъ, что князья выполняли уставъ Володимера о десятинѣ, даже дѣлали болѣе—«*къ тому и много приложили... и волости дали со всѣми прибытки*». Извѣстны по лѣтописи населенныя помѣстья Кіевской десятинной церкви. Грамоты Новгородскаго князя Святослава и Смоленскаго Ростислава показываютъ, что завѣщаніе Володимера о десятинѣ отнесено было ко всѣмъ каѳедрамъ епископовъ, но съ примѣненіемъ къ средствамъ того или другаго края. Князь Святославъ, находя,

* См. ниже. ** См. ниже.

* См. выше, с. 113. ** с. 115 *** с. 178. **** с. 201.

что сборъ десятины произведеніями земли затруднителенъ и для князя и для епископа, опредѣлилъ вмѣсто того для каѳедры Новогородскаго епископа постоянный денежный окладъ, равный десятой части доходовъ князя. Другіе князья замѣняли ту же десятину частію денежнымъ окладомъ, частію же угодьями. О каѳедральной Владимирской церкви сказано, что Боголюбивый князь Андрей надѣлилъ ее лучшими помѣстьями, отдалъ ей пошлину съ десятаго торга и княжескихъ стадъ.

Въ пользу епископовъ опредѣлены были *судныя пошлины*, какъ пеня съ виновнаго и вознагражденіе за трудъ судьѣ.

По памятникамъ видно, что назначена еще плата съ новопоставляемыхъ духовныхъ лицъ и съ церквей.

Эти доходы митрополитъ и епископы употребляли не для себя однихъ. Митрополитъ Кириллъ писалъ, что имущество каѳедры идетъ на содержаніе клира, каѳедральнаго храма и дома, на содержаніе нищихъ, больныхъ, странниковъ, сиротъ и вдовъ, въ пособіе потерпѣвшихъ отъ пожара и несправедливаго суда, на возобновленіе церквей и монастырей. Такъ домъ епископа былъ домомъ призрѣнія всякой нищеты.

По Несторову житію пр. Ѳеодосія видимъ, что для Печерской обители еще при жизни пр. Ѳеодосія пожертвованы были помѣстья. То же дѣлано было и для другихъ обителей. Обители съ своей стороны, какъ и епископы, обращали часть пожертвованій въ пользу людей нуждавшихся. Такъ пр. Ѳеодосій отдѣлилъ десятую часть доходовъ на содержаніе больныхъ и бѣдныхъ, и сверхъ того каждую субботу посылалъ возъ хлѣбовъ заключеннымъ въ темницахъ.

Приходскіе храмы обезпечиваемы были отчасти пожертвованіями своихъ строителей и благотворителей, какъ напр. для Вышгородскаго храма назначена была десятина. Ярославъ, строя по городамъ и селамъ храмы, давалъ священникамъ *отъ имѣнія своего урокъ*.

Общимъ же источникомъ содержанія причту были добровольныя пожертвованія прихожанъ, какъ это было съ первыхъ временъ христіанства. Кромѣ того священникамъ дозволялось обращать въ свою пользу доходъ отъ продажи ладона и церковнаго вина.

БОГОСЛУЖЕНІЕ.

Св. таинства, службы, обрядъ погребенія, церковныя правила,—митрополита Іоанна къ Іакову черноризцу, отвѣты на вопросы діакона Кирика, постановленіе Новог. архіепископа Иліи,—богослужебныя книги, праздники, 9 мая, святцы, пасхалія, лѣтосчисленіе церковное и гражданское, посты, кресты, церковное пѣніе, храмы, ихъ украшенія, иконы, мощи, церковныя вещи, монастыри.

Обращаясь къ священнодѣйствіямъ церкви, остановимся прежде всего на важнѣйшихъ изъ нихъ, св. таинствахъ.

Крещеніе совершалось тогда у насъ чрезъ троекратное погруженіе. «Они, « говоритъ преп. Ѳеодосій о Латинянахъ,» крещаются

въ едино погруженіе, а мы въ три». Крещаемыхъ называли непремѣнно именами Святыхъ, а не какими-либо другими, вопреки обычаю тѣхъ же Латинянъ, хотя оставался еще обычай, особенно между князьями, кромѣ христіанскаго имени, давать дѣтямъ и народныя названія. Крещеніе совершалось преимущественно въ 40 день, какъ и въ Греціи того времени.

Вслѣдъ за крещеніемъ совершалось таинство *Мѵропомазанія*: «мы крещающагося мажемъ мѵромъ и масломъ, а они крещающемуся сыплютъ соль въ уста,» говоритъ о Латинянахъ преп. Ѳеодосій, и повторяютъ нѣкоторые другіе наши писатели. Совершать мѵропомазаніе предоставлялось не однимъ епископамъ, какъ было уже у западныхъ христіанъ, но и священникамъ. Въ житіи просвѣтителя Муромцевъ, князя Константина, хотя и по позднѣйшему изводу, повѣствуется, что вслѣдъ за тѣмъ, какъ жители Мурома крестились въ Окѣ, епископы и священницы мазаху хризмою чело, очи, уста, ноздри и уши крестившихся, и, надѣвши вѣнцы червленные на главы ихъ, обязаща кресты и возложиша на нихъ бѣлыя ризы, и даша всѣмъ свѣщи горящія въ руцѣ».

О таинствѣ *покаянія* ясно свидѣтельствуетъ извѣстное посланіе черноризца Іакова къ Великому князю Изяславу, гдѣ Іаковъ, какъ духовный отецъ, разрѣшаетъ своего духовнаго сына отъ всѣхъ грѣховъ, имъ исповѣданныхъ, и преподаетъ ему различныя наставленія. Митрополитъ Никифоръ въ словѣ на недѣлю сыропустную объясняетъ самыя условія истиннаго покаянія, убѣждаетъ приносить чистосердечную исповѣдь предъ отцами духовными и исполнять налагаемыя отъ нихъ епитиміи. Относительно кающихся, правила русскихъ пастырей отличались благоразумной снисходительностію. Если человѣкъ кается и грѣховъ у него много, какъ поступить спрашивалъ Кирикъ. Святитель Іоаннъ не велѣлъ тогда же налагать епитиміи, но назначить что нибудь малое, да обучится; потомъ по не многу прибавлять, безъ излишняго отягченія.

Таинство *Евхаристіи* совершаемо было у насъ на хлѣбѣ квасномъ и на винѣ, растворенномъ водою. Все похожее на Латинскія индульгенціи, воспрещалось строго.

Кириллъ спрашивалъ епископа Нифонта, можно ли служить на одной просфорѣ. Нифонтъ отвѣчалъ: если это будетъ далеко въ селѣ, а взять другой просфоры негдѣ— достоитъ служить; если же будетъ близко торгъ, гдѣ можно купить, то не достоитъ.

Давая наставленія о заупокойной литургіи, тотъ же Святитель говоритъ: всегда же служи на трехъ просфорахъ, одна великая, отъ нея отдѣляй агнецъ — здѣсь мертвый не поминается, а тѣ двѣ за упокой.

Относительно другихъ просфоръ въ древнихъ служебникахъ нѣтъ счета, и не видно опредѣленнаго положенія объ ихъ числѣ.

О совершеніи таинства *священства*, т. е. рукоположенія и постановленія на священныя степени епископа, пресвитера и діакона, многократно упоминаетъ пр. Несторъ въ своей лѣтописи и житіи св. Ѳеодосія.

Таинство *брака*, т. е. благословеніе церкви и вѣнчаніе считалось необходимымъ для всѣхъ брачущихся, и такъ какъ нѣкоторые простые люди вступали въ браки безъ благословенія церковнаго и вѣнчанія,

предоставляя это только боярамъ и князьямъ: то пастыри церкви принимали мѣры для вразумленія невѣждъ.

Прекрасно обыкновеніе Русскаго христіанства того времени, замѣчаетъ пр. Филаретъ Черниговскій, пріобщаться св. таинъ брачущимся.

Наконецъ сохранилось свидѣтельство и о таинствѣ *елеосвященія*, что оно совершалось въ нашей церкви. Если кто, повѣтствуетъ лѣтописецъ, приносилъ въ монастырь больное дитя, какимъ бы недугомъ оно ни было одержимо, или и взрослый человѣкъ, одержимый какимъ-либо недугомъ, приходилъ въ монастырь къ блаженному Θеодосію, то онъ повелѣвалъ пресвитеру Даміану творить молитву надъ болящимъ, и тотчасъ, какъ Даміанъ совершалъ молитву и помазывалъ масломъ святымъ, приходившіе исцѣлялись.

Обычай *погребать* умершихъ при церквахъ, начавшійся у насъ еще прежде, продолжался и въ настоящій періодъ. Почти всѣ князья, о смерти которыхъ упоминаетъ лѣтопись, погребены были въ церквахъ. Даже простые міряне удостоивались этой чести: такъ благочестивая супруга Кіевскаго посадника Яна, по имени Марія, бывшая духовною дочерію преп. Θеодосія, положена была по смерти своей въ великой Печерской церкви на лѣвой сторонѣ, противъ гроба самаго Θеодосія.

Разрѣшительную молитву по свидѣтельству еп. Симона, начали полагать въ руки умершихъ, со времени погребенія Варяга Шимона, участвовавшаго въ построеніи Печерской церкви, и просившаго о томъ преп. Θеодосія.

Касательно церковныхъ *службъ* — изъ отвѣтовъ Русскихъ пастырей Нифонта, Саввы и Іоанна видимъ, что тогда извѣстны были литургіи Златоустаго и Василія Великаго, также чинъ преждеосвященной литургіи.

Изъ другихъ священнодѣйствій, древнія свидѣтельства упоминаютъ о вечернѣ, навечернѣ, полунощницѣ, утрени, часахъ, и вообще о всѣхъ службахъ вседневныхъ; еще объ освященіи церквей, которое иногда совершалось очень торжественно самимъ митрополитомъ и даже соборомъ епископовъ по чину, сходному съ настоящимъ.

Изъ *богослужебныхъ книгъ*, кромѣ переведенныхъ еще при св. Кириллѣ и Меθодіѣ, употреблялись и вновь переводимыя, напримѣръ службы избраннымъ святымъ, писанныя Θеофаномъ Никейскимъ (857) и Іосифомъ Пѣснопѣвцемъ (887), тріодь Θеодора и Іосифа Студитовъ. До насъ дошло нѣсколько памятниковъ этого рода, изъ 11 и 12 вѣка, какъ-то стихирарь, октоихъ, служебникъ, праздничныя минея, тропари праздниковъ, стихиры и каноны великихъ праздниковъ, начиная съ Благовѣщенія.

Въ концѣ 11 вѣка упоминается и Русскій творецъ каноновъ, Григорій, который написалъ, вѣроятно, службу пр. Θеодосію, также св. Борису и Глѣбу.

Что касается до *праздниковъ*—Русскою церковью приняты были всѣ праздники Греческой,—и установлено нѣсколько своихъ.

Самымъ радостнымъ изъ своихъ былъ праздникъ св. Страстотерпцевъ, Бориса и Глѣба, коихъ мощи найдены были нетлѣнными, и положены въ построенномъ В. К. Ярославомъ Вышегородскомъ храмѣ. Мая 2,

1072 года онѣ были перенесены торжественно В. К. Изяславомъ съ братьями,* и въ 1115 г. Мономахомъ съ Ольговичами 14 августа, во вновь построенную каменную церковь.**

Въ 1108 г. митрополитомъ Никифоромъ вписано въ синодикъ имя пр. Θеодосія, котораго мощи открыты лѣтописателемъ Несторомъ.

Въ 1164 г. при копаніи рвовъ для новой соборной церкви въ Ростовѣ, по волѣ В. К. Андрея Боголюбскаго, обрѣтены мощи святителей Леонтія и Исаіи.

Нѣтъ сомнѣнія, говоритъ пр. Филаретъ, что въ 11 вѣкѣ уже ублажалась память равноапостольнаго князя Володимера, и бабы его В. К. Ольги, но неизвѣстно, когда и кѣмъ были установлены эти празднества.

Изъ Славянскихъ святыхъ, кромѣ первоучителей св. Кирилла и Меθодія чествовались дни Чешскаго князя Вячеслава, и бабы его Людмилы.

Праздновался Покровъ Богоматери, видѣнный Болгариномъ св. Андреемъ въ Константинополѣ.

Празднованіе Кресту Христову, или, какъ говорятъ въ просторѣчіи, первому Спасу, 1 августа, подтверждено по случаю побѣды въ тотъ день, В. К. Андреемъ Боголюбскимъ надъ Болгарами, и Императоромъ Мануиломъ надъ Арабами. Прежде въ Греціи праздновалось поклоненіе Честному Древу, 31 іюля.

Мѣстно чтилась память св. Антонія, убіеннаго князя Игоря, Новогородскаго епископа Никиты и проч.

* См. выше, с. 102. ** См. выше, с. 128.

О святыхъ отцахъ и святыхъ женахъ, причтенныхъ къ лику святыхъ впродолженіи періода 1054—1240, см. ниже.

Кромѣ праздниковъ, явившихся по случаю перенесенія или открытія св. мощей въ нашемъ отечествѣ, установленъ тогда у насъ праздникъ 9-го Мая, въ память перенесенія св. мощей святителя Николая изъ Миръ-Ликійскихъ въ городъ Баръ. Древнія наши лѣтописи совершенно молчатъ объ этомъ событіи; позднѣйшія говорятъ только о перенесеніи мощей, не упоминая объ установленіи праздника. Но сохранилось слово на перенесеніе мощей святителя Николая, сказанное у насъ однимъ изъ современниковъ событія, и свидѣтельствующее, что къ концу XI или въ началѣ XII вѣка, праздникъ этотъ уже существовалъ въ Русской церкви, какъ дѣйствительно онъ и означенъ въ мѣсяцословѣ при Евангеліи 1144 года.

Почему въ нашей церкви былъ онъ установленъ, — главными побужденіями могли быть: а) глубокое уваженіе къ святителю Николаю, издавна господствовавшее на всемъ востокѣ, и изъ Греціи перешедшее въ Россію; б) еще болѣе—вѣсть о многочисленныхъ чудесахъ, какими сопровождалось перенесеніе мощей въ Апулійскій городъ Баръ, гдѣ жили еще христіане православнаго исповѣданія, подвѣдомые Цареградскому патріарху, хотя находились уже и латиняне; в) наконецъ, то важное обстоятельство, что, во время самаго перенесенія мощей святителя Николая, онъ и въ Кіевѣ совершилъ разныя чудеса, и, между прочимъ, чудо надъ утопшимъ въ Днѣпрѣ младенцемъ, сдѣлавшееся извѣстнымъ митрополиту, и поразившее изумле-

ніемъ всѣхъ жителей. * Первосвятители наши еще прежде установили своею властію нѣсколько мѣстныхъ праздниковъ въ Россіи, не существовавшихъ на востокѣ: такъ точно могли установить и настоящій, хотя въ Греціи онъ не былъ. Пр. Филаретъ приписываетъ установленіе праздника митрополиту Ефрему, около 1092 г.

Послѣ церковныхъ уставовъ, Володимерова и Ярославова, руководствомъ служили впродолженіи этого періода слѣдующія, частныя установленія, возникавшія вслѣдствія вопросовъ.

Церковное правило митрополита Іоанна къ Іакову черноризцу, въ отвѣтъ на его вопросы: 1) о дѣлахъ вѣры, священнодѣйствіи и церковной святынѣ; 2) іерархіи и вообще духовенства; 3) о дѣлахъ брачныхъ, семейныхъ и домашнихъ; 4) объ отношеніяхъ православныхъ къ латынянамъ, евреямъ и язычникамъ.

Отвѣты Новгородскаго епископа Нифонта († 1156) и другихъ духовныхъ лицъ на вопросы доместика Кирика, преимущественно о богослуженіи.

Въ запискахъ Кирика три части: въ первой самой обширной, содержатся вопросы его и отвѣты на нихъ преимущественно Нифонта, епископа Новгородскаго, и отчасти какого-то Клима, вѣроятно, Климента Смолятича, тогдашняго митрополита Кіевскаго, игумена Аркадія, бывшаго преемникомъ Нифонта на епископской каѳедрѣ, игуменьи неизвѣстнаго монастыря Марины и какого-то епископскаго чернца Луки—Евдокима.

Во второй части помѣщены отвѣты неизвѣстнаго епископа Саввы въ 24 главахъ или правилахъ.

Въ третьей—отвѣты Новгородскаго владыки Иліи, преемника Аркадіева, въ 28 правилахъ.

Предлагая свои вопросы современнымъ пастырямъ, Кирикъ нѣсколько разъ приводитъ правила и древнихъ св. Отцевъ, вошедшія въ составъ Кормчей, именно: Тимоѳея Александрійскаго, св. Василія Великаго и св. Іоанна Постника, и тѣмъ показываетъ, что Кормчая книга тогда у насъ употреблялась; ссылается также на правила нашихъ древнихъ пастырей — митрополита Георгія и преп. Ѳеодосія Печерскаго, и еще на какія-то заповѣди неизвѣстнаго происхожденія, о которыхъ Нифонтъ замѣтилъ, что ихъ слѣдовало бы сжечь.

Постановленіе Новгородскаго архіепископа Иліи, касательно двухъ особенныхъ случаевъ при совершеніи Евхаристіи.

Вопросы Кириковы показываютъ, какое строгое вниманіе обращалось на всѣ случаи, касавшіеся до богослуженія, и вообще церковныхъ постановленій, до какой тонкости доходили въ ихъ наблюденіи, и съ какою строгостію судились всѣ уклоненія.

(Это служитъ въ нѣкоторомъ отношеніи объясненіемъ происхожденія раскола въ позднѣйшее время, когда духовное управленіе коснулось даже буквы только священнослуженія.)

* Описаніе чуда, см. ниже, с 572.

СВЯТЦЫ

ПО ОСТРОМИРОВУ ЕВАНГЕЛІЮ.

(Сборникъ церковный. Начинается отъ мѣсяца Сентября, до мѣсяца августа, рекомаго Зарева).

СЕНТЯБРЬ.

1. Св. Симеона Столпника, и св. 40 женъ черницъ, и св. Амона (Аммуна), и св. муч. Итала (Аиѳала), и покой (преставленіе) Іисуса Навина, и новое лѣто и начатокъ Индикту.

2. Св. Мамапта.*

—Св. Іоанна и Павла, епископовъ въ градѣ Константіи.

3. Св. святителя Аѳанасія въ Никомидіи, св. мцы Василисы.

4. Св. муч. Вавилы, Ерміони, младенцевъ, и св. Романа и св. Моисея пророка.

5. Св. прор. Захаріи.

6. Св. Евдоксія (Евдоксіи?).

7. Св. мч. Созонта при Максиміянѣ цари и св. мц. Харити.

8. Рождество св. Богородицы.

9. Св. Іоакима и Анны.

10. Поклоненіе св. и честному Кресту.

11. Св. муч. Діодора, и св. мц. Ѳеодоры и поклоненіе св. и честному Кресту.

12. Св. мч. Автонома епископа.

13. Св. мч. Симеона, по плоти южика (сродника) Господня, архіеп. Іерусалимскаго.

14. Воздвиженіе св. Креста.

15. Св. мч. Никиты и св. Акакія.

16. Св. мц. Евфиміи.

17. Св. Харлампія и Пантелеонта и дружины его, (ихъ).

18. Св. мч. Симеона, архіеп. Іерусалимскаго, преп. отца нашего и чудотворца Евменія, еп. Готунска (Гортинскаго).

19. Св. мц. Сусанны, и св. мч. Трофима и Дородомедонта (Доримедонта) и Саввата.

20. Св. мч. Евстаѳія, и жены его Ѳеопистіи, и чадъ его Ѳеописта и Агапія.

21. Св. мч. Исака, еп. Кипрскаго, и Симеона, южики Господня, и священіе св. Мины и св. мч. Ѳеодора въ Пергіи Памфильсцѣй.

22. Св. мч. Приска, Мартина и Николы, и св. мч. Фоки.

23. Новое лѣто, и зачатіе Іоанна Крестителя.

24. Св. мц. Ѳеклы.

25. Св. мч. Романа и св. мцы Іи.

26. Преставленіе св. Іоанна Евангелиста и богословца въ отоцѣ (островѣ) Патмѣ и св. мц. Рипсиміи и дружины ея.

27. Св. мч. Калистрата и дружины его, числомъ 500 и 60, при Діоклитьянѣ царѣ.

28. Св. мчч. Калунтина, Алфія, Александра, Зосимы, Никона, Харитона.

29. Св. мчч. Трофима и Дорумедонта.

30. Св. Григорія въ Арменіи.

---

* Въ подлинникѣ имена святыхъ вездѣ почти поставлены въ дательномъ падежѣ: память св. Мамапту пам. св. Іоанну и Павлу и т. д. Мы замѣнили дательный падежъ родительнымъ: Мамапта, Іоанна, Павла и т. д.

Правописаніе здѣсь употреблено нынѣшнее, кромѣ нѣкоторыхъ особыхъ случаевъ; въ скобкахъ помѣщены необходимыя объясненія; наиболѣе употребительныя слова напечатаны мѣстами сокращенно, напр. Св. Святой, Муч. Мч. Мучениковъ, Ап. Апостолъ, Еп. Епископъ, Предт. Предтеча, Еванг. Евангелистъ, Ц. Царь.

ОКТЯВРЪ.

1. Св. ап. Ананіи, еп. Дамасскаго, и св. Домнина, и Арея (Іарея?) и Романа.
2. Св. Кипріяна и (І)устины.
3. Св. Діонисія Ареопагита.
4. Св. мчч. Домета и Діогена, и св. священномч. Петра, капетуля ихъ (Капетолійскаго), и св. Богородицы и св. Іеротѣя. Сей бѣ на погребеніи св. Богородицы.
5. Св. Ираиды и св. Мамелхиты.
6. Св. ап. Θомы.
7. Св. мчч. Сергія и Вакха.
8. Преп. Пелагеи, (въ) Тарсѣ Килякія (Тарсійской), при Діоклитьянѣ цари, и другыя Пелагіи въ Антіохіи, при Нумеріянѣ цари, юже Златоустый похвалами почте.
9. Авра(а)ма и Лота, и св. Анны и Елисавеθи и дружины ихъ.
10. Св. мч. Евлампа и Евлампіи, при Максиміянѣ цари въ Никомидійсцѣ градѣ.
11. Св. отецъ нашихъ, патріархъ Царяграда: Нектарія, Арсака, Атика и Сисина, и св. мц. Зинаиды и Феонилы, (Филониллы), сестры ея.
12. Св. мч. Тараха, Прова, Андроника, при Діоклитьянѣ цари яти бывше.
13. Св. мчч. Папила, Карпа, Анавла и дружины ею, (ихъ), и св. мч. Трофима.
14. Св. мч. (Н)азарія, Герваса, Протаса и Келса, при Неровѣ цари, въ Римѣ.
15. Св. мч. Лукіяна.
16. Св. мч. Лонгина сотника, бывша при страсти Христовѣ.
17. Священіе (храма?) Богородицы въ мѣстѣ, рѣкомѣмь Рай, и архангела Урійла, и св. мчч. Леонта, Домента, Теронта.
18. Св. ап. и евангелиста Луки.
19. Св. мч. Мносона, еп. Кипрскаго и иже съ нимъ 120 святыхъ, въ Персидѣ, при Саворѣ цари.
20. Св. мчч. и чудотв. Арθемы и Аверкія, при Уліанѣ преступникѣ.
21. Преп. Иларіона.
22. Св. мчч. Иракля, Елисавеθи, и Θеодотія, и Гликеріи и св. Богородицы.
23. Св. ап. Іякова, брата Господня.
24. Св. Прокла, еп. Константиня града и св. мч. Ареθы.
25. Св. мч. Маркіяна и Мартирія и св. Нутарія (нотаріевъ).
26. Св. Димитра, и Васіана и Артемидора.
27. Св. мц. Капетулины и Перотиды (Еротіиды), рабы ея, при Діоклитьянѣ цари.
28. Преп. Аврамія и дружины его, исповѣдникъ святыхъ 73.
29. Св. мчч. и апп. Петра и Павла, Іоанна Крестителя, Іосифа патріарха, Козмы и Даміана, Трофима.
30. Св. мч. Киріяка патріярха, и Зиновія епископа, и Зиновіи, сестры его, и Астерія.
31. Св. мч. Пантелеонта, Ираклія и Епимаха.

НОЯВРЪ.

1. Св. безмездниковъ Козмы и Даміана.
4. Св. мч. Порфира.
5. Св. мч. Галактіона и Домнина и Еписиміи. Священіе (храма) св. Θеодора, въ Споракіи.
6. Св. Павла исповѣдника.
7. Св. мчч. 33, иже въ Мелетини.
8. Сонмъ (соборъ) архангела Михаила въ Арвадинѣхъ.
11. Св. мч. Мины.
13. Покой (преставленіе) Іоанна Златоустаго, архіеп. Константиня града.
14. Св. ап. Филиппа.
15. Св. исповѣдниковъ: Гурія, Самона и Авива.
16. Св. ап. и евангелиста Матθея.
17. Св. Григора чудотворца.
18. Св. мч. Платона.
20. Св. Маимина, и Генадія и св. Григора, новаго чудотворца.
21. Внесеніе св. Богородицы, егда внесена бысть въ церковь Господню, 3-мъ лѣтомъ сущи, и св. Іуліяніи.
25. Св. мч. Климента Румѣхъ (Римскаго), и Петра въ Александріи и мч. Меркурія.
27. Св. мчч. Козмы и Даміана, отъ Аравіи и другихъ многихъ.

28. Св. мч. Іеринарха (Ирнарха) и благовѣр. цц. Константина и Маврикіяна и чадъ ихъ.
30. Св. ап. Андрея.

ДЕКАВРЬ.

(4?) Св. мц. Варвары и (І)уліяніи, преп. отца нашего Іоанна, Мансура презвитера.
5. Св. мч. Аверкія и св. наставника Савы.
6. Св. отца нашего Николы.
—Нед. 2 прежъ Рождества Христова, св. праотецъ.
13. Св. мчч. Евстрата, Евксента (Авксентія), Евгена, Мардара и Ореста.
14. Св. мчч. Турса (Тирса—Ѳирса), Левкія и Калиника, Филимона, и Аполлонія и дружины ихъ.
15. Св. отца нашего Елевтерія.
16. Св. 3-хъ отрокъ, Ананія, Азарія, Мисаила, иже въ Вавилонѣ угасиша пещь огненну, и Данила пророка.
18. Священіе церкви св. Богородицы, сущія близь великія церкве въ Халкопратіихъ.
19. Св. мчч. Евтиха, Фоки, и Ермона и Генифата (Бонифатія?).
Недѣля предъ Рождествомъ Христовымъ. Память св. отц. Авраама, Ісаака и Іякова.
20. Св. святителя Игнатія.
22. Св. мц. Анастасіи.
25. Св. 10 мчч., иже въ Критѣ, при Декіи ц.
25. Св. мц. Евгеніи.
—Рождество Христово.
26. Наутріе по Рождествѣ Христовѣ.
27. Св. первомуч. Стефана.
28. Св. о. н. архіеп. бывша Ѳеодора.
29. Св. младенецъ.
—Нед. прежь Епифаніи.
30. Св. мц. Анастасіи Солунянынии, при Максиміянѣ цари.
31. Св. мч. Селвестра папежа.

ГЕНВАРЬ (просинецъ).

1. Обрѣзаніе Господа нашего Іисуса Христа, и память отца нашего Василія, архіеп. бывша въ Кесаріи Кападокіи.
2. Св. Аполинаріи, и преп. отца Григора чудотворца въ Акритѣ (Критѣ), и навечеріе св. Богоявленій.
6. Священіе Епифаніемъ (Богоявленіе).
7. Соборъ св. Іоанна Крестителя.
8. Св. Григора, еп. Мусіи.
10. Св. отца нашего Іоанна и преп. отца нашего Григора, еп. Нисска.
14. Св. отецъ нашихъ и мч., избіенныхъ на Синайсцѣй горѣ, Ѳеодула, Нила, Іоанна, и память св. Аввадѣ.
16. Цѣлованіе и покланяніе веригамъ св. ап. Петра.
17. Преп. Антонія.
18. Св. Аѳанасія, и Кирила и Александра.
20. Преп. Евѳимія.
22. Св. ап. Тимоѳеа и Анастасія.
24. Св. мч. Климента.
25. Св. Григорія Ѳеолога.
26. Св. Поликарпа еп., и св. Ксенофонта и жены его, и обоихъ сыновей ея, и Оркада (Аркадія), Іоанна.
27. Возвращеніе мощей св. Іоанна Златоустаго.
28. Преп. Ефрема.
29. Игнатія Богоносца.
—Преп. Іякова затворника.
30. Обрѣтеніе мощей честныхъ св. Климента, папежа Римска, 4-го по апостолѣ Петрѣ.
31. Св. мчч. аввы Кира (и)Іоанна.

ФЕВРАЛЬ.

1. Св. мч. Трифона.
2. Срѣтеніе Господа нашего Іисуса Христа.
3. Св. Симеона, пріимша Господа.
14. Преп. Авксента чудотворца, и преп. отца нашего Константина Философа, нарѣченаго въ чернечество именемъ Кирила.
16. Св. мч. Памфила и инѣхъ многъ.
20. Св. мч. Поликарпа еп. Змиринска.
24. Обрѣтеніе главы св. Іоанна прор. и предтечи и крестителя.

МАРТЪ.

(9) Св. мученикъ 40.
17. Св. Алекса, наричемаго человѣка Божія, и великаго труса.
18. Св. отца Кирила, архіеп. и муч.
22. Св. Ѳомы, новаго архіеп. Царяграда.
24. Св. 50 мученикъ въ Кесаріи.
25. Благовѣщеніе св. Богородицы.

АПРѢЛЬ.

6. Страсть св. 120 и пам. священнаго отца нашего Евтиха, архіеп. Костянтиня града.

11. Мч. Антипы, еп. Перрамска.

22. Преп. Ѳеодора Сикеотскаго.

23. Св. мч. Георгія.

25. Ап. и еванг. Марка.

26. Св. мч. и еп. Василія въ Амасонѣ.

30. Св. ап. Іякова, брата св. Іоанна еваг.

МАЙ.

1. Св прор. Іереміи.

2. Св. мч. Есперія и Зосіи (Зои), жены его, и чадъ ея: Киріяка и Ѳеодола.

—Аѳанасія.

4. Св. Афродисія Гавмида.

6. Св. Дмитра, Днакта (Данакта?).

8. Св. ап. и еванг. Іоанна Ѳеолога.

11. Св. Генетлія и многихъ (съ нимъ), и св. мч. Мокія.

12. Св. Епифана, еп. Кипра.

14. Св. Сидора и св. Пахома.

21. Св. Василія, Константина и Елены, матери его.

22. Св. Василиска.

ІЮНЬ.

1. Св. мч. Ермила, Стратоника, Іюстина философа.

2. Св. отца нашего Никифора.

4. Св. о. н. Митрофана, архіеп. Царяграда.

5. Св. мч. Маркіана.

6. Св. 5 дѣвъ: Мароы, Маріи, Ѳеклы, Зинаиды и Еммоніи.

11. Св. ап. Варѳоломея и Варнавы.

14. Св. прор. Елисея.

15. Св. Вита и Медоста, пестуна его.

18. Св. мч. Леонтія.

24. Рождество Іоанна предт. и крестителя.

25. Св. Февроніи.

27. Преп. Сампсона.

28. Обрѣтеніе мощемъ св. Кира и Іоанна.

29. Апп. Петра и Павла.

30. Апостоловъ 12.

ІЮЛЬ.

1. Св. безмездникъ Козмы и Даміяна.

2. Положеніе ризы св. Богор. во Влахернѣ.

7. Св. Евстаѳія, Поликарпа.

8. Св. Прокопія.

11. Соборъ св. Евфиміи.

14. Св. ап. Акилы, Иларія.

15. Св. Кирика и Улиты, матери его.

16. Св. отецъ 630, иже въ Халкидонѣ.

20. Св. прор. Иліи и Елисея.

22. Св. мѵроносныя Маріи Магдалины.

23. Св. Аполинаря, архіеп. Равенскаго.

25. Успеніе св. Анны, матере Богородичины, и св. Евпраксіи (и) Олумпы (Олимпіады?).

26. Св. Симеона въ Мандрѣ.

27. Св. Пантелеимона.

29. Св. мч. Калиника.

31. Блаж. Едекима (Евдокима), и Ѳеодосія царя и священіе церкви св. Богородицы.

—Поклоненіе честн. древъ.

АВГУСТЪ.

1. Св. Маккавеевъ.

2. Св. 7-ми дѣтей, иже въ Ефесѣ.

5. Св. Іасы.

6. Преображеніе Господа нашего І. Христа.

7. Св. Варвары во Влахернѣ.

9. Св. Константина патріарха.

10. Св. Лаврентія.

14. Св. Маркела.

—Навечеріе пресв. Богородицы.

15. Преставленіе св. Богородицы.

16. Св. Діомида.

18. Св. Флора и Лавра.

20. Св. ап Фадея.

21. Самоила пророка.

22. Св. мч. Агаѳоника.

23. Св. Калиника патріарха.

24. Св. о. н. Калиника, патріарха Царяграда.

25. Св. ап. Тита.

29. Усѣкновеніе св. Іоанна предтечи и крестителя.

30. Св. Ермогена и дружины его, и св. о. н. архіеп. Царяграда, Александра.

31. Положеніе честнаго пояса св. Богородицы въ Халкопратіи.

Изъ этихъ Святцевъ мы получаемъ древнѣйшее свидѣтельство—во первыхъ,—что были Славянскія названія мѣсяцевъ, которыя полнѣе показаны въ евангеліи 1144 года, хранящемся въ Синодальной библіотекѣ, а именно:

Генварь—Просинецъ.
Февраль—Сѣчень.
Мартъ — Сухій.
Апрѣль—Березозолъ.
Май—Травный.
Іюнь—Изокъ (птица какая-то пѣвчая).
Іюль—Червень.
Августъ—Заревъ.
Сентябрь—Рюенъ (Ревунъ?).
Октябрь—Листопадъ.
Ноябрь—Груденъ.
Декабрь—Студеный.

Во вторыхъ, что церковный годъ, индиктъ, начинался у насъ, какъ въ Греціи, съ Сентября, а гражданскій съ Марта, какъ у Норманновъ, что видно изъ всѣхъ лѣтописей, (сочинявшихся, слѣдовательно, съ свѣтскимъ или княжескимъ участіемъ), напр.:

Несторъ подъ 6612 (1104) годомъ описываетъ происшествія Іюля, Августа, Декабря, и послѣ Декабря говоритъ: *Сего же лѣта исходяща*, посла Святополкъ Путяту на Мѣнескъ и проч., въ се же лѣто бысть знаменье.... стояше солнце въ крузѣ.... также знаменье и въ лунѣ,... мѣсяца Февраля въ 4, 5 и 6 день.

Въ *Кіевской* лѣтописи: 1112. *Исходящу сему лѣту*, поставиша Θеоктиста епископомъ Чернигову, игумена Печерьскаго, *Генваря* въ 12 день.

1171. *Того же лѣта исходяча*, преставися князь Володимеръ Андреевичь, м. Генваря въ 28 день.

Въ *Суздальской* лѣтописи: 1203. *Тогоже лѣта исходяча*, Февраля въ 16, приходи Романъ къ Вручеву на Рюрика.

1237. Взяша (Татары) городовъ 14, опричь слободъ и погостовъ въ одинъ мѣсяць Февраль, кончевающуся 45-му лѣту (6745).

Въ *Новгородской* лѣтописи: Въ лѣто 6645 (1137) *настанущу* въ 7 Марта, индикта лѣто 15, бѣжа Константинъ посадникъ къ Всеволоду.

Въ лѣто 6705 (1197) приде князь изъ Цернигова Новугороду Ярополкъ Ярославиць на Вербницу, *настанущу лѣту Мартомъ мѣсяцемъ*.

Такъ точно во всѣхъ этихъ лѣтописяхъ, то есть—Несторовой, Кіевской, Суздальской, Новгородской, происшествія описываются по такому порядку мѣсяцевъ:

У *Нестора*: 1076.... Декабрь, Январь.
1104... Іюль, Августь, Декабрь... Февраль.
1106... Іюнь... Декабрь, Февраль.
1107... Май..., Авгутъ... Янв., Февр.

Въ *Кіевской* лѣтописи: 1112. Май... Ноябрь, Январь, Февраль.
1146... Августъ... Январь, Февраль.
1173... Октябрь... Янв., Февр., (Мартъ).

Въ *Суздальской*: 1113... Май... Ноябрь, Январь.
1124..., Іюнь, Августъ... Февраль.
1146 .. Іюль, Августъ... Январь.
1196. Мартъ, Май, Октябрь, Ноябрь, Январь.
1127. Мартъ, Май... Сент... Янв., Февр.

Въ *Новгородской*... 1134... Августъ, Декабрь, Январь, Февраль.
1154. Мартъ, Апрѣль... Ноябрь, Январь.
1199. Августъ.. Январь.
1120. Мартъ... Февраль.

По сему мѣсяцы Январь и Февраль Мартовскаго года должны причисляться всегда уже къ слѣдующему Январскому году, напримѣръ: Всеволодъ вышелъ противъ Половцевъ 1061 (Мартовскаго) года, въ Февралѣ,—должно считать въ 1062 Январскомъ году, такъ и въ г. 1065, 1076, 1104, 1106, 1107 и проч.

Годъ же отъ С. М. переводится на годъ отъ Р. Х., по вычетѣ числа 5508, т. е. времени, протекшаго, по счисленію Греческому, отъ С. М. до Р. Х.

Пасхалія древняя, наука узнавать день Пасхи, которою занимался много діаконъ и доместикъ Кирикъ, ученый человѣкъ того времени,* сохраняется неизмѣнно,—предлагаемъ краткое о ней свѣдѣніе по нынѣшнему календарю.

Въ 324 году на первомъ Вселенскомъ соборѣ, въ Никеѣ, Св. отцы постановили правиломъ, чтобы христіане праздновали Пасху послѣ еврейской пасхи, потому что Христосъ воскресъ послѣ нея — въ тотъ воскресный день, который будетъ первымъ послѣ весенняго полнолунія и еврейской пасхи; если же это полнолуніе случится въ воскресенье, то пасху должно праздновать черезъ семь дней послѣ него; если въ субботу, то на восьмой день. Весеннее равноденствіе въ 325 году было 21 Марта: по этому положено было чтобъ, Пасха праздновалась 22 Марта.

Первый воскресный день послѣ весенняго полнолунія и еврейской пасхи можетъ случиться въ разныя числа двухъ первыхъ весеннихъ мѣсяцевъ, въ промежутокъ отъ 22 Марта до 25 Апрѣля, потому и нужно опредѣлить, въ какое именно число придется день Пасхи въ данномъ году, что показываетъ Пасхалія, пользуясь слѣдующими опредѣленіями: *Вруцѣ-лѣто* означаетъ, въ какой день недѣли приходится 1-е Сентября, т. е. начало индикта или пятнадцатилѣтія. (Константинъ великій началъ лѣтосчисленіе индиктами, то есть пятнадцатилѣтіями, вмѣсто Олимпіадъ). Вруцѣ-лѣто обозначается первыми семью буквами церковной азбуки, по числу семи дней недѣли: А значитъ понедѣльникъ, Б вторникъ, и проч. Вруцѣлѣтныя буквы три года сряду идутъ по порядку, а въ четвертый, высокосный, одна буква пропускается, и за нее ставится слѣдующая.

Черезъ семь высокосныхъ годовъ, т. е. черезъ 28 лѣтъ, порядокъ возобновляется: числа мѣсяцевъ приходятся опять въ тѣ же дни, какъ были за 28 лѣтъ. Этотъ 28-лѣтній срокъ называется въ Пасхаліи *кругомъ солнца.*

Кругъ луны есть 19-лѣтній срокъ времени, по прошествіи котораго всѣ измѣненія луны, четверти и полнолунія, приходятся опять въ однѣ и тѣ дни и года.

Основаніе есть число, которое показываетъ, сколько дней прошло отъ новолунія до 1 Марта—перваго весенняго мѣсяца.

Епакта есть число Марта или Апрѣля, показывающее 21-й день луны или конецъ еврейской пасхи.

Ключъ границъ показываетъ самый день Пасхи.

Такъ какъ въ промежуткѣ отъ 22 Марта до 25 Апрѣля — времени, въ которое бываетъ Пасха, проходитъ 35 дней, то ключъ границъ и обозначается 39-ю буквами церковной азбуки.

* См. выше, с. 560 Также ниже

Періодъ времени, состоящій изъ 532 лѣтъ, послѣ котораго дни Пасхи, со всѣми подвижными праздниками, возвращаются въ тѣ же числа мѣсяцевъ и въ томъ же порядкѣ, въ какомъ слѣдовали въ предшествующихъ годахъ, называется пасхальнымъ кругомъ или *великимъ индиктіономъ*. Началомъ этого круга полагается годъ С. М.: первый великій индиктіонъ кончился слѣдовательно 532 годомъ.*

Исчислимъ нѣкоторыя изъ древнихъ народныхъ названій для извѣстныхъ праздниковъ и дней, изъ которыхъ иные продолжаются до нынѣ.

1185. Великъ день, 1160. Пасха честная—нынѣ Свѣтлое воскресеніе.

1159, 1162. Порозная, праздная недѣля—Святая недѣля.

Русальная недѣля — отъ седмицы св. отець до Троицына дня:

1170. Володимеру бысть болѣзнь крѣпка, еюже скончался Мая въ 10, русальное недѣли въ понедѣльникъ (Троицынъ день былъ тогда Мая 16).

1176. Пріидоша Половци на Русьскую землю Русальное недѣлю.

1195. Приде (Давидъ Ростиславичь) въ Вышегородъ въ среду Русальное недѣли.

Суббота пятикостная—передъ Троицею.

1159, 1160, 1174. Петровъ день.

1231. Госпожинъ день—(испожинки), день Успенія.

1175. Недѣля мясопустная—какъ нынѣ.

1153. Ставровъ день, Филипповъ день; разболѣся Изяславъ Мстиславичь на Ставровъ день (?)..... и преставися на ночь, на Филипповъ день.

* Нынѣшнимъ 1870 годомъ продолжается по греческому счисленію 14 индиктіонъ.

1092. Отъ Филиппова дня до мясопуста.

1173. Масленая недѣля.

1178. Чистая недѣля — первая великаго поста.

1175, 1195. Ѳедорова недѣля.

1170. Средохрестная недѣля.

Воскресенье называлось недѣлею, и отъ того первый день послѣ недѣли, или воскресенья, понедѣльникомъ.

Что касается до древнихъ *постовъ*, какіе содержала церковь восточная, тѣ, безъ всякаго сомнѣнія, содержала тогда и церковь Русская, какъ свидѣтельствуютъ сохранившіеся мѣсяцесловы Къ соблюденію праздниковъ и постовъ убѣждалъ своихъ слушателей преп. Ѳеодосій; въ частности, онъ говоритъ о постѣ въ среду и пятокъ, и о св. Четыредесятницѣ, которую называетъ десятиною, приносимою нами Богу изъ дней года. А митрополитъ Никифоръ по случаю четыредесятницы написалъ извѣстное посланіе къ Великому князю Володимеру Мономаху и поученіе къ народу.

Постъ въ среду и пятокъ былъ у насъ отмѣняемъ, если въ эти дни случался какой-либо Господскій или Богородичный праздникъ.

Впрочемъ пренія о томъ происходили самыя жаркія, въ коихъ и князья принимали участіе (Андрей Боголюбскій 1162 г.), и такъ называемая ересь Леонтиніанская, запрещавшая разрѣшеніе, была осуждена патріархомъ въ Константинополѣ, въ присутствіи Русскихъ пословъ.

Другіе, какъ епископъ Владимирскій Ѳеодоръ, и Печерскій архимандритъ Поликарпъ, разрѣшали постъ впродолженіе пятидесятницы, даже для всѣхъ значительныхъ праздниковъ.

Кресты. Св. крестъ употреблялся у насъ тогда, какъ и прежде, во всѣхъ своихъ видахъ. Крестъ преп. Марка гробокопателя, (конца XI в.), доселѣ хранящійся въ его пещерѣ, и видимый всѣми богомольцами, есть крестъ четвероконечный;* кресты на сводѣ недавно найденной въ Кіевѣ пещеры, въ которой, какъ полагаютъ, подвизались преп. Ѳеофилъ и Іоаннъ, (въ концѣ XI вѣка), суть четвероконечные и осьмиконечные; крестъ, начертанный въ извѣстномъ сборникѣ словъ св. Григорія Богослова, (XI в.), въ концѣ послѣдняго слова, —шестиконечный; крестъ изъ Животворящаго древа, присланный по преданію въ началѣ XII вѣка Великому князю, Володимеру Мономаху, изъ Константинополя, и донынѣ хранящійся въ Московскомъ Благовѣщенскомъ соборѣ, — осьмиконечный; крестъ, начертанный, въ числѣ другихъ священныхъ изображеній, на окладѣ Евангелія, писаннаго въ началѣ XII вѣка, для Новогородскаго князя Мстислава Володимеровича,—шестиконечный. Также крестъ св. княжны Евфросиніи, устроенный въ 1161 г. Кресты на монетѣ св. Володимера, на гробницѣ Ярослава, четвероконечные. Кресты на сосудахъ преп. Антонія Римлянина—всѣ пять четвероконечные; также крестъ, устроенный въ 1224 году въ Юрьевѣ-Польскомъ; каменный крестъ преп. Антонія Римлянина, находящійся при его гробницѣ, — шестиконечный. Кресты, (четыре), найденные въ развалинахъ Кіевской Ѳеодоровской церкви, основанной въ 1128 году,—четвероконечные, (впрочемъ они могутъ быть относимы и къ послѣдующему времени).

Не можемъ при этомъ не замѣтить, что въ то время, какъ у насъ православные изображали на себѣ крестное знаменіе тремя перстами, и пастыри Церкви крестообразно благословляли православныхъ перстосложеніемъ именословнымъ. Доказательствами первой мысли служатъ мощи нѣкоторыхъ угодниковъ Кіево-Печерскихъ, подвизавшихся въ XI и въ первой половинѣ XII вѣка. Правыя руки преп. Иліи Муромца и Іосифа многоболѣзненнаго имѣютъ три первые перста соединенными, хотя не равно, но вмѣстѣ, а два послѣдніе—безъименный и мизинецъ—пригнутыми къ ладони. У руки преп. Спиридона три первые перста сложены даже совершенно ровно, а два послѣдніе пригнуты. Подобное же перстосложеніе представляютъ руки преп. Алипія иноконисца и Пимена многоболѣзненнаго. Очевидно, что всѣ эти угодники скончались съ тѣмъ самымъ перстосложеніемъ, какимъ они хотѣли ознаменовать себя въ минуту смерти. Именословно благословляющими изображены св. Василій Великій въ Святославовомъ Сборникѣ 1073 года, и св. Іоаннъ Златоустъ въ Служебникѣ преп. Антонія Римлянина (ум. 1147 г.). Такое же изображеніе благословляющей руки можно видѣть въ нотномъ стихирарѣ XI — XII вѣковъ, въ публичной библіотекѣ, на бармахъ и скиптрѣ, приписываемыхъ Великому князю Володимеру Мономаху въ Московской оружейной палатѣ, и на одномъ изъ сосудовъ преп. Антонія Римлянина, въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ.

Осѣнять себя крестнымъ знаменіемъ—принадлежитъ къ древнѣйшимъ обычаямъ.

Церковное пѣніе получило въ Россіи значительное усовершенствованіе. Около 1051 года переселились въ Кіевъ изъ Царяграда три греческіе пѣвца съ своими

* См. его изображеніе въ атласѣ.

семействами, и отъ этихъ пѣвцовъ началось въ Русской землѣ, по выраженію Степенной книги, *ангело-подобное пѣніе*, то есть: *изрядное осмогласіе,* пѣніе на восемь гласовъ церковныхъ; трисоставное сладкогласованіе, какъ догадываются, пѣніе трехголосное, въ которомъ прибавлялись верхніе и нижніе тоны; и *самое красное демественное пѣніе,* пѣніе собственно гармоническое, цѣлымъ хоромъ расположенное на нѣсколько голосовъ, и происходившее подъ управленіемъ, такъ называемыхъ доместиковъ (регентовъ).

Еще прежде 1074 года мы видимъ въ Кіево-печерскомъ монастырѣ доместика Стефана, а около 1134 г. въ Новогородскомъ Юрьевскомъ монастырѣ—доместика Кирика, которые, слѣдовательно, управляли ликами (хорами) пѣвчихъ въ своихъ обителяхъ. Естественно предположить, что такіе же доместики и хоры существовали при митрополитѣ и епископахъ или при соборныхъ церквахъ каждой епархіи. Въ Кіевѣ къ концу XI и въ началѣ XII в. извѣстенъ былъ дворъ доместиковъ за Десятиною церковію, гдѣ, должно быть, доместики жили и обучали Русскихъ церковному пѣнію.

Около 1130 года пришли изъ Греціи къ Великому князю Мстиславу (ум. 1132 г.) еще три гораздые пѣвца, которые, вѣроятно, также обучали Русскихъ пѣнію, и изъ которыхъ одинъ, Мануилъ, поставленъ въ 1137 г. епископомъ на Смоленскую епархію.

Достойно замѣчанія, что нѣкоторыя краткія молитвы и стихи у насъ пѣлись тогда по-гречески. Многочисленныя толпы народа, при двоекратномъ торжественномъ перенесеніи мощей св. Бориса и Глѣба (въ 1073 и 1115 г.), единогласно взывали: киріе елеисонъ. Звенигородцы въ 1146 году освободившись отъ враговъ также взывали: киріе елеисонъ.

Извѣстенъ также у насъ искони древній болгарскій напѣвъ.

Греческія ноты Дамаскина состояли изъ буквъ, поставленныхъ прямо, бокомъ, лежа. Послѣ изъ нихъ составились крюки съ опредѣленнымъ значеніемъ, которыя перешли къ намъ, удержавъ греческія названія, и были у насъ по нуждѣ распространяемы.

Самые замѣчательные *храмы* сооружены были тогда у насъ, какъ и прежде, князьями. Такъ послѣ св. Володимера и Ярослава, Великій князь Всеволодъ построилъ каменную церковь св. Архистратига Михаила (1069 г.) въ Выдубицкомъ монастырѣ, такую же церковь св. апостола Андрея (1086) въ Кіевскомъ Андреевскомъ монастырѣ. Великій князь Святополкъ воздвигъ (1108) каменную церковь во имя своего ангела Архистратига Михаила въ Кіево-Михайловскомъ монастырѣ, которая существуетъ донынѣ. Володимеръ Мономахъ соорудилъ каменныя церкви: св. Богородицы въ Ростовѣ (прежде 1078), совершенно подобную по высотѣ, долготѣ и широтѣ, великой Кіево-Печерской церкви, въ память чудеснаго исцѣленія своего при заложеніи сей послѣдней; св. Богородицы въ Переяславлѣ (1098 г.) на княжемъ дворѣ; св. Богородицы соборную въ Смоленскѣ (1111 г.); св. муч. Бориса и Глѣба на р. Алтѣ (1117 г.); св. Спаса во Владимірѣ на Клязьмѣ (ок. 1116) г.). Послѣдняя впрочемъ была, кажется, деревянная.

Удѣльный князь Черниговскій, Олегъ Святославичъ, соорудилъ каменную церковь въ Вышгородѣ во имя св. мучен. Бориса и

Глѣба, куда въ 1115 году и перенесены ихъ мощи. Братъ Олеговъ, Давидъ Святославичъ, (ум. 1123), соорудилъ церковь св. муч. Бориса и Глѣба въ Черниговѣ.

Мстиславъ Владимировичъ построилъ двѣ каменныя церкви въ Новгородѣ: Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы на Городищѣ (1103 г.), и св. Николая на княжемъ дворѣ (1113 г.), которыя существуютъ донынѣ, — и двѣ каменныя въ Кіевѣ: св. Θеодора (1129 г.) и св. Богородицы, называемой Пирогощей, въ 1131 году.

Братъ Мстислава, Юрій Володимеровичъ Долгорукій, будучи еще удѣльнымъ княземъ въ Суздалѣ (съ 1113 г.), создалъ въ этомъ городѣ церковь Богоматери, совершенно по образцу великой Кіево-Печерской церкви.

Сынъ Мстислава, Всеволодъ-Гавріилъ, построилъ двѣ каменныя церкви въ Новогородѣ: св Іоанна Предтечи на Петрятинѣ дворѣ, на Опокахъ, во имя ангела сына своего (въ 1127 г.), и Успенія Пресвятыя Богородицы на торговищѣ (въ 1135 году); каменную церковь во Псковѣ во имя св. Троицы — соборную (прежде 1138 г.): первыя двѣ церкви существуютъ доселѣ.

Изъ пастырей церкви лѣтопись упоминаетъ о митрополитѣ Ефремѣ, который, имѣя мѣстопребываніе въ Переяславлѣ, украсилъ его многими зданіями церковными и другими, обнесъ каменною стѣною, и, между прочимъ, построилъ въ немъ три каменныя церкви: великолѣпную Михайловскую соборную (около 1089 г.), потомъ церковь св. мученика Θеодора на городскихъ воротахъ, подобно тому, какъ и на Кіевскихъ золотыхъ воротахъ была церковь св. Благовѣщенія, —наконецъ, церковь св. апостола Андрея Первозваннаго. Позднѣйшія лѣтописи присовокупляютъ о зданіяхъ митрополита Ефрема и въ другихъ городахъ и волостяхъ митрополичьихъ, т. е. бывщихъ въ его владѣніи.

По примѣру князей и пастырей строили церкви и частныя лица: нѣкто Воигостъ построилъ въ Новогородѣ каменную церковь св. Θеодора Тирона, (1115 г.), въ Землянойъ валу, между улицами Щирковою и Розважею, а какой-то Ирожнетъ построилъ въ томъ же городѣ каменную церковь св. Николая Чудотворца (1135 г.), на Яковлевой улицѣ, и проч.

Главныя церкви отличались великолѣпіемъ, богатствомъ и красотою. Первое мѣсто, по мнѣнію современниковъ, принадлежало великой «небеси подобной» церкви Кіево-Печерской.* Верхи ея блистали золотомъ, внутри—стѣны покрыты живописью, а весь олтарь украшенъ мозаичными изображеніями.

Сообщимъ описаніе нѣкоторыхъ церквей по лѣтописямъ, изъ котораго видно и понятіе современниковъ объ украшеніяхъ.

Церковь преславну св. Богородица Рожества... камену... созда (В. К. Андрей) въ Боголюбомъ, и удиви паче всихъ церквій, подобна тоѣ Святая Святыхъ, юже бѣ Соломонъ царь премудрый создалъ... украси ю иконами многоцѣнными, златомъ и каменьемъ драгымъ и жемчюгомъ великымъ безцѣньнымъ, и устрои ѣ различными цатами, и аспидными цатами украси, и всякими узорочьи удиви ю, свѣтлостью же не како зрѣти, зане вся церкви бяше

* См ниже.

золота; и украсивъ ю, и удививъ ю сосуды златыми и многоцѣньными: тако и всимъ приходящимъ дивитися, и вси бо видивше не могутъ сказати изрядныя красоты ея— златомъ и финиптомъ и всякою добродѣтелью и церковнымъ строеніемъ украшена, и всякыми сосуды церковными, и ерусалимъ златъ, съ каменьи драгими, и репидіи многоцѣньными, каньдѣлы различными, изъ дну церкви отъ верха и до долу; и по стѣнамъ и по столпамъ ковано золотомъ, и двери же и ободверье церкви златомъ же ковано, бяшеть же и сѣнь златомъ украшена отъ верха и до дейсуса, и всею добродѣтелью церковьною исполнена, измечтана всею хитростью.»

«Князь Андрей бѣ городъ Володимерь сильно устроилъ, къ нему же ворота златая доспѣ, а другая серебромъ учини. И доспѣ церковь камену сборную св. Богородица, пречюдну вельми, и всими различными виды украси ю отъ злата и сребра, и пять верховъ ея позолоти, двери же церковныя трои золотомъ устрои, каменьемъ дорогымъ и жемчюгомъ украси ю многоцѣньнымъ, и всякими узорочьи удиви ю, и многими пoникандѣлы, золотыми и серебреными, просвѣти церковь, а онъбокъ отъ злата и серебра устрои; а служебныхъ сосудъ и рипидьи, и всего строенья церковнаго златомъ и каменьемъ драгимъ и жемчюгомъ великимъ, вельми много; а тріе ерусалими велми велиціи, иже отъ злата чиста, отъ камени многоцѣньна устрои, и всими виды и устроеньемъ подобна бысть удивленію Соломоновѣ Святая Святыхъ. И въ Боголюбомъ и въ Володимерѣ городѣ ерхъ бо златомъ устрой, и комары позолоти, и поясъ златомъ устрой, каменьемъ усвѣти, и столпъ позлати, изовну церкви, и по комаромъ же поткы (птахы) золоты и кубкы и вѣтрила золотомъ устроена постави, по всей церкви, и по комаромъ около.» (КИ. подъ 1175 г.) «Приведе ему (В. К. Андрею) Богъ изъ всѣхъ земль мастеры» (СЛ. подъ 1160 г.).

А вотъ описаніе Ростовской соборной церкви. «Бысть украшеніе ея чюдно зѣло, якоже не бысть о прежбывшихъ епископѣхъ, а по немъ Богъ вѣ или будеть. Леонтій убо святый, священный епископъ, то просвѣти святымъ крещеньемъ градъ Ростовъ, се же священный епископъ Кириллъ украси святую церковь Святыя Богородица иконами многоцѣньнами, ихже нѣсть мощи и сказати, и съ предполы, рекше пелены; причини же и кивота два многоцѣнна, и индитью ($\dot{\epsilon}\nu\delta\acute{\upsilon}\tau\iota\alpha$ верхняя престольная одежда,) многоцѣнну доспѣ на святѣй трапезѣ, ссуди же и рипидьи, ино много множество всякыхъ узорочей; причини же двери церковьныя прекрасны, яже наричються Златыя, сущая на полуденьной странѣ; паче же наипаче внесе въ святую церковь кресты честныя, многы мощи святыхъ въ ракахъ прекрасныхъ, въ заступленье и покровъ и утверженье граду Ростову, и христолюбцю князю Василкови, и княгинѣ его, и сынови его Борису, и всѣмъ вѣрою приходящимъ въ святую церковь.»

Церкви строились: о 13 верхахъ, напр. деревянная Софійская въ Новѣгородѣ, (поставленная епископомъ Іоакимомъ), безъ сомнѣнія съ мыслію о Спасителѣ и 12 апостолахъ. Вышегородская деревянная съ 5 верхами, т. е. въ знаменіе главы Христа и 4 его евангелистовъ. Церковь св. Георгія въ Новогородскомъ Юрьевѣ монастырѣ, Суздальской соборъ Всеволодовъ, о 3 верхахъ,

въ честь св. Троицы. Богородичная десятинная церковь въ Кіевѣ была съ 15 главами.

Иконописцы первые пріѣхали также изъ Греціи. Ученикомъ ихъ былъ Кіевопечерскій инокъ Алипій. Прославились въ особенности семь его картинъ, написанныхъ по заказу одного богатаго Кіевлянина, который чудомъ сохранились во время пожара. Володимеръ Мономахъ отослалъ одну изъ нихъ, Пресвятой Богородицы, въ Ростовскую церковь, имъ сооруженную.

Въ Греціи покупались также иконы, напр. святымъ Варлаамомъ.

Извѣстнѣйшія *иконы*, сохранившіяся до нашего времени, хотя, вѣроятно, и подновленныя суть слѣдующія:

Икона Божіей Матери *Кіево-Печерская*, принесенная въ 1073 году изъ Константинополя каменноздателями.*

Икона Божіей Матери *Смоленская*, извѣстная подъ именемъ Одигитріи или Путеводительницы, писанная, какъ говоритъ преданіе, евангелистомъ Лукою, прислана Черниговскому князю Всеволоду Ярославичу, слѣд. около 1077 года, и перенесена сыномъ его Володимеромъ Мономахомъ въ Смоленскій храмъ Успенія, имъ сооруженный.

Икона Божіей Матери *Владимирская*, писанная также по преданію евангелистомъ Лукою, принесена изъ Царяграда въ Кіевъ около 1031 года. Нѣсколько времени находилась она въ женскомъ Вышгородскомъ монастырѣ, и въ 1155 году перенесена княземъ Андреемъ Боголюбскимъ во Владиміръ на Клязьмѣ, а оттуда въ Москву предъ нашествіемъ Тамерлана въ 1395 году, и находится въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ.*

Икона Божіей Матери *Елецкая*, явившаяся на ели близь Чернигова, гдѣ тогда же основанъ былъ монастырь.

Икона Божіей Матери, достопамятная тѣмъ, что молился предъ своею мученическою кончиною (1146 г.) В. К. Игорь Ольговичъ, въ Кіевскомъ Ѳеодоровскомъ монастырѣ; нынѣ находится въ Кіево-Печерской лаврѣ, въ придѣлѣ св. Стефана, въ олтарѣ, надъ жертвенникомъ.**

Икона святителя *Николая*, именуемаго *Мокрымъ*: она въ первый разъ сдѣлалась извѣстною по одному чуду, случившемуся какъ говоритъ преданіе, во дни Великаго князя Всеволода I (1178—1093): когда, по случаю наступившаго праздника св. мучениковъ Бориса и Глѣба, православные христіане спѣшили со всѣхъ сторонъ въ Вышгородъ, отправился туда же по Днѣпру на лодкѣ одинъ богатый Кіевлянинъ вмѣстѣ съ женою своею и младенцемъ сыномъ. На возвратномъ пути изъ Вышгорода мать какъ-то задремала, и уронила младенца въ рѣку, который немедленно утонулъ. Огорченные родители стали призывать на помощь св. Николая, и въ крайней горести прибыли въ свое жилище. Въ ту же ночь предъ заутренею пономари Кіево-Софійскаго собора, пришедши отпирать церковь, услышали изъ нея крикъ младенца и потомъ нашли въ ней самаго младенца, мокраго, который лежалъ предъ иконою святителя Николая. Немедленно дали объ этомъ знать митрополиту, а митрополитъ

* См. въ атласѣ.

* См. въ атласѣ.
** См. въ атласѣ.

велѣлъ объявить по всему городу. Родители младенца вскорѣ нашлись, и узнали въ немъ своего утопшаго сына къ общему изумленію. Съ того времени икона, предъ которою найденъ мокрый младенецъ, стала называться иконою Николая Мокраго. Нынѣ она находится въ придѣлѣ Кіево-Софійскаго собора, устроенномъ па хорахъ во имя святителя Николая.*

Икона святителя *Николая*, явившаяся около 1113 года близъ Новгорода, въ одномъ потокѣ на островѣ Липно, находящемся на Ильменѣ озерѣ. Новгородскій князь Мстиславъ Володимеровичъ, получившій чудесное исцѣленіе отъ этой иконы, основалъ на мѣстѣ явленія ея монастырь, называвшійся Липенскимъ, и въ самомъ Новгородѣ на княжемъ дворѣ заложилъ въ 1113 г. каменную церковь во имя св. Чудотворца Николая, гдѣ икона сохраняется доселѣ.

Икона, извѣстная подъ названіемъ: *Предста Царица»* или «Царь Царемъ» писана, какъ увѣряетъ преданіе, Алипіемъ, первымъ русскимъ иконописцомъ: нынѣ находится въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ.

Шесть мусійныхъ иконъ преп. *Антонія Римлянина*, сохраняющіяся въ Новгородскомъ Антоніевомъ монастырѣ: три изъ нихъ изображаютъ Господа Вседержителя, а три другія — Распятіе Господне.

Новогородская икона Знаменія Божіей Матери, коей Новогородцы приписывали свое спасеніе отъ рати Андрея Боголюбскаго.**

Мозаическія изображенія, уцѣлѣвшія отъ временъ Великаго князя Святополка-Михаила въ олтарѣ Кіево-Михайловскаго соборнаго храма. Здѣсь надъ горнимъ мѣстомъ представлена Тайная Вечеря точно также, какъ и въ Кіево-Софійскомъ соборѣ.

* См. въ атласѣ.
** См. въ атласѣ.

Святыя *мощи* были по временамъ приносимы изъ Греціи. Св. Володимеръ принесъ изъ Корсуна мощи Св. Климента и ученика его Ѳива. Зодчіе, пришедшіе изъ Константинополя (1073 г.) для сооруженія Великой Кіево-Печерской церкви, принесли съ собою мощи семи св. мучениковъ: Артемія, Поліевкта, Леонтія, Акакія, Ареѳы, Іакова и Ѳеодора. Мощи положены были въ разныхъ мѣстахъ подъ стѣнами церкви, въ основаніе ея, а надъ мощами по стѣнамъ изображены были самые лики этихъ угодниковъ.

Дочь Греческаго Императора Алексія Комнина, по имени Варвара, бывшая въ супружествѣ за Великимъ княземъ Кіевскимъ Святополкомъ-Михаиломъ, принесла изъ Цареграда мощи своего ангела, св. Великомученицы Варвары, которыя положены были въ Кіево-Михайловскомъ монастырѣ, въ церкви, сооруженной Святополкомъ (въ 1108 году), гдѣ открыто почиваютъ и доселѣ.

Въ 1218 году принесены были Великому князю Константину Владимирскому части мощей св. Логина Сотника и св. Маріи Магдалины.

Изъ священныхъ сосудовъ того времени, сохранились *сосуды* преп. Антонія Римлянина, именно: а) двѣ чаши, одна частію изъ оникса, частію изъ серебра и золота съ драгоцѣнными камнями; другая изъ яшмы, также съ золотыми и другими драгоцѣнными

украшеніями; б) дискосъ изъ яшмы, оправленный въ золото; в) серебряная вдѣздица, г) лжица изъ агата съ серебрянымъ стеблемъ, д) мѣдное паникадило.

Кромѣ того, изъ церковныхъ вещей упоминаются: сосуды серебряные, индитьи и служебные платы (вѣроятно — воздухи), шитые золотомъ, паникадила, кадильницы и кацѣи (сосуды съ ручками для кажденія), колокола и *била*, употреблявшіеся преимущественно въ монастыряхъ.

Относительно *колоколовъ* въ житіи преп. Антонія Римлянина повѣтствуется, что когда онъ чудесно прибылъ (1106) въ Новгородъ ночью, въ это время начали звонить къ заутрени, и онъ услышалъ великій звонъ по городу: доказательство, что въ Новгородѣ уже многія, если не всѣ церкви, имѣли колокола.

Изъ священныхъ *одеждъ* чудесно уцѣлѣло полное облаченіе св. Никиты, епископа Новогородскаго, (ум. 1108 года), которое 450 лѣтъ находилось на тѣлѣ погребеннаго въ землѣ Святителя, а по открытіи мощей его (въ 1558 г.), уже около 300 лѣтъ соблюдается въ ризницѣ Новгородскаго Софійскаго собора. Это облаченіе состоитъ изъ фелони, епитрахили, поручь и палицы— штофныхъ кофейнаго цвѣта, изъ пояса гаруснаго — тканаго, бѣлаго омофора и синей градетуровой шапочки, опушенной горностаемъ. Тамъ же хранится и посохъ святителя Никиты, сдѣланный изъ трехъ тонкихъ тросточекъ неизвѣстнаго дерева съ костяными яблоками.

Первыми училищами христіанской вѣры и новой жизни сдѣлались *монастыри*. Преданіе говоритъ, что со введеніемъ ея и «монастыреви на горахъ сташа, черноризцы явишася». Первый митрополитъ Михаилъ поставилъ монастырь во имя своего ангела, Архистратига *Михаила*, не подалеку отъ того мѣста, гдѣ стоялъ Перунъ, а иноки, прибывшіе съ нимъ, другой, близъ Вышгорода, на высокой горѣ, которая до сихъ поръ называется *Спащиной* или *Бѣлымъ Спасомъ*. Есть извѣстіе и о монастырѣ при Десятинной церкви, учрежденномъ св. Володимеромъ.

Изъ Ярославовыхъ монастырей достовѣрнѣйшіе суть: *Георгіевскій*, во имя его ангела, и *Ирининскій*, во имя ангела его супруги.

Старшіе сыновья Ярославовы, и ихъ дѣти, старались, каждый, основать свой монастырь въ Кіевѣ: Изяславъ, во имя своего ангела,—*Дмитріевскій* (около 1062 г.), Святославъ—*Симеоновскій* (1073—1077). *Выдубицкій* — основанъ В. К. Всеволодомъ Ярославичемъ (1069) на томъ мѣстѣ, гдѣ будто бы выдыбалъ (выплывалъ) на берегъ идолъ Перунъ, когда плылъ по Днѣпру, свергнутый съ горы Кіевской, по приказанію св. Володимера. Этотъ монастырь назывался и *Всеволожимъ*.

Сынъ Изяслава Святополкъ - Михаилъ (1108) построилъ Златоверхо-*Михайловскій*. Другой сынъ, Ярополкъ, построилъ въ Димитріевскомъ монастырѣ церковь св. *Петра*, въ которой и былъ погребенъ въ 1086 году.

Дочь Всеволодова Янка учредила монастырь, начатый (1086) ея отцемъ, *Андреевскій*, женскій, гдѣ и постриглась.

Тамъ же постриглась и сестра ея, Евпраксія, бывшая Императрица Германская, по возвращеніи въ отечество.

Андреевскій монастырь назывался тогда *Янчинымъ.*

Сынъ Мономаховъ Мстиславъ основалъ (1128) монастырь *Өедоровскій,* Всеволодъ Ольговичъ до (1146 г.) *Кирилловскій.*

Извѣстны были еще въ это время монастыри: *Стефанечъ* на Кловѣ, основаныйн (около 1078) нареченнымъ преемникомъ св. Өеодосія Стефаномъ, и *Германечъ* (до 1072 года), основанный Печерскимъ отцемъ, который послѣ былъ Новогородскимъ епископомъ.

Послѣ Кіева по количеству монастырей первое мѣсто занималъ Новгородъ, гдѣ прославились слѣдующіе:

Монастырь *Антонія Римлянина,* (1117).

Юрьевъ, принадлежащій къ Ярославову времени, а исторически засвидѣтельствованное основаніе его при князѣ Новгородскомъ Мстиславѣ Володимеровичѣ и сынѣ его Всеволодѣ должно разумѣть уже о каменномъ зданіи (1119). Игуменъ Киріакъ и князь Всеволодъ Мстиславичъ построили каменную церковь во имя св. Георгія; и вмѣстѣ съ тѣмъ увеличили самый монастырь, умножили число братіи.

Хутынскій, основанный богатымъ Новогородцемъ, Алексѣемъ Михайловичемъ, который въ иночествѣ принялъ имя Варлаама († 1193).

Древнѣйшій же монастырь здѣсь преданіе полагаетъ на холмѣ, близъ истока рѣки Волхова изъ озера Ильменя, гдѣ стоялъ истуканъ Перуновъ. Этотъ монастырь до сихъ поръ называется *Перынемъ* или *Перынскимъ.*

Число монастырей Новогородскихъ возрасло до 20, изъ коихъ одиннадцать было мужскихъ и десять женскихъ, стоявшихъ крѣпостями около города.

Во Псковѣ примѣчательны два монастыря: Спасскій Завеличскій и Спасскій Мирожскій, основанные Новогородскимъ епископомъ Нифонтомъ (1154).

Начало *Валаамскаго* монастыря, св. Сергія и Германа, относятъ нѣкоторые ко времени Ярославову.

Къ древнѣйшимъ монастырямъ принадлежитъ также *Авраамьевскій* въ Ростовѣ, и *Новоторжскій,* св. Ефрема въ Торжкѣ, въ Новогородской области.

Въ Черниговѣ—*Успенскій-Елецкій,* основанный Черниговскимъ княземъ Святославомъ Ярославичемъ на Болдиной горѣ, съ церковію Успенія Пресвятыя Богородицы, по случаю явленія въ 1060 г. на ели иконы Богоматери, и *Ильинскій-Троицкій,* построеный въ 1069 году тѣмъ же княземъ въ одной верстѣ отъ Успенскаго близъ пещеры, которую ископалъ себѣ здѣсь преп. Антоній Печерскій, когда находился въ Черниговѣ;

Во Владимирѣ на Волыни—*Святогорскій,* въ которомъ скончался (прежде 1074 г.) преп. Варлаамъ, первый игуменъ Кіево-Печерскій и Дмитріевскій.

Въ Тмуторокани—*Богородицкій,* основанный (прежде 1062 г.) преп. Никономъ Кіево-Печерскимъ.

Въ Муромѣ—*Спасскій,* упоминаемый въ 1096 году.

Близъ Смоленска на Смядинѣ—*Борисо-Глѣбскій,* (упомин. въ 1138 году), въ

которомъ въ 1145 году построена каменная церковь во имя св. мучениковъ Бориса и Глѣба.

Въ Олонецкомъ краѣ въ 43 верстахъ отъ Коргополя — *Челмигорскій*, основанный преп. Кирилломъ въ XI вѣкѣ; и въ Великомъ Устюгѣ — *Гледенскій-Троицкій*, существовавшій въ началѣ XII вѣка.

Во Владимирѣ на Клязьмѣ—*Георгіевскій*, основанный въ 1129 г. Георгіемъ Володимеровичемъ Долгорукимъ.

Со второй половины XII столѣтія умножились монастыри и въ сѣверо-восточной Россіи: В. К, Юрій основалъ (до 1153 г.) монастырь въ четырехъ верстахъ отъ Суздаля на берегахъ Нерли, въ селеніи Кидекшѣ, гдѣ было когда-то становище князей Бориса и Глѣба по дорогѣ изъ Ростова и Мурома въ Кіевъ,—*БорисоГлѣбскій*.

Сынъ его Андрей построилъ монастырь *Боголюбскій*, на мѣстѣ, гдѣ ему явилась во снѣ Божія Матерь, при его прибытіи изъ Кіева въ 1155 году. Это было любимое его мѣстопребываніе, почему и получилъ онъ прозваніе Боголюбскаго.

Другой монастырь, имъ основанный, былъ *Покровскій*, при устьѣ Нерли, отъ коего осталась до нынѣ одна церковь.

Во Владимирѣ основанъ (1192) В. К. Всеволодомъ, на высокомъ берегу Клязьмы, монастырь во имя *Рождества* Пресвятой Богородицы мужской, и супругою его Маріею въ 1200—1202 *Успенскій* женскій, гдѣ въ 1206 г. она и постриглась.

Упоминается въ лѣтописяхъ и еще нѣсколько монастырей, неизвѣстно кѣмъ основанныхъ.

ПЕЧЕРСКІЙ. МОНАСТЫРЬ.

Средоточіемъ духовной жизни, всеучилищемъ благочестія, и разсадникомъ христіанской вѣры, сдѣлалась вскорѣ эта святая *обитель*.

Сюда стекались избранники, живо проникнутые духомъ новаго ученія, желавшіе спасти душу презрѣніемъ благъ земныхъ, умерщвленіемъ плоти, устремленіемъ мыслей къ Богу и молитвою о грѣхахъ. Здѣсь, вдали отъ міра, въ глубинѣ земли, эти великіе подвигоположники богомудрствовали, и трудились надъ своимъ тѣломъ и душей; отсюда думали они достигнуть скорѣе и вѣрнѣе другаго міра, открывшагося ихъ восторженному воображенію, и внити въ царство небесное.

Чего стоило жить имъ въ пещерахъ, во тьмѣ, безъ движенія, не видя по долгу неба, не слыша человѣческаго голоса! Сколько было нужно твердости и постоянства, чтобы не ослабѣть, Богъ знаетъ, а устамъ человѣческимъ исповѣдать нельзя, говоритъ одинъ изъ подвижниковъ. И все переносили они во славу Божію, съ удовольствіемъ и радостію, видя передъ собою вѣнцы небесые, и попирая всѣ тернія дѣйствительности.

Это были свѣтила, сіявшія на всю Русь, говоритъ лѣтописецъ Несторъ, и иноки разсылаемые отсюда на всѣ вновь основываемыя архіерейскія каѳедры, дѣлались главными насадителями Слова Божія во всѣхъ областяхъ Русскихъ.

Вотъ какъ онъ, принятый въ монастырь 17 лѣтъ, описываетъ образъ жизни первыхъ подвижниковъ: одни были постники крѣпкіе, другіе — неутомимы на

бдѣніи, на колѣнопреклоненіи, иные на пощеніи черезъ день и черезъ два дня Пища ихъ была — хлѣбъ ржаной и вода. Въ субботу и воскресенье позволялось сочиво, иными употреблялась въ пищу сырая зелень. Все дѣлали они своими руками, носили работу въ городъ и покупали жито; всякій на ночь бралъ свою долю и мололъ своими руками. Лишь ударятъ въ било, они собирались въ церковь и совершали утреннее пѣніе, потомъ расходились каждый къ своему дѣлу, копали въ огородѣ, носили дрова изъ лѣсу, до часовъ и святой литургіи. И такъ проводили они все время.

Любовь царствовала между ними: меньшіе покорялись старшимъ, и принимали ихъ велѣнія безъ прекословія; старшіе обращались съ ними какъ съ возлюбленными чадами. Удалялся братъ изъ монастыря, всѣ скорбѣли, ходили за нимъ, призывали и просили игумена о принятіи. Если случалось кому нибудь изъ братіи впасть въ прегрѣшенія, прочіе утѣшали его, и раздѣляли между собою его наказаніе.

Много есть монастырей, заключаетъ Несторъ, основанныхъ царями, князьями и боярами, отъ богатства, отъ силы, отъ сокровищъ, но не таковы они, какъ тѣ, которые основаны на слезахъ, на молитвахъ, на постѣ, на бдѣніи. Въ Печерскомъ монастырѣ не было ни золота, ни серебра, но слезами и молитвами пріобрѣлося все.

Святые Печерскіе затворники представляли такимъ образомъ совершенную противоположность съ бранными дѣятелями жизни гражданской, внѣшней. Какъ Рюрики, Олеги, Володимеры, Ярославы, Мстиславы, были ея основателями, такъ Антоніи, Ѳеодосіи, Никоны, Варлаамы, погруженные въ размышленіи о Богѣ, о вѣчности, о царствіи небесномъ, проповѣдывавшіе словомъ и дѣломъ святое ученіе, были основателями жизни духовной, внутренней, представляли народу высшіе идеалы, имѣли вліяніе на него своими совѣтами, молитвами, примѣрами, напоминали безпрестанно о суетѣ мірской, о жизни загробной, о правилахъ добродѣтели, преподанныхъ Спасителемъ, — что завѣщали и отдаленному потомству. Они представляютъ другую, свѣтлую сторону Русской жизни, и составляютъ лучшее достояніе отечественной Исторіи.

Постараемся теперь изобразить ихъ подвиги, руководствуясь сказаніями современниковъ: Нестора, Симона и Поликарпа, которые, можетъ быть, въ иныхъ случаяхъ, увлекаются преданіемъ, недостаточно провѣреннымъ, но изображаютъ вѣрно удивительный образъ жизни святыхъ отшельниковъ, ихъ образъ мыслей и дѣйствій, — желанія, нужды и взгляды современниковъ и тѣмъ дополняютъ картину современной имъ Исторіи.

Св. Антоній, житель города Любеча,* воспламенившись новымъ ученіемъ, пожелалъ увидѣть Святую землю, и отправился въ путь далекій и трудный. Онъ посѣтилъ мѣста проповѣди, чудесъ и страданій Спасителя, обошелъ всѣ монастыри въ Палестинѣ, и наконецъ достигъ Аѳона, около котораго жило много Славянъ. Святая гора съ сонмомъ спасающихся отшельниковъ поразила его воображеніе: онъ нашелъ наслажденіе въ тамошнемъ иноческомъ житіи, и упросилъ

* Нынѣ мѣстечко на Днѣпрѣ, въ 40 верстахъ отъ Чернигова.

одного игумена возложить на него мнишескій образъ. Тотъ постригъ его, нарекъ по имени отца иноковъ *Антоніемъ*,* и научилъ уставу. Ступай въ Русь, сказалъ святый старецъ новому иноку, и будь надъ тобой благословеніе Святой горы; многіе чернцы имутъ отъ тебя быти. Антоній повиновался. На Руси не пожелалъ онъ водвориться ни въ одномъ изъ новооснованныхъ монастырей. Онъ началъ ходить по горамъ и дебрямъ — и полюбилась ему гора, въ коей Иларіонъ, священникъ Берестовскій, ископалъ пещеру, и куда приходилъ къ уединенію молиться Богу. По назначеніи его митрополитомъ въ 1051 году, пещера его осталась пустою.

Антоній помолился со слезами: Господи! утверди меня здѣсь, и да приложится къ этому мѣсту благословеніе Святыя горы и игумена, что меня постригъ.

Онъ поселился тамъ моляся Богу, ядый сухій хлѣбъ, пія одну воду, и то мѣрою, черезъ день или два, иногда по недѣлямъ, копая пещеру, не давая себѣ покоя ни днемъ, ни почью, пребывая всегда въ трудахъ; молитвахъ, бдѣніи.

Добрые люди провѣдали объ отшельникѣ, и стали носить ему все нужное, приходя за наставленіями, совѣтами, благословеніемъ. Молва о его святости распространялась болѣе и болѣе, увѣдана бысть всѣми, и чтимъ сталъ повелику Антоній. Бывали и больные, которымъ давалъ онъ отъ своея яди, вмѣсто врачебнаго зелія, и они исцѣлялись его молитвами. По кончинѣ Великаго князя Ярослава, сынъ его Изяславъ, приходилъ къ Антонію съ дружиною, прося благословенія и молитвы.

Нашлись скоро и послѣдователи его житію, возбужденные его примѣромъ, и пожелавшіе жить и молиться съ нимъ вмѣстѣ: священникъ Никонъ, благочестивый юноша Ѳеодосій и другіе, числомъ до 12.

Братія ископали вмѣстѣ пещеру великую, близь Антоніевой, устроивъ каждый для себя особую келью, и общую церковь и трапезу, что и теперь цѣлы подъ старымъ монастыремъ, (нынѣ дальнія пещеры), по сторонамъ длиннаго подземнаго хода.

Въ 1067 году Половцы вторгнулись въ Русскую землю. Князья Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ, рѣшились сразиться съ ними на рѣкѣ Альтѣ, и просили благословенія у Антонія. Онъ предсказалъ имъ пораженіе. Шимонъ или Симонъ, одинъ изъ Варяжскихъ витязей, пришедшій на службу въ Русь, павъ къ ногамъ старца, молилъ о спасеніи. Блаженный успокоилъ его, сказавъ, что онъ останется живъ, и впослѣдствіи похоронится въ церкви, которая здѣсь будетъ построена, что и исполнилось.*

Вступленіе въ монашество сына перваго Изяславова боярина, Іоанна, внука знаменитаго Вышаты, который ходилъ подъ Царьградъ въ послѣдній разъ, —подъ именемъ Варлаама, —и Ефрема княжаго ключника,** навлекли впослѣдствіи на пещеры гнѣвъ Великаго князя, который грозился раскопать пещеры, но буря вскорѣ миновала.***

* Мірское имя ему было по нѣкоторымъ извѣстіямъ Антипа.

* См. ниже, въ преданіи о построеніи церкви Печерской.

** См. ниже.

*** См. ниже, въ житіяхъ Никона и Варлаама.

Антоній, однакожъ нетерпя мятежа и молвы, желавшій посвятить себя совершенному уединенію, безъ малѣйшаго сообщества, вскорѣ оставилъ общество, сказавъ: Богъ совокупилъ васъ, братія! Буди на васъ благословеніе, первое отъ Бога, второе отъ Святой горы; живите себѣ, я поставлю вамъ игумена, а самъ пойду въ гору.

Игуменомъ нарекъ Антоній Варлаама, пріобрѣтшаго себѣ великую славу, несмотря на свою молодость, подвигами благочестія и праведною жизнію, а самъ выкопалъ себѣ другую пещеру подъ новымъ монастыремъ, (ближнія пещеры), и заключился въ ней, не выходя никуда, постяся и моляся, бесѣдуя съ Богомъ.

Братіи прибавлялось. Они не могли уже помѣщаться въ пещерѣ, и вздумали поставить церковь на горѣ надъ пещерою; пришли къ Антонію и просили его благословенія. Антоній одобрилъ ихъ намѣреніе, и они поставили малую церковь Св. Успенія, а вскорѣ должны были подумать и о построеніи монастыря съ келіями, потому что число желавшихъ дѣлить съ ними труды и подвиги увеличивалось безпрестанно. Они сотворили совѣтъ съ игуменомъ, и опять пришли къ св. Антонію. Святый отшельникъ былъ очень радъ такому скорому преспѣянію его братства, молитвами Святыя Богородицы и сущихъ отецъ, иже въ Святой горѣ, послалъ къ князю Изяславу— просить у него всей горы надъ пещерою, что тотъ съ удовольствіемъ и исполнилъ. Игуменъ и братія заложили церковь обширную, огородили монастырь тыномъ, поставили келліи, совершили церковь и украсили ее иконами.

Изяславъ взялъ однакоже Варлаама изъ Печерской обители, и опредѣлилъ игуменомъ въ новый монастырь, имъ созданный въ честь своего ангела, св. Димитрія, желая возвеличить свое зданіе.

Братія просили себѣ новаго игумена у святаго Антонія, который считался общимъ отцемъ и священно-начальникомъ.

Кто больше между вами, отвѣчалъ святый старецъ, Ѳеодосія кроткаго, смиреннаго, послушнаго, — и онъ поставленъ былъ игуменомъ.

Новое несчастіе постигло вскорѣ юный монастырь. Въ Кіевѣ произошло смятеніе. Половцы опустошили землю Русскую; Изяславъ былъ изгнанъ возмутившимися Кіевлянами, которые посадили на своемъ столѣ Полоцкаго Всеслава, сидѣвшаго дотолѣ въ темницѣ: князь бѣжалъ, но вскорѣ воротился съ Польскою помощью, и жестоко наказалъ людей, участвовавшихъ въ его изгнаніи. По какимъ-то поводамъ онъ заподозрилъ святаго Антонія въ расположеніи къ прогнанному теперь Всеславу. Святославъ, князь Черниговскій, прислалъ за нимъ ночью спасти отъ братняго гнѣва.

Великій Никонъ еще прежде удалился въ Тмутораканъ вмѣстѣ съ другимъ братомъ Болгариномъ, Ефремъ — въ Константинополь.

Св. Антоній водворился въ Черниговѣ, ископалъ себѣ пещеру въ Болдиныхъ горахъ, и Печерскій монастырь лишился на нѣкоторое время своего первоначальника.

Онъ однакоже, бывъ упрошенъ послѣ В. К. Изяславомъ возвратиться, и поселился въ прежней своей пещерѣ, ведя прежнюю

святую жизнь, служа братіи и всѣмъ приходящимъ къ нему съ своими нуждами.

Въ житіи Исаакія (см. ниже) значится, что онъ носилъ пищу затворившемуся Исаакію въ продолженіи семи лѣтъ.

Скончался онъ въ глубокой старости въ 1073 году. Мощи его въ ближнихъ пещерахъ почиваютъ подъ спудомъ, подлѣ пещерской его церкви, гдѣ онъ совершалъ богослуженіе, и гдѣ до сихъ поръ приносится безкровная жертва.

Житіе, его, о которомъ нѣсколько разъ упоминаетъ Симонъ въ посланіи къ Поликарпу, къ сожалѣнію и удивленію, не дошло до насъ, между тѣмъ какъ Ѳеодосіево мы имѣемъ въ многочисленныхъ спискахъ, начиная съ XI вѣка.

Никонъ былъ первымъ сподвижникомъ Святаго Антонія. Онъ пришелъ къ нему уже священникомъ и монахомъ. Ему святый Антоній поручалъ постригать вновь приходившихъ. Такъ постригъ онъ Св. Ѳеодосія, Варлаама и Ефрема.

Постриженіе двухъ послѣднихъ, близкихъ къ Великому князю Изяславу, навлекло гнѣвъ его на отшельниковъ, и онъ велѣлъ призвать къ себѣ кого нибудь изъ пещеры. Приведенъ былъ великій Никонъ. «Ты его постригъ?» спросилъ раздраженный князь. Я, отвѣчалъ безстрашный отшельникъ. «Какъ смѣлъ ты постригать безъ моего повелѣнія?» Я постригъ его по повелѣнію Царя небеснаго Іисуса Христа, отвѣчалъ Никонъ. «Отведи его назадъ домой, не то я велю раскопать вашу пещеру, и разошлю васъ всѣхъ по темницамъ,» сказалъ Великій князь. Дѣлай что хочешь, а я не могу отводить воиновъ отъ службы Царю небесному.

За духовные подвиги свои онъ получилъ въ пещерѣ прозваніе великаго.

Никонъ однакоже рѣшился вскорѣ удалиться изъ пещеры, и жить особо. Вмѣстѣ съ инокомъ Греческаго монастыря св. Мины, пошелъ онъ искать себѣ другаго уединеннаго мѣста. Дошедъ до моря, они разлучились: Болгаринъ отошелъ къ Константинополю, и вблизи поселился на островѣ, гдѣ и скончался, оставивъ острову свое имя (болгаровъ или по другимъ спискамъ бояровъ), а Никонъ поселился на островѣ Тмутораканскомъ, гдѣ и основалъ монастырь, по образцу Печерскому цѣлый еще во времена Нестора.

Жители, по умерщвленіи князя ихъ Ростислава Володимеровича (1066), просили Никона отправиться къ князю Черниговскому Святославу за его сыномъ Глѣбомъ. Никонъ исполнилъ ихъ желаніе, отправился въ Кіевъ. Онъ посѣтилъ пещеру, и Несторъ разсказываетъ съ умиленіемъ о свиданіи его съ Ѳеодосіемъ. Они упали другъ другу въ ноги, обнялись и долго плакали. Ѳеодосій, уже игуменъ, просилъ Никона не разлучаться, пока они оба остаются во плоти. Никонъ обѣщался возвратиться къ нему по исполненія порученія, и дѣйствительно, проводивъ Глѣба въ Тмуторакань, и учредивъ свой монастырь, пришелъ онъ опять въ пещеру.

Ѳеодосій любилъ Никона, какъ отца, поручалъ ему наблюденіе на время своего отсутствія, и поучать братію. Часто проводили они время вмѣстѣ въ трудахъ: Ѳеодосій прялъ нити, нужныя для переплета книгъ, а Никонъ переплеталъ книги. Никонъ ушелъ однакожъ опять изъ монастыря съ двумя иноками, вслѣдствіе

неудовольствія, возникшаго у Великаго князя Святослава съ Θеодосіемъ.

Уже по кончинѣ Θеодосіевой, въ игуменство Стефаново, онъ возвратился, и былъ признанъ отъ братіи игуменомъ. Впродолженіи своего игуменства онъ старался сохранять порядокъ, заведенный Св. Антоніемъ и Θеодосіемъ.

При Никонѣ великомъ Печерская церковь украшена была иконами и мозаикою. Онъ скончался въ 1088 году, въ маститой старости. Память его празднуется 23 Марта.

Св. Θеодосій родился въ Василевѣ, въ 35 верстахъ отъ Кіева.

Отецъ его, принадлежавшій, вѣроятно, къ военному сословію, вскорѣ переведенъ былъ Княземъ на жительство въ Курскъ. Въ этомъ городѣ Θеодосій провелъ свое дѣтство и юность.

Съ малыхъ лѣтъ полюбилъ онъ ходить въ церковь и слушать божественную службу. Рано началъ учиться грамотѣ, и въ короткое время выучился читать и писать такъ, что всѣ дивились его понятливости, не меньше какъ и благонравію: особенно отличался онъ покорностію, не только предъ учителемъ, но и предъ товарищами; въ дѣтскихъ играхъ не принималъ никогда никакого участія, терпѣть не могъ нарядныхъ одеждъ, и всего болѣе занимался чтеніемъ Священнаго Писанія. Съ лѣтами увеличивалась въ немъ набожность: всякій день ходилъ онъ въ церковь, и думалъ только о томъ, какъ спасти душу свою, подражая въ жизни святымъ угодникамъ Божіимъ. По смерти отца, когда онъ остался тринадцати лѣтъ, началъ ходить на поле, и тамъ, въ рубищѣ, работать вмѣстѣ съ рабами, не смотря на запрещенія матери. Она была женщина крутаго нрава, и при томъ крѣпкая и сильная; издали, по голосу, ее нельзя было различить съ мущиною; часто она била своего сына за эти занятія. Больше всего занимала молодаго человѣка мысль побывать въ Святой землѣ, и поклониться мѣстамъ, прославленнымъ подвигами и страданіями Спасителя.

Шли паломники. Θеодосій упросилъ ихъ взять его съ собою въ Палестину. Тѣ обѣщались, и, оставляя Курскъ, дали ему знать о томъ наканунѣ. Ночью, когда всѣ въ домѣ спали, Θеодосій собрался, вышелъ изъ города, и вскорѣ присоединился къ богомольному обществу. Мать, проснувшись, была внѣ себя отъ гнѣва; и, узнавъ чрезъ три дня, куда онъ скрылся, поспѣшила вслѣдъ за бѣглецомъ, и вскорѣ его настигла. Избивъ его, привела назадъ связаннаго, и заперла въ клѣти. Юноша радовался своему униженію. Чрезъ два дня мать выпустила его изъ клѣти, но заковала ноги въ желѣзо, въ предупрежденіе новаго бѣгства. Впрочемъ, не смотря на свою жестокость, она любила его больше всѣхъ дѣтей своихъ, и чрезъ нѣсколько времени сняла оковы, прося убѣдительно, со слезами, чтобы онъ не оставлялъ ея болѣе.

Θеодосій находилъ себѣ одно утѣшеніе въ церкви. Литургія не совершалась иногда за неимѣніемъ просфоръ. Молодой человѣкъ выучился самъ печь просфоры, покупалъ жито, мололъ своими руками, и приносилъ просфоры въ церковь. Изъ полученныхъ за нихъ денегъ часть шла на новую покупку жита, а остальныя раздавались нищимъ. Сверстники смѣялись надъ

такимъ занятіемъ, мать запрещала, но онъ привелъ ее въ удивленіе, какъ замѣчаетъ жизнеописатель, премудростію своего отвѣта, сказавъ: по слову Христа Спасителя, сіе есть тѣло Его, за ны ломимое,—мнѣ ли не радоваться, сподобясь приготовлять хлѣбъ, претворяемый въ святую плоть Христову.

Мать однакоже мѣшала ему безпрестанно, такъ или иначе, слѣдовать влеченію своего сердца, и онъ рѣшился наконецъ уйдти отъ нея; отошелъ въ сосѣдній городъ, къ священнику, но опять былъ найденъ и возвращенъ въ Курскъ.

Посадникъ полюбилъ его за смиреніе и опредѣлилъ его жить къ своей церкви, велѣлъ надѣть на него чистую одежду, но Ѳеодосію она была въ тягость, онъ тотчасъ отдалъ ее нищимъ, другую—также, что повторилось нѣсколько разъ. Случился праздникъ. У посадника обѣдали городскія почетныя лица. Матери хотѣлось, чтобъ ея сынъ показался въ людяхъ прилично, она пришла одѣть его сама, и увидѣла сорочку его всю въ крови: благочестивый юноша носилъ вериги. Мать насильно сняла съ него желѣзную цѣпь, которая вгрызлась въ тѣло его и причиняла язвы, точившія кровь.

Чтобъ положить навсегда конецъ тягостной борьбѣ, Ѳеодосій рѣшился постричься. Однажды, какъ мать отъѣхала на село, онъ выбѣжалъ изъ дома, прямо за городъ, чтобъ идти въ Кіевъ, и водвориться въ одномъ изъ тамошнихъ монастырей. Но онъ не зналъ дороги. Къ счастію случилось идти обозу съ купцами туда же. Провѣдавъ это, онъ пошелъ вслѣдъ за ними издали, и останавливался близъ ихъ ночлеговъ: но наученный прежними неудачными опытами, онъ не открылъ никому цѣли своего путешествія. Такъ чрезъ три недѣли достигнулъ онъ благополучно Кіева, куда издавна рвалась душа его.

Новое затрудненіе! Ни въ одномъ монастырѣ не хотѣли принять его: гдѣ по молодости, гдѣ по бѣдности, гдѣ по разнымъ другимъ причинамъ. Услышавъ о пещерѣ Святаго Антонія, онъ окрылатѣлъ духомъ, и явился къ затворнику прося оставить при себѣ. Ты молодъ, сказалъ ему старецъ, а здѣсь мѣсто тѣсно, пещера скорбна, перенесешь ли ты всѣ лишенія? Ѳеодосій отвѣчалъ со смиреніемъ: Богъ привелъ меня къ твоей святости, спастимися тобою веля, отче святый. Что повелишь мнѣ сотворити, то и сотворю. И Антоній, прозрѣвъ въ немъ будущаго великаго подвижника и создателя святыя церкви Печерскія, приказалъ великому Никону принять Ѳеодосія, и облечь его въ святой мнишескій образъ.

И юноша, достигнувъ цѣли своихъ желаній, въ тишинѣ и уединеніи, вдали отъ міра, на свободѣ, предался, съ восторгомъ сердечнымъ, благочестивымъ упражненіямъ и подвигамъ, проводя ночи въ бдѣніи и прославленіи Бога, препобѣждая сонную тягость, трудясь плотію, воздерживаясь отъ богопротивныхъ помысловъ, устремляя мысленно взоры въ небо, и занимаясь чтеніемъ Священнаго Писанія. Самъ Святый Антоній и великій Никонъ дивились его трудамъ въ такой юности, и прославляли о немъ Бога.

Но мать нашла его здѣсь. Искавъ долго по всѣмъ сосѣднимъ мѣстамъ, и обѣщавъ большую награду тому, кто извѣститъ ее о пребываніи ея сына, она провѣдала наконецъ, что Ѳеодосій, года еще за четыре,

ходилъ по монастырямъ Кіевскимъ, и просилъ о постриженіи; тотчасъ отправилась она въ Кіевъ, обошла всѣ монастыри, разспрашивала—по напрасно: его не было нигдѣ. Наконецъ, по долгихъ тщетныхъ исканіяхъ, узнала она, что сынъ ея укрывается въ пещерѣ Антоніевой. Какъ достать его оттуда? Лестію послала она просить старца, чтобъ онъ сподобилъ благословить ее: многъ путь гнавши, я хочу только поклониться ему и насладиться его бесѣдою. Антоній вышелъ. Жена говорила много, и наконецъ обратилась къ настоящей причинѣ своего посѣщенія: молю тя, отче, повѣдай мнѣ, гдѣ сынъ мой; я мучусь неизвѣстностію. Старецъ, простъ бывъ умомъ, не разумѣлъ лести ея, и отвѣчалъ, что сынъ ея живъ, и что ей печалиться объ немъ нечего.— Такъ я хочу видѣть его, отче, воскликнула хитрая жена. Столько прогнала я пути; неужели же я ворочусь домой, не увидѣвъ его? Приходи завтра, успокоилъ ее добродушный пустынникъ. Сынъ твой не хочетъ никого видѣть, но я упрошу его выйдти къ тебѣ поутру.

Антоній передалъ свой разговоръ блаженному Ѳеодосію, которому было очень прискорбно узнать, что онъ не могъ утаиться отъ поисковъ. Старецъ убѣждалъ его увидѣться на другой день съ матерью, но Ѳеодосій объявилъ рѣшительно, что къ ней не выйдетъ. Наставникъ долженъ былъ сообщить матери объ его отказѣ. Та не могла болѣе притворяться, и перемѣнивъ рѣчь, не съ смиреніемъ, а съ гнѣвомъ, начала упрекать старца: «ты взялъ моего сына, и укрылъ въ своей пещерѣ! Выведи мнѣ его. Я умру, если не увижу его; покажи мнѣ его, не то я погублю себя передъ вашими дверями.

Антоній въ великой горести отошелъ къ Ѳеодосію, и молилъ его показаться. Тому тяжело было ослушаться болѣе старца, и онъ вышелъ къ несчастной. Но кого она увидѣла! Прежній ли это былъ прекрасный юноша? Гдѣ свѣтлыя очи, гдѣ алыя ланиты, гдѣ длинныя шелковыя кудри, гдѣ бѣлое тѣло, гдѣ красота? Блѣдный, худой, истомленный, съ поникшей головою, съ тусклыми очами, безъ кровинки въ лицѣ,—однѣ кости, обтянутыя кожею,—вотъ въ какомъ жалостномъ видѣ ненаглядный сынъ явился передъ нетерпѣливою матерью. Она бросилась къ нему на шею, сжала его въ своихъ горячихъ объятіяхъ, и долго не выпускала, обливаясь горькими слезами, не въ силахъ произнесть ни слова. Пойдемъ домой, сынъ мой, начала она наконецъ, опомнившись, увѣщавать юношу. Ты будешь жить, какъ тебѣ угодно для спасенія души твоей, только чтобъ былъ ты на глазахъ моихъ: не могу вынести разлуки съ тобою. А когда я умру, тогда ты похоронишь мое тѣло, и воротишься въ свою пещеру.

Если ты хочешь всегда видѣть меня, постригись въ какомъ нибудь Кіевскомъ монастырѣ, сказалъ ей Ѳеодосій, тогда найдешь ты и меня, и царствіе небесное. Мать не соглашалась. Нѣсколько дней сряду уговаривали они другъ друга, безъ успѣха. Ѳеодосій, оставаясь одинъ, укрывался въ пещеру, и молился Богу неотступно о спасеніи души матери своей, и Богъ услышалъ теплую молитву праведника.

Мать пришла къ нему и наконецъ объявила: будь по твоему желанію! я рѣшилась. Ѳеодосій обрадовался, сообщилъ свою радость Антонію, и оба вмѣстѣ прославили Бога, обращающаго сердца къ покаянію.

Старецъ преподалъ наставленіе новой послушницѣ, — извѣстилъ объ ея желаніи Княгиню, — и мать Өеодосія постриглась въ женскомъ монастырѣ Св. Николая. Сама она пересказала всѣ сіи подробности брату, именемъ Өеодору, который былъ келаремъ при Өеодосіѣ, и сообщилъ ихъ жизнеописателю его Нестору.

Послѣдняя мірская печаль у Өеодосія миновалась, и онъ устремился еще съ большею ревностію на своемъ тѣсномъ пути, прилагая труды къ трудамъ и подвиги къ подвигамъ. Когда братіи около преподобнаго Антонія умножилось, они ископали пещеру обширную въ крутомъ Днѣпровскомъ берегу, и устроили въ ней церковь и кельи, которыя цѣлы до нашего времени, и привлекаютъ къ себѣ богомольцевъ со всей Россіи (1056). Өеодосій наложилъ на себя новое послушаніе: служить всѣмъ безъ исключенія; крѣпкій и сильный, онъ работалъ не зная отдыха, кололъ дрова, носилъ воду, мололъ муку. Всякому иноку выдавалось свечера жито для помолу на завтрашнюю пищу. Өеодосій ночью, когда братія предавалася сну, собиралъ всѣ доли, и, измоловъ собственными руками, клалъ каждому его часть въ извѣстное мѣсто. Остальное время ночи проводилъ въ славословіи. Спалъ онъ очень мало, и никто не видалъ его лежащаго на ребрахъ. Когда одолѣвала его усталость, онъ прислонялся къ столу, и подремавъ мало, принимался опять за свои занятія. Иногда выходилъ изъ пещеры, стоялъ на горѣ, раздѣваясь до пояса, и открывая свое тѣло комарамъ и оводамъ, которые летали въ лѣсу надъ рѣкою тучами. Злыя насѣкомыя терзали его, кровь текла ручьями, а онъ, неподвижный, прялъ волну и пѣлъ псалмы, пока ударятъ въ било; тогда первый приходилъ въ церковь и становился на свое мѣсто, а выходилъ изъ нея послѣдній. На тѣло свое сверху для прикрытія накидывалъ онъ ветхую шерстяную свиту, а подъ исподомъ носилъ всегда власяницу, свитую изъ самыхъ жесткихъ щетинныхъ волосъ, коими безпрестанно уязвлялся. Такъ изнурялъ онъ плоть свою, и такъ боролся съ ея требованіями. Всѣ иноки, даже самые старые и строгіе, удивлялись его терпѣнію и твердости.

За всѣ сіи подвиги Антоній удостоилъ его пресвитерскаго сана, а вскорѣ, по удаленіи Варлаамовѣ, нарекъ Игуменомъ (1057).

Новое званіе открыло новое поприще для подвиговъ его смиренія и показало въ новомъ блескѣ его добродѣтели; показало, на какую степень высоты онъ поставилъ уже душу свою. Любовь, любовь и любовь дышала во всѣхъ его дѣйствіяхъ и поученіяхъ и привлекала къ нему сердца.

Никогда не сердился онъ, и никто не видалъ въ его глазахъ ни малѣйшаго гнѣвнаго воспламененія, никогда не былъ онъ пасмуренъ, тихое веселіе выражалось постоянно на спокойномъ лицѣ его.

Число братій увеличивалось съ каждымъ днемъ: Өеодосій, помня, какъ тяжело было ему самому слышать отказъ, по прибытіи въ Кіевъ, принималъ всякаго, хотя и невдругъ, а искусивъ предварительно въ службахъ и послушаніяхъ. «Къ нему пришелъ и я худой, недостойный, меньшій всѣхъ въ монастырѣ отца нашего Өеодосія, и принялъ онъ меня на 18 году», говоритъ незабвенный Несторъ, которому Богъ судилъ послѣ описать его жизнь, судьбы монастыря и всея Руси.

Когда братій умножилось до ста, Θеодосій долженъ былъ озаботиться о построеніи новой церкви и новыхъ келлій (1062), и началъ искать чернеческаго правила. Получивъ уставъ Студійскаго монастыря изъ Царяграда, (около 1068 г.), учредилъ онъ у себя всѣ пѣнія, молитвы и стоянія, весь рядъ церковный, какъ поклоны держати и чтенія почитати и проч.

У него переняли и другіе монастыри Русскіе, для которыхъ Печерскій монастырь сдѣлался образцомъ и примѣромъ.

Самъ Θеодосій жилъ, по прежнему, въ безпрерывномъ бдѣніи, колѣнопреклоненіи, молитвословіи, что, однакожь, старался скрывать всегда отъ братіи. Ночью, услышавъ, что кто нибудь подходитъ къ его кельѣ, за благословеніемъ къ утреннему пѣнію, онъ никогда не отвѣчалъ на первый вызовъ, молчалъ долго, давая разумѣть, что спитъ и не слышитъ прихода, и уже послѣ втораго и третьяго вопроса «благослови отче» отвѣчалъ онъ какъ бы просыпаясь: «Господь Іисусъ Христосъ благословитъ тя, чадо». Но кто подходилъ тихо, и останавливался одаль предъ его кельей, тотъ слышалъ всегда его глубокія воздыханія и учащенные земные поклоны.

Труды его также шли обыкновеннымъ порядкомъ: по прежнему ходилъ онъ на работу прежде всѣхъ, мѣсилъ тѣсто, пекъ хлѣбы, рубилъ дрова, повторяя съ веселымъ видомъ слова Спасителя: кто хочетъ быть начальникомъ, тотъ будь всѣмъ слуга. Однажды не достало дровъ. Келарь Θеодоръ, сообщившій всѣ эти подробности Нестору, пришелъ сказать Игумену: вели наколоть дровъ кому нибудь, у кого нѣтъ дѣла. У меня нѣтъ дѣла, отвѣчалъ Θеодосій, взялся за топоръ и началъ колоть. Братія послѣ обѣда увидѣла его за работою, принялися всѣ и заготовили топлива на долго. Въ другой разъ понадобилась въ поварнѣ вода для варева, а принесть было некому. Тотъ же келарь Θеодоръ приходитъ къ Θеодосію и сказываетъ. Игуменъ всталъ, поспѣшилъ къ колодезю, и натаскалъ воды.

Случилось ему быть у Князя Изяслава за какимъ-то дѣломъ. Князь находился далеко за городомъ, и, продержавъ Θеодосія поздно вечеромъ,—чтобъ дать ему возможность отдохнуть, велѣлъ отвезти въ монастырь на возу. Дорогою отрокъ, правившій конемъ, сказалъ своему сѣдоку: сядь-ко ты самъ на коня, а я усталъ,— пусти меня лечь: ты живешь всегда въ праздности, такъ можешь и потрудиться немного. Θеодосій тотчасъ послушался и сѣлъ на коня. Когда одолѣвала его дремота, онъ слезалъ, и шелъ подлѣ коня, ведя его подъ уздцы, а потомъ, уставши, опять садился. Между тѣмъ начало разсвѣтать. Θеодосій разбудилъ отрока: ну теперь ты отдохнулъ, садись же на коня. Бояре собирались къ Князю, и, встрѣчаясь, кланялись Игумену. Отрокъ, видя общее уваженіе къ своему сѣдоку, испугался, а когда у воротъ монастырскихъ, вся братія вышла къ нему на встрѣчу, былъ уже внѣ себя отъ страха. Θеодосій взялъ его за руку, привелъ за трапезу, велѣлъ накормить и надѣлить кунами. Все это разсказывалъ послѣ онъ самъ великому Никону.

Ветхое рубище Θеодосія, за которое осуждали его многіе, говоритъ Несторъ, сіяло на немъ какъ честная багряница Царская въ глазахъ благоговѣйной братіи и

православнаго народа, приходившаго къ нему съ своими нуждами, какъ къ своему наставнику и утѣшителю, земному ангелу и небесному человѣку.

Единственное удовольствіе, которое онъ, кажется, позволялъ себѣ иногда, было подвизаться вмѣстѣ съ великимъ Никономъ, котораго онъ любилъ горячо и чтилъ какъ отца, пріявъ отъ него и мнишескій образъ: Никонъ связывалъ книги, а Өеодосій приуготовлялъ для него нити.

Сохранилось еще извѣстіе о совокупныхъ трудахъ его съ инокомъ Ларіономъ, который былъ хитръ книгамъ: въ то время, какъ тотъ переписывалъ, Өеодосій прялъ руками волну, а устами тихо воспѣвалъ псалмы.

Видѣть иногда ночью передъ собою живое существо, другаго брата, въ одинакихъ трудахъ, было уже для сихъ строгихъ отшельниковъ наслажденіемъ, которое позволять себѣ они рѣшались только изрѣдка. Посѣщалъ иногда Өеодосій знаменитаго боярина Яна и жену его Марію, любя ихъ много за благочестивую жизнь. Выходилъ также препираться съ жидами, желая получить отъ нихъ смерть.

Никого, теплый на любовь, не отпускалъ онъ безъ помощи. Сострадательное его сердце внушило ему благую мысль построить для убогихъ особый домъ подлѣ монастыря, съ церковью Св. Стефана. Тамъ велѣлъ онъ пребывать слѣпымъ, хромымъ, трудноватымъ и нищимъ, подавая имъ отъ монастыря десятую часть на содержаніе. Это былъ первый страннопріимный домъ въ Россіи, или, лучше сказать, первая наша богадельня.

Всякую субботу посылалъ Игуменъ возъ хлѣбовъ въ погребъ, гдѣ содержались узники.

Однажды привели къ нему разбойниковъ, хотѣвшихъ обокрасть монастырское село, связанныхъ по рукамъ и ногамъ. Онъ сжалился надъ ними, велѣлъ ихъ накормить и напоить: далъ имъ всякаго добра, и своей бесѣдой такъ умилилъ ихъ сердца, что они, говорятъ, оставили свой промыселъ.

Всѣ обиженные находили въ немъ своего заступника. Вдова встрѣтила его идущаго по монастырскому двору въ обыкновенномъ его рубищѣ, и спросила, гдѣ Игуменъ. На что тебѣ его? отвѣчалъ Өеодосій, это человѣкъ грѣшный. Я не знаю, грѣшный онъ, или нѣтъ, отвѣчала женщина, а знаю, что онъ избавляетъ многихъ отъ скорби. Мнѣ надо попросить его, чтобъ онъ заступился за меня передъ судьею,—и разсказала, въ чемъ состояла ея обида. Ступай съ Богомъ домой, я передамъ Игумену твое дѣло, сказалъ ей Өеодосій, отпуская, а самъ пошелъ къ судьѣ, и убѣдилъ его удовлетворить вдову.

Принимая живое участіе въ людскихъ горестяхъ, онъ училъ переносить ихъ безъ ропота, терпѣть все во славу Божію, укрѣплялъ примѣрами святыхъ угодниковъ,— и несчастные отходили отъ него утѣшенными, радуясь имѣть и слушать такого боговдохновеннаго наставника.

О братіи своей заботился онъ болѣе всего. Ночью обходилъ онъ всѣ келліи. Если слышалъ кого творящаго молитву, то останавливался и благодарилъ Бога. Къ бесѣдовавшимъ вдвоемъ или втроемъ онъ стучалъ обыкновенно въ дверь, и удалялся тихо. Чрезъ нѣсколько времени, познавъ виноватыхъ вмѣстѣ съ прочими, онъ начиналъ

для испытанія говорить издалека о подобныхъ случаяхъ: съ легкимъ сердцемъ кто, тотъ уразумѣвалъ свою вину, и просилъ немедля прощенія, а омраченный слагалъ ее мысленно на другаго, и осуждался послѣ на эпитимію.

Объ оставлявшихъ монастырь, Ѳеодосій печалился и молился Богу, чтобъ всякое заблудшееся овча возвратилося опять къ избранному стаду. Такихъ принималъ съ радостію, и увѣщавалъ стоять впредь крѣпче, не поддаваться соблазнамъ. Ему хотѣлось, чтобъ всѣ ему ввѣренные, по слову Евангелія, спаслися.

У себя не держа ничего, такъ училъ и другихъ. Если, ходя по кельямъ, онъ находилъ что у братіи изъ брашенъ, одеждъ или инаго имѣнія, то бросалъ тотчасъ лишнее въ огонь. Мы отреклися міру, говорилъ онъ, такъ на что же намъ имѣніе! Какъ можно приносить молитву чисту, если есть сокровище въ кельѣ! Что говоритъ Господь: идѣже сокровище ваше, ту и сердце ваше! Или: безумне, въ сію нощь душу истяжутъ твою, а яже собра, кому будутъ!

Онъ старался особенно водворить въ себя и въ своихъ учениковъ надежду на всегдашнюю помощь Божію и не заботиться, по слову Евангельскому, о завтрашнемъ днѣ, что ямы и что піемы.

Однажды, разсказываетъ Несторъ, приспѣвшу празднику Св. Успенія, не стало въ монастырѣ деревяннаго масла. Строитель разсудилъ сбить масло изъ льнянаго сѣмени, и спросилъ Ѳеодосія. Тотъ согласился. Когда масло было сбито, строитель увидѣлъ вдругъ мышь на днѣ сосуда, и пошелъ донесть Игумену: я накрылъ сосудъ-отъ, и не могу понять откуда заползла гадина. Божіе указаніе, сказалъ Ѳеодосій. Намъ надо было положиться на вышнюю помощь. Вылей масло на землю. Потерпимъ. — И въ самомъ дѣлѣ вечеромъ кто-то отъ богатыхъ прислалъ братіи цѣлую корчагу деревяннаго масла. Всѣ кадила были наполнены, и на утрій день сотворися праздникъ велій.

Въ другой разъ доложили Ѳеодосію о недостаткѣ припасовъ. Подождите мало, отвѣчалъ онъ, и если не получите ничего, сварите пшено, и поставьте братіи съ медомъ. Прошло нѣсколько времени, —вдругъ везутъ на дворъ отъ одного боярина два воза всякихъ брашенъ: хлѣба, рыбы, сыра, пшена, меда. Ѳеодосій сказалъ келарю: видишь, братъ, что Господь о насъ печется. Сотвори же нынѣ обѣдъ великъ: се убо посѣщеніе Божіе есть. Возвеселимся съ братіею — Братія была угощена, а онъ все-таки веселился духовно, ѣлъ черствый хлѣбъ, пилъ воду и хлѣбалъ зелье, вареное безъ масла.

Самъ послушный, онъ училъ и другихъ послушанію: въ день Св. Димитрія Ѳеодосій пошелъ съ братіею въ монастырь сего святаго къ празднику. На встрѣчу ему, еще въ монастырѣ, принесъ кто-то хлѣбовъ очень бѣлыхъ. Игуменъ велѣлъ предложить ихъ оставшимся инокамъ. А келарь подумалъ: нѣтъ, я подамъ лучше завтра эти хлѣбы всей братіи, а нынѣ остающіеся поѣдятъ и монастырскаго хлѣба. Такъ и сдѣлалъ. Ѳеодосій замѣтилъ на другой день за трапезою чужіе хлѣбы. Откуда эти хлѣбы, спросилъ онъ келаря, который и сказалъ ему о своемъ распоряженіи. Ѳеодосій велѣлъ ихъ собрать и бросить въ рѣку, какъ пред-

метъ ослушанія, а на келаря наложилъ эпитимію, не веля ничему быть безъ благословенія.

Предъ наступленіемъ Великаго поста, наканунѣ Масляной недѣли, Ѳеодосій имѣлъ обыкновеніе уединяться въ пещеру на всю четыредесятницу, простясь съ братьею и преподавъ наставленіе, какъ проводить постное время въ молитвахъ нощныхъ и дневныхъ, какъ блюстися отъ помысловъ скверныхъ, кои называлъ бѣсовскимъ насѣяніемъ,— какъ воздерживаться отъ излишняго вкушенья брашна, ибо въ яденьи и питіи многомъ возрастаютъ помыслы, говорилъ онъ, а помысламъ возрастшимъ сотворяется грѣхъ. «Противьтесь всѣми силами пронырствамъ діаволимъ, наказывалъ онъ братіи, будьте бодры на пѣніе церковное, на преданья отеческая и на чтенья книжная, а болѣе всего старайтесь имѣть въ устахъ псалтирь Давидовъ, имъ же прогоняется бѣсовское уныніе, и такъ питая любовь ко всѣмъ меньшимъ и послушаніе къ старшимъ, въ воздержаніи и смиреніи проводите постъ.» Игуменъ бралъ съ собою въ пещеру мало коврижекъ хлѣба, затворялся изнутри, а снаружи дверь засыпалася землею. Если случалась до него крайняя нужда, то говорили съ нимъ чрезъ оконце, и то только въ субботу или воскресенье.

У святыхъ отшельниковъ, живущихъ въ тишинѣ, ничѣмъ не возмущаемой, свободныхъ отъ внѣшнихъ впечатлѣній, устремляющихъ все свое вниманіе, всѣ силы своей души на размышленіе о грѣхахъ и удаленіе отъ искушеній, бываетъ обыкновенно самая тяжелая, самая жестокая борьба съ злыми духами, которые мѣшаютъ имъ въ благочестивыхъ занятіяхъ. Вдругъ иногда поднимается шумъ и крикъ, разсказывалъ о себѣ самъ Ѳеодосій, множество колесницъ скачетъ въ тѣсной пещерѣ. Кони бросаются прямо въ лице. Земля трясется подъ ногами. Гора обваливается на голову. Ѳеодосій стоитъ твердо, не обращаетъ никуда взоровъ, поетъ псалмы — и все пропадаетъ. Въ другой разъ послышатся гусли и сопели, органы и бубны, раздается музыка и пѣніе, громче и громче, сладкіе голоса приближаются къ самому уху—Ѳеодосій крѣпится, творитъ молитву, и все утихаетъ. Но вотъ сомкнулъ онъ глаза, и опять слышится то же громозвучіе, и опять запѣваетъ онъ тихимъ голосомъ: да воскреснетъ Богъ и расточатся врази его,—и враги расточаются. Однажды начинаетъ онъ класть земные поклоны,—вдругъ огромный черный песъ подвернулся ему подъ ноги, и не даетъ ему доклониться до земли. Ѳеодосій хочетъ ударить его,—тотъ исчезаетъ. Ужасть напала на меня, разсказывалъ онъ, и я хотѣлъ бѣжать, но укрѣпился, участилъ колѣнопреклоненія, и бодрость возвратилась.

Въ послѣдствіи Ѳеодосій такъ окрѣпъ въ подобныхъ борьбахъ, что бѣсы перестали уже безпокоить его, и скрывались отовсюду, по разсказамъ братіи, гдѣ бы онъ ни являлся съ своей святой молитвою.

Одного инока, именемъ Ларіона, того самаго, который занимался переписываніемъ книгъ, бѣсы измучили. Легъ онъ однажды отдохнуть, какъ вдругъ наскочило ихъ множество, такъ что вся келлія наполнилась ими: одни принялись таскать его за волосы, другіе схватили стѣну и хотѣли обрушить ее на него. Несчастный не могъ вытерпѣть и пришелъ къ Игумену проситься въ другую келлію. Нѣтъ, нѣтъ,

отвѣчалъ Θеодосій, не отходи, чтобы бѣсы не похвалились о тебѣ, и не взялибъ больше власти надъ тобою. Оставайся и молись. Не могу, отвѣчалъ Ларіонъ, такъ много бѣсовъ! Тогда Θеодосій перекрестилъ его и сказалъ: иди, отселѣ они не будутъ тебѣ пакостити. Ларіонъ повѣрилъ, помолился и уснулъ сладкимъ сномъ: никто не смѣлъ къ нему прикоснуться.

Слава о святой жизни Θеодосія распространилась по всей Русской землѣ: его называли земнымъ ангеломъ и небеснымъ человѣкомъ. Князья, бояре и всѣ люди искали его бесѣды, и приходили къ нему за благословеніемъ, просили у него совѣтовъ или утѣшенія. Кіевскій Князь Изяславъ посѣщалъ его часто, Черниговскій Святославъ завидовалъ брату, что онъ имѣетъ такого свѣтильника въ своей области, какъ разсказывали многіе Черниговскіе монахи, Переяславскій Всеволодъ и его приближенные награждали монастырь безпрерывно вкладами.

Изяславъ оказывалъ великое уваженіе преподобному Θеодосію. Однажды пріѣхалъ онъ съ немногими отроками, и слѣзъ съ коня у воротъ, а на конѣ никогда не въѣзжалъ онъ на монастырскій дворъ. Привратникъ не пускалъ, говоря, что не велѣно отпирать воротъ до вечерни. Я Князь, сказалъ Изяславъ, меня ли ты не пустишь? Не велѣно пускать и Князя. Если хочешь, подожди до вечерни. Изяславъ послалъ его къ Игумену, а самъ остался у воротъ и дожидался отвѣта, пока Θеодосій вышелъ и его принялъ, объяснивъ причину монастырскаго правила.

Изяславъ часто оставался за трапезою, и вкушая простыхъ монастырскихъ брашенъ, говорилъ: отче, всѣхъ благихъ міра сего исполнился домъ мой, рабы мои изготовляютъ мнѣ всякія дорогія яства, но онѣ не приходятъ мнѣ такъ по вкусу, какъ твои; никогда у себя не ѣмъ я такъ сладко, какъ здѣсь. Отъ чего это происходитъ? Θеодосій, желая «увѣрить Князя на любовь Божію», отвѣчалъ: если хочешь знать, такъ вотъ отъ чего: когда у насъ братія задумаютъ что стряпать, хлѣбъ печь или варить сочиво, то возмутъ сперва благословеніе отъ Игумена, потомъ положатъ три поклона передъ олтаремъ, зажгутъ свѣчу отъ святаго престола, и разведутъ ею огонь. Вся служба совершается съ молитвою и благословеніемъ Божіимъ, а твои рабы работая ссорятся, бранятся, клянутся, приставники ихъ бьютъ, и все происходитъ съ грѣхомъ. Изяславъ, выслушавъ, сказалъ: по истинѣ, отче, такъ есть, какъ ты говоришь.

Между тѣмъ произошло смятеніе въ братьяхъ. Меньшіе, Святославъ и Всеволодъ, выгнали старшаго Изяслава, который въ другой разъ принужденъ былъ скитаться по чужимъ странамъ, напрасно ища помощи, (1169). Овладѣвъ Кіевомъ, побѣдители прислали звать Св. Θеодосія къ себѣ на обѣдъ. Не пойду на пиршество Іезавелино, пріобщитися вашего брашна: оно исполнено крови и убійства, — сказалъ онъ посланному, и присоединилъ еще многое въ укоризну Князьямъ, веля передать имъ все. Они не смѣли прогнѣваться на Θеодосія, зная его свята человѣка, но не послушались его рѣчей; и онъ началъ обличать Святослава, какъ неправедно возставшаго на старшаго брата, иногда посылалъ къ нему письма, иногда поручалъ боярамъ пересказывать свои упреки изустно. Наконецъ

написалъ къ нему длинное посланіе, заключая его словами: гласъ крови брата твоего вопіетъ па тя къ Богу, какъ Авелева на Каина. Святославъ, прочтя посланіе, пришелъ въ неистовство, «какъ левъ рыкнулъ на праведнаго», ударилъ хартіей о земь,—и промчалась молва, что быть Θеодосію осуждену на заточеніе. Братія поражены были горестію, и обратились всѣ молить преподобнаго, чтобъ онъ оставилъ Князя въ покоѣ. Самъ великій Никонъ со страху рѣшился уйдти въ Тмутораканскій свой монастырь, какъ ни убѣждалъ его Θеодосій не разлучаться съ нимъ до кончины. Бояре приходили многіе, разсказывали о княжемъ гнѣвѣ, и просили не противиться ему: «онъ ушлетъ тебя на поточенье». Θеодосій оставался твердымъ. «Чего же лучше, братія, говорилъ онъ. Не о чемъ скорбѣть мнѣ: у меня нѣтъ ни дѣтей, ни семьи, ни богатства. Я готовъ на поточеніе.» Ему даже очень хотѣлось поточену быти. И началъ онъ укорять Святослава еще болѣе о братоненавидѣніи, не велѣлъ у себя въ монастырѣ на эктеніяхъ поминать его имени, какъ сѣдшаго черезъ законъ на Кіевскомъ столѣ, а велѣлъ поминать только имя Изяслава, законнаго Князя. Святославъ, какъ ни былъ разгнѣванъ на Θеодосія, не осмѣливался причинить ему ни малѣйшаго зла, въ страхѣ предъ его добродѣтелями. Θеодосій, много молимъ отъ братіи и бояръ, наипаче же разумѣвъ, что не успѣетъ ничто же укоризнами, размыслилъ лучше убѣждать иначе Князя, чтобъ онъ возвратилъ брату его область,—позволилъ поминать и его имя на эктеніяхъ, лишь только послѣ Изяславова.

Святославъ, узнавъ объ умилостивленіи Θеодосія, обрадовался, потому что очень желалъ бесѣдовать съ нимъ и насытиться духовныхъ словесъ его. Тотчасъ послалъ онъ къ Θеодосію спросить, позволитъ ли ему придти въ монастырь или нѣтъ. Θеодосій позволилъ, и Святославъ, обрадованный, явился съ своими боярами. Игуменъ съ братіею, вышедъ изъ церкви, встрѣтилъ его и поклонился по обычаю, а Князь сказалъ ему: се, отче, не смѣлъ придти къ тебѣ, думая, что ты гнѣваешься, и можетъ быть не пустишь меня въ монастырь. А Θеодосій отвѣчалъ: что успѣетъ гнѣвъ нашъ еже на державу вашу. Подобаетъ намъ обличать и глаголать вамъ потребное на спасеніе души, а вамъ лѣпо есть того послушати. Они пошли въ церковь, и по молитвѣ сѣли. Θеодосій много говорилъ отъ святыхъ книгъ, и потомъ старался показать Князю, какъ любилъ его братъ, а Князь износилъ многія вины на него, за кои не хотѣлъ сотворить съ нимъ міра. По многой бесѣдѣ Святославъ отъиде въ домъ свой, благодаря Бога, что сподобился бесѣдовать съ такимъ мужемъ. И съ тѣхъ поръ часто приходилъ къ нему насыщаться духовнаго того брашна, которое было для него слаще медвенаго сота.

И Θеодосій посѣщалъ его, всегда напоминая о страхѣ Божіемъ и братней любви. Однажды пришелъ къ нему святый мужъ, какъ въ палатѣ его пировался пиръ: раздавались шумные клики и радостные плески; кто игралъ на гусляхъ, кто на органахъ, кто пѣлъ пѣсни, пляска во всемъ размахѣ, какъ есть обычай передъ Княземъ. Θеодосій взглянулъ, остановился у дверей, и сѣлъ, поникнувъ очами долу. Вдругъ шумная толпа увидѣла святаго мужа въ его ветхой одеждѣ, сидящаго вдали въ глубокой задумчивости,—и внезапно все умолкло по знаку Княжескому. Θеодосій приподнялъ тогда голову и произнесъ тихимъ голосомъ: а будетъ ли такъ,

чадца, на томъ свѣтѣ! У Князя показались слезы, онъ прекратилъ празднество. И послѣ всегда прекращалъ онъ свои игры, когда показывался Игуменъ въ его жилищѣ. Если случалось ему впередъ узнать, что идетъ Св. Θеодосій, онъ выходилъ встрѣчать за дверями. Отче, говорилъ ему Святославъ, истинно говорю тебѣ, что еслибъ отца возвѣстили мнѣ возставшаго отъ мертвыхъ, я не обрадовался бы ему столько, сколько радуюсь всегда твоему приходу; его не боялся, его не сомнѣвался я столько, какъ твоей преподобной души.—Если ты боишься меня столько, отвѣчалъ ему Θеодосій, такъ сотвори волю мою, и возврати брату столъ его отца. И Святославъ умолкалъ, не зная, что отвѣчать ему. Такъ разжено было сердце у него на брата, что имени его не могъ онъ слышать равнодушно.

Между тѣмъ Θеодосій съ братіею, по благословенію святаго Антонія, который былъ еще живъ и пребывалъ въ своей пещерѣ въ совершенномъ уединеніи, моляся и постяся, рѣшился поставить каменную церковь и обнести монастырь оградою. Лишь только въ народѣ стало извѣстно о такомъ намѣреніи, со всѣхъ сторонъ собралось множество людей на помочь. Пріѣхалъ Князь Святославъ, и по молитвѣ началъ первый копаніе; за нимъ принялись всѣ: кто возилъ землю, кто стругалъ бревна, кто носилъ воду. Игуменъ участвовалъ во всѣхъ работахъ вмѣстѣ съ братьями. Дѣло пошло успѣшно, основанье наполнялось, выходило уже изъ земли. Но не привелъ Богъ увидѣть великій храмъ Успенія Божіей Матери, ни Θеодосію, ни Антонію, ни Святославу. Всѣ трое скончались впродолженіи одного года, одинъ за другимъ: сперва Антоній, потомъ Θеодосій, и вскорѣ Святославъ.

Θеодосій, проведя время великаго поста по обыкновенію въ пещерѣ, отпраздновалъ потомъ съ братіею день Свѣтлаго воскресенья, и занемогъ. Пять дней продолжался его болѣзнь — на шестой, почувствовавъ себя очень дурно, ввечеру, велѣлъ положить себя на сани и подвезть къ церкви, а братію созвать, гдѣ бы кто ни былъ. Собрались всѣ, иноки, приставники и тіуны, и всѣ монастырскія слуги. Θеодосій преподалъ имъ наставленіе въ послѣдній разъ, завѣщавая каждому оставаться въ порученной ему службѣ, исполнять ее со всякимъ прилежаніемъ и страхомъ Божіимъ, въ покорности любве. Потомъ долго со слезами говорилъ о спасеніи души, о братолюбіи, о богоугодномъ житіи,—и въ заключеніе спросилъ: братья моя, и отцы мои, и чада моя! смерть меня постигаетъ. Кого наречь вамъ игумена? — Кого тебѣ угодно, отвѣчали они рыдая. И онъ назначилъ Іакова Пресвитера. Братія переговорили между собою, и стали просить у него Стефана Демественника: «онъ твой ученикъ, служилъ тебѣ и взросъ подъ твоей рукой, его намъ дай, а Іаковъ,» сказали они, «не здѣсь постриженъ.» Θеодосій, выговоря имъ за желаніе исполнить свою волю, а не Божію, благословилъ Стефана, и сказалъ ему: чадо, се предаю ти монастырь, блюди его со опасеніемъ, и держи все, какъ устроилъ я въ службѣ, не измѣняй преданія монастырскаго и устава, но твори все по закону и чину. Онъ умолкъ. Братья взяли его, и, отнеся въ келью, положили на одрѣ. Три дня лежалъ онъ почти безъ чувства, не могій повести и глазами. На шестой день пришелъ къ нему

Князь Святославъ съ сыномъ Глѣбомъ. Я отхожу отъ свѣта, сказалъ ему Ѳеодосій, отдаю монастырь подъ твое покровительство, не дай въ обиду Игумена Стефана. Князь облобызалъ его, и обѣщался исполнить все по его волѣ. На седьмой день, изнемогая совершенно, призвалъ Игуменъ братію, и сказалъ имъ: если по моемъ отшествіи монастырь обиловать будетъ черноризцами и всѣми потребами, то вѣдайте, что Богъ пріялъ меня; а если вы оскудѣвать начнете, то значитъ, что я не угодилъ Ему. Братья всѣ плакали и говорили: отче, молися за насъ Богу; мы знаемъ, что Богъ не презритъ твоей молитвы. Ѳеодосій велѣлъ положить тѣло свое въ пещерѣ, гдѣ совершилъ труды свои многіе, и похоронить ночью. Потомъ перецѣловалъ ихъ всѣхъ поодиначкѣ, простился и отпустилъ. Братъ, служившій ему, сталъ у двери и смотрѣлъ чрезъ скважину; онъ увидѣлъ, что Ѳеодосій поднялся съ одра, упалъ на колѣна предъ образомъ Божіей Матери, долго молился со слезами, и потомъ поднялся съ веселымъ лицемъ, легъ на свой одръ, и сложилъ руки крестомъ. Братія собрались къ нему снова и сидѣли всю ночь надъ умирающимъ. На 8 день, во 2 субботу по пасхѣ, въ часъ вторый дня, мѣсяца Мая въ 3 число, индикта въ 11 лѣто, отъ Р. Х. 1074, отъ С. М. 6582, предалъ душу свою въ руцѣ Божіи.

По наступленіи вечера братья взяли честное тѣло его, и поя молитвы, псалмы и пѣсни духовныя, со свѣщами въ рукахъ, хваля и славя Бога, отнесли его въ пещеру, въ указанное имъ мѣсто.

Церковь Печерская довершена была по кончинѣ его через три года преемникомъ его Игуменомъ Стефаномъ, а освящена въ 1089 г. митрополитомъ Іоанномъ, Всеволоду Князю державшу столъ Кіевскій.

На другой годъ (1090) по освященіи церкви Печерской, Игуменъ и черноризцы, сотворше совѣтъ, рѣшили: не добро отцу нашему Ѳеодосію лежать не въ церкви своей, что самъ основалъ, — и выбрали мѣсто, гдѣ положить его мощи.

Предъ праздникомъ Успенія Божія Матери, за три дня, Игуменъ призвалъ къ себѣ инока Нестора лѣтописателя. «Пойдемъ въ пещеру къ Ѳеодосію,» сказалъ онъ мнѣ, такъ разсказываетъ самъ Несторъ. «Я пошелъ съ нимъ, и мы осматривали вмѣстѣ пещеру,назнаменовали мѣсто, гдѣ былъ погребенъ Ѳеодосій. Игуменъ велѣлъ мнѣ откопать его съ кѣмъ нибудь изъ братіи втайнѣ. Я приготовилъ лопаты, чѣмъ копать. Во вторникъ вечеромъ, не вѣдущу никому же, пришелъ я въ пещеру съ товарищемъ. Мы пропѣли псалмы, и я началъ копать, усталъ и передалъ товарищу; мы копали до полуночи и не могли докопаться. Я началъ тужить, не ошибаемся ли мы, копая на иномъ мѣстѣ, взялъ однако же лопату и принялся снова за работу; а другъ легъ отдохнуть передъ пещерою. Между тѣмъ ударили въ било. Братъ закричалъ ко мнѣ: ударили въ било! А я въ самый тотъ мигъ коснулся мощей, и закричалъ ему: нашелъ, прокопалъ! И взялъ меня ужасъ, я началъ молиться: Господи помилуй, Господи помилуй! Потомъ послалъ извѣстить Игумена, который тотчасъ и пришелъ съ двумя братьями. Мы окопали много и влезли въ яму: Ѳеодосій лежалъ цѣлый и невредимый; власы только притяскли къ головѣ. На другой день собрались епископы,

игумены со всѣхъ монастырей съ черноризцами, благовѣрные люди, и, взявъ мощи Св. Θеодосія, съ горящими свѣщами и куреньями, положили въ притворѣ церковномъ съ правой стороны, въ четвергъ, мѣсяца Августа въ 14 число, въ часъ 1 дня, Индикта въ 14 лѣто,—и отпраздновали день тотъ свѣтло.

Долго по преставленіи Св. Θеодосія братія ни о чемъ не говорили болѣе, какъ о блаженномъ своемъ наставникѣ, которому всѣ они преданы были душею, и котораго любили сердечно. Повторялись всѣ рѣчи, припоминались его поступки. Нѣкоторымъ изъ нихъ являлся онъ во снѣ. Многіе случаи, остававшіеся при жизни въ неизвѣстности,—иногда по его именнымъ приказаніямъ,—переходили теперь изъ устъ въ уста. Какъ о жизни, такъ и о кончинѣ его открывались новыя обстоятельства. Князь Святославъ разсказывалъ, что въ самый часъ кончины пр. Θеодосія онъ видѣлъ огненный столпъ надъ монастыремъ, почему и уразумѣлъ, что преставляется Св. Θеодосій. Замѣчали, что ко времени пренесенія его тѣла въ пещеру, народу собралось множество къ святымъ воротамъ, хотя не было ни кому повѣстки, и дожидалось выносу, сидя и ходя около воротъ; много было и бояръ,—но братія, въ силу его приказанія погребсти его тѣло въ тишинѣ, пережидали, заперши ворота,—и вдругъ пролился дождь, такъ что народъ долженъ былъ разойтися, и завѣщаніе могло быть исполнено въ точности, солнцу возсіявшу.

Такъ точно, при обрѣтеніи Несторомъ мощей его, два брата, сидѣвшіе въ своихъ келліяхъ, и смотрѣвшіе на пещеру, увидѣли вдругъ надъ нею три столпа радужныхъ, которые спустились оттуда надъ церковь. А Стефанъ, перешедшій передъ тѣмъ игуменомъ въ другой монастырь, увидѣлъ черезъ поле надъ пещерою зарю великую, и подумалъ, что переносятъ уже тѣло Θеодосія, о чемъ извѣщено было предварительно. Ему стало жаль, что это происходитъ безъ него; онъ сѣлъ на коня и поѣхалъ съ братомъ Климентомъ, видя передъ собою безпрестанно зарю, а какъ подъѣхалъ къ пещерѣ, гдѣ копалъ Несторъ, такъ ничего не стало уже видно.

Чудный свѣтъ надъ монастыремъ многіе видали часто ночью и прежде.

Одинъ бояринъ, проходя полемъ, верстахъ въ 15 отъ монастыря, увидѣлъ вдругъ Печерскую церковь на облакахъ, и погналъ къ ней съ своими отроками,—а какъ подъѣхалъ, то она уже снизошла на землю, и стала на свое мѣсто.

Другой видѣлъ свѣтъ около монастыря, а въ свѣтѣ передъ церковью Θеодосій молился съ воздѣтыми къ небу руками.

Да, заключаетъ Несторъ, монастырь казался всему народу небомъ, гдѣ паче солнца сіялъ Св. Θеодосій добрыми своими дѣлами, а звѣздами около него были его ученики.

Изъ бесѣдъ и совѣщаній между иноками оказалось яснымъ, что Θеодосій еще при жизни своей удостоился благодати Божіей:

Однажды пришелъ Св. Θеодосій къ любимому имъ боярину Яну и его супругѣ Маріи, и бесѣдовалъ о смертномъ часѣ, о царствіи небесномъ для праведниковъ, о мукѣ для грѣшниковъ. Яневая сказала: гдѣ-то придется мнѣ лечь? Θеодосій отвѣчалъ: ты ляжешь тамъ, гдѣ лягу я. И дѣйствительно,

Марія, скончавшаяся чрезъ 18 лѣтъ послѣ Св. Ѳеодосія, положена была въ церкви Св. Богородицы, противъ гроба Ѳеодосіева на лѣвой сторонѣ.

Одинъ бояринъ, отправляясь въ походъ, произнесъ обѣтъ принести двѣ гривны золота въ монастырь Ѳеодосіевъ, на вѣнецъ Божіей Матери, если останется въ живыхъ послѣ войны. Онъ спасся, не смотря на общее пораженіе, возвратился домой невредимъ, — и позабылъ о своемъ обѣтѣ. Уснулъ онъ однажды въ полдень въ своей горницѣ. Вдругъ слышитъ страшный голосъ, его зовущій: Клименте! Онъ всталъ и увидѣлъ надъ своей кроватію икону Божіей Матери: что же ты не исполнилъ обѣта, произнесла она. Климентъ бросился съ своимъ даромъ тотчасъ къ Св. Ѳеодосію, а чрезъ нѣсколько времени вздумалъ приложить еще Евангеліе, не говоря о томъ никому. Лишь только показался онъ въ монастырь, какъ Ѳеодосій встрѣтилъ его словами: Ну — вынимай же Евангеліе изъ-за пазухи.

Огласились и многія чудеса Ѳеодосія: Пришелъ однажды строитель донесть ему, что хлѣба нѣтъ въ монастырѣ. Ѳеодосій велѣлъ посмотрѣть въ житницѣ. Тамъ нѣтъ ничего, отвѣчалъ инокъ, я и сусѣкъ подмелъ. Къ углу только пригребъ я пригоршни три отрубей, либо четыре. — Поди же, и вѣруй, что отъ сихъ пригоршней можетъ умножиться жито. И въ самомъ дѣлѣ, строитель, подойдя къ житницѣ, увидѣлъ ее ужь полнехоньку, такъ что и жито пересыпалось въ закормѣ черезъ стѣну на землю.

Князь Изяславъ просидѣлъ однажды поздно въ монастырѣ, заслушавшись сладкихъ рѣчей Ѳеодосія. Наступилъ вечеръ. Князь остался на вечернее славословіе. Полился дождь. Ѣхать было нельзя. Игуменъ велѣлъ приготовить ужинъ для Князя. Ключарь отвѣчалъ, что у нихъ нѣтъ меду. Ѳеодосій спросилъ: нѣтъ ли хоть мало. Ничего, отвѣчалъ ключникъ, я и бочку опрокинулъ. Посмотри истѣе, сказалъ Ѳеодосій. — Говорю тебѣ, честный отецъ, что я и бочку опрокинулъ. — Иди же по глаголу моему, во имя Господа нашего Іисуса Христа, и обрящеши все на потребу. Экономъ удалился и нашелъ бочку полную меду. Онъ воротился со страхомъ возвѣстилъ Игумену. Молчи, подавай Князю и братіи. Это благословеніе Божіе.

И обитель его никогда не оскудѣвала, никогда не было въ ней ни въ чемъ недостатка. Экономъ Евдокимъ пришелъ сказать Ѳеодосію, когда тотъ трудился въ кельѣ съ Ларіономъ, что на завтра нѣтъ хлѣба для братіи. Ѳеодосій отвѣчалъ: теперь наступаетъ только вечеръ, утро далеко; потерпи моляся Богу. Можетъ быть Онъ попечется объ насъ. Прошло еще нѣсколько часовъ. Экономъ приходитъ съ прежнимъ напоминаніемъ: хлѣба нѣтъ. Не будетъ, отвѣчалъ Ѳеодосій, такъ сходишь завтра на торгъ, и купишь взаемъ, а мы отдадимъ послѣ, Богу благодѣющу. Но лишь только вышелъ экономъ, какъ является въ келью какой-то юноша, и не говоря ни слова кладетъ гривну злата на столъ. Ѳеодосій позвалъ тотчасъ эконома, и отдалъ ему злато, а кто былъ юноша, не могли добраться никакъ. Привратникъ божился, что ворота были заперты, и не проходилъ передъ его глазами никто.

Въ вербную пятницу, послѣ тягостныхъ трудовъ великаго поста, Ѳеодосій велѣлъ испечь для братіи бѣлыхъ хлѣбовъ по

уставленному обычаю. Келарю почему-то не захотѣлось исполнить этого приказанія, и онъ отвѣчалъ, что нѣтъ такой муки. Братія шла уже къ скудному обѣду, какъ вдругъ увидѣли всѣ, что на дворъ везутъ цѣлый возъ бѣлыхъ хлѣбовъ отъ какого-то доброхотнаго дателя. А когда чрезъ два дня келарь сталъ печь хлѣбы изъ той муки, коей сказалъ не быти, и началъ мѣсить тѣсто, то вдругъ оказалась въ немъ жаба.

Пришелъ священникъ изъ города просить вина для совершенія литургіи. Ѳеодосій призвалъ келаря и велѣлъ дать. Тотъ отвѣчалъ, что у нихъ самихъ мало, и едва достанетъ обѣдни на двѣ, либо на три. Вылей все, возразилъ Ѳеодосій, а намъ Богъ дастъ. Келарь все-таки ослушался, и оставилъ себѣ на завтрашній день. Священникъ принесъ показать, сколько ему налито. Вылей все, повторилъ Ѳеодосій, и о завтрашнемъ днѣ не пекись. И въ самомъ дѣлѣ, когда кончилась трапеза, въѣхало на дворъ два воза съ корчагами вина, что ключница Всеволодова приносила въ даръ Печерскому монастырю.

Такъ и по кончинѣ его, на поляхъ монастырскихъ всегда былъ урожай и въ стадахъ приплодокъ, по замѣчанію всей братіи. Какъ всего прибывало, такъ все и сохранялось въ цѣлости. Обитель Ѳеодосіева, при жизни его и по смерти, была безопасна отъ всякаго злаго обстоянія. Ѳеодосій ежедневно и еженощно обходилъ монастырь съ молитвою, и враги не могли переступить чрезъ святую ограду.

Однажды ночью злые люди хотѣли украсть имѣніе, сокрытое на полатяхъ. Дворъ былъ разгороженъ по случаю построекъ. Воры приходятъ прямо къ церкви. Тамъ слышится пѣніе. Они ушли въ лѣсъ, и, переждавъ нѣсколько времени, воротились, но пѣніе все еще продолжается. Они назадъ, пробыли еще сколько-то въ лѣсу, и опять къ церкви, полагая, что теперь навѣрное кончилась служба, но нѣтъ: все тѣ же голоса слышатся, и видится свѣтъ, и чуется страхъ. Нѣсколько разъ подходили они такимъ образомъ, пока наконецъ въ самомъ дѣлѣ собрались монахи пѣть заутреню. Перебьемъ же ихъ и возмемъ все, закричали злодѣи, разсердяся, что были останавливаемы морокомъ. Бросились, но, о чудо! церковь со всѣми сущими въ ней поднялась на воздухъ, такъ что стрѣлами до нея дострѣлить было нельзя. Воры убѣжали, и уже послѣ нѣкоторые, покаясь, пришли къ Ѳеодосію и разсказали о чудѣ. Иноки же, ничего не сознавая прежде, теперь только поняли, что то служили и пѣли ангелы, которые охраняли обитель,— и возблагодарили Бога.

А въ другой разъ разбойники, хотѣвшие ограбить монастырское село, увидѣли около него стѣну столь высокую, что перелѣзть черезъ нее не было никакой возможности.

Не только разбойники, но и бѣсы трепетали присутствія Ѳеодосія: однажды начали они пакости дѣяти въ поварнѣ, разсыпали муку, проливали воду, били посуду. Ѳеодосій, пришедъ туда, затворилъ двери, остался тамъ всю ночь на молитвѣ, — и бѣсы пропали. Такъ же точно изгналъ онъ ихъ въ другой разъ и изъ хлѣва, по разсказамъ приставниковъ.

Все это разсказывалось, узнавалось, открывалось, — новыя чудеса увеличивали вѣру къ почившему Ѳеодосію.

Одинъ бояринъ убоялся поточену быти отъ Князя за какую-то вину; прибѣгнулъ съ молитвою къ Св. Θеодосію, и увидѣлъ его во снѣ, предрекающаго, что Князь отложитъ гнѣвъ свой, что̀ и случилось.

Человѣкъ нѣкій, отходя въ путь, принесъ иноку Конону луконце серебра на сбереженіе. Другой увидѣлъ и укралъ. Кононъ, скорбя о подозрѣніи, на него падавшемъ, молилъ Бога открыть похитителя. Св. Θеодосій во снѣ указалъ ему мѣсто, гдѣ серебро было спрятано, и тотъ, проснувшись, нашелъ все сполна, и оправдался.

Крылошанинъ храма Св. Софіи занемогъ, огнемъ жегомый, помолился, — и увидѣлъ Св. Θеодосія, подающаго ему посохъ, и велящаго идти. Проснувшись, онъ выздоровѣлъ и пришелъ въ монастырь разсказать братіи о своемъ исцѣленіи.

Въ уваженіе всѣхъ сихъ чудесъ и явленій, Θеоктистъ, игуменъ Печерскій, обратился къ Великому Князю Святополку, чрезъ 25 лѣтъ по кончинѣ Θеодосія, просить его, чтобъ онъ велѣлъ вписать святаго въ синодикъ. Князь былъ радъ, и велѣлъ исполнить то по всѣмъ епископіямъ.

Такимъ образомъ епископы съ 1103 года начали поминать Св. Θеодосія на всѣхъ соборахъ, — и православный Русскій народъ, стекаясь ежегодно толпами со всѣхъ сторонъ къ Кіевскимъ пещерамъ, ублажаетъ Святаго Θеодосія вмѣстѣ съ наставникомъ его Святымъ Антоніемъ, какъ ревностныхъ своихъ ходатаевъ и молитвенниковъ предъ престоломъ Вышняго о земномъ благоденствіи Отечества.

Вмѣстѣ со славою Святыхъ Антонія и Θеодосія распространялась слава и о монастырѣ, ими основанномъ, — онъ сдѣлался предметомъ общаго благоговѣнія.

Церковь Печерская почиталась Божіимъ созданіемъ.

Еще Несторъ разсказалъ объ одномъ чудесномъ явленіи, ознаменовавшемъ ея основаніе; по его извѣстію весь народъ услышалъ однажды гласъ безчисленныхъ людей поющихъ въ монастырѣ. Всѣ встали съ ложъ своихъ, и вышли на высокое мѣсто, откуда слышно было пѣніе. Свѣтъ сіялъ надъ монастыремъ Θеодосія. Черноризцы выходили изъ ветхой церкви, неся икону Пресвятой Богородицы, съ горящими свѣчами—впереди игуменъ, св. Θеодосій. Всѣ они дойдя до того мѣста, гдѣ послѣ построена была церковь, возвратились въ свои келліи.

Въ другой разъ виденъ былъ пламень, исходившій отъ ветхой церкви, и упиравшійся другимъ концемъ на мѣсто новой.

Впродолженіи времени открывались еще разныя подробности, переходившія изъ устъ въ уста, и Симонъ, епископъ Владимирскій, жившій въ началѣ XII вѣка, составилъ изъ нихъ сказаніе, которое мы сообщимъ здѣсь, чтобъ познакомить съ духомъ того времени, и представить доказательства славы, коею пользовалась въ древности Печерская обитель.

Первое благовѣстіе о Печерской церкви дано свыше, вдали отъ Русской земли, въ дикихъ пустыняхъ холодной Скандинавіи.

Варягъ Шимонъ, принужденный дядею Якуномъ лѣпымъ, что помогалъ Великому князю Ярославу, въ Лиственской битвѣ, противъ брата его Мстислава, оставить

родину, рѣшился искать счастья тамъ же, гдѣ искали и многіе изъ его соотечественниковъ. Задумавъ ѣхать въ Гольмгардъ, онъ взялъ съ собою изъ отеческаго дома златой вѣнецъ и поясъ, въ 50 гривенъ золота, съ Распятія, написаннаго по заказу отца его вапнымъ писаніемъ. «Неси въ уготованное мѣсто, гдѣ созиждется церковь отъ преподобнаго. Тому отдай чтобъ повѣсилъ передъ жертвенникомъ,» раздался голосъ, лишь прикоснулся Шимонъ руками къ образу, и онъ со страху упалъ за мертво.

Плывъ по морю, во время бури, когда плаватели отчаялись живота, Шимонъ увидѣлъ на воздухѣ церковь, и услышалъ, что эту церковь намѣренъ строить преподобный. Ему велѣно измѣрить зданіе златымъ поясомъ, и оказалось въ немъ 20 локтей въ ширину, 30 въ длину, и 50 въ вышину. Буря утихла, и Шимонъ съ своими товарищами благополучно прибылъ послѣ въ Кіевъ, все еще непонимая, о какой церкви онъ слышитъ въ другой разъ, какой преподобный хочетъ ее ставить, и гдѣ она будетъ поставлена.

Ярославичи, собравшись войною на Половцевъ, (1067), пришли за благословеніемъ къ св. Антонію. Шимонъ служилъ тогда въ дружинѣ Всеволодовой. Преподобный со слезами предрекъ имъ пораженіе. Шимонъ палъ къ нему въ ноги, и просилъ сохранену быти отъ смерти. Антоній ободрилъ его, сказавъ, что хотя многіе убіены и потоплены будутъ, но онъ спасется, и тѣло его впослѣдствіи будетъ положено въ имѣющей здѣсь создатися церкви.

Тогда только Шимону блеснула мысль, что вѣрно объ этой церкви слышалъ онъ у себя дома, и ее видѣлъ на морѣ.

И онъ увидѣлъ ее еще разъ, лежа въ ранахъ, истекающій кровью, на берегу Альты, гдѣ разбиты были Половцами Русскіе вои, по предреченію Антонія: онъ обратился взорами къ небу, и такъ представилась ему на воздухѣ опять эта знакомая церковь, великая и красная. «Господи,» восклинулъ онъ, «избавь меня отъ лютой смерти»... И вдругъ почувствовалъ онъ себя лучше, кровь перестала течь изъ ранъ, и онъ вскорѣ нашелъ въ себѣ столько силы, что могъ подняться и пойдти за помощью.

Тогда-то, выздоровѣвъ, онъ принесъ св. Антонію златой поясъ и вѣнецъ, и разсказалъ о своихъ видѣніяхъ: «Се мѣра и основа, а вѣнецъ повѣсьте надъ святою трапезою.»

Старецъ восхвалилъ Бога, и передалъ игумену Ѳеодосію богатое приношеніе Шимона.

И вотъ черезъ нѣсколько времени являются къ нимъ четыре мужа знатныхъ, и спрашиваютъ: гдѣ хотите строить церковь? Тѣ отвѣчаютъ: Господь наречетъ мѣсто. Незнакомцы возразили: Дали вы намъ столько злата, а мѣста не знаете, гдѣ строить церковь.

Преподобные не могли ничего понять, созвали братію и спросили Грековъ: скажите намъ истину, что все это значитъ.

«Мы спали по домамъ. Рано, восходящу солнцу, пришли къ намъ благообразные мужи и сказали: царица зоветъ васъ въ Влахерну. Мы взяли съ собою родныхъ и ближнихъ, которымъ была та же рѣчь, и отъ тѣхъ же зватаевъ, и обрѣлися вси вмѣстѣ во Влахернѣ. Увидѣли царицу со множествомъ воевъ, и поклонились ей. Она сказала: хочу возградить себѣ церковь въ Русской землѣ, въ Кіевѣ, возмите себѣ злата на четыре лѣта. Мы поклонились и отвѣчали: о госпоже Царица! отсылаешь

насъ въ чужую сторону, къ кому же тамъ прійдти?—Посылаю предъ вами Антонія и Θеодосія.»

«За чѣмъ же ты даешь намъ злата на четыре года: вели имъ пещися о насъ, что ясти и что пити, а насъ вознаградишь послѣ сама. Царица сказала: сей Антоній, благословивъ, отыдетъ свѣта сего на вѣчный покой, а Θеодосій послѣдуетъ за нимъ на другой годъ. Возмите злата,—послѣ вы получите, чего никто не можетъ дать, о чемъ ухо ничье не слыхало, и что на сердце человѣку не входило. Я приду сама видѣть церковь. И велѣла намъ выйдти на ясно. Мы вышли, и увидѣли церковь на воздухѣ великую и красную. Воротясь мы спросили: въ какое имя церковь?—Въ свое имя хочу наречи церковь.—Мы не смѣли спросить объ ея имени, но она сама сказала: Богородицына будетъ церковь,—и дала намъ икону намѣстную, и мощи святыхъ мучениковъ, что положить въ основаніе.»

Слушавшіе всѣ прославили Бога. Антоній отвѣчалъ: о чада! великой благодати Христосъ васъ сподобилъ; Его воли вы свершители. Звали васъ—ангели, а Царица во Влахернѣ — сама чувственнѣ явившаяся вамъ, Пресвятая чистая и непорочная Богородица и Приснодѣва Марія, а иже воины ей предстояли — то суть безплотныя силы ангельскія. Наше подобіе и золота подаяніе Господь вѣсть якоже сотвори. Благословенъ приходъ вашъ—добру спутницу имѣете, сію честну икону Госпожину. Да дастъ она вамъ якоже обѣщалася, еже ухо не слыше и на сердце не взыде. Никто можетъ того, кромѣ Ея и Сына Ея Господа Іисуса Христа, Его же поясъ и вѣнецъ здѣ отъ Варягъ принесенъ.

Греки поклонились со страхомъ, и просили показать мѣсто. Антоній сказалъ: пребудемъ три дня молящеся, и Господь укажетъ намъ мѣсто.

Въ ту же нощь явился ему Господь глаголя: обрѣлъ еси благодать предо Мною. Антоній сказалъ: Если обрѣлъ благодать, то пусть по всей землѣ будетъ роса, а на мѣстѣ, идѣже великой быти церкви, да будетъ суша.

Поутру обрѣтено было мѣсто сухо, гдѣ находится нынѣ церковь, а вся земля кругомъ орошена была росою.

Въ другую ночь Антоній молился, да будетъ по всей землѣ суша, а на святомъ мѣстѣ роса. И было такъ.

Въ третій день святый Антоній измѣрилъ златымъ поясомъ ширину и долготу, и воздвигъ руцѣ возопилъ гласомъ велiимъ: Послушалъ мене, Господи, водою, днесь послушай мене огнемъ, да разумѣютъ вси, яко Ты еси хотяй сему.

И спаде огнь съ небесе, и пожже вся древа и терніе, и росу полиза, и долину сотвори; якоже рвомъ подобно, гдѣ быть основанію церкви. Всѣ предстоявшіе пали ницъ, какъ мертвые. Князь Всеволодъ случился тутъ вмѣстѣ съ больнымъ сыномъ Володимеромъ, который былъ обложенъ поясомъ и выздоровѣлъ.

Чудеса не прекратились еще: когда выведены были стѣны, явились писцы изъ Грекъ, и осмотрѣвъ церковь, начали споръ съ игуменомъ: поставьте нашихъ рядцевъ; они показывали намъ церковь малую, а это великая,—вотъ ихъ золото; мы воротимся въ Царьградъ. Игуменъ Никонъ спросилъ: Кто съ вами рядился? Они отвѣчали: Антоній и Θеодосій.—О чада! не можемъ вамъ ихъ

поставить. Десять лѣтъ уже какъ они скончались, и молятся о насъ на небесахъ.

Греки смутились и привели многихъ другихъ гостей, съ которыми пріѣхали: вотъ мы рядилися предъ сими, и получили золото изъ рукъ Антонія и Ѳеодосія, а вы не хотите показать ихъ. Если ихъ нѣтъ въ живыхъ, покажите образа. Игуменъ вынесъ образа. Греки и Обезы признали—точно это они! Тогда разсказали слѣдующее:

Приплывъ въ Каневъ изъ Олешья, мы увидѣли великую церковь въ высотѣ, и узнавъ, что это Печерская церковь, которую взялись расписывать, разсердились, и хотѣли бѣжать назадъ домой въ Царьградъ. На Днѣпрѣ поднялася буря, и мы очутились подъ Триполемъ: ладья неслася взводу, (вверхъ по водѣ), какъ будто поднимала ее какая сила. Наконецъ мы остановили ее съ великою нуждою, и цѣлый день думали, что будетъ, удивляясь, какъ могли мы въ одну ночь, не гребучи, проплыть столько, что другіе не могутъ въ трое сутокъ. На слѣдующую ночь мы увидѣли эту чудную икону, которая намъ возгласила: что, человѣцы, мятетеся всуе, не покоряясь волѣ Моей и волѣ Сына Моего! Она угрозила намъ смертію, если мы не оставимъ своего намѣренія, и обѣщала великія награды за повиновеніе. Поутру мы однакожъ принялись грести внизъ по рѣкѣ, а насъ несло вверхъ, и мы предались воли Божій. Ночью увидѣли мы во снѣ Божью Матерь, которая не велѣла намъ противиться волѣ ея,—мы покорились, и ладья пристала скоро къ подошвѣ вашей горы монастырской.

Мастера и писцы, кончивъ свою работу, остались жить въ монастырѣ, приняли мнишескій образъ, и положены въ особомъ притворѣ. Суть и свиты ихъ на полатяхъ, и книги ихъ греческія, блюдоми на полатяхъ, въ память таковаго чуда, говоритъ св. Стефанъ.

Доска каменная для престола принесена и поставлена на мѣстѣ неизвѣстно кѣмъ, послѣ того какъ строители отчаялись найдти подобную, и рѣшались поставить деревянную, къ прискорбію игумена и братіи. Они долго искали, кто принесъ имъ такой даръ, посылали съ золотомъ въ каменоломни, но нигдѣ по водѣ и по суху не нашлися слѣды тѣхъ стопъ, что привезли святую трапезу на предложеніе пречистаго тѣла и святыя крови.

Освященіе церкви сопровождалось новыми чудесами. Всѣ сосѣдніе епископы: Іоаннъ Черниговскій, Исаія Ростовскій, Лука Бѣлогородскій, Антоній Юрьевскій, явились къ великому празднеству, невѣдомо кѣмъ приглашенные. Антоній, епископъ Юрьевскій, прежде больной, выздоровѣлъ по услышаніи гласа. Митрополитъ удивился, увидѣвъ ихъ собраніе, какъ древле собраніе апостоловъ при успеніи Божіей Матери.

Когда, обойдя три раза, священный соборъ воскликнулъ: возмите врата князи ваша,—и некому было отпѣть: кто есть сей царь славы,—въ церкви никого не было — послѣдовало долгое молчаніе.—Вдругъ извнутри раздалось сладкое пѣніе: кто есть сей Царь славы.

И всѣ ужаснулись, уразумѣвъ, что ангелы довершили священное славословіе.

Въ княженіе Всеволода Ярославича, при игуменѣ Никонѣ, совершилось новое чудо въ церкви страшное: когда мастера начали выкладывать олтарь мусіею, образъ Божіей Матери вообразился самъ собою, и просвѣтился паче солнца. Всѣ предстоявшіе, не могуще зрѣти, пали ницъ. Опомнившись хотѣли взглянуть, и вдругъ вылетѣлъ голубь бѣлый изъ устъ Богорицы, полетѣлъ къ

Спасову образу, и тамъ скрыся. Предстоявшіе озирались кругомъ, думая, не вылетѣлъ ли голубь изъ церкви, какъ вдругъ излетѣлъ онъ опять изъ устъ Спасовыхъ, началъ носиться по всей церкви, садясь къ кому на голову, къ кому на плечо, кому на руки, и наконецъ отлетѣлъ, и скрылся за мѣстною Богородичною иконою. Приставили лѣстницу, чтобъ взять его оттуда,—искали, и не находили, какъ вдругъ, онъ самъ вылетѣлъ и поднялся къ верху. Снизу раздался крикъ: ловите, ловите его,—а голубь влетѣлъ опять въ уста Спасова образа, изъ коихъ вылетѣлъ, и паки свѣтъ осіялъ ихъ паче солнца. Падши ницъ, всѣ предстоявшіе поклонились Господу.

«Какая церковь въ ветхомъ и новомъ завѣтѣ ознаменовалася такими чудесами!» восклицаетъ Симонъ, епископъ Володимирскій, сохранившій намъ всѣ сіи преданія, «пройдите всѣ книги, и вы нигдѣ не найдете подобныхъ чудесъ: По небесному гласу измѣрена ея высота, длина и ширина поясомъ Господа Іисуса Христа, Сына Божія. Богородица дала злато на построеніе. Мастера присланы изъ Греціи. Писцы привезены въ ладьѣ вверхъ по рѣкѣ. Иногда являлся столпъ огненный на ея мѣстѣ отъ неба до земли, иногда облако, иногда дуга; часто являлась надъ церковью икона, носимая ангелами. Многожды церковь была видима до построенія. Огнемъ и росою означено мѣсто, и низпослано свыше благословеніе.

О слѣдующемъ времени преп. Симонъ разсказываетъ касательно Печерской церкви еще вотъ какой случай: Были два боярина: Иванъ и Сергій. Случилось имъ придти въ Печерскую церковь. Они увидѣли свѣтъ чуденъ на иконѣ Богородичной, и заключили между собою союзъ духовнаго братства. Чрезъ нѣсколько времени Иванъ, имѣвшій сына Захарію, пяти лѣтъ, занемогъ. Онъ призвалъ игумена Никона, и отдалъ ему все имѣніе для маломощныхъ, а сыновнюю часть, тысячу гривенъ серебра и сто гривенъ золота, отдалъ на руки вмѣстѣ съ сыномъ нареченному брату своему Сергію. Сынъ пришедъ въ возрастъ, спросилъ у него своего имѣнія. Сергій отвѣчалъ, что отецъ отдалъ все Богу, «у него и проси, а у меня нѣтъ ничего; я не долженъ ни тебѣ, ни твоему отцу, ни одного золотника. Отецъ виноватъ, раздавъ все имѣніе въ милостыню, и оставивъ тебя въ нищетѣ.» Сынъ соглашался на половину. Сергій разругалъ и отца и сына. Ну дай хоть третью, десятую долю. «Ничего.» Такъ поди же и поклянись предъ иконою Божіей Матери, гдѣ ты взялъ братство съ отцемъ. Сергій пошелъ, поклялся, хотѣлъ приложиться, и не могъ. Какъ бы пораженный бросился онъ къ дверямъ восклицая: «о святіи Антоній и Ѳеодосій, не велите этому ангелу немилостивому убивать меня. Прогоните бѣсовъ, которымъ я преданъ. Возмите золото мое, запечатанное въ клѣти.» Послали за имѣніемъ, и нашли въ указанномъ мѣстѣ двѣ тысячи гривенъ серебра и двѣсти золота. И бысть страхъ на всѣхъ, и съ тѣхъ поръ не позволено клясться этою иконою. Захарія отдалъ все игумену Іоанну, постригся, и скончался въ монастырѣ. На это золото и серебро поставлена церковь Іоанна Предтечи, на полатяхъ, въ честь жертвователей, Ивана и Захаріи.

Предложивъ житія святыхъ основателей Печерскаго монастыря, Антонія, Никона и Ѳеодосія, приступаемъ къ житіямъ прочихъ Печерскихъ затворниковъ.

Варлаамъ. Часто приходилъ бесѣдовать къ Св. Антонію и Ѳеодосію сынъ перваго боярина Изяславова Яна, (Іоанна) и внукъ того Вышаты, что плавалъ подъ Царьградъ въ послѣдній разъ съ Володимеромъ, сыномъ Ярославовымъ. Коснулась его благодать, сердце загорѣлось желаніемъ спастися, и онъ рѣшился оставить свѣтъ, отца и мать, жену, богатство.— «Мнѣ хочется жить съ вами,» сказалъ онъ однажды Антонію, и принять мнишескій образъ. «Доброе дѣло,» отвѣчалъ пустынникъ, «но смотри, чтобъ не захотѣлось тебѣ послѣ воротиться опять въ міръ. Тогда хуже будетъ.» Чѣмъ болѣе отсовѣтовалъ Антоній, тѣмъ сильнѣе ощущалъ молодой человѣкъ желаніе. На другой день, въ свѣтлой и славной одеждѣ боярской, въ толпѣ многочисленныхъ отроковъ, подъѣхалъ онъ къ пещерѣ Антоніевой. За нимъ вели множество коней, навьюченныхъ всякимъ богатствомъ. Затворники вышли на встрѣчу къ посѣтителямъ, и поклонились до земли. Молодой человѣкъ слезъ съ коня, скинулъ съ себя дорогое убранство, и положилъ къ ногамъ Антоніевымъ: «вотъ прелести міра сего,» сказалъ онъ, «дѣлай съ ними, что угодно. Я хочу жить съ тобою въ уединеніи и бѣдности,»— и поклонился предъ нимъ въ землю. Антоній боялся принять его. А если отецъ твой съ воинами придетъ къ намъ, и уведетъ тебя, а намъ помочь нечѣмъ, — и ты явишься предъ Богомъ яко отметникъ и ложь. — «Хоть бы онъ мучить меня сталъ, не возвращусь въ міръ, ты только постриги меня скорѣе.» — И Антоній велѣлъ Никону постричь, при чемъ и нареченъ онъ былъ Варлаамомъ. Отецъ Варлаамовъ пожаловался князю Изяславу. Князь, услышавъ, что въ тоже время и ключникъ его постриженъ,* воскипѣлъ гнѣвомъ и велѣлъ привести къ себѣ Никона. «Ты его постригъ?» спросилъ онъ. Я, отвѣчалъ пустынникъ. «Отведи его назадъ домой, не то я велю раскопать вашу пещеру, а тебя со всѣми товарищами ушлю въ заточеніе.» Что угодно тебѣ, то и дѣлай, а мнѣ нельзя отъ Царя небеснаго отводить Его воиновъ.»—Новая обитель между тѣмъ была въ величайшемъ страхѣ. Антоній собрался уйдти въ другую сторону. Прочіе братія поднялись вслѣдъ за нимъ. Насилу уже Изяславова жена, Ляховица родомъ, могла уговорить своего мужа, разсказавъ, сколько зла причинилось у нихъ въ Польшѣ отъ того, что оттуда выгнаны были когда-то монахи,—и онъ отпустилъ Никона, а прочихъ велѣлъ воротить.

Тогда бояринъ Янъ, увидя, что ничего не сдѣлано княземъ по его желанію, рѣшился управиться самъ. Взявъ своихъ отроковъ, онъ поспѣшилъ въ пещеру, вытащилъ своего сына, сорвалъ съ него черную рясу, клобукъ, и велѣлъ одѣть по-боярски. Варлаамъ скинулъ въ свою очередь дорогія одежды. Отецъ велѣлъ связать ему руки, одѣть снова и отвезть домой. Дорогою онъ увидѣлъ разсѣлину кальну, сбросилъ туда свою одежду, и началъ топтать въ грязи. Дома отецъ велѣлъ посадить его съ собою за трапезу. Онъ не прикасался ни къ какой пищѣ, и сидѣлъ потупивъ глаза. Отецъ отпустилъ его въ свои покои, и велѣлъ молодой женѣ его нарядиться, и всѣми силами прельщать его; молодой инокъ сѣлъ въ уголъ, отворачиваясь отъ нея, и моляся Богу избавить его отъ искушенія. Три дня потомъ не вставалъ онъ съ мѣста, въ

* См. ниже, въ житіи Ефрема, с. 602.

своей клѣти, не одѣвался, не ѣлъ и не пилъ ничего. А Антоній и Ѳеодосій съ прочею братіею. между тѣмъ молились за него Богу — и бояринъ сжалился наконецъ надъ своимъ сыномъ, испугавшись, чтобъ онъ не умеръ съ голода и холода, — поцѣловалъ и отпустилъ. Жена, отецъ и мать, провожали его, рыдая; рабы и рабыни плакали о немъ, какъ о мертвомъ. А онъ, какъ птица, вырвавшись изъ силковъ, или серна, освободясь отъ тенетъ, побѣжалъ опрометью, неоглядываясь, изъ отеческаго дома въ свою темную пещеру. Иноки, увидѣвъ его, обрадовались и прославили Бога, услышавшаго ихъ молитву.

Водворившись въ пещерѣ съ Св. Антоніемъ, Ѳеодосіемъ, Никономъ, онъ вскорѣ до такой степени успѣлъ въ духовной жизни, что нареченъ былъ отъ Св. Антонія игуменомъ при умноженіи братіи. Великій князь Изяславъ, основавъ монастырь Димитріевскій, въ честь своего ангела, послалъ туда игуменомъ Варлаама. Варлаамъ ходилъ оттуда въ Іерусалимъ, и, посѣтивъ всѣ святыя мѣста, возвратился въ свой монастырь. Потомъ отправился онъ въ другой разъ въ Константинополь, обошелъ всѣ тамошніе монастыри, и искупилъ все нужное для своего монастыря, но на возвратномъ пути, предпринятомъ по сухому пути, занемогъ отчаянно, и скончался въ Святогорскомъ монастырѣ близь Владимира-Волынскаго, Ноября 19, вѣроятно 1065 года. Онъ заповѣдалъ своимъ спутникамъ отнести тѣло его въ монастырь къ Св. Ѳеодосію, и передать туда всѣ вещи, искупленныя имъ въ Константинополѣ, что и было ими исполнено. Тѣло Варлаамово положено на правой сторонѣ церкви. Память его празднуется.

Ефремъ, каженикъ, управлялъ всѣмъ домомъ В. К. Изяслава, и былъ любимъ имъ больше всѣхъ.

Онъ, также, услажденный бесѣдами святыхъ отшельниковъ, рѣшился жить съ ними, и былъ постриженъ Никономъ, несмотря на гнѣвъ государевъ. Изъ пещеры чрезъ мѣсяцъ времени онъ ушелъ въ Константинополь, и водворился въ одномъ изъ тамошнихъ монастырей. Святый Ѳеодосій присылалъ къ нему за спискомъ Студійскаго устава, который и былъ имъ списанъ для Кіевскаго монастыря.

Послѣ по возвращеніи онъ былъ назначенъ епископомъ въ Переяславль, гдѣ оставилъ много памятниковъ своего благочестія, просвѣщенія и любви къ ближнему. Несторъ въ лѣтописи разсказываетъ, какъ онъ украсилъ Переяславль церковными и прочими зданіями, обвелъ каменными стѣнами, окончивъ церковь Св. Михаила, основалъ церковь Св. Ѳеодора на городскихъ воротахъ, другую по близости Св. Андрея. Имъ построено нѣсколько церквей и въ Суздалѣ съ главами.

Онъ присутствовалъ вмѣстѣ съ другими епископами при торжественномъ пренесеніи мощей Св. Ѳеодосія изъ пещеры въ каменную церковь, 1091 года Августа 14 дня, въ четвергъ.

Степенная книга говоритъ объ учрежденіи имъ больницъ въ разныхъ мѣстахъ, гдѣ безмездно пользовались больные. Ему приписываютъ банное строеніе — подъ коимъ одни разумѣютъ крещальни, другіе купальни, а иные церковныя главы, коихъ прежде, будто, на Руси не бывало!

Стефанъ. Онъ служилъ доместикомъ или уставщикомъ по крылосу во время игуменства Θеодосіева, который поручалъ ему часто говорить поученія братіи, вмѣсто себя. Предъ кончиною блаженнаго игумена братія просила его наречь Стефана ему преемникомъ, вмѣсто Іакова мниха, котораго онъ указывалъ, ибо-де Іаковъ не у насъ постриженъ, «Стефанъ выросъ подъ твоею рукою,» говорили они, «и послужилъ тебѣ: его намъ дай.» Θеодосій согласился, хотя съ укоризною: я назначалъ по Божьему повелѣнію, а вы хотите сотворить свою волю.— За симъ Стефанъ получилъ его наставленія.*

Стефанъ управлялъ Печерскою обителью пять лѣтъ, окончилъ строеніемъ Печерскій храмъ, котораго основаніе до земли положено было Св. Θеодосіемъ,—къ Іюлю 11 1075 г. Такъ какъ храмъ отстоялъ отъ древняго монастыря почти на двѣсти саженъ, то новый игуменъ построилъ деревянныя келліи около него, и перевелъ въ нихъ братію. Въ древнемъ оставлены не многіе иноки для погребенія умирающихъ, и для совершенія заупокойныхъ литургій. На дворѣ между монастырями, древнимъ и новымъ, устроенъ былъ пріемъ странниковъ. Все обнесено было деревянною стѣною. Неизвѣстно, за что братія вознегодовала впослѣдствіи на своего избранника, и онъ принужденъ былъ оставить игуменство и монастырь. Онъ основалъ тогда новый монастырь, близъ любимой обители, на другомъ отрогѣ Печерской горы, на Кловѣ, въ честь Св. Богородицы Влахернской, которая столько прославилась при созданіи Печерскаго храма. Въ 1091 г. Св. Стефанъ былъ епископомъ Владимиро-Волынскимъ, и присутствовалъ при перенесеніи мощей Св. Θеодосія изъ пещеры въ Лавру. Скончался 27 Апрѣля 1094 года.

* См. выше, с. 591.

Даміанъ, великій постникъ и воздержникъ, до смерти своей не ѣлъ и не пилъ ничего, кромѣ хлѣба съ водою. Мало спавъ ночью, онъ съ прилежаніемъ читалъ книги, и старался подражать житію и смиренію преп. Θеодосія, котораго любилъ всѣмъ сердцемъ. Θеодосій отсылалъ къ нему обыкновенно больныхъ дѣтей, что приносились въ монастырь, и вообще всѣхъ приходящихъ лечиться отъ разныхъ недуговъ. Даміанъ читалъ надъ ними молитвы, помазывалъ масломъ, и многіе исцѣлялись. Передъ кончиною онъ молился со слезами Богу, чтобъ не отлучалъ его на томъ свѣтѣ отъ наставника и отца его, преподобнаго Θеодосія, — и вдругъ видитъ его предъ одромъ своимъ. Θеодосій палъ на грудь къ Даміану, и, любезно цѣловавъ, сказалъ ему: объ чемъ ты молишься, то совершится, послалъ меня Господь сказать тебѣ: ты причтешься со святыми, и когда я умру, то приду къ тебѣ, и мы останемся вмѣстѣ. Съ этими словами онъ сдѣлался невидимымъ. Даміанъ уразумѣлъ, что это было явленіе отъ Бога, и послалъ за блаженнымъ Θеодосіемъ. Когда тотъ пришелъ, то спросилъ его съ веселымъ лицемъ: будетъ ли такъ, отче, какъ ты обѣщался? Θеодосій отвѣчалъ, что не знаетъ, о какомъ обѣщаніи онъ говоритъ. Даміанъ разсказалъ ему происшедшее. Тогда Θеодосій прослезился, уразумѣвъ видѣніе, и сказалъ ему: братъ Даміанъ, что обѣщалъ тебѣ ангелъ, явяся въ моемъ образѣ, то будетъ тебѣ,—яже грѣшный какъ могу быть общникомъ славы, уготованной праведникамъ? Даміанъ обрадовался, перецѣловалъ созванную братію, и предалъ съ миромъ душу свою пришедшимъ за нею ангеламъ. Память его празднуется Октября 5.

Іеремія, старецъ великій, помнившій Володимерово крещеніе Русской земли. Сему дарованъ былъ даръ отъ Бога знать будущее и читать въ мысляхъ человѣческихъ. Онъ обличалъ многихъ втайнѣ и училъ блюстись отъ діавола. Задумаетъ братъ какой оставить монастырь, онъ объявлялъ скрытное намѣреніе, предсказывалъ доброе и худое, —и все сбывалось. Помнивъ крещеніе Володимерово и живя при Ѳеодосіѣ, онъ скончался вѣроятно около 1070 г., слѣдовательно ему было 90 лѣтъ.

Матвѣй отличался даромъ прозорливости. Однажды, разсказывалъ онъ, стою я въ церкви на своемъ мѣстѣ, взглянулъ на братію, поющую по обѣимъ сторонамъ на крылосахъ, и вижу: бѣсъ въ образѣ Ляха, въ лудѣ, ходитъ вокругъ съ цвѣтами, что называется лѣпокъ, —полныя полы, —и бросаетъ въ монаховъ: къ кому цвѣтокъ прильнетъ, тотъ, постоявъ немного, уходитъ изъ церкви подъ какимъ нибудь предлогомъ въ келью, и ложится спать; а отъ кого цвѣтокъ отскакивалъ, тотъ стоитъ крѣпко, до окончанія утрени. Въ другой разъ послѣ заутрени присѣлъ Матвѣй отдохнуть подъ биломъ, а келья его была далеко отъ церкви. Вдругъ видитъ онъ толпу, идущую изъ монастырскихъ воротъ, а по срединѣ одинъ ѣдетъ на свиньѣ. —Куда вы?—спросилъ ихъ старецъ. —За Михалемъ Толбековичемъ, отвѣчалъ бѣсъ, сидѣвшій на свиньѣ. Пришедши въ свою келью, Матвѣй послалъ келейника спросить, въ кельѣ ли Михаилъ, и узналъ, что онъ дѣйствительно ушелъ со столпья по заутрени. Много видѣній онъ имѣлъ, и скончался въ старости маститой, уже послѣ Ѳеодосія и Стефана, при преп. Никонѣ, вѣроятно въ 1088 году. Память его празднуется 5 Октября.

Исаакій. Это былъ богатый купецъ Торопецкій, именемъ Чернь. Задумавъ идти въ монахи, онъ роздалъ имѣніе свое нуждавшимся и въ монастыри. Антоній принялъ его и нарекъ Исаакіемъ.

Онъ возымѣлъ житіе крѣпкое, и надѣлъ на себя власяницу, потомъ велѣлъ купить козла и, спявъ съ него шкуру, покрылся ею, — волосами вверхъ, —которая на немъ и высохла. Онъ водворился въ пещерѣ въ самой тѣсной кельѣ, въ 4 локтя, и безпрестанно молился тамъ со слезами: ядью ему была просфора, и та черезъ день, да немного воды. Пищу приносилъ ему самъ Антоній, и подавалъ черезъ малое оконце, въ которое едва пролезть могла рука. Такъ провелъ онъ семь лѣтъ, не выходя на свѣтъ Божій, неложась спать на ребра, а засыпая по малу сидя.

Однажды, наставшу вечеру, началъ онъ кланяться и пѣть псалмы до полуночья, по обычаю; потрудясь присѣлъ на сѣдалѣ своемъ и погасилъ свѣчу. Вдругъ возсіялъ свѣтъ въ пещерѣ какъ отъ солнца, и явились предъ нимъ двое юношей, прекрасныхъ, свѣтозарныхъ, и прорекли ему: Христосъ идетъ къ тебѣ, падъ поклонися ему. Онъ падъ поклонился, позабывъ положить на себя крестное знаменіе, и бѣсы воскликнули: нашъ еси Исаакій! Вся кельица и вся улица печерская наполнилась бѣсами. Возмите сопѣли, бубны и гусли, сказалъ одинъ отъ бѣсовъ, глаголемый Христосъ, пусть попляшетъ намъ Исаакій. И ударили всѣ въ сопѣли, бубны и гусли, и начали играть. Наругавшись имъ, оставили его утомленнаго, еле жива, и исчезли.

Заутра Антоній принесъ для него хлѣба къ оконцу, по обычаю, и произнесъ: благослови

Господи! отче Исаакіе! Отвѣта не было. Антоній подумалъ: се уже преставился,— послалъ за Θеодосіемъ и братіею. Откопали устье, вынесли Исаакія, какъ мертваго, и положили предъ пещерою. Здѣсь увидѣли, что онъ живъ, и Θеодосій приписалъ его состояніе бѣсовскому дѣйству. Тѣло его положено на одръ, и Антоній служилъ ему.

По удаленіи Антонія къ Святославу въ Черниговъ, вслѣдствіе гнѣва Изяславова, Θеодосій взялъ Исаакія къ себѣ въ келью. Два года лежалъ онъ здѣсь разслабленный, не могій поворотиться на бокъ, ни встать, ни сѣсть, черви заводились нѣсколько разъ подъ нимъ отъ мокроты и сырости. Глухъ и нѣмъ былъ Исаакій два года, не вкушалъ ни хлѣба ни воды, никакого брашна или овоща: Θеодосій омывалъ и опряталъ его своими руками, творилъ молитву надъ нимъ день и ночь. На третье лѣто онъ проглаголалъ и началъ слышать, и на ноги поднялся, и пошелъ, какъ младенецъ. Ни какъ не хотѣлъ онъ идти въ церковь, и только насильно приводили его туда. Θеодосій началъ водить его сперва въ трапезницу, и сажалъ отдѣльно отъ братіи. Положите хлѣбъ передъ нимъ, велѣлъ игуменъ, но не кладите ему въ руки: пусть самъ ѣстъ. Недѣлю онъ не прикасался, а потомъ началъ, оглядываясь, прикушивать хлѣба, и выучился пить.

Исаакій возложилъ на себя потомъ опять воздержаніе жестокое. По кончинѣ уже Θеодосія, при Стефанѣ, Исаакій сказалъ: ты прельстилъ меня дьяволъ сидящаго на единомъ мѣстѣ, такъ я не хочу запираться въ пещерѣ, а хочу побѣдить тебя ходя въ монастырѣ. Онъ надѣлъ на себя власяницу, а сверху нея свиту витоляну, пришелъ помогать поварамъ,—и между тѣмъ началъ юродствовать. Къ заутрени приходилъ прежде всѣхъ, и стоялъ крѣпко, недвижимо; зимою во время лютыхъ морозовъ онъ ходилъ въ прабошняхъ и черевьяхъ протоптанныхъ, такъ что ноги примерзали у него къ камню, но онъ стоялъ твердо до тѣхъ поръ, какъ оканчивалась заутреня. По заутрени ходилъ въ поварницу, и приготовлялъ огонь, воду, дрова, пока соберутся прочіе повара. Однажды поваръ, тоже именемъ Исаакій, думая посмѣяться надъ нимъ, сказалъ: вонъ сидитъ воронъ черный, поди возми его. Исаакій поклонился повару, пошелъ, и взявъ ворона въ руки принесъ. Всѣ ужаснулись, и повѣдали чудо игумену и братіи, которые всѣ начали чтить его особенно. Но Исаакію не хотѣлось славы человѣческія: онъ началъ пакостить то игумену, то братіи, то мірскимъ человѣкамъ, ходя по міру и юродствуя, даже до побоевъ. Онъ поселился въ прежней пещерѣ Антоніевой, собиралъ къ себѣ молодыхъ людей, одѣвалъ ихъ въ монашеское платье, и получалъ за то раны отъ ихъ родителей, и упреки отъ игумена Никона: раны, наготу, студень, днемъ и ночью, онъ все сносилъ терпѣливо. Затопилъ онъ однажды печь въ истобкѣ у пещеры, разгорѣлась она, и начало выкидывать пламя утлизнами: заложить ему было нечѣмъ, и онъ сталъ босыми ногами на пламя, пока оно не погасло. Много разсказываютъ о немъ, а иное видѣлъ я самъ, говоритъ Несторъ: совершенную власть пріобрѣлъ онъ надъ бѣсами, какъ надъ мухами, и ни во что ставилъ ихъ прещенья и мечтанья. Часто приставали они къ нему и твердили: ты нашъ, ты поклонился намъ и нашему старѣйшинѣ. Онъ крестился, и

бѣсы исчезали. Иногда представлялись ему народомъ цѣлымъ они и кричали: раскопаемъ пещеру, загребемъ его; другіе кричали: бѣги, Исаакій, хотятъ загрести тебя! Иногда показывался въ пещерѣ лютый звѣрь, медвѣдь, иногда приползали зміи, жабы, мыши и всякій гадъ. Исаакій крестился, творилъ молитву, и все исчезало. Ну, Исаакій, ты побѣдилъ насъ, сказали они ему наконецъ, не могши ничего сдѣлать съ нимъ. Три года, по его разсказу, продолжалась эта лютая брань. Наконецъ онъ успокоился; пощеніе, воздержаніе, бдѣнія сталъ исправлять по прежнему. Въ этихъ подвигахъ онъ провелъ лѣтъ 20 послѣ своего исцѣленія. Наконецъ занемогъ, и вынесенъ больной въ монастырь, гдѣ на осьмой день скончался, и погребенъ игуменомъ Іоанномъ съ братіею, не прежде 1090 года. Память его празднуется 14 Февраля.*

Моисей Угринъ. Это былъ братъ Георгія, отрока Борисова, который былъ убитъ вмѣстѣ съ своимъ княземъ, за золотую гривну, повѣшенную на его шеѣ. Онъ одинъ тогда спасся и бѣжалъ къ Передславѣ, сестрѣ Ярослава (1015). Послѣ разныхъ превратностей, Болеславъ храбрый, король Польскій, приходилъ на помощь къ зятю своему Святополку, которому доставилъ снова столъ Кіевскій, побѣдивъ Ярослава, и воротился въ Ляхи (1019). Онъ увелъ съ собою обѣихъ сестеръ Ярославовыхъ и всѣхъ бояръ, а съ ними и Моисея, окованнаго желѣзомъ, подъ крѣпкою стражею. Моисей былъ красавецъ собою, и въ Польшѣ влюбилась въ него одна знатная женщина, молодая и прекрасная, и приступила къ нему съ предложеніями. Плѣннику, обѣщала ему власть, богатство, почести. Моисей, дѣвственникъ отъ рожденія, никакъ не соглашался: не буди мнѣ погубити труда своего пяти лѣтъ, что я несу въ этихъ узахъ, терпя муки, чтобъ избавиться отъ вѣчныхъ мукъ. Влюбленная, она выкупила своего любимца за тысячу гривенъ серебра. Онъ облеченъ былъ въ многоцѣнныя ризы, сладкія брашна предлагались ему въ снѣдь, ласкамъ женскимъ не было конца, а преподобный прилежалъ посту и молитвѣ. Онъ предпочиталъ сухой хлѣбъ и воду, съ чистотою, сладкимъ брашнамъ и вину, со скверною. Іосифъ вырвался изъ руки своей прелестницы, оставивъ въ ея рукахъ сорочку, Моисей—всю одежду. Женщина предалась ярости. Отъ лести перешла къ казнямъ. Велѣла морить его голодомъ. Нѣкоторые слуги смилостивились и подавали ему пищу, другіе уговаривали его смягчиться и исполнить желаніе ихъ госпожи: зачѣмъ ты не женишься? Она молода, прекрасна собою, жила съ мужемъ только одно лѣто. Никакой князь не погнушается ею, а ты, плѣнникъ, и не хочешь быть ея господиномъ. Изъ чего же ты мучишься? И Авраамъ былъ женатъ и Исаакъ, и Іаковъ. Іосифъ, отказавшись отъ жены Пентефрія, также женился, и получилъ царство. «Не надо мнѣ Египетскаго царства,» отвѣчалъ Моисей совѣтникамъ, не надо мнѣ чести въ ляшской землѣ, я ищу небеснаго царства, и хочу идти въ монахи, ежели избавлюсь отъ этого плѣна. Жена, не могши ума приложить, что дѣлать, въ своей страсти, истощивъ всѣ средства, и лесть, и угрозу, велѣла посадить его на коня и водить по всѣмъ селамъ и городамъ

* Житія Даміана, Іереміи, Матвѣя и Исаакія, описаны Несторомъ въ лѣтописи. Большая часть слѣдующихъ—Симономъ и Поликарпомъ, которые означаются буквами С. и П. Остальныя житія составлены по другимъ источникамъ.

своимъ. «Это все твое,» говорила она ему, а жителямъ: «вотъ вашъ господинъ, а мнѣ мужъ. «Всѣ встрѣчные кланяйтесь ему.» Блаженный былъ глухъ и нѣмъ. «Я не отпущу тебя живаго,» твердила княгиня, «я предамъ тебя мукамъ и велю казнить тебя, если ты не исполнишь моего желанія.» Не боюсь ничего, отвѣчалъ воздержникъ, и, воспользуясь случайною встрѣчею съ однимъ священникомъ, шедшимъ со Святой горы, принялъ отъ него монашескій образъ. Княгиня въ гнѣвѣ велѣла растянуть его по землѣ, и бить палками. Кровію обагрялась земля. Слуги уговаривали блаженнаго изъ всѣхъ силъ. Ничто не помогало. Княгиня обратилась къ Болеславу, и просила его посредства. Король самъ старался убѣдить юношу. Онъ оставался твердымъ. Тогда Болеславъ отдалъ его въ полную власть княгинѣ. Она велѣла положить его къ себѣ на ложе, истощала всѣ ласки, сжимая въ своихъ объятіяхъ; онъ оставался какъ будто мертвый. Тогда раздраженная женщина велѣла изувѣчить его, и лишить мужескаго образа. Блаженный претерпѣлъ все съ радостію, хваля и славя Бога. Король вслѣдствіе этого случая велѣлъ изгнать всѣхъ чернецовъ изъ своихъ владѣній. Но Богъ не оставилъ его безъ наказанія. Въ одну ночь онъ умеръ скоропостижно, и произошелъ мятежъ во всей землѣ Ляшеской (1027). (Супруга Изяславова, дочь Болеслава, напомнила объ этомъ событіи мужу, когда тотъ, прогнѣвавшись на Печерскую обитель, за постриженіе Варлаама и Ефрема, хотѣлъ раззорить её),* Люди, возставшіе въ Польшѣ, избили епископовъ своихъ и бояръ. Тогда и княгиня была убита. Моисей, оправившись

* См. выше, с. 601.

отъ ранъ пришелъ въ Печерскій монастырь, и водворился тамъ. Господь даровалъ ему власть надъ страстями. Одинъ братъ просилъ у него помощи. Онъ ударилъ его своимъ посохомъ въ лоно, (по причинѣ ранъ онъ не могъ ходить безъ посоха), и внезапно помертвѣли у просившаго члены.*

Никита, желая славы отъ человѣкъ, просилъ позволенія у игумена Никона затвориться. Никонъ сказалъ ему, что онъ молодъ: «праздность для тебя вредна, лучше тебѣ поработать на братію; ты видѣлъ самъ, какъ братъ Исаакій прельщенъ былъ въ затворѣ; благодатію только могъ онъ спастися, и ею творитъ онъ теперь чудеса.» Нѣтъ, отвѣчалъ Никита, я никогда не соблазнюсь такою вещію. Я прошу у Бога, чтобъ онъ подалъ мнѣ дары чудотворенія. «Выше силы прошеніе твое,» возразилъ игуменъ, «смотри, чтобъ ты возшедъ не упалъ. Наше смиреніе велитъ служить тебѣ на братію, и ты увѣнчаешься за послушаніе.» Юноша не послушался глаголовъ старца, но сдѣлалъ, что захотѣлъ, заложилъ за собою дверь и остался не выходя. И вскорѣ прельстилъ его діаволъ! Вдругъ во время своего пѣнія онъ слышитъ гласъ, молящійся съ нимъ, и обоняетъ благоуханіе неизреченное. Никита пересталъ пѣть и думалъ: это ангелъ молился со мною, это Духа Святаго благоуханіе. И началъ онъ

* Если, слѣдуя патерикамъ и прологамъ, Моисей жилъ въ монастырѣ десять лѣтъ, пять лѣтъ въ плѣну, и шесть лѣтъ страдалъ за чистоту, то онъ умеръ въ 1037 году; въ какой же пещерѣ онъ жилъ, когда самъ Антоній пришелъ туда послѣ 1051, и основалъ свою обитель? Мы думаемъ, что онъ жилъ въ Варяжской пещерѣ, прежде выкопанной, а въ житіи Печерскій монастырь поставленъ вѣроятно по ошибкѣ, или онъ пришелъ въ монастырь гораздо позднѣе:

молиться прилежно: Господи явись ты мнѣ Самъ разумно, да вижу Тебя. Послышался голосъ: не явлюся,—ты молодъ,—чтобъ ты вознесшися не упалъ. Затворникъ отвѣчаетъ со слезами: нѣтъ, нѣтъ, не прельщуся я, наученный своимъ игуменомъ, и исполню все, что ты мнѣ повелишь. Бѣсъ же пріимъ власть на юномъ сказалъ: невозможно человѣку во плоти видѣть меня. И вотъ посылаю тебѣ ангела—пусть онъ остается съ тобою, а ты волю его твори. И вдругъ явился предъ нимъ бѣсъ въ образѣ ангельскомъ. Монахъ поклонился ему. Не молись, сказалъ ему бѣсъ, а читай книги: въ книгахъ ты будешь бесѣдовать съ Богомъ, и изъ книгъ будешь приходящимъ подавать полезные совѣты, а я буду молиться своему творцу о твоемъ спасеніи. Никита пересталъ молиться, и предался чтенію и поученію. Видя, какъ бѣсъ безпрестанно молится объ немъ, онъ радовался ангельской за себя молитвѣ, бесѣдовалъ съ приходящими и началъ пророчествовать. Слава о немъ распространилась, и всѣ дивились совершенію его предсказаній. Никита послалъ сказать князю Изяславу: убитъ князь Глѣбъ Святославичь въ Заволочьѣ. Пошли скорѣе сына твоего Святополка на столъ Новогородскій. Какъ онъ сказалъ, такъ и исполнилось: чрезъ нѣсколько времени стала извѣстною смерть Глѣба. Затворникъ прослылъ пророкомъ; его слушались князья и бояре; бѣсъ, не имѣвшій силы узнавать будущее, зналъ прошедшее, и внушалъ Никитѣ, который разсказывалъ приходившимъ. Книгами ветхаго завѣта никто не могъ состязаться съ Никитою: онъ зналъ ихъ всѣ наизустъ: бытія, исхода, левитъ, числъ, судей и царствъ, всѣ пророчества и прочія книги, но Евангелія, Апостола, книгъ святыхъ, преданныхъ намъ въ благодати на утвержденіе и исправленіе, Никита не хотѣлъ ни читать, ни видѣть, ни слышать объ нихъ и бесѣдовать. Всѣ догадались что онъ прельщенъ отъ врага. Преподобные мужи не могли оставить такого дѣла безъ своего участія. Они всѣ собрались и пришли къ Никитѣ: Никонъ игуменъ, Іоаннъ, бывшій по немъ игуменомъ, Пименъ постникъ, Матфій прозорливецъ, Исаакій святый, печерникъ, Агапитъ лечецъ, Григорій чудотворецъ, Никола, бывшій послѣ епископомъ въ Тмуторакани, Нестеръ, написавшій лѣтописецъ, Григорій творецъ каноновъ, Ѳеоктистъ, бывшій послѣ епископомъ въ Черниговѣ, Онисифоръ прозорливецъ. Они всѣ вмѣстѣ совершили молитвы, и изгнали бѣса, который сталъ ему не видимъ. Отцы стали разспрашивать Никиту о Ветхомъ Завѣтѣ. Онъ поклялся, что никогда не читалъ книгъ, кои зналъ прежде наизустъ. Онъ не могъ произнести ни единаго слова, и не понималъ даже азбуки, такъ что святые отцы должны были учить его грамотѣ.

Послѣ этого удивительнаго событія Никита началъ житіе чистое, смиренное и послушное. О воздержаніи и говорить нечего. Онъ вознесся своими добродѣтелями, и былъ поставленъ Епископомъ Новугороду, гдѣ молитвами своими сводилъ дождь съ неба, погасилъ пожаръ въ городѣ, и нынѣ причисленъ къ лику святыхъ. Память празднуется Января 30.

Алимпій отданъ былъ родителями учиться къ мастерамъ иконописцамъ пришедшимъ изъ Царя-града при игуменѣ Никонѣ. Бывъ свидѣтелемъ чуда,—летавшаго святаго Духа въ церкви,—Алимпій пріимъ иноческій

образъ. Изучившись искусству живописанія онъ трудился неусыпно, писалъ иконы и обновлялъ обветшавшія даромъ и въ пользу нищихъ.

Принесенъ былъ въ монастырь больной, прокаженный. Игуменъ велѣлъ напоить его губою изъ кладязя Святаго Ѳеодосія, и омочить голову и лице. Больной не увѣровалъ, и вскипѣлъ по всему тѣлу гноемъ. Плача и сѣтуя воротился онъ въ домъ, и вздумалъ идти чрезъ нѣсколько времени къ Святому Алимпію, и исповѣдаться во грѣхѣ своемъ. Инокъ похвалилъ его за раскаяніе, взялъ вапницу, и замазалъ ему струпы шаровными вапами, украсилъ лице на первое подобіе, потомъ повелъ въ церковь, пріобщилъ святыхъ таинъ, и велѣлъ умыться святою водою— всѣ струпы мгновенно спали, и больной исцѣлился.

Нѣкто христолюбецъ, изъ города Кіева поставилъ церковь, и поручилъ двумъ чернецамъ заказать у Алимпія деисусъ и двѣ мѣстныя иконы, предлагая плату, какую угодно. Чернцы взяли куны и не передали ничего Алимпію. Строитель спросилъ чрезъ нѣсколько времени, готовы ли иконы, а чернцы отвѣчали, что Алимпій еще требуетъ злата. Получили, истратили, и опять стали просить. Строитель давалъ съ радостію говоря, что готовъ дать въ десятеро больше, лишь бы получить молитвы и дѣло рукъ Алимпіевыхъ. Ему хотѣлось только увидѣть иконы. Чернцы сказали, что Алимпій иконъ писать не хочетъ. Строитель пришелъ въ монастырь тягаться. Игуменъ спросилъ Алимпія о причинѣ неправды. Тотъ отвѣчалъ, что не знаетъ, объ чемъ его спрашиваютъ. Игуменъ сказалъ, что онъ взялъ три цѣны за пять иконъ,—и велѣлъ позвать чернцевъ, и принести иконныя доски; чернцы утверждали, что Алимпій взялъ цѣну, а иконъ не написалъ. На принесенныхъ же доскахъ явились иконы весьма хитро написанныя. Богомъ написаны иконы, воскликнули всѣ предстоявшіе. Чернцы, обличенные въ кражѣ, были изгнаны изъ монастыря. Случилось сгорѣть церкви, въ коей поставлены были тѣ иконы. Иконы однѣ остались цѣлы. Князь Володимеръ, услышавъ о такомъ чудѣ, послалъ икону Божіей Матери въ Ростовъ въ созданную имъ тамъ церковь. Епископъ Симонъ въ посланіи своемъ къ Акиндину свидѣтельствуетъ, что во время Ростовскаго пожара также икона эта среди пламени осталась невредимою, даже неопаленною.

Григорій пришелъ къ Св. Ѳеодосію, и отъ него наученъ житію чернеческому, въ особенности нестяжанію, смиренію и послушанію. Молитвѣ прилежалъ онъ наиболѣе, и пріобрѣлъ побѣду надъ не чистыми духами. По всякомъ пѣніи онъ творилъ обыкновенно запретительныя молитвы. Далече отъ него сущіе, они вопили: о Григорій, ты гонишь насъ своею молитвою. Тогда старый врагъ, не могши ничѣмъ житію его спону (препону) сотворити, наустилъ злыхъ людей обокрасть его, а у него ничего не было, кромѣ книгъ.

Въ одну ночь пришли къ нему воры, и остановились выжидая, когда Григорій пойдетъ къ заутрени. Григорій очутилъ ихъ приходъ: онъ никогда не спалъ ночью, но пѣлъ и молился безпрестанно, стоя по срединѣ келліи.—Господи, обратился онъ къ Богу, подай сонъ рабомъ твоимъ, утрудившимся врагу угожающе,—и погрузились они въ глубокій сонъ, спали безпробудно пять дней и пять ночей. Тогда Григорій созвалъ братію, и

разбудилъ спавшихъ: «долго-ли вамъ спать здѣсь на сторожѣ, сбираясь обокрасть меня? Расходитесь по домамъ.» Проснувшись, они не могли приподняться, потому что замерли отъ голода. Григорій накормилъ и отпустилъ ихъ. Властитель градскій (посадникъ), узнавъ о происшедшемъ, опредѣлилъ татямъ наказаніе. Григорію стало жаль, что изъ-за него они подвергаются мукамъ. Онъ пошелъ къ посаднику, и далъ ему книгъ, а татямъ испросилъ отпущеніе. Тогда покаявшись оставили они свои первыя дѣла, и предали себя въ распоряженіе Печерскаго монастыря. Нѣсколько книгъ Григорій продалъ, чтобъ не вводить никого въ искушеніе. Былъ у него при келіи огородецъ земляный и нѣсколько деревъ плодовитыхъ. Пришли другіе воры, обобрали все что можно было взять, и взваливъ себѣ на плеча хотѣли унести, но не могли двинуться съ мѣста, и стояли два дня, какъ вкопаные, угнетенные бременемъ. Григорій, воскликнули они наконецъ, виноваты, каемся, и больше грѣшить не будемъ. Услышавъ крикъ пришли чернецы, но не могли свести ихъ съ мѣста. Когда вы пришли, спросили ихъ. «Вотъ уже два дня и двѣ ночи мы стоимъ здѣсь.» Какъ же мы невидали васъ, ходя здѣсь часто? «И мы сами не видали васъ, а то попросили-бъ отпустить. Изнемогши уже мы начали кричать. Попросите о насъ Григорія.» Григорій пришелъ и сказалъ имъ: всю свою жизнь провели вы въ праздности, похищая чужіе труды: такъ стойте и здѣсь до смерти безъ всякаго дѣла; но если вы обѣщаетесь работать и помогать другимъ, то я васъ отпущу. Они поклялись. Григорій произнесъ: благословенъ Господь Богъ нашъ—и они двинулись съ мѣста, остались служить Печерскому монастырю, воздѣлывая огороды. Потомство ихъ живетъ, я думаю, до сихъ поръ тамъ, говоритъ Поликарпъ.

Пришли три неизвѣстныхъ человѣка къ Григорію, намѣреваясь наругаться надъ нимъ: «вотъ другъ нашъ» сказали они, «осужденный на смерть. Постарайся избавить его отъ бѣды, дай чѣмъ откупиться откупиться отъ смерти.» Григорій возскорбѣлъ и сказалъ: горе человѣку сему, яко пріиде часъ гибели его. «Если ты дашь что, отче,» возразили они, «то онъ не умретъ.» Имъ хотѣлось получить что нибудь и раздѣлить между собою. Григорій сказалъ: я дамъ, а онъ все-таки умретъ,—и спросилъ ихъ, на какую смерть онъ осужденъ. Тѣ отвѣчали: быть повѣшену на деревѣ. Григорій подтвердилъ: да, онъ будетъ повѣшенъ на деревѣ,—слѣзъ въ погребъ, гдѣ обыкновенно молился, чтобъ умъ не слыхалъ ничего земнаго, а очи не видали никакой суеты, вынесъ оттуда остальныя свои книги, и отдалъ пришедшимъ, чтобъ искупить отъ казни осужденнаго. Они взяли книги, и ушли, смѣясь между собою. На ночь же вздумали они опять придти къ Григорію, и обобрать плодовитыя деревья. Пришли, и заперли инока въ погребѣ. Тотъ, которому Григорій сказалъ быть повѣшену, взлѣзъ на дерево и началъ обрывать яблоки. Вѣтвь обломилась, за которую онъ держался, и онъ упалъ. Летя запялся онъ полою за другую вѣтвь и удавился ожерельемъ. А прочіе двое между тѣмъ испугавшись бѣжали. Помочь было некому: Григорій былъ запертъ въ погребѣ, а братія находились въ церкви. Вышедши изъ церкви, они увидѣли человѣка висящаго, удавленнаго, и ужаснулись. Отъискали Григорія. Вышедъ изъ погреба, онъ велѣлъ снять мертваго, и сказалъ друзьямъ его, сюдажъ приведеннымъ: вотъ какъ сбылась ваша мысль.

Богъ поруганъ не бываетъ. Если бы вы не заперли меня, я пришелъ бы и снялъ его съ дерева, и онъ бы не умеръ. Ругатели пали къ ногамъ его и просили прощенія. Григорій назначилъ имъ работы.

А вотъ какъ онъ скончался: Князь Ростиславъ Всеволодовичь, отправляясь въ походъ на Половцевъ, заѣхалъ въ монастырь за благословеніемъ съ своими отроками. Григорій спускался въ то время съ горы къ Днѣпру за водою. Отроки начали ругаться надъ нимъ, наносяще словеса срамная. Инокъ сказалъ имъ: о дѣти мои, вамъ бы нужно было плакать о своей погибели, и каяться въ своихъ прегрѣшеніяхъ, молитвы за себя просить, потому что постигнулъ васъ судъ,—всѣ вы погибнете въ водѣ и съ княземъ вашимъ,—а вы злое творите! Князь, вмѣнивъ его пророчество въ пустошь, закричалъ на него съ гнѣвомъ: мнѣ ли ты пророчишь погибель отъ воды, мнѣ, умѣющему плавать,— и велѣлъ ему связать руки и ноги, навязать камень на шею, и бросить въ рѣку. Два дня искали его братія и не нашли. На третій день пришли въ его келлію, чтобъ забрать его вещи, и увидѣли его мертваго въ келліи, связаннаго съ камнемъ на шеѣ; а лицо было свѣтло, какъ у живаго,—вся одежда его была еще мокра. Никто не приносилъ его, и двери были заперты. Братія вынесли тѣло и погребли честно въ пещерѣ. Многія лѣта оставалось оно цѣлымъ и нетлѣннымъ.

Ростиславъ въ ярости не покаялся въ грѣхѣ, не пошелъ въ монастырь, и не принялъ благословенія. На сраженіи подъ Триполемъ Русскіе вои были разбиты, и несчастный сынъ Всеволодовъ, въ бѣгствѣ, переплывая рѣку, утонулъ со всѣми своими, по слову блаженнаго Григорія. Память 8 Января. П.

Агапитъ, Кіевлянинъ, постриженный при Антоніѣ, былъ часто свидѣтелемъ, какъ больные приносимые къ святому отшельнику, были изцѣляемы отъ его яди, подъ видомъ врачебнаго зелія. Ревнуя своему учителю, онъ началъ ходить самъ за больною братіею. Если случится кому занемочь, Агапитъ служилъ ему, поднималъ и клалъ его, выносилъ на своихъ рукахъ; продолжится долго болѣзнь,—преподобный не оставлялъ больнаго, и молился объ немъ безпрестанно, до тѣхъ поръ пока тотъ выздоравливалъ. Богъ послалъ ему даръ исцѣленія и въ монастырѣ получилъ онъ прозваніе: Лѣчецъ. Изъ города, когда распространилась молва объ его чудесномъ дарованіи, приносимы къ нему были часто больные, и получали исцѣленіе. Славился тогда въ Кіевѣ врачеваньемъ одинъ армянинъ, который, взглянувъ на больнаго, предсказывалъ ему вѣрно исходъ болѣзни, назначалъ даже день и часъ смерти. И никогда неизмѣнялось слово его, никогда не вставалъ такой больной. Такъ назначилъ онъ умереть черезъ восемь дней первому боярину Князя Всеволода. Блаженный Агапитъ далъ ему отъ своей яди, помолился, и бояринъ выздоровѣлъ. Слово промчалось объ Агапитѣ по всей Русской землѣ. Армянинъ исполнился зависти: онъ послалъ одного осужденнаго на смерть, давъ ему смертнаго зелія, чтобъ тотъ умеръ предъ глазами Агапита. Блаженный подалъ ему монастырской яди, помолился, и преступникъ избавился отъ смерти его молитвою. Армянинъ, посредствомъ своихъ тожевѣрниковъ, хочетъ уморить монаха смертнымъ зеліемъ: тотъ пьетъ, и остается безъ вреда. Занемогъ Князь Володимеръ Всеволодовичь Мономахъ въ Черниговѣ. Армянинъ лечилъ его, но

безъ всякой пользы. Болѣзнь усиливалась, и онъ видимо приближался къ концу. Тогда послалъ онъ къ игумену Ивану съ просьбою прислать къ нему Агапита. Игуменъ велѣлъ иноку идти въ Черниговъ. Нѣтъ, отвѣчалъ блаженный, если я пойду къ князю, то долженъ буду и ко всѣмъ ходить: не могу я для человѣческой славы отойти отъ вратъ монастырскихъ: я произнесъ обѣтъ оставаться здѣсь до послѣдняго издыханія; если ты изгонишь меня, я отойду въ другую сторону, и возвращусь сюда, когда минуетъ это дѣло. Посолъ княжій, увидя, что инокъ никакъ не соглашается идти, просилъ его, чтобъ далъ по крайней мѣрѣ зелія. По приказанію игумена онъ далъ зелія отъ своей яди, и князь, вкусивъ отъ нея, тотчасъ выздоровѣлъ.

Впослѣдствіи времени Володимеръ, пришедъ въ Кіевъ, посѣтилъ монастырь печерскій, и желалъ почтить монаха, даровавшаго ему здравіе. До тѣхъ поръ князь никогда не видалъ его. Много богатства приготовлено было для награды, но Агапитъ скрылся, и князь долженъ былъ передать все принесенное игумену. Послѣ прислалъ онъ еще къ блаженному одного изъ своихъ бояръ со многими дарами: тотъ засталъ его въ кельѣ, и положилъ предъ нимъ гостинцы. Инокъ отвѣчалъ: сынъ мой, никогда ни отъ кого я не бралъ ничего, теперь ли лишуся мзды своея ради злата. Бояринъ отвѣчалъ: пославшій меня знаетъ, что ты не требуешь ничего; но ради меня, утѣшь сына своего, которому даровалъ здравіе. Возми это и раздай нищимъ. «Съ радостію принимаю,» отвѣчалъ схимникъ, «для тебя; скажи же пославшему, чтобъ все чужое онъ раздавалъ требующимъ. Для того и избавилъ его Господь отъ смерти. Я же, безъ помощи Божіей, не успѣлъ бы ничего. Ослушаніе можетъ навлечь такое же страданіе.» Съ этими словами Агапитъ вынесъ изъ келліи все принесенное, и бросилъ за воротами, а самъ скрылся. Бояринъ увидѣлъ свои дары, собралъ ихъ и передалъ игумену, а князю разсказалъ о происшедшемъ. Князь въ исполненіе слова блаженнаго, сталъ раздавать свое имѣніе просящимъ и требующимъ.

Занемогъ наконецъ и самъ Агапитъ. Армянинъ пришелъ навѣстить его, и завелъ рѣчь съ нимъ о врачебной хитрости: какимъ зеліемъ, спросилъ его, лечится сей недугъ. «Тѣмъ, которымъ Богъ подаетъ здравіе.» Армянинъ посмѣялся его невѣжеству, назвалъ его предъ своими неумѣтелемъ, и потомъ взявъ за руку, сказалъ, что онъ умретъ на третій день. Это истина, а если же не умретъ, и измѣнится слово мое, то я самъ постригусь въ монахи. Агапитъ услышалъ съ радостію этотъ обѣтъ, и сказалъ ему: «Это ли твоего врачеванья разумъ, что ты смерть мнѣ предвѣщаешь, а помощи подать не можешь: если ты хитръ гораздо, то дай мнѣ животъ; но на это у тебя нѣтъ силы, —такъ нечего тебѣ осуждать меня и на смерть черезъ три дни: меня извѣстилъ Господь Богъ, что я умру въ третій мѣсяцъ.» Армянинъ стоялъ на своемъ: потому что преподобный изболѣлъ ужасно, и не могъ двинуться собою. Между тѣмъ принесенъ былъ больной изъ Кіева. Агапитъ всталъ, какъ будто и не былъ боленъ, взялъ зеліе и показалъ армянину. Тотъ отвѣчалъ: это не изъ нашихъ зелій, должно быть принесено изъ Александріи. Агапитъ посмѣялся его невѣжеству, далъ больному своего зелья, и отпустилъ его здраваго. «Сынъ мой,» сказалъ онъ Армянину, «не жалуйся что мы накор-

мить тебя не можемъ: у насъ бѣдныхъ нѣтъ ничего. Покушай моего зелія?» Армянинъ отвѣчалъ, что въ этомъ мѣсяцѣ у нихъ постъ три дня. «Кто же ты таковъ?» спросилъ его Агапитъ, «и какой ты вѣры?» Развѣ ты не слыхалъ, что я армянинъ. «Какъ же ты смѣлъ придти ко мнѣ и осквернить мою келью, и держать меня за руку. Изыди отъ меня нечестивый.» Чрезъ три мѣсяца блаженный скончался по краткой болѣзни. Армянинъ пришелъ и просилъ постриженія, разсказывая, что ему явился Агапитъ, и напомнилъ произнесенный имъ обѣтъ. Я увѣренъ, сказалъ новообращенный, что онъ могъ бы жить во вѣкъ, еслибъ захотѣлъ. Я думалъ, что онъ умретъ на третій день, а онъ возразилъ мнѣ—на третій мѣсяцъ; еслибъ я сказалъ на третій мѣсяцъ, то онъ прожилъ бы три года. Онъ живъ и по смерти. Господь, взявъ его, даровалъ ему вѣчный животъ; вѣрно по своей волѣ онъ оставилъ насъ, желая небеснаго царства. Армянинъ постригся въ Печерскомъ монастырѣ, и скончалъ животъ свой въ добромъ исповѣданіи. Память празднуется 1 Іюня. П.

Германъ, еп. Новогородскій, хиротонисанъ въ 1018 г., и преставился въ Кіевѣ въ 1096. Ему приписывается основаніе монастыря въ Кіевѣ (Германечь) Спасскаго.

Евстратій, Кіевлянинъ, богатый человѣкъ, роздалъ все свое имѣніе бѣднымъ, и пришелъ къ Антонію, прося его пострищи. Онъ наложилъ на себя строгій постъ, и постился 40 дней, пребывая въ монастырѣ, отъ чего и прозванъ постникомъ. Половцы полонили его со многими другими монастырскими людьми (1096). Въ плѣну проданъ онъ былъ Херсонскому жиду, и принуждаемъ оставить вѣру Христову. Онъ не соглашался и наставлялъ товарищей бѣдствія крѣпиться, не смотря на голодъ и жажду. Всѣ послушались его и перемерли, кто чрезъ три дня, кто чрезъ четыре, а крѣпчайшіе чрезъ недѣлю, числомъ 30 отъ монастырской челяди, и 20 изъ Кіева. Чрезъ 14 дней остался одинъ Евстратій постникъ съ младыхъ ногтей. Жидъ, почитая его виною своихъ убытковъ, воспылалъ гнѣвомъ, и при наступленіи Пасхи Христовой, велѣлъ пригвоздить его ко кресту. Висѣвшій, Евстратій, былъ живъ 15 дней. Жиды приступали къ нему веля вкусить отъ ихъ пищи. Онъ неумолчно славословилъ Господа, и произносилъ проклятіе убійцамъ. Жидовинъ, услышавъ, что распятый поноситъ его, взялъ копье и пронзилъ его, и такъ блаженный предалъ душу свою.

Симонъ сообщаетъ преданіе о видѣніи: явилась колесница огненная, запряженная конями огненными. Душа преподобнаго понеслася, и гласъ послышался по гречески: «сеи добрый града небеснаго житель,—» почему и прозванъ былъ простраторомъ.

Въ тотъ самый день послѣдовало гоненіе на Жидовъ, поселенныхъ въ царствѣ Корсунскомъ за вѣроломство одного изъ нихъ, служившаго царю епархомъ. Мучитель Евстратіевъ былъ повѣшенъ.

Тѣло блаженнаго, брошенное въ море, производило многія чудеса. Нѣкоторые жиды, пораженные этими чудесами, приняли святое крещеніе. Привезенное въ Кіевъ вѣрующими, оно почиваетъ въ пещерахъ Св. Антонія. Память празднуется Марта 28. П.

Никонъ. Онъ взятъ былъ также въ плѣнъ Половцами. Пришелъ послѣ къ нимъ единъ отъ великихъ града, и хотѣлъ его выкупить. Никонъ не согласился. Кіевлянинъ, возвратившись, сообщилъ извѣстіе о немъ его роднымъ, которые отправились къ Половцамъ сами съ имѣніемъ многимъ. Никонъ отказался также: «Если бъ Господь хотѣлъ свободна меня имѣть, то не предалъ бы въ руки врагамъ. Благая воспріялъ я отъ него, злыхъ ли не потерплю.» Родные ушли съ укоризнами. Половцы, видя свои лишенія, начали мучить инока, впродолженіи трехъ лѣтъ, клали на огонь, рѣзали ножами, оставляли нагаго въ оковахъ лежать на солнцѣ, не давали ѣсть по два и по три дня, зимою держали на снѣгу, требуя выкупа. Никонъ сказалъ имъ, что избавится туне отъ рукъ ихъ, пріявъ извѣщеніе, и на третій день будетъ въ своемъ монастырѣ. Половчинъ подумалъ, что онъ бѣжать хочетъ, подрѣзалъ ему лыстья, и велѣлъ стеречь крѣпко. На третій день, дѣйствительно, Половцамъ собесѣдующимъ, въ оружіи, Никонъ внезапно невидимъ сталъ, и послышался гласъ: хвалите Господа съ небесъ. Блаженный пренесенъ былъ въ Печерскую церковь, во время священнослуженія, при пѣніи причастнаго стиха. Собравшіеся спрашивали, когда онъ пришелъ. Никонъ хотѣлъ скрыть чудо, но кровь капала еще изъ надрѣзанныхъ лыстовъ, на рукахъ и ногахъ висѣли желѣзы, изъ ранъ точился гной. Онъ долженъ былъ открыть истину, но не хотѣлъ снять съ себя оковъ, пока наконецъ игуменъ не убѣдилъ его: «если бъ Богъ хотѣлъ имѣть тебя въ нуждѣ, то не извелъ бы изъ рабства.» Желѣзо было употреблено на укрѣпленіе олтаря церковнаго.

Чрезъ нѣсколько времени пришелъ въ Кіевъ договариваться тотъ Половчинъ о мирѣ, что держалъ Никона у себя въ плѣну. Увидѣвъ его въ монастырѣ, онъ удивился, и разсказалъ монахамъ все происходившее.—Онъ не возвратился уже на родину, а принялъ въ Кіевѣ святое крещеніе со всѣмъ родомъ своимъ, и потомъ постригся въ монахи. Въ монастырѣ онъ началъ служить своему бывшему плѣннику, и по смерти оба они положены вмѣстѣ въ одномъ притворѣ.

Этотъ Половчинъ разсказывалъ еще, что, дома, находясь при смерти, больной, онъ велѣлъ было женѣ и дѣтямъ распять своего плѣнника, а тотъ, прозря его обращеніе, помолился о немъ, и исцѣлилъ его отъ болѣзни.

Никонъ прозывался сухимъ, потому что весь изсохъ отъ истеченія крови, и сгнилъ отъ ранъ.

Память его празднуется 11 Декабря.* П.

Θеодоръ, оставивъ все мірское, и раздавъ свое богатство нищимъ, пришелъ въ монастырь. Повелѣніемъ игумена ему опредѣлено жить въ пещерѣ Варяжской. Тамъ жилъ онъ много лѣтъ во всякомъ воздержаніи. Вдругъ врагъ внушилъ ему стуженіе имѣнія ради розданнаго. На него напалъ страхъ, что станется съ нимъ, если проживетъ онъ долго, и ему не по силамъ будетъ довольствоваться монастырской пищею—чѣмъ ему тогда содержаться? И сталъ онъ раскаяваться, зачѣмъ роздалъ свое имѣніе. Нѣкто, другъ его, именемъ Василій, всячески старался удерживать его отъ ропота, чтобъ не погубилъ мзды

* Кончину его преподоб. Филаретъ полагаетъ около 1181 года.

своей, и предлагалъ ему все, что самъ имѣетъ, разсказывая о случаяхъ страшнаго наказанія за раскаяніе въ милостынѣ. Θеодоръ благодарилъ его за совѣты, почувствовалъ свой грѣхъ, и старался забыть свои опасенія. Съ тѣхъ поръ подружился онъ еще болѣе съ Василіемъ, и добрѣ спѣющему въ заповѣдяхъ Господнихъ, и къ тому угодная совершающу, велика язва бысть діаволу, который придумалъ новое прельщеніе. Василію случилось отлучиться по приказанію игумена, врагъ принялъ его образъ, и завелъ сначала съ Θеодоромъ разговоръ душеспасительный: «какъ спѣешь ты, пересталъ ли сожалѣть о своемъ имѣніи, или еще пакости творитъ тебѣ врагъ принося памяти прошедшее?» Θеодоръ отвѣчалъ, что, благодаря его наставленію и молитвамъ, онъ спокоенъ теперь духомъ, и не слушается бѣсовскихъ шептаній. Но въ отвѣтѣ своемъ онъ не упомянулъ имени Божія, и діаволъ, пріимъ дерзновеніе нань, подалъ ему совѣтъ для бóльшаго себѣ утвержденія просить у Бога злата и сребра, чтобъ раздавать въ милостыню. И видитъ потомъ во снѣ Θеодоръ, что ангелъ свѣтлый и чистый указуетъ ему мѣсто сокровища. Сонъ этотъ возвращался къ нему нѣсколько разъ. Чрезъ нѣсколько времени нашелъ онъ показанное мѣсто, началъ копать, и досталъ множество злата, серебра и сосудовъ многоцѣнныхъ. Бѣсъ пришелъ тогда къ Θеодору въ образѣ брата, и спросилъ его, гдѣ сокровища имъ найденныя, о которыхъ я слышалъ отъ являвшагося. Такъ спрашивалъ его въ явѣ, а втайнѣ влагалъ помышленіе не открывать мѣста, взять злато, и отойти въ иную страну. Бѣсъ продолжалъ: «ты можешь поступить теперь съ богатствомъ, куда угодно.» Печерникъ отвѣчалъ: я просилъ богатства у Бога, чтобъ роздать все въ милостыню, для того лишь и далъ мнѣ его Богъ. «Смотри братъ Θеодоръ, чтобъ врагъ опять не возмутилъ твоей души: не лучше ли тебѣ отойти въ другую сторону, накупить селъ,—вездѣ можно спастися, и избѣгнуть бѣсовскихъ козней, а послѣ смерти завѣщать на память по усмотрѣнію.» Θеодоръ возразилъ, что онъ произнесъ обѣтъ остаться на всю жизнь въ монастырѣ, и ему стыдно бѣгуномъ явиться. Можно исполнить все совѣтуемое и здѣсь. «Нѣтъ,» говоритъ бѣсъ, «здѣсь ты не можешь утаить сокровища, оно огласится, и будетъ у тебя отнято. Послушайся меня, если бы то не было угодно Богу, то не далъ бы онъ тебѣ ничего, ни мнѣ извѣстилъ.» Тогда печерникъ повѣрилъ, и началъ готовить возы и ларцы, чтобъ оставить монастырь и идти, куда укажетъ бѣсъ.

Въ это время воротился Василій по исполненіи порученій игумена, и пришелъ навѣстить брата. «Какъ ты живешь,» спросилъ его. Θеодоръ удивился такому вопросу, потому что видѣлъ его вчера и третьяго дня, и внималъ его наставленія. Что это такое — бѣсовское привидѣніе. Перестань смущать мою душу говоря нынѣ одно, а завтра другое: чему же мнѣ вѣрить,—и прогналъ его съ сердцемъ. Василій ушелъ. А бѣсъ явился и сказалъ: «врагъ погубилъ тебѣ умъ; не помяну досады, что нанесъ мнѣ ночью, и пришелъ сказать тебѣ еще: нынѣ же ступай изъ монастыря, забравъ все свое.» При наступленіи утра пришелъ къ нему Василій въ сопровожденіи трехъ иноковъ, которые засвидѣтельствовали Θеодору, что три мѣсяца былъ онъ въ отсутствіи. Явно дѣло стало, что все прежнее было діавольское дѣйство. Иноки посовѣтовали

Θеодору, чтобъ онъ заставилъ придушаго сотворить молитву. «Вотъ ты и увидишь, что это бѣсъ.» Отцы прочли запретительныя молитвы и ушли, утвердивъ печерника. Бѣсъ не смѣлъ болѣе показаться къ Θеодору, который всѣхъ приходившихъ къ нему заставлялъ молиться. Онъ ископалъ глубокую яму, положилъ туда всѣ найденныя сокровища, и засыпалъ землею. Самъ же обрекъ себя на работу, поставилъ въ пещерѣ жернова, бралъ пшеницу изъ сусѣка, и мололъ своими руками, проводя ночи безъ сна, въ трудѣ и молитвѣ. Поутру относилъ муку въ сусѣкъ, и бралъ новое жито, въ облегченіе рабамъ. Безпрестанно молился онъ, чтобъ Богъ отнялъ у него память сребролюбія,—и Господь освободилъ его отъ этой страсти, такъ что и мысль о серебрѣ или золотѣ не приходила ему въ голову. Послалъ къ нему келарь жита, привезеннаго изъ села, многое множество, веля ссыпать у себя въ сосуды, чтобъ не ходить всякій день въ сусѣкъ. Θеодоръ молился, поя псалтирь наизусть, и уставши прилегъ отдохнуть. Вдругъ загремѣлъ громъ, и начали молоть сами жернова. Разумѣвъ бѣсовское дѣйствіе, блаженный всталъ и сотворилъ молитву, запрещая бѣсу дѣйствія. Бѣсъ же не слушался. Тогда Θеодоръ сказалъ: такъ мели же до конца, поработай и ты на святую братію. Изрекши повелѣніе онъ сталъ на молитву. Бѣсъ не смѣлъ уже ослушаться, и измололъ все жито до свѣта. Θеодоръ возвѣстилъ келарю, чтобъ прислалъ за мукою. Тотъ удивился, какъ можно въ одну ночь перемолоть столько жита.

Θеодоръ вздумалъ поставить себѣ келлію на старомъ дворѣ, а Василій поселиться въ пещерѣ. Монастырь былъ тогда сожженъ, и привезено было по Днѣпру много лѣсу плотами для церкви и для келлій. Наняты извозники возить лѣсъ на гору. Θеодоръ не хотѣлъ быть другимъ въ тягость и началъ самъ на себѣ носить дрова. Бѣсы, на зло ему, начали скидывать съ горы все имъ приносимое, желая прогнать блаженнаго. Θеодоръ сказалъ: Господь Богъ нашъ, повелѣвшій вамъ въ свинія внити, велитъ вы, мною, рабомъ своимъ, весь лѣсъ снизу перенести на верхъ. Въ ту же ночь перетаскали бѣсы весь лѣсъ отъ Днѣпра на гору, такъ что внизу не осталось ни полѣна, и возники, вставъ поутру, изумились не нашедъ ничего на берегу, а на горѣ все уложено было по порядку, куда что принадлежитъ, для крыши, для помоста, и прочее. Всѣ удивились такому чуду ради святыхъ Антонія и Θеодосія; а бѣсы возъярились, уничижаемые и посрамляемые Святыми угодниками: они возбудили извозниковъ, которые начали просить за провозъ съ блаженнаго: мы не знаемъ какою кознію велѣлъ ты этому дереву на горѣ быти;—и неправедный судія присудилъ Θеодора удовлетворить извозниковъ: пусть помогутъ бѣсы, что тебѣ служатъ.

Былъ у князя одинъ бояринъ, свирѣпый и злобный. Бѣсъ явился къ нему подъ видомъ Василія, ему знакомаго, и сообщилъ, что Θеодоръ, занимавшій прежде мою-де, пещеру, нашелъ тамъ множество золота и серебра и сосудовъ многоцѣнныхъ. Онъ хотѣлъ бѣжать съ своею находкою, но я удержалъ его, и вотъ онъ нынѣ юродствуетъ: заставляетъ бѣсовъ муку молоть, дрова съ берега носить, а сокровища до времени скрылъ, чтобъ украдкою уйти отъ меня, куда задумалъ. Бояринъ повелъ мнимаго Василія къ князю Мстиславу Святополковичу,

которому тотъ и повѣрилъ свой разсказъ, еще съ прибавленіями: спросите и все получите; если не будетъ отдавать, погрозите ранами и муками, призовите меня въ свидѣтели, и я укажу самое мѣсто.

На другой день князь выѣхалъ въ монастырь со многими людьми, какъ будто на войну или охоту, вынялъ преподобнаго Ѳеодора, и привезъ его къ себѣ на домъ. Здѣсь началъ разспрашивать его о сокровищѣ съ ласкою: «открой мнѣ,» говорилъ онъ, «и мы подѣлимся съ тобою. Ты будешь отецъ мнѣ и моему отцу.» Святополкъ былъ тогда въ Туровѣ. Ѳеодоръ отвѣчалъ, что это правда, и что сокровище лежитъ до сихъ поръ въ пещерѣ. Князь спросилъ: «много ли золота, отче, и серебра, и кѣмъ оно положено туда, какъ слышно!» Писано въ житіи Святаго отца нашего Антонія о поклажѣ Варяжской; такъ должно быть и есть, ибо сосуды всѣ латинскіе, и пещера зовется до сихъ поръ Варяжскою. Золота и серебра безъ числа много. Князь сказалъ: «дай мнѣ сыну твоему, а себѣ оставь сколько хочешь.» Вы сему работаете, а мнѣ ничего не надо, отвѣчалъ Ѳеодоръ, я сказалъ тебѣ все, и больше ничего не знаю: я позабылъ, гдѣ закопалъ сокровище. Князь запылалъ гнѣвомъ: «заключите въ оковы чернеца, по рукамъ и ногамъ, не давайте ему три дня ни хлѣба ни воды.» Черезъ три дня повторился тотъ же отвѣтъ: не знаю, гдѣ скрылъ. Князь велѣлъ мучить Ѳеодора, такъ что власяница намочилась кровію, потомъ повѣсить въ дымѣ велицѣ, и привязать, и наконецъ развести подъ нимъ огонь. Всѣ удивились терпѣнію мужа, пребывавшаго въ пламени, какъ въ росѣ, огонь не коснулся его власяницы, и одинъ изъ позоратаевъ донесъ князю о чудѣ. Князь испугался и сказалъ иноку: «напрасно ты губишь себя, удерживая сокровище, которое принадлежитъ намъ.» Ѳеодоръ отвѣчалъ: молитвою брата моего Василія спасенъ я былъ тогда, когда нашелъ сокровище, Господь взялъ отъ меня память сребролюбія, и я забылъ куда положилъ найденное.

Приведенъ былъ изъ монастыря насильно Василій. Мстиславъ сказалъ ему: «я все сдѣлалъ сему злому, что ты велѣлъ мнѣ; теперь тебя хочу я имѣть отцемъ себѣ. Скажи гдѣ зарыто сокровище?» Что я велѣлъ тебѣ, спросилъ Василій. Князь разсказалъ, что у него было съ Ѳеодоромъ. Нѣтъ, это козни діавола, который прельстилъ тебя, оболгалъ святаго мужа и меня. Отъ роду я не видалъ тебя, и пятнадцать лѣтъ не выходилъ изъ пещеры. Предстоявшіе свидѣтельствовали, что при нихъ онъ разсказывалъ князю о скрытомъ сокровищѣ. Василій сказалъ: всѣхъ васъ прельстилъ бѣсъ, я не видывалъ никогда ни васъ, ни вашего князя. Князь, разсердившись, велѣлъ и Василія предать тѣмъ же мукамъ. Шумный отъ вина онъ взялъ стрѣлу, и пустилъ ее самъ въ Василія. На ночь велѣлъ онъ обоихъ иноковъ заключить порознь, а на утро возобновить пытки. Но въ ночь они оба скончались о Господѣ. Братія, узнавъ объ ихъ кончинѣ, пришли, взяли ихъ тѣла, и погребли честно въ пещерѣ Варяжской, гдѣ они подвизались впродолженіи своей жизни. Кровавая власяница, которую огонь постыдился предать тлѣнію, съ нихъ не была снята, и я думаю, говоритъ Епископъ Симонъ, что она до сихъ поръ цѣла.

Не много спустя самъ Мстиславъ, на войнѣ съ Давидомъ Игоревичемъ, былъ застрѣленъ во Владимирѣ подъ пазуху тою стрѣлою,

которою онъ поразилъ Василія, и передъ смертью сознался: «умираю за святаго мужа.»

Марко и *Ѳеофилъ*. Марко жилъ всегда въ пещерѣ и ископалъ тамъ многія мѣста, выносяземлю днемъ и ночью на своихъ плечахъ; онъ ископалъ много могилъ и для погребенія братіи безъ всякаго вознагражденія. Кто самъ давалъ ему что, то отдавалъ онъ неимущимъ.

При немъ Ѳеодосій перенесенъ былъ изъ пещеры въ великую церковь.

Однажды изнемогъ онъ отъ труда копая, и оставилъ мѣсто узкое и недостаточно расширенное. Между тѣмъ случилось умереть единому отъ братій, и принесену быть туда для погребенія. Едва съ трудомъ можно было уложить покойника. Монахи возроптали, не имѣвъ возможности опрятать его и возліять на него масло по причинѣ тѣсноты. Печерникъ поклонился имъ смиренно, прося прощенія въ томъ, что не успѣлъ кончить могилы. Они стали кричать на него еще больше. Тогда Марко сказалъ покойнику: «братъ, тѣсно тебѣ, покрѣпись, и взявъ масло возлей на себя.» Мертвый протянулъ руку, и приподнявшись немного, взялъ масло, и возлія на себя крестомъ, на лице и на перси, опрятался предъ всѣми и почилъ. Монахи объяты были ужасомъ.

Умеръ другой инокъ; другъ его пришелъ въ пещеру осмотрѣть мѣсто, гдѣ положить любимаго, и спросилъ Марка. Тотъ отвѣчалъ: «иди, братъ, и скажи умершему, чтобъ онъ подождалъ до утра, пока я приготовлю ему мѣсто.» Отче Марко, возразилъ пришедшій, я уже отеръ губою трупъ: кому же велишь ты мнѣ говорить. Марко: «ты видишь, что могила не готова; поди и скажи покойнику—говоритъ тебѣ грѣшный Марко, чтобъ ты пожилъ еще день и умеръ поутру, пока я откопаю могилу въ положеніе, и пришлю за тобою.» Посланный воротился въ монастырь. Братія совершали обычное пѣніе. Онъ подошелъ къ покойнику и сказалъ: Марко велѣлъ тебѣ сказать, что мѣста нѣтъ: пожди до утра. Всѣ удивились такому слову; но мертвый прозрѣлъ, и духъ его воротился въ тѣло; онъ прожилъ весь день и ночь, имѣя открытые глаза, и не произнося ни единаго слова. Поутру приходившій братъ пошелъ опять въ пещеру, и Марко велѣлъ ему сказать ожившему: «мѣсто готово для пріятія тѣла твоего, оставь временный животъ свой, и прейди на вѣчный, отдай свой духъ, а тѣло ляжетъ со святыми отцами.» Такъ передалъ посланный ожившему, и въ тотъ же мигъ смежились его очи, предъ всѣми братіями, пришедшими посѣтить его.

Были два брата въ монастырѣ, соединенные въ юности узами дружбы. Они просили Марка уготовать имъ одно мѣсто общее, гдѣбъ они могли быть положены вмѣстѣ, когда Богу будетъ угодно призвать ихъ къ Себѣ. Чрезъ нѣсколько времени старѣйшій братъ Ѳеофилъ долженъ былъ куда-то отлучиться; меньшой въ его отсутствіе разболѣлся, умеръ и былъ положенъ въ уготованномъ мѣстѣ. Ѳеофилъ, возвратившись, хотѣлъ поклониться его гробу, и пошелъ въ пещеру вмѣстѣ съ нѣкоторыми приглашенными братіями. Увидѣвъ брата, положеннаго на высшемъ мѣстѣ, разсердился, и выговорилъ Марку, зачѣмъ меньшого брата положилъ на его мѣстѣ. Печерникъ, мужъ смиренный, поклонился ему, и попросилъ у него прощенія, а потомъ,

обратясь къ умершему, назвалъ его по имени и сказалъ: «встань, братъ, и уступи мѣсто старшему брату, а самъ лягъ на низшемъ мѣстѣ.» Въ тотъ же мигъ мертвый всталъ и легъ въ указанномъ мѣстѣ, предъ всѣми присутствовавшими, и бысть видѣти чудо грозно и полно ужасти. Тогда братъ, негодовавшій и роптавшій на блаженнаго, припадъ къ стопамъ его, сказалъ: отче, согрѣшилъ, подвигнувъ брата съ мѣста, молю тебя—вели ему лечь на прежнее мѣсто. Марко отвѣчалъ: «Господь отъялъ вражду между нами, и се сотворилъ прещенія твоего ради, чтобъ ты во вѣкъ не сохранилъ зла на меня. Мертвеца возставлять—Божье дѣло, а я человѣкъ грѣшенъ: я не могу сказать умершему: встань и лягъ опять на высшемъ мѣстѣ. Тѣло бездушное показало любовь свою къ тебѣ, предоставляя тебѣ старѣйшинство. Ты въ сей часъ положенъ бы былъ здѣсь, но ты не готовъ,—иди и попекись о своей душѣ. Черезъ короткое время ты будешь принесенъ сюда.» Өеофилъ огорчился и испугался страшныхъ ради словесъ Марковыхъ, чтобъ не умереть тутъ же, недойдя до монастыря.

Возвратясь въ свою келью, онъ облился горькими слезами, роздалъ все свое имѣніе до послѣдней сорочки, оставивъ себѣ свиту и единую мантію. Безпрестанно ожидалъ онъ себѣ дня и часа смертнаго; никто не могъ его утѣшить и удержать отъ горькаго плача, никто не могъ принудить—вкусить отъ пищи. Дню наставшу онъ говорилъ: не знаю, доживу ли до вечера; приходила ночь, онъ говорилъ плачущій: доживу ли я до свѣта: блаженный Марко сказалъ мнѣ, что вскорѣ я умереть долженъ. Такъ молился онъ Богу со слезами, чтобъ даровалъ ему время покаянія. Въ такомъ ожиданіи, не ѣвши и не пивши, среди слезъ и молитвы, такъ изнурилъ онъ плоть свою, что можно было сосчитать его составы. Кто ни хотѣлъ утѣшить его, тотъ подвигалъ только на большой плачь и большое рыданіе. Өеофилъ ослѣпъ наконецъ отъ слезъ, и продолжалъ свою праведную жизнь, угождая Богу великимъ воздержаніемъ. Передъ кончиною прислалъ за нимъ Марко. «Братъ,» сказалъ ему печерникъ, «прости меня, я огорчилъ тебя на многое время, вотъ пришла и моя смерть. Помолись обо мнѣ. Если я пріиму дерзновеніе у Господа, не забуду тебя, да сподобитъ насъ Богъ тамъ увидѣться, и обрѣстися вмѣстѣ съ отцами нашими, Антоніемъ и Өеодосіемъ.» Өеофилъ отвѣчалъ ему съ плачемъ: отче Марко, зачѣмъ оставляешь ты меня, или возми съ собою, или даруй мнѣ прозрѣніе. Марко сказалъ: «не тужи, ты ослѣпъ очами тѣлесными, но прозрѣлъ душевными на разумъ; я былъ виною твоего ослѣпленія, желая пользу сотворить душѣ твоей, высокій твой разумъ привести на смиреніе; сердца сокрушенна и смиренна Богъ не уничижитъ.» Өеофилъ продолжалъ просить или смерти или прозрѣнія. «Не нужно тебѣ видѣть этого временнаго свѣта,» сказалъ Марко, «проси Бога, чтобъ далъ тебѣ тамъ узрѣть славу его, смерти не желай, она придетъ, если бы и не захотѣлъ когда. Вотъ тебѣ знаменіе твоего отшествія: ты прозришь за три дня до кончины.»

Марко скончался, и былъ положенъ въ пещерѣ, которую ископалъ самъ. Өеофилъ началъ плакать еще сильнѣе по разлукѣ съ отцемъ. Былъ у него сосудъ, и онъ ставилъ его передъ собою, когда на молитвѣ показывались у него слезы. Весь

сосудъ наполнился слезъ его, въ ожиданіи кончины, предсказанной Маркомъ, кончины о Бозѣ, какъ онъ сталъ надѣяться по слову блаженнаго. И стали слезы его быть пріятны Богу. Вдругъ является предъ нимъ какое-то прекрасное существо и говоритъ ему: что ты хвалишься о тщетѣ слезной, вотъ сосудъ, больше твоего, исполненный благоуханія, яко миро доброволное. Здѣсь твои же слезы, изліянныя на молитвѣ къ Богу, отертыя ризою или убрусцемъ, и упавшія на землю отъ твоихъ очей. Онѣ всѣ собраны по повелѣнію Божію, и я послалъ подать тебѣ радость, чтобъ отошелъ ты въ землю съ веселіемъ. Блаженни плачущіи, яко тіи утѣшатся. Сія рекъ невидимъ бысть.

Ѳеофилъ призвалъ игумена, повѣдалъ ему явленіе ангельское, и показалъ два сосуда съ слезами; одинъ, исполненный ароматовъ, велѣлъ онъ изліять на тѣло свое. Когда онъ скончался, тѣло его было положено близь Маркова, и помазано изъ сосуда ангельскаго; вся пещера исполнилась тогда благоуханія. Слезный сосудъ изліянъ надъ нимъ, да сѣявый слезами радостію пожнетъ.

Память его празднуется Декабря 29. П.

Прохоръ черноризецъ. Великій князь Святополкъ Изяславичь, княжа въ Кіевѣ, много сотворилъ насилія, искоренилъ немало домовъ безъ вины, отнялъ имѣнія, за что и попустилъ Богъ непріятелямъ имѣть надъ нимъ силу. Къ набѣгамъ Половецкимъ присоединились усобицы, и наконецъ голодъ. Вслѣдствіе чего скудота распространилась по всей Русской землѣ.

Въ тѣ дни пришелъ изъ Смоленска къ игумену Іоанну человѣкъ нѣкій, котораго тотъ постригъ, и наименовалъ Прохоромъ.

Этотъ Прохоръ сдѣлался славенъ своимъ воздержаніемъ: онъ не вкушалъ даже хлѣба, не употреблялъ никакого овоща, но собиралъ лебеду, растиралъ своими руками, и пекъ изъ нея себѣ хлѣбъ. Питьемъ была вода. Обыкновенно онъ заготовлялъ себѣ лебеды на годъ, обѣщаясь всю свою жизнь не ѣсть хлѣба, отъ чего и былъ прозванъ лебедникомъ. Нашествія враговъ онъ не боялся, потому что онъ, какъ птица, не имѣлъ ни житницы, ни села, ничего, кромѣ лебеды. Онъ всегда былъ веселъ, всегда радовался, ходилъ по полямъ непаханнымъ, и приносилъ на своихъ плечахъ въ монастырь свою жатву, несѣянную пищу, готовилъ себѣ кормлю. Когда распространился по землѣ голодъ, Прохоръ еще прилежнѣе сталъ ходить по полямъ, и собирать лебеду для себя и для домашнихъ. Много труда прибавилось ему тогда. Онъ растиралъ лебеду своими руками, пекъ хлѣбы и раздавалъ умиравшимъ отъ голода. Съ радостію принимали изъ рукъ его эти черные хлѣбы. Какъ будто бы съ медомъ казались они имъ. Настоящему хлѣбу не были такъ рады, какъ этому печенью: свѣтелъ, чистъ и сладокъ былъ этотъ хлѣбъ. Одинъ изъ братіи хотѣлъ украсть у него хлѣба, но краденый хлѣбъ оказывался горькимъ безъ мѣры: невозможно куска было проглотить. — Нѣсколько разъ повторилось это явленіе. Стыдно было ему признаться предъ святымъ мужемъ, а между тѣмъ онъ умиралъ съ голода, и открылся игумену Іоанну. Игуменъ не повѣрилъ, и велѣлъ другому брату сдѣлать тоже. Такъ случилось и съ другимъ. Игуменъ послалъ къ Прохору попросить одного хлѣба, а другой велѣлъ

украсть. Краденый оказался землею, и горькимъ, какъ полынь, а принятый изъ рукъ Прохора сладокъ, какъ медъ. Чудо ославилось, и много алчныхъ было насыщено преподобнымъ.

Во время войны за ослѣпленіе Василька, когда Галицкіе князья не пустили гостей изъ Галича и ладей изъ Перемышля,—не стало соли во всей Русской земли, и люди томились безъ хлѣба и соли. Прохоръ собралъ тогда золу изъ всѣхъ келій, никому несвѣдущу, и зола обращалась у него въ чистую соль. Не только въ монастырѣ не было недостатка въ соли, но и приходящіе получали отъ него столько, сколько угодно, безъ всякой платы. Чѣмъ больше раздавалъ онъ, тѣмъ количество ея у него умножалось. Купцы вознегодовали, надѣясь своею солью пріобрѣсти себѣ богатство, залучить къ себѣ всѣ деньги: прежде давали они только по двѣ головажни за куну, а теперь и десяти отъ нихъ никто не бралъ. Они пожаловались Святополку на Прохора за свои убытки. Святополкъ самъ вздумалъ торговать солью, и велѣлъ отнять ее у Прохора. Соль привезли, но она оказалась золою. Князь велѣлъ беречь ее три дня. Посмотрѣли чрезъ три дня, и опять увидѣли ту же золу. А бѣдные, приходившіе просить соли у Прохора, горько сожалѣли, что соль у него была отнята. Соль мою высыплютъ вои у князя, а вы подбирайте ее, велѣлъ имъ Прохоръ. Такъ дѣйствительно и случилось: черезъ три дня князь велѣлъ выбросить воямъ золу, и она очутилась солью въ рукахъ бѣдныхъ жителей, подобравшихъ ее. Князь ужаснулся предъ этимъ явленіемъ, совершившимся въ глазахъ всего города. Онъ велѣлъ разыскать дѣло, и услышалъ подробности о чудесахъ Прохора съ лебедою и золою, устыдился своихъ дѣйствій, и отправился въ монастырь принести покаяніе игумену Іоанну, котораго гналъ прежде. Святополкъ даже заточалъ его въ Туровѣ, въ гнѣвѣ за его обличенія въ корыстолюбіи, и уже только вслѣдствіе ходатайства Володимера Мономаха возвратилъ на его мѣсто. Теперь онъ совершенно измѣнился, и началъ имѣть любовь великую къ Печерскому монастырю, святымъ отцамъ Антонію и Ѳеодосію, и особенно почитать и блажить Прохора. Прохоръ взялъ съ него слово не творить болѣе насилія никому. Если по Божіей волѣ, сказалъ князь иноку, я умру прежде тебя, то ты своими руками положи меня въ гробъ, да симъ беззлобіе твое на мнѣ явится; если ты скончаешься прежде меня, то я приду въ монастырь, и на плечахъ своихъ отнесу тебя въ пещеру, да проститъ меня Господь Богъ о сотворенномъ грѣхѣ.

Прохоръ занемогъ и послалъ звать къ себѣ Святополка, собиравшагося на войну: приди, исполни свое слово, и положи меня во гробъ, да пріимешь отданіе отъ Господа. Больше пользы получишь ты, пришедъ ко мнѣ, чѣмъ идучи на войну. Святополкъ распустилъ вои и пришелъ къ умирающему иноку. Тотъ поучилъ много князя о милостынѣ, о будущемъ судѣ, о вѣчной жизни, о безконечной мукѣ, произнеся ему прощеніе и благословеніе, перецѣловалъ всѣхъ его спутниковъ, поднялъ руки къ верху, и испустилъ духъ. Князь взялъ тѣло, положилъ во гробъ, и отнесъ на своихъ плечахъ въ пещеру. По погребеніи отправился на войну, и одержалъ великую побѣду надъ Половцами, какъ предрекалъ блаженный. Съ тѣхъ поръ Святополкъ всегда, отправляясь на войну или на охоту, приходилъ

въ Печерскій монастырь поклониться Пресвятой Богородицѣ и святому Θеодосію, и ходилъ въ пещеру къ святымъ Антонію и Прохору, о чудесахъ котораго любилъ всегда разсказывать. П.

Пименъ былъ боленъ отъ рожденія, и ради сего недуга остался чистымъ отъ всякія скверны. Многажды просилъ онъ у отца и матери позволенія постричься въ монахи, но они не соглашались, желая имѣть его при себѣ наслѣдникомъ. Наконецъ, когда не осталось никакой надежды къ его выздоровленію, они рѣшились отнести его въ Печерскій монастырь. Тамъ поручили они его молитвамъ святыхъ отцевъ, и святые отцы много трудились, молясь за больнаго, но тщетно; не ихъ была услышана молитва, а больнаго, который просилъ продолженія болѣзни, для того, чтобъ выздоровѣвшій не былъ взятъ онъ изъ монастыря родителями, которые не покидали его и въ кельѣ. Больше всего молился онъ о постриженіи.

Въ одну ночь явились у него въ келліи нѣсколько юношей свѣтлозарныхъ, неся съ собою евангеліе, свиту, мантію, куколь, и все нужное для постриженія, и спросили его: хочешь ли—мы пострижемъ тебя. Пименъ отвѣчалъ: съ радостію. Они начали спрашивать его по уставу, пропѣли всѣ гласы, совершили весь обрядъ, и облекли въ схиму. Потомъ перецѣловали его, и, наименовавъ Пименомъ, подали ему свѣчу. Сорокъ дней не погаснетъ эта свѣча, сказали они ему. Съ сими словами они отошли, и положили снятые волосы на гробѣ святаго Θеодосія. Братія по кельямъ слышали пѣніе, и, разбудивъ спавшихъ около, пошли къ больному: они подумали, что игуменъ постригаетъ больнаго, либо что уже скончался онъ. Отецъ Пименовъ, мать, и ихъ рабы, спали всѣ на своихъ мѣстахъ. Вмѣстѣ вошли они къ Пимену въ его келлью. Келлія наполнена была благоуханія. Самъ онъ встрѣтилъ ихъ веселый и радостный, облеченный въ одежду мнишескую, державшій въ рукѣ свѣчу. Что съ тобою сдѣлалось, спрашивали они, мы услышали пѣніе, кто постригъ тебя, родители ничего не знаютъ. «Я думалъ,» отвѣчалъ онъ, «что меня постригъ игуменъ съ братіею, и далъ мнѣ имя Пимена. Они всѣ пѣли,—вотъ и свѣча, мнѣ данная, которая должна горѣть до сорока дней, а волоса мои отнесены въ церковь.» Иноки пошли и нашли церковь запертою, разбудили пономаря, и спросили его, кто входилъ въ церковь послѣ вечеренъ. Пономарь отвѣчалъ, что не входилъ никто, и ключи у полатника. Когда отперта была церковь, они увидѣли волосы въ убрусѣ на гробѣ Св. Θеодосія, искали постригшихъ, и никого не оказалось.

Тогда ясно братіи стало, что это Божій промыслъ, что Богъ присылалъ ангеловъ Своихъ или святыхъ сотворить постриженіе. Смотрѣвше же умно о бывшемъ, они разсуждали—вмѣнить ли оное въ уставное постриженіе? Свидѣтельство было на лицо предъ всѣми: церковь заперта; волосы оказались на гробѣ Святаго Θеодосія; свѣча, которой недоставать должно было на ночь, до сихъ поръ не сгорѣла. Они показали Пимену чинъ постриженія, и спросили его, все ли по оному было исправлено. Пименъ отвѣчалъ: «зачѣмъ вы искушаете меня, исполнивъ сами все по написанію сихъ книгъ.» Отцы рѣшили, чтобъ постриженья ему не творить. Довлѣетъ тебѣ

благодать, Пимене, сказали они, отъ Бога дарованный образъ, и нареченное имя. Пименъ объявилъ имъ тогда, что получилъ откровеніе, пребывать въ болѣзни, и выздоровѣть только предъ кончиною, понести тогда одръ своими руками. «Помолись обо мнѣ, отче,» сказалъ Пименъ игумену, «да подастъ мнѣ Богъ терпѣніе.»

Нѣсколько лѣтъ пролежалъ Пименъ въ своей тяжкой болѣзни, прислужники гнушались имъ, и часто оставляли гладна и жадна на два и на три дня. Онъ все терпѣлъ съ радостію и благодарилъ Бога. Случилось быть принесену въ монастырь такому же больному и быть пострижену. Черницы, приставленные на службу, отнесли его въ келлію къ Пимену, чтобъ ходить за ними обоими вмѣстѣ, но часто оставляли ихъ безъ всякаго призора, въ совершенномъ забвеніи. Пименъ сказалъ этому больному: «братъ, служащіе гнушаются нами, не вынося смрада, отъ язвъ нашихъ исходящаго: станешь ли ты ходить за мною, если Богъ тебя возстановитъ?» Больной обѣщался служить съ усердіемъ до смерти. «Господь отъемлетъ болѣзнь твою,» сказалъ Пименъ, «исполни же свой обѣтъ, служи мнѣ и прочимъ больнымъ. На нерадивыхъ же о службѣ мнѣ насылаетъ Господь болѣзнь смертную, да ею наказанные спасутся.» Тѣ и были поражены дѣйствительно болѣзнями. Исцѣленный же служилъ нѣсколько времени, и потомъ началъ также уклоняться отъ Пимена, по причинѣ смрада отъ него исходящаго, и оставлялъ его алчна и жадна. Однажды лежалъ этотъ прислужникъ въ особой храминѣ, вдругъ загорѣлось у него внутри, и не могъ онъ приподняться три дня. Выйдя изъ терпѣнія онъ закричалъ: помилуйте меня Бога ради, я умираю отъ жажды. Братія объявила о томъ Пимену. Пименъ сказалъ: «что посѣетъ человѣкъ, то и пожнетъ. Онъ оставилъ меня гладна и жадна, солгалъ Богу, —и вотъ, понеся ту же скорбь, попалъ самъ въ такое же положеніе. Но Богъ не велитъ платить зломъ за зло: скажите ему, что зоветъ его Пименъ, и чтобъ онъ пришелъ сюда.» И больной пришелъ къ нему безъ чуждой помощи. «Маловѣръ,» сказалъ ему Пименъ, «се цѣлъ еси, къ тому не согрѣшай; развѣ ты не знаешь, что одинакую мзду пріемлютъ и болящій и служащій. Что есть въ этой темной и смрадной храминѣ? Здѣсь скорбь и туга и недугъ, вмалѣ, —а тамъ радость и веселіе, нѣсть ни болѣзни, ни печали, ни воздыханія, но жизнь вѣчная. Для того я и терплю, братъ. Богъ, исцѣлившій мною тебя отъ твоего недуга, могъ бы возставить и меня, но я не хочу. Претерпѣвый до конца, той спасется.»

Пименъ пролежалъ въ страшной своей болѣзни двадцать лѣтъ. Во время преставленія его три столпа явились надъ трапезницею, и оттуда прешли на верхъ церкви, о чемъ писано и въ лѣтописцѣ. Въ тотъ день Пименъ выздоровѣлъ, обошелъ всѣ келліи, кланялся въ землю всѣмъ инокамъ, и просилъ прощенія, повѣдая свою кончину. Болящимъ же отъ братіи онъ говорилъ, чтобъ они возставши провожали его, — и словамъ его уступала болѣзнь: они всѣ, здоровые, пошли за нимъ въ церковь. Онъ причастился, и вземъ одръ понесъ къ пещерѣ, въ которой никогда не бывалъ. Поклонился гробу Св. Антонія и указалъ, гдѣ хотѣлъ положенъ быти. Здѣсь найдете вы два тѣла мертва, сказалъ онъ, одного въ схимѣ, который много разъ хотѣлъ постриженія, но не

получилъ отъ васъ желаемаго нищеты своей ради. Богъ даровалъ ему схиму по его достоинству, а на вашей душѣ грѣхъ. Другой братъ положенъ здѣсь вами въ схимѣ, но онъ не хотѣлъ ея въ животѣ своемъ, и спросилъ только отходящій, почему и взята она у него. Онъ забылъ, что не мертвые восхвалятъ Тя, Господи, но мы живые благословимъ Его. Третій братъ, — его схима блюдется, нетлѣнная, ему на обличеніе и осужденіе, — здѣсь положенъ отъ давнихъ лѣтъ за его грѣхи: онъ повиненъ суду, если святые Антоній и Θеодосій не умолятъ за него Господа. Объяснивъ все братіи, Пименъ заключилъ: «постригшіе пришли за мною, и хотятъ взять меня къ себѣ. «Съ сими словами онъ легъ и скончался о Господѣ.

Братія откопали назначенное мѣсто, и нашли тамъ дѣйствительно трехъ иноковъ, лежавшихъ въ томъ видѣ, какъ объявилъ Пименъ: одинъ истлѣлъ совершенно, а схима его цѣла. Изъ двухъ новоумершихъ—съ положеннаго въ схимѣ она была снята, и положена на того, кто былъ непостриженъ. Со страхомъ и трепетомъ разошлись иноки, прославляя Бога, сотворшаго сіи чудеса. П.

Кукша и *Никонъ*, ученикъ его, умерщвлены Вятичами, во время ихъ проповѣди.* Память ихъ празднуется 27-го Августа. «О Кукша мученикъ, правило для священниковъ, украшеніе постникамъ и преподобнымъ, » говоритъ въ восторгѣ Мелентій Сиринъ, сочинитель каноновъ Печерскимъ угодникамъ, «ты какъ апостолъ скончался среди проповѣди евангельской съ ученикомъ твоимъ; настава и меня твоими молитвами на путь спасенія.» П.

* См. выше, с 544.

Несторъ. Принятъ былъ въ монастырь Св. Θеодосіемъ, 17 лѣтъ, постриженъ Стефаномъ, (который послѣ сдѣлался игуменомъ). Въ 1091 году ему поручено было въ тайнѣ откопать мощи Св. Θеодосія, что онъ и исполнилъ.* Несторъ писалъ лѣтопись, почему и называется лѣтописателемъ въ сочиненіяхъ Симона и Поликарпа, житіе Свят. Бориса и Глѣба и житіе Свят. Θеодосія. ** Память его празднуется Ноября 27.

Θеоктистъ, еписк. Черниговскій. Онъ былъ въ числѣ старцевъ, которыхъ молитвою исцѣленъ пр. Никита.*** Въ 1103 г. онъ былъ посвященъ игуменомъ обители, послѣ кончины Іоанна. Въ 1108 г. онъ построилъ каменную трапезницу въ монастырѣ на иждивеніи князя Глѣба. Въ томъ же году, по его ходатайству, имя Св. Θеодосія внесено было въ синодики святыхъ Русской церкви. Въ 1113 г. онъ былъ посвященъ въ епископа Черниговскаго. Въ 1115 г. находился при перенесеніи мощей Св. Бориса и Глѣба. Князь Давидъ Святославичъ былъ его истиннымъ другомъ. Они скончались въ одно время, одинъ послѣ другаго, 1 и 6 Августа, 1123 года.

Тимоѳей, игуменъ Печерскій. О немъ извѣстно только, что онъ, бывъ игуменомъ Печерской обители послѣ Прохора, и предъ Пименомъ, обложилъ золотомъ и серебромъ раку преп. Θеодосія на присланныя изъ Суздаля отъ тысяцкаго Георгія, сына Шимонова, 500 гривенъ серебра и 50 гривенъ золота.

---

* См. выше, с. 592.
** См. ниже.
*** См выше, 608.

Святоша, (въ мірѣ Святославъ, въ крещеніи Панкратій, въ монашествѣ Николай, сынъ Давыда Святославича, племянникъ знаменитаго Олега), принималъ участіе въ междоусобіяхъ, вслѣдствіе ослѣпленія Василька (1099), но въ 1107 г. оставилъ мірскую жизнь, пришелъ въ монастырь, и постригся Февраля 17. Сначала онъ опредѣлился на поварню, работалъ три года, кололъ дрова, носилъ на плечахъ воду изъ рѣки. Братья его; Изяславъ и Володимеръ, насилу уговорили его оставить эту тяжелую работу. Онъ упросилъ ихъ однакожъ, чтобъ позволили ему еще годъ варить яглы* на братію, потомъ поставленъ онъ былъ привратникомъ, и три года простоялъ у воротъ, не отходя ни на шагъ никуда кромѣ церкви; затѣмъ служилъ братіи за трапезою, и наконецъ уже по истеченіи всѣхъ сихъ послушаній, по рѣшенію игумена, получилъ онъ особую келлію, около которой развелъ себѣ собственными руками огородъ. Во все время черночества никто не видалъ его праздна. Всегда было у него что нибудь въ рукахъ. Одежда на немъ была его рукодѣлья, доходы свои онъ употреблялъ на общественныя нужды и подаянія, а самъ довольствовался общимъ монашескимъ содержаніемъ. По словамъ пр. Симона можно заключить, что церковь на вратахъ во имя Св. Троицы, и больничная церковь Св. Николая, построены Святошею, и дѣйствительно по новѣйшимъ изысканіямъ постройка вратъ оказывается древнею. Съ устъ его никогда не сходила Іисусова молитва: Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя грѣшнаго. Онъ пѣлъ или произносилъ ее среди всѣхъ своихъ занятій, къ числу которыхъ принадлежало чтеніе. «Книгъ его много у васъ до сихъ поръ,» пишетъ пр. Симонъ къ Поликарпу. Онъ поручилъ какому-то иноку Θеодосію перевести съ Греческаго языка на Русскій посланіе Римскаго Папы Леонтія, противъ еретика Евтихія, о единствѣ божества и человѣчества въ Христѣ. Переводчикъ, вѣроятно, Болгаринъ, прославляетъ въ посвященіи смиреніе князя Николая, который «не всхотѣ отець своихъ свѣтый власти отцвитающія,...но Маріину благую и богохвальную часть избра,.... на предняя спѣя паче и паче,...*себѣ же и инѣмь понужаеши*.....начати и свершити *дѣло* драго и изящно, и еще и выше моего видѣнія...яко учившимся отъ младъ ноготъ Омирьскіимъ и риторьскыимъ книгамъ, таково есть дѣло, еже *отъ Рима твоея вѣры ради* къ намъ пріиде.»

(Послѣднія слова показываютъ, кажется, что сочиненіе выписано для князя изъ Рима).

....«Азъ же свѣдый моего ученія немощь... боюся же и злаго преслушанія... обаче съ воздыханіемъ и страхомъ начахъ вышняя моего ума вещи, еже отъ Греческаго Словенскы преложити. Вѣдеже господине мой, Киръ-Николае, яко никако же достоино твоего чаянія преложеніе, обаче ни суть *моея мысли дѣянія,* но *твоея,*— очисти я, теплыя вѣры плодове. Призываю же рабъ твой инокый Θеодосій моего патріарха молитвы ... идеи безмолвія не имый на ясность,» и проч.

Служилъ при немъ прежде, во время мірской его жизни, лѣчецъ, родомъ Сиріанинъ, по имени Петръ. Онъ пришелъ-было съ нимъ вмѣстѣ въ монастырь, но увидѣвъ

* Яглы—родъ безцвѣтныхъ растеній, близкій къ мхамъ (Даль). Преосв. Филаретъ говоритъ о пшенной кашицѣ.

его многотрудную жизнь, въ поварнѣ и у воротъ, оставилъ его, и поселился въ Кіевѣ, врачуя приходящихъ. Между тѣмъ посѣщалъ онъ часто своего Князя въ монастырѣ, и старался убѣдить его, чтобъ пересталъ губить плоть свою, и заботился болѣе о своемъ здоровьѣ. ,,Богъ не требуетъ'', говорилъ онъ, «труда черезъ силу, а только чистаго сердца. Ты не привыкъ къ такой нуждѣ, подобно нужному холопу*. Братья твои Изяславъ и Володимеръ велику укоризну творятъ себѣ твоею нищетою: какъ—отъ славы, отъ чести и богатства, избрать такое убожество, морить себѣ тѣло неподобною пищею? отъ сладкія яди ты чувствовалъ иногда болѣзнь: какъ же переносить тебѣ это суровое зелье и сухой хлѣбъ? ты скоро лишишься (гонзнеши) живота, и я не въ силахъ буду помочь тебѣ. Утѣшь братьевъ, утѣшь бояръ твоихъ,— которые надѣялись велицы быти тобою. Домы великіе сотворше, они сидятъ теперь тамъ въ уныніи и считаютъ тебя изумѣвшимъ. Который князь жилъ по твоему— блаженный-ли отецъ твой Давидъ, дѣдъ-ли твой Святославъ, или кто изъ бояръ, кромѣ одного Варлаама, что здѣсь постригся. Повѣрь, если не послушаешься меня, то умрешь прежде срока.» Часто говорилъ Сиріанинъ подобныя рѣчи, сидя съ княземъ у воротъ или въ поварнѣ, подученный братьями. Ничто не могло убѣдить блаженнаго. «Нѣтъ,» отвѣчалъ онъ, «братъ Петръ, много я думалъ, и рѣшился не щадить своей плоти, чтобъ склещаемая (стѣсняемая) трудомъ смирилася, и чтобъ страсти утекли: страсти нынѣшняго времени не пригодны для будущей славы. Благодарю Бога, что Онъ освободилъ меня отъ мірской работы, и сотворилъ слугою рабамъ своимъ, блаженнымъ черноризцамъ. Братья мои пусть заботятся о себѣ, и пользуются моею властію; неси каждый свое бремя. Я оставилъ жену, дѣтей, домъ, власть, братію, друзей, рабовъ, села, да буду жизни вѣчныя наслѣдникъ. Ты, врачуя, велишь воздерживаться отъ брашенъ, и я обнищалъ Бога ради, да Того пріобрящу. Умереть Христа ради для меня прибытокъ. Ты говоришь, что я сижу на смѣтницѣ; нѣтъ — я царствую. Ты говоришь, что ни одинъ Князь не дѣлалъ того; ну чтожъ, я буду предвожею; кто захочетъ, тотъ мнѣ послѣдуетъ!»

Князь занемогалъ послѣ нѣсколько разъ, огненнымъ жженіемъ или теплотою кручинною(?), но выздоравливалъ прежде прибытія врача, и не употреблялъ приготовленныхъ имъ зелій.

Занемогъ однажды и самъ врачь. Святоша послалъ сказать ему, чтобъ не принималъ «зелья: въ такомъ случаѣ выздоровѣетъ скоро; если же приметъ, то долго будетъ страдать.» Но Сиріанинъ схитрилъ и не послушался; желая избавиться отъ болѣзни онъ вкусилъ врачебное раствореніе, и едва не лишился жизни. Только молитва преподобнаго спасла его.

Въ другой разъ опять онъ занемогъ, и Князь послалъ сказать ему, что онъ выздоровѣетъ на третій день, если не будетъ лечиться. Такъ и было.

Передъ смертію своей, Святоша призвалъ своего врача, сказавъ, что умретъ черезъ три мѣсяца, и совѣтовалъ ему постричься.

* Въ нѣкоторыхъ спискахъ: конскому холопу, въ другихъ сѣтному. Сѣтный можетъ быть значитъ скорбный. Срав. сѣтовать. Или: сѣтный= заключенный, отъ сѣти.

Сиріанинъ спрашивалъ у него объ его болѣзни. «Кто предвѣщалъ тебѣ смерть? Если я не вылечу тебя, то пусть голова моя пойдетъ за твою голову, и душа моя за твою душу.» Князь повелъ его въ пещеру, гдѣ ископалъ гробъ себѣ, и спросилъ: «кому изъ насъ пріятнѣе и желаннѣе это мѣсто?» Сиріанинъ умиленный воскликнулъ: «пусти меня прежде, и положи меня въ этомъ гробу, а самъ поживи еще и помолись обо мнѣ. Я увѣренъ, что ты это можешь.» Преподобный отвѣчалъ: «дерзай, чадо, и приготовляйся къ смерти.» Сиріанинъ постригся, пріобщился Святыхъ Таинъ, провелъ въ слезахъ днемъ и ночью три мѣсяца, и опочилъ о Господѣ.

Князь же Святоша прожилъ еще тридцать лѣтъ въ монастырѣ, и скончался, окт. 14, вѣроятно въ 1143 году, судя по Степенной книгѣ, въ которой сказано, что врачь Сиріанинъ умеръ на 6-мъ году пребыванія Святошина въ монастырѣ. Это очень вѣроятно, ибо по лѣтописямъ Святоша былъ живъ въ 1142 году: Великій Князь Всеволодъ Ольговичъ посылалъ его къ братьямъ своимъ убѣждать ихъ къ миру.

На погребеніе его собрался весь городъ. Братъ Изяславъ выпросилъ у Игумена себѣ на благословеніе крестецъ съ его параманта, возглавницу (подушку), и колбицу (колодку, скамейку?), «на ней же кланяшеся.» За что и далъ три гривны золота. Этотъ Изяславъ разболѣлся однажды такъ, что всѣ отчаялись въ его жизни, жена, дѣти, бояре, присѣдяще его одру. Вдругъ онъ очнулся, и спросилъ себѣ воды изъ печерскаго колодца, и опять онѣмѣлъ. Игуменъ прислалъ ему воды съ гроба Св. Θеодосія, вмѣстѣ съ власяницею его брата. Прежде нежели воротились посланные съ водою и власяницею, Изяславъ промолвилъ: идите за городъ во срѣтеніе преподобному Антонію и Николѣ. Когда посланные вошли въ его горницу, Изяславъ воскликнулъ: Князь Никола, Никола - Святоша. Его напоили водою, одѣли въ власяницу, и онъ выздоровѣлъ. Послѣ онъ носилъ всегда эту власяницу на себѣ во время болѣзни и на войнѣ. Въ послѣдній же разъ, согрѣшивъ, не смѣлъ онъ надѣть на себя власяницу, и былъ убитъ на сраженіи въ 1161 году, завѣщавъ предъ тѣмъ похоронить себя въ ней. — «Много и иного разсказываютъ объ этомъ мужѣ, князѣ Святошѣ,» заключаетъ свое повѣствованіе Епископъ Симонъ.

Дочь его была за Всеволодомъ-Гавріиломъ, княземъ Псковскимъ, причтеннымъ къ лику святыхъ.

Изъ волостей его въ Черниговскомъ княжествѣ преданіе называетъ: Навозъ и Пакуль, по Днѣпру, отданныя послѣ Печерской Лаврѣ.

Спиридонъ. По происхожденію былъ селянинъ. Игуменъ Пименъ опредѣлилъ его вмѣстѣ съ братомъ *Никодимомъ* печь просфоры. Тридцать лѣтъ прослужили они въ пекленицѣ честно и непорочно, съ великимъ говѣніемъ совершая свое дѣло. Спиридонъ выучилъ псалтирь наизусть, и пѣлъ безпрестанно, среди всѣхъ своихъ занятій, рубивши дрова, мѣся тѣсто. Однажды случился у нихъ пожаръ. Мантіей онъ закрылъ устье печи, а со свитою, завязавши рукава, побѣжалъ къ колодезю, и наливши въ нее воды, воротился тушить огонь. Братія, собравшаяся на крикъ, удивилась, видя, какъ вода не проливалась изъ свиты, и какъ мантіи не прикоснулся огонь.

Память Спиридона и Никодима, почивающихъ въ Антоніевой пещерѣ, празднуется 31 Октября. Они подвизались, вѣроятно, около 1148 г. П.

Онисифоръ, священникъ, обладалъ даромъ прозорливости: онъ видѣлъ на лицѣ всякаго человѣка его грѣхи, и преподавалъ ему свои наставленія. Былъ у него сынъ духовный, чернецъ, который на виду старался подражать его житію, но втайнѣ предавался всякой похоти. Вдругъ, здоровый, онъ умеръ, и никто не могъ приблизиться къ его тѣлу: такой начало оно испускать смрадъ. Нельзя было даже совершить надъ нимъ обычныхъ пѣснопѣній. Священнослужители, вставши вдалекѣ, исполнили обрядъ. Когда тѣло отнесено было въ пещеру, то звѣри отбѣгали отъ нея. Св. Антоній явился во снѣ Онисифору съ великимъ прещеніемъ, зачѣмъ осквернилъ святое мѣсто, положивъ туда грѣшника. Проснувшись Онисифоръ обратился къ Богу съ молитвою, и вмѣстѣ ропотомъ, почему отъ него были скрыты дѣла покойника. Въ назиданіе всѣмъ согрѣшающимъ и некающимся, да, видя, покаются, сказалъ ему внезапно явившійся ангелъ, и, сказавъ, исчезнулъ. Священникъ сообщилъ о видѣніи игумену. На другую ночь оно повторилось: изверзи тѣло псомъ на съѣденіе, недостойно оно лежать здѣсь. Священникъ обратился съ молитвою къ Богу, и услышалъ гласъ: если хочешь, то помоги ему. На совѣтѣ братіи съ игуменомъ положено было привести людей, хотя насильно, которые вынесли бы тѣло, и бросили его въ воду. Тогда явился священнику еще Антоній и сказалъ: умилостивила меня душа брата сего,—я обѣщалъ помилованіе всѣмъ, здѣсь положеннымъ, несмотря ни на какіе грѣхи, и Господь благоволилъ внять моей молитвѣ. Онисифоръ передалъ опять все виденное и слышанное игумену Пимену. Сей сотворилъ молитву и услышалъ, что молитва его принята ради Св. Антонія, и иже съ нимъ. И се ти знаменіе: измѣненіе смрада на благовоніе. Иноки отправились въ пещеру, и она дѣйствительно была уже наполнена благовоніемъ.

Вотъ почему, говоритъ епископъ Симонъ, я скорблю и плачу, желая быть положеннымъ въ блаженной той персти.

Память Святаго Онисифора празднуется Ноября 9. С.

Нифонтъ, епископъ Новогородскій. Мірское имя его было Никита. Родился онъ близь Кіева отъ благочестивыхъ и зажиточныхъ родителей. По смерти ихъ роздалъ имѣніе бѣднымъ и поступилъ въ Печерскій монастырь. Онъ путешествовалъ вѣроятно по Востоку. Въ 1130 г. посвященъ въ епископа Новогородскаго.* Есть грамота ему отъ патріарха Николая Муцалона (1147—1152): «о Св. Духѣ сыну и сослужителю смиренія нашего доброму пастырю разумныхъ овецъ, господину епископу Новгорода, Нифонту, желаемъ радоватися о Господѣ. Слышали мы о твоемъ невинномъ страданіи, какое терпишь ты для Бога, за митрополита Климента, безъ нашего благословенія, самовластно, восхитившаго Кіевскую митрополію; слышали, что ты осуждаешь такую дерзость его, не хочешь служить съ нимъ святительски, не поминаешь его въ священной службѣ, и много перенесъ отъ него досадъ и оскорбленій. Но ты, святый отецъ, потерпи еще за правду, для Господа,

* О дѣйствіяхъ его тамъ, см. выше, с. 553.

и не ослабѣвай предъ тѣмъ аспидомъ и его совѣтниками, дабы быть причтеннымъ къ лику святыхъ, пострадавшихъ за православіе; покажи примѣръ терпѣнія святителямъ, которые имѣютъ быть въ землѣ Русской, и всему народу. —Миръ тебѣ отче! Благословеніе смиренія нашего да будетъ надъ тобою, страдалецъ Христовъ во вѣки. Аминь.»

Св. Нифонтъ скончался въ Кіевѣ, 21 Апрѣля, 1156 г. Празднованіе ему установлено митрополитомъ Макаріемъ.

Іоаннъ пребылъ въ тѣснѣйшемъ затворѣ тридцать лѣтъ, удручая тѣло многимъ постомъ, нося желѣза по всему тѣлу.

Часто приходилъ къ нему одинъ изъ братій, смущаемый отъ дѣтства тѣлесною похотью, просить его о молитвѣ, да пошлетъ Господь ослабу страстямъ его. Блаженный велѣлъ ему крѣпиться и мужаться. Мочи мнѣ нѣтъ, отвѣчалъ инокъ, если ты не подашь мнѣ помощи, я уйду. «Нѣтъ, лучше оставайся здѣсь. Здѣсь ты далекъ отъ пропасти, и если повлечетъ къ ней врагъ, то Господь изведетъ тебя отъ рова страсти и отъ бреннія тинна, и поставитъ на камени нозѣ твои. Послушай, что было со мною. И я отъ юности, томимъ на блудъ, пострадалъ много. Чего уже ни дѣлалъ я для своего спасенія: по два и по три дня я не принималъ никакой пищи, иногда даже по недѣлѣ; ночи проводилъ безъ сна, жаждою изнурялъ себя, тяжкія желѣза носилъ на себѣ. Три года провелъ я въ такомъ злостраданіи и не обрѣлъ себѣ покоя. Наконецъ вздумалъ я пойдти къ гробу Святаго Антонія. Цѣлый день и цѣлую ночь молился я тамъ, и услышалъ голосъ: Іоаннъ, тебѣ надо затвориться, чтобъ невидѣніемъ и молчаніемъ упразднилась брань. Богъ поможетъ тебѣ молитвами своихъ преподобныхъ. Съ тѣхъ поръ я вселился здѣсь, въ тѣсномъ и скорбномъ мѣстѣ, живу уже 30 лѣтъ, и только недавно обрѣлъ покой. Все прежнее время боролся страстно съ помыслами тѣлесными, — и не зналъ уже что и дѣлать: вздумалъ жити нагъ, и возложить на себя тяжкую броню, желѣзнымъ холодомъ истончаемый. Но особенно послужила мнѣ во благо мысль— выкопать яму до плечь достающую. При наступленіи великаго поста я влѣзъ въ яму, и осыпалъ себя землею остава на свободѣ только руки и голову. Такъ, злѣ угнетаемый, провелъ я весь постъ, немогши двигнуть ни единымъ составомъ. Но и тутъ стремленіе плоти и разженіе тѣлесъ не прекращалось; къ тому же и врагъ діаволъ творилъ мнѣ пострахи, хотя изгнать меня оттуда. Я ощутилъ его дѣйствія: ноги мои издну возгорѣлись, всѣ жилы скорчились, кости троскотали, и пламя приближалось къ утробѣ моей—я радовался душею, что огонь сотворитъ меня чиста, свободна отъ всякія скверны. Я рѣшился сгорѣть лучше въ томъ огнѣ, нежели выйдти изъ ямы. Вдругъ вижу я,—страшный и лютый змѣй, дышущій пламенемъ, сыплющій искры, идетъ на меня, какъ будто хочетъ пожрать меня, и это повторялося нѣсколько разъ. Наступила ночь Воскресенія Христова. Змѣй напалъ на меня, голову мою и руки мои вложилъ къ себѣ въ пасть, волосы на головѣ и бородѣ опалилися, — вотъ посмотри ихъ и теперь, — въ гортани у него. Я возопилъ изъ глубины своего сердца: Господи Боже мой, за что ты меня оставилъ? Спаси меня грѣшнаго безутѣшнаго, избави мя отъ устъ врага моего, се бо

яко левъ рыкаетъ, хотя мя поглотити... Я кончилъ молитву, блеснула молнія, змій исчезъ. Свѣтъ божественный осіялъ меня и услышалъ я гласъ: Іоаннъ, помощь ти бысть. Я поклонился и сказалъ: зачѣмъ же Ты оставлялъ меня такъ долго злѣ мучиму быти. И услышалъ отвѣтъ: противу силы терпѣнія твоего на тя наведохъ, да изженъ будешь какъ золото,—не попущаетъ Богъ напасти человѣку черезъ силу. Молись мертвецу, сущему противъ тебя, да облегчитъ твою брань плотскую. Онъ выше Іосифа, и можетъ помогать страждущимъ такою страстью. Я не зналъ сначала, о комъ слышался голосъ, и воскликнулъ только: Господи помилуй! Послѣ узналъ, что подлѣ меня погребено тѣло Моисѣя Угрина. Свѣтъ неизреченный пришелъ на меня, и въ немъ до сихъ поръ я пребываю, не спрашивая свѣчи ни днемъ ни ночью. Всѣ достойные насыщаются такого свѣта. Это надежа онаго свѣта. Приходящіе ко мнѣ видятъ его ночью. Братъ, помолись преподобному Моисѣю, и онъ тебѣ поможетъ.»

Іоаннъ далъ кость отъ мощей его больному приложить къ своему тѣлу, и въ ту же минуту исчезла его похоть—оба возблагодарили Бога.

Св. Іоаннъ скончался не прежде 1160. Кончина его послѣдовала Іюля 18. П.

Еразмъ. Онъ употребилъ все свое имѣніе на благолѣпіе церковное, и обѣднявъ подвергся пренебреженію: съ горя онъ началъ вести жизнь безчинную, наконецъ занемогъ, лишился языка и зрѣнія, и чуть дышалъ. На десятый день пришли къ нему братія. Горе душѣ брата нашего за безчинную жизнь,—и вотъ душа его мятяся не можетъ изыти! Вдругъ Еразмъ всталъ, какъ будто и не былъ боленъ. Точно, братія моя, грѣшенъ я, и не каялся, но вотъ явились мнѣ святые Антоній и Ѳеодосій, и сказали мнѣ, что умолили Бога дать мнѣ время на покаяніе, за усердіе мое къ украшенію храма Божія. Я увидѣлъ и Божію Матерь съ предвѣчнымъ Младенцемъ на рукѣ. Она изрекла: вставъ, покайся, и пріими ангельскій образъ; въ третій день я возму тебя чистаго на небо.

Еразмъ разсказалъ видѣніе, исповѣдалъ предъ всѣми грѣхи свои, пошелъ въ церковь, и облекся въ святую схиму.

На третій день онъ скончался.

Память празднуется Апрѣля 24.

Симонъ видѣлъ очевидцевъ умиравшаго Еразма, и потому кончину его должно полагать около 1160 г. С.

Св. *Аѳанасій.* Съ нимъ совершилось чудо особаго рода по смерти: онъ умеръ; два брата отерши и увивши тѣло его, отошли. Покойникъ, по своей бѣдности, оставался цѣлый день непогребенный. Ночью является кто-то къ игумену, и говоритъ, что человѣкъ Божій остается другой день безъ погребенія. Игуменъ съ братіею идетъ въ его келью, и находитъ его сидящаго и плачущаго. Всѣ ужаснулись оживленію, и приступили съ вопросами къ Аѳанасію. «Слушайтесь, кайтесь и молитесь,» отвѣчалъ онъ, «чтобъ здѣсь скончаться и погребену быть. Больше ничего не спрашивайте у меня—не возноситесь и простите меня.» Съ этими словами онъ ушелъ къ себѣ въ пещеру, затворивъ за собою двери, и прожилъ тамъ 12 лѣтъ, не произнося ни единаго слова, не видавъ ни разу солнечнаго свѣта, не выходивъ на чистый воз-

духъ, вкушавъ помалу хлѣба, и то черезъ день, обливаясь слезами день и ночь. Предъ кончиною онъ призвалъ къ себѣ братію, и повторилъ имъ прежнее наставленіе: «слушайтесь, кайтесь, молитесь.»

Одинъ изъ братій именемъ Вавила, лежалъ боля лядвеями. Вдругъ онъ видитъ предъ собою Аѳанасія, который говоритъ ему: приди, и исцѣлю тебя. Больной хотѣлъ разспросить его, но онъ сталъ невидимъ. Братія уразумѣли, что покойникъ угодилъ Богу, и принесли къ его тѣлу больнаго, который тутъ же и былъ исцѣленъ. Такъ, разсказывалъ мнѣ самъ Вавила, говоритъ пр. Симонъ.

Память Св. Аѳанасія празднуется Декабря 2. Скончался, вѣроятно, около 1176 г. С.

Поликарпъ, инокъ и послѣ игуменъ Печерскій, любимецъ В. К. Ростислава Мстиславича, котораго онъ отговаривалъ отъ постриженія: «Князь,» говорилъ онъ, «Господь требуетъ отъ тебя иныхъ подвиговъ: наблюдай правду въ судѣ и оберегай Русскую землю; впрочемъ предоставь себя волѣ Божіей.» Поликарпъ разрѣшилъ у себя постъ середы и пятницы для Господнихъ праздниковъ, слѣдуя митр. Никифору, но митр. Константинъ возсталъ противъ него. Созванъ соборъ, и Печерскій игуменъ осужденъ на заключеніе. Кіевляне, послѣ, самое разореніе Кіева, въ 1169 году, приписывали наказаніямъ за митрополичью неправду. Въ Февралѣ 1170 г. переносилъ онъ тѣло В. К. Володимера Андреевича изъ Вышгорода въ Кіевъ, слѣд. былъ уже опять на службѣ. Въ 1174 г. встрѣчалъ онъ новаго Великаго князя. Скончался въ глубокой старости, Іюля 24 1184 г. Мощи его почиваютъ въ Антоніевой пещерѣ.

Анастасій діаконъ, у Кальнофойскаго называется братомъ пресвитера Тита. Скончался около 1190 г., память чтится 22 Января. Мощи его почиваютъ въ Антоніевой пещерѣ.

Евагрій, дьякъ, и *Титъ,* попинъ, были связаны между собою тѣснѣйшею дружбою. Дьяволъ возмутилъ ихъ, и они поссорились между собою такъ, что не могли видѣть другъ друга. Братія просили ихъ примириться, но они и слышать не хотѣли о мирѣ: если Евагрій стоялъ, а Титъ проходилъ съ кадильницею, то онъ убѣгалъ ладона; если же онъ оставался на мѣстѣ, то Титъ не кадилъ ему. Долго такимъ образомъ пребывали они во иракѣ гнѣвномъ: Титъ служа не бралъ прощенія, Евагрій принималъ святое причащеніе, питая гнѣвъ. Занемогъ Титъ и приблизился къ смерти: онъ послалъ къ брату просить прощенія Бога ради, но Евагрій жестокосердый изрекъ проклятіе. Иноки, видя Тита умирающаго, потащили къ нему Евагрія насильно, чтобъ далъ прощеніе брату. Титъ, увидавъ его, приподнялся, и палъ къ нему въ ноги, обливаясь слезами: прости меня, отче, и благослови. Евагрій отвернулся и сказалъ: нѣтъ тебѣ прощенія ни въ семъ вѣкѣ, ни въ будущемъ, вырвался изъ руки старцевъ, упалъ и умеръ. Старцы не могли сложить ему рукъ, ни свести устъ. А больной всталъ, какъ будто не былъ и боленъ. Мы ужаснулись, разсказывали они, внезапной смерти одного и скорому исцѣленію другаго, съ плачемъ похоронили Евагрія, съ открытыми очами и устами, и распростертыми руками; Тита же спрашивали, какъ все это содѣлалося. Я видѣлъ ангеловъ, отвѣчалъ онъ, отступившихъ отъ меня и плачущихъ о душѣ моей. Бѣсы же

радовались гнѣву моему. Тогда я началъ молить брата, да прощенъ буду, и когда велѣлъ позвать его къ себѣ, увидѣлъ ангела немилостиваго, держащаго пламенное копіе. Когда Евагрій отказался отъ прощенія, ангелъ ударилъ его копьемъ, и онъ упалъ мертвый, а мнѣ подалъ руку, и я всталъ. Слушая это повѣствованіе мы убоялись и поминали слова Господни: оставите, оставится вамъ, и всякъ гнѣваяся на брата, безумно, повиненъ есть суду.

Память Тита празднуется Февраля 27. Кончина была вѣроятно около 1190 г. С.

Арева, родомъ Полочанинъ, былъ очень богатъ, но не подавалъ никогда ничего бѣднымъ, ни единой векши, ни куска хлѣба. Онъ былъ одержимъ скупостію, яко гладомъ, и самому уморятися. Однажды ночью пришли къ нему воры и украли все. Арева хотѣлъ лишить себя жизни, потомъ началъ искать на невиноватыхъ людяхъ. Иноки просили его прекратить тяжбу. Но онъ не послушался, досаждая всѣмъ жестокими словами. Вдругъ онъ занемогъ,—и не переставалъ роптать. И видитъ онъ сонмъ ангеловъ и полкъ бѣсовъ, пришедшихъ къ нему. Они начали состязаться о похищенномъ богатствѣ. Ангелы говорили: окаянный человѣче, если бы ты возблагодарилъ Бога за свое лишеніе, то это вмѣнилось бы тебѣ въ заслугу: милостыня—доброе дѣло, но благодарность за взятое насильно выше еще милостыни. — «Я воскликнулъ тогда,» такъ разсказывалъ онъ самъ братіи, «Господи помилуй, Господи помилуй, согрѣшилъ я, Твое бо есть все, не жалѣю ничего.» Внезапно бѣсы исчезли; ангелы возрадовались, и вписали въ милостыню погибшее сребро.

Арева совершенно перемѣнился въ расположеніи своего ума и нрава, и безпрестанно повторялъ: Господь даде, Господь отъя.

Такъ какъ бл. Симонъ жилъ съ Аревою въ Печ. монастырѣ до 1205 г., то кончину Св. Аревы должно полагать около 1190 г.

Память празднуется Октября 24. С.

Досифей, архимандритъ, первый принесъ въ Россію съ Св. горы Аѳонской чинъ пѣнія дванадесяти псалмовъ, и написалъ отвѣтъ на предложенные ему вопросы о жизни Аѳонскихъ иноковъ, не вполнѣ уцѣлѣвшій въ рукописяхъ. Неизвѣстно, когда принято имъ имя *Ѳеодосія*, въ малой ли или великой схимѣ, только въ назидательномъ повѣствованіи его о жизни аѳонцевъ по спискамъ онъ называется то Досиѳеемъ, то Ѳеодосіемъ. Скончался Августа 28, 1118 г.

Симонъ, епископъ Владимирскій. Началъ свою духовную жизнь въ Печерской обители. Въ 1206 г. онъ былъ игуменомъ Владимирскаго Рождественскаго монастыря, и духовникомъ В. К. Маріи. Въ 1214 г. посвященъ въ епископа Владимирскаго, по желанію В. К. Георгія Всеволодовича. Въ 1217 г. этотъ князь былъ свергнутъ съ Владимирскаго стола, и получилъ себѣ въ удѣлъ городокъ Радиловъ, куда за нимъ послѣдовалъ и Симонъ, возвратившійся на свою каѳедру вмѣстѣ съ нимъ по смерти Константиновой. Въ Сентябрѣ 1218 года блаж. Симонъ, въ присутствіи В. К. Георгія, освящалъ новый храмъ въ томъ монастырѣ, гдѣ былъ онъ игуменомъ. Князь Георгій любилъ блаж. Симона, который такъ много оказывалъ преданности къ нему въ горькое время: онъ объявилъ готовность свою открыть для друга его Поликарпа особую епископію

въ Суздалѣ. Но блаж. Симонъ, не находя того полезнымъ для Поликарпа, отклонилъ Князя отъ его намѣренія. Дочь В. К. Всеволода, Верхуслава, съ 1189 г. супруга Князя Ростислава Рюриковича, была духовною дочерью блаж. Симона, и также готова была на всякія жертвы изъ уваженія къ досточтимому Епископу. Но Симонъ твердо шелъ путемъ духовной жизни, не увлекаясь счастіемъ и не поблажая самолюбію. Въ 1225 г. освящалъ онъ соборный храмъ въ Суздалѣ, построенный имъ, вмѣстѣ съ Княземъ, на мѣсто древняго разрушившагося собора. Въ Маѣ 1226 г., чувствуя близость кончины своей, облекся онъ въ схиму, и 22 Мая «блаженный, милостивый и учительный Епископъ» скончался. Онъ погребенъ былъ во Владимирскомъ соборѣ, но въ послѣдствіи мощи его перенесены въ Кіевскія пещеры, гдѣ онѣ и нынѣ покоятся. Сочиненія его: посланіе къ Поликарпу съ описаніемъ житія нѣкоторыхъ Печерскихъ затворниковъ, и описаніе основанія церкви Печерской.*

Акиндинъ архимандритъ. Въ 1231 г. онъ былъ на посвященіи Ростовскаго епископа Кирилла. Блаж. Симонъ епископъ называетъ его «мужемъ святымъ.» О ревности его къ жизни духовной свидѣтельствуетъ то, что приказалъ онъ благочестивому и наблюдательному Поликарпу описать жизнь Печерскихъ подвижниковъ, въ память и назиданіе черноризцамъ. Онъ былъ игуменомъ 1219—1234.

Лукіянъ, пресвитеръ, претерпѣлъ мученическую смерть при нашествіи Батыя въ 1239 году.

---

* См. выше, с. 596, 660 и проч.

Изъ святыхъ отцовъ, подвизавшихся въ ближней пещерѣ, извѣстны по порядку времени еще слѣдующіе: преп. Григорій иконописецъ (ск. 1105 г.), преп. Исаія чудотворецъ (сконч. 1115 г.), *Өеоктистъ*, епик. Черниговскій (сконч. 1123 г.), препод. Нектарій, Савва, Сильвестръ, Симонъ, Онуфрій молчаливый, Анатолій, Өеофанъ постникъ, Макарій, Авраамій затворникъ, Илія Муромецъ (Ок. 1, 1188 г.?) и преп. мученикъ Анастасій діаконъ (ск. 1190 г.).

Всѣ эти угодники Божіи подвизались въ ближней пещерѣ въ 1100 годахъ.

За тѣмъ: Симеонъ, епископъ Переяславскій, (ск. 1239 г.), Меркурій, епископъ Смоленскій (ск. 1232 г.), преп. Лука, экономъ Печерскій, Алексѣй затворникъ, Сергій послушливый, затворники: Элладій, Онисимъ, Сисой, Өеофанъ, препод. *Евстафій*, — пресвитеры: *Ефремъ*, *Мелетій*, *Серапіонъ*, *Филаретъ*, *Петръ*, препод. *Іоаннъ* постникъ, *Іеремія* затворникъ, *Меладій*, *Перій* и *Серапіонъ*, еписк. Владимирскій, подвизались въ 1200 годахъ.

Они всѣ почти почиваютъ въ ближней пещерѣ своими нетлѣнными мощами.* Имена ихъ сохранились въ старыхъ памятникахъ Печерскаго монастыря, въ лѣтописныхъ сказаніяхъ, на надгробныхъ доскахъ. На этихъ доскахъ сохранились преимущественно имена святыхъ отцовъ, почивающихъ въ дальнихъ пещерахъ. Досками, какъ видно, въ старину прикрывались углубленія въ стѣнахъ, въ которыхъ почивали мощи, лежавшія сначала на доскахъ, а не въ гробахъ, какъ теперь. На боковыхъ доскахъ обыкновенно изображались лики почивающихъ угодниковъ въ

* Имена отцевъ, не находящихся въ пещерахъ, означены курсивомъ.

лежачемъ положеніи, а сверху имена и самое краткое сказаніе о ихъ жизни. Въ срединѣ же досокъ дѣлалось обыкновенно отверстіе, чрезъ которое и прикладывались богомольцы къ святымъ мощамъ. Съ такихъ-то надгробныхъ досокъ, которыхъ дошло до насъ только шесть, списывались надписи, изъ коихъ и составилось самое краткое сказаніе о жизни и подвигахъ святыхъ отцовъ дальнихъ пещеръ. По этому сказанію, вмѣстѣ съ другими извѣстными источниками, вотъ имена отцовъ, подвизавшихся въ дальнихъ пещерахъ, по порядку времени: Въ 1100 годахъ *Амфилохій*, епископъ Владимирскій, (жилъ около 1122), игуменъ Печерскій *Тимоѳей* (жилъ около 1131 г.) и преп. Пименъ постникъ (сконч. около 1141 г.). Въ 1200 годахъ: священномученникъ Лукіанъ (жилъ около 1239 г.), игуменъ Печерскій *Досифей* (жилъ около 1218 г.), игуменъ Акиндинъ II (жилъ около 1235 г.), препод. Павелъ послушливый, Сисой, схимникъ, и Евлогій, и затворники: Памво, *Исидоръ*, Лаврентій Пафнутій, Аѳанасій, Софроній, Анатолій, Піоръ, Кассіянъ, Ѳеодоръ молчаливый и Аммонъ.*

Всѣхъ мощей въ Антоніевой пещерѣ 71, въ затворѣ 9; въ Ѳеодосіевой 33, въ затворѣ 13.** Общая память ихъ празднуется 28 Августа.

Игумены Печерскіе послѣ Св. Ѳеодосія.

Стефанъ, 1073—1078
Никонъ, 1078—1088.
Іоаннъ, 1088—1103.
Ѳеоктистъ, 1103—1112.
Прохоръ, 1113—1124.
Тимоѳей, 1124—1132.
Пименъ, 1132—1141.
Ѳеодосій II, 1142—1142.
Акиндинъ I, 1156—1157.

Архимандриты:

Акиндинъ I, 1157—1163.
Поликарпъ, 1164—1182.
Василій (священникъ), 1182— ?
Ѳеодосій III?— 1203.
Акиндинъ II, 1203— ?
Поликарпъ II,? —ок. 1240—.

Кромѣ Печерскихъ отшельниковъ прославились святою жизнію, впродолженіи удѣльнаго періода:

Іоакимъ Корсунянинъ, изъ священниковъ, приведенныхъ Св. Володимеромъ. Онъ былъ епископомъ Новгородскимъ, (993), разорилъ жертвенники, и ссѣкъ Перуна, брошеннаго въ Волхвы. Для обузданія язычниковъ присланы при немъ Добрыня и Путята съ воями, оставившіе будто бы пословицу: Добрыня крести огнемъ, а Путята мечемъ. Въ училищѣ Ярослава, собравшаго отъ старостъ и пресвитеровъ дѣтей триста, и повелѣвшаго учити ихъ книгамъ, Іоакимъ опредѣлилъ учителемъ нѣкоего Ефрема, о которомъ свидѣтельствуетъ одинъ изъ древнихъ лѣтописателей; построилъ храмъ деревянный Св. Софіи, Премудрости Божіей, съ 13 главами, на берегу Волхова, на томъ мѣстѣ, гдѣ послѣ Новгородецъ Сотко создалъ каменную церковь Св. Бориса и Глѣба, «конецъ Пискуплѣ улицѣ,» невдалекѣ отъ Софійскаго собора, основаннаго княземъ Володимеромъ.

* Курсивомъ напечатаны имена отцевъ, коихъ мощей нѣтъ въ пещерахъ.

** См. описаніе Лавры, митрополита Евгенія, с. 89, 90 и проч.

При каѳедральномъ храмѣ еп. Іоакимъ устроилъ монастырь, который назывался Десятиннымъ и Софійскимъ. На мѣстѣ низверженія Перуна освящена имъ церковь 995 г. Рождества Богородицы. Кромѣ того построилъ онъ церковь во имя своего ангела—Іоакима и Анны. Здѣсь онъ былъ и погребенъ въ 1039 году.

Въ концѣ 17 вѣка мощи его перенесены въ каменный Софійскій соборъ, гдѣ изображенъ онъ въ алтарѣ на стѣнѣ, между первыми Новогородскими святителями.

Подъ его именемъ извѣстна еще лѣтопись, найденная Татищевымъ, впрочемъ сомнительная и недостовѣрная.

Ефремъ Новоторжскій, Угринъ, братъ Георгія и Моисея. Они всѣ трое пришли изъ отечества, вѣроятно вслѣдствіе гоненія короля Стефана на православную вѣру, первоначально тамъ принятую, и вступили въ службу Ростовскаго князя Бориса. Георгій пошелъ съ нимъ на Печенѣговъ, по повелѣнію отца его Св. Володимера, и былъ убитъ вмѣстѣ съ нимъ посланцами Святополка.* Ефремъ, остававшійся въ Ростовѣ, по мнѣнію преп. Филарета, хотѣлъ отыскать тѣло его на мѣстѣ убійства, и, пришедъ на берегъ Альты, нашелъ голову по особенному признаку, принялъ иночество и удалился на берега Тверцы, на мѣсто, которое, вѣроятно, понравилось ему по пути изъ Ростова. Здѣсь, въ Новомъ Торгу, построилъ онъ страннопріимный домъ. Когда открылись мощи святыхъ князей, Ефремъ создалъ каменный храмъ во имя св. мучениковъ, и при немъ монастырь. Преподобный Ефремъ достигъ высокой духовной силы и мирно почилъ въ глубокой старости, Января 28, 1053 года. По его завѣщанію съ нимъ положена во гробъ голова брата его Георгія. Древнее житіе было цѣло въ обители еще въ началѣ 14 столѣтія, захвачено въ 1315 году, во время междоусобіи, Тверскимъ княземъ, и сгорѣло въ Твери.

* См. выше, с. 54.

Лука Жидята, епископъ Новогородскій, котораго мощи обрѣтены въ 1558 году. Память чтится мѣстно 10 Февраля съ другими святителями.*

Леонтій, епископъ Ростовскій.** Древнее, краткое житіе его писано около 1165 г., при открытіи мощей (оно называетъ кн. Андрея Боголюбскаго «нашимъ княземъ, повелѣвающимъ въ Ростовѣ»). Мощи открыты 23 Мая, 1164 года.

Іоаннъ II, митр. Кіевскій, прославленный Несторомъ,*** написалъ правило церковное въ отвѣтъ на вопросы Іакова мниха.****

Авраамій Ростовскій, въ мірѣ Аверкій. Духовные подвиги его начались, по изслѣдованію преосв. Филарета, около 1073 г. и продолжались лѣтъ 30. Скончался въ началѣ XII-го вѣка. Память празднуется Октября 29.

Мощи открыты при В. К. Всеволодѣ Георгіевичѣ (1176—1212).

При мощахъ его хранится архимандричья шапка, не высокая, съ горностаевой опушкою, и мѣдный крестъ, часть того жезла, которымъ Авраамій сокрушилъ Велеса.***** Древнее житіе писано не позже XII вѣка.

* См. выше, с. 553.
** См. ниже, с. 543
*** См. выше, с 548.
**** См. выше, с. 560.
***** См. выше, с. 544.

Антоній Римлянинъ. Родился, какъ самъ онъ разсказывалъ ученику своему Андрею, написавшему первоначально житіе его, въ Римѣ, отъ богатыхъ и православныхъ родителей. На 19 году принялъ постриженіе. Вслѣдствіе воздвигнутаго на православныхъ гоненія, удалился изъ Рима, прибылъ чудесно, какъ говоритъ преданіе, въ Новгородъ, въ 1106 году, во время епископства Св. Никиты; поставилъ церковь въ честь Рождества Богоматери, въ 3 верстахъ отъ города, на берегу Волхова, такъ какъ въ этотъ день ступилъ онъ на берегъ, — и купилъ землю: «вотъ трудъ, госпожа моя Пресвятая Богородица, надъ которымъ трудился я на этомъ мѣстѣ: купилъ я землю въ домъ пречистой у Симеона и Прокопія, сыновей посадника Іоанна, а далъ 100 рублей.» Каменный храмъ основанъ въ 1117 году, освященъ въ 1119, и росписанъ въ 1125. Въ храмѣ устроилъ онъ себѣ молельню, гдѣ нынѣ небольшая круглая церковь; по древнимъ описямъ мѣсто это называется Антоновою божницею. Въ храмѣ сохраняются доселѣ мусійныя иконы его на мѣдныхъ доскахъ, съ латинскими надписями, и каменный крестъ. Двѣ чаши—въ Успенскомъ соборѣ. Одинъ служебникъ—въ Синодальной библіотекѣ. По древнему житію преподобный употреблялъ доходы монастырскіе нетолько на братію, но и на пропитаніе нищихъ, несчастныхъ, сиротъ и вдовъ. Въ духовной грамотѣ написалъ онъ: «вотъ я Антоній, самъ худой между мнихами, вышелъ на это мѣсто, не получивъ имѣнія ни отъ князя, ни отъ епископа, а только принявъ благословеніе отъ епископа Никиты; работая на чужой землѣ, не давалъ я покоя себѣ и огорчалъ братію и сиротъ, христіанъ здѣшнихъ.» Сиротами называетъ преподобный поселянъ, жившихъ на монастырской землѣ, и за то работавшихъ на обитель. «Объявляю и то, что когда сѣлъ я на этомъ мѣстѣ, подалъ за землю итогомъ 70 гривенъ, да за село Волховское 100 гривенъ.»

Антоніевымъ ученикомъ былъ знаменитый доместикъ Кирикъ.

Кончина Антоніева послѣдовала Августа 3, 1147 года. Мощи открыты въ 1597 году, но чтимъ онъ былъ мѣстно едвали не съ XIII вѣка.

Мартинъ, старецъ, служившій поваромъ въ Туровскомъ Борисоглѣбскомъ монастырѣ при епископахъ: Симеонѣ, Игнатіѣ, Іоакимѣ, (1144—1146) и Георгіѣ. Преданіе говоритъ объ его праведной жизни и видѣніи имъ Св. Бориса и Глѣба, приходившихъ утолить его жажду. Память о немъ по прологу совершается 27 Іюня.

Авраамій Мирожскій. Извѣстенъ только какъ основатель Мирожскаго монастыря и церкви, доселѣ сохранившейся въ цѣлости, изъ плитняка. Въ олтарѣ открыты недавно фрески XII вѣка. Скончался 24 Сентября, 1158 года, когда и чтится мѣстно его память. Мощи его почиваютъ подъ спудомъ.

Аркадій, епископъ Новогородскій, основалъ въ 1153 году церковь и монастырь во имя Успенія Пресвятой Богородицы, въ трехъ верстахъ отъ Новогорода.

Въ 1157 году онъ былъ посвященъ въ епископы.

Скончался 19 Сентября 1162 года.*

---

* Въ стихирарѣ, писанномъ по его распоряженію, читается дважды Иисусу.

Герасимъ Вологодскій, родился въ Кіевѣ, и тамъ былъ постриженъ въ монашество. Въ 1147 году пришелъ онъ изъ Кіева на рѣку Вологду, и у ручья Кайсарова основалъ обитель съ храмомъ Св. Троицы. Тогда былъ здѣсь глухой лѣсъ, и въ лѣсу посадъ съ храмомъ Воскресенія, а на Лѣнивой площади малый торжекъ. Торговый человѣкъ, по прозванію Пятышевъ, не хотѣлъ сначала уступить ему земли подъ монастырь, и, получивъ упрекъ отъ преподобнаго, согласился. Родъ Пятышевыхъ прекратился въ наше время.* Св. Герасимъ проповѣдывалъ здѣсь христіанство впродолженіи всей своей жизни, и скончался 4 Марта, 1178 года. Мощи его почиваютъ подъ спудомъ въ Троицкомъ храмѣ его обители, нынѣ упраздненной.

Кириллъ, Епископъ Туровскій, родился въ Туровѣ отъ богатыхъ родителей. Отказавшись отъ наслѣдства, онъ принялъ монашество въ Тур.-Борисоглѣбскомъ монастырѣ, гдѣ подвизался блаженный Мартинъ**. Онъ заключилъ себя на столпѣ. Многіе, видя его святую жизнь, приходили къ нему за совѣтами, и онъ тогда уже, «многа божественная писанія изложи». По смерти Туровскаго Епископа, по общему желанію, возведенъ былъ на эту степень. Въ 1162 г. присутствовалъ на соборѣ, осудившемъ преступнаго Владимирскаго епископа Θеодора, котораго «отъ божественныхъ писаній ересь обличи.» Паствѣ своей съ ревностію предлагалъ поученія въ храмѣ, и эти поученія столько прославили его, что В. К. Андрей Боголюбскій пожелалъ читать ихъ, и читалъ съ уваженіемъ. Въ 1182 г. онъ оставилъ каѳедру, по любви къ уединенію, и остальное время своей жизни проводилъ въ молитвѣ, впрочемъ не долго: онъ скончался 28 Апрѣля, 1183 года, оставивъ намъ драгоцѣнные памятники своего духовнаго просвѣщенія *.

Іоаннъ, архіепископъ Новогородскій, прежде чѣмъ возведенъ былъ на степень архипастыря, священствовалъ у священномученика Власія на Волосовой улицѣ, на Софійской сторонѣ, тамъ, гдѣ нѣкогда стоялъ кумиръ Волоса. Затѣмъ принялъ онъ иночество съ именемъ Иліи. Жизнь его была примѣромъ благочестія, и доставила ему извѣстность. Въ 1163 году умеръ епископъ Аркадій. На его мѣсто «княземъ, соборомъ черноризцевъ и священниковъ, и всѣмъ народомъ,» возведенъ Илія во дворъ епископа. Въ санъ архипастыря посвященъ онъ въ Кіевѣ м. Іоанномъ 28 Марта 1165 г. и возвратился въ Новгородъ Мая 11-го. Въ томъ же году Новгородцы отправили въ Кіевъ игумена Діонисія ходатайствовать предъ митр. Іоанномъ, дабы архипастырь ихъ почтенъ былъ саномъ архіепископа, и просьба ихъ была исполнена. Такъ Св. Илія, 10 епископъ великаго Новгорода, сдѣлался первымъ его архіепископомъ.

Въ 1169 году рать В. К. Андрея Боголюбскаго осадила Новгородъ.** На третью ночь, говоритъ преданіе, когда блаженный архіепископъ молился предъ образомъ Спасителя, слышитъ онъ голосъ: «иди во храмъ Спаса, что на Илиной улицѣ, возми оттуда икону Богоматери, неси на стѣну города,

* Я видѣлъ послѣдняго представителя въ Вологдѣ въ 1841 году, вмѣстѣ съ преосв. Иннокентіемъ.
** См. выше, с. 666.

* См. ниже.
** См. выше, с. 317.

и узришь спасеніе.» Съ наступленіемъ дня архіепископъ послалъ за иконою архидіакона своего съ клирошанами: но икона не двинулась съ мѣста. Съ соборомъ духовенства отправился онъ самъ, и послѣ молебствія икона «Свобода» перенесена была на городскую стѣну. Народъ молился съ воплемъ и слезами. Осаждавшіе пустили цѣлую тучу стрѣлъ на городъ и въ молящихся. Икона чудесно отвратилась отъ непріятелей, и обратилась къ городу. Святитель увидѣлъ слезы, текшія изъ очей Богоматери; капли падали на фелонь его. На Суздальцевъ внезапно напалъ страхъ; въ общей суматохѣ они поражали другъ друга. И Новгородцы, выступивъ изъ города, стремительно ударили на нихъ: однихъ били, другихъ гнали въ бѣгство, третьихъ брали въ плѣнъ. Святитель установилъ праздникъ въ честь чудодѣйствовавшей иконы.

Въ 1172 году онъ ѣздилъ во Владиміръ склонять къ миру В. К. Андрея, въ чемъ и успѣлъ.

Благотворительная любовь архипастыря къ бѣдности, къ которому обращались за помощію люди всякаго званія и пола, дала поводъ клеветѣ. Поднялись толки о нецѣломудріи архипастыря. Народъ возволновался,—собрался у дома архипастыря, и произнесъ рѣшеніе выгнать архіепископа съ безчестіемъ изъ города. Сказано и сдѣлано. Святителя повлекли къ великому мосту, спустили на Волховъ,—на плотъ безвесельный, и предоставили быстротѣ волнъ несть, куда имъ угодно, недостойнаго, по ихъ мнѣнію, пастыря. Но правда Божія вступилась за св. пастыря. Плотъ, вмѣсто того, чтобы быть унесеннымъ по теченію рѣки, пошелъ къ Юрьеву монастырю. Мирная обитель встрѣтила вышедшаго на берегъ архипастыря. Новгородцы пришли въ себя,— увидѣли и дерзость и легкомысліе свое, и съ смиреніемъ просили святителя простить ихъ. Незлобивый святитель просилъ Господа простить имъ грѣхи ихъ. Въ память сего событія поставленъ былъ у Юрьева монастыря каменный столпъ. И лѣтопись замѣтила подъ 1176 г. «шелъ Волховъ противъ теченія до пяти дней.»

Архіепископу Іоанну принадлежитъ основаніе многихъ церквей въ Новѣгородѣ.

Не за долго до кончины онъ отказался отъ каѳедры, назначилъ себѣ въ преемника брата Гавріила, и, принявъ схиму съ именемъ Іоанна, скончался 7 Сентября, 1186 года.

Святительская мантія его еще цѣла— васильковаго цвѣта и матеріи, похожей на рытый бархатъ, съ атласными источниками бѣлаго и краснаго цвѣта, съ скрижалями красными,—хранится въ Софійской ризницѣ.

Никита Переяславскій. Уроженецъ Переяславля, онъ завѣдывалъ сборомъ податей въ княженіе В. К. Юрія Долгорукаго, былъ безпощаденъ, грабилъ бѣдныхъ, тѣснилъ слабыхъ, и между тѣмъ роскошествовалъ въ связи съ знатью. Однажды рано взошелъ онъ въ церковь, и услышалъ проповѣдь пророка: «измыйтися, и чисты будите.» Проповѣдь поразила Никиту: она такъ потрясла его душу, что цѣлую ночь провелъ онъ безъ сна, волнуемый мыслями о прошлой жизни своей. На утро пошелъ онъ къ друзьямъ своимъ и, желая развлечься, пригласилъ ихъ къ себѣ на веселую бесѣду. Накупивъ нужное для стола, приказалъ женѣ приготовить обѣдъ. Та принялась за свое дѣло. Но когда стала варить, то сперва увидѣла кровь на верху воды, потомъ выплывала изъ-

подъ нея то рука, то голова. Она пришла въ ужасъ, и не знала что дѣлать. Сказала мужу, и тотъ увидѣлъ то же самое. Совѣсть грѣшника пробудилась до самой глубины своей. Никита понялъ, что его промыслъ—тоже что грабежъ и смертоубійство. Горе мнѣ, много согрѣшившему, сказалъ онъ съ глубокимъ вздохомъ, и не промолвивъ болѣе ни слова, вышелъ изъ дома съ мольбою къ Господу: настави мя, Господи, на путь Твой.

Въ глубокой скорби о грѣхахъ, Никита явился въ монастырь вм. Никиты, что отъ Переяславля въ 3-хъ верстахъ, и, павъ къ ногамъ игумена, омывалъ полъ слезами своими. «Что за скорбь у тебя, сынъ мой, скажи мнѣ»? спрашивалъ игуменъ. Никита разсказалъ всѣ грѣхи свои и бывшее видѣніе, и умолялъ принять его въ обитель. «Можешь-ли ты вдругъ подчиниться послушанію, столько лѣтъ проживъ на своей волѣ?» сказалъ игуменъ. Готовъ выполнять все, что повелишь, отче, отвѣчалъ Никита. «Пробудь же три дня при вратахъ монастыря и исповѣдай грѣхи свои,» сказалъ настоятель. Въ глубокомъ раскаяніи сѣлъ Никита при вратахъ монастыря, и всѣмъ входящимъ и исходящимъ исповѣдалъ грѣхи своей жизни. Потомъ, за обителію снявъ съ себя одежду, сѣлъ нагой въ тростниковое болото. Спустя три дня игуменъ послалъ посмотрѣть, что дѣлаетъ Никита. Братъ, не найдя его у воротъ, нашелъ его лежащимъ въ тростникѣ; пауки и мошки осыпали его, а иныя ползали по землѣ, и кровь текла изъ тѣла, изъязвленнаго ими. Братъ разсказалъ игумену о томъ, что видѣлъ. Игуменъ и братія пошли, и нашли Никиту въ положеніи изумительномъ. «Что это ты дѣлаешь, сынъ мой?» сказалъ игуменъ. Онъ едва могъ проговорить отъ изнеможенія: «спаси, отче, погибающую душу.» Игуменъ велѣлъ принесть власяную одежду, и одѣлъ его: взявъ за правую руку ввелъ въ монастырь, и учинилъ достойнымъ обѣтованій, принадлежащихъ ангельскому образу. Никита въ тѣсной келліи проводилъ ночи въ молитвѣ, въ пѣніи псалмовъ, въ чтеніи житія святыхъ. По благословенію игумена онъ возложилъ на себя тяжелыя вериги. По ночамъ выходя изъ обители, выкопалъ два колодца,—одинъ близь монастыря Св. муч. Бориса и Глѣба, другой, близь потока студенаго.* Разгораясь въ любви къ св. жизни, построилъ онъ себѣ столпъ, и прокопалъ небольшой проходъ подъ церковь, которымъ ходилъ на общественную молитву, никѣмъ невидимый; мало и того — подвижникъ носилъ на головѣ каменную шапку.**

Душа блаженнаго Никиты день отъ дня очищалась молитвами, и благодать Божія до того проникла наконецъ въ ея сосуды, что обнаруживалась въ чудесныхъ явленіяхъ. Юный князь Михаилъ, сынъ Всеволода князя Черниговскаго, страдалъ тяжкимъ недугомъ. Услышавъ, что въ Переяславлѣ есть святой старецъ Никита, еще при жизни удостоенный дара исцѣленій,

* О Борисоглѣбскомъ Переяславскомъ монастырѣ лѣтопись упоминаетъ подъ 1155 годомъ. Онъ находился на берегу Переяславскаго озера, невдали отъ Никитскаго монастыря, и назывался Борисоглѣбскимъ на горѣ. Безъ сомнѣнія его-то остатки недавно открыты на Александровской горѣ, лежащей въ 300 саженяхъ отъ городища,— гдѣ былъ древній Переяславль. Найдены основанія церкви и келлій, плита съ именемъ инока Максима 1512 года.

** Каменная шапка до 1733 г. оставалась въ обители, и ее вмѣстѣ съ веригами носили на себѣ богомольцы, обходя вокругъ столпа преподобн.

больной съ вѣрою прибылъ къ нему; преподобный показалъ ему жезлъ свой, и больной, опершись на него, сталъ здоровъ. Признательный князь Мая 16, 1186 года, велѣлъ поставить въ память милости Божіей каменный столпъ на томъ мѣстѣ, гдѣ получилъ исцѣленіе, и памятникъ стоитъ доселѣ.

Блаженный Никита, нѣкогда преступникъ, возлагавшій руку свою на чужую собственность, умерщвленъ былъ руками жадными до корысти: родственники преподобнаго, приходившіе для принятія благословенія, прельстясь блестѣвшими веригами, которыя приняли они за серебряныя, умертвили св. столпника. Совершивъ преступленіе ночью, убійцы унесли съ собою вериги, но, увидѣвъ свою ошибку, бросили ихъ въ Волгу.

Мощи пр. Никиты обрѣтены нетлѣнными при м. Фотіѣ, и при Никитскомъ игуменѣ Даніилѣ, и прославились множествомъ чудесъ. Нынѣ св. мощи почиваютъ подъ спудомъ, въ каменномъ храмѣ Св. Никиты, гдѣ построенъ придѣлъ во имя столпника въ 1564 году.

Варлаамъ Хутынскій. По вкладной пр. Варлаама видно, что онъ былъ сынъ богатыхъ родителей, и отъ нихъ получилъ богатое наслѣдство. По синодикамъ, родители его—Михаилъ и Анна. По твердому мѣстному преданію они жили въ Новгородѣ, на Софійской сторонѣ, въ прежнемъ Неревскомъ концѣ. Здѣсь родился и проводилъ юные годы свои Алексѣй Михайловичъ, будущій великій подвижникъ Варлаамъ. Это мѣсто впослѣдствіи отличено было каменнымъ крестомъ, а потомъ часовнею. Въ грамотѣ патр. Никона читаемъ: «устроена часовня 1645 г. на Досланной улицѣ, гдѣ прежде того стоялъ каменный крестъ, и въ древнее время жилъ чудотворецъ Варлаамъ».

Алексѣй Михайловичъ еще при жизни родителей занимался не земнымъ, а небеснымъ, постился и молился. Въ домъ родителей пришли странники, и изъ числа ихъ инокъ Порфирій особенно возбудилъ въ душѣ Алексія горячую ревность къ подвигамъ. Алексій удалился послѣ того въ Лисичій монастырь, гдѣ нашли себѣ вѣчный покой и родители его. Недовольствуясь монастырскою жизнію, Алексій, въ иночествѣ Варлаамъ, рѣшился подвергнуть себя болѣе строгимъ подвигамъ въ уединеніи.

Уединенный холмъ въ лѣсу, на берегу Волхова въ 10 верстахъ отъ Новгорода, понравился пустыннику. И точно, Хутынскій холмъ—самое красивое мѣсто изъ всѣхъ окрестностей Новгорода; съ холма, даже при чащѣ лѣсной, видны окрестности на дальнее разстояніе.—Въ народномъ мнѣніи впрочемъ не высоко стояла эта мѣстность: *Хутынь*—худынь, худое мѣсто, мѣсто нечистой силы, тутъ же болото *Видѣнь*, гдѣ видятся нечистые.

Преподобный поставилъ себѣ на Хутынѣ келлію, и сталъ подвизаться въ постѣ и молитвахъ.—Какъ строга была пустынная жизнь его, показываютъ памятники, доселѣ цѣлые. Во власяницѣ его 19 фунтовъ, въ веригахъ 8 фунтовъ. Итакъ 26 фунтовъ тяжести постоянно было на тѣлѣ его, и жесткая власяница постоянно терзала тѣло его.

Вскорѣ явились къ нему благочестивые люди, готовые раздѣлять его подвиги. Онъ поставилъ небольшой деревянный храмъ Преображенія Господня, и при храмѣ нѣсколько келлій. Варлаамъ самъ копалъ землю

и отправлялъ другія работы: еще цѣлъ колодезь, выкопанный имъ вблизи келліи, которая построена была также его руками.

Осталась его грамота: «я Варлаамъ далъ св. Спасу землю, огородъ, рыбныя и гоголивыя ловли и пожни: 1) рель (поемный лугъ) противъ села за Волховомъ, 2) на Волховцѣ рыбную ловлю, называемую Колъ, 3) ловлю Корь, 4) ловлю Лозу, 5) землю Вольмину и землю на островѣ съ нивами. Всю ту землю я отдалъ св. Спасу съ челядью (поселянами), и скотомъ. Поселяне же 1) одинъ молодой человѣкъ съ женою, 2) Власій, 3) дѣвка Ѳевронья съ двумя сыновьями, 4) Недачь. Къ тому шесть лошадей и корова. Еще я далъ св. Спасу другое село на Слудицѣ, въ которомъ церковь св. Георгія, съ пашнями и сѣнокосами, рыбными ловлями, и со всѣмъ, что въ немъ есть.—Все это я, Варлаамъ, сынъ Михаиловъ, далъ св. Спасу. Если же кто, по наученію діавола и злыхъ людей, захочетъ отнять что либо изъ пашень ли, изъ сѣнокосовъ ли, изъ ловлей ли: да будетъ ему противникомъ св. Спасъ въ семъ вѣкѣ и въ будущемъ».

Въ обители преподобнаго понынѣ цѣлъ крестъ изъ серебристой мѣди съ надписью: «Царь славы Іс҃ъ Хс҃.», — памятникъ уваженія преподобнаго къ родителю. Этотъ крестъ уже извѣстенъ былъ по описанію чуда 1460 г. Цѣлы также священническая риза преподобнаго изъ мухояра, кофейнаго цвѣта, подризникъ, поручи и служебникъ.

Пр. Варлаамъ далъ для обители свой уставъ: но къ сожалѣнію драгоцѣнный уставъ святаго не сохранился для нашего времени во всей цѣлости. Извѣстно, что уставомъ его предписано было раздавать милостыню бѣднымъ, и всѣхъ странныхъ кормить и поить.

Разъ шелъ онъ въ Новгородъ къ владыкѣ. На мосту народъ готовъ былъ сбросить въ Волховъ уличеннаго преступника.— Преподобный, взглянувъ на бѣднаго осужденнаго, сказалъ народу: «онъ загладитъ вины свои въ Хутынѣ, отдайте мнѣ его». И народъ отдалъ уважаемому пустыннику.— Въ другое время точно такая же случилась встрѣча съ Варлаамомъ; въ этотъ разъ даже просили преподобнаго спасти осужденнаго отъ смерти; но онъ молча прошелъ мимо.—Что это значитъ? Отъ чего одного спасъ, а другому не хотѣлъ оказать тойже милости? спросили его изумленные ученики. «Господь всѣмъ хочетъ спасенія,» сказалъ преподобный. «Первый осужденный осужденъ былъ по правдѣ: но ему кающемуся Господь далъ время очиститься покаяніемъ, и онъ совершаетъ покаяніе въ обители. Послѣдній осужденъ несправедливо; но за невинное страданіе получилъ онъ вѣнецъ праведника, тогда какъ иначе земная лесть могла испортить душу его».

Князь Ярославъ прибылъ въ пустыню къ преподобному. «Будь здоровъ, добрый князь и съ сыномъ твоимъ», сказалъ преподобный при первой встрѣчѣ. Князь изумился, но потомъ узналъ, что у него родился сынъ. По просьбѣ князя преподобный крестилъ новорожденнаго. Признательный князь далъ обители преподобнаго земли. Это было въ 1190 г.

Монастырскіе рыболовы, вытянувъ удачную тоню, скрыли большаго осетра, и принесли обители только мелкую рыбу. Преподобный съ улыбкой сказалъ имъ: «вы принесли ко мнѣ дѣтей, гдѣ же мать ихъ»? Смущенные рыбаки исповѣдали грѣхъ свой.

Благоговѣйный селянинъ по усердію доставлялъ обители все нужное, и неожиданно лишился единственнаго сына. Онъ привезъ мертваго въ обитель, и преподобный возвратилъ его отцу живымъ.

Въ другое время плыли люди по Волхову, и одинъ упалъ изъ лодки въ воду; его вытащили бездыханнаго и принесли къ Варлааму. Преподобный помолился, и утопленникъ ожилъ.

Одинъ опытъ прозорливости преподобнаго запечатлѣнъ общественною хвалою Богу. Преподобному случилось быть у архіепископа, и святитель, (это былъ блаж. Григорій, братъ великаго Іоанна), отпуская его послѣ бесѣды, сказалъ, чтобы побывалъ у него старецъ спустя недѣлю. «Если Господу угодно,» отвѣчалъ преподобный «въ пятницу первой недѣли поста св. апостоловъ пріѣду къ твоей святынѣ на саняхъ». — Архіепископъ удивился этому, но не потребовалъ объясненія. — Въ ночь предъ назначенною пятницею выпалъ глубокій снѣгъ, и былъ сильный морозъ. Преподобный прибылъ къ владыкѣ на саняхъ. — Архипастырь скорбѣлъ о томъ, что морозъ можетъ повредить хлѣбу. «Не скорби, святый владыка,» сказалъ преподобный: «надобно благодарить Господа за милость, — морозъ истребилъ червей, которые погубили бы хлѣбъ въ корнѣ, а снѣгъ только напоитъ жаждущую землю.» Дѣйствительно, на другой день жаръ дневной растопилъ снѣгъ, и вода напоила сухую землю, а при корняхъ ржи найдены погибшіе отъ мороза черви; въ слѣдствіе того и другаго былъ такой урожай хлѣбовъ, какого давно не видали.

Въ благодарную память объ этомъ событіи, въ пятницу на первой недѣлѣ Петрова поста, совершается крестный ходъ изъ Новгорода въ Хутынь монастырь.

Къ послѣднему году жизни преподобнаго относится построеніе каменнаго храма въ обители. — При освященіи храма въ славу Спасителя, Варлаамъ почтенъ былъ саномъ игумена. Чувствуя близость кончины своей, назначилъ ученика своего Антонія въ преемника себѣ, и мирно почилъ 6-го Ноября, 1192 года.

Первый храмъ во имя Варлаама Хутынскаго въ Новѣгородѣ упоминается въ 1410 году. Мощи его, говоритъ древнее житіе, видѣлъ нетлѣнными Архіепископъ Евфимій (1429—1458).

Разсказываютъ, что Іоаннъ Грозный хотѣлъ открыть мощи, но едва только начали, по его приказанію, поднимать каменную доску и копать землю, какъ изъ гроба чудотворца вырвался дымъ, и за дымомъ пламень, опалившій стѣны. — Царь въ ужасѣ бросился вонъ изъ храма со всею свитою, такъ что выронилъ въ монастырѣ и трость свою. Трость эта понынѣ цѣла въ обители; цѣла и обожженная пламенемъ дверь.

Григорій, архіепископъ Новогородскій, въ міру Гавріилъ, родной братъ Св. Іоанна архіепископа, вмѣстѣ съ нимъ подвизался въ 1179 г., при построеніи на озерѣ Мячинѣ Благовѣщенскаго монастыря, употребляя на то и свою собственность. Назначенный ему преемникомъ, принялъ съ иночествомъ имя *Григорія,* и въ 1187 году посвященъ былъ въ архіепископа Новгородскаго. Въ лѣтописи замѣчено совершенное имъ освященіе каменнаго храма въ Аркадіевомъ монастырѣ. Каменный крестъ съ надписью,

поставленный при основаніи сего храма, доселѣ еще цѣлъ. — Блаженный Григорій управлялъ Новгородскою паствою шесть лѣтъ, напоминая ей своими добродѣтелями великаго брата. Онъ скончался 24 Мая 1193 года, и погребенъ вблизи его въ Софійскомъ соборѣ; мощи его обрѣтены въ 1558 году и почиваютъ подъ ракою, на которой изображенъ святитель во весь ростъ.

Мартирій, архіеп. Новгородскій, прославился построеніемъ многихъ церквей въ Новѣгородѣ. Въ 1199 г., вслѣдствіе сильныхъ неудовольствій В. К. Всеволода на Новгородъ, блаженный пастырь долженъ былъ отправиться съ посадникомъ и лучшими людьми во Владиміръ. Изнуренный лѣтами и трудами, «рабъ Божій архіепископъ Мартирій» скончался на дорогѣ на берегу озера Селигера, 24-го Августа. Св. тѣло его привезли въ Новгородъ, и положили въ притворѣ Св. Софіи, который потомъ назывался Мартиріевою папертію и златою папертію.

Авраамій Смоленскій родился въ Смоленскѣ отъ богатыхъ и благочестивыхъ родителей, по сказанію ученика его Ефрема. По смерти ихъ роздалъ наслѣдство по монастырямъ, церквамъ и бѣднымъ, ходилъ въ рубищѣ, и поступилъ въ монастырь Св. Богородицы, въ пяти верстахъ отъ Смоленска, на мѣстѣ называемомъ Селище. Здѣсь, облеченный въ иночество, проходилъ онъ разныя послушанія, и трудился отъ всей души, читалъ отеческія сочиненія, особенно Златоустаго и Ефрема Сирина, также житія святыхъ отцевъ восточныхъ Антонія, Евѳимія, Саввы, Ѳеодосія, Ѳеодосія Печерскаго и другихъ, стараясь по возможности усвоять душѣ своей мысли ихъ и чувства. Какъ трудолюбивая пчела, собирая отвсюду душеспасительныя писанія, иныя списывалъ самъ, другія поручалъ списывать писцамъ.—Жизнь земная,— думалъ и говорилъ онъ, — война; а для войны нужны оружія, нужны познанія опытныя: такъ для брани духовной нужно учиться многому у опытныхъ св. мужей, нужно отъ нихъ узнать, какое духовное оружіе полезно въ какомъ случаѣ; — отъ нихъ же можемъ хорошо узнать и враговъ нашихъ. Блаженный усердно трудился и въ келліи по своему доброму изволенію, трудился и по монастырю, исполняя съ точностію поручаемыя ему дѣла. Видя добродѣтельную жизнь Авраамія, игуменъ убѣдилъ его (1197 г.) принять санъ священства. Въ санѣ священства преподобный каждый день совершалъ служеніе, и всегда съ глубокимъ благоговѣніемъ. Игуменъ, зная его обширныя познанія и даръ слова, поручилъ ему должность духовника, и дозволилъ принимать къ себѣ желающихъ слушать наставленія его. Это было при князѣ Мстиславѣ Романовичѣ, когда уже болѣе 30 лѣтъ преп. Авраамій подвизался въ обители.

Но вотъ настали для блаженнаго Авраамія искушенія, преимущественно отъ своей братіи. Смотря съ завистію на то, что познанія и краснорѣчіе его привлекали къ нему многихъ, какъ иноковъ, такъ и мірянъ, нѣкоторые стали выдумывать разныя клеветы на преподобнаго, и наносили ему разныя огорченія; пять лѣтъ терпѣлъ онъ всѣ непріятности, не преставая назидать приходившихъ къ нему. Наконецъ возсталъ противъ него и игуменъ. Блаженный уступилъ—мѣсто враждѣ, и оставилъ обитель.

Изгнанный праведникъ перешелъ въ городъ, и сталъ жить въ бѣдномъ монастырѣ Св. Креста. Здѣсь еще болѣе народъ сталъ стекаться къ Аврамію. Многіе приносили ему пожертвованія, которыя употреблялъ онъ въ пользу монастыря и храма, или же раздавалъ нищимъ; онъ украсилъ храмъ Божій иконами, завѣсами, свѣчами. Самъ онъ написалъ двѣ иконы: на одной изобразилъ страшный судъ, — на другой мытарства. На этихъ иконахъ онъ часто останавливалъ вниманіе свое и другихъ, возбуждая къ покаянію.

Онъ проводилъ такую строгую жизнь, что отъ поста и трудовъ былъ крайне сухъ и блѣденъ. Вина онъ совсѣмъ не вкушалъ и воду пилъ въ мѣру, — не любилъ дорогихъ одеждъ, а одѣвался въ худыя. Совершая самъ съ благоговѣніемъ литургію, онъ не терпѣлъ того, чтобы предстоявшіе разговаривали во время литургіи, и строго внушалъ стоять въ храмѣ со страхомъ Божіимъ. Онъ усердно предлагалъ наставленія, въ храмѣ и въ кельи. «Уста его не умолкали для великихъ и малыхъ людей, для рабовъ и свободныхъ, для ремесленниковъ и другихъ, приходившихъ то на церковное пѣніе, то для бесѣдъ.... Когда облекался онъ въ священническія одежды: то походилъ на великаго Василія, украшенный такою же черною брадою, но съ главою безвласою.»

На Авраамія поднялось городское духовенство, огорчавшееся тѣмъ, что онъ привлекалъ къ себѣ множество духовныхъ чадъ. Начали распускать слухи, что Авраамій, то еретикъ, — читаетъ «голубиныя книги,» — то живетъ нечисто, прикрывая темныя дѣла наружною святостію; наконецъ подняли такое волненіе въ городѣ, что знать городская явилась къ епископу Игнатію, и просила подвергнуть Авраамія суду. Злость противъ Авраамія до того была велика, что иные требовали сжечь его на кострѣ; другіе настаивали, чтобы Авраамія водить по улицамъ съ побоями и потомъ бросить въ воду.

Посланы были слуги—привесть Авраамія на судъ. Авраамій стоялъ на молитвѣ, они схватили его, и двухъ учениковъ его, и потащили съ безчестіемъ и бранью къ епископу. Одинъ благочестивый инокъ, Лука Прусинъ, старался образумить притѣснителей праведника. Но его не слушали. На судѣ епископа, совершавшемся въ присутствіи Князя и вельможъ, всѣ обвиненія оказались клеветою. Но духовенство требовало осужденія. Князь и вельможи говорили, что не видятъ они вины въ Аврааміѣ; епископъ, для общаго покоя, повелѣлъ Авраамію удалиться въ Богородичный монастырь, запретивъ ему бесѣдовать съ людьми и совершать священнослуженіе.

Благочестивый Смоленскій священникъ Лазарь, тотъ самый, который послѣ Игнатія былъ епископомъ, пришелъ къ епископу Игнатію и сказалъ: «городъ строго будетъ наказанъ, если не раскается въ своей несправедливости противъ Авраамія.» И точно, скоро наступила страшная засуха въ странѣ Смоленской. Напрасно совершались молебствія о дождѣ съ крестнымъ ходомъ вокругъ города, — дождя небыло. Блаженный Игнатій чувствовалъ, что онъ оказалъ слабость, сдѣлавъ уступку проискамъ злобы. Онъ послалъ сказать врагамъ Авраамія, чтобы пришли въ себя и перестали поносить Авраамія. По ихъ милости онъ находился

подъ такою строгою опалою, что мечники стерегли на дорогахъ и не пускали никого къ нему, а иныхъ и грабили. Одинъ благоговѣйный священникъ, явясь къ епископу, сказалъ: мы молились Богу, и не были услышаны—не отъ того ли это, что невинному Авраамію запрещено священнодѣйствовать? Тогда епископъ, призвавъ къ себѣ Авраамія, разрѣшилъ ему священнослуженіе, просилъ у него прощенія себѣ и городу и молитвъ его о дождѣ. Угодникъ Божій съ глубокимъ смиреніемъ называлъ себя грѣшникомъ, недостойнымъ милости Божіей, но обязаннымъ исполнить волю святителя. Возвращаясь въ обитель, дорогою молился онъ въ душѣ о дождѣ, и еще не дошелъ до обители, какъ сильный дождь напоилъ жаждущую землю. Всѣ увидѣли въ этомъ силу молитвъ праведника, всѣ признали невинность Авраамія, и стали высоко уважать его.

Блаженный святитель Игнатій, построивъ близъ города новый монастырь въ честь положенія ризы Богоматери, «почтительно,» чрезъ протопопа Георгія, пригласилъ къ себѣ блажен. Авраамія, и поручилъ емуностоятельство въ новой обители. Преподобный скоро украсилъ новый храмъ иконами и утварію. По прежнему стали стекаться къ преподобному бояре и простолюдины, богатые и бѣдные, чтобы пользоваться наставленіями его. Много было желавшихъ поступить въ Авраамієву обитель; но преподобной принималъ ихъ весьма разборчиво и послѣ испытаній, такъ что у него было только 17 братій. Авраамій пережилъ духовнаго друга своего епископа Игнатія. Послѣ его смерти онъ еще болѣе прежняго сталъ готовиться къ исходу изъ сей жизни, молился день и ночь о томъ, дабы не быть осужденнымъ на судѣ Божіемъ, и внушалъ братіи помнить о смерти.

Авраамій скончался не позже 1220, а ученикъ его Ефремъ не прежде 1238 г.

Служба «на память препод. отца нашего Авраамія Смоленскаго чудотворца и ученика его Ефрема» молитъ преподобныхъ: «молитеся Христови даровати православнымъ людемъ избавленіе *отъ поганскихъ плѣненій*... молите милостиво, да насъ избавитъ отъ *Агарянскихъ обстояній.*» Очевидно, эта служба составлена была подъ гнетомъ языческаго татарскаго ига. Потому нѣтъ сомнѣнія, что если не прежде, то въ концѣ 13 вѣка въ Смоленскѣ уже чтили память преп. Авраамія и ученика его.

Въ 1608 году Смольяне писали, что обѣщались они Господу и угодникамъ Меркурію, Авраамію и Ефрему, стоять за домъ Богоматери до смерти. Мощи преп. Авраамія почиваютъ въ каменномъ храмѣ обители его, гдѣ посвященъ ему престолъ.

Антоній Дымскій былъ преемникомъ Св. Варлаама Хутынскаго. Варлаамъ близкій къ кончинѣ своей сказалъ ученикамъ своимъ: «блюстителемъ вашимъ по душѣ и тѣлу назначаю вамъ игумена Антонія, который возвратился изъ Царяграда и св. мѣстъ, и въ этотъ самый часъ уже не далекъ отъ насъ.» Въ слѣдъ за тѣмъ сказали, что Антоній уже въ монастырѣ, и святый съ радостію вручилъ вошедшему Антонію свое стадо. Это было въ 1192 году. Неизвѣстно, какъ долго оставался настоятелемъ Хутынской обители Антоній; но въ 1230 г. уже и другой игуменъ Хутынскій Арсеній переведенъ былъ на игуменство въ Юрьевъ

монастырь. Преп. Антоній, отказавшись отъ управленія Хутынскою обителью, основалъ свой монастырь, на берегу озера Дымскаго, что въ 15 верстахъ отъ города Тихвина. На иконахъ преп. Антоній держитъ хартію съ словами: «се удалихся, бѣгая водворихся въ пустыни.» Еще и нынѣ обитель его окружена лѣсами. Площадь, на которой стоитъ она, поднята какъ холмъ надъ окрестностію; при подошвѣ ея тихое, темное озеро, и кругомъ, въ необозримую даль, идутъ лѣса, нынѣ по мѣстамъ исчезающія. Надъ рукою преподобнаго лежитъ желѣзная шляпа его. Въ ней 15 фунтовъ вѣсу; широкія поля ея прибиты къ тульѣ толстыми гвоздями; шляпки гвоздей, рубцы окраинъ, должны были врѣзываться въ покровы головные, останавливаясь только на твердыхъ черепныхъ костяхъ, а тяжесть шляпы усиливала боль язвъ. Преп. Антоній, кромѣ Дымской пустынной обители, основалъ еще Вырдемскую пустынь.

Достигнувъ 67 лѣтъ въ трудахъ и подвигахъ, блаженный Антоній почилъ 24 Іюня 1224 года. Мощи преподобнаго обрѣтены нетлѣнными въ 1330 году, и съ того времени прославленныя чудесами стояли открыто въ храмѣ обители, а въ 1409 г. предъ нашествіемъ Едигея сокрыты въ землѣ. Память преподобнаго чтится 17 Января, — вѣроятно это день первоначальнаго обрѣтенія мощей, — а 24 Іюня, въ день кончины его, бываетъ крестный ходъ на озеро. Въ обители посвященъ ему храмъ.

Антоній Архіепископъ Новогородскій. Въ 1211 г. богатый Новгородецъ, Добрыня Андрейковичъ, по благочестивому расположенію души, путешествовалъ въ Константинополь, и, возвратясь съ востока, постригся въ Хутынѣ монастырѣ съ именемъ *Антонія.* Въ это самое время Новгородцы вознегодовали за что-то на Архіепископа Митрофана, котораго сами они избрали въ 1201 году на мѣсто почившаго Мартирія. Они обратились къ Антонію. Антоній отличался благочестіемъ и образованностію, о которой свидѣтельствуетъ описаніе его путешествія въ Константинополь. Онъ построилъ нѣсколько церквей. Во время отлучки его въ Торжекъ, Новгородцы приняли опять Митрофана, а Антонію послали сказать: иди куда хочешь. Образумясь однакожъ они отправили обоихъ Архіепископовъ къ Митрополиту въ Кіевъ. М. Матѳѣй назначилъ Митрофана въ Новгородъ, а Антонію далъ Перемышльскую епархію. Митрофанъ чрезъ три года скончался, и Новгородцы ввели на Архіепископскій дворъ Хутынскаго Епископа Арсенія. Между тѣмъ въ 1225 с. Антоній прибылъ изъ Перемышля, и Новгородцы рады были своему хотѣнію. Спустя три года, Антоній, сильно заболѣвъ, добровольно (1228 г.) удалился въ Хутынь монастырь; Арсеній снова началъ управлять дѣлами епархіи. Съ половины Августа до 6 Декабря (1228 г.) шли проливные дожди, опустошившіе поля. Народъ взволновался, и приписалъ непогоду тому, что Арсеній купилъ себѣ мѣсто у князя Ярослава, и вытѣснилъ Антонія. Арсеній былъ вытащенъ изъ Архіепискоскаго дома, и едва не умерщвленъ. Арсеній убѣжалъ въ Хутынь, а Антонія, противъ воли, привели въ Архіепископскій домъ, и дали ему въ пособіе для судебныхъ дѣлъ двухъ свѣтскихъ чиновниковъ. Но Антоній вскорѣ занемогъ отчаянно, и совсѣмъ онѣмѣлъ, лежалъ болѣе 2 лѣтъ въ разслабленіи въ Хутынскомъ уеди-

неніи, и, страданіями очищенный «преставился 8 Октября 1231 года. «Душа его,» говоритъ лѣтопись, «взошла на небо, а мощи его съ честію положены были въ притворѣ святой Софіи».

Въ Софійскомъ Соборѣ хранится крестъ шестиконечный, въ которомъ положена часть Животворящаго древа, въ видѣ четвероконечнаго креста, съ надписью: «Господи, помози рабу своему Антону, Архіепископу Новгородскому, давшему крестъ Святой Софіи». Этотъ крестъ употребляется при торжественномъ освященіи воды, въ день Богоявленія.

Св. мученикъ Меркурій родился гдѣ-то на западѣ, вѣроятно въ Моравіи, отъ родителей благородныхъ и православныхъ. Какимъ образомъ онъ попалъ въ Русскую землю, неизвѣстно. Высокій ростомъ, мужественный и сильный, онъ былъ воинъ въ полномъ смыслѣ слова, но велъ жизнь подвижника, былъ строгій постникъ, проводилъ ночи въ молитвѣ — и хранилъ дѣвственную чистоту. Православную вѣру не только исповѣдывалъ на словахъ, но готовъ былъ умереть за нее. Въ 1238 году полчища Татаръ приблизились къ Смоленску, разоряя все на пути, и нагло ругаясь надъ святынями христіанства. Они остановились за 25 верстъ отъ города, на мѣстѣ, называвшемся Долгомостье: это мѣсто извѣстно и по нынѣ подъ тѣмъ же именемъ, и множествомъ могилъ указываетъ на кровопролитную битву, здѣсь бывшую. Татарами начальствовалъ великанъ могучій и сильный. Меркурій горѣлъ желаніемъ положить жизнь свою за Св. вѣру, но такъ, чтобы изъ того вышло какъ можно болѣе славы для Св. вѣры, и болѣе позора для нечестія. Онъ молился о томъ пламенно. Въ Смоленскомъ соборѣ, гдѣ стояла чудотворная икона Богоматери, благоговѣйный пономарь ночью во время молитвы услышалъ голосъ: иди къ рабу моему Меркурію на Подолье, — среди двора увидишь ты его, и скажи ему тихо: Меркурій! иди въ бронѣ военной, Владычица зоветъ тебя. Пономарь пошелъ на Подолье, и вотъ среди двора видитъ онъ — стоитъ воинъ съ воздѣтыми къ небу руками. Тихо объявилъ ему небесную волю пономарь, и оба пошли они въ храмъ. Здѣсь Меркурію сказано, чтобы отправился на Долгомостье, и сразился съ великаномъ, — ему обѣщана небесная помощь. Меркурій сѣлъ на коня и поспѣшилъ на указанное мѣсто. Онъ прошелъ военную стражу, незамѣченный никѣмъ, и среди непріятельскаго стана увидѣлъ великана. Оградясь крестнымъ знаменіемъ, призвавъ на помощь Вызвавшую его на подвигъ, Меркурій убилъ гордаго мурзу, и съ нимъ много другихъ татаръ. Озлобленные враги поднялись противъ города, и сынъ великана убилъ Св. Меркурія. Мученикъ предъ смертію молился за городъ, и кочевняки, устрашенные смертію лучшихъ воиновъ изъ своей рати, поспѣшили удалиться отъ предѣловъ Смоленскихъ. Благодарные жители Смоленска благоговѣйно похоронили тѣло Меркурія въ Смоленскомъ соборѣ. Это было Ноября 24, 1238 г. Надъ мѣстомъ погребенія воина вѣры повѣшено было его оружіе. Желѣзный шлемъ и желѣзная обувь его, простотою отдѣлки указывающія на свою древность, хранятся нынѣ въ соборной ризницѣ. Въ 16 столѣтіи Смольняне еще знали *мѣсто крови*, гдѣ умерщвленъ былъ Св. Меркурій, — за городомъ, въ полѣ. Въ службѣ ему

поется «какъ столпъ и твердую стѣну даровалъ тебя, Меркурій, сему городу Христосъ; здѣсь нынѣ источаешь ты струю исцѣленій, и помогаешь побѣждать поганыхъ». Мощи Св. Меркурія почиваютъ въ Смоленскомъ Авраміевомъ монастырѣ, гдѣ во имя его есть и храмъ, освященный въ 1775 году.

Константинъ Косинскій обучался духовной жизни подъ руководствомъ преп. Варлаама, и преемника его преп. Антонія. Около 1220 г. оставилъ онъ Хутынь монастырь, и въ 3 верстахъ отъ старой Русы, на уединенномъ островѣ, основалъ свою обитель во имя Св. Николая. Обитель сія называлась Косиною отъ того, что рѣки Полисть и Снѣжная, омывающія островъ, образуютъ косу. Въ рукописныхъ святцахъ замѣчено, что «преп. Константинъ, ученикъ Варлаама Хутынскаго, игуменъ монастыря, иже за Русою, преставися Іюля въ 29 д.», но годъ кончины не показанъ. Здѣсь же преп. Константинъ названъ чудотворцемъ.

Симеонъ, Епископъ Переяславскій. умерщвленъ при нападеніи Татаръ на Переяславль въ 1839 г.

Изъ мірянъ къ лику Святыхъ причтены:

Въ Новгородѣ: супруга В. К. Ярослава Ингигерда, въ крещеніи Ирина, въ монашествѣ *Анна*. (Скончалась 1050).

Сынъ ихъ, *Володимеръ Ярославичъ*. (Скончался 1051).

Память его вмѣстѣ съ матерью празднуется 4 Октября, вѣроятно какъ строителя Софійской церкви.

Владиміро-Волынскій князь *Ярополкъ-Петръ*, «многы бѣды приимъ, безъ вины изгонимъ отъ братья своея, обидимъ, разграбленъ, прочее и смерть горкую пріятъ: но вѣчнѣй жизни и покою сподобися. Такъ бяше блаженый съ князь тихъ, кротокъ, смѣренъ и братолюбивъ, десятину дая свѣтѣй Богородици отъ всего овоего имѣнья, по вся лѣта, и моляше Бога всегда, глаголя: Господи Боже мой! пріими молитву мою, и даждь ми смерть, якоже двѣма братома моима, Борису и Глѣбу, отъ чюжю руку, да омыю грѣхы вся своею кровью, избуду суетнаго сего свѣта и мятежа, сѣти вражіи. Его же прошенья не лиши его благый Богъ, восприя благая она, ихже око не видѣ, ни ухо слыша, ни на сердце человѣку не взиде, еже уготова Богъ любящимъ его.»

Онъ былъ убитъ на дорогѣ изъ Владимира въ Звенигородъ нѣкіимъ Нерадцемъ, Ноября 22, 1086 г.*. Тѣло его было привезено въ Кіевъ, и положено въ мраморной ракѣ, въ церкви Св. Петра, которую онъ началъ строить.

Дочь его была за Полоцкимъ княземъ, Глѣбомъ Всеславичемъ, имѣла великую любовь къ Св. Богородицѣ и къ Препод. Θеодосію, ревнуя отцу своему Ярополку. Всѣ они, — Ярополкъ, его дочь и ея мужъ, осыпали дарами Печерскій монастырь.

Анна (Янка), дочь В. К. Всеволода Ярославича, обрекла себя на дѣвство, и поступила въ монастырь, основанный отцемъ ея при церкви Св. Андрея, странствовала въ Константинополь для знакомства съ женскими монастырями, и привезла оттуда Митрополита, преемника Іоанну II, (се навье пришелъ).**

---

* См. выше с. 107, 253.
** См. выше с. 108.

Сестра ея, бывшая замужемъ за Императоромъ Германскимъ, Генрихомъ IV, Императрица Евпраксія, поступила къ ней въ монастырь († 1109).

26 лѣтъ провела Анна по строгимъ иноческимъ правиламъ, и скончалась 3 Ноября 1112 года.

Константинъ, князь Муромскій. По общему мнѣнію—это есть имя меньшаго Святославова сына, Ярослава, который при отцѣ получилъ Муромъ, и послѣ лишенъ былъ княжества Черниговскаго, когда получилъ на него право, племянникомъ Всеволодомъ Ольговичемъ.*

В. К. Мстиславъ-Ѳеодоръ Володимеровичъ поставленъ въ числѣ Святыхъ еще въ прологѣ XII вѣка. Ему принадлежитъ древнѣйшая грамота изъ дошедшихъ до насъ, данная Юрьеву монастырю, 1125 г. Для него написано было Евангеліе, въ Благовѣщенскую церковь на Городищѣ, также дошедшее до насъ, (хранится въ Архангельскомъ соборѣ) для котораго богатый окладъ устроенъ въ Константинополѣ. Мстиславъ основалъ много церквей и нѣсколько монастырей въ Новѣгородѣ и Кіевѣ, изъ которыхъ знаменитѣйшіе: Юрьевъ въ Новѣгородѣ и Ѳеодоровскій въ Кіевѣ, гдѣ былъ погребенъ, и гдѣ погребались многіе потомки его, называвшіе этотъ монастырь отчимъ, вотчимъ.**

Всеволодъ-Гавріилъ, Князь Новгородскій и Псковскій, старшій сынъ Мстиславовъ.*** Основалъ по приказанію отца монастырь Юрьевъ въ Новѣгородѣ, церковь Св. Іоанна на опонѣ, которой далъ большія преимущества,* и Святаго Климента. Изгнанный Новгородцами и принятый Псковичами, онъ основалъ во Псковѣ каменный соборный храмъ Св. Троицы, и вскорѣ скончался 11 Февраля 1138 г.—Мощи его обрѣтены въ 1192 г., и почиваютъ въ Троицкомъ соборѣ. Тамъ же показываютъ и мечь его съ надписью: honorem meum nemini dabo.

В. К. *Игорь Ольговичъ*, убитый Кіевлянами, вслѣдствіе распри съ Изяславомъ Мстиславичемъ, котораго они желали имѣть вмѣсто Игоря (1146).**

В. К. Ростиславъ Мстиславичь, учредитель Смоленской епископіи въ 1137 г., основалъ въ Смоленскѣ церкви Св. Бориса и Глѣба, на мѣстѣ кончины Св. Глѣба, и Св. Петра и Павла, до нынѣ цѣлую. Онъ убѣдилъ Константинопольскій соборъ принять за правило, чтобъ митрополиты въ Россіи назначались неиначе, какъ съ согласія Великихъ Князей Кіевскихъ. Часто выражалъ онъ Печерскому игумену свое желаніе вступить въ монашество. Скончался Марта 14, 1168 г.***

Евфросинія, княжна Полоцкая, дочь меньшаго Всеславова сына, Святослава, мірски Предслава, по 12 году, удалилась въ монастырь тетки ея, супруги старшаго Всеславова сына, Романа: здѣсь постриглась въ монахини, и въ затворѣ занималась

---

* См. выше с. 135. О житіи его, крайне поврежденномъ переписчиками, говорено выше с. 544.
** О дѣяніяхъ Мстислава см. выше с. 136 и проч.
*** См. выше с. 309.

* См. выше с. 471.
** См. выше с 143 и проч. Икона, предъ коей онъ молился въ послѣдній часъ, сохраняется въ Лаврскомъ соборѣ. Снимокъ см. въ атласѣ.
*** См. о дѣяніяхъ его выше, с. 181.

переписываніемъ книгъ, а получаемую плату раздавала нищимъ. При дядѣ Князѣ Борисѣ (1119—1128) основала свой монастырь, куда поступила, во время гоненія на Полоцкихъ князей, двоюродная сестра ея, дочь К. Бориса; она принесла къ преподобной всѣ дорогія вещи, припасенныя для брака, постриглась и наречена Евпраксіей. Около 1160 г. Евфросинія построила каменный храмъ Спасителю въ своей обители, вмѣсто деревяннаго, доселѣ цѣлый, и извѣстный въ народѣ подъ именемъ Спасъ-Юрьевичи, (вѣроятно по участію, которое принималъ въ построеніи Князь Юрій?). Для этого храма преподобная приготовила драгоцѣнный напрестольный крестъ, сохранившійся до нашего времени. Надпись на немъ говоритъ: «честьное древо бесцѣнно есть; а кованье его, злато и сребро и каменье, жьнчугъ, въ 100 гривенъ, а др.... 40 гривенъ.» Въ храмѣ пр. Евфросиніи, по сторонамъ хоровъ, цѣлы еще двѣ тѣсныя келліи,—въ одной изъ нихъ жила преподобная. Отсюда слушала она богослуженіе, а сквозь небольшое окно, пробитое въ стѣнѣ, открывались ея взору обширныя поля и видъ города. Она пожелала имѣть одну изъ трехъ иконъ, писанныхъ по преданію Св. Лукою, которая находилась въ Ефесѣ. Императоръ Мануилъ, по родству, (сестра ея была за мужемъ за сыномъ И. Алексѣя Комнина), прислалъ ей эту икону, которая доселѣ хранится въ Торопецкомъ соборномъ храмѣ, гдѣ поставила ее въ 1239 г. дочь Полоцкаго князя Брячислава, при вступленіи въ бракъ съ Александромъ Невскимъ.

Близь своей обители княжна построила храмъ Богоматери, и при немъ основала общежитіе иноковъ.

Въ преклонныхъ уже лѣтахъ она рѣшилась, въ исполненіе давняго намѣренія, посѣтить святыя мѣста.

Ввѣривъ обитель сестрѣ своей Градиславѣ - Евдокіи, преподобная отправилась на востокъ въ сопровожденіи кн. Давида, уже знакомаго съ востокомъ; съ нею отправилась и родственница Звенислава-Евпраксія. На пути своемъ она встрѣтилась съ императоромъ Мануиломъ, шедшимъ противъ Венгровъ; потомъ въ Константинополѣ была обласкана патр. Лукою. Она посѣтила св. Софію, поклонилась святынямъ и въ другихъ мѣстахъ восточной столицы, и продолжала путь въ Іерусалимъ. Здѣсь, остановясь въ Русскомъ монастырѣ Пресвятой Богородицы, святая княжна ходила на поклоненіе Живоносному гробу Господню, и поставила надъ нимъ лампаду. Потомъ обошла разныя мѣста, ознаменованныя жизнію Спасителя, и въ Русскомъ монастырѣ занемогла. Послѣ 24 дней болѣзни предала духъ свой Господу, 23 Мая 1173 года.

Тѣло ея погребено было въ обители преп. Θеодосія въ Іерусалимѣ, и оттуда перенесено въ Кіевскія пещеры, вѣроятно около 1187 года.

Великій Князь Андрей Боголюбскій. Строгій блюститель правды въ своихъ владѣніяхъ, благотворитель убогихъ и нищихъ, строитель многихъ церквей и монастырей, ревностный христіанинъ; убитъ онъ своими приближенными въ 1174 году, Іюня 29.* Мощи его почиваютъ въ Владимирскомъ Успенскомъ соборѣ, въ придѣлѣ, посвященномъ его имени; обрѣтены нетлѣнными 15 Октября, 1702 года.

* О гражданскихъ дѣяніяхъ его, см. выше с. 343.

Князь Глѣбъ, сынъ Андрея Боголюбскаго, неизвѣстный впрочемъ по лѣтописямъ, отличался благочестіемъ и праведною жизнію скончался 20 лѣтъ, и по смерти прославился многими чудесами, какъ говоритъ мѣстное преданіе. Мощи его открыты 31 Ноября, 1702 года.*

Князь Мстиславъ Ростиславичь Новогородскій, сконч. 14 Іюня, 1180 года. Память его чтится мѣстно.**

Илья Муромецъ. По словамъ Кальнофойскаго онъ жилъ за 450 лѣтъ до его времени, т. е. около 1188 г., и по народному назывался Чеботкомъ, а что это былъ витязь временъ св. Володимера, объ этомъ нѣтъ историческихъ свидѣтельствъ.

Давидъ и *Евфросинія*, Муромскіе чудотворцы, въ монашествѣ: *Петръ* и *Февронія*. Давидъ былъ второй сынъ князя Юрія Владимировича Муромскаго. Занялъ столъ по смерти брата Володимера въ 1203 году. За нѣсколько времени до того онъ подвергся болѣзни: тѣло его покрыто было струпьями. — Славившаяся умомъ своимъ дочь «древолазца,» бортника, излѣчила его мазью, — оставался только одинъ струпъ, котораго не коснулась мазь. По разговорамъ и поступкамъ дѣвушки князь призналъ высокія качества ума и сердца въ дочери бортника, и далъ слово на ней жениться; но потомъ нашелъ не приличнымъ для князя супружество съ простою дѣвушкою. Болѣзнь возобновилась. Евфросинія вновь вылѣчила князя, и признательный князь выполнилъ тогда свое слово, сочетался съ нею бракомъ. — Когда же послѣ брата вступилъ онъ на престолъ, Муромская знать, конечно подстрекаемая младшимъ братомъ и племянникомъ, объявила: или пусть отпуститъ отъ себя супругу, оскорбляющую своимъ происхожденіемъ знатныхъ женъ, или же оставитъ Муромъ.

Князь согласился отказаться отъ княжества. Онъ остался послѣ того съ небогатыми средствами къ жизни, и печальныя мысли невольно приходили ему на умъ. Но умная княгиня говорила ему: «не печалься князь, — милостивый Богъ не оставитъ насъ въ нищетѣ.» Въ Муромѣ скоро открылись раздоры непримиримые, искатели власти схватились за мечи, и многіе изъ вельможъ потеряли жизнь. Бояре Муромскіе принуждены были просить князя Давида и княгиню Ефросинію возвратиться въ Муромъ.

Въ 1207 году В. К. Всеволодъ за услуги, имъ оказанныя, далъ ему Рязанскій городъ Пронскъ. Давидъ уступилъ его Рязанскимъ князьямъ при первомъ ихъ вызовѣ. Супруги вели жизнь праведную. Одинъ женатый возмущался нечистыми мыслями, смотря на прекрасную княгиню. Почерпни воды изъ рѣки съ этой стороны судна, сказала княгиня, (это было во время плаванія по р. Окѣ), тотъ почерпнулъ; испытай, какова? Тотъ исполнилъ приказаніе. — Почерпни воды съ другой стороны судна, и испытай также, сказала княгиня. И когда тотъ выполнилъ волю ея, она спросила: находишь ли разность между тою и другою водою? Никакой, отвѣчалъ тотъ. Святая сказала тогда: «точно такъ одинаково естество

---

* Меньшой сынъ Андреевъ, по имени Глѣбъ, княжилъ въ Новѣгородѣ, былъ выгнанъ оттуда, и явился въ Грузіи мужемъ знаменитой Тамары, см. выше, с. 356.

** См. объ его дѣйствіяхъ выше, с. 319.

женское; напрасно ты, оставляя свою жену, думаешь о чужой.» Когда князь и княгиня достигли старости, то въ одно время облеклись въ иноческое одѣяніе, одинъ съ именемъ Петра, другая, съ именемъ Февроніи. По насхальной недѣлѣ 1228 г. умеръ сынъ кн. Давида, потомъ на той же недѣлѣ преставился самъ князь-инокъ, а въ одинъ день съ нимъ почила и блаженная Февронія. Князь и княгиня, согласно съ завѣщаніемъ, положены были въ одномъ гробѣ.

Въ началѣ 16 вѣка «по всѣмъ странамъ прошла вѣсть, что въ городѣ Муромѣ явились славные чудотворцы, дарующіе исцѣленіе приходящимъ къ нимъ.» — Соборомъ 1547 года положено мѣстно праздновать память кн. Петра и Февроніи; тогда же написана и служба имъ. — Въ послѣдствіи празднованіе стало повсемѣстнымъ, вѣроятно вскорѣ послѣ того, какъ царь Іоаннъ Васильевичъ, на походѣ противъ Казани, въ 1552 году благоговѣйно «поклонился въ Муромѣ сродникамъ своимъ, великимъ чудотворцамъ кн. Петру и кн. Февроніи.»

Ѳеодоръ, сынъ В. К. Ярослава Всеволодовича, родился въ 1219 г., участвовалъ въ разныхъ походахъ его по достиженіи зрѣлаго возраста. Отецъ избралъ ему невѣсту. Приготовленія всѣ были сдѣланы для свадьбы, какъ онъ внезапно скончался Іюня 5, 1233 г. Тѣло юнаго князя положено было въ Юрьевѣ монастырѣ.

Въ 1614 году во время нашествія Шведовъ, ругавшихся надъ всѣмъ святымъ, гробъ свят. князя былъ вынутъ, и открытъ наглыми солдатами Шведскими. По извѣстію 1634 года, «Нѣмцы въ церкви великомученика Георгія, въ монастырѣ, ищущи поклажи, обрѣли человѣка цѣла и ненарушена въ княжескомъ одѣяніи, и вынявъ изъ гробницы, яко жива, поставили у церковной стѣны. Митрополитъ Исидоръ, услышавъ о томъ, выпросилъ у Делагардія дозволеніе перенесть гробъ въ Новгородскій Софійскій соборъ; въ это время не только оказались нетлѣнными мощи дѣвственнаго князя, но онѣ источили исцѣленія.» Св. мощи съ того времени покоятся открыто при входѣ въ придѣлѣ св. Предтечи.

О В. К. *Георгіѣ* Всеволодовичѣ, погибшемъ въ сраженіи при Ситѣ, и племянникѣ его *Василькѣ* Ростиславичѣ Ростовскомъ, нехотѣвшемъ покориться Татарскимъ обычаямъ, (1237) см. ниже.

ГРАМОТНОСТЬ И ОБРАЗОВАНІЕ.

Христіанская вѣра сдѣлалась вмѣстѣ и источникомъ нашего образованія, источникомъ единственнымъ, въ противоположность съ Западными народами, которые, кромѣ христіанской вѣры, получили въ наслѣдство себѣ, еще прежде ея введенія, Греческое и римское образованіе, сильное и многостороннее. Они пропитались этимъ образованіемъ, и оно дало ихъ новымъ вѣрованіямъ свой особый характеръ, что и было причиною отличій первоначальнаго Римскаго католичества отъ Греческаго, и еще болѣе отъ Русскаго православія.

Второе отличіе въ образованіи Русскаго народа отъ Западныхъ народовъ состоитъ въ томъ, что мы получили съ самаго начала Священное писаніе и все богослуженіе на родномъ понятномъ языкѣ.

Священное писаніе и богослуженіе на родномъ, понятномъ языкѣ—вотъ что было краеугольнымъ камнемъ нашего образованія. Еще современникъ св. Ѳеодосія, мнихъ Іаковъ, глубокомысленно замѣтилъ: «пріяша святое крещеніе, *готово имуще святое писаніе,* и книги переведены съ Греческаго языка на Русскій.»

Вотъ великое благодѣяніе, которое Богу угодно было ниспослать Россіи при самомъ началѣ ея исторіи, и которое сторицею вознаграждаетъ другія наши невыгоды, неудобства или недостатки.

Безсмертные Славянскіе первоучители, Кириллъ и Меѳодій, и ихъ преемники, обогатили Славянскій языкъ сокровищами Слова Божія. Всѣ книги Ветхаго и Новаго Завѣта *исполнь* были переведены ими.

Константинъ, въ монашествѣ *Кириллъ* (827—869), вмѣстѣ съ братомъ своимъ Меѳодіемъ, перевелъ сначала избранныя мѣста изъ *Евангелія* (или такъ называемое Евангеліе *апракосъ*, расположенное по церковнымъ праздникамъ, начиная съ Пасхи), и *Апостола*; потомъ всѣ книги необходимыя для церковнаго богослуженія: *Псалтирь, Служебникъ, Требникъ, Часословъ, Октоихъ,* или *осмогласникъ, Минею общую,* содержащую въ себѣ возслѣдованія праздникамъ Богородицы, Предтечи, и общія цѣлымъ чинамъ святыхъ, *Паремейникъ* или собраніе чтеній изъ Ветхаго и Новаго Завѣта, и наконецъ *Уставъ* или общій чинъ православнаго богослуженія *.

---

* Изъ дошедшихъ до насъ списковъ, кромѣ множайшихъ отрывковъ, древнѣйшіе суть слѣдующіе: 1096 и 1097. Списки мѣсячной минеи: Октябрь (127 л.). Господи, помози рабу своему Григори.

Ноябрь (174 л.) Господи, помози рабу своему Михаилу.

Хранятся въ типогр. библіотекѣ въ Москвѣ.

Кириллу же приписываютъ: дошедшее до насъ *Написаніе о правѣ вѣрѣ*, въ которомъ онъ, согласно съ православною церковію, исповѣдуетъ ученіе о Пресвятой Троицѣ, также догматы о воплощеніи Сына Божія и иконопочитаніи;* Слово о злыхъ дусѣхъ, съ именемъ Св. Кирилла, обращено къ Славянамъ язычникамъ, и нападаетъ на ихъ суевѣрія; ** Сказаніе объ обрѣтеніи мощей св. Климента, составленное очевидцемъ, *** и молитву о покаяніи, исходѣ души и за всѣхъ христіанъ.****

До 1100. Мѣсячная минея за май. Путята псалъ Въ Новг. соборѣ. (134 л.)

Тріодь постная, судя по почерку и правописанію XI вѣка (130 л.) въ Софійскомъ соборѣ. Многіе стихи съ крюковыми нотами.

До 1147 г. Служебникъ, приписываемый св. Антонію Римлянину.

1157. Стихирарь мѣсячный. Въ Синод. библіотекѣ. (190 л.)

До 1163. Стихирарь праздничный, (113 л.) въ Соф. библіотекѣ.

Послѣ 1192. Служебникъ (литургіи Іоанна Златоустаго, Василія Великаго и преждеосвященныхъ даровъ (29 л.) въ Синод. библіотекѣ.

Кондакарь нотный, принадл. Нижегородскому Благовѣщенскому монастырю, съ нотными знаками азбучными и крюковыми.

До 1200. Церковный уставъ съ кондакаремъ (136 л.) Михалъ псалъ Микулѣ (подпись глаголическими буквами).

Множество кондакарей, стихирарей, тріодей служебныхъ миней, каноникъ (въ библ. Синодальной, Софійской, Петербургской Публичной, Типографской)

До 1226 г. Тріодь Савина. Азъ попинъ грѣшный Саве, а мирьскы Грьцикъ, написахъ книгы сіи святыма Царьми Костянтинъ и Олены (въ Новѣгородѣ).

* Сохранилось въ Болгарской рукописи 1348 г. въ Синод. библіотекѣ.

** Найдено кн. Оболенскимъ, и напечатано въ Москвитянинѣ 1844. № 1.

*** См. Кирилло-Меѳодіевскій сборникъ, с. 319.

**** Пр. Филарета обзоръ духовной литтературы, с. 6. Вся молитва написана на 31 страницѣ.

«Осмь частей граматикія переложи» съ Еврейскаго на Греческій языкъ, свидѣтельствуетъ біографъ его свят. Климентъ. Этотъ переводъ нынѣ неизвѣстенъ, какъ и сочиненіе его: Споръ съ раввинами, переведенный св. Меѳодіемъ на Славянскій языкъ.

Св. Меѳодій (†885) участвовалъ съ младшимъ братомъ своимъ въ переводѣ чтеній изъ Евангелія съ Апостоломъ, Псалтири и книгъ богослужебныхъ, а по смерти брата перевелъ шестьдесятъ уставныхъ или каноническихъ книгъ Св. писанія, кромѣ Маккавеевъ. До насъ, къ сожалѣнію, не дошло вполнѣ великое дѣло Меѳодіево. *

Біографъ Меѳодія ему же приписываетъ переводъ *Номоканона*, древнѣйшаго собранія церковныхъ законовъ, и отеческихъ

* Древнѣйшіе списки Евангелія, до насъ дошедшіе, суть слѣдующіе: Евангеліе апракосъ, писанное для Новогородскаго посадника Остромира, 1056 года. діакономъ Григоріемъ (Въ Пет. библіотекѣ).

Мстиславово Евангеліе, до 1117 г. писанное Алексою, сыномъ Лазаря пресвитера, для Новогородскаго князя Мстислава Володимеровича, въ церковь Благовѣщенія, имъ основанную, хранится Въ Архангельскомъ Московскомъ соборѣ.

Юрьевское евангеліе, послѣ 1119 г. написанное для Новогородскаго Юрьева монастыря, (Ѳеодоръ. Угриньць псалъ). Въ библіотекѣ Воскресенскаго монастыря.

Четвероевангеліе 1144 года, въ Синод. библіот.

1164. Евангеліе Семіоново, или Добрилово, писанное дьякомъ св. Апостолъ Костантиномъ, а мирьскы Добрило.. Семіону попови Св. Іоанна Предтечи.

Милятино евангеліе 1215 г.: въ Господнее лѣто написахъ евангеліе и апостолъ... Дѣмъка попъ... повелѣніемъ Милятинимъ Лукиницымъ (въ Новѣгородѣ). Хранится въ Пет. библіотекѣ.

Изъ Ветхаго Завѣта списокъ Псалтири сохранился изъ XI вѣка. Пророчества были извѣстны въ 1047 году. Пятокнижіе списывалось въ 1136 году. Книги Навина, Судей, Руѳи, есть въ спискѣ, около 1200 года.

книгъ, содержащихъ въ себѣ житія святыхъ Вселенской церкви. *

Первоначальный переводъ Библіи былъ сдѣланъ съ списковъ церкви Константинопольской, которые, какъ извѣстно, отличались отъ текста библейскихъ списковъ, распространенныхъ въ церкви западной и въ Александріи.**

Разнообразныя чтенія въ дошедшихъ до насъ спискахъ служатъ доказательствомъ, что переводы священныхъ книгъ у насъ издревле разсматривались, изучались и исправлялись по подлинникамъ. Слѣдовательно были у насъ уже люди, способные къ такому дѣлу.***

Преемники Св. Кирилла и Меѳодія.

Св. Климентъ, ученикъ Кирилла и Меѳодія, епископъ Величскій, въ землѣ *Дряговичей* и Сакулатовъ, родомъ Болгаринъ, скончавшійся въ 916 году, по словамъ біографа ученика его, писалъ «языкомъ простымъ и яснымъ» поученія; похвальныя слова Богоматери «на всѣ Ея торжественныя дни» и похвалы Крестителю; житія святыхъ, и перевелъ Цвѣтную Тріодь. До нынѣ отысканы у насъ по рукописямъ слѣдующія сочиненія Св. Климента епископа: поученія на воскресный день, на день апостола или мученика, на день святаго, на Преображеніе Господне, похвальныя слова: на Успеніе Богоматери, Іоанну Крестителю, на день Св. Захаріи, отца Крестителева, Свят. Лазарю, великому Дмитрію, Архистратигамъ, Св. Клименту папѣ Римскому, Св. Кириллу Славянскому, «славнымъ учителямъ Славянъ, переложившимъ Новый и Ветхій законъ на Славянскій языкъ, блаженному Кириллу и Меѳодію»: два житія—одно Св. Кирилла, перваго учителя Славянскаго, другое Св. Меѳодія, архіепископа Моравскаго.

Симеонъ, первый царь Болгарскій, «книголюбецъ» знаменитый покровитель просвѣщенія (†927 г.), составилъ выборъ изъ словъ Златоустаго на Славянскомъ языкѣ, назвавъ его Златоструемъ; въ его выборѣ 136 словъ Златоустаго.

Іоаннъ, Экзархъ Болгарскій, или иначе, «строитель церковный Болгарскія земли» при князѣ Симеонѣ. Онъ составилъ Шестодневъ изъ сочиненій Василія Великаго, Северіана Гевальскаго и Іоанна Златоустаго, съ прибавленіемъ своихъ размышленій о созданіи міра. Перевелъ Богословіе Дамаскина, или книгу Небеса, Діалектику его, Грамматику. Послѣднюю переводилъ онъ такъ, что не только объяснялъ правила Славянскими примѣрами, но и самыя правила иногда измѣнялъ по духу Славянскаго языка. Онъ же, безъ сомнѣнія, перевелъ мелкія статьи Дамаскина. Извѣстны четыре слова Іоанна Экзарха.

Константинъ, епископъ Болгарскій, одинъ изъ учениковъ Свят. Меѳодія и сотрудникъ Экзарха. Онъ составилъ недѣльныя поученія; выбравъ ихъ изъ Златоуста (37 словъ) и Исидора Пелус. (5 словъ), съ прибавленіемъ своихъ вступленій и заключеній, при чемъ помѣстилъ одно свое слово.

* Зиновій монахъ, ученикъ Максима Грека, въ 52 словѣ своемъ на ересь Ѳеодосія Косаго пишетъ: видѣхъ въ правилѣхъ древняго перевода книги; преписаныя же быша при Ярославѣ князѣ, Владимировѣ сынѣ, и при Епископѣ Іоакимѣ, въ началѣ крещенія нашей земли

** См. въ Православномъ обозрѣніи 1869 г. статью Г. Сольскаго.

*** Эти разнорѣчія служатъ живымъ упрекомъ послѣдующимъ такъ называемымъ старо, или, лучше, нововѣрамъ, которые возмутились исправленіями Патріарха Никона

Преложилъ четыре слова Свят. Аѳанасія противъ Аріянъ, ученикъ сый Меѳодіевъ, архіепископа Моравскаго, по свидѣтельству черноризца Тудора, написавшаго книги Аѳанасія въ 907 году.

Тому же переводчику Аѳанасьевыхъ трудовъ должно приписать переводъ Аѳанасіевой жизни, Свят. Антонія, и Свят. Панкратія. «Не собою дерзнухомъ на дѣло сіе, толь велико суще, но принуждени отъ строителя церковнаго Іоанна Болгарскія земли.»

Наконецъ едва ли не тому же трудолюбивому пастырю и ревнителю къ званію народнаго наставника принадлежитъ и переводъ оглашеній Св. Кирилла.

Григорій, «пресвитеръ и мнихъ, всѣхъ церковникъ Болгарскихъ церквей,» т. е. старшій іеромонахъ и судья, «повелѣніемъ книголюбца князя Семіона, истинѣе же рещи боголюбца,» перевелъ хронику Іоанна Малалы. Хронику Малалы Григорій дополнялъ событіями церковно-библейской исторіи; помѣстилъ въ ней исторію Александра Македонскаго, вставку изъ Флавія и проч.

Черноризецъ *Храбръ* извѣстенъ изслѣдованіемъ, «о писменехъ» или о Славянской азбукѣ, изображенной Кирилломъ и Меѳодіемъ. Онъ пишетъ: «Святый Константинъ Философъ, нарицаемый Кириллъ, тѣ письмена сътвори и книги преложи, и Меѳодій братъ его. *Суть бо еще живи, иже суть видѣли ихъ.*» Слѣдовательно Храбръ былъ ихъ современникомъ.

Козма, пресвитеръ Болгарскій, написалъ книгу на *новоявившуюся ересь Богомиловъ*.

Нѣкоторые митрополиты, пріѣзжавшіе изъ Греціи, были люди ученые и любознательные, которые привозили съ собою книги, имѣли, по необходимости, переводчиковъ, и старались о распространеніи образованія между своей паствой, напримѣръ Георгій, Іоаннъ II, Никифоръ и пр.

Вѣроятно были между ними Болгары (напр. Іоаннъ II,*) которые были еще полезнѣе въ этомъ отношеніи для Руси, знакомые съ твореніями Греческихъ отцевъ, безпрерывно переводившихся въ Болгаріи.

Такимъ образомъ всѣ труды Славянскихъ первоучителей и ихъ преемниковъ дошли къ намъ очень рано, распространялись въ народѣ и были продолжаемы.

Связь съ Греціей и Болгаріей поддерживалась путешествіями ко святымъ мѣстамъ и на Аѳонъ, котораго слава тогда начиналась, со времени основанія великой Лавры преподобнымъ Аѳанасіемъ (961). Эти путешествія начались уже рано: новые христіане, умиленные ученіемъ Спасителя, горѣли желаніемъ видѣть мѣста, гдѣ Онъ родился, училъ, творилъ чудеса, пострадалъ и принялъ крестную смерть, искупая грѣхи человѣческіе. Не смотря ни на какія препятствія и затрудненія, они стремились туда во множествѣ, получали тамъ благія впечатлѣнія, знакомились съ жизнію

---

* Этого митрополита Іоанна считаютъ Грекомъ. Но какимъ образомъ о Грекѣ могъ бы Несторъ такъ отозваться: 1089 «Бысть Іоаннъ мужъ хитръ книгами и ученью, милостивъ,... рѣчистъ же, книгами святыми утѣшая печальныя...» Могъ ли Грекъ прославиться своимъ краснорѣчіемъ между Русскими, незная Русскаго языка? Прибавимъ, что правило м. Іоанна мы имѣемъ только на Русскомъ языкѣ. Болгаринъ могъ знать Греческій и Русскій языки въ одинаковой степени.

другихъ народовъ, преимущественно съ Славянами, умножали свои свѣдѣнія, и приносили ихъ въ отечество.

Первое извѣстіе мы имѣемъ о преподобномъ *Антоніѣ*, которому Аѳонъ подалъ мысль объ учрежденіи монашества на Руси.

Въ житіи Св. Ѳеодосія упоминаются *странники*, возвращавшіеся изъ Палестины, которые разсказами своими о чудесахъ, тамъ видѣнныхъ, возбудили въ немъ святый огонь.

Св. *Ефрему* поручалъ Печерскій игуменъ Св. Ѳеодосій достать въ Константинополѣ Студійскій уставъ для своей обители.

Св. *Варлаамъ* (около 1060 года) ходилъ въ Іерусалимъ, и потомъ въ другой разъ въ Константинополь, гдѣ искупилъ нужныя для своего монастыря вещи.

Игуменъ *Даніилъ* обошелъ (ок. 1115 г.) всѣ святыя мѣста, и оставилъ ихъ описаніе, которое, разумѣется, содѣйствовало въ свое время къ возбужденію желанія у читателей послѣдовать его примѣру. Онъ встрѣтилъ тамъ уже многихъ своихъ соотечественниковъ: «мнѣ же худому Богъ послухъ есть, Св. Гробъ Господень и вся дружина, Рустіи сынове, приключивыйся въ тотъ день Новогородстіи, Кіане: Изяславъ Ивановичь, Городиславъ Михайловичь, Кашкича два, и иніи мнозіи.»

Назовемъ *Янку*, дочь В. К. Всеволода, которая ходила въ Константинополь въ 1093 г., и привела оттуда митрополита Іоанна III.

Евфросинію, княжну Полоцкую. Она ходила ко Святымъ мѣстамъ около 1173 г.

Изъ вопросовъ Кирика видно, что число богомольцевъ Іерусалимскихъ въ его время, (около 1136 года) умножилось до такой степени, что нужно было духовному начальству ихъ останавливать.

Нѣкоторые Русскіе оставались на Аѳонѣ, гдѣ былъ предоставленъ имъ особый монастырь Св. Пантелеймона, существовавшій несомнѣнно по крайней мѣрѣ съ XII столѣтія, а преданіе относитъ его даже ко времени Св. Владимира.*

Первые русскіе христіане, устремившіеся читать Священное писаніе, не довольны были однимъ его текстомъ, но искали толкованія, и на первыхъ порахъ уже имѣли важнѣйшія сочиненія этого рода, которыя дошли до насъ въ значительномъ количествѣ списковъ, что доказываетъ ихъ значительное распространеніе въ народѣ.

О толкованіяхъ пророчествъ мы имѣемъ подлинное свидѣтельство, что онѣ были уже въ Новѣгородѣ въ первой половинѣ XI столѣтія (1046), изъ слѣдующей приписки, повторенной во всѣхъ новѣйшихъ спискахъ: «Слава тебѣ Господи, Царю небесный, яко сподоби мя написати книги си, ис Куриловицѣ, князю Володимеру, Новѣгородѣ княжащю, сынови Ярославлю болшему. Почахъ ѣ писати въ лѣто 6555, мѣсяця мая въ 14, а кончахъ того же лѣта, мѣсяца Декабря въ 19, азъ попъ Упиръ Лихый. Тѣмъ же молю всѣхъ прочитати пророчество се: велика бо чюдеса написаша намъ сіи пророци в сихъ книгахъ. Здоровъ же, княже, буди, въ вѣкъ живи.»

* Стефанъ Новогородецъ (ок. 1350) нашелъ въ Студійскомъ монастырѣ Новогородцевъ Ивана и Добрилу, которые жили тамъ «списаючи отъ книгъ Святаго писанія, зане убо искусни были зѣло книжному списанію.» Вѣроятно и прежде были тамъ такіе списатели.

Толковые *псалтири* принадлежатъ также къ глубокой древности: извѣстенъ отрывокъ XI вѣка; (сохранилось 16 листовъ: 14 въ публ. библіотекѣ, а 2 въ академіи наукъ).

Бесѣды (13) Св. *Григорія, папы Римскаго*, (377 л.), остались въ спискѣ XI в., въ Петерб. публ. библіотекѣ.

Изъ XII вѣка есть полный списокъ съ толкованіями Св. Аѳанасія Александрійскаго, и такой же съ толкованіями Ѳеодорита. (270 л.). Тамъ же.

Шестодневъ Іоанна, Экзарха Болгарскаго, заключающій толкованіе важнѣйшей части пятикнижія Моисеева, повѣствованія о сотвореніи міра, имѣемъ въ спискѣ XII вѣка.

Толкованія на всѣ четыре Евангелія Ѳеофилакта, архіепископа Болгарскаго, сдѣлались извѣстными вскорѣ по ихъ сочиненіи въ XII вѣкѣ.

Изъ первой четверти XIII вѣка (1220 г.) дошелъ до насъ толковый Апостолъ (240 л. въ Синодал. библіотекѣ).

Были извѣстны даже и нѣкоторыя книги апокрифическія, напримѣръ: хожденіе Богородицы по мукамъ.

Кромѣ этихъ толкованій были у насъ въ обращеніи сочиненія отцевъ церкви: —*Василія Великаго*, (правила, слова), *Григорія Богослова, Іоанна Лъствичника, Кирилла Александрійскаго, Анастасія Синаита, Меѳодія Тирск., Ефрема Сирина, Кирилла Іерусалимскаго.* Особенно предки наши любили *Златоустаго.*

Преподобный Ѳеодосій, если самъ не поучалъ братію въ церкви, то поручалъ великому Никону или Стефану доместику. «Отъ книгъ почитающе, поученіе творити братіи.» Въ числѣ сихъ книгъ были, безъ сомнѣнія, огласительныя поученія монахамъ преп. *Ѳеодора Студита*, котораго уставъ былъ правиломъ въ Печерской обители.

Черноризецъ Іаковъ упоминаетъ о книгахъ Св. *Іоанна Дамаскина*, рекомыхъ Увѣріе, т. е. о православной вѣрѣ, переведенныхъ въ X вѣкѣ Іоанномъ Экзархомъ (сохранились въ спискѣ XII вѣка).

Напомнимъ о сборникахъ В. К. Святослава Ярославича: первый—1073 года (написа дьякъ Іоаннъ). Сборникъ составленъ Грекомъ, и потомъ переведенъ на Славянскій языкъ для Болгарскаго князя Симеона. Въ немъ заключаются разныя разсужденія богословскаго, нравоучительнаго, философскаго, и частію церковно - историческаго содержанія, извлеченныя изъ твореній Василія Великаго, Іоанна Златоустаго, Григорія Богослова и другихъ. Большую часть книги занимаютъ Анастасіевы отвѣты съ приложеніями (въ Синод. библіотекѣ).

Второй Сборникъ 1076 года (кончашася книгы сія рукою грѣшьнаго Иоанна, избьрано изъ мъногъ книгъ княжьихъ). По содержанію сходенъ отчасти съ Сборникомъ 1073 г., но богатъ болѣе статьями нравоучительнаго содержанія, (хранится въ Петерб. библіотекѣ).

1095. Діоптра Филиппа пустынника, написанная по Гречески для Смоленскаго инока Каллиника, и тогда же переведенная на Славянскій языкъ (сохран. въ спискѣ 1306 года, въ Чудовѣ монастырѣ).

Изъ XII столѣтія дошли до насъ еще слѣдующія сочиненія:

До 1100 года: Пандекты Антіоха.

До 1142 г. Слово о Халкидонскомъ соборѣ и епистолія ко Льву, папѣ Римскому, о божественности Іисуса Христа.

До 1199. Пчела, сборникъ извлеченій изъ Священнаго писанія, отцевъ церкви и древнихъ Греческихъ писателей.

До 1200. Сборникъ воскресныхъ поученій, извлеченныхъ Константиномъ, пресвитеромъ Болгарскимъ, изъ твореній Св. Іоанна Златоустаго, (264 л. въ Синод. библіотекѣ).

Златоструй, собраніе учительныхъ словъ изъ твореній Св. Іоанна Златоустаго, (въ Петерб. публ. библіотекѣ, л. 128).

Сборникъ поученій изъ произведеній Іоанна Златоустаго, Василія Великаго, Ефрема Сирина, Исидора Пилусіота, Антіоха, (въ Троицкой Лаврѣ).

1219. Житіе Нифонта, (175 л. въ Синод. библіотекѣ).

До 1240 г. Книгы Бытийскыя, рекомыя Палѣя. Обозрѣніе событій отъ сотворенія міра до Христіанства и до погибели Жидовьства.

Были извѣстны житія святыхъ, переведенныя, вѣроятно, съ Греческаго языка.

Всѣ эти сочиненія были въ общемъ употребленіи, и у писателей того времени мы находимъ ссылки безпрерывныя.

Св. Иларіонъ говорилъ: мы пишемъ не для незнающихъ, а для насыщающихся съ избыткомъ книжною мудростію. Въ его словѣ приводятся мѣста изъ Ветхаго Завѣта: изъ книгъ бытія, судей, псалмовъ, пророковъ, Іисуса, сына Сирахова.

Св. Никита зналъ всѣ книги Ветхаго Завѣта наизусть: «бытіе, исходъ, левити, числа, судіи, царства, и всѣ пророчества по чину и вся книги жидовскія.»

Іаковъ мнихъ упоминаетъ о житіи Чешскаго князя Вячеслава, которое читалъ Св. Борисъ предъ кончиною, о страданіяхъ Св. Никиты, мученицы Варвары.

Преп. Несторъ ссылается въ житіи Св. Бориса и Глѣба на житія св. Плакиды и Романа Сладкопѣвца, въ житіи св. Θеодосія на Патерикъ скитскій, и дѣлаетъ намеки на житія великихъ подвижниковъ древней церкви: Антонія, Θеодосія, Саввы, Евфимія; въ лѣтописи приводитъ мѣста изъ многихъ книгъ Священнаго писанія, изъ слова Меθодія Патарскаго.

Володимеру Мономаху извѣстны были сочиненія Василія Великаго.

Кирикъ доместикъ ссылается на правила Тимоθея Александрійскаго, Василія Великаго и Іоанна Постника.

Св. Симонъ ссылается на Лѣствицу Іоанна Лѣствичника, на творенія Ефрема Сирина.

Даніилъ Заточеникъ говоритъ: «азъ, бо, княже господине, ни за море ходилъ, ни отъ философъ поучался, но былъ яко падая пчела по различнымъ цвѣтамъ, и совокупляя, яко медвѣнный сотъ, такъ и азъ по многимъ книгамъ собирая сладость словесную.»

О *Кириллѣ, епископѣ Ростовскомъ,* въ Суздальской лѣтописи сказано, по поводу его посвященія (1231):

«Всѣ приходящая удивлеся, князи же и вельможѣ, всякъ возрастъ града Ростова, нетокмо же простьця, но и попы и игумены и весь черноризьскый чинъ, и вся приходящая изъ окрестныхъ градъ въ святую соборную церковь, ово *послушающе ученья его, еже отъ святыхъ книгъ,* ово же хотяще видѣти украшенья святыя церкви.»

Авраамій Смоленскій любилъ читать отеческія писанія, и въ особенности Златоустаго и Ефрема Сирина.

Книжное ученіе ставилось высоко, и почиталось однимъ изъ главныхъ средствъ для спасенія души. Наши отцы учили, согласно съ словомъ великаго первоучителя Славянскаго, св. Кирилла, который сказалъ въ предисловіи къ переводу св. Евангелія, по одному Сербскому списку:

«Проглаcъ св. Евангелія, какъ прорекли о немъ пророки: Христосъ грядетъ собрать языки свѣтъ бо есть всему міру. Они сказали: слѣпые прозрятъ, глухіе услышатъ слово *буковное*, и Бога познаютъ, какъ должно. И такъ услышьте Славяне всѣ: даръ сей данъ отъ Бога... Внушите нынѣ отъ своего ума, слышите Славянскій народъ весь, слышите: слово отъ Бога пришло, слово, которое питаетъ души человѣческія, слово, которое крѣпитъ сердца и умы, слово, уготовляющее къ богопознанію. Безъ свѣта не будетъ радости оку видѣть твореніе Божіе: такъ и всякой душѣ безсловесной, не видящей Божія закона... Душа *безбуковная* мертва является въ человѣкахъ.»

Св. *Θеодосій* завѣщавалъ братіи читать книги, и поручалъ это чтеніе своимъ приближеннымъ.

Приведемъ драгоцѣнныя слова *Нестора* лѣтописателя о пользѣ ученія книжнаго:

Велика бываетъ польза отъ ученія книжнаго; книгами бо кажеми и учими есмы пути покаянью, мудрость бо обрѣтаемъ и воздержанье отъ словесъ книжныхъ; се бо суть рѣки, напаяющи вселенную, се суть исходяща мудрости; книгамъ бо есть неисчетная глубина; сими бо въ печали утѣшаеми есмы, си суть узда воздержанью..... Аще бо поищеши въ книгахъ мудрости прилежно, то обрящеши великую пользу души своей; иже бо книги часто четь., то бесѣдуетъ съ Богомъ, или святыми мужи; почитая пророческыя бесѣды, и Евангельская ученья, житія святыхъ отецъ, воспріемлетъ душа великую пользу.

Въ Пчелѣ (1199), одномъ изъ древнихъ нашихъ сборниковъ, сказано о книгахъ:

«Умъ безъ книгъ, аки птица опѣшена. Якожъ она възлетати не можетъ, такоже и умъ недомыслится съвершена разума безъ книгъ. Свѣтъ дневной есть слово книжное, его жъ лишився безумный, акы во тьмѣ ходить и погибнеть во вѣки.»

Св. *Кириллъ Туровскій:* того ради молю вы—потщитеся *прилежно почитати* святыя книги, да ся Божіихъ насытивши словесъ, и будущаго вѣка неизрѣченныхъ благъ значеніе стяжете....

«Аще бо міра сего властели иже въ житейскихъ вещахъ труждаются, прилежно требуютъ *книжнаго почитанія:* кольми паче намъ подобаетъ учитися въ нихъ, и всѣмъ сердцемъ взыскати свѣдѣнія словесъ Божіихъ о спасеніи душъ нашихъ писанныхъ.»

«Книги Священнаго писанія сдѣлались,» по вѣрному замѣчанію,* «силою умственно и нравственно возсозидающею и возрождающею древле-Русскій народъ.» Въ нихъ искали своего утѣшенія и укрѣпленія своей вѣрѣ люди, принимавшіе христіанскую вѣру; по нимъ воспитывались люди, просвѣщенные крещеніемъ и преданные вѣрѣ; съ нихъ должны были начинать свое образованіе люди, желавшіе учиться грамотѣ. Самое высшее образованіе состояло въ изученіи книгъ Священнаго писанія, книгъ церковно-богослужебныхъ и нравоучительныхъ. Вслѣдствіе чего, въ устахъ современниковъ, заслуживалъ особенную похвалу тотъ, кто изучалъ книги Св. писанія, и зналъ ихъ на память. Самое служеніе книжному дѣлу,— списаніе и распространеніе священныхъ книгъ, — считалось дѣломъ богоугоднымъ,

* Православное обозрѣніе, 1869, мѣсяцъ Октябрь. Статья Г. Сольскаго.

святымъ, приличнымъ монашескому служенію, и достойнымъ занятій каждаго человѣка, ревновавшаго о распространеніи и пользѣ просвѣщенія и образованія. Древніе сказатели съ особенной любовію останавливаются на разсказѣ о томъ, какъ князья, иноки и просвѣщенные іерархи, трудились въ списываніи и дѣланіи книгъ. Такое значеніе книги Священнаго писанія имѣли въ дѣлѣ воспитанія и образованія древле Русскаго народа.»

Монастыри, бывъ училищами благочестія и основами духовной жизни, заключали въ себѣ и источники образованія. Печерскій и въ этомъ отношеніи занималъ первое мѣсто.

Мы видѣли, что самъ препод. Ѳеодосій, оставившій нѣсколько поученій* былъ охотникомъ до книгъ: инокъ Иларіонъ, по свидѣтельству Нестора, день и ночь переписывалъ у него книги. Другъ его Никонъ переплеталъ ихъ иногда, между тѣмъ, какъ Ѳеодосій пѣлъ псалмы или прялъ волну. Умирая онъ заповѣдывалъ братіи бодру быти на пѣнье церковное и на преданія отеческія и *почитанья книжная*.

Книги мастеровъ Греческихъ, строившихъ и живописавшихъ церковь, цѣлы были еще въ Симоново время. Точно тоже говорится и о Святошиныхъ книгахъ. Святоша поручилъ какому-то Ѳеодосію, знакомому съ Омировыми и риторскими рѣчами, *перевести* для него знаменитое сочиненіе папы Леонтія о божественности Іисуса Христа, противъ ереси Евтихія.

У преподобнаго Григорія все богатство состояло во множествѣ *книгъ*.

* См. ниже, с. 675 и проч.

Св. Никита зналъ почти наизусть весь Ветхій Завѣтъ.

Св. Даміанъ не спалъ по цѣлымъ ночамъ, прилежно читая *книги*, и опять учащая молитву.

Іаковъ мнихъ, нареченный отъ Св. Ѳеодосія преемникомъ его, прославился своими сочиненіями.*

Несторъ лѣтописатель еще болѣе.**

Послѣ Нестора упомянемъ о грамотѣяхъ Печерскихъ, епископахъ Нифонтѣ и Симонѣ, черноризцѣ Поликарпѣ.

Изъ Печерскаго монастыря разносилось образованіе по областямъ Русскимъ съ епископами, назначаемыми изъ иноковъ, и всякая новая епархія дѣлалась новымъ учебнымъ округомъ, новый монастырь гимназіей, и новая церковь народнымъ училищемъ. Вотъ почему строеніе церквей, учрежденіе монастырей, столь тщательно записанное нашими лѣтописателями, должно занимать мѣсто и въ исторіи.

Въ богослужебныхъ книгахъ, въ томъ, что изъ нихъ пѣлось и читалось въ церкви, начиная съ «Господи помилуй,» было для народа много новаго, любопытнаго, назидательнаго, а языкъ ихъ былъ для него тогда гораздо ближе и понятнѣе, чѣмъ теперь.

Епископы вездѣ должны были заводить училища, чтобъ имѣть достаточное число священнослужителей, невозможныхъ безъ грамоты, —по примѣру Св. Владиміра, который поималъ у нарочитое чади дѣти и даяти нача на ученье книжное, —и Ярослава, который приказывалъ попамъ учити людей, и собралъ отъ пресвитеровъ и старостъ въ Новогородѣ дѣтей триста.

* См. ниже. ** См. ниже.

Въ житіи Ѳеодосіевомъ мы видѣли Курское училище: «датися велѣ на ученіе божественныхъ *книгъ* единому отъ *учителей*... и вскоры извыче вся граматикія, покореніе же и повиновеніе кто исповѣсть.»

Въ *Новѣгородѣ* упоминается подъ г. 1026 Ефремъ, ученикъ епископа Іоакима, который «ны учаше,» говоритъ тамошній лѣтописецъ. «Сей, поучивъ люди лѣтъ 5, святительству же несподобися.»

Въ житіи св. Авраамія *Смоленскаго* говорится, что когда онъ пришелъ въ-возрастъ, родители его даста и книгамъ учити, и что онъ «неунываше, яко же прочая дѣти, но скорымъ прилежаніемъ извыче, сему же на игры со инѣми не исхождаше.»

О преподобной Евфросиніи, княжнѣ *Полоцкой*, говоритъ преданіе: случижеся дѣвицѣ сей *ученъ быти* книжному писанію, еще недостигши ей въ совершенъ возрастъ.

Многіе князья покровительствовали ученію, уважали книжную мудрость, и любили бесѣдовать съ духовными лицами о спасеніи души, что въ особенности съ чувствомъ отмѣчается лѣтописателями. Назовемъ Святослава, который высоко чтилъ пр. Ѳеодосія, и для котораго написаны были два сборника 1073 и 1076 года. Хотя послѣсловіе, въ коемъ говорится объ его клѣтяхъ, наполненныхъ книгами, есть переводъ съ послѣсловія, обращеннаго къ Болгарскому царю Симеону, однако оно, видно, могло быть прилагаемо хоть сколько нибудь и къ нему.

Изъ князей назовемъ еще Всеволода, изумѣвшаго пять языковъ, Давида Святославича, Святошу, Мономаха, Андрея Боголюбскаго, который божественному ученію зѣло прилежаше, Ростислава Мстиславича, Константина Всеволодовича, Янку, дочь В. К. Всеволода Ярославича, Евфросинію Полоцкую, Марію, супругу В. К. Всеволода Суздальскаго, Верхуславу, дочь его.

Благодаря всѣмъ симъ благопріятнымъ обстоятельствамъ, духовное и нравственное образованіе стало на высокую степень, и мы имѣемъ изъ этого періода (1054—1240) множество письменныхъ произведеній, принадлежащихъ лицамъ всѣхъ званій и сановъ: князьямъ, митрополитамъ и епископамъ, архимандритамъ и монахамъ, боярамъ и простолюдинамъ,—о предметахъ самыхъ разнообразныхъ, обнимающихъ жизнь почти во всѣхъ ея проявленіяхъ. Мы имѣемъ лѣтописи, сказанія, законы, церковные уставы, грамоты княжескія, монашескія, мирныя, торговые договоры, поучительныя слова, разсужденія, житія, посланія, описанія странствій, вопросы и отвѣты о церковныхъ предметахъ, правила, притчи, молитвы, письма, похвалы, даже автобіографію. Мы должны присоединить къ произведеніямъ духовной и церковной Словесности и свѣтскія произведенія: былины, пѣсни, пословицы, поговорки, слово о полку Игоревѣ, слово Даніила Заточеника.

Это такое обиліе сокровищъ, которому нельзя не удивляться, за которое нельзя довольно благодарить судьбу. Никакая исторія не представляетъ ничего подобнаго. Мы такъ счастливы, что можемъ разсматривать своихъ предковъ въ картинахъ, ими самими написанныхъ, вѣрно, живо и обстоятельно.

Начнемъ съ обозрѣнія духовныхъ сочиненій.

ПОУЧИТЕЛЬНЫЯ СЛОВА.

Поученіе архіепископа (Новогородскаго *Луки* Жидяты 1036—1058) къ братіи.

Слова *Иларіона,* перваго изъ Русскихъ митрополита Кіевскаго.

Слова *Өеодосія,* игумена Печерскаго, послѣ многихъ разнорѣчій, догадокъ, сомнѣній и вопросовъ, поступаютъ наконецъ въ число источниковъ нашей исторіи, какъ памятники языка и образа мыслей.

Слова *Кирилла Туровскаго* епископа, современника Великому князю Андрею Боголюбскому, драгоцѣнныя по своимъ мыслямъ, языку и краснорѣчію.

РАЗСУЖДЕНІЯ.

Иларіона, митрополита Кіевскаго (посвящ. въ 1051 г.), о законѣ, Моисеомъ даннѣемъ ему, и о благодати и истинѣ, Іисусъ Христомъ бывшимъ, къ которому присовокуплена.

Похвала (похвальное слово) кагану нашему Владимиру, отъ него же крещени быхомъ, и молитва къ Богу отъ всеа земля нашея.

Разсужденія Кирилла Туровскаго, подъ заглавіемъ притчей, сказаній и повѣстей, помѣщенныя при его словахъ, напримѣръ: о душѣ и тѣлѣ, о преступленіи Божіихъ заповѣдей, о премудрости и проч.

МОЛИТВЫ.

Митрополита *Иларіона.*

Кирилла Туровскаго.

ВОПРОСЫ И ОТВѢТЫ.

Іоанна, митрополита Русскаго (1080—1089), нареченнаго пророкомъ Христа, написавшаго правило отъ святыхъ книгъ вкратцѣ, Іакову черноризцю.

Вопросы черноризца *Кирика* Новогородскому съ отвѣтами о разныхъ недоумѣніяхъ, встрѣчавшихся при богослуженіи (1136).

Въ вопросахъ и отвѣтахъ заключаются любопытныя извѣстія о многихъ обычаяхъ, остаткахъ язычества и признакахъ суевѣрія, вообще о духѣ времени и личности совопросниковъ.

ЖИТІЯ.

Лѣтописателя *Нестора* житіе Св. князей Бориса и Глѣба.

Его же, житіе игумена Печерскаго Өеодосія.

Важнѣйшія сочиненія, особенно послѣднее, даже въ литературномъ отношеніи, не только въ историческомъ, представляющее черты древней жизни во всѣхъ почти ея проявленіяхъ, съ драгоцѣнными подробностями о Великихъ князьяхъ, Изяславѣ и Святославѣ, о Св. Антоніѣ, и о многихъ ихъ современникахъ, также объ инокахъ Печерскихъ.

Мниха Іакова, житіе В. К. Володимера.

Его же, житіе Св. Бориса и Глѣба, заключаютъ нѣсколько любопытныхъ извѣстій, коихъ нѣтъ у Нестора, и также нѣсколько разнорѣчій.

Многія житія пропали, изъ коихъ особенно жаль житія Антоніева, Печерскаго, о которомъ упоминаютъ часто и Несторъ и Симонъ. Нельзя иначе объяснить себѣ этой удивительной утраты, при такомъ множествѣ рукописныхъ патериковъ, любимаго чтенія въ древности, какъ предположеніемъ; что всѣ они происходятъ изъ одного источника, то есть *одной* рукописи, принесенной съ юга на сѣверъ, и незаключавшей по какой-нибудь случайной причинѣ житія Антоніева. Но какъ не сохранилась она на югѣ? Развѣ вслѣдствіе совершеннаго опустошенія Татарскаго.

Были древнія житія Св. Леонтія Ростовскаго, Ефрема Новоторжскаго, Авраамія Смоленскаго, кн. Константина Муромскаго, Антонія Римлянина, Варлаама Хутынскаго, Евфросиніи Полоцкой, которыя дошли до насъ уже въ новѣйшихъ передѣлкахъ, сокращенныхъ или распространенныхъ.

ПОСЛАНІЯ.

Два посланія Печерскаго игумена *Ѳеодосія* къ В. К. Изяславу: о Латинѣхъ, и объ употребленіи мясной пищи.

Посланіе митрополита *Іоанна* къ Римскому папѣ Клименту III (1080—1100) о опрѣсноцѣхъ, писанное первоначально по Гречески, и переведенное въ тоже время на Славянскій языкъ.

Іакова мниха, къ В. К. Изяславу Ярославичу (1054 — 1073) съ увѣщаніями противъ запоя и блуда.

Два посланія митрополита *Никифора,* къ Великому Князю Володимеру Мономаху: 1) объ отступленіи Латинъ отъ православной церкви, 2) о постѣ и вообще о нравственности, съ похвалою добродѣтелямъ Мономаховымъ.

Посланіе инока *Ѳеодосія* къ (знакомаго съ Омирскими и риторскими книгами), князю Святошѣ, при переведенномъ имъ посланіи папы Леонтія къ Флавіяну, архіепископу Константинопольскому на Евтихія, суемудраго и единомысленниковъ его.

Симона, епископа Владимирскаго (1215—1226) къ Поликарпу, черноризцу Печерскому посланіе, исполненное высокихъ нравственныхъ правилъ и чистыхъ понятій о достоинствѣ епископскаго званія, съ примѣрами изъ жизни Печерскихъ угодниковъ. Оно вошло въ составъ Печерскаго патерика, равно какъ и слѣдующее:

Посланіе *Поликарпа* къ Печерскому архимандриту Акиндину. Здѣсь авторъ описываетъ житія другихъ Печерскихъ угодниковъ, какъ слышалъ ихъ отъ того же преосв. Симона, со включеніемъ многихъ историческихъ подробностей.

Есть еще множество произведеній древней Русской Словесности, кои скрываются безъ имени сочинителей, и даже подъ чужими именами, въ разныхъ нашихъ сборникахъ, напримѣръ слово неизвѣстнаго сочинителя, произнесенное до Татаръ въ день Св. Бориса и Глѣба, и нѣсколько словъ, помѣщенныхъ въ такъ называемой Златой цѣпи, древнемъ сборникѣ. Это—слова, дышущія простотою, искренностію, кротостію, и живо изображающія характеръ древней церкви и духовенства, равно какъ и патріархальность ихъ отношеній между собою.

Укажемъ на описаніе жизни и чудесъ Св. Николая, Мурликійскаго чудотворца, раздѣленное на 40 главъ. Въ главѣ 33-й, авторъ описываетъ одно чудо Св. Николая, совершившееся въ Царьградѣ при патріархѣ Керулларіѣ, (1043 — 1059), когда самъ авторъ находился въ Царьградѣ; въ главѣ 34-й разсказываетъ о другомъ чудѣ того же угодника, бывшемъ при Императорѣ Константинѣ или Мономахѣ (1042—1055), или Дукѣ (1059 — 1067); наконецъ въ 40-й главѣ повѣствуетъ о событіи Кіевскомъ,—о спасеніи Св. Николаемъ младенца, упавшаго въ Днѣпръ,—которое случилось къ концу XI вѣка.

Таково же слово на перенесеніе честныхъ мощей Св. Николая изъ Мұръ Ликійскихъ въ городъ Баръ. Здѣсь сочинитель прямо говоритъ, что это чудесное перенесеніе

послѣдовало «въ нынѣшняя времена, въ *нашу* память, въ *наши* дни — лѣта, въ тысящное лѣто и 95-е отъ воплощенія Самаго Бога, при цари Гречестѣмъ и Самодрьци Констянтина града Алексѣ Комнинѣ и патріарсѣ его Николѣ, а въ лѣто Рускыхъ нашихъ князей, христолюбиваго и Великаго князя нашего Всеволода въ Кіевѣ, и благороднаго сына его Володимера въ Черниговѣ.» Потомъ излагаетъ самую исторію перенесенія мощей Святаго Николая, подробно исчисляетъ совершенныя имъ при перенесеніи чудеса, повѣствуетъ о новой церкви, въ честь его устроенной, куда поставлены были его Св. мощи, и о новомъ въ честь его праздиествѣ. Это русское сочиненіе несомнѣнно относится къ концу XI или къ самому началу XII столѣтія.

Климентъ Смолятичъ, митрополитъ Кіевскій, 1147 — 1155, по отзыву Кіевской лѣтописи былъ «книжникъ и философъ...; по другимъ лѣтописямъ: «зѣло книженъ и учителенъ и философъ велій, и *многа писанія написавъ предаде.*» Ему приписываетъ арх. Филаретъ краснорѣчивое слово въ недѣлю всѣхъ святыхъ.

Мы разсматривали духовное образованіе и произведенія духовной письменности.

Всѣ онѣ безъ исключенія представляютъ такое сердечное участіе, и вмѣстѣ такое глубокое убѣжденіе въ истинахъ христіанской религіи, соединенное съ такимъ искреннимъ чувствомъ человѣколюбія, что подаютъ высокое понятіе о нравственномъ состояніи того народа, который могъ имѣть подобныхъ представителей, и въ такомъ множествѣ.

Перейдемъ теперь къ памятникамъ содержанія мірскаго.

Лѣтописи.

Преподобный *Несторъ* написалъ житіе Св. Бориса и Глѣба, житіе Св. Өеодосія, и лѣтопись.

Вотъ свидѣтельства и доказательства—въ заключеніи Өеодосіева житія онъ самъ себя называетъ такъ: се бо елико же выше о блаженѣмъ и велицѣмъ отци нашемъ Өеодосии, оспытовая, слышахъ отъ древнихъ мене отець, бывшихъ въ то время, тоже вписахъ азъ грѣшьный Несторъ, мьний вьсѣхъ въ манастыри блаженаго и отца всѣхъ Өеодосія....

А въ началѣ: «се бо исперва писавшю ми о *житіи* и убіеніи и о чюдесѣхъ святою и блаженною страстотерпцю, *Бориса и Глѣба*, понудихся и на другое исповѣданіе пріити....»

Лѣтопись приписывается ему, на основаніи словъ Поликарпа, инока Печерскаго, въ посланіи къ архимандриту Акиндину, который въ житіи Агапита ставитъ себѣ примѣръ Нестора: «яко же блаженный *Несторъ въ лѣтописцѣ* написа о преподобнѣхъ отцѣхъ, о Даміанѣ, Іереміи, и Матөеи, и Исаакіи,» — и эти житія, въ этомъ же порядкѣ, находимъ мы въ дошедшей до насъ лѣтописи.

Поликарпъ и въ другомъ мѣстѣ, въ житіи святаго Никиты, называетъ Нестора лѣтописателемъ.

На нѣкоторыхъ спискахъ лѣтописи стоитъ имя Нестора, на другихъ: Черноризца Печерскаго Өеодосіева монастыря.

Въ пещерахъ покоются мощи Нестора не книжнаго, въ противоположность Нестору лѣтописателю.

Къ числу доказательствъ, о тождествѣ сочинителя лѣтописи съ сочинителемъ житія

Θеодосіева, Несторомъ, можно причислить и то, что въ лѣтописи не упоминаются тѣ событія изъ жизни Θеодосіевой, которыя описаны въ житіи, и, наоборотъ, что есть въ лѣтописи, того нѣтъ уже въ житіи, напримѣръ о погребеніи, объ открытіи мощей.

Сомнѣніе можетъ происходить изъ слѣдующаго разнорѣчія въ житіи и лѣтописи: въ житіи Несторъ говоритъ, что онъ былъ принятъ въ монастырь Св. Θеодосія преп. игуменомъ Стефаномъ, «и яко же отъ того остриженъ бывъ, и мнишескыя одежа сподобленъ, пакы же и на діаконьскый санъ отъ него изведенъ сый,» а въ лѣтописи: «Θеодосьеви же, живущю въ монастыри, и правящю добродѣтельное житье и чернечьское правило, и пріимающю всякаго приходящаго къ нему, къ нему же и азъ придетъ худый и недостойный рабъ, и пріятъ мя лѣтъ ми сущю 17 отъ роженья моего.» Можетъ быть это только обмолвка, неточность, очень извинительная, какая встрѣчается часто и у новыхъ авторовъ въ сочиненіяхъ, между которыми прошло много лѣтъ: Несторъ былъ принятъ Θеодосіемъ и постриженъ Стефаномъ, который послѣ сдѣлался игуменомъ. Во всякомъ случаѣ это сомнѣніе, недостаточно еще объясненное, должно уступить количеству и важности вышеприведенныхъ доказательствъ.

Расположенный отъ природы къ авторству, познакомясь, вѣроятно, съ лѣтописями Греческими, въ Болгарскихъ переводахъ, кои привозимы были къ намъ Болгарскими и Греческими монахами, Несторъ, написалъ два житія, и потомъ вознамѣрился написать Русскую лѣтопись. Примѣромъ ему служили Греческія лѣтописи, изъ которыхъ онъ предлагаетъ много выписокъ. Можетъ быть онъ досталъ записки, веденныя на княжескомъ дворѣ о происшествіяхъ, можетъ быть монастырь получилъ ихъ съ порученіемъ княжескимъ объ ихъ обработкѣ. Какъ бы то ни было, Несторъ распространилъ и дополнилъ эти записки свѣдѣніями, отъ того или другаго лица слышанными, (на боярина Яна онъ самъ указываетъ), и самимъ, по врожденной любознательности, собранными изъ преданій, пѣсенъ, пословицъ; наконецъ онъ вставилъ цѣлыя сказанія, кои находились уже тогда въ оборотѣ, напр. о путешествіи св. Андрея Первозваннаго, о принятіи Св. Володимеромъ христіанской вѣры, и проч. Въ житіи Св. Бориса и Глѣба онъ самъ на это намекаетъ: се азъ Несторъ грѣшный о житіи и о погубленіи, и о чюдесѣхъ.... опаснѣ вѣдущихъ исписая, *другая* самъ свѣдя, отъ многихъ мало вписахъ,» и проч.

Лѣтопись Несторова доведена до 1111 г., впрочемъ онъ былъ живъ еще въ 1113 году, ибо этотъ годъ успѣлъ ввести въ свою хронологическую таблицу.

Лѣтопись его отличается правдивостію, безпристрастіемъ, любовію къ отечеству, искреннимъ благочестіемъ,—и во многихъ мѣстахъ естественнымъ краснорѣчіемъ. Это есть наше народное сокровище, безъ котораго мы не знали бы ничего, ни о нашемъ происхожденіи, ни о первыхъ судьбахъ нашего государства. *

Главныхъ списковъ Нестора—было шесть: харатейный Лаврентьевскій или Пушкинскій (1380 г.), до 1305 г., Ипатьевскій (конца XIV или начала XV в.), съ котораго списаны Хлѣбниковскій (XVI в. и

* См. ниже.

Ермолаевскій), Радзивиловскій (XV или начала XVI в.) Троицкій харатейный, (сгорѣлъ при Французахъ), Троицкій до 1319 г. на бумагѣ XV вѣка. Къ нимъ присоединился въ послѣднее время седьмой, также изъ XV вѣка, Погодинскій.

Несторъ нашелъ любознательныхъ подражателей, которые сдѣлались его продолжателями, и мы имѣемъ, благодаря его примѣру, лѣтописи: Кіевскую, Новогородскую-Суздальскую, Волынскую.

Кромѣ этихъ продолжателей, явились особые сочинители, которые описывали тѣ или другія событія. Изъ нихъ самый примѣчательный былъ нѣкто *Василій*, современникъ Несторовъ, человѣкъ значительный, близкій къ князьямъ: случася въ 1096 году во Владимирѣ Волынскомъ, онъ былъ употребленъ тамошнимъ княземъ, Давыдомъ Игоревичемъ, для переговоровъ съ тезёмъ своимъ, княземъ Василькомъ Ростиславичемъ, который находился тамъ въ плѣну, и описалъ подробно всю исторію ихъ отношеній между собою, и свое посредничество. Описаніе его вставлено кѣмъ-то въ Несторову лѣтопись еще въ первое время по ея сочиненіи. Оно представляетъ такія драгоцѣнныя черты, которыхъ не находимъ мы и у Нестора при всѣхъ его достоинствахъ. Василій въ этомъ отношеніи беретъ преимущество предъ всѣми Русскими лѣтописателями, которые обыкновенно опускали характеристическія частности и подробности, живо изображающія время. Еслибъ мы имѣли лѣтописателей, подобныхъ Василію, то Исторія наша приняла бы другой видъ. Василію принадлежатъ безъ сомнѣнія и еще нѣсколько мѣстъ въ лѣтописи, начиная съ кончины Всеволодовой.

Сильвестръ, игуменъ Михайловскаго монастыря въ Кіевѣ, переписалъ въ 1116 г. лѣтопись, со вставкою Василія, (а по одному позднѣйшему свидѣтельству продолжалъ ее), и его списокъ сдѣлался прародителемъ всѣхъ послѣдующихъ, повторяющихъ его приписку.

Продолжателей было вдругъ по два и по три—въ Кіевѣ, Новѣгородѣ, Владимирѣ, отчего позднѣйшіе редакторы и переписчики, (а они только и дошли до насъ), еще легче могли сбиваться и повторять. По этой же причинѣ лѣтописи уходятъ однѣ передъ другими—годомъ и двумя.

Кіевская лѣтопись. Она есть непосредственное продолженіе Несторовой. Предметъ ея по преимуществу Кіевское великое княжество. Продолжатели Нестора писали сплошь, безъ раздѣленія, и именъ своихъ никогда не сказывали. Только по нѣкоторымъ примѣтамъ можно опредѣлить, что до 1200 года въ Кіевѣ ихъ было трое: первый отъ 1111 до 1132 или 1140, второй отъ 1140 до 1170 годовъ, третій до 1200.

Волынская лѣтопись, сколько ея дошло до насъ, имѣла двухъ авторовъ: одинъ жилъ около 1226 г., начавъ описывать съ 1200 годовъ. Другой принадлежитъ уже къ слѣдующему періоду, описывая 1289 годъ, какъ современникъ. Списки ея соединяются съ Кіевскою лѣтописью. Изложеніе имѣетъ особый характеръ и отличается любопытными подробностями.

Въ *Суздалѣ* было, кажется, два лѣтописателя: одинъ описывалъ княженіе Боголюбскаго и видѣлъ его погребеніе, другой жилъ около 1220. Начало Суздальской лѣтописи есть плохое сокращеніе Кіевской.

Она имѣетъ предметомъ въ особенности исторію Суздальскаго великаго княжества, и началась вѣроятно при В. К. Всеволодѣ. (Объ Андреѣ Боголюбскомъ должно быть особое сказаніе).

Новогородская лѣтопись, начинаясь сокращеніемъ Нестора, описываетъ подробно происшествія Новогорода съ 1120 годовъ, заключая въ себѣ признаки древнѣйшихъ записокъ напр. о 1067 годѣ. Первый лѣтописатель, начавъ съ 1120 г. кончилъ около 1164, когда явился другой писавшій до 1200 года. Третьему принадлежитъ слѣдующее время. Лѣтопись велася вѣроятно при соборной церкви Св. Софіи. Она заключаетъ любопытныя черты о внутреннемъ бытѣ, о торговлѣ, цѣнахъ, отношеніяхъ къ Чуди и проч.

Ростовскій лѣтописецъ, о коемъ упоминаетъ епископъ Симонъ, пропалъ.

Такъ называемый *Переяславскій* есть только списокъ съ лѣтописи Несторовой и Суздальской съ мѣстными дополненіями о послѣднемъ времени.

Въ такомъ видѣ наши лѣтописи, съ Несторомъ въ основаніи, переписывались въ продолженіи XII, XIII, XIV вѣковъ. Въ слѣдующіе вѣка явились новые сочинители, которые брали Несторову лѣтопись съ продолженіями, *какъ матеріалъ*, и заимствовали изъ нея начало своихъ сочиненій, переработывая ее по своему, измѣняя болѣе или менѣе, повторяя ея слова, или употребляя собственныя, распространяя ее въ однѣхъ мѣстахъ, и сокращая въ другихъ.

Всѣ эти лѣтописатели были современниками описываемыхъ событій, и писали изъ года въ годъ, иногда даже изо дня въ день, приводя не только мѣсяцы, но и числа, дни, часы, событія, которыя какъ будто записывались немедленно по своемъ совершеніи.

Они были лицами почти служебными, которые въ исполненіе обязанности дѣлали свое дѣло, по повелѣнію князей. «Первіи наши властодержцы безъ гнѣва повелѣвающи вся добрая и недобрая прилучившаяся написовати,» говоритъ одинъ лѣтописатель (подъ 1409 г.). Въ монастыряхъ же производилась можетъ быть окончательная редакція. Описать, напр., 1146—1152 г., состоявшій изъ сотни происшествій нельзя было иначе, какъ не на мѣстѣ, при князѣ.

Лѣтописи наши отличаются *вѣрностію*. Что записывалось, то записывалось, какъ было, кратко, просто, ясно, безъ украшеній, безъ всякихъ постороннихъ цѣлей, безъ разсужденій, развѣ благочестивыхъ, принадлежащихъ уже къ редакторамъ. До самаго XVI вѣка вы не найдете пяти показаній, невѣрныхъ или умышленныхъ, и въ этомъ отношеніи онѣ представляютъ единственное явленіе въ Европейской литтературѣ. Шлецеръ уже отдавалъ преимущество имъ предъ западными, слишкомъ хорошо ему извѣстными, предъ всѣми прочими, а онъ зналъ наши лѣтописи и невполнѣ, и въ худыхъ спискахъ! Что сказалъ бы онъ, увидя всѣ источники, открытые въ послѣднее время?

Онѣ искренны, *безпристрастны*, и совершенно одинаковымъ тономъ разсказываютъ похвальныя дѣйствія своихъ князей, какъ и поносныя, не стараясь никогда не оправдывать никого, ни обвинять: разсмотрите сказанія ихъ объ Изяславѣ, или Всеволодѣ, или Боголюбскомъ—чистая правда, однѣ дѣла!

Съ одинакимъ безпристрастіемъ судятъ они дѣла полезныя для своихъ князей, какъ и вредныя. Давидовичи, напримѣръ (1146 г.), измѣнили своимъ родственникамъ, Игорю и Святославу, Ольговичамъ, въ пользу Кіевскаго Изяслава, и однакожъ Кіевскій лѣтописатель выражается такъ: «лукавый бо пронырливый дьяволъ, не хотяй добра межи братьею, хотяй приложити зло къ злу, и вложи има мысль не взыскати брата Игоря, ни помянути отецьства и о Хрестѣ утверженія, ни божественныя любве, яко же бѣ лѣто жити братьи единомысленно укупѣ, блюдучи отецьства своего; но переступиша крестьное утверженіе, и забыша страха Божія, и посластася къ Изяславу: Игорь како то тобѣ золъ былъ, тако и нама, а держи твердо. А къ Святославу посласта, рекоша; пойди изъ Новагорода Путивлю, а брата ся липи.»

Точно то же должно сказать объ нихъ и въ отношеніи къ иностранцамъ: какъ передаютъ они, напримѣръ, похвалы крестоносцамъ, положившимъ животъ свой для освобожденія гроба Господня!

Они *нелицепріятны*, и учатъ князей наравнѣ съ простолюдинами: «1174 г. Андрей князь толикъ умникъ сы,... и погуби смыслъ свой невоздержаніемъ, располѣвся гнѣвомъ, такова убо слова похвална испусти (объ изгнаніи Ростиславичей изъ Русской земли, и о приведеніи къ нему Мстислава). Яже Богови студна и мерьзка хвала и гордость, си бо вся быша отъ дьявола на ны, иже всѣваетъ въ сердце наше хвалу и гордость.»

Вотъ какъ случается говорить имъ и объ архіереяхъ: 1160. «Чюдо сотвори Богъ и святая Богородица Володимерьская: изгна злаго и пронырливаго и гордаго льстеца, лжаго Владыку Ѳеодорца, изъ Володимеря, отъ Святыя Богородиця церкве Златоверхыя. и ото вся земля Ростовская... Сеже списахомъ, да не наскакають нѣции на святительскій санъ, но его же позоветъ Богъ.»

Благочестивы: всѣ успѣхи, по ихъ мнѣнію, зависятъ отъ помощи Божіей, и принадлежатъ молитвамъ угодниковъ. 1111 г. «Ангелъ вложи Володимеру въ сердце (звать князей на Половцевъ).... падаху Половци... невидимо бьеми ангеломъ.... съ Божьею помощью, молитвами святыя Богородица и святыхъ ангелъ възратишася Русьстіи князи.»

Всѣ несчастія приписываютъ они грѣхамъ людскимъ, дѣйствіямъ злаго духа, и безпрестанно повторяютъ: «сиже вся содѣвшася грѣхъ ради нашихъ.»

Ни одного случая не пропускаютъ они, чтобы не присоединять наставленія на пользу души. «Виждь-те, братіе, коль благъ Богъ и милостивъ,» говорятъ они, описавъ неожиданное избавленіе Мономаха отъ опасности, «на смиреныя и на праведныя призирая и мьщая ихъ, а гордымъ Господь Богъ противится силою своею, а смиреннымъ же даетъ благодать.»

Или о жизни епископа Ѳеодорца: «И сбышася слово Евангельское на немъ глаголющее: ею же мѣрою мѣрите, возмѣрится вамъ; имъ же судомъ судите, судится вамъ; судъ бо безъ милости не сотворшему милости.»

Любятъ отечество. При всякомъ удобномъ случаѣ напоминаютъ о Русской землѣ, и отъ души прославляютъ тѣхъ князей, которые дѣлали добро ему. Напр. 1125. «Преставися благовѣрный... христолюбивый Великый князь всея Руси, Володимеръ Мономахъ, иже просвѣти Русскую землю, акы солнце луча пущая; его же

слухъ произиде по всимъ странамъ, наипаче же бѣ страшенъ поганымъ, братолюбець и нищелюбець *и доброй страдалець за Русскую землю...* Святители же жалящеси плакахуся по святомъ и добромъ князи, весь народъ и вси людіе..... яко же дѣти по отцю или по матери, плакахуся по немъ вси людіе и сынове его.»

1175. Лѣтописатель, описывая убіеніе В. К. Андрея Боголюбскаго, обращается къ нему и говоритъ: «ты же, страстотерпче, молися ко Всемогущему Богу *о племени своемъ,* и о сродницѣхъ, и о *земль Руськой,* дати мірови миръ.»

Они имѣютъ *образованіе:* знакомы очень хорошо съ Священнымъ Писаніемъ, и приводятъ часто мѣста изъ него, имѣютъ общія историческія и богословскія свѣдѣнія.

Говоря о внушеніи Мономаху ангеломъ мысли идти на Половцевъ, лѣтописатель приводитъ примѣры знаменій изъ исторіи Іерусалима, дѣлаетъ выписки изъ хронографовъ: «аще кто сему вѣры не имать, да потчетъ хронографа.»

Знаютъ свою исторію, что видно изъ того, что припоминаютъ иногда событія прежнія.

Въ особенныхъ случаяхъ заботятся объ украшеніи своей рѣчи; прочтите, напримѣръ, отпущеніе В. К. Суздальскимъ Всеволодомъ сына Константина княжить въ Новгородѣ въ 1206 г., или заключеніе Кіевской лѣтописи 1199 года.

Описывая преемство князей, рожденіе и смерть ихъ, междоусобныя войны, набѣги иноплеменниковъ, походы, строеніе церквей, посвященіе епископовъ и кончины ихъ, знаменія небесныя, —не вникая никогда въ причины дѣйствій, —не предлагая никакихъ извѣстій о частной жизни, — лѣтописатели наши вообще *сухи и однообразны.* Но опытный, тщательный и проницательный изслѣдователь, найдетъ въ нихъ многія драгоцѣнныя черты, нечаянно приведенныя или намѣченныя, по коимъ можетъ, хотя и съ большимъ трудомъ, составить очеркъ времени.

Къ сожалѣнію всѣ эти лѣтописи дошли до насъ не въ первоначальномъ своемъ видѣ, а въ сокращеніяхъ, болѣе или менѣе полныхъ, о чемъ мы съ увѣренностію судить можемъ потому, что, напримѣръ, въ Кіевской лѣтописи встрѣчаемъ многія событія Суздальскія и Новогородскія, какихъ нѣтъ въ тамошнихъ лѣтописяхъ, и, на оборотъ, въ Суздальской и Новогородской есть извѣстія Кіевскія, какія опущены въ Кіевской лѣтописи. Наконецъ надо замѣтить, что многія ошибки принадлежатъ перепищикамъ.

Свѣдѣнія бытовыя (историческія), сохранявшіяся въ лѣтописяхъ и сказаніяхъ, велись и преданіемъ, между князьями, духовными лицами, и вообще людьми любознательными.

Напримѣръ подъ 1128 годомъ лѣтопись воспоминаетъ о происхожденіи вражды между Ярославичами и Рогволодовичами.

1139. «Лѣпше ми,» говоритъ сынъ Мономаховъ, Андрей, «сьдумавъ съ дружиною своею смерть на своей отчинѣ и на дѣдинѣ взяти, нежели Курьское княженье: отецъ мой Курьскѣ не сѣдѣлъ, но въ Переяславли; хочю на своей отчинѣ смерть пріяти. Оже ти, братъ, не досити волости, всю землю Рускую держачи, а хощеши сея волости, а убивъ мене, а тобѣ волость, а живъ не иду изъ своей волости; обаче не дивно нашему роду, такоже и переже было:

Святополкъ про волость ни не уби Бориса и Глѣба? а самъ чи долго поживе? но и здѣ живота лишенъ, а тамо мучимъ есть вѣчно.»

Подъ 1140 г. лѣтопись воспоминаетъ о походахъ Мстислава на Половцевъ и о заточеніи Полоцкихъ князей.

1145. О плѣненіи Володаря: «той же зимѣ Владиславъ, Лядьскій князь, емъ мужа своего Петрока, и слѣпи, а языка ему урѣза, и домъ его разграби, токмо съ женою и съ дѣтьми выгна изъ земли своея, и иде въ Русь. Яко же евангельское слово глаголеть: ею же мѣрою мѣрить, възмѣрить ти ся—ты емъ Руского князя лестью Володаря, и умучивы й, и имѣніе его усхыти все, его же Богъ по нѣколицѣ днев не призрѣ о немъ же бѣ въ заднихъ лѣтѣхъ писано.»

1147. «Рече единъ человѣкъ» (изъ Кіевлянъ, при извѣстіи объ измѣнѣ Черниговскихъ князей) «по князи своемъ, ради, идемъ; но первое о семъ промыслимы, якоже и преже створиша при Изяславѣ Ярославичѣ, высѣкше Всеслава изъ поруба зліи они, и поставиша князя собѣ, и много зла бысть про то граду нашему. А се Игорь ворогъ нашего князя и нашь, не въ порубѣ, но въ святѣмъ Өедорѣ, а убивше того къ Чернигову пойдемъ по своемъ князи; кончаимы же ся съ ними.»

1148. «Ты нашь князь, ты нашь Володимеръ, ты нашь Мстиславъ,» восклицаютъ Новогородцы, встрѣчая пріѣхавшаго къ нимъ Изяслава Мстиславича.

1149. «Се ми хощеть быти Ярославча смерть Изяславича,» говоритъ Андрей Боголюбскій, подвергаясь опасности въ сраженіи подъ Луцкомъ.

1152. «Поиде Изяславъ отъ Володимеря, съ полкы своими, по королеви дорозѣ, ею же бяшеть пріѣхалъ на Андрея на Володимерича съ Ярославомъ Святополчичемъ, его же и убиша ту у Володимеря.»

1154. «Положиша (В. К. Вячеслава) у Св. Софія, идѣже лежить Ярославъ прадѣдъ его, и Володимеръ отецъ его.»

1159. «Преставися Борисъ князь Дюргевичь, мѣсяца мая въ 2 день, и положиша и братья въ церкви святою мученику, юже бѣ създалъ отець его Дюрги на Нерли, въ Кидекши, идѣже бѣ становище святою мученику Бориса и Глѣба.»

1170. СЛ. Не глаголемъ же: прави суть Новгородци, яко издавна суть свобожени Новгородци прадѣды князь нашихъ; но аще бо тако было, то велѣли ли имъ предніи князи крестъ преступати, или внукы, или правнукы соромляти, и проч.

1172. «...Богородица церковь десятинная въ Кіевѣ, юже бѣ создалъ Володимеръ, иже крестилъ землю, и далъ бѣ десятину церкви той по всей Руськой земли.»

1175. «Горе вамъ нечестивіи,» лѣтописецъ влагаетъ въ уста Андрею Боголюбскому, на котораго напали убійцы, «что уподобистеся *Горяспру*.»

1178. Мстиславъ Ростиславичь пошелъ войною на Полоцкаго князя: «ходилъ бо баше *дѣдъ его* на Новгородъ, и взялъ ерусалимъ церковный и сосуды служебныѣ, и погостъ одинъ завелъ за Полтескъ.»

1178. «Преставися князь Мстиславъ.... и положиша тѣло его въ той же гробницѣ, идѣже лежить Володимеръ, сынъ Великаго князя Ярослава Володимерича.»

1216. «Мы не хочемъ изъмрети на конехъ,» говорятъ Новогородцы предводителю своему Мстиславу, въ Липецкой битвѣ» но яко отци наши билися на Колакшѣ пѣши.

1218. При описаніи убійствъ Рязанскихъ князей воспоминаются злодѣянія Святополковы.

Объ Ярославовыхъ грамотахъ упоминаетъ Новогородскій лѣтописатель. Данило заточеникъ о рѣчи Святославовой. Поликарпъ о Варягахъ Ѳеодорѣ и Іоаннѣ, умерщвленныхъ язычниками при В. К. Володимерѣ, о свойствахъ князя Святополка Изяславича, и сына его Мстислава, о Святославѣ и Всеволодѣ Ярославичахъ, о Мономахѣ, о дерзости Ростислава Всеволодича.

Пѣвецъ о полку Игоревѣ воспоминаетъ и Володимера, и Ярослава, и Мстислава, и Олега, и Всеслава, и Святослава Всеволодовича, и Ростиславичей.

Особыя *сказанія*, вошедшія въ составъ лѣтописей, и попадающіяся въ сборникахъ отдѣльно:

Объ ослѣпленіи Теребовльскаго князя, Василька Ростиславича, и его послѣдствіяхъ,—драгоцѣнное сочиненіе какого-то *Василія*, переносящее въ древность, представляющее черты личныя и живыя. Сочинитель принималъ участіе во многихъ дѣйствіяхъ. Ему принадлежатъ, кажется, и другія извѣстія въ Несторовой лѣтописи, начиная съ княженія В. К. Всеволода.

Сказаніе о нападеніи Владимирскаго князя Андрея Боголюбскаго на Новгородъ.

Объ убіеніи Андрея Боголюбскаго, которое внесено въ лѣтописи, Суздальскую и Кіевскую, съ разными подробностями, обличающими *современника*.

Повѣсть о взятіи Царяграда Латинами помѣщена въ Новогородской лѣтописи, вѣроятно, по извѣстіямъ очевидцевъ, подъ годомъ 1204.

Сказанія о Калькской битвѣ и о Батыевомъ нашествіи, написанныя *очевидцами*.

(Такъ точно и древнѣйшія сказанія: о пришествіи въ Русь св. апостола Андрея, о принятіи В. К. Володимеромъ христіанской вѣры, написаны были сначала особо, и послѣ внесены Несторомъ въ лѣтопись).

Другія сказанія не вошли въ лѣтописи, и встрѣчаются въ разныхъ сборникахъ, напр. сказаніе о построеніи В. К. Ярославомъ въ Кіевѣ на Златыхъ вратахъ церкви во имя своего ангела, св. Георгія, встрѣчается въ прологахъ.

Сказаніе о кончинѣ Черниговскаго князя Давыда Святославича сохранилось въ Степенной книгѣ, и попадается особо въ сборникахъ.

Сказаніе объ основаніи церкви Печерской, исполненное поэзіи, сочиненіе *Симона*, епископа Владимирскаго.

ЗАКОНЫ.

Русская Правда *Ярославова* (1019—1054).

Русская Правда *сыновъ его* (1054—1125).

Уставъ *Мономаховъ* (1113—1125).

Русская Правда, *распространенная* впослѣдствіи, впрочемъ до Татаръ.

Эти подлинные законы представляютъ живо и ясно бытъ нашего древняго общества и народа, отношенія его къ князьямъ, различныя сословія, судебныя обязанности, обычаи, признаки нравовъ.

Участіе же церкви въ судопроизводствѣ объясняется Греческими *Кормчими книгами*, переведенными у насъ издревле, и ихъ Русскими дополненіями.

ГРАМОТЫ КНЯЖЕСКІЯ.

Грамота Новогородскаго князя *Мстислава* Володимеровича Юрьеву монастырю, около 1128—1132 г. съ разными примѣчательными указаніями.

Грамота Новогородскаго князя *Всеволода* Мстиславича, около 1135 года, данная созданной имъ церкви св. Іоанна Предтечи, съ важными подробностями о вощаной торговлѣ въ Новѣгородѣ, о купеческомъ обществѣ, о разныхъ сборахъ, о церковныхъ доходахъ.

Уставъ Новогородскаго князя *Святослава* Ольговича, 1137 г., Софійскому собору, о доходахъ, принадлежащихъ Новогородскому епископу, со множествомъ драгоцѣнныхъ географическихъ данныхъ.

Грамоты Смоленскаго князя *Ростислава* Мстиславича, 1150 г., —наиважнѣйшія изъ найденныхъ въ послѣднее время. Изъ нихъ получаемъ мы вѣрныя свѣдѣнія о доходахъ княжескихъ и епископскихъ, со всѣми ихъ составными частями, о разныхъ судахъ и обычаяхъ, о Смоленскихъ владѣніяхъ, о многихъ юридическихъ древнихъ терминахъ.

МОНАШЕСКІЯ ГРАМОТЫ.

Двѣ грамоты пр. *Антонія* Римлянина, (†1147 г.) одна—въ родѣ купчей, другая—въ родѣ завѣщанія.

Грамоты вкладныя препод. *Варлаама* (†1243 г.) Хутынскому монастырю на земли и рыбныя ловли.

Двѣ грамоты арх. Іоанна къ игумену Лукѣ Архангельскаго монастыря, и къ Двинскимъ посадникамъ (1110 или 1165).

Грамотъ было много, но онѣ пропали. Укажемъ на нѣкоторые слѣды; напр. подъ 1156 г. говорится о грамотѣ патріарха къ Новогородскому архіепископу Нифонту, о рукописаніи или жалобѣ митрополиту Константину на предшественника его Клима, и пр.

1185. СЛ. Митрополитъ Никифоръ, (вслѣдствіе неудовольствія въ Ростовѣ), велѣлъ епископу Николѣ отписатися землѣ Ростовьской.

Крестныя или *договорныя* грамоты князей между собою изъ этого періода всѣ пропали.

ТОРГОВЫЕ ДОГОВОРЫ.

Торговый договоръ Смоленскаго князя *Мстислава Давидовича*, 1228 года, съ Ригою, Готскимъ берегомъ и Нѣмецкими городами, въ коемъ сохранились многія любопытныя подробности о законахъ, правахъ, обычаяхъ, занятіяхъ, товарахъ Русскихъ.

Предположенный договоръ *Новогородцевъ* съ Любекомъ, около 1206 года, также богатый разнообразными свѣдѣніями о торговлѣ, и внутреннемъ состояніи Новагорода, равно какъ и объ отношеніяхъ къ иностраннымъ купцамъ.

ПИСЬМА.

Письмо *Володимера Мономаха* къ двоюродному его брату, Олегу Святославичу, съ напоминаніями объ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, и разными историческими данными.

Письма были въ общемъ употребленіи:

Въ житіи *Θеодосія* Несторовомъ упоминается о частыхъ письмахъ его къ В. К. Святославу Ярославичу.

Мономахъ упрекаетъ Олега Святославича, за чѣмъ онъ не прислалъ къ нему письма утѣшительнаго о погибели его сына на сраженіи (1096).

Симонъ, епископъ Владимирскій, говоритъ о письмѣ къ нему *Верхуславы* Рюриковны, касательно посвященія Поликарпова въ епископы: аще ми и тысяща серебра расточати тебѣ ради, и Поликарпа ради, и проч.

Онъ же упоминаетъ о письмѣ къ нему Поликарпа.

Въ прологѣ читается о многихъ посланіяхъ *Кирилла*, епископа Туровскаго, къ Андрею Боголюбскому.

1164. «Исписавъ грамоту (Черниговскій епископъ Антоній), и посла къ Всеволодичю, река тако: стрый ти умерлъ, а по Олга ти послали, а дружина ти по городомъ далече... Святославъ же прочте грамоту въ борзѣ и посла сынъ свой.»

ПУТЕШЕСТВІЯ.

Паломникъ или хожденіе *Даніила*, Русьскыя земли игумена. Сей путешественникъ, по справедливому замѣчанію Карамзина, могъ быть Юрьевскимъ епископомъ Даніиломъ, посвященнымъ въ 1113 году. Даніилъ поставилъ лампаду надъ гробомъ Спасителя, и записалъ въ обители свят. Саввы для поминанія на ектеніяхъ имена князей Русскихъ, (своихъ современниковъ), Святополка-Михаила, Володимера-Василія, Олега-Михаила, Глѣба Минскаго и проч. Путешествіе его должно относиться къ 1112—1115 г. при жизни В. К. Святополка, и предъ походомъ короля Латинскаго Балдуина противъ Дамаска 1114—1115 г.

Путешествіе въ Царьградъ *Антонія, архіепископа Новогородскаго* (1200 г.) неиздано.

ПОУЧЕНІЕ.

Володимера Мономаха (1098 года), или духовная, лучше сказать его *автобіографія*, въ коей живо представляется намъ вообще древняя княжеская жизнь и занятія, кромѣ драгоцѣнныхъ подробностей, относящихся лично до этого примѣчательнѣйшаго князя въ нашей древности.

Чтобъ познакомить читателей съ сочинителями и ихъ сочиненіями, языкомъ, слогомъ и образомъ мыслей, приведемъ изъ нихъ отрывки.

Лука Жидята. (Начало слова, по переводу Преосв. Филарета).

«Прежде всего должны мы, братія, хранить сію заповѣдь—вѣровать во единаго Бога, въ Троицѣ славимаго, въ Отца, Сына и Св. Духа, какъ поучали апостолы, и утвердили Св. отцы. «Вѣрую во единаго Бога» и пр. Вѣруйте воскресенію, жизни вѣчной, вѣчной мукѣ грѣшниковъ. Не лѣнитесь ходить въ церковь, къ заутрени, къ обѣдни, и къ вечерни; и въ своей клѣти, отходя ко сну, поклонись Богу, а потомъ уже ложись на постель. Въ церкви стойте со страхомъ Божіимъ, не разговаривайте, не думайте ни о чемъ другомъ, но молите Бога, всею душею, да проститъ вамъ Богъ грѣхи. Имѣйте любовь ко всякому человѣку, а больше къ братіи; не будь у васъ на сердцѣ одно, а на устахъ другое. Не рой брату яму, чтобы тебя не ввергнулъ Богъ въ худшую. Люби правду, и за правду, за Божій законъ, готовъ будь умереть, чтобы Богъ причелъ тебя къ святымъ. Переносите другъ отъ друга обиду, не платите зломъ за зло, другъ друга хвалите, и Богъ васъ похвалитъ. Не ссорь другихъ, чтобы не назвали тебя сыномъ дьявола: помири, да будешь сыномъ Богу.—Неосуждай брата и мысленно; помни свои грѣхи, чтобы и тебя Богъ не осудилъ. Милуйте странныхъ, убогихъ, заключенныхъ въ темницы, и къ своимъ сиротамъ (рабамъ) будьте милостивы; тотъ весьма милостивъ, кто оберегаетъ отъ скорби своихъ домашнихъ. Бѣсовскихъ игрищъ (москолудства) творить не слѣдуетъ, также какъ и говорить срамныя слова и

сердиться ежедневно; не унижай других, не смѣйся ни надъ кѣмъ; въ напасти терпи, имѣя упованіе на Бога. Не будьте буйны и горды, а считайте другихъ лучшими себя, — помните, что можетъ быть завтра будете смрадъ, гной, черви. Будьте смирны, кротки, не многорѣчивы; чтобы быть и слушателями и исполнителями закона Божія; у гордаго въ сердцѣ діаволъ, и Божіе слово не прильнетъ къ нему. Почитайте стараго человѣка и родителей своихъ. Не клянитесь именемъ Божіимъ, и другаго не заклинайте и не проклинайте. Судите по правдѣ, взятокъ не берите. Денегъ въ ростъ не отдавайте. Бога бойтесь, князя чтите; рабы повинуйтесь сначала Богу, потомъ господамъ своимъ; чтите іерея Божія, чтите и слугъ церковныхъ. Не убивай, не крадь, не лги, лживымъ свидѣтелемъ не будь, не враждуй, не завидуй, не клевѣщи, блуда не твори ни съ рабою, ни съ кѣмъ-либо другимъ; не пей не во время, и пей умѣренно, а не до пьянства; не будь гнѣвливъ, ни дерзокъ; съ радующимися радуйся, съ печальными будь печаленъ; не ѣшьте нечистаго; святые дни чтите. Богъ же мира со всѣми...»

Начало по подлиннику:

,,Се, братіе,—первѣе всего сію заповѣдь извѣстно должни есмы вси крестіане держати: вѣровати въ единъ Богъ, въ Троици славимъ, въ Отца и Сына и Святаго Духа, якоже научили Апостоли, святіи отци утвердиша: вѣрую въ единаго Бога до конца. Вѣруите же ми крѣсенію и жизни вѣчнѣи и муцѣ грѣшнымъ вѣчнѣи. Не лѣнитеся къ церкви ходити, и на заутреню и на обѣдню, и на вечерню; и въ своеи клѣти хотя спати, Богу поклонився, толико на постели лязи. Въ церкви предстоите со страхомъ Божіемъ: не молви рѣчи, но ни мысли, но моли Бога всею мыслью, да отдасть ти Богъ грѣхи. Любовь имѣите со всяцѣмъ человѣкомъ, а болѣ з братіею, и не буди ино на сердци, а ино въ устѣхъ; подъ братомъ амы не рои, да тебѣ Богъ въ горшаа тои не вринеть,» и проч.

Сочиненія преп. *Θеодосія*, которыя до нынѣ остаются извѣстными, большею частію, только по имени, и изъ которыхъ однѣ сохранились въ полномъ своемъ составѣ, а другія въ отрывкахъ, можно раздѣлить на четыре класса, говоритъ преосвященный Макарій.

Къ первому принадлежатъ два поученія его, обращенныя вообще къ народу Русскому; ко второму—девять поученій, сказанныхъ собственно Кіево-Печерскимъ инокамъ; къ третьему—два посланія къ В. Князю Изяславу; къ четвертому—двѣ молитвы къ Богу.

Первое поученіе къ народу, сохранившееся въ полномъ составѣ называется: «Поученіе блаженнаго Θеодосія, игумена Печерскаго, о казняхъ Божіихъ». Оно написано, вѣроятно, по случаю нашествія Половцевъ на землю Русскую въ 1067 году, и пораженія Ярославичей, потому что подъ этимъ годомъ лѣтописецъ дѣлаетъ изъ него извлеченіе. Въ словѣ можно различать двѣ главныя части. Въ первой проповѣдникъ говоритъ вообще о причинахъ казней Божіихъ.

«Богъ наводитъ какую-либо казнь или иноплеменниковъ, по гнѣву своему, за то, что мы не обращаемся къ Нему; а междоусобная брань бываетъ по наущенію отъ діавола и отъ злыхъ людей. Богъ не хочетъ зла людямъ, но добра; а діаволъ радуется всякому злу, совершаемому между людьми: онъ издревле врагъ намъ, хочетъ убійства, кровопролитія, воздвигая свары, зависть, братоненавидѣніе, клеветы. Потому если какая-либо страна согрѣшаетъ, Богъ наказываетъ ее смертію, или голодомъ, или нашествіемъ иноплеменниковъ, или бездождіемъ и другими различными казнями, чтобы мы, покаявшись, жили такъ, какъ Богъ велитъ, вѣщая намъ чрезъ

Пророка: *обратитеся ко Мнѣ всемъ сердцемъ вашимъ въ постѣ и въ плачи.* Если бы мы пребывали въ заповѣдяхъ Божіихъ, то и здѣсь удостоились бы получить блага земныя, и по отшествіи изъ міра жизнь вѣчную. Но мы постоянно вращаемся въ нечестіи, прилагая грѣхи ко грѣхамъ, во всемъ прогнѣвляя Бога, совершая то предъ очами Его. И исполняются на насъ слова Его, сказанныя чрезъ Пророковъ... Посему-то затворяетъ Богъ небо, не даетъ дождя, посылаетъ градъ, погубляетъ морозомъ плоды, томитъ землю зноемъ за наши беззаконія. А если мы покаемся отъ злобъ нашихъ, то, какъ чадамъ, Богъ подастъ намъ вся благая, *и одождитъ вамъ дождь ранній, и поздній, и наполнятся гумна ваша пшеницы.* Слыша это, подвигнемся на добро: взыщите судъ, избавьте обидимаго и пріидите на покаяніе, не воздавая зломъ за зло, ни клевѣтою за клевѣту; но обратимся любовію къ Господу, постомъ и рыданіемъ и слезами омывая грѣхи своя, не словомъ называясь христіанами, а живя язычески.

Во второй части поученія проповѣдникъ обличаетъ слушателей въ нѣкоторыхъ частныхъ заблужденіяхъ и порокахъ, господствовавшихъ въ его время, и преподаетъ свои наставленія. ...Прежде всего указываетъ на остатки язычества:

«Не по язычески ли мы поступаемъ? Если кто встрѣтитъ чернеца или черницу, или свинью, или лысаго коня, то возвращается назадъ: развѣ это не по язычески? Такого суевѣрія держатся по наученію отъ діавола. Иные вѣрятъ чиханью, которое часто бываетъ на здравіе главѣ; но этимъ обольщаетъ діаволъ, равно какъ и другими обычаями искушеніями, удаляющими насъ отъ Бога, волхвованіемъ, чародѣяніемъ, блудомъ, запоемъ, *рѣзоиманіемъ, приклады* (ростомъ или лихвою), воровствомъ, лжею, завистію, клевѣтою, зубами (дракою), скоморошествомъ, гуслями, сопелями и другими играми и непотребными дѣлами.«

Потомъ — укоряетъ за непристойное стояніе въ церкви, и учитъ достойно молиться Богу:

«И вотъ еще, когда стоимъ въ церкви, какъ смѣемъ мы смѣяться или творить шепотъ? Припадаетъ окаянный діаволъ и внушаетъ намъ творить смѣхъ и шепотъ и другія непотребства, когда мы стоимъ въ церкви предъ Царемъ небеснымъ: какой муки мы за это не достойны!... Молю васъ, братіе, да стоимъ на молитвѣ со страхомъ и любовію другъ ко другу, и, молясь воистину, будемъ взывать: *да исправится молитва моя, яко кадило предъ Тобою, воздѣяніе руку моею.* Если руки твои не совершали никакого грабежа, хорошо говорить: *воздѣяніе руку моею.* Потому осматривай руки твои, и испытывай, чисты ли онѣ отъ грабежа и мздоимства. Если же ты грабилъ и бралъ лихву и корчемный прикупъ, или кого пріобидѣлъ чѣмъ-либо, что запретило Святое писаніе, то не говори, не воздѣвай рукъ твоихъ, пока не очистишься отъ всякаго зла»....

Далѣе преподаетъ урокъ касательно постовъ и праздниковъ:

«Вѣдайте и то, возлюбленныя чада, что Св. Отцы наши уставили постные дни по наученію Господню и по заповѣди Св. Апостоловъ, и заповѣдали праздновать св. праздники не тѣлесно, но духовно, чтобы мы не чреву работали неприличнымъ пьянствомъ, но молились Богу о своихъ согрѣшеніяхъ, кормили съ собою немощныхъ, питая тѣло земнымъ брашномъ, а душу духовнымъ, которое называется хлѣбомъ ангельскимъ, и снесено съ неба въ священныхъ книгахъ, и все это творили съ любовію, безъ которой никакая добродѣтель не приноситъ Богу, живя въ мирѣ не только съ друзьями, но и съ врагами.

«Наконецъ—съ особенною силою возстаетъ противъ пьянства:

«О горе, и еще скажу, о горе пребывающимъ въ пьянствѣ! Пьянствомъ отгоняемъ

отъ себя ангела-хранителя и привлекаемъ къ себѣ злаго бѣса; чрезъ пьянство удаляемся отъ Св. Духа и приближаемся къ аду... Бѣсы радуются нашему пьянству, и, радуясь, приносятъ діаволу пьянственную жертву отъ пьяницъ. Діаволъ, радуясь, говоритъ: никогда я столько не услаждаюсь жертвами язычниковъ, сколько пьянствомъ христіанъ, потому что въ пьяницахъ находятся всѣ дѣла моего хотѣнія. Ангелы же святые, пришедши, повѣдали Св. отцамъ съ великою печалію, чтобы они писаніемъ отучили христіанъ отъ пьянства, но не отъ питья: ибо иное—пьянство злое, а иное—питье въ мѣру, и въ законъ, и въ приличное время, и во славу Божію»...

Слыша это, братіе, подвигнемся работать Господу и творить заповѣди Его, и поживемъ въ законѣ Его вся дни живота нашего о Христѣ Іисусѣ, ему же слава со Отцемъ и Св. Духомъ нынѣ и присно.»

Заключеніе по подлиннику:

«О горе, паки реку, о горе—пребывающимъ въ піанствѣ! Піанствомъ аггела хранителя своего отгонимъ отъ себе, и злаго бѣса привлачимъ к себѣ, и Святаго Духа далече есмы піанства ради, а близь ада, и слова Божіа не имуще въ устѣхъ своихъ, гнили ради піаньственыя. Бѣси бо ради бываютъ о нашемъ піанствѣ, и радующеся приносятъ къ діаволу жертву пьянственую отъ піаниц; діаволъ же, радуясь, глаголетъ: яко николи же тако веселюся и радуюся о жертвахъ поганыхъ языкъ, якоже о пьянствѣ христіаныхъ; вся бо дѣла моего хотѣнія, въ пьяницахъ суть. Аггели же святіи, приходяще, повѣдали се святымъ отцамъ с печалію великою, да быша писаніемъ отлучили христіанъ отъ піанства, а не отъ питья: ино бо піанство есть злое, а ино питье в мѣру, и в законъ, и в подобно время, и в славу Божію.

Се слышаще, братіе, подвигнемся работати Господеви, и заповѣди Его творити, и въ законѣ Его поживемъ вся дни живота нашего, о Христѣ Іисусѣ, ему же слава съ Отцемъ и Св. Духомъ и нынѣ и присно.»

Поученія къ братіи обнаруживаютъ и слабыя стороны иноческой жизни въ Кіево-Печерской обители, неизвѣстныя изъ писаній преп. Нестора, который желалъ выставить преимущественно свѣтлую сторону родной обители въ назиданіе потомству.

Наконецъ, посланія къ Великому Князю Изяславу ясно обозначаютъ тѣ религіозные вопросы, какіе занимали тогда самихъ нашихъ князей.

«Ты, чадо, непрестанно хвали свою вѣру, и подвизайся въ ней добрыми дѣлами. Будь милостивъ не только къ своимъ христіанамъ, но и къ чужимъ; если увидишь кого-либо нагимъ или голоднымъ, или подвергшимся бѣдствію, будетъ ли то еретикъ, или латынянинъ, всякаго помилуй и избавь отъ бѣды, какъ можешь: и ты не погрѣшишь предъ Богомъ, который питаетъ и православныхъ христіанъ и неправославныхъ, и даже язычниковъ, и о всѣхъ печется...Когда ты встрѣтишь, что иновѣрные состязаются съ вѣрными, и хотятъ лестію отвлечь ихъ отъ правой вѣры, помоги своими познаніями правовѣрнымъ противъ кривовѣрныхъ, и ты избавишь овча изъ устъ львовыхъ....Если кто скажетъ тебѣ ту и другую вѣру далъ Богъ, — ты отвѣчай: развѣ Богъ двоевѣренъ? Не слышишь ли, что написано: *единъ Богъ, едина вѣра, едино крещеніе?* И не сказалъ ли Ап. Павелъ: *аще и ангелъ, благовѣститъ вамъ, паче еже благовѣстихомъ вамъ, анаѳема да будетъ.*»

Отрывокъ изъ молитвы:

«Владыко, Господи, человѣколюбче! Вѣрныхъ, Господи, утверди, да будутъ еще болѣе вѣрны; неразумныхъ, Владыко, вразуми; язычниковъ, Господи, обрати къ христіанству, да будутъ нашими братіями; находящихся въ темницахъ, или въ оковахъ, или въ нуждѣ, избави, Господи, отъ всякой печали. Пребывающимъ въ затворахъ, и на столпахъ и въ пещерахъ, и въ пустынѣ братіямъ нашимъ подаждь, Господи, крѣпость къ подвигу. Помилуй, Господи, князя

нашего, и градъ сей, и всѣхъ живущихъ въ немъ, помилуй милостію Твоею и мене, раба Твоего грѣшнаго: спаси Господи, и помилуй епископа нашего и весь монашескій чинъ, со іереями, діаконами и всѣми православными христіанами Помилуй. Господи, находящимся въ бѣдности, и озлобленнымъ нищетою подаждь богатую милость, ради молитвъ св. Богородицы...И упокой, Господи, души рабовъ Твоихъ, правовѣрныхъ князей нашихъ и епископовъ, и всѣхъ сродниковъ нашихъ по плоти, умершихъ во градахъ и селахъ и въ пустыняхъ, и на пути, и въ морѣ, упокой ихъ въ мѣстѣ свѣтлѣ, въ ликѣ Святыхъ, въ оградѣ благаго рая и жизни безконечной, въ неизглаголанномъ, и немерцаемомъ свѣтѣ лица Твоего: Ты еси покой и воскресеніе усопшихъ рабовъ Твоихъ, Христе Боже нашъ, и Тебя славимъ со Отцемъ и Св. Духомъ и нынѣ и присно.»

Поученія Θеодосія, указывая на нѣкоторые недостатки и пороки народные, имѣютъ историческое значеніе, кромѣ внутреннихъ достоинствъ.

Іаковъ мнихъ, черноризецъ, написалъ сказаніе о Св. мученикахъ Борисѣ и Глѣбѣ, житіе Св. Владиміра, похвалу ему, посланіе къ В. К. Изяславу-Димитрію.

Іакову мниху надписано правило церковное Митрополита Іоанна.

Судя потому, что преподобный Θеодосій назначилъ его себѣ преемникомъ, что Митроп. Іоаннъ надписалъ ему свое церковное правило, и что онъ писалъ смѣлое назидательное слово В. К. Изяславу, своему духовному сыну, должно считать его мужемъ славнымъ между современниками, какъ святою жизнію, такъ и образованіемъ. Вообще и сказаніе, говоритъ Преосвящен. Макарій, о св. мученикахъ, и разсказъ о чудесахъ ихъ, составлены довольно искусною рукою, изложены довольно ясно, послѣдовательно и занимательно, проникнуты любовію къ св. мученикамъ, и по мѣстамъ одушевленіемъ, особенно тамъ, гдѣ авторъ или представляетъ мучениковъ говорящими, или изливаетъ предъ ними свои чувства.

Вотъ, напримѣръ, какія сѣтованія влагаются сочинителемъ въ уста Св. Борису, получившему вѣсть о смерти отца своего и о замыслахъ Святополка.

«Увы мнѣ, свѣтъ очію моихъ, сіяніе зари моея, бразда юности моея, наставленіе неразумія моего! Увы мнѣ, отче мой, господине мой! И къ кому прибѣгну, на кого возрю, или гдѣ насыщуся такого благаго ученія, какъ прежде отъ разума твоего? Увы мнѣ, увы мнѣ! Какъ зашелъ ты, свѣте мой, когда я не былъ тамъ, чтобы, по крайней мѣрѣ, могъ я погребсти честное тѣло твое, и предать его робу своими руками? Но я не сподобился нести мужественнаго тѣла твоего, не сподобился цѣловать добролѣпныхъ сѣдинъ (?) твоихъ. О блаженниче мой, помяни мя въ покои твоемъ! Сердце мое горитъ и душа смущается, и не знаю, къ кому обратиться, и предъ кѣмъ излить горькую печаль мою. Къ брату ли Святополку, котораго я имѣлъ вмѣсто отца? Но думаю, что онъ печется о мірскомъ и суетномъ, и помышляетъ о убійствѣ моемъ... Чтожъ скажу, или что сотворю? Пойду къ брату моему и скажу ему: ты будь мнѣ отцомъ, ты мнѣ братъ старѣйшій,—что повелишь мнѣ, господине мой?

Вотъ слова Святаго Глѣба предъ тѣмъ какъ убійцы устремились на него, и когда онъ прощался съ жизнію: «Спасися, милый отче мой и господине Василіе! спасися, мати и госпожа моя! спасися, брате Борисе, старѣйшино юности моея! Спасися брате,—спосиѣшителю Ярославле! Спасися и ты, брате мой и враже Святополче! Спаситесь и вы братія моя и дружина, спаситесь всѣ! Уже я не увижу васъ въ житіи семъ: потому

что меня разлучают съ вами насильно... Василіе, Василіе, отче мой! Приклони ухо твое, и услышь гласъ мой; призри и виждь, что приключилось чаду твоему, какъ безъ вины закаляютъ меня. Увы мнѣ, увы мнѣ! Слыши небо, и внуши земле! И ты, брате мой Борисе, услышь гласъ мой! Отца моего Василія позвалъ, и онъ не послушалъ меня; ужели и ты не захочешь меня послушать? Взгляни на скорбь сердца моего и язву души моея; посмотри на потоки слезъ моихъ, и какъ никто не внемлетъ мнѣ: помяни же хоть ты меня, и помолись о мнѣ общему Владыкѣ, имѣя дерзновеніе и предстоя у престола Его.»

Или вотъ отрывки изъ похвалы Свят. мученикамъ, заключающей сказаніе:

,,Какъ похвалить васъ, не знаю, и что сказать недоумѣваю. Назову-ли васъ ангелами, потому что вы быстро являетесь вблизи скорбящихъ? Но вы пожили на землѣ во плоти, какъ люди. Наименую-ли васъ царями и князьями? Но вы были просты и смиренны болѣе всякаго, и смиреніемъ стяжали небесныя жилища. По истинѣ вы цари царямъ и князи князьямъ нашимъ! Ибо вашимъ пособіемъ и защищеніемъ они державно побѣждаютъ враговъ своихъ, и вашею помощію хвалятся. Вы—имъ и намъ оружіе, вы земли Россійской забрало и утвержденіе и мечь обоюду острый, которымъ побѣждаемъ языческую дерзость, и попираемъ діавола. По истинѣ могу сказать: вы небесные человѣки и земные ангелы, столпы и утвержденіе земли нашей... О, блаженные гробы, пріявшіе честные тѣла ваши, какъ сокровище многоцѣнное! О, блаженная церковь, въ которой поставлены Св. раки ваши, угодники Христовы! Блаженъ, поистинѣ, и высокъ болѣе всѣхъ городовъ Русскихъ Вышгородъ, имѣющій у себя такое сокровище, которое дороже всего міра! Справедливо онъ названъ Вышгородомъ, какъ высшій всѣхъ городовъ, имѣя въ себѣ врачевство безмездное, которое даровано Богомъ не одному нашему языку, но и всей землѣ: потому что отъ всѣхъ странъ приходятъ, и туне пріемлютъ тамъ исцѣленіе... О блаженные страстотерпцы Христовы? не забывайте отечества своего, въ которомъ пожили вы по плоти, посѣщайте его, и въ молитвахъ всегда молитеся о насъ: вамъ дана благодать молиться за насъ.... Гладъ и озлобленіе отгоните отъ насъ, отъ всякаго браннаго меча и междоусобія брани избавьте насъ, и заступите насъ отъ всякаго *грѣхопаденія*, уповающихъ на васъ...»

Житіе Св. Володимера заключается молитвою писателя:

«О святые цари Константине и Владимире! Помогайте на сопротивныхъ сродникамъ вашимъ, избавляйте отъ всякой бѣды людей Греческихъ и Русскихъ, и о мнѣ грѣшномъ молитесь Богу, какъ имѣющіе дерзновеніе предъ Нимъ, да спасусь вашими молитвами. Молюсь и преклоняю васъ на милость писаніемъ сей малой грамоты, которую, похваляя васъ, написалъ я недостойнымъ умомъ и невѣжественнымъ моимъ смысломъ. Вы же, Святые, молясь о насъ, о людяхъ своихъ, пріимите въ сомолитвенника къ Богу чадъ вашихъ, Бориса и Глѣба, да всѣ вмѣстѣ возможете умолить Господа, съ помощію силы честнаго Креста, и молитвами Пресвятой Богородицы, Госпожи нашей и со всѣми святыми.

Въ похвалѣ Святому Володимеру, Іаковъ между прочимъ говоритъ:

«О блаженный и треблаженный княже Владимире, благовѣрне, и христолюбиве, и страннолюбче! Мзда твоя весьма многа на небесахъ... Самъ Господь сказалъ: *иже сотворитъ и научитъ, сей велій наречется въ царствіи небесномъ*. А ты, о блаженный княже, былъ апостолъ изъ князей, приведши къ Богу всю землю Русскую Св. крещеніемъ, и научивъ людей своихъ кланяться Богу, славить и пѣть Отца и Сына и Свят. Духа. И всѣ люди земли Русской тобою познали Бога, божественный княже Володимере!

Возрадовались тогда ангельскіе чины, а нынѣ радуются вѣрніи и воспѣваютъ, и восхваляютъ. Какъ отроки Еврейскіе, встрѣтивъ съ вѣтвями Христа, вопіяли: осанна Христу Богу, побѣдителю смерти, такъ и новоизбранные люди Русской земли вновь восхвалили Владыку Христа съ Отцемъ и Св. Духомъ, приблизившись къ Богу Св. крещеніемъ, отвергшись діавола и служенія ему... и поютъ во всѣ дни живота и на всякій часъ пѣснь чудную, хвалу архангельскую: Слава въ вышнихъ Богу и на земли миръ, въ человѣцѣхъ благоволеніе...

Обращаясь за тѣмъ къ Св. Ольгѣ, сочинитель восклицаетъ:

«О какъ похвалю блаженную княгиню Ольгу, братіе, — не знаю. Тѣломъ будучи жена, имѣя мудрость мужескую, просвѣщенная Духомъ Святымъ, уразумѣвъ Бога истиннаго, Творца неба и земли, пошла она въ землю Греческую, въ Царьградъ, гдѣ цари христіане, и христіанство утвердилось, и пришедши, просила себѣ крещенія, а пріявъ св. крещеніе, возвратилась въ землю Русскую, въ домъ свой, къ людямъ своимъ, съ радостію великою, освященная Духомъ Святымъ, нося съ собою знаменія Честнаго Креста. И потомъ требища бѣсовскія сокрушила, и начала жить о Христѣ Іисусѣ, возлюбивъ Бога всѣмъ сердцемъ и всею душею пошла во слѣдъ Господа Бога, освятившись всѣми добрыми дѣлами, украсившись милостынею, нагихъ одѣвая, жаждущихъ напояя, странниковъ упокоевая, нищихъ, вдовицъ и сиротъ — всѣхъ милуя, всѣмъ подая потребное съ тихостію и любовію сердца, и моля Бога день и ночь о спасеніи своемъ. И такъ поживши и достойно прославивъ Бога въ Троицѣ, Отца и Сына и Святаго Духа, почила въ благой вѣрѣ, скончала житіе свое съ миромъ о Христѣ Іисусѣ, Господѣ нашемъ.. »

Посланіе Черноризца Іакова къ Великому князю Димитрію (Изяславу) — все содержанія нравственнаго. Сначала Іаковъ, какъ духовный отецъ, извѣщаетъ князя, что получилъ его посланіе—весьма смиренное, похваляетъ его раскаяніе, говоря что всѣ ангелы радуются на небеси о покаяніи одного человѣка, самъ Господь хочетъ обращенія, а не смерти грѣшника, что Онъ и на землю сходилъ не для праведниковъ, а для грѣшниковъ, что жертва Богу духъ сокрушенъ, и разрѣшаетъ своего духовнаго сына отъ всѣхъ его грѣховъ, заповѣдуя ему молиться Богу отъ сердца. Не довольствуясь преподаніемъ одного разрѣшенія отъ грѣховъ, Іаковъ преподаетъ далѣе князю наставленія, чтобы исправить его на будущее время.

«Что же, ужели мы сдѣлаемся слабѣе, когда прежнее миновало (прощено)? Нѣтъ,— но будь всегда бодрымъ стражемъ тѣлу твоему. Блюдись запойства, потому что оно удаляетъ отъ насъ Свят. Духа,—гордости, потому что гордымъ Богъ противится, — беззаконнаго смѣшенія, потому что *всякъ грѣхъ, его же аще сотворитъ человѣкъ, кромѣ тѣла есть: а блудяй во свое тѣло согрѣшаетъ*. Противъ послѣдняго порока писатель вооружается съ особенною силою, говоритъ о томъ вредѣ, какой могутъ причинить человѣку, жены любодѣйцы, указываетъ на примѣры паденія отъ нихъ мужей достойныхъ, — на Сампсона, Давида, Соломона и другихъ, и убѣждаетъ юнаго князя бороться съ плотскою похотію, побѣждать ее страхомъ Божіимъ, довольствоваться своею законною женою и жить въ чистотѣ, какъ бы въ святой церкви.»

Послѣ этого слѣдуютъ другія наставленія: Іаковъ заповѣдуетъ князю быть благоразумнымъ, чтобы отъ одного грѣха не происходило многихъ, не мстисть врагамъ, быть терпѣливымъ и великодушнымъ, по примѣру Господа, столько потерпѣвшаго за насъ, любить ближнихъ,—потому что не какими-либо чудесами, а только взаимною

любовію другъ къ другу, какъ сказалъ Господь, мы можемъ доказать, что мы его ученики.

«Впрочемъ, — продолжаетъ Іаковъ, — если ты хочешь и чудеса творить по примѣру Апостоловъ и это возможно. Они врачевали хромыхъ, исцѣляли сухорукихъ: а ты храмлющія въ вѣрѣ научи, и ноги текущихъ на игрища обрати къ церкви, руки изсохшія отъ скупости, сдѣлай простертыми на подаяніе нищимъ. Можешь, если хочешь, быть подражателемъ и Святыхъ. Нынѣ уже нѣтъ такихъ гоненій, но время для стяжанія такихъ же вѣнцевъ не прошло: потому что не прекратилась брань діавола. Не преслѣдуютъ насъ люди, но преслѣдуютъ бѣсы; нѣтъ мучителей, но есть діаволъ.»

Преподавъ еще нѣсколько уроковъ, упомянувъ о скоротечности жизни и неизвѣстности послѣдняго часа, о страшномъ судѣ, объ огнѣ геенскомъ, сочинитель наконецъ заключаетъ:

«Все это, не лаская, тебѣ написалъ я, и не по желанію показать, что я знаю, или что я самъ творю доброе; но, Богъ свидѣтель, написалъ отъ любви и отъ печали о душѣ твоей, чтобы ты преуспѣвалъ въ добрѣ. А ума моего слабость самъ знаешь; разумъ мой несовершенъ и исполненъ всякаго невѣдѣнія, этого скрыть нельзя. Св. Павелъ сказалъ Коринѳянамъ: *аще изумихомся то Богови, аще умудрихомся то вамъ*. Не уничижаю силы Божіей всемощной, не отметаю дара, туне мнѣ даннаго. Отъ скверныхъ дѣлъ и непотребнаго сердца, отъ нечистой души, грубаго ума и нестройной мысли, отъ безстуднаго языка и нищихъ устъ—вотъ слово богатое и умноженное силою и разумомъ Св. Троицы; ни на небеси горѣ, ни на земли долу, нѣтъ ничего важнѣе, какъ знать Господа, повиноваться десницѣ Его, творить волю Его, соблюдать заповѣди Его. Одно имя *великое* не введетъ въ царство небесное, и слово, не сопутствуемое дѣлами, не въ пользу слышащимъ, а сопутствуемое дѣлами становится достойнымъ вѣры.»

Заключеніе по подлиннику:

И моего ума самъ вѣси разумъ не съвръшенъ и всякаго невидѣнія исполнь,—крыти не мощно. Павелъ къ Коринѳеемъ рече: аще изумѣхомся, то Богови; аще ли умудрихомся, то вамъ Не уничижаю силы Божіа всемощьныя, ни отмещу дара, туне даннаго ми. Отъ скврьнаго дѣла, и отъ скареда сердца, и отъ нечисты души, и отъ груба ума, нестройны мысли, отъ бестудна языка, и отъ нищу усту слово богатое силою, разумомъ Св. Троица умноженно. Ни на небеси горѣ, ни на земли долѣ, ничтоже боле сего, еже знати Господа, повиноватися десници Его, и творити волю Его, и блюсти заповѣди Его. Имя бо велико не введетъ въ царство небесное, ни слово бездѣлно плъзу слышащимъ: слово бо, дѣлы утворено, вѣры достойно ся творитъ.

Несторъ. Отрывокъ изъ житія Святыхъ мучениковъ Бориса и Глѣба, по переводу преосвященнаго Макарія.

«Между тѣмъ, какъ повсюду умножались христіане, и требища идольскія были упраздняемы, страна Русская оставалась въ прежней прелести идольской: потому что она не слышала ни отъ кого слова о Господѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ; не приходили къ нимъ (Русскимъ) апостолы, и никто не проповѣдовалъ имъ слова Божія.... Но когда соблаговолилъ небесный Владыка, то въ послѣдніе дни помиловалъ ихъ, и не далъ имъ до конца погибнуть въ прелести идольской. Былъ въ то время обладателемъ всей земли Русской князь Владиміръ, мужъ правдивый, милостивый къ нищимъ, сиротамъ и вдовицамъ, но вѣрѣ язычникъ... Этому Владиміру было явленіе отъ Бога, что онъ будетъ христіаниномъ,—что и исполнилось. И наречено было ему имя Василій. Потомъ онъ повелѣлъ всѣмъ своимъ вельможамъ и всѣмъ людямъ креститься во имя Отца и Сына и Св. Духа. Послушайте о чудѣ, исполненномъ благодати: какъ вчера онъ (Владиміръ) заповѣдалъ приносить идоламъ требы, а нынѣ повелѣваетъ креститься во Имя Отца и Сына и Св. Духа;

вчера не вѣдалъ, кто есть Іисусъ Христосъ, а нынѣ проповѣдникомъ Его явился; вчера назывался язычникъ Владиміръ, а нынѣ зовется—христіанинъ Василій! Онъ явился на Руси вторымъ Константиномъ. Но вотъ еще что чудно: когда дана была заповѣдь креститься,—всѣ пошли къ крещенію, и ни одинъ не сопротивлялся, какъ будто издавна были научены, и съ радостію текли на крещеніе. Радовался и князь Владиміръ, видя ихъ теплую вѣру въ Господа нашего Іисуса Христа... Много было сыновъ у Владиміра, но между ними, какъ двѣ свѣтлыя звѣзды посреди ночи, сіяли Борисъ и Глѣбъ. Благовѣрный князь отпустилъ всѣхъ своихъ сыновъ, каждаго въ его удѣлъ; но Св. Бориса и Глѣба удержалъ при себѣ; потому что они были еще юны, особенно Глѣбъ. Блаженный Борисъ, будучи уже въ разумѣ и исполненный благодати Божіей, бралъ книги и читалъ: онъ былъ наученъ грамотѣ. Читалъ житія и мученія Святыхъ, и, молясь со слезами, говорилъ: Владыко мой Іисусе Христе! Сподоби меня, какъ одного изъ сихъ святыхъ, и даруй мнѣ по стопамъ ихъ ходить. Господи Боже мой, да не вознесется мысль моя суетою міра сего; но просвѣти сердце мое на уразумленіе Твоихъ заповѣдей, и даруй мнѣ даръ, какой даровалъ Ты отъ вѣка угодникамъ твоимъ... Когда онъ молился такимъ образомъ непрестанно, Св. Глѣбъ слушалъ его, сидя, и не отлучался отъ блаженнаго Бориса, но съ нимъ пребывалъ день и ночь, слушая его. Былъ же Глѣбъ... юнъ тѣломъ, но старъ умомъ; много подавалъ милостыни нищимъ, вдовицамъ, сиротамъ... И любилъ ихъ отецъ, видя на нихъ благодать Божію....»

Изъ житія преподоб. *Θеодосія* начало:

«Благодарю Тебя, Господи Владыко мой, Іисусе Христе, за то, что Ты сподобилъ меня, недостойнаго, быть провозвѣстникомъ твоихъ угодниковъ. Ибо послѣ того, какъ сперва написалъ я о житіи, убіеніи и чудесахъ, святыхъ и блаженныхъ страстотерпцевъ Бориса и Глѣба, вотъ я понудилъ себя и на другое исповѣданіе, превышающее мои силы, котораго я, грубый и неразумный, не былъ достоинъ, тѣмъ болѣе, что я не наученъ ни какой мудрости... Но вспомнилъ я Господи, слово Твое: *аще имате вѣру, яко зерно горушно, речете горѣ сей, прейди отсюду тамо, и прейдетъ: и ничтоже невозможно будетъ вамъ.* Вспомнилъ я это, грѣшный Несторъ, въ умѣ своемъ, и, оградивъ себя вѣрою и упованіемъ, что все отъ Тебя возможно, положилъ начало слову житія преп. отца нашего Θеодосія, бывшаго игумена монастыря Печерскаго... Молился Богу, да сподобитъ меня написать по порядку о житіи угодника своего, отца нашего Θеодосія, чтобы и имѣющіе быть послѣ насъ черноризцы, читая жизнеописаніе его, и видя такого доблестнаго мужа, восхвалили Бога, прославили угодника Его, и укрѣплялись на дальнѣйшіе подвиги, тѣмъ болѣе, что такой мужъ, такой угодникъ Божій, явился на землѣ нашей. ...Послушайте братіе, со всякимъ прилежаніемъ: потому что слово исполнено пользы для всѣхъ слушающихъ. Но молю васъ, возлюбленные, не зазрите моей грубости: только одержимый любовію къ преподобному, я осмѣлился писать о немъ, а съ другой стороны — опасаясь, чтобы не сказано было мнѣ: *лукавый рабе и лѣнивый, подобаше тебѣ вдати серебро мое торжникомъ, и пришедъ азъ взялъ быхъ свое съ лихвою.*—...Владыко мой, Господи Вседержителю! благихъ подателю, Отче Господа нашего Іисуса Христа? Пріиди на помощь мнѣ, и просвѣти сердце мое на уразумѣніе заповѣдей Твоихъ, и отверзи уста мои на исповѣданіе чудесъ Твоихъ, и на похваленіе угодника Твоего, да прославится имя Твое Святое, яко ты еси помощникъ всѣхъ уповающихъ на тя. Аминь.»

Заключеніе:

«...Такимъ образомъ, все что слышалъ я съ испытаніемъ о блаженномъ и великомъ отцѣ нашемъ Θеодосіи отъ старѣйшихъ меня отцевъ, бывшихъ въ его время, все то и написалъ я, грѣшный Несторъ, меньшій изъ

всѣхъ въ монастырѣ препод. отца нашего Ѳеодосія... Многократно слыша, братіе, о добромъ и чистомъ житіи богоноснаго отца нашего, я весьма радовался и благодарилъ его, что онъ столько потрудился, и такъ пожилъ въ наши, послѣдніе дни. Но видя, что оно ни кѣмъ не было описано, глубоко я скорбѣлъ душею, а будучи одержимъ любовію къ святому и великому отцу нашему Ѳеодосію, я покусился отъ грубости сердца моего написать о немъ, что слышалъ, хотя немного изъ многаго, на славу и честь великому Богу и Спасу нашему Іисусу Христу.»

Начало житія Ѳеодосія въ подлинникѣ:

«Благодарю тя, Владыко мой Господи Іисусе Христе, яко сподобилъ мя еси недостоинаагo сповѣдателя быти Святымъ твоимъ угодникомъ: се бо исперва писавшю ми о житіи и о оубиеніи и о чюдесѣхъ святою и блаженою стратрьпцю, Бориса и Глѣба, понеудихъ ся и на другое исповѣданіе прити, еже выше е моея силы, емоу же и не бѣхъ достоинъ, гроубъ сы и не разоумиченъ, къ симъ же яко и не бѣхъ ученъ никоей же хитрости, но въспомянухъ, Господи, слово твое, рекшее аще имате вѣру яко и зерно горущьно, и речете горѣ сей: прейди и вьврьзися къ море, и абіе послоушаеть васъ. Си на оумѣ азъ грѣшьныи, Нестеръ, примъ и оградивъся вѣрою и упованіемъ, яко вся возможна отъ тебе суть, начатокъ словоу съписанія положихъ, еже о житіи преподобнаго отца нашего Ѳеодосія....»

Изъ лѣтописи не приводимъ отрывковъ, такъ какъ много ихъ находится въ нашемъ повѣствованіи.

Я осмѣливаюсь привесть здѣсь заключительныя слова одной моей лекціи о Несторѣ, въ Московскомъ Университетѣ въ 1837 г. по окончаніи разбора всѣхъ доказательствъ, противъ него направленныхъ.

...Такъ, Мм. Гг., по всѣмъ самымъ точнымъ изслѣдованіямъ, по всѣмъ самымъ мелкимъ наблюденіямъ, по всѣмъ усильнымъ соображеніямъ, подвергая строжайшей критикѣ всѣ показанія лѣтописи, и всѣ свидѣтельства посторонния, хладнокровно, безпристрастно, добросовѣстно, въ томъ положеніи, въ какомъ находится нынѣ наша Исторія и ея критика, сколько до сихъ поръ извѣстно источниковъ и документовъ, мы признаемъ несомнѣннымъ, что первою нашею лѣтописью мы обязаны Нестору, Кіево-Печерскому монаху XI столѣтія. Чѣмъ разнообразнѣйшему допросу подвергается онъ, тѣмъ чище, достовѣрнѣе, почтеннѣе, является предъ глазами всякаго неумытнаго судьи, какъ старый Иродотъ, на котораго также возводимо было много несправедливыхъ подозрѣній, въ продолженіи вѣковъ. Всѣ клеветы и напраслины сбѣгаютъ чужею чешуею съ нетлѣнныхъ его останковъ. Да, М. Г., мы обладаемъ въ Несторовой лѣтописи такимъ сокровищемъ, какого не представитъ намъ Латинская Европа, какому завидуютъ наши старшіе братья Славяне. Несторъ, во мракѣ XI вѣка, въ эпоху междоусобныхъ войнъ, возъимѣлъ первый мысль предать на память вѣкамъ дѣянія нашихъ предковъ, мучительное рожденіе государства, бурное его дѣтство. Несторъ проложилъ дорогу, подалъ примѣръ всѣмъ своимъ преемникамъ въ Новгородѣ и Волыни, Владимірѣ и Псковѣ, Кіевѣ и Москвѣ, какъ продолжать его историческое дѣло, безъ котораго мы блуждали бы во тьмѣ преданій и вымысловъ. Несторъ исполнилъ это дѣло съ примѣчательнымъ здравымъ смысломъ, искусствомъ, добросовѣстностію, правдивостію, и, прибавимъ здѣсь еще одно прекрасное его свойство, съ теплотою душевною, съ любовію къ отечеству. Любовь къ отечеству въ эпоху столь отдаленную, въ эпоху, когда вездѣ господствовала личность,— выраженіе о Русской землѣ, въ устахъ святаго отшельника, погребеннаго заживо въ глубокой пещерѣ, обращеннаго всею душею къ Богу, и удѣлявшаго между тѣмъ по нѣскольку минутъ на размышленіе о земной своей отчизнѣ, — явленіе умилительное!

Несторъ есть прекрасный характеръ Русской Исторіи, характеръ, которымъ долженъ дорожить всякій Русскій, любящій свое отечество, ревнующій литтературной славѣ его, славѣ чистой и прекрасной. Несторъ, по всѣмъ правамъ, долженъ занимать почетное мѣсто въ Пантеонѣ Русской литтературы, Русскаго просвѣщенія,—тамъ гдѣ блистаютъ имена безсмертныхъ *Кирилла и Меѳодія*, изобрѣтателей Славянской грамоты, которые научили нашихъ предковъ молиться Богу на своемъ языкѣ, между тѣмъ какъ вся Европа въ священныхъ храмахъ лепетала чуждые, непонятные, варварскіе звуки; тамъ гдѣ блистаетъ имя *Добровскаго*, законодателя Славянскаго языка, обрѣтшаго непреложные законы въ движеніяхъ его коренныхъ элементовъ, сообщившаго филологіи ея высокое достоинство; тамъ гдѣ мы благоговѣемъ предъ изображеніемъ нашего Холмогорскаго рыбака, *Ломоносова*, давшаго намъ услышать новую, чудную гармонію въ отечественной рѣчи; гдѣ возвышается памятникъ *Карамзина*, котораго должны мы почитать Несторомъ нашего времени, идеаломъ Русскаго гражданина и писателя; куда перенесли мы недавно со слезами гробъ *Пушкина*, который опустился далѣе всѣхъ въ глубину Русской души, и извлекъ изъ нея самыя основные звуки. Туда, туда постановимъ мы.... не портретъ, но освященный *образъ* нашего перваго лѣтописателя, знаменитаго инока Кіевопечерскаго, Нестора, провозгласимъ ему вѣчную память, и будемъ молиться ему, чтобъ онъ послалъ намъ духа Русской Исторіи: ибо духъ только, друзья мои, животворитъ, а буква, буква одна умерщвляетъ, по слову св. Писанія; мы будемъ молиться ему, чтобъ онъ соприсутствовалъ намъ въ нашихъ разысканіяхъ о предметѣ земной его любви, о предметѣ самомъ важномъ въ системѣ гражданскаго образованія, въ коемъ таится все наше настоящее и будущее, объ отечественной исторіи; мы будемъ молить его, чтобъ онъ подавалъ намъ собою примѣръ трудиться, не для удовлетворенія своего бѣднаго самолюбія, не изъ угожденія своимъ мелкимъ страстямъ, а въ духѣ того смиренномудрія, которое внушило ему эти прекрасныя слова, по замѣчанію одного изъ моихъ товарищей: «Азъ грѣшный Несторъ, *мній всѣхъ* въ монастырѣ блаженнаго отца всѣхъ Ѳеодосія,» — трудиться въ духѣ горячей любви къ отечеству, съ искреннимъ желаніемъ научиться и узнать истину.

Лѣтописатель Василій.

«Приде Святополкъ съ Давыдомъ Кыеву, и ради быша людье вси, но токмо дьяволъ печаленъ бяше о любви сей, и влѣзе сотона въ сердце нѣкоторымъ мужемъ, и почаша глаголати къ Давыдови Игоревичу, рекуще сице: «яко Володимеръ сложился есть съ Василкомъ на Святополка и на тя.» Давыдъ же емъ вѣру лживымъ словомъ, нача молвити на Василка, глаголя: «кто есть убилъ брата твоего Ярополка? а нынѣ мыслить на мя и на тя, и сложился есть съ Володимеромъ; да промышляй о своей головѣ.» Святополкъ же смятеся умомъ, река: «еда се право будетъ, или лжа,» не вѣдѣ. И рече Святополкъ къ Давыдови: «да аще право глаголеши, Богъ ти буди послухъ; да аще ли завистью молвишь, Богъ будетъ за тѣмъ.» Святополкъ же сжалися по братѣ своемъ и о собѣ, нача помышляти, еда се право будетъ? и я вѣру Давыдови. И прелсти Давыдъ Святополка, и начаста думати о Василкѣ, а Василко сего не вѣдяше и Володимеръ. И нача Давыдъ глаголати: «аще не имевѣ Василка, то ни тобѣ княженья Кыевѣ, ни мнѣ въ Володимери,» и послуша его Святополкъ.

И приде Василко въ 4 ноямьбря, и перевезеся на Выдобичь, и идѐ поклонится къ святому Михаилу въ манастырь, и ужина ту, а товары своя постави на Рудици; вечеру же бывшю приде въ товаръ свой. И наутрія же бывшю, присла Святополкъ, река: «не ходи отъ именинъ моихъ.» Василко же отпрѣся, река: «не могу ждати; еда будетъ рать дома.» И присла къ нему Давыдъ: «не ходи, брате, не ослушайся брата

старѣйшаго;» и не всхотѣ Василко послушати. И рече Давыдъ Святополку: «видиши ли, не помнить тебѣ, ходя въ твоею руку; аще ти отъидеть въ свою волость, да узришь, аще ти не заиметь градъ твоихъ Турова и Пиньска, и прочихъ градъ твоихъ, да помянешь мене; но призвавъ Кіяны и емь, и дажь мнѣ.» И послуша его Святополкъ, и посла по Василка, глаголя: «да еще не хощешь остати до именинъ моихъ, да приди нынѣ, цѣлуеши мя, и посѣдимъ вси съ Давыдомъ.»

Василко же обѣщася прити, не вѣдай льти, юже имяше на нь Давыдъ. Василко же всѣдъ на конь поѣха, и устрѣте и дѣтьскый его, и повѣда ему, глаголя: «не ходи, княже, хотять ти яти.» И не послуша его, помышляя, «како ми хотять яти? а оно мнѣ цѣловавше крестъ, рекуще: аще кто на кого будеть, то на тото будетъ крестъ и мы вси.» И помысливъ си прекрестися, рекъ: «воля Господня да будетъ.» И пріѣха въ малѣ дружинѣ на княжь дворъ, и вылѣзе противу его Святополкъ, и идоша въ истобку, и приде Давыдъ, и сѣдоша. И нача глаголати Святополкъ: «останися на *святокъ*.» И рече Василко: «не могу остати, брате; уже есмъ повелѣлъ товаромъ поити переди.» Давыдъ же сѣдяше акы нѣмъ, и рече Святополкъ: «да заутрокаи, брате!» и обѣщася Василко заутракати. И рече Святополкъ: «посѣдита вы сдѣ, а язъ лѣзу наряжю,» и лѣзе вонъ, а Давыдъ съ Василкомъ сѣдоста. И нача Василко глаголати къ Давыдови, и не бѣ въ Давыдѣ гласа, ни послушанья: бѣ бо ужаслъся, и лесть имѣя въ сердци. И посѣдѣвъ Давыдъ мало, рѣче: «кдѣ есть братъ?» Они же рѣша ему: «стоить на сѣнехъ.» И вставъ Давыдъ, рече: «азъ иду по нь, а ты, брате, посѣди.» И вставъ иде вонъ.

И яко выступи Давыдъ, и запроша Василка въ 5 ноямьбря, и оковаше и въ двои оковы, и приставиша къ нему сторожѣ на ночь. Наутріа же Святополкъ созва боляръ и Кыянъ, и повѣда имъ, еже бѣ ему повѣдалъ Давыдъ, яко «брата ти убилъ, а на тя свѣчался съ Володимеромъ, и хотять тя убити и грады твоя заяти.» И рѣша боляре и людье: «тобѣ, княже, достоитъ блюсти головы своее; даеще есть право молвилъ Давыдъ, да пріиметъ Василко казнь; аще ли неправо, глагола Давыдъ, да пріиметъ месть отъ Бога, и отвѣчаетъ предъ Богомъ.» И увѣдѣша игумени, и начаша молитися о Василкѣ Святополку, и рече имъ Святополкъ: «ото Давыдъ.» Увѣдевъ же Давыдъ, нача поущати на ослѣпленье: «аще ли сего не створишь, а пустишь и, то ни тобѣ княжити, ни мнѣ.» Святополкъ же хотяше пустити и, но Давыдъ не хотяше, блюдася его. И на ту ночь ведоша и Бѣлугороду, иже градъ малъ у Кіева, яко 10 верстъ въ дале, и привезоша и на колѣхъ, окована суща, ссадиша и съ колъ, и ведоша и въ истобку малу. И сѣдящу ему, узрѣ Василко Торчина, остряща ножь, и разумѣ, яко хотятъ и слѣпити, възпи къ Богу плачемъ великимъ и стенаньемъ. И се влѣзоша посланіи Святополкомъ и Давыдомъ, Сновидъ Изечевичь, конюхъ Святополчь, и Дьмитръ, конюхъ Давыдовъ, и почаста простирати коверъ, и простерша, яста Василка и хотяща и поврещи, и боряшется съ нима крѣпко, и не можаста его поврещи. И се влѣзше друзіи повергоша и, и связаша и, и снемше доску съ печи, и възложиша на перси его; и сѣдоста обаполы Сновидъ Изечевичь и Дмитръ, и не можаста удержати, и приступиста ина дра, и сняста другую дску съ печи, и сѣдоста, и удавиша и рамяно, яко персемъ троскотати. И приступи Торчинъ, именемъ Беренди, овчюгъ Святополчь, держа ножъ, и хотя ударити въ око, и грѣшися ока, и перерѣза ему лице, и есть рана та Василкѣ и нынѣ; и посемъ удари и въ око, и изя зѣницю, и посемъ въ другое око, и изя другую зѣницю, и томъ часѣ бысть яко и мертвъ. И вземше и на коврѣ, взложиша на кола яко мертва, повезоша и Володимерю, И бысть везому ему, сташа съ нимъ перешедше мостъ Звиженьскый, на торговищи, и сволокоша съ него сорочку кроваву сущю, и вдаша попадьи оправи. Попадья же оправши вложи на нь, онѣмъ обѣдующимъ, и плакатися нача

попадья, яко мертву сущю оному. И очюти плачь и рече: кдѣ се еемъ?» Они же рекоша ему: «въ Звиждени городѣ.» И впроси воды, они же даша ему, и испи воды, и вступи въ онь душа, и упомянуся, и пощюпа сорочкы и рече: «Чему есте сняли съ мене? Да быхъ въ той сорочкѣ кровавѣ смерть прiялъ и сталъ предъ Богомъ.» О немъ же обѣдавшимъ, поидоша съ нимъ вскорѣ на колѣхъ, а по грудну пути, бѣ бо тогда мѣсяцъ груденъ, рекше ноябрь; и прiидоша съ нимъ Володимерю въ 6 день. Приде же и Давыдъ съ нимъ, акы нѣкакъ уловъ уловивъ, и посалиша и въ дворѣ Вакѣевѣ, и приставиша 30 мужь стеречи и 2 отрока княжа, Уланъ и Колчко....

Игуменъ *Данiилъ.*

«Я, недостойный игуменъ Русской земли, Данiилъ, худшiй изъ всѣхъ иноковъ, смиренный по множеству грѣховъ, не совершивый никакого добраго дѣла, будучи нудимъ мыслiю своею, съ нетерпѣнiемъ желалъ видѣть св. градъ Iерусалимъ и землю обѣтованную, и, благодатiю Божiею, достигалъ я св. мѣстъ съ миромъ, и своими очами видѣлъ св. мѣста, обходилъ всю обѣтованную землю, по которой походилъ ногами своими Христосъ Богъ нашъ, и гдѣ совершилъ Онъ многiя чудеса. Все то видѣлъ я своими грѣшными очами, и все показалъ мнѣ Господь видѣть впродолженiи многихъ дней, что желалъ я видѣть. Братiе и отцы, и господа мнихи! простите мнѣ и не зазрите худоумiю моему за то, что я по грубости моей написалъ о св. градѣ Iерусалимѣ, и о св. землѣ той и о своемъ путешествiи . . . Я описалъ путь мой и св. мѣста, не возносясь и не величаясь, будто бы я сотворилъ что доброе на пути семъ,—да не будетъ: я не сотворилъ на пути никакого добра. Но изъ любви къ св. мѣстамъ я писалъ все, что видѣлъ грѣшными очами, чтобы не забыть того, что показалъ мнѣ Господь, недостойному видѣть . . . Написалъ я это также и для вѣрныхъ людей, чтобы иной, услышавъ о св. мѣстахъ, поревновалъ о нихъ душею и мыслiю, и чрезъ то удостоился получить мзду, равную съ ходившими къ св. мѣстамъ. Ибо многiе добрые люди, и сидя дома, своими милостынями и добрыми дѣлами достигаютъ св. мѣстъ, и большую мзду прiимутъ отъ Бога. А многiе, доходивъ до св. мѣстъ, и увидѣвъ св. градъ Iерусалимъ, вознесшися умомъ, какъ будто нѣчто доброе сотворили, погубляютъ мзду труда своего, каковъ первый—я. Многiе же, достигаютъ Iерусалима, спѣшатъ назадъ, не видѣвъ многаго—тогда какъ путь сей нельзя совершить скоро, и нужно не торопиться, чтобы видѣть всѣ св. мѣста.» (Данiилъ пробылъ въ Iерусалимѣ 16 мѣсяцевъ).

Вотъ какъ описываетъ Данiилъ приближенiе путниковъ къ Iерусалиму и входъ въ него:

«Св. градъ Iерусалимъ находится въ долинѣ; вокругъ него высокiя каменныя горы, такъ, что нужно приблизиться къ городу, чтобы его увидѣть. Прежде всего видѣнъ домъ Давидовъ, потомъ, чрезъ нѣсколько шаговъ впередъ, можно видѣть Елеонскую гору и церковь Святая Святыхъ. Наконецъ открывается и весь городъ. Есть тамъ близь пути ровная гора, на разстоянiи одной версты отъ Iерусалима, и на той горѣ путники слѣзаютъ съ своихъ коней, и издали покланяются храму св. Воскресенiя. Тогда великая бываетъ радость всякому христiанину, узрѣвшему св. градъ. Никто не можетъ не прослезиться, увидѣвъ землю желанную и св. мѣста, гдѣ Христосъ Богъ походилъ ради нашего спасенiя. И идутъ пѣшiе къ св. граду Iерусалиму съ радостiю великою . . .

Послушаемъ, какъ повѣствуетъ Данiилъ о постановленiи имъ лампады на гробѣ Господнемъ отъ всей Русской земли:

«Въ великую пятницу, въ первомъ часу дня, пошелъ я, худой и недостойный, къ князю Балдуину, и поклонился ему до земли. Увидѣвъ меня, онъ подозвалъ меня къ себѣ съ любовiю и сказалъ: «чего хочешь, игумене Русскiй?» онъ зналъ меня хорошо и очень

любилъ: потому что онъ былъ человѣкъ добрый и смиренный, и нимало не гордился. Я отвѣчалъ ему: «Княже мой и господине! молю тебя ради Бога, и ради князей Русскихъ,—я хотѣлъ бы поставить лампаду свою на св. гробѣ Господнемъ отъ всей Русской земли, и за всѣхъ князей нашихъ и за всѣхъ христіанъ Русской земли.» Князь съ радостію повелѣлъ мнѣ поставить лампаду, и послалъ со мною своего лучшаго слугу къ иноку храма св. Воскресенія и къ ключарю гроба Господня. Оба они велѣли мнѣ принести кадило мое съ масломъ. Поклонившись имъ, я пошелъ на торжище съ великою радостію, купилъ большую стеклянную лампаду, налилъ въ нее чистаго деревяннаго масла, безъ примѣси воды, и уже вечеромъ, принесъ къ гробу Господню, гдѣ засталъ одного только ключаря. Онъ отперъ мнѣ двери къ гробу Господню, велѣлъ разуться, и босаго ввелъ меня одного ко гробу Господню. Здѣсь велѣлъ мнѣ поставить лампаду мою моими грѣшными руками въ ногахъ; а въ головахъ стояла лампада Греческая, а на персяхъ гроба стояла отъ всѣхъ монастырей, а на срединѣ поставилъ я грѣшный Русскую лампаду. Благодатію же Божіею всѣ тѣ три лампады зажглись сами собою, а Фряжскія лампады, висѣвшія вверху, не возгорѣлись ни одна. Поставивъ лампаду мою на святомъ гробѣ Господа нашего Іисуса Христа, я поклонился честному гробу тому, и, облобызавъ любовію и со слезами св. мѣсто, гдѣ лежало пречистое тѣло Господа Іисуса, вышелъ изъ гроба съ великою радостію.

Нельзя, наконецъ, не остановиться на послѣсловіи, которымъ оканчиваетъ Даніилъ свою книгу—такъ оно простосердечно и трогательно:

«Я ходилъ туда (въ Іерусалимъ)—говоритъ онъ,—въ княженіе Русскаго великаго князя Святополка Изяславича, внука Ярослава Владимировича Кіевскаго. Богъ—свидѣтель и св. гробъ Господень, что во всѣхъ тѣхъ св. мѣстахъ я не забылъ князей Русскихъ и княгинь ихъ, и дѣтей ихъ, не забылъ ни епископовъ, ни игуменовъ, ни бояръ, ни дѣтей моихъ духовныхъ, ни всѣхъ христіанъ, но вездѣ поминалъ ихъ. Благодарю благаго Бога за то, что онъ сподобилъ меня, худаго, записать имена князей Русскихъ въ лаврѣ св. Саввы, гдѣ они и нынѣ поминаются на ектиніи. Эти имена: Михаилъ Святополкъ, Василій, Владиміръ, Давидъ Всеславичъ, Михаилъ Олегъ, Панкратій, Ярославъ Святославичъ, Андрей-Мстиславъ Всеволодовичъ, Борисъ Всеславичъ, Глѣбъ Минскій. Только я припомнилъ именъ, и все то вписалъ у гроба Господня, кромѣ вообще князей и бояръ Русскихъ. Во всѣхъ св. мѣстахъ я отслужилъ 90 литургій за князей и за бояръ, и за дѣтей моихъ духовныхъ, и за всѣхъ христіанъ, живыхъ и мертвыхъ. Да будетъ же всякому, кто прочтетъ это писаніе мое съ вѣрою и любовію, благословеніе отъ Бога, и отъ св. гроба, и отъ всѣхъ св. мѣстъ, и да пріиметъ таковый мзду отъ Бога наравнѣ съ ходившими до св. града Іерусалима, и видѣвшими св. мѣста сіи: блажены не видѣвшіе и вѣровавшіе; вѣрою вошелъ Авраамъ въ землю обѣтованную. По истинѣ вѣра равна добрымъ дѣламъ. Но Бога ради, братіе и отцы и господіе мои, не зазрите моему худоумію и моей грубости, и да не будетъ въ похуленіе писаніе сіе не ради меня, грубаго, но ради св. мѣстъ. Читайте его съ любовію, да пріимете мзду отъ Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, и Богъ мира да будетъ со всѣми вами.»

Предлагаемъ начало по подлиннику:

«Се азъ недостойный игуменъ Даніилъ, Рускыя земля, хужьшій въ всѣхъ мнисехъ, смиренъ сый многыми грѣхы и невѣжствіемъ о всякомъ дѣлѣ блазѣ, и понуженъ быхъ мыслію своею и нетерпѣніемъ своимъ, въсхотѣхъ видити святый градъ Іерусалимъ и землю, обѣтованную Богомъ Аврааму. Волею же Божіею храними, доходихъ святаго града Іерусалима, и видѣхъ всю землю Галилейскую и святаа мѣста, и вся обидохъ всю ту землю,

уду же Христосъ Богъ нашъ походи своима ногама, и много чудесъ показа преславно святымъ своимъ апостоломъ и ученикомъ, да то все видѣхъ очима своима грѣшныма, и все ми Богъ показа видѣти, его же желахъ азъ по многи дни, мыслію своею мучимъ...»

Симонъ, Епископъ Владимирскій.

Посланіе къ Поликарпу, черноризцу печерскому: «Братъ! сядь въ безмолвіи, собери умъ свой и скажи въ себѣ: О убогій иноче! Не оставилъ ли ты міра и по плоти родителей ради Господа? Если же, и пришедши сюда для спасенія, ты не духовное творишь: то для чего облекся въ иночество? Не избавятъ тебя отъ муки черныя ризы, если живешь не по-чернецки. Знаешь ты, какъ величаютъ тебя здѣсь князья, бояре и всѣ друзья твои, говоря: «блаженъ онъ, что возненавидѣлъ міръ и славу его, уже не печется ни о чемъ земномъ, желая небеснаго.» А живешь не по монашески. Великій стыдъ объемлетъ меня за тебя. Что, если ублажающіе насъ предварятъ насъ въ царствіи небесномъ, и будутъ въ покоѣ, а мы, мучимые горько, будемъ вопіять? Кто помилуетъ тебя, когда самъ ты себя погубилъ? Воспряни, братъ, и попекись мысленно о душѣ своей; работай Господеви со страхомъ, и со всякимъ смиренномудріемъ. Не будь нынѣ кротокъ, а завтра яръ и золъ; не надолго молчаливъ, а потомъ опять склоненъ къ роптанію на игумена и его служителей. Не будь лживъ, и, подъ предлогомъ болѣзни, не отлучайся отъ собранія церковнаго. Ибо какъ дождь раститъ сѣмя, такъ и церковь влечетъ душу на добрыя дѣла. Что ни дѣлаешь въ келіи, не имѣетъ такой силы, какъ совершаемое въ церкви. Читаешь-ли псалтирь, или поешь 12 псалмовъ,—это не сравняется съ однимъ соборнымъ пѣніемъ: Господи помилуй. Самъ Господь сказалъ: *храмъ Мой храмъ молитвы наречется; идѣже бо есть два или тріе собрани во имя Мое, ту есмь посредѣ ихъ.* А когда собирается такой соборъ—болѣе ста человѣкъ братіи, тѣмъ болѣе вѣруй, что посреди ихъ Господь Богъ нашъ. Отъ церковнаго огня приуготовляется и обѣдъ ихъ, котораго одна крупица для меня вожделѣннѣе всего, что предо мною. Свидѣтельствуюсь Господомъ, что не желалъ бы вкушать инаго брашна, кромѣ укруха хлѣба и гороху, приготовленнаго для святой братіи. А ты, братъ, не дѣлай такъ, что нынѣ хвалишь соучастниковъ трапезы, а завтра ропщешь на повара и служащаго брата, и тѣмъ оскорбляешь начальствующаго. Терпи, братъ, и досажденіе: *претерпѣвый до конца, той спасется.* Если и случится тебѣ быть оскорбленнымъ; и кто нибудь придетъ и скажетъ тебѣ: такой-то очень нехорошо говорилъ о тебѣ,—скажи вѣстнику: хотя онъ и укорилъ меня, но онъ мой братъ, я достоинъ этого, и онъ не самъ собою дѣлаетъ, но врагъ его подучилъ, чтобы разсорить насъ между собою. Господь да поразитъ лукаваго, а брата да помилуетъ. Скажешь: онъ въ лице оскорбилъ меня предъ всѣми. Не смущайся, чадо, и не предавайся скоро гнѣву, но падши до земли, поклонись брату, и скажи ему: прости меня: Исправь въ себѣ прегрѣшеніе, и побѣдишь всю силу вражію. Если на поношеніе будешь отвѣчать грубостію; то вдвойнѣ досадишь себѣ Развѣ ты болѣе царя Давида, котораго Семей поносилъ въ лице? А онъ намѣревавшемуся отмстить за него слугѣ своему сказалъ: не дѣлай сего, да видитъ Господь смиреніе мое, и воздастъ ми благая клятвы его ради. Довольно братъ и того, что ты сдѣлалъ по своей гордости: теперь тебѣ слѣдуетъ оплакивать то, что, оставивъ святый монастырь и св. отцовъ Антонія и Θеодосія и св. черноризцевъ, которые съ ними, взялся быть игуменомъ въ монастырѣ св. Безмездниковъ. Хорошо ты поступилъ, когда вскорѣ оставилъ это начинаніе, и не далъ плещи врагу своему, который хотѣлъ погубить тебя. Развѣ ты не знаешь, что дерево не поливаемое, но часто пересаживаемое, скоро засыхаетъ? И ты, отказавшись отъ послушанія отцу и братіи своей, скоро погибъ бы: овца въ стадѣ безопасна, а отдѣлившись отъ стада, скоро гибнетъ отъ волковъ. Тебѣ бы прежде

надлежало размыслить, для чего ты хотѣлъ выйдти изъ святой, блаженной и честной обители Печерской, гдѣ такъ удобно всякому желающему спастись. Я думаю, братъ, что самъ Богъ попустилъ сему быть въ наказаніе твоей гордости,—за то, что ты не захотѣлъ служить мужу святому, своему господину, а нашему брату, архимандриту Акиндину, игумену печерскому. Печерскій монастырь, какъ море, не содержитъ въ себѣ гнилаго, но извергаетъ вонъ. А что писалъ ты ко мнѣ о своей досадѣ,—горе тебѣ: ибо ты погубилъ свою душу. Спрашиваю тебя: чѣмъ ты хочешь спастись? Будь ты постникъ, всегда трезвенъ и нищь, проводи ночи безъ сна, но если не переносишь оскорбленій, не спасешься. Порадовались было о тебѣ игуменъ и вся братія, и мы утѣшились вѣстію о твоемъ обрѣтеніи. Но ты и еще попустилъ быть твоей волѣ, а не волѣ игумена, захотѣлъ еще разъ быть игуменомъ у святаго Димитрія, хотя никто тебя не принуждалъ: ни игуменъ, ни князь, ни я. И вотъ теперь ты уже испыталъ... Пойми же, братъ, что Богу не угодно твое старѣйшинство, и потому Онъ послалъ тебѣ слабость зрѣнія. Но и этимъ ты не вразумился, чтобы сказать: *благо мнѣ, яко смирилъ мя еси, да научуся оправданіемъ Твоимъ.* Я вижу, что ты самолюбецъ, и ищешь славы отъ людей, а не отъ Бога. Развѣ я недостоинъ, говоришь ты, такого сана? чѣмъ я хуже, напримѣръ, иконома или кого другаго?.. Пишетъ ко мнѣ супруга князя Ростислава, Верхуслава, желая видѣть тебя епископомъ въ Новгородѣ на мѣсто Антонія, или въ Смоленскѣ на мѣсто Лазаря, или въ Юрьевѣ намѣсто Алексѣя, и говоритъ: я готова ради тебя и Поликарпа истратить хотя бы до тысячи серебра. Но я отвѣчалъ ей: дочь моя Анастасія! Дѣло не богоугодное хочешь ты сдѣлать. Если бы Поликарпъ остался въ монастырѣ, и съ чистою совѣстію, въ послушаніи игумену и всей братіи, въ совершенномъ воздержаніи проводилъ жизнь; то не только во святительскую одежду былъ бы облеченъ, но удостоился бы и небеснаго царства. А ты, братъ, епископства ли пожелалъ? Добра дѣла желаеши, но прочитай, что говоритъ апостолъ Павелъ къ Тимоѳею, и подумай, находишь-ли ты въ себѣ тѣ качества, какія долженъ имѣть епископъ. Если бы ты былъ достоинъ такого сана: я не пустилъ бы тебя отъ себя, но своими руками поставилъ бы тебя намѣстникомъ въ обѣ епископіи: во Владиміръ и въ Суздаль, какъ хотѣлъ князь Георгій; но я не согласился... Братъ, не въ томъ совершенство, чтобы быть славимымъ отъ всѣхъ, но въ томъ, чтобы исправить свое житіе и явить себя чистымъ. Изъ Печерскаго монастыря многіе поставлены во епископовъ. Какъ отъ самаго Христа Бога нашего Апостолы посланы были во всю вселенную,—такъ отъ Его Матери Госпожи нашей Богородицы, изъ монастыря Ея, многіе поставлены были во епископовъ по всей земли Русской. Первый—Ростовскій Леонтій, великій святитель, котораго Богъ прославилъ нетлѣніемъ. Это былъ первый престольникъ, котораго невѣрные много мучили и били, и онъ сталъ третьимъ гражданиномъ Русскаго міра, получивъ вмѣстѣ съ двумя Варягами вѣнецъ отъ Христа, ради котораго пострадалъ. О Иларіонѣ митрополитѣ ты самъ читалъ въ житіи св. Антонія, что имъ онъ постриженъ, и послѣ того сподобился священства. Послѣ нихъ поставлены были епископами: Николай и Ефремъ въ Переяславль, Исаія въ Ростовъ, Германъ въ Новгородъ, Стефанъ во Владиміръ, Нифонтъ въ Новгородъ, Маринъ въ Юрьевъ, Мина въ Полоцкъ, Николай въ Тмуторокань, Ѳеоктистъ въ Черниговъ, Лаврентій въ Туровъ, Лука въ Бѣлгородъ, Ефремъ въ Суздаль. Если хочешь знать обо всѣхъ, прочти *старую лѣтопись Ростовскую,* и найдешь, что всѣхъ было болѣе 30, а если считать далѣе и до насъ грѣшныхъ, то думаю, будетъ около 50. Пойми жъ, братъ, какова слава того монастыря, и, утвердившись, покайся и возлюби тихое и безмятежное житіе, къ которому Господь привелъ тебя: я бы радъ оставить епископство, и служить игумену въ томъ

святомъ Печерскомъ монастырѣ, но знаешь, что удерживаетъ меня... Кто не знаетъ, что у меня, грѣшнаго епископа Симона, соборная церковь во Владимирѣ - красота города, а другая въ Суздалѣ, которую я самъ создалъ? Сколько онѣ имѣютъ городовъ и селъ? И десятину собираютъ по всей землѣ той, и всѣмъ этимъ владѣетъ наша худость. Но предъ Богомъ скажу тебѣ: всю сію славу, власть, за уметы вмѣнилъ бы, если бы мнѣ хоть коломъ торчать за воротами, и соромъ валяться въ Печерскомъ монастырѣ, и быть попираему людьми. Одинъ день въ дому Божіей Матери лучше тысячи лѣтъ временной чести; въ немъ хотѣлъ бы я жить лучше, нежели въ селеніяхъ грѣшничихъ.»

Такъ оканчивается первая часть посланія св. Симона, нравоучительная.

Заключеніе въ подлинникѣ:

«Азъ бы радъ оставилъ епископство и работалъ игумену, но вѣси какая вещь держить мя. И кто не вѣсть менѣ грѣшнаго епископа Симона, и сеа зборныя церкви, красоты Владимерьскія; и другія Суздальскія церкве, юже самъ создахъ? Колико же имѣета градовъ и селъ? и десятину збираютъ по всей землѣ той, и тѣмъ всѣмъ владѣетъ наша худость. Предъ Богомъ ти молвлю: всю сію славу и власть, яко калъ мнѣлъ быхъ, аще бы ми трескою торчати за враты, или сметіемъ валятися въ Печерскомъ монастыри, и попираему быти человѣки. Лучьши есть чести временныя день единъ въ дому Божіа Матере паче 1000 лѣтъ, въ немъ же волилъ быхъ пребывати паче неже жити ми въ селѣхъ грѣшничѣхъ.»

Инокъ Поликарпъ.

Вотъ начало его посланія къ игумену Акиндину:

«При содѣйствіи Господа къ твоему благоумію слово, пречестный архимандритъ всей Россіи, отецъ и господинъ мой Акиндинъ! Приклонижъ благопріятный слухъ твой, да возглаголю тебѣ о житіи, дѣяніяхъ и знаменіяхъ, дивныхъ и блаженныхъ мужей, жившихъ въ святомъ Печерскомъ монастырѣ, что слышалъ я о нихъ отъ епископа Симона, Владимирскаго и Суздальскаго, брата твоего, и бывшаго черноризца того же Печерскаго монастыря. Онъ разсказалъ мнѣ грѣшному о святомъ и великомъ Антоніѣ, начальникѣ Русскихъ монаховъ, и о св. Ѳеодосіѣ, и о подвигахъ другихъ святыхъ и преподобныхъ отцовъ, скончавшихся въ дому Пречистой Божіей Матери: да послушаетъ твое благоразуміе моего младоумія и несовершеннаго смысла. Нѣкогда ты спросилъ меня, и повелѣлъ мнѣ повѣдать тебѣ о дѣяніяхъ тѣхъ черноризцевъ, но самъ знаешь мою грубость и не добрый нравъ, какъ я всегда со страхомъ бесѣдую предъ тобою о всякой вещи: могъ ли же я пересказать тебѣ ясно о преславныхъ знаменіяхъ и чудесахъ? Кое-что не многое я сказалъ тебѣ отъ тѣхъ чудесъ, но гораздо болѣе я забылъ отъ страха, и исповѣдалъ неразумно, стыдясь твоего благочестія. Посему я понудилъ себя теперь изложить тебѣ въ письмени о святыхъ и блаженныхъ отцахъ Печерскихъ, чтобы и будущіе послѣ насъ черноризцы увѣдали благодать Божію, бывшую въ этомъ святомъ мѣстѣ, и прославили Отца небеснаго, показавшаго такіе свѣтильники въ Русской землѣ и въ св. Печерскомъ монастырѣ.»

Нѣкоторые разсказы Поликарповы сопровождаются обращеніями къ Акиндину и нравственными соображеніями. Вотъ напримѣръ приложеніе въ житіи пр. Агапита:

«Такія-то и даже большія дѣла совершены тѣми священными черноризцами. И я, воспоминая добродѣтельное житіе ихъ, дивлюся, какъ доселѣ умолчаны были великія исправленія св. отца нашего Антонія. Если такое свѣтило угаснетъ по нашей небрежности: то какъ возсіяютъ отъ него лучи? Разумѣю препод. отцевъ нашихъ Печерскихъ. Но, по слову Господа: *Нѣсть пророкъ честенъ во отечествіи своемъ*. Я бы готовъ написать

тебѣ, честный архимандритъ, господинъ Акиндинъ, объ упомянутыхъ св. отцахъ и изобразить—однихъ чудотворенія, другихъ исправленія, третьихъ крѣпкое воздержаніе, иныхъ послушаніе, еще иныхъ прозорливость, какъ слышалъ я отъ твоего собрата, а отъ моего господина, епископа Симона. Но нѣкоторымъ кажутся невѣроятными мои сказанія по величію самыхъ дѣлъ, а вина ихъ невѣрованія та, что они знаютъ меня, Поликарпа, какъ грѣшника. Впрочемъ, если повелитъ твое преподобіе, я напишу, сколько мой умъ постигнетъ и память пособитъ, хотя и неудачно будетъ, да оставимъ написанное будущимъ послѣ насъ пользы ради, какъ *и блаженный Несторъ написалъ въ лѣтописцѣ о блаженныхъ отцахъ: Даміанѣ, Іереміи, Матвѣѣ и Исакіѣ*, и какъ въ житіи св. Антонія вписаны тѣ житія ихъ, хотя и кратко. Я скажу о прежде-упомянутыхъ черноризцахъ ясно, а не въ тайнѣ, какъ сказалъ уже о другихъ: ибо, если я умолчу, то они останутся забвенными навсегда, и имена ихъ не помянутся, какъ было до сего дня. Вотъ я сказалъ объ нихъ въ 15-е лѣто твоего игуменства, а впродолженія 160 лѣтъ доселѣ не было имъ поминовенія. Нынѣ только, по твоей любви, утаенное сдѣлалось извѣстнымъ, и память любившихъ Бога присно чтится и восхваляется; потому, что они угодники его, и увѣнчались отъ него. И я, грѣшный Поликарпъ, исполняя твою волю, державный Акиндинъ, написалъ тебѣ это. Но и еще исповѣмъ тебѣ нѣчто о блаженномъ и преподобномъ отцѣ нашемъ Григоріѣ Чудотворцѣ...»

Другіе разсказы Поликарповы, не имѣющіе подобныхъ приложеній въ концѣ, имѣютъ ихъ въ началѣ. Напримѣръ, житіе преп. Марка печерника начинается такъ:

«Мы, грѣшные, подражаемъ древнимъ жизнеописателямъ, но они употребляли много труда, странствовали въ пустыняхъ и горахъ и пропастяхъ земныхъ, и однихъ изъ преподобныхъ мужей, о которыхъ писали, видѣли сами, а о другихъ—о ихъ жизни, чудесахъ и богоугодныхъ дѣлахъ слышали отъ преждебывшихъ отцевъ, и такимъ образомъ составили патерикъ, который мы читая, наслаждаемся тѣми духовными словами. Я же, недостойный, и разума истины не постигъ, и ничего такого не видѣлъ, а только послѣдуя мною слышанному отъ епископа Симона, написалъ это твоему отчеству. Я никогда не обходилъ св. мѣстъ, не видѣлъ ни Іерусалима, ни Синайской горы, дабы приложить что нибудь къ моей повѣсти, какъ имѣютъ обычай украшаться хитрословесники. Я же не хочу хвалиться ничѣмъ, какъ только св. монастыремъ Печерскимъ, и бывшими въ немъ св. черноризцами, ихъ житіемъ и чудесами, которые воспоминаю съ радостію: ибо и я, грѣшный, желаю молитвы тѣхъ св. отцевъ ...»

Отрывокъ разсказа Поликарпова изъ житія Агапита въ подлинникѣ.

... Разболѣся Агапитъ, и пріиде къ нему (врачь) Арменинъ посѣтити его, и нача стязатися съ нимъ о врачевнѣй хитрости, глаголя: кымъ зеліемъ лечится таковый недугъ? отвѣча блаженный: имъ же Господь подастъ здравіе. Разумѣвше Арменинъ отнюдь невѣжу суща, и глагола къ своимъ неумѣтеля его нарече, и емъ его за руку рече, яко въ третій день умретъ. Се же истина, и не измѣнится слово мое. Аще ли же не тако будетъ, и азъ буду чернецъ. Блаженный бо съ радостью глаголя: се ли суть твоего врачеванія разуми—смерть ми повѣдаешь, а помощи ми не можеши? Аще еси хитръ, то дажь ми животъ; аще ли о семъ не владѣеши, что мя укоряеши осужая мя въ третій день умрети. И мнѣ извѣстилъ Господь въ третій мѣсяцъ отъити. . . .

Св. Кириллъ Туровскій.

Отрывокъ изъ слова въ первую недѣлю по пасхѣ, по переводу С. П. Шевырева.

Въ минувшую недѣлю (т. е. воскресеніе) все измѣнилось: небомъ стала земля, очищенная Богомъ; обновилась тварь; не нари-

цаются уже богами стихіи . . . Отселѣ адъ не пріемлетъ въ требы младенцевъ закалаемыхъ отцами; ни смерть не знаетъ уже почести; престало идолослуженіе; нетолько спасенъ человѣческій родъ, но и освятился Христовою вѣрою. Христосъ одинъ—жертва за всѣхъ. Пересталъ праздникъ субботѣ; царствуетъ во дняхъ *недѣля*, день Воскресенія. Увѣнчаемъ же, братіе, царицу дней; принесемъ же ей драгоцѣнные дары съ вѣрою; дадимъ по силѣ всякій что можетъ: кто милостыню, беззлобіе и любовь; другіе дѣвство чистое, и вѣру правую, и смиреніе нелицемѣрное; иные пѣніе псалмовъ, апостольское ученье, и молитву съ воздыханіемъ передъ Богомъ... Все ветхое конецъ пріяло, и стало новымъ: какъ видимое, такъ и невидимое. Нынѣ небеса просвѣтились, совлекли съ себя темныя облака, какъ вретища, и свѣтлымъ воздухомъ исповѣдаютъ славу Господню; эти видимыя небеса—символъ небесъ разумныхъ, или Сіонской горницы, соединившей Апостоловъ. Солнце восходитъ красуясь и радуясь, землю согрѣваетъ; такъ возсталъ изъ гроба праведное солнце Христосъ и спасаетъ всѣхъ вѣрующихъ. Луна уступила честь высшему свѣтилу: ветхій законъ—закону Христову. Зима языческаго кумирослуженія престола, ледъ Ѳомина невѣрія показаніемъ ребръ Христовыхъ растаялъ. Весна красная—то вѣра Христова, оживляющая естество человѣка; бурные вѣтры—грѣхотворенія помыслы, покаяніемъ претворенные въ добро, возращаютъ плоды душеполезные; земля естества нашего, принявъ, какъ сѣмя, слово Божіе, раждаетъ духъ спасенія. Новорожденные агнцы и юнцы бѣгутъ съ веселіемъ на поля къ матерямъ своимъ, и пастухи играютъ въ свирѣли:— кроткіе изъ язычниковъ люди,—агнцы, кумирослужители невѣрныхъ странъ — юнцы, возвращаются къ святой церкви и сосутъ млеко ея ученія; пастухи—учители Христова стада: они молятся о всѣхъ и славятъ Христа Бога, собравшаго и волковъ и агнцевъ въ единое стадо. Деревья распускаются... такъ мы были прежде древами дубравными, не приносили плода, а нынѣ привилася къ намъ вѣра Христова. Земледѣльцы,—ратаи слова, приводятъ словесныхъ юнцовъ къ духовному ярму, погружаютъ крестное рало въ браздахъ мысли, всыпаютъ сѣмя духовное, и веселятся надеждами будущихъ благъ. Рѣки полны водъ, совершаются рыбныя ловы: такъ Апостолы, испытавъ глубину Божія вочеловѣченія, обрѣтаютъ церковную мрежу, полную ловитвы. Трудолюбивыя пчелы летятъ на цвѣты и творятъ медвяныя соты: то иноки, которые въ пустыняхъ сами себя питаютъ, удивляютъ ангеловъ и человѣковъ, и готовятъ сладость людямъ и потребное церкви. Наконецъ птицы—веселые лики всей церкви... На этотъ новый праздникъ Воскресенія приносятся разные дары: отъ языковъ вѣра, отъ христіянъ требы, отъ іереевъ святыя жертвы, отъ миродержителей боголюбная милостыня, отъ вельможъ церковное попеченіе, отъ праведниковъ смиренномудріе, отъ грѣшниковъ истинное покаяніе, отъ нечестивыхъ обращеніе къ Богу, *отъ ненавидящихся духовная любовь*. Войдемъ нынѣ и мы, братіе, мысленно въ Сіонскую горницу, гдѣ собрались Апостолы и самъ Іисусъ Христосъ». . .

Отрывокъ изъ слова на Вознесеніе:

«На ту гору самъ Христосъ Богъ сегодня пришелъ, и собралися чины всѣхъ святыхъ: соборы Праотцовъ, Патріарховъ множество, полки Пророковъ, лики Апостоловъ, толпы вѣрныхъ. Тутъ въ небесахъ и на землѣ готовится торжество Вознесенія. Собрались Ангельскія силы и Архангельскія воинства: одни приносятъ облака на крыльяхъ вѣтряныхъ, для взятія отъ земли Христа Бога нашего; другіе готовятъ престолъ Херувимскій. Богъ Отецъ ожидаетъ Того, Кого въ лонѣ Своемъ имѣлъ еще и прежде съ Собою. Небеса веселятся, украшая свои свѣтила, готовя ихъ къ тому, чтобы принять благословеніе отъ Творца, когда онъ съ плотію Своею черезъ ихъ же врата на облака вознесется. Земля радуется, видя на себѣ Бога явственно

ходящаго, и вся тварь красуется, просвѣщаемая отъ Елеонской горы, которая святостію превзошла Синайскую. Началось пѣснословіе небесное во славу Вознесенія; сначала какъ громы, раздаются голоса Пророковъ: вознесися силою твоею, Боже, поемъ и воспоемъ силы Твоя. За ними поютъ Ангелы: Патріархи начинаютъ пѣснь: се Богъ нашъ возносится! Возглашаютъ преподобные, велегласуютъ праведные. Давидъ, какъ старѣйшина ликовъ, уясняя пѣсненные голоса, говоритъ: вси языцы, восплещите руками, воскликнете Богу гласомъ радости, да взыдетъ Богъ въ воскликновеніи и Господь во гласѣ трубнѣмъ. Всѣ голоса заключаетъ Павелъ Апостолъ, присущій также Вознесенію не по времени послѣдованія сказаній новозавѣтныхъ, но по вѣчной мысли тайны Христовой, такъ ясно открывшейся ему во всѣхъ событіяхъ Спасителевой жизни.»

...«Іисусъ произнеся слово утѣшенія, воздвигъ руки, благословилъ ихъ и началъ возноситься на небо; Апостолы поклонились ему, и свѣтлое облако подняло его отъ очей ихъ, и взошелъ Онъ на херувимахъ, и полетѣлъ на крыльяхъ вѣтряныхъ, и вознося съ Собою души человѣческія въ даръ Отцу Своему.»

Воззваніе къ народу въ заключеніи слова въ недѣлю ваій:

«Изліемъ, какъ муро на главу Его, вѣру и любовь нашу; изыдемъ любовію, какъ народы, въ срѣтеніе ему; сломимъ гнѣводержаніе, какъ вѣтви; постелимъ ему какъ ризы добродѣтели; воскликнемъ молитвами и беззлобіемъ, какъ младенцы; предъидемъ милостынями къ нищимъ; возслѣдуемъ смиреніемъ и постомъ, бдѣніемъ и блаженнымъ покаяніемъ, и не погубимъ труда четырехъдесятидневнаго поста, да и въ нашъ Іерусалимъ внидетъ нынѣ Христосъ.»

Начало слова на 5 недѣлю по пасхѣ:

«Я надѣялся, друзья и братья, на всякую недѣлю собирать людей болѣе на послушаніе божественныхъ словесъ, а нынѣ прошло менѣе: еслибы говорилъ я отъ себя: вы сдѣлали бы хорошо, не приходя (въ храмъ). ...Я же возвѣщаю вамъ слово, читаю вамъ грамоту Христову. Когда кто приноситъ грамоту царскую или княжескую въ городъ подвластнымъ: не допытываются, каковъ по жизни принесшій, богатъ ли онъ или бѣденъ, грѣшникъ ли или праведникъ; и со вниманіемъ выслушиваютъ только что читается, и заботятся о томъ, какъ бы чего не проронить... и если безчинный человѣкъ произведетъ при томъ шумъ, то прогоняютъ его побоями, какъ накостника. Если же для земнаго царя столько вниманія, еще болѣе вы должны оказывать вниманіе здѣсь, гдѣ Владыка Господь бесѣдуетъ съ ангелами. Потому-то умоляю васъ, пришедшихъ сюда,— вразумляйте неприходящихъ, чтобы ходили въ храмъ...»

Изъ заключенія слова:

«Не понимаете, что поется? Научу васъ и большему того, если станете внимать и учиться. Если же не будете внимательны, я умолкну, а вы будете осуждены за то, что имѣли учителя, да не внимали. Не для меня приходите въ церковь,—я грѣшникъ,—но для евангельской проповѣди и апостольскаго ученія. Скажите мнѣ, братія, если при восходѣ солнца станетъ кто нибудь закрывать свои глаза, съ нежеланіемъ увидѣть свѣтъ, и будетъ говорить: для меня мракъ лучше свѣта,—одобрите вы его, или же осудите? Тоже и слово ученія. Божіе слово называется въ писаніи свѣтомъ, при томъ такимъ, который выше всякаго видимаго свѣта. Видимый свѣтъ озаряетъ плотскія очи, а тотъ—душевныя. Если бы раздавалъ я вамъ каждый день или медъ или пиво: не стали ли бы вы ходить даже безъ зова? Вы перегоняли бы другъ друга. Но вотъ я раздаю слова Божіи, лучшія золота и дорогихъ каменьевъ, болѣе сладкія, чѣмъ медъ и сотъ, и вы лишаетесь ихъ, не приходя въ церковь! Я порицаю и осуждаю тѣхъ, которые не ходятъ въ церковь слушать слово Божіе; но васъ, приходящихъ, хвалю и благословляю, и проч.»

Заключеніе по подлиннику:

«Вопрошьшю же вы, и отвѣщайте ми: аще злато и сребро по вся дни раздавалъ быхъ, или медъ, любо си пиво, не бысть ли приходили сами и не призываеми, и другъ друга бѣсте варили? Нынѣ же словеса Божія раздаваю, лучше паче золота и каменья драгаго, и слажьша паче меду и ста (сота), и лишаетеся ихъ не приходяче къ церкви. Тѣхъ же и злословлю и укоряю, якоже васъ приходящихъ хвалю и благословлю; кождо же васъ молю вы, приходящихъ сдѣ и вкушающе духовьнаго сего меду, аще сусѣда имате, или родина, или жену, или дѣти, то позывайте къ церкви вся, и поучитеся душеполезнымъ словесемъ, да и сдѣ богоугодно поживше и вѣчныхъ благъ наслѣдници будемъ о Христѣ Ісусѣ, Господѣ нашемъ, Емуже слава.»

Заключеніе молитвы на день воскресный:

«Надѣясь на милость Твою, вопію къ Тебѣ воплемъ сильнымъ: вспомни, Господи, слова пречистыхъ устъ Твоихъ;—Ты сказалъ: ищите и обрящете, просите и дастся вамъ. Не пришелъ Ты, Владыко, звать праведныхъ, а грѣшниковъ на покаяніе, изъ нихъ я первый. Противъ себя говорю о грѣхахъ моихъ: но если бы и молчалъ я, Ты знаешь ихъ. Пріими меня, премилостивый, какъ разбойника, мытаря, блудницу, блуднаго сына. За тѣхъ всѣ отчаялись, а Ты принялъ ихъ, и сотворилъ жителями рая. Пріими и мое покаяніе, недостойнаго раба Твоего, Господи Іисусе Христе! Очистившій прокаженныхъ! очисти скверны души моей; будь мнѣ помощникомъ, огради меня силою креста твоего, утверди св. Духомъ Твоимъ, прогони борющихся со мною. Пусть уста мои вѣщаютъ великую милость Твою, что Ты—помощникъ въ скорби моей. Спаси, Господи, раба Своего благовѣрнаго князя, и помилуй всѣхъ христіанъ, молитвами Богородицы и всѣхъ святыхъ. Ты Богъ нашъ, и тебѣ съ умиленіемъ покланяемся; всѣ небесныя силы хвалятъ Тебя, Отецъ, Сынъ и Духъ Св., нынѣ, всегда и во вѣки вѣковъ, аминь.»

Слова изъ Златой цѣпи, неизвѣстнаго проповѣдника.*

На поученіе ко всѣмъ крестьяномъ.

Чада моя милая! Первое имѣйте вѣру праву к Богу, Отца и Сына и Св. Духа; потомъ же в послушанья святыхъ Его Апостолъ, и Святыхъ Отецъ, иже пострадаша Христа ради во вся дни живота своего. А ослушанія блюдитеся, да не погибнете, якоже бѣ погиблъ первозданный Адамъ Евгою, ослушавшися Бога. Любовь же имѣйте ко всѣмъ ладну, и к богату и ко убогу и к нищимъ и к бѣднымъ, и въ узахъ стражющимъ, якоже и Христосъ ко всему миру, не избирая для насъ весь образъ собою. Приде бо съ небеси, и родися въ вертепѣ отъ дѣвы, и, милостивый Господь насъ ради съ человѣкы поживе и

Въ наученіе всѣмъ христіанамъ.

Милыя дѣти мои! прежде всего имѣйте искреннюю вѣру въ Бога, Отца и Сына и Св. Духа; потомъ послушаніе Его Св. Апостоламъ и Св. Отцамъ, которые за Христа страдали во всѣ дни своей жизни. А ослушанія остерегайтесь, чтобы не погибнуть, какъ погибъ первозданный Адамъ, чрезъ Еву, приведенную въ непослушаніе Богу. Любовь имѣйте ко всѣмъ, со всѣми пребывайте въ мирѣ, какъ и Христосъ весь міръ возлюбилъ, безъ выбора, и подалъ намъ совершенный образецъ въ Себѣ. Ибо пришелъ Онъ, Господь милостивый, съ небесъ, и родился въ вертепѣ отъ дѣвы—для насъ; жилъ съ человѣками и

* Пр. Филаретъ приписываетъ эти слова Митрополиту Кириллу, Греку, 1223—1233, но онѣ очевидно, сочиненіе, а не переводъ.

крещенне приять, грѣха не имѣя, преобразися свѣ(тло) увѣренья ради нашего, и связанъ, и в темницн затворенъ бысть, намъ повелѣвая в таковой же бѣдѣ не стужити си, но и на крестѣ распятъ бысть, намъ все къ спасенію створяя, и в гробѣ полежа грѣха не имый, и воскресъ изводя ны на свѣтъ, и на небеса възиде, веля намъ всхититися, по Апостолу, въ срѣтенье. Все же то створи любовью и вѣрою, да научитъ ны Собою хитростью къ спасенію, хотя вы спасти отъ мукп въ преидущій вѣкъ.

принялъ крещеніе не имѣя грѣха; свѣтло преобразился для нашего увѣренія; былъ связанъ и затворенъ въ темницѣ, внушая намъ не унывать въ такомъ же несчастіи; былъ распятъ на крестѣ, все для того, чтобы наше спасеніе устроить; возлегъ во гробѣ не за свои грѣхи; воскресъ, чтобъ насъ извести на свѣтъ; вознесся на небеса, чтобы и намъ, по Апостолу, быть восхищенными въ срѣтеніе Его. Все сіе сотворилъ Онъ премудро, съ любовію и увѣренностію, что своимъ примѣромъ насъ приведетъ ко спасенію, и для того, чтобы насъ избавить отъ муки въ будущемъ вѣкѣ.

Слово о князѣхъ.

Князю же земли вашея покоряйтеся; не рцѣте ему зла въ сердци своемъ, и пріяйте эму головою своею, и мечемъ своимъ, и всею мыслею своею, и не взмогутъ противитися инін князю вашему. Аще добре пріясте князю вашему, и обогатѣетъ земля ваша, и плодъ добръ объемлете. Аще ли ни, начнете пріяти инѣмъ княземъ отъ своего, то подобни будете женѣ блядивѣ мужатѣ, яже со всѣми блясти хощетъ, и послѣди мужъ ея устерегъ ю, псы ею накормитъ, и весь родъ ея в соромѣ будетъ велицѣ. И се паки и еще вы глаголю, чада моя, аще кто отъ своего князя ко иному князю отъѣдетъ, а достоину честь пріемля отъ него, то подобенъ есть Іюдѣ, иже, любимъ Господемъ, ти умысли продати е ко княземъ жидовскимъ. И купиша имъ село крови и гроба с прочими дарми, и отекъ отъ велики печали; суяся сѣмо и овамо, въ Иерусалимѣ отъ всѣхъ людей проклинаемъ, и бѣжа изъ Иерусалима по пути, и туги и великія печали пріа болѣзнь, и отекъ с того, и яко всезлы разсѣдеся на полы. И епископство его приметъ инъ, и дѣти его в пагубу впадоша. Да и вы, сынове мои милїи, не мозите пріяти чужему князю, да не в то же зло впадете.

Слово о князьяхъ.

Князю земли своей будьте покорны; не желайте ему зла въ сердцѣ вашемъ; но съ охотою служите ему головою своею и мечемъ своимъ и всею мыслію своею; и другіе не въ состояніи будутъ противиться вашему князю. Если хорошо будете служить своему князю, то земля ваша будетъ богата, и сами получите отъ сего добрый плодъ. Если же, оставивъ своего, станете радѣть другимъ князьямъ, то подобны будете женѣ распутной, которая отъ своего мужа готова со всѣми распутствовать; будетъ время, что мужъ подстережетъ ее, и накормитъ ею псовъ, и весь родъ ея покроется великимъ стыдомъ. Еще скажу вамъ, дѣти мои: кто отъ своего князя отпадетъ къ другому, хотя и пользовался отъ своего достойною почестію, тотъ подобенъ будетъ тому, который, хотя любимъ былъ Господомъ, но умыслилъ продать его старѣйшинамъ жидовскимъ, и куплены были на деньги предателя съ прочими приношеніями *село крови* и гробъ. Отъ великой печали онъ отекъ; метался туда и сюда по Іерусалиму, но отъ всѣхъ проклинаемый бѣжалъ по пути изъ Іерусалима; отъ великой скорби и печали сдѣлался боленъ, отекъ, и, какъ полный зла, *разсѣлся* по поламъ. Епископство его принялъ другой, и дѣти его впали въ погибель. И вы, дѣти мои, не могите радѣть чужому князю, чтобы вамъ не подвергнуться такому же бѣдствію.

Слово о челяди.

Чада моя милая! Еще вы глаголю: челядь свою кормите якоже до сыти имъ, одѣвайте, обувайте. Аще ли не кормите, ни обуваете, а холопа твоего убьютъ у татбы, или робу, то за кровь его тобѣ отвѣщати. Тѣмже набдите сироты своя во всемъ, и учите я на крещеніе, и на покаяніе, и на весь законъ Божій. Ты бо еси яко и Апостолъ дому своему: кажи грозою и ласкою. Аще не учишь, то отвѣтъ въздаси за то предъ Богомъ. И Авраамъ бо научи своихъ домочадецъ 300 и 18 всему добру закону и добру норову. Страхъ бо Божій пріимше не опечалятъ на старость тебе. Аще ли тебе не послушаютъ ни мало, то лозы нань не щади, якоже премудрость Божія глаголетъ до 4 или 6 ранъ, или за 12 ранъ. Аще ли рабъ и рабыни не слушаетъ, и по твоей воли не ходитъ, то загода лозы нань не щадити до 6 ранъ и до 12. Аще ли велика вина, то и 20 ранъ. Аще ли вельми велика вина, то 30 разъ лозою, а болѣе 30 ранъ не велимъ. Да еще кажете я, и добрѣ одѣваеши, и кормиши, то благъ даръ пріимиши отъ Бога.

Слово о прислугѣ.

Еще говорю вамъ, любезныя дѣти мои, прислугу свою кормите до сыта, одѣвайте и обувайте. Еслиже не будете кормить и обувать, а раба твоего или рабу убьютъ на воровствѣ, то тебѣ придется отвѣчать за кровь ихъ. Снабдѣвайте сиротъ своихъ во всемъ, и наставляйте ихъ, чтобы они крестились, каялись и исполняли весь законъ Божій. Ибо ты въ своемъ домѣ, какъ Апостолъ, вразумляй ихъ грозою и лаской. Если же не будешь учить, то дашь отвѣтъ за сіе предъ Богомъ. И Авраамъ наставлялъ своихъ 318 домочадцевъ во всякомъ добромъ законѣ и добрыхъ нравахъ. Снискавъ страхъ Божій, они не причинятъ тебѣ скорби въ старости твоей. Если же нисколько не будутъ слушаться тебя, то не жалѣй на нихъ лозы, какъ и премудрость Божія говоритъ—даже до 4 или 6 или 12 ударовъ. Если рабъ или раба не слушаетъ тебя, и не исполняетъ твоей воли, то позволительно наказать ихъ отъ 6 до 12 ударовъ лозами. Если же велика вина, то можешь дать и 20 ударовъ. Если весьма велика вина, то 30 ударовъ лозою. А болѣе 30 ударовъ давать не велимъ. Если такъ будете наказывать, и вмѣстѣ хорошо одѣвать и кормить, то получишь отъ Бога доброе воздаяніе.

Слово о рабѣхъ.

«И се ми слово еще к рабомъ: да и вы убо, добрыя слуги, на се взирайте, яко не человѣку работаете, но Богу самому... Помыслите, яко не тому творите благодати, но Божіе велѣніе свершаете....»

Слово о рабахъ.

И къ рабамъ мое слово: и вы, добрые слуги, смотрите на то, что не человѣку служите, но самому Богу.... помыслите, что не господину вы являете милость, но исполняете волю Божію.

Сочиненія Греческихъ Митрополитовъ, управлявшихъ нашею церковію, имѣютъ содержаніе преимущественно полемическое и каноническое. (Георгій, ок. 1065—1079), Іоаннъ II (1080—1088), и Никифоръ (1104—1121).

Сочиненіе М. *Георгія* носитъ заглавіе: Георгія, М. Кіевскаго, стязанье съ Латиною. Винъ числомъ 70.

Особеннымъ поводомъ къ написанію этого сочиненія противъ Латинянъ могъ послужить для Митрополита Георгія извѣстный случай,

когда папа Григорій VII покушался обратить къ своему исповѣданію нашего Великаго князя Изяслава, и даже написалъ къ нему (1075 г.) посланіе.*

«Стязанье съ Латиною» начинается словами: «Когда великій Константинъ принялъ отъ Христа царство, и вѣра Христіанская съ того времени начала болѣе рости и распространяться всюду, и царство ветхаго Рима преложилось въ Константинъ-градъ,—тогда послѣдовали седмь святыхъ вселенскихъ Соборовъ. На эти седмь Соборовъ папы стараго Рима или приходили сами, или присылали своихъ епископовъ,—и св. церкви имѣли между собою единство и общеніе, тоже мыслили, тоже проповѣдывали. Потомъ старымъ Римомъ и всею тою землею овладѣли Нѣмцы, и, спустя немного времени, старые мужи правовѣрные, которые хранили законъ Христовъ и правила св. Апостоловъ и св. Отцевъ, скончались. По смерти ихъ, люди молодые и неутвержденные, увлекались прелестію Нѣмецкою, и впали въ вины различныя и многія, запрещенныя и осужденныя Божественнымъ закономъ, и когда, не смотря на совѣты многихъ другихъ церквей, не захотѣли оставить творимаго ими зла,—то и отвержены были отъ насъ. Евангеліе ихъ, какъ доброе и поклоняемое, почитается въ великой церкви, но почитается на обличеніе ихъ и на судъ, потому, что не живутъ, како оно велитъ.»

«...Латиняне служатъ на опрѣснокахъ и ѣдятъ ихъ: это пожидовски. Христосъ же не предалъ того, и совершилъ св. Тайны не на опрѣснокахъ, а на хлѣбѣ совершенномъ и кисломъ... На св. литургіи не совершаютъ ни великаго, ни малаго выхода, и службу творятъ не въ олтарѣ, а во всей церкви, три, четыре и пять разъ въ одинъ день въ той же церкви. Въ св. правилѣ: «вѣрую во единаго Бога,».. сдѣлали злое и неразумное приложеніе. Св. Отцы написали: и въ Духа Святаго, Господа животворящаго, иже отъ Отца исходящаго,—а они (Латыняне) отъ себя приложили: «иже отъ Отца и *отъ Сына*. Это есть великое зловѣріе и ведетъ къ Савелліевой ереси. Чрезъ такое приложеніе они извращаютъ вѣру св. отцевъ перваго и втораго вселенскихъ соборовъ, и слова Спасителя, который сказалъ: *егда пріидетъ Духъ истины, иже отъ Отца исходитъ, той свидѣтельствуетъ о Мнѣ*. Не сказалъ Христосъ: иже отъ *Насъ* исходитъ;—значитъ—это приложеніе есть зловѣріе и великая ересь.»

Приведемъ послѣднія слова по подлиннику:

«Святіи бо отцы написавше: и Духа Святаго Господа животворящаго, отъ Отца исходяща, а си о собѣ приложиша: иже отъ Отца и *отъ Сына*,—иже есть зловѣрье великое и на жидовство правовѣдять, и въ Савльскую ересь» Сего бо приложивше, отсѣкаютъ вѣру святыхъ отецъ перваго Собора и втораго, и того слова Христова, иже о приходѣ Святаго Духа глагола ученикомъ; яко же Іоанъ Евангелистъ глаголетъ, тако рече: егда Утѣшитель пріидетъ Духъ истины, иже отъ Отца исходитъ, то научитъ вы на всяку правду. Христосу бо не рекшу: иже отъ Насъ: тако ти приложиша. Зловѣрье бо есть и ересь велика.»

Посланіе отъ *Іоанна* Митрополита Русскаго, къ Клименту, папѣ Римскому.

Случай къ написанію посланія подалъ самъ Климентъ II. Противоборствуя законнымъ папамъ, непризнаваемый въ Римѣ, онъ хотѣлъ сблизиться съ восточными іерархами, хвалилъ православную вѣру, желалъ соединенія церквей, и прислалъ съ такими извѣстіями къ нашему Митрополиту своего епископа. Отсюда объясняется, почему нашъ первосвятитель, вопреки духу того времени, обращается въ посланіи къ Римскому первосвященнику съ отверстою любовію, говоритъ съ кротостію, называетъ его законнымъ пастыремъ, нимало однакожъ

* См. выше, с. 103.

не колеблясь обличать самыя заблужденія Латынянъ. Достойно также замѣчанія, что при изложеніи этихъ заблужденій, Іоаннъ II не разъ выражается: «якоже слышахомъ» или «аще тако суть, аще воистину творимая вами, якоже слышахомъ», и тѣмъ показываетъ, что у насъ тогда, какъ и на всемъ востокѣ, судили о заблужденіяхъ латинскихъ преимущественно по слухамъ, и потому могли говорить о нихъ не всегда вѣрно.

«Я узналъ, (съ любовью)», пишетъ нашъ первосвятитель къ Римскому,—«твою любовь о Господѣ, воистинну человѣкъ Божій, и достойный каѳолическаго сѣдалища и призванія: потому что находясь далеко отъ нашей худости и смиренія, ты достаешь даже до насъ крилами своей любви, и привѣтствуешь насъ законно и любезно, и молишься о насъ въ духѣ, и догматы нашей непорочной и православной вѣры пріемлешь и почитаешь, какъ возвѣстилъ и подлинно изъяснилъ намъ всечестный и добродѣтельный епископъ твоего священства. Если же это такъ, и такой намъ данъ отъ Бога архіерей, а не подобный тѣмъ, которые немного прежде сего архіерействовали противно истинѣ, и низвратили благочестіе (разумѣются вѣроятно предшественники Климента III, папы Левъ IX и Григорій VII), то и я, худшій изъ всѣхъ, привѣтствую твою священную главу, и мысленно лобызаю ее, и всегда желаю, да хранитъ тебя всегда свыше всесильная десница, и да даруетъ всеблагій и милосердый Господь совершиться возсоединенію между нами и вами. Не знаю, какъ возникли соблазны и преграды на Божественномъ пути, и крайне удивляюсь, какъ и почему даже и до нынѣ не послѣдовало исправленія. Не знаю, какой лукавый законъ, какой завистливый врагъ истины и противникъ благочестія произвелъ все это, и расторгъ нашу братскую любовь и единодушіе всего христіанскаго общества. Не вообще я это говорю: ибо мы знаемъ васъ, благодатію Божіею, и во многомъ совершенно принимаемъ, какъ Христіанъ; но знаемъ также, что вы не во всемъ съ нами согласны, и въ нѣкоторыхъ вещахъ отъ насъ отдѣлились. Вотъ смотрите,—я покажу вамъ...»

... Прошу тебя, и умоляю, и припадаю къ священнымъ стопамъ твоимъ, чтобы вы отстали отъ всѣхъ этихъ заблужденій, особенно же отъ употребленія опрѣсноковъ и приложенія къ символу: потому что первое опасно по отношенію къ таинству св. Причастія, а послѣднее по отношенію къ православной вѣрѣ. Хотѣлъ я написать къ тебѣ еще объ удавленныхъ и нечистыхъ животныхъ, и о монахахъ, вкушающихъ мясо; но дастъ Богъ, что все это, и многое тому подобное, вы исправите впослѣдствіи. Ты же прости мнѣ ради Господа, написавшему сіе отъ великой любви. И если истинно, какъ мы слышали, совершаемое вами, то испытайте писанія, и вы увидите, что всѣ такія вещи требуютъ исправленія. Еще молю любовь твою о Господѣ прежде всего, если пожелаешь, написать къ святѣйшему нашему патріарху Константинополя, и къ находящимся тамъ святымъ митрополитамъ, которые имѣютъ слово жизни, сіяя въ мірѣ, какъ свѣтила, и могутъ благодатію Божіею все таковое изслѣдовать вмѣстѣ съ тобою и исправить; а потомъ, если будетъ тебѣ благоугодно, написать и худшему изъ всѣхъ—мнѣ. Привѣтствую любовь твою о Господѣ я Іоаннъ, недостойный митрополитъ Русскій, и весь подвластный тебѣ клиръ и народъ. Привѣтствуютъ васъ также вмѣстѣ съ нами и всѣ наши святые и боголюбезнѣйшіе епископы, и игумены, а съ ними и весь священный клиръ и народъ.»

Начало по подлиннику:

«Возлюбихъ, Господи, любовь твою, человѣче Божій! и апостольскаго достойнѣ сѣданья и званья, яко и далече, сѣдя нашея худости и смѣренья, любовными крилы постигаеши до насъ, и цѣлуеши ны яко своя любезно и молиши духовнѣ и нашю вѣру истинную и православную, юже пріимъ, чюдишися,

якоже епископъ вашего священства възвѣсти намъ. Понеже си тако и таковый ту священикъ бысть, сего ради худый азъ цѣлую тя и честную главу и рамне противу тя цѣлую, и буди ми вельми радуяся, и отъ вышняя и божественныя руки покрываемъ, и дай же благій и милостивый Богъ при тобѣ и при твоихъ духовныхъ исправитися посредѣ васъ и насъ. И не вѣдѣ, откуду возникоша соблазни и въ збраненье божественнаго пути, яже что ради, и како не исправишася и донынѣ зѣло чюжюся сему...»

Другое посланіе Іоанна II извѣстно только по рукописямъ Славянскимъ подъ заглавіемъ: «Іоанна, митрополита Русскаго, нареченнаго пророкомъ Христа, написавшаго правило церковное отъ св. книгъ вкратцѣ, Іакову черноризцу.»*

Митрополиту *Никифору* приписываются: три посланія противъ Латынянъ, (одно къ Вел. князю Владиміру Мономаху, другое къ неизвѣстному князю, третье къ князю Муромскому Ярославу Святославичу), и два сочиненія о постѣ церковномъ, одно въ видѣ посланія къ Вел. князю Владиміру Мономаху; другое въ видѣ поученія къ духовенству и народу.

«Ты спрашивалъ насъ, благородный княже,— за что отлучены Латыняне отъ святой, соборной и православной церкви: и вотъ я, какъ обѣщался благородству твоему повѣдаю тебѣ вины ихъ....

....«Ты же, княже мой, прочитай посланіе сіе не однажды, не дважды, а многократно, прочитай ты, пусть читаютъ и сыны твои. Князьямъ, отъ Бога избраннымъ, и призваннымъ къ православной вѣрѣ его, должно хорошо знать ученіе Христово и твердое основаніе церковное, да послужатъ сами подпорами для св. церкви въ назиданіе и наставленіе порученнымъ имъ отъ Бога людямъ. Одинъ Богъ царствуетъ на небесахъ, а вамъ съ помощію Его опредѣлено царствовать здѣсь—на землѣ въ роды и роды. И такъ какъ вы избраны отъ Бога и возлюблены имъ, и сами возлюбили Его: то разумѣйте и испытывайте слова Его, чтобы и по отшествіи изъ сего тлѣннаго міра, соцарствовать вамъ съ Нимъ на небесахъ, какъ вѣруемъ и надѣемся молитвами св. Богородицы и всѣхъ святыхъ.»

Лучшее сочиненіе митрополита Никифора, и вообще одно изъ лучшихъ произведеній нашей древней словесности, говоритъ пр. Макарій, есть посланіе его къ Вел. Князю Владиміру Мономаху о постѣ и воздержаніи чувствъ. Тутъ виденъ и самъ достойный первосвятитель съ его умомъ, образованіемъ, съ пастырскимъ дерзновеніемъ и ревностію къ своему долгу; виденъ и достойнѣйшій князь съ его высокими качествами человѣка-христіанина. Посланіе написано по случаю великаго поста, когда,—замѣчаетъ митрополитъ,—уставъ церковный и правило заповѣдывали говорить нѣчто полезное и князьямъ. Почему первое слово въ посланіи, какъ и естественно было,—слово о постѣ:

«Благословенъ Богъ, и благословенно св. имя славы Его, благословенный и прославленный мой княже! По многой благодати своей и человѣколюбію Онъ сподобилъ насъ достигнуть настоящихъ пречистыхъ дней св. поста, которые узаконилъ, какъ строитель нашего спасенія, для очищенія нашихъ душъ, когда постился и Самъ, въ показаніе своего вочеловѣченія, сорокъ дней, не потому, чтобы имѣлъ нужду въ постѣ, но чтобъ явить намъ образъ поста. Если бы первый Адамъ, праотецъ нашъ, постился отъ древа разумнаго, и сохранилъ заповѣдь Владыки, тогда вторый Адамъ, Христосъ Богъ нашъ, не требовалъ бы поста. Но вслѣдствіе преступленія перваго Адама, не соблюдшаго поста, постился Онъ, да разрушитъ преслушаніе. Принесемъ же благода-

---

* См. выше с. 560.

реніе и поклоненіе Владыкѣ, постившемуся, и узаконившему для насъ постъ, и даровавшему намъ быліе душевнаго здравія! Двойственно наше бытіе: разумное и неразумное, духовное и тѣлесное. Разумное и духовное есть нѣчто божественное и чудное, и подобно безплотному естеству, а неразумное страстно и сластолюбиво. Оттого въ насъ постоянная брань: плоть противится духу и духъ плоти. И по истинѣ, нуженъ намъ постъ; онъ укрощаетъ тѣлесныя страсти, обуздываетъ противныя стремленія, и покоряетъ плоть духу. . . Отъ этого же перваго блага происходятъ въ насъ всѣ прочія. Видишь ли, княже мой, благовѣрный и кроткій, какъ постъ есть основаніе добродѣтели? Потому то онъ, какъ солнце, сіяетъ во всемъ мірѣ: всѣ языки совершаютъ постъ ради преступленія праотца, — одни въ то время, другіе въ другое,—одни болѣе, другіе менѣе,—но силы поста, какъ неразумные не разумѣваютъ, и суетенъ ихъ постъ и непотребенъ; только люди Христовы, языкъ святый, царское священіе, вѣдаютъ силу поста, и, живя въ правовѣріи, и благословляютъ Бога, вразумившаго ихъ, да не смутятся и не будутъ поглощены отъ древняго врага, нехотящаго нашего спасенія. И многое еще имѣлъ бы я сказать въ похвалу поста, если бы писалъ къ кому-либо другому. А такъ какъ слово мое къ тебѣ, доблестная слава наша, и всей земли христолюбивой, — къ тебѣ, котораго Богъ издалеча проразумѣлъ и предопредѣлилъ, котораго отъ утробы матерней освятилъ и помазалъ, смѣсивъ отъ царской и княжеской крови, котораго благочестіе воспитало, и постъ воздоилъ, и св. купель Христова измлада очистила: то излишнее бесѣдовать къ себѣ о постѣ, а аще болѣе о непитіи вина или пива во время поста. Кто не знаетъ, что ты соблюдаешь все это? Знаютъ даже крайніе невѣжды и безчувственные, и всѣ видятъ и чудятся. Вмѣсто же наученія о постѣ, чтобы исполнить уставъ церковный, мы изложимъ твоему благовѣрію нѣчто иное, и скажемъ о самомъ источникѣ, изъ котораго проистекаютъ въ людяхъ всякое добро и всякое зло, смотря потому, какъ пользуются они источникомъ, правильно или неправильно.»

«Вѣдай, благовѣрный княже, — что душа наша создана дуновеніемъ Божіимъ и по образу Божію. Въ ней три части или силы; разумъ выше другихъ: имъ-то мы отличаемся отъ животныхъ; имъ познаемъ небо и прочія творенія; имъ, при правильномъ его употребленіи, восходимъ къ разумѣнію самаго Бога. И вотъ Авраамъ, незнакомый съ звѣздословіемъ, познаĺъ чрезъ разсматриваніе неба Творца и вѣровалъ въ Него; Енохъ угодилъ Богу и *преложися*; Моисей видѣлъ *задняя Божія*, и чрезъ то возшелъ къ уразумѣнію Зиждителя. Таково правильное употребленіе разума! Но есть и неправильное: разуменъ и денница-ангелъ, нынѣ діаволъ, но, низвративъ свой разумъ, возмечтавъ быть равнымъ Богу, палъ съ чиномъ своимъ; разумны и Еллины, но, несоблюдши разума, дошли до идолопоклонства.

Вторая сила—чувство выражается въ ревности по Богѣ и въ неприязни ко врагамъ Божіимъ; при неправильномъ же употребленіи обнаруживается злобою, завистію и под. И вотъ Каинъ злоупотребилъ чувствомъ, и по зависти убилъ брата своего Авеля; а Моисей, Финеесъ и Илія, ревновали по Богѣ, когда первый убилъ Египтянина, второй—иноплеменницу и грѣшившую съ Израильтяниномъ, третій — жрецовъ Вааловыхъ. Убиваютъ и разбойники, но убиваютъ по злобѣ и своекорыстію.

Третья сила—воля: при добромъ употребленіи ея, человѣкъ имѣетъ постоянное желаніе къ Богу, забывая о всемъ прочемъ; ждетъ просвѣщенія отъ Него; наслаждается веселіемъ въ самыхъ злостраданіяхъ ради Бога,—отъ сего веселія произростаетъ сѣмя жизни, бываютъ чудотворенія, пророчества, и человѣкъ мало-по-малу приближается къ Богу, и еще на землѣ становится живымъ образомъ и подобіемъ Его.

Ты узналъ теперь, человѣколюбивый и кроткій князь, три силы души. Узнай же

и слугъ ея, чрезъ которыхъ она дѣйствуетъ. Душа находится въ головѣ, имѣя умъ, какъ свѣтлое око, въ себѣ, и наполняя своею силою все тѣло. Какъ ты, князь, сидя на своемъ престолѣ, дѣйствуешь чрезъ воеводъ и слугъ по всей твоей странѣ, а самъ ты господинъ и князь, такъ и душа дѣйствуетъ по всему тѣлу чрезъ пять слугъ своихъ, т. е. чрезъ пять чувствъ: зрѣніе, слухъ, обоняніе, вкусъ и осязаніе. Зрѣніе чувственное вѣрно: что видимъ мы при здравомъ умѣ, то видимъ вѣрно; но слухъ иногда передастъ истину, а иногда ложь. Потому, что сами видимъ, тому можно вѣрить; а что слышимъ отъ другихъ, то надобно принимать съ великимъ испытаніемъ и судомъ, и тогда давать отвѣтъ. Объ обоняніи, которое должно отвращаться благоуханія, что сказать такому князю, который больше спитъ на землѣ, мало сидитъ дома, чуждается свѣтлыхъ одеждъ, и ходя по лѣсамъ, носитъ убогую одежду, и только по нуждѣ облачается въ княжескую ризу во градѣ—ради властей? Также о вкусѣ, услаждающемся пищію и питіемъ? Мы знаемъ, что для другихъ, ты приготовляешь свѣтлые обѣды по княжески, а самъ служишь, и когда гости пресыщаются за столомъ, ты ограничиваешься малымъ вкушеніемъ и малою водою. Что касается до осязанія, которое обыкновенно простирается на имѣнія: я знаю, что съ тѣхъ поръ, какъ утвердился въ тебѣ разумъ, ты постоянно благотворишь всѣмъ, не собираешь сокровищъ, ни злата, ни серебра, а раздаешь все обѣими руками, и между тѣмъ сокровищница твоя, по благодати Божіей, не оскудѣваетъ и не истощается...»

«Зачѣмъ же я простеръ слово свое и такъ долго говорилъ? Да разумѣешь, княже мой, что я болю о тебѣ. И какъ тѣлесные врачи, если любятъ больнаго, бодрствуютъ надъ нимъ, и стараются найдти первую причину недуга; такъ и я поступилъ, искалъ первой причины, и разсмотрѣвъ тебя по душевнымъ силамъ, нашелъ ее. По разуму я нашелъ тебя благовѣрнымъ, благодатію Божіею, и не уклоняющимся отъ правой вѣры. По чувству ревнующимъ о Богѣ до сего дня,—и молю Бога, да соблюдетъ тебя таковымъ навсегда, если недопустишь войти волку въ стадо Христово, и не дашь насадить тернія въ виноградѣ Божіемъ (разумѣются вѣроятно, покушенія Латынянъ), но сохранишь древнее преданіе своихъ отцовъ... По волѣ—нельзя счесть за малое то, что уже совершилъ ты въ твоемъ возрастѣ. Испытавъ тебя по пяти чувствамъ, я обрѣтаю тебя по зрѣнію непреткновеннымъ, также по третьему чувству,—обонянію, по четвертому и пятому. О второмъ же чувствѣ, т. е. слухѣ, не знаю, княже мой, что сказать тебѣ; а кажется мнѣ, что такъ какъ ты самъ не можешь все видѣть своими очами, то служащіе тебѣ орудіями иногда представляютъ тебѣ донесенія ко вреду души твоей, и чрезъ отверстый слухъ твой входитъ въ тебя стрѣла. Подумай объ этомъ со вниманіемъ, княже мой, и помысли объ изгнанныхъ тобою и осужденныхъ; вспомни о всѣхъ, кто на кого донесъ, и кто кого оклеветалъ, и самъ разсуди о всѣхъ и прости, да получишь прощеніе отъ Бога.... Не огорчись, княже мой, словомъ моимъ, и не подумай, чтобы пришелъ ко мнѣ кто-либо, опечаленный тобою, и потому я написалъ тебѣ. Нѣтъ я просто написалъ тебѣ въ напоминаніе: ибо великія власти имѣютъ нужду и въ частомъ напоминаніи! Я осмѣлился написать тебѣ потому, что уставъ церковный и правило требуютъ въ настоящее время говорить нѣчто полезное и князьямъ. Знаемъ, что мы сами грѣшники и немощны, а думаемъ врачевать другихъ; но слово Божіе, сущее въ насъ, здраво и цѣло. Оно-то учитъ, и учимымъ должно искушать его, и принимать отъ него исцѣленіе....»

Въ заключеніи Митрополитъ говоритъ: «наконецъ скажу тебѣ еще одно, христолюбивый княже мой,—помни третій псаломъ перваго часа, именно сотый, и со вниманіемъ пой его: Милость и судъ воспою тебѣ Господи, и проч. Въ немъ вѣрное изображеніе, каковъ долженъ быть царь и князь. Если ты будешь испытывать и соблюдать то, о чемъ говорится въ этомъ псалмѣ: онъ просвѣтитъ еще болѣе

умныя очи твои, отвратитъ отъ нихъ всякую суету, освятитъ твой слухъ, очиститъ сердце, исправитъ стопы, предохранитъ ноги твои отъ поползновенія, и сподобитъ тебя достигнуть праздника Воскресенія Господа въ радости тѣлесной, въ здравіи и веселіи духовномъ, и возсіяетъ тебѣ свѣтъ, сіяющій праведникамъ, на много лѣтъ останешься неосужденнымъ и неповиннымъ. А потомъ отъ царства дальняго вознесешься въ горнее, гдѣ—истинная пасха и истинный праздникъ.»

«Поученіе Митрополита Русскаго Никифора въ недѣлю сыропустную, въ церкви, ко игуменомъ, и ко всему іерейскому и діаконскому чину, и къ мірскимъ людемъ» прежде всего замѣчательно по своему началу, которое показываетъ, что митрополитъ Грекъ, по незнанію Русскаго языка, не произносилъ самъ поученій своихъ къ народу, а только писалъ ихъ, и вѣроятно, въ переводѣ поручалъ произносить другимъ.

Вотъ это начало: «Много поученій, о любимцы мои и возлюбленныя чада о Христѣ, мнѣ надлежало бы предлагать вамъ языкомъ моимъ, чтобы водою его напоить добрую и плодоносную землю,—разумѣю души ваши. Но не данъ мнѣ даръ языковъ, о которомъ свидѣтельствуетъ божественный Павелъ, и посредствомъ котораго я могъ бы творить порученное мнѣ: оттого я стою посреди васъ безгласенъ и совершенно безмолвенъ. А такъ какъ нынѣ потребно поученіе по случаю наступающихъ дней св. великаго поста: то я разсудилъ предложить вамъ поученіе чрезъ писаніе.»...«Пріимемъ наступающіе дни съ радостію, и вмѣстѣ съ пророкомъ возопіемъ:» *Пріидите возрадуемся Господеви, воскликнемъ Богу Спасителю нашему, предваримъ лице Его во исповѣданіе.* Никто да небудетъ лишенъ добраго пѣнія, никто да небудетъ дряхлъ, но всѣ будемъ тихи и свѣтлы: о грѣхахъ только будь печаленъ. Пусть никто не думаетъ безъ сокрушенія очистить свои грѣхи, и безъ поста омыть свои скверны. Очистилъ тебя Христосъ крещеніемъ, и омылъ твои скверны: а ты опять осквернился грѣхами? Про жизнь же восплачи горько, воздохни; потерпи на землѣ всякое страданіе, бдѣніе, неядѣніе; покажи крѣпкую молитву и милостыню къ нищимъ, отпусти должникомъ долги; а если это невозможно, то отпусти, по крайней мѣрѣ, большой ростъ, который, подобно змію, снѣдаетъ убогихъ. Если же ты постишься, и между тѣмъ съ брата берешь ростъ, нѣтъ себѣ никакой пользы. Ты считаешь себя постящимся, а вкушаешь мясо,—не мясо овцы или другихъ животныхъ,—но плоть брата твоего, закалая его злымъ ножемъ лихоиманія, неправедной мзды, тяжкаго роста. Не устыдимся объявить грѣхи наши, чтобы не остаться намъ неисцѣленными, чтобы вмѣсто срама временнаго, не подвергнуться вѣчному осужденію и посрамленію предъ избранными Ангелами Божіими, и вмѣстѣ людьми.... Умолимъ Судію прежде нежели Онъ осудитъ насъ... Отложимъ дѣла тьмы, и облечемся во оружіе свѣта, отгоняя всякую злобу отъ душъ нашихъ и насаждая въ нихъ всякую добродѣтель...» «Не могу здѣсь оставить безъ зазрѣнія нѣкоторыхъ, которые, не внимая божественному ученію Христопроповѣдника - Апостола, дерзаютъ утверждать, будто не творятъ никакого зла чрезъ свое пьянство... Послушайте Апостола, называющаго пьянство матерью всякой злобы, всякой нечистоты и блуда; а ты говоришь, якобы ни мало не согрѣшаешь, предаваясь пьянству? Пьянство есть вольный бѣсъ, пьянство есть дщерь дьявола, пьянство есть смерть уму... Все это сказалъ я не для того, чтобы посрамить своихъ,—да не будетъ.—Я ихъ отъ души люблю; но чтобы отогнать отъ нихъ на постное время такое зло, каково пьянство.»

Заключеніе посланія къ В. К. Володимеру Мономаху по подлиннику: И едино ти реку на конци, христолюбивыи княже мои; мало; воспоминаніе имѣи третіего псалма, перьваго часа, иже есть Р., и съ вниманіемъ его пои: милость и судъ пою Тебе, Господи, и прочая его; и тъи есть истинныи икунникъ царское

и княжьское икуны. А еже глаголемаа от него испытовая и храняяи, тотъ приближеніа улучать, иже и просвѣтить тя еще и еще разумнѣи ти очи, и отвратить от нихъ всяку суету, и освятить ти слухъ, и очистить сердце, и исправить стопы, и измѣть нозѣ твои от попльзеніа, и сподобить тя въ Господьскыи день Въскресеніа доити в радости тѣлеснѣ, и въ здравии, и въ веселіи душевнѣмъ и духовнѣмъ, и въсіаеть ти свѣтъ, иже праведнымъ сіаяи, и его съпружница веселіе; и на обхоженіе лѣтъ многъ, неосуженъ и неповиненъ, потомъ и на вышнее царство възнесешися от долняго, иже есть истинная Пасха и истинныи праздникъ.»

До сихъ поръ говорили мы о духовномъ, *благопріобрѣтенномъ*, образованіи, и о письменныхъ памятникахъ; но въ народѣ велося по *наслѣдству*, изъ рода въ родъ, свое образованіе, свѣтское, мірское, и сохранялись произведенія словесности устныя.

Памятниками этого образованія остались былины, духовные стихи, пѣсни, и два сочиненія въ рукописяхъ: Посланіе Даніила заточеника и Слово о полку Игоревѣ.

Поговоримъ сперва о былинахъ.

Былины, или пѣсни былевый, дошли до насъ въ самомъ поврежденномъ видѣ, почти изуродованныя, но основаніе ихъ, безъ всякаго сомнѣнія, относится къ глубокой древности, и ко времени главнаго лица, около котораго всѣ онѣ, такъ или иначе, обращаются,—стольнаго князя Кіевскаго Володимера. Кіевъ, Черниговъ, Волынь, Галичь, Дунай, Днѣпръ—вотъ имена, которыя безпрестанно слышатся въ этихъ пѣсняхъ, и показываютъ мѣсто ихъ сочиненія или происхожденія,—на югѣ, въ Кіевѣ и около Кіева.

Подлинность ихъ доказывается убѣдительнѣе всего «отъ противнаго», какъ говорится въ логикѣ.

Объяснимся сперва по вопросу о времени.

Ни къ какому времени, кромѣ Володимерова, всего менѣе послѣ Татаръ, нельзя пріурочить нашихъ былинъ. Послѣ Татаръ другіе предметы возбуждали общее вниманіе: Каменна́ Москва, Грозный царь, Казань и Астрахань, нашествіе Поляковъ. Замѣтимъ, что даже эти предметы, животрепетавшіе занимательностію, находили пѣвцевъ относительно меньше, другаго лада, какъ будто бы источникъ непосредственнаго народнаго вдохновенія оскудѣлъ, если не совсѣмъ изсякнулъ. Какимъ образомъ можно бы объяснить, въ это новое время, такое обращеніе отъ настоящаго къ давно-прошедшему, которое между тѣмъ почти совсѣмъ забывалося? Итакъ, пѣсни не могли быть сочинены послѣ Татаръ, а при Татарахъ еще менѣе: Югъ былъ опустошенъ и обезлюдѣлъ; Сѣверу было не до пѣсенъ, когда иго только-что отяготѣло надъ народомъ, и безпрестанные набѣги, наѣзжавшіе баскаки, держали населенія въ постоянномъ страхѣ. Обычая, расположенія пѣть, надолго не стало. Князья все болѣе и болѣе отдѣлялись отъ народа, и устроивалось особое правительство. Другіе нравы возникали вслѣдствіе государственнаго рабства, и если есть пѣсни изъ этого періода, то большею частію подражанія древнимъ, или переложенія древнихъ на новый ладъ, прилаживанье ихъ къ своему времени. Этимъ объясняются всѣ такъ называемые анахронизмы о Татарахъ, Литвѣ и Полякахъ, при Володимерѣ, какими обезобразились дошедшія до насъ былины. Ими всего болѣе подтверждается достовѣрность и подлинность древнихъ былинъ. Заплаты ясно

указываютъ собою, что подъ ними нѣкогда была другая ткань, обветшавшая и утраченная; онѣ указываютъ на древнюю основу, неподходившую подъ обстоятельства современныя, которая и замѣнена была ими.

Какъ ни одно время не подходитъ къ сочиненію этихъ пѣсенъ, такъ и ни одно мѣсто нельзя предположить, гдѣ бы онѣ могли быть сочинены; Сѣверъ и Востокъ при Татарахъ и послѣ Татаръ не имѣли почти никакого отношенія къ Югу. Гдѣ тамъ, кому, по какому поводу, и съ какою цѣлію, пришло бы въ голову, поминать тогда Володимера, съ Ильей Муромцемъ, Добрыней Никитичемъ, Чурилой Пленовичемъ, Алешей Поповичемъ, и прочими его богатырями? Откуда взять даже такія имена на Финскомъ Востокѣ и Сѣверѣ мнимымъ сельскимъ Макферсонамъ? Всѣ собственныя имена былинъ были тамъ, какъ и теперь, почти неизвѣстны, развѣ въ темныхъ преданіяхъ и между богомольцами. Но не былиль былины сочинены на Югѣ? На Югѣ водворилась, если необразовалось новое общество, съ новымъ нарѣчіемъ, котораго и духа нѣтъ въ древнихъ былинахъ. Тамъ возникли совершенно другія отношенія, и, послѣ многихъ лѣтъ безмолвія, раздались новыя пѣсни, не имѣющія ничего общаго съ древними.

Кромѣ времени и мѣста остается еще вопросъ о самомъ сочиненіи: кому можно приписать сочиненіе этихъ пѣсенъ? одному лицу или многимъ? Одному лицу приписать нельзя, потому что въ былинахъ встрѣчаются различныя и противорѣчивыя между собою показанія: онѣ должны быть сочинены многими лицами. Эти многіе должны жить въ одно время, ибо всѣ ихъ сочиненія обращаются около однихъ и тѣхъ же лицъ, и имѣютъ средоточіемъ одно и то же мѣсто.

Сочинителей, подходящихъ подъ эти условія, знакомыхъ съ данными лицами и мѣстами, и вообразить нѣтъ возможности. *

Если нельзя пріискать сочинителей, если нельзя съ какою нибудь вѣроятностію указать ни на время, ни на мѣсто сочиненія, то остается во всей силѣ первое мнѣніе, что былины сочинены въ Кіевской странѣ, народомъ, или его представителями въ этомъ случаѣ, особыми пѣвцами, скоморохами,— въ то время, какъ именуемыя въ нихъ лица дѣйствительно существовали, преимущественно до введенія христіанской вѣры.

Въ устахъ народа былины произошли, въ устахъ народа послѣ онѣ сохранялися, измѣнялися и пришли въ настоящее положеніе**.

Все это разсужденія a priori, отъ противнаго, но есть много доказательствъ убѣдительныхъ о древности былинъ и a posteriori.

---

* Надо имѣть въ виду и тѣ обстоятельства, при которыхъ древнія былины сдѣлались извѣстными: объ нихъ никто у насъ и не думалъ, до нынѣшняго столѣтія. Въ Сибири, на Демидовскихъ заводахъ, записалъ ихъ кто-то, и списокъ этотъ попалъ случайно въ Москву, гдѣ и былъ напечатанъ въ осьмисотыхъ годахъ. Петру Васильевичу Кирѣевскому удалось собрать нѣсколько былинъ, пѣтыхъ въ разныхъ Великороссійскихъ губерніяхъ. Наконецъ недавно г. Рыбниковъ нашелъ ихъ множество на крайнемъ Сѣверѣ, въ Олонецкой губерніи, и обнародывалъ въ четырехъ частяхъ своего драгоцѣннаго сборника.

** Нѣкоторые изъ новыхъ нашихъ критиковъ стараются доказать, что былины заимствованы нами у Финновъ, Татаръ и Турокъ. Ни съ которымъ изъ этихъ племенъ въ древности мы не были въ слишкомъ близкихъ сношеніяхъ, по крайней мѣрѣ сравнительно съ нынѣшними связями, — а нынѣ заимствованія никакого у насъ не примѣчается: съ чего же допускать его въ древности, и въ такихъ размѣрахъ? Странное дѣло: мы принимаемъ народное творчество у кого угодно: у Финновъ, Татаръ и Турокъ,—и только отказываемъ въ немъ своему народу, не смотря на его древность, многочисленность, талантливость и пѣвучесть!

Откудабъ, и гдѣ, послѣ Татаръ или при Татарахъ, явилась шляпа земли Греческой, мѣдь козарка, гость Соражанинъ, кроватка-рыбій зубъ, клюка-кости рыбьей, жеребцы Латинскіе, корабли червленные, Садко купецъ Новогородскій съ своими богатыми кораблями, Леонтій, попъ Ростовскій, Путятична, Хотѣнъ Блудовичъ, земля Волынская, Почай рѣка?

Когда, и гдѣ, кому, послѣ Татаръ, могли быть извѣстны древнія слова лѣтописей: паволоки, аксамиты, гридницы, которыя встрѣчаются въ былинахъ?

Какъ и гдѣ могла бы сочиниться подобная тирада:

Завелся у солнышка почестенъ пиръ
На всѣхъ на князей, на бояръ,
На сильныхъ могучіихъ богатырей.
Всѣ на пиру наѣдалися,
И всѣ на пиру порасхвастались.
Какъ солнышко Владиміръ Князь
По хорому по гриднѣ похаживалъ,
Правой ручкой помахивалъ,
На богатырей службы наметывалъ:
На перваго богатыря стараго Илью Муромца,
На другаго богатыря молодаго Добрыню Микитича,
На третьяго на душечку Михаилу Потыка Ивановича.
Наливалъ по чарѣ зелена вина,
По ковшу давалъ-то меду сладкаго.
На стараго казака Илью Муромца
Наметывалъ службу великую:
Съѣздить за горы Сарочинскія,
Убить силу поганую, отъ мала до велика,
Не оставить силы на сѣмена;
А на другаго богатыря Добрыню Микитича
Наметывалъ службу великую:
Ему ѣхати богатырю за славное синеморе,
Ему бить—земли прибавливати,
Коренить языки человѣчески,
Прибавливать землельки Святорусскія.
А на третьяго богатыря душечку Михаила Потыка Ивановича
Наметывалъ службу великую:
Ему ѣхати богатырю во ты-ли во гридни во черныя,
Во тые-ли Подолье Лиходѣево,
Справить то дани-выходы,
За старые горы и за нынѣшни,
За двѣнадцать лѣтъ съ половиною.

Не ясно ли мы видимъ въ этихъ стихахъ положеніе Великаго Князя Кіевскаго, который самъ идетъ, или посылаетъ своихъ воеводъ, на сосѣднія племена, какъ то было при Игорѣ, какъ думалъ дѣйствовать Василько, (первая служба); — который ходитъ или посылаетъ въ походъ безпрестанно для распространенія предѣловъ земли Русской, какъ Олегъ, Святославъ, Володимеръ, (вторая служба); — который посылаетъ своихъ бояръ (Свѣнельда, Яна) собирать дань съ подвластныхъ племенъ (третья служба).

Кому, при Татарахъ, могла придти въ голову мысль о дальнихъ походахъ о покореніи земель, о собираніи дани, которую сами мы должны были нести съ покорностію Татарамъ?

Володимеръ совѣтуется съ боярами въ былинахъ, точно какъ въ лѣтописи, угощаетъ ихъ также, и исполняетъ ихъ желанія, не щадя казны своей.

Замѣтимъ наконецъ, что въ былинахъ Володимеръ является болѣе язычникомъ, чѣмъ послѣдователемъ Христіанства, которое очевидно подмалевано впослѣдствіи.

Кому при Татарахъ, или послѣ Татаръ, могло придти въ голову воспоминаніе о богатыряхъ Кіевскихъ, о богатствѣ Черниговскомъ,

о роскоши Новгородской, что читаемъ мы въ слѣдующихъ стихахъ:

Что ни лучшіе богатыри въ Кіевѣ,
Золота казна въ Черниговѣ,
А цвѣтно платье въ Новѣгородѣ,
А хлѣбны запасы въ Смоленскѣ городѣ,
А мхи да болота въ заморской сторонѣ,
А разструбисты сарафаны по Мощѣ рѣкѣ,
А худые сарафаны въ Каргопольской сторонѣ.

Послѣдніе три стиха, безъ сомнѣнія, есть прибавленіе позднѣйшаго, мѣстнаго, пѣвца.

Добрыня выѣзжаетъ въ чистое поле на промыселъ, какъ Гаральдъ, какъ Мстиславъ, племянникъ Давыдовъ, ходившій на море и проч.

«Пріѣзжалъ Добрыня къ своимъ посельямъ дворянскіимъ».

(Также и Илья Муромецъ, подъѣзжаетъ ко подворью дворянскому).

Этотъ стихъ испорченный, встрѣчающійся и въ простыхъ пѣсняхъ, указываетъ на древнія боярскія поселенія, слободы или земли, воздѣлывавшіяся закупами Русской правды.

Съ какаго образчика могло быть списано слѣдующее описаніе житья-бытья матери Дюка Сѳепановича въ Волынской землѣ, которое свидѣтельствовалъ Добрыня Никитичъ по порученію Князя Владиміра, вслѣдствіе похвальбы Дюковой.*

Добрыня пріѣзжаетъ въ домъ Дюковой матери.

Въ первой комнатѣ сидитъ старая женщина; не много на ней шелку, вся въ серебрѣ. Добрыня Никитичъ принимаетъ ее за Дюкову матушку, и говоритъ ей: Здравствуешь Дюкова матушка, честная вдова Мамелѳа Тимоѳеевна! Старуха отвѣчаетъ ему: «Я не Дюкова матушка, а Дюкова портомойница.» Идетъ Добрыня дальше по комнатамъ: въ каждой сидитъ по старой женщинѣ; первая вся въ красномъ золотѣ— то Дюкова постельница; другая въ скатномъ жемчугѣ—то Дюкова стольница; третья вся въ каменьяхъ драгоцѣнныхъ—то Дюкова чашница. Послѣдняя говоритъ Добрынѣ: «Ты напрасно спины не ломай и шеи не сгибай, а ступай въ церковь соборную: тамъ есть Дюкова матушка.

Пошелъ онъ во церковь соборную.
Идетъ она изъ церкви соборныя:
Впереди идутъ лопатники,
За лопатниками идутъ метельщики;
За метельщиками идутъ суконщики,
Разстилаютъ сукна одинцовыя.
Честную вдову Мамелѳу Тимоѳеевну
Ведутъ тридцать дѣвицъ со дѣвицею.
Вся она обвѣшана бархатомъ,
Чтобы не запекло ее солнце красное,
Не капала роса утренняя.
— Здравствуешь, Дюкова матушка!—
« Здравствуешь, удаленькій - добрый молодецъ!
« Ты откулешній, добрый молодецъ?»
— Есть- я изъ города изъ Кіева,
— Отъ твоего отъ сына отъ любимаго:
— Захвасталъ онъ своимъ посельицемъ.—
« Ступай за мною, добрый молодецъ.»
Пришла во гридню столовую.
Полагали скатерти браныя,
Посадили за столики дубовые,
Поставляли напиточки стоялые:
Напился, наѣлся добрый молодецъ;
Отводили его въ ложню на кроваточку-рыбій зубъ.
Спалъ молодецъ три сутки безъ просыпа,
На четверты вставаетъ на рѣзвы ноги,
Пойдетъ смотрить Дюково посельице.
Привели его въ конюшенки стоялыя:
Не знаетъ конямъ и цѣны-то дать,—
Въ челкахъ и хвостахъ вплетено по камню драгоцѣнному и проч.

* Начало описанія см. выше с. 528.

Откудабъ взяться въ былинахъ слѣдамъ миѳологическимъ, напримѣръ лебединымъ и прочимъ превращеніямъ, чарамъ на слѣдъ и т. п. указывающимъ на близость къ времени язычества?

Въ самомъ языкѣ былинъ, несмотря на всѣ поврежденія, сохранились еще признаки древности—въ словахъ и оборотахъ, напримѣръ: ряды рядить, крутиться; занимать мѣста не по отчинѣ; употребленіе винительнаго падежа въ формѣ именительнаго, особенное употребленіе дѣепричастія согласно съ языкомъ лѣтописей указываетъ также на древность, напримѣръ.

Какъ видѣли Илюшиньку сядучись
А не видѣли уѣдучись.

День они бьются неѣдаючись,
И другой они бьются непиваючись,
И себѣ отдыха недаваючись.

Пріѣдучись не качаются.

И тутъ Дунаюшка ко стыду
Начала плакать уливаючись.

Ты глупой Король Бутеянъ Бутеяновичъ,
Неучествовалъ молодцевъ пріѣдучись,
А не ужаловать ти молодцевъ поѣдучись.

Замѣтимъ еще нѣкоторые обороты чисто Русскіе:

Долиною море долинешенько,
Шириною море широкошенько,

А у тя просто за просто, пусто за пусто.

Кормите коня скоро на скоро, сыто на сыто.

Чуднымъ чудно, дивнымъ дивно.

Стоя стоять, сидя сидѣть, лежа лежать.

Красно золото не мѣдѣетъ (не становится мѣдью).

Чисто серебро не желѣзится (не становится желѣзомъ)

Ввела его въ силушку богатырскую;
Въ прежнюю храбрость великую.

Ѣшь до сыта, пей до люби.

Трудничкп работнички
Дьячекъ выдумщикъ.

Безпрестанно встрѣчаются любимые обороты, прилагательныя, какъ въ древней Греческой поэзіи:

Красная дѣвица, бѣлыя руки, рѣзвыя ноги, русая коса, буйная головушка, ключевая вода, пшеница бѣлоярая, столы бѣлодубовые, скатерти браныя, меду яраго, пива пьянаго, пески рудожелтые, бѣлъ горючъ камень, мечь кладенецъ, калена стрѣла, тугой лукъ и проч.

Къ числу доказательствъ о древности былинъ присоединимъ важное замѣчаніе Г. Майкова въ его дѣльномъ разсужденіи о былинахъ Владимирова цикла:

«Въ Германскій эпосъ еще въ XII вѣкѣ, а можетъ быть и раньше того, введены были Русскія дѣйствующія лица, извѣстныя намъ по былинамъ Владимирова цикла: въ Исландской, Thidrekssaga, въ половинѣ XIII в., составленной изъ древнихъ Саксонскихъ пѣсенъ и преданій упоминается король Русскій Вольдемаръ—Владиміръ, и его братъ Ярегъ Илья Греческій или Русскій—нашъ Илья Муромецъ. Tidrekssaga называетъ его Греческимъ по его Греческой вѣрѣ. О Владимирѣ еще можно сомнѣваться,—перешелъ ли онъ въ Нѣмецкій эпосъ изъ Русскаго преданія, т. е. былины, или изъ исторической дѣйствительности, но относительно Ильи сомнѣнія быть не можетъ: Илья существуетъ не въ исторіи, а въ одномъ эпосѣ, и именно подлѣ Владимира, какъ и въ Thidrekssaga; кромѣ того, имя его передано по Исландски не Elias, какъ бы слѣдовало по обще-Германскому употребленію этого ветхозавѣтнаго имени, но Ilias

von Rinzen, очевидно со Славянскаго: Илья. Должно однако замѣтить, что происшествія, въ которомъ участвуетъ ярлъ Илья, не имѣютъ ни чего общаго съ извѣстными изъ былинъ подвигами Ильи Муромца. Путь, по которому могли перейти эти Русскія имена въ эпосъ Германскій, — безъ сомнѣнія, разсказы нижне-Нѣмецкихъ торговыхъ людей, посѣщавшихъ Русь.»

Мы сказали, что обычай пѣть на пирахъ пѣсни этого рода—при Татарахъ, вѣроятно, уничтожился, а до Татаръ, а еще болѣе до Христіанства, мы видимъ его въ полномъ ходу по историческимъ свидѣтельствамъ: вспомнимъ о Володимеровыхъ пирахъ и отношеніяхъ его къ дружинѣ по лѣтописи Нестора, о Святославовыхъ (Ярославича) пирахъ по житію Святаго Ѳеодосія, о пирѣ богатаго въ отдѣльномъ сочиненіи. Вся наша древняя лѣтопись о времени дохристіанскомъ основана, очевидно, на такихъ пѣсняхъ.

Мы имѣли цѣлую піитическую литературу, мы имѣли Слова или Саги о всѣхъ важныхъ и неважныхъ подвигахъ древнихъ Князей нашихъ, начиная отъ Рюрика до нашествія Монголовъ, и далѣе,—словесность, о коей можемъ мы судить по Слову о Полку Игоревѣ, къ счастію до насъ дошедшему, и по другимъ слѣдамъ, открывающимся въ древнихъ памятникахъ, при тщательномъ ихъ разсматриваніи,

Олегъ, приплывающій со множествомъ судовъ изъ Новагорода къ Кіеву, выдающій себя за Греческаго купца, приглашающій къ себѣ на лодки Кіевскихъ Князей, Аскольда и Дира, смотрѣть его товары, и приказывающій убить ихъ, вынося на рукахъ Игоря,—развѣ это не извлечено изъ Саги, изъ Слова?

А походъ его подъ Константинополь съ 2000 судовъ и 20 племенами; а суда его на колесахъ, на коихъ подплылъ онъ по суху, при попутномъ вѣтрѣ, подъ стѣны города, а ядъ, подосланный Императоромъ въ брашнахъ, отгаданный Кіевскимъ Княземъ; а щитъ, какъ знакъ его побѣды, на вратахъ Цареградскихъ; а парчевые паруса, устроенные имъ на своихъ судахъ, для возвратнаго пути—неужели это историческія, лѣтописныя показанія? Переводъ ихъ изъ Саги, изъ Слова, въ лѣтопись, мечется въ глаза.

Такова и смерть Олега отъ любимаго коня, которую предсказали ему кудесники. Онъ велѣлъ держать этого коня въ удаленіи, и чрезъ четыре года, по возвращеніи своемъ изъ похода, пошелъ посмотрѣть на его кости, смѣясь надъ предреченіемъ, какъ изъ-подъ черепа выскочила змѣя, и ужалила Витязя въ ногу.

Не нужно доказывать долго, что о мести Ольгиной мы имѣли также обширное Слово, обширную Сагу,—какъ она научила пословъ Древлянскихъ требовать, чтобы ихъ понесли Кіевляне въ теремъ въ ладьѣ, и на дорогѣ велѣла бросить въ яму и засыпать землею,—какъ она сожгла другихъ пословъ въ банѣ,—какъ она покорила Коростень посредствомъ голубей и воробьевъ, пустивши ихъ ночью въ городъ съ огнемъ.

Точно тоже должно сказать о избавленіи Кіева отъ Печенѣговъ, посредствомъ юноши, который пробѣжавъ чрезъ Печенѣжскій станъ, бросился въ Днѣпръ и извѣстилъ Черниговскаго воеводу Претича объ опасности, угрожавшей городу, о войнѣ Болгарской Святослава, о походѣ Владимира

на Рогволода, объ избавленіи Бѣлогорода отъ Печенѣговъ хитростію старца, присовѣтовавшаго наполнить колодезь сытою и проч. и проч. — Не говоримъ объ именахъ трехъ славныхъ морскихъ разбойниковъ въ одной Скандинавской сагѣ, сходныхъ съ нашими, которыхъ нашелъ Шлёцеръ, и которые можетъ быть попали на сѣверъ уже отъ насъ, представляя древнѣйшую нашу Сагу. (А можетъ быть братья прославились на сѣверѣ до прибытія къ намъ). — Однимъ словомъ Саги, Слова, были однимъ изъ важныхъ источниковъ Нестора, и имъ обязаны мы извѣстіями о древнѣйшихъ происшествіяхъ нашей Исторіи, точно такъ Исторія соплеменныхъ Руси Норвежцевъ, Датчанъ, Шведовъ, сохранилась въ многочисленныхъ Сагахъ Исландіи.

Наши Слова, наши Саги, имѣли одинъ и тотъ же источникъ съ Исландскими. Замѣтимъ, въ подтвержденіе нашей мысли, что даже многія обстоятельства, встрѣчающіяся въ Несторѣ, мы находимъ въ сѣверныхъ Сагахъ, напримѣръ о смерти Олеговой отъ коня, о взятіи города Ольгою посредствомъ птицъ. Въ самомъ образѣ выраженій примѣчается много сходства: оружіе поетъ, напримѣръ, по сближенію Профессора Буслаева, въ Скандинавской поэзіи, (мечь, топоръ), и у насъ въ СПИ.: копіа поютъ на Дунаи. Также «стязи (знамена) глаголятъ» въ СПИ., и въ Скандинавскихъ памятникахъ. «Вообще» продолжаетъ Г. Буслаевъ, «взгляды Нѣмца и Славянина на оружіе и воинскіе доспѣхи во многомъ сходятся: такъ въ СПИ.: щиты червленые» (прибавимъ, и въ былинахъ, и въ рисункахъ къ житію Св. Бориса и Глѣба, и на древнемъ моемъ образѣ Св. Георгія) «и въ Нѣмецкихъ памятникахъ эпитетъ щиту: красный. Выраженіе въ СПИ.: «конецъ копія вскормлени» согласуется съ представленіемъ въ Эддѣ: копьями кормилъ гадовъ змѣиныхъ, т. е. трупами падшихъ отъ копій.»

Эти Саги, эти пѣсни, разсказы, были первою принадлежностію пировъ княжескихъ на Сѣверѣ, и безъ всякаго сомнѣнія, у насъ на Руси.

Вспомнимъ мѣста изъ былинъ о скоморохахъ.*

Въ самыхъ лѣтописяхъ находимъ мы извѣстія, хотя неясныя и неопредѣленныя, о древнихъ пѣвцахъ, въ дополненіе къ извѣстіямъ о скоморохахъ въ былинахъ, напримѣръ подъ годомъ 1243, къ Волынской Лѣтописи читается: Андрей же не удоси его, но удоси владыку и слуги его разграби гордые, и тулы ихъ бобровые раздра, и прилбицѣ ихъ волчье и борсуковые раздраны быша; *словутьнего пѣвца Митусу*, древле за гордость не восхотѣша служити Князю Данилу, раздрапаго акы связаного приведоша...»

Данилу съ братомъ, 1251, «пѣсь славну пояху» по возвращеніи изъ удачнаго похода на Ятвяговъ.

О Владимирѣ Васильковичѣ, подъ годомъ 1288, сказано: Володимеръ.. бѣ разумѣя притчи много тыхъ словъ.

Окончательно же убѣждаетъ въ существованіи старыхъ былинъ самъ сочинитель Слова О полку Игоревѣ, у котораго безпрестанно встрѣчаются мѣста, доказывающія множество прежнихъ сочиненій этого рода, множество *Словъ*. Съ самаго начала онъ говоритъ *о старыхъ словесахъ*, потомъ о пѣсняхъ старому Ярославу, храброму Мстиславу, «иже зарѣза Редедю

* См. выше, с. 512.

предъ полки Косожьскими, красному Роману Святославичю;», о пѣсняхъ Бояна, котораго называетъ соловьемъ древняго времени, внукомъ Велесовымъ, который «аще кому хотяше пѣснь творити... своя вѣщія персты на живыя струны воскладаше, они же сами Княземъ славу рокотаху».

Упоминовенія объ Олегѣ Святославичѣ, Борисѣ Вячеславичѣ, Всеславѣ Брячиславичѣ, кажутся отрывками изъ Словъ объ этихъ Князьяхъ.

Говоря о Всеславѣ, пѣвецъ приводитъ слова Бояновы: тому вѣщей Боянъ и прѣвое припѣвку смысленый рече: ни хитру, ни горазду, ни птицю горазду, суда Божія не минути.

Въ заключеніи говорится что-то о пѣснотворцѣ Святославлѣ стараго времени Ярославля, Ольгова, Коганя... и опять упоминается о *пѣніи пѣсни* старымъ Князьямъ, а потомъ молодымъ.

Нѣкоторыя мѣста очень не ясны, не смотря на усилія нашихъ прелагателей. По крайней мѣрѣ мы получаемъ изъ нихъ понятіе о существованіи древней исторической поэзіи, перенятой съ Сѣвера, между тѣмъ какъ лирическая развивалась изъ собственныхъ, т. е. Славянскихъ элементовъ. Впрочемъ и историческая, по свойству нашего языка и народнаго характера, приняла у насъ другой, свой характеръ, и наше Слово о полку Игоревѣ, напримѣръ, представляетъ несравненно болѣе живости, теплоты, нежели Саги, которыхъ главная прелесть состояла въ піитическомъ языкѣ.

Саги Исландскія двѣсти, триста лѣтъ, сохранялись въ изустномъ преданіи, и послѣ уже были записаны на островѣ Исландіи, гдѣ много особыхъ обстоятельствъ содѣйствовало этому явленію, — а у насъ чрезъ двѣсти, триста лѣтъ, послѣ Олеговъ, Володимеровъ, Ярославовъ, нагрянули Татары, — и намъ было не до записыванія пѣсенъ, особенно на югѣ, гдѣ съ явленіемъ козачества являются другія Саги, какъ замѣчено выше, казацкія, историческія пѣсни и думы, смѣнившія, приведшія въ забвеніе прежнюю поэзію.

Вторая причина, почему не сохранились древнія наши былины въ рукописяхъ, это — отвращеніе духовенства отъ всѣхъ мірскихъ свѣтскихъ сочиненій, а кромѣ духовенства писцовъ было мало.

Дошедшія до насъ въ устахъ народа былины составляютъ какъ бы средину между древними Исландскими Сагами, и сохраненными у Нестора основами первыхъ нашихъ Сагъ съ одной стороны, а съ другой съ Словомъ о Полку Игоревѣ, одномъ изъ послѣднихъ проявленій этой словесности.

Въ заключеніе этихъ разсужденій, приведемъ отрывокъ изъ Стрингольмова классическаго сочиненія о Норманнахъ — очеркъ Сѣвернаго Скальда, и вспомнимъ опять о нашихъ скоморохахъ, какъ они изображены въ оставшихся былинахъ. «Сѣверный Скальдъ долженъ быть богатъ въ изобрѣтеніи, остроуміи, и мышленіи; онъ долженъ быть знакомъ не только съ современными примѣчательными происшествіями, ибо ихъ надо ему воспѣвать, — онъ долженъ обладать свѣдѣніями о происшествіяхъ прежняго времени, и преимущественно знать обстоятельно сѣверное ученіе о богахъ, какъ основаніе піитическаго языка и миѳологическихъ образовъ. Быстрый и смѣлый ходъ, богатство и смѣлость въ образахъ, глубое и сильное

чувство, часто высокомѣріе и пріятность, господствуютъ въ пѣсняхъ древнихъ. Рѣдкія, устарѣлыя, въ ежедневной рѣчи неупотребительныя слова и названія, были приняты въ языкѣ Скальдовъ, или удержаны въ немъ, чтобъ возвысить его надъ ежедневнымъ, и сообщить ему больше торжественности. Она выражается особенно въ искусственномъ, обработанномъ своемъ видѣ, описаніями лицъ и вещей, заимствованными изъ миѳологіи и природы, смѣлыми, исполненными образовъ. На счастливомъ выборѣ описаній изысканныхъ, меткихъ мыслей, изображеній, основывалась преимущественно красота и искусство языка Скальдовъ. Простое названіе вещи считалось принадлежностію ежедневнаго языка. Скальды любили описательныя названія, и старались роскошнымъ разнообразіемъ многознаменательныхъ образовъ, въ коихъ заключались слова и цѣлыя положенія, напрягать мысли слушателей, и воспламенять ихъ воображеніе. Они употребляли въ то же время ужасную перестановку словъ, и умѣли, если хотѣли, такъ сокрыть свои мысли посредствомъ запутанныхъ оборотовъ, темныхъ, изысканныхъ описаній и особенно мудреныхъ словъ, что нуженъ былъ великій даръ соображенія, дабы выразумѣть ихъ смыслъ.

Пѣсни, переходя отъ поколѣнія къ поколѣнію, питали любовь къ пѣнію, и производили новыхъ Скальдовъ. Многіе такіе слѣдовали за Гаральдомъ Гильдетаномъ на Бравальское сраженіе, и воспоминаніе объ этомъ великомъ происшествіи было прославлено въ пѣсняхъ. У всѣхъ сѣверныхъ Князей были Скальды.

Пѣсни были различны: Drapa (множ. drapor) героическія, торжественныя, величественныя стихотворенія, пѣсни во многихъ отдѣленіяхъ, съ возвратными стихами (Kehrreimen), въ коихъ воспѣвались дѣянія и жизнь Королей и великихъ героевъ. О мужахъ, менѣе славныхъ и высокихъ, о происшествіяхъ менѣе значительныхъ и важныхъ сочинялись Flökr, пѣсни меньшаго объема безъ отдѣленій и возвратныхъ стиховъ. Въ древнихъ пѣсняхъ, особенно въ Дграпахъ, бываетъ обыкновенно родъ refrein изъ двухъ или четырехъ стиховъ, которые принадлежатъ къ правильной строфѣ, и только въ концѣ каждаго новаго отдѣленія пѣсни повторяются и пр.

Скальды путешествовали по всѣмъ странамъ, гдѣ употреблялся Сѣверный языкъ, чтобъ собирать предметы для своихъ пѣсенъ, и пріобрѣтать честь и награду. Скальдъ входилъ въ Княжескую палату, гдѣ Король съ своими мужами сидѣлъ и пилъ, просилъ о позволеніи представить пѣснь въ честь Короля, произносилъ ее мужественнымъ голосомъ, и получалъ золотыя (Ringe) гривны, знатныя оружія, драгоцѣнныя одежды и содержаніе при дворѣ Княжескомъ.* Стихотвореніе выучивалось наизустъ придворными людьми, и должно было оставаться, передаваться въ воспоминаніи, чтобъ довести до потомства Княжескую славу. Отъ Скальдовъ требовалось, чтобъ они не только обладали искусствомъ сочинять и произносить стихи съ достоинствомъ и живостію, но они должны были имѣть въ памяти пѣсни древнихъ Скальдовъ, и память ихъ посредствомъ упражненія была такъ изощрена, что одинъ Скальдъ могъ пропѣть Королю Гаральду Гардраде (мужу нашей Елизаветы Ярославны) шестдесятъ

* См. выше, с. 513.

пѣсней, и когда Король, слушавшій ихъ до глубокой ночи, спросилъ Скальда, знаетъ ли онъ еще, то сей отвѣчалъ, что можетъ еще пропѣть полстолька. Путешествуя отъ двора ко двору, изъ страны въ страну, Скальды въ древности были свѣдомые люди своего времени, потому что многое видѣли, и опытомъ извѣдали.

Къ пѣнію присоединялись повѣсти, разсказы изъ древнихъ сѣверныхъ героическихъ сагъ, —самое любимое провожденіе при княжескихъ дворахъ, частныхъ обществахъ, и въ домашнемъ кругу крестьянина.»

Прервемъ наши доказательства, оставимъ прихотливыя сомнѣнія, истекающія изъ предвзятыхъ мыслей, и познакомимся лучше съ самими былинами. Содержаніе ихъ: подвиги витязей. Тѣлесная сила, по замѣчаніямъ Шевырева, удальство, безстрашіе, самоотверженіе, отсутствіе всякой личности, хитрость и оборотливость, иронія и шутка, грубость, вызываемая (дикими) племенами, съ которыми мы имѣли дѣло, иногда доходящая до жестокости, — вотъ черты, выдающіяся съ перваго раза на физіономіи нашихъ витязей. Важность ихъ заключается преимущественно въ подробностяхъ разнаго рода.

Какъ изъ славнаго города Мурома,
Изъ того села Корочарова;
Какъ была-де поѣздка богатырская—
Наряжался Илья Муромецъ Ивановичь
Ко стольному городу ко Кіеву,
Онъ тою дорогою прямоѣзжею,
Котора залегла ровно тридцать лѣтъ,
Чрезъ тѣ лѣса Брынскіе,
Чрезъ черны грязи Смоленскія:
Изалегъ ее, дорогу, Соловей разбойникъ.
И кладетъ Илья заповѣдь велику:
Что проѣхать дорогу прямоѣзжую,
Которая залегла ровно тридцать лѣтъ,
Не вымать изъ налушна тугой лукъ,
Изъ колчана не вымать калену стрѣлу.
Беретъ благословеніе великое у отца съ матерью.
А и только его Илью видѣли—
Прощался съ отцомъ съ матерью,
И садился Илья на своего добра коня,
А и выѣхалъ Илья со двора своего
Во тѣ ворота широкія.
Какъ стегнетъ онъ коня по тучнымъ бедрамъ—
А и конь подъ Ильею разсержается,
Онъ перву скокъ ступилъ за пять верстъ,
А другаго ускока не могли найти.
Поѣхалъ онъ черезъ тѣ лѣса Брынскіе,
Черезъ тѣ грязи Смоленскія.
Какъ бы будетъ Илья во темныхъ лѣсахъ;
Во темныхъ лѣсахъ во Брынскихъ,
Наѣзжалъ Илья на девяти дубахъ,
И наѣхалъ онъ Илья Соловья разбойника.
И заслышалъ Соловей разбойникъ
Того ли топу конинаго,
И тоя ли онъ поѣздки богатырскія.
Засвисталъ Соловей по соловьиному;
А въ другой зашипѣлъ разбойникъ по змѣиному,
А втретьи зрявкаетъ по звѣриному;—
Подъ Ильею конь окорачился,
И падалъ вѣдь на кукорачь.
Говоритъ Илья Муромецъ Ивановичь:
« А ты, волчья сыть, травяной мѣшокъ!
« Не бывалъ ты въ пещерахъ бѣлокаменныхъ,
« Не бывалъ ты конъ во темныхъ лѣсахъ,
« Не слыхалъ ты свисту соловьинаго,
« Не слыхалъ ты шипу змѣинаго,
« А того ли ты крику звѣринаго,
« А звѣринаго крику туринаго.»
Разрушаетъ Илья заповѣдь великую,
Вымаетъ калену стрѣлу;
И стрѣляетъ въ Соловья разбойника;
И попалъ Соловья да въ правой глазъ,
Полетѣлъ Соловей съ сыра дуба
Комомъ ко сырой земли.

Подхватилъ Илья Муромецъ Соловья на бѣлы руки,
Привязалъ Соловья ко той ко лукѣ ко сѣдѣльныя,
Проѣхалъ онъ воровску заставу крѣпкую,
Подъѣзжаетъ ко подворью дворянскому.

Укажемъ на нѣкоторыя своеобразныя описанія, обороты, выраженія, замѣчательныя по своей поэзіи или по признакамъ древности.

Родился Волхъ Всеславьевичъ.
Рыба пошла въ морскую глубину,
Птица полетѣла высоко въ небеса,
Туры да олени за горы пошли,
Зайцы, лисицы, по чащицамъ,
Волки, медвѣди, по ельникамъ,
Соболи, куницы, по островамъ.

Будетъ Волхъ въ полтора часа — ужъ онъ говоритъ, какъ громъ гремитъ.

Чтожъ онъ говоритъ своей матери?

А не пеленай во пелену въ червчатую,
А не поясн въ поясья шелковыя,
Пеленай меня, матушка,
Въ крѣпки латы булатныя,
А на буйну голову клади златъ шеломъ,
Во праву руку палицу,
А и тяжку палицу свинцовую.

Какъ былъ-то я (мастеръ) въ молоду пору
По темнымъ лѣсамъ летать чернымъ ворономъ,
По чисту полю скакать сѣрымъ волкомъ,
По крутымъ горамъ тонкімъ бѣлымъ горносталемъ,
По синимъ морямъ плавать сѣрою утушкою,
Ахъ ты старость моя глубокая,
Да не въ пору молодца старость состарила!
У меня-ль головка состарѣла,
Сердце молодецкое соржавѣло,
Русы кудри посѣдатѣли.
Ай же, сила моя, войско сорокъ тысячей!
Сѣдлайте-уздайте добрыхъ коней,
Туго на туго и крѣпко на крѣпко,
Поѣдемъ мы въ слѣдъ сугоною
За этою щенятью бѣлогубою...

Какъ засвисталъ Соловей (разбойникъ) по соловьиному,
Закричалъ, злодѣй, онъ по звѣриному.
Отъ этого отъ посвиста соловьинаго,
Отъ этого отъ покрика звѣрнаго,
Очень великъ шумъ пошелъ;
Темные лѣса къ землѣ наклонилися,
Околенки хрустальныя поразсыпались,

Что есть людюшекъ, всѣ мертвы лежатъ.
И всѣ князья-бояра на землю припадали,
Всѣ старые домы во Кіевѣ приломалися,
А новые домы пошаталися,

Оконницы всѣ изъ домовъ припадали,
Отъ его ли крику богатырскаго
Тихая заводь сколыбалася,
Съ пескомъ вода помутилася,
У него конь на колѣнки палъ,
И упадалъ Добрыня съ добра коня
На сыру землю въ ковыль траву;
Лежалъ три часа за мертво:

Разгорячился Добрынюшка Никитичъ,
Онъ беретъ да плеточку шелковую,
Онъ бьетъ бурка промежу ноги,
Промежу ноги между заднія,
Что сталъ его бурушка поскакивать,
Съ горы на гору, съ холма на холмы,
И рѣки, озера перескакивать,
Широкія раздолья между ногъ пущать,
Какъ не ясный соколъ въ перелетъ летитъ;
Добрый молодецъ перегонъ гонитъ.

Пошелъ его добрый конь чистымъ полемъ,
Сталъ онъ по раздольицу поскакивать,
Съ горы на гору онъ перескакивать,
Съ холмы на холму перемахивать,
Мелкія озерка-рѣченьки промежъ ногъ спущалъ.
Такъ не молвія тутъ по чисту полю промолвила,

Проѣхалъ-то Добрыня на добромъ конѣ.
Подъѣхалъ онъ къ сыру дубу ко Невину,
Ко славному ко камени ко Латырю.

Будетъ Василій семи годовъ,
Сталъ онъ по городу похаживать,
На княженецкій дворъ онъ загуливать,
Сталъ шутить онъ, пошучивать.
Шутить-то шуточки недобрыя
Со боярскима дѣтьмы, со княженецкима:
Котораго дернетъ за руку, рука прочь,
Котораго за ногу, нога прочь.

«Ай же, любезна моя дружина хоробрая!
«Поди-тко теперь опочивъ держать,
«А я теперь стану съ ребятами поигрывать.»
И зачалъ Василій по мосту похаживать,
И зачалъ онъ вязомъ помахивать:
Куды махнетъ, туды улица,
Перемахнетъ—переулочекъ.
И лежатъ-то мужики увалами,
Увалами лежатъ, перевалами,
Набило мужиковъ какъ погодою.

И ѣдетъ Василій помахиваетъ,
Съ горы на гору конь его поскакиваетъ,
Съ холма на холму конь его поплясываетъ.
Рѣки, озера, межу ногъ пущалъ,
Синія моря около скакалъ.
Хвостъ по земли разстилается,
А грива подъ копыта подвивается,
Искра съ ноздрей разсыпается,
Огненное пламя распаляется,
Огненнымъ щитомъ сбороняется.

Тутъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ
Беретъ-то тугій лукъ разрывчатый,
Натянулъ онъ тетивочку шелковеньку,
И наложилъ-то онъ стрѣлочку каленую,
Хотитъ подстрѣлить эту бѣлую лебедушку.
Эгая бѣлая лебедушка
Поднималася отъ синя моря
На своихъ на крыльяхъ лебединыихъ,
Садилась она на черленъ корабль,
Обернулась красной дѣвицей...

Чурило сынъ Пленковичъ
Обулъ сапожки-то зеленъ сафьянъ:
Носы шиломъ, а пяты востры,
Подъ пяту хоть соловей лети,
А кругомъ пяты хоть яйцемъ кати;
Надѣлъ онъ шубу-то соболькую:
Во пуговкахъ литы добрые молодцы,
Во петелькахъ шиты красныя дѣвицы;
И наложилъ онъ шапку черну мурманку,
Ушисту, пушисту, завѣсисту:
Спереди не видно ясныхъ очей,
А сзади не видно шеи бѣлыя.
А молодой боярской сынъ Дюкъ Степановичъ
По Кіеву не снаряденъ шелъ:
И обуты были лапотцы семи шелковъ;
Въ эти лапотцы были вплетены
Дорого каменье все яхонты,—
Который же камень самоцвѣтный
Стоплъ города всего Кіева,
Опричь Знаменья Богородицы,
И опричь прочихъ святителей.
И надѣта была у него шуба-та расхожая,
Во пуговкахъ литы люты звѣри,
Во петелькахъ шиты люты змѣи,
И бралъ Дюкъ плеточку шелковую,
Матушкино благословеніе,
Подернулъ Дюкъ по пуговкамъ—
Заревѣли во пуговкахъ люты звѣри;
Подернулъ Дюкъ по петелькамъ,
Засвистали во петелкахъ люты змѣи.
И отъ того реву отъ звѣринаго,
И отъ того свисту отъ змѣинаго,
Во стольномъ городѣ во Кіевѣ,
Старый и малый на землѣ лежитъ;
Только малые люди оставалися,
За Дюкомъ всѣмъ городомъ Кіевомъ качнулися:

А почни тутъ Дюкъ Степановичъ своимъ пугвицамъ поваживать,—
Во поваль тутъ всѣ повалилися, ужаснулися:
Что во всякой во златой пугвицѣ
Сорокъ сороковъ змѣй пещерскихъ шипитъ,
И во всякой того пугвицѣ

Сорокъ сороковъ звѣрей лютыихъ ревомъ ревитъ.
А почни тутъ въ другу сторону пугвицамъ поваживать:
Что во всякой-то златой пугвицѣ
Сорокъ сороковъ птицъ Божьихъ пѣсни затягиваютъ.
Весь людъ Божій тутъ удивленье взяло.
Вси ёны ко Дюку Степанычу честно приближаются.
Ко его мудрецкому кафтану старъ-младъ приклоняются,

Въ день ѣдутъ по красному по солнышку,
Въ ночь ѣдутъ по свѣтлому по мѣсяцу.
Времячко-то идетъ день за день,
День за день, какъ трава растетъ,
Годъ за годъ, какъ вода текетъ,

Какъ день за днемъ, будто дождь дожжитъ,
Недѣля за недѣлей, какъ трава растетъ,
А годъ за годомъ, какъ рѣка бѣжитъ.

Нагнано-то силушки чернымъ черно,
Чернымъ черно, какъ чернаго ворона.
И не можетъ пропекать красное солнышко
Между паромъ лошадинымъ и человѣческимъ.
Вешніимъ долгіимъ денечкомъ
Сѣрому звѣрю вокругъ не обрыскати,
Меженныимъ долгіимъ денечкомъ
Черну ворону этой силы не обграяти,
Осенніимъ долгіимъ денечкомъ
Сѣрой птицы вокругъ не облетѣть.

У меня во черевѣ младенецъ.
Того младенца во градѣ нѣтъ:
По колѣнъ ножки-то въ серебрѣ,
По локоть руки-то въ золотѣ,
По косицамъ частыя звѣздочки,
А въ теми пекетъ красно солнышко!—

Всталъ Добрыня на рѣзвы ноги.
Походилъ Добрыня на широкій дворъ.
Пришедши Добрынюшка разжалился,
Что мать несчастливаго породила,
Смѣлостью меня не смѣлаго,
Силою меня не сильнаго,
И красотою меня не красиваго,
Богатствомъ меня не богатаго,
Кудрямы меня не кудряваго.
На что меня несчастнаго молодца спородила,
Гребешкомъ мою головушку загладила,
Копылкомъ бородку наладила,
Спустила добраго молодца во далече-далече во чисто поле,

Пошла женка путемъ да дорогою:
Мелкіе-то ручейки бродомъ брела,
Глубокія рѣки плывомъ плыла,
Широкія озера кругомъ обошла,
Чистыя поля разбойниковъ о полночь прошла:
О полночь разбойники опочинъ держатъ.
Темные лѣса-лютыхъ звѣрей о полденъ прошла
О полденъ люты зрѣри да опочинъ держатъ.

Тутъ не двѣ утушки сѣрыя сплывалися,
Не двѣ бѣлыя лебедушки слеталися:
Садилася свекровушка да невѣстушка въ одно мѣсто,
Плачутъ обливаются,
Да молода Добрынюшку изъ чиста поля дожидаются,
Пріѣдучись не начаются.

Духовные стихи, до насъ дошедшіе, сильно поврежденные и подновленные, должны быть нѣсколько моложе былинъ, по своими пріемами, оборотами и языкомъ, показываютъ близкое сродство съ ними. Воспѣваются въ нихъ разные святые, примѣчательные по какимъ-либо особеннымъ происшествіямъ въ своей жизни: Іосифъ прекрасный, Лазарь убогій, Алексѣй Божій человѣкъ, Іоасафъ пустынникъ, Ѳеодоръ Тиронъ.

Мы предложимъ для образчика стихи о Георгіѣ храбромъ и Дмитріѣ Селунскомъ, которые чтутся особенно въ Русскомъ народѣ.

Стихъ объ Егоріѣ храбромъ.

Во святой землѣ, православной,
Нарождается желанное дѣтище
У тоя ли премудрыя Софіи;
И нарекаетъ она по имени
Свое то дѣтище—Георгій,
По прозваньицу—храброй.
Возрастаетъ Георгій храброй
Промежъ трехъ родныхъ сестеръ,
Отъ добра дѣла не отходючи,
Святымъ словомъ огрожаючи,
Міру крещеному угожаючи.
Какъ и сталъ онъ, Георгій храброй,
Въ матеръ возрастъ приходити,
Умъ-разумъ спознавати,
И учалъ во тѣ поры
Думу крѣпкую оповѣдати
Своей родимой матушкѣ,
А и ей ли, премудрой Софіи:
„Соизволь, родимая матушка,
„Осударыня премудрая Софія,
„Ѣхать мнѣ ко землѣ Свѣтло-русской
„Утвержать вѣры христіанскія.»
И даетъ ему родимая матушка,
Она ли, осударыня премудрая Софія,
Свое благословеніе великое:
Ѣхать ко той землѣ Свѣтло-русской,
Отъ востока до запода поѣзжаючи,
Святую вѣру утверждаючи,
Бесерменскую вѣру побѣждаючи.
Наѣзжаетъ онъ, Георгій храброй,
На тѣ лѣса, на темные,
На тѣ лѣса, на дремучіе;
Хочетъ онъ, Георгій, туто проѣхати,
Хочетъ онъ, храброй, туто проторити,
Нельзя Георгію туто проѣхати,
Нельзя храброму туто проторити.
И Георгій храброй проглаголуетъ:
«Ой вы, лѣса, лѣса темные!
«Ой вы, лѣса, лѣса дремучес!
«Заростите́ся, лѣса темные,
«По всей землѣ Свѣтло-русской,
«Раскиньтеся, лѣса дремучіе,
«По крутымъ горамъ по высокіимъ,
«По Божьему все велѣнью,
«По Георгіеву все моленью!»
По его слову, Георгіеву,
По его ли, храбраго, моленію,
Заростали лѣса темные
По святой землѣ Свѣтло-русской.
Раскидалися лѣса дремучіе
По крутымъ горамъ по высокіимъ...

Точно тоже произошло съ встрѣченными горами, морями, рѣками, звѣрями, къ которымъ Георгій относился съ своими приказаніями.

«Ой вы, горы, горы высокія!
«Ой вы, холмы, холмы широкіе!
«Разсыпьтеся горы высокія,
«По всей землѣ Свѣтло-русской;
«Становитесь холмы широкіе,
«По степямъ, полямъ зеленыимъ,

«Ой вы моря, моря глубокія!
«Ой вы рѣки, рѣки широкія!
«Потеките моря глубокія,
«По всей землѣ Свѣтло-русской,
«Побѣгите, рѣки широкія,
«Отъ востока да и до запада.

«Ой вы, звѣри, звѣри могучіе!
«Ой вы, звѣри, звѣри рогатые!
«Заселитеся, звѣри могучіе,
«По всей землѣ Свято-русской,
«Плодитеся звѣри рогатые,
«По степямъ, полямъ безъ числа.
«А и есть про васъ на съѣдомое
«Во поляхъ трава муравчата,
«А и есть про васъ на поилицо
«Во рѣкахъ вода студеная.»
. . . .
Наѣзжаетъ онъ, Георгій храброй,
На то стадо, на зміиное,
На то стадо, на лютое;

Хочетъ онъ, Георгій, туто проѣхати,
Хочетъ онъ, храброй, туто проторити;
И стадо зміиное возговоритъ
Ко тому ли Георгію храброму:
«Али ты, Георгій, не вѣдаешь,
«Али ты, храброй, не знаешь:
«Что та земля словомъ заказана,
«Словомъ заказана, заповѣдана.
«По той землѣ заповѣданной
«Пѣшъ человѣкъ не прохаживалъ,
«На коню никто не проѣзживалъ.
«Уйми ты, Георгій, своего коня ретиваго,
«Воротися ты, храброй, самъ назадъ.»
Вынималъ Георгій саблю острую,
Нападалъ храброй на стадо зміиное.
Ровно три дня и три ночи
Рубитъ колетъ стадо зміиное:
А на третій день ко вечеру
Посѣкъ, порубилъ стадо лютое.
Наѣзжаетъ онъ, Георгій храброй,
На ту землю Свѣтло-русскую,
На тѣ поля, рѣки широкія,
На тѣ высоки терема, златоверхіе.
Хочетъ онъ, Георгій, туто проѣхати,
Хочетъ онъ, храброй, туто проторити.
Какъ и тутъ ли ему, Георгію,
Выходятъ на встрѣчу красны дѣвицы,
Какъ и тутъ ли ему, храброму, проглаголуютъ:
«А тебя ли мы, Георгій, дожидаючись,
«Тридцать три года не вступаючи
«Съ высока терема, златоверхаго.
«А и тебя ли мы, храбраго, дожидаючись,
«Держимъ народу великъ обѣтъ:
«Отдать землю Свѣтло-русскую,
«Принять отъ тебя вѣру крещеную.»
Пріимаетъ онъ, Георгій храброй,
Ту землю Свѣтло-русскую
Подъ свой великъ покровъ,
Утверждаетъ вѣру крещеную·
По всей землѣ Свѣтло-русской.

Стихъ о Дмитріѣ Солунскомъ.

Съ перваго вѣку-начала Христова
Не бывало на Салымъ градъ
Ни какой бѣды, ни погибели.
Идетъ насланіе Божіе на Салымъ градъ,
Идетъ невѣрный Мамай царь,
Сѣчетъ онъ, и рубитъ, и во плѣнъ емлетъ,
Просвѣщенныя соборныя церкви онъ разоряетъ.
. . . .
У святой у соборной у церкви
Стоялъ старецъ Онофрій на молитвѣ,
У всеночной всю ночь на папери.
Молился онъ Спасу и Пречистой Богородицѣ,
И святому Дмитрію, Солунскому чудотворцу,
И увидѣлъ онъ чудо у престола:
Два ангела ликъ ликовали
Святому Димитрію Солунскому чудотворцу.
Пошелъ онъ по Салыму граду объявляти,
Князьямъ-боярамъ и воеводамъ,
И Митріемъ-митрополитамъ.
Попамъ-священникамъ и игумнамъ,
Да и всѣмъ христіанамъ:
—Вы гой еси, князья-бояре, воеводы
—И митрія-приполиты,
—Попы-священники и игумены,
—Всѣ православные христіанѣ!
—Не сдавайте вы Салыму града и не покидайте:
—Не быти нашему Салыму граду взяту,
—А Мамайской силѣ побитой.

Оповѣщенные спросили его, почему онъ это знаетъ, и получили въ отвѣтъ извѣстіе объ его видѣніи.

По утру было ранымъ ранехонько,
Не высылка изъ Салыму граду учинилася:
Единъ человѣкъ изъ за престола воздаваетъ,
Пресвѣтлую онъ ризу облекаетъ,

Единъ на бѣла осла садился,
Единъ изъ Салыму граду выѣзжаетъ,
Единъ невѣрную силу побѣждаетъ,
Сѣчетъ онъ и рубитъ, и зарубежъ гонитъ.
Побѣдилъ онъ три тмы
И три тысячи невѣдомой силой,
Да и смѣту нѣтъ!
Отогналъ онъ невѣрнаго царя Мамая
Во его страну въ порубежную.
А злодѣй невѣрный Мамай царь,
Когда бѣжалъ, захватилъ онъ двухъ дѣвицъ полонянокъ,
Увозилъ онъ ихъ въ свою сторону порубежную,
Началъ онъ двухъ дѣвицъ вопрошати:
—Вы гой еси, двѣ дѣвицы, двѣ русскія полонянки!
—Скажите вы мнѣ не утайте:
—Какой есть у васъ могучій богатырь,
—Единъ на бѣлѣ ослѣ садился,
—Единъ изъ Салына града выѣзжаетъ, и пр.

(Повторяются вышеприведенные стихи).

Двѣ дѣвицы невѣрному царю Мамаю отвѣчали:
«О злодѣй, невѣрный Мамай царь:
«Это у насъ не могучь богатырь,
«Это нашъ святой отче
«Дмитрій Солунскій чудотворецъ.»
Возговорилъ невѣрный царь Мамай
Ко двумъ ко дѣвицамъ.
—Кто это у васъ святой отче,
—Димитрій Солунскій чудотворецъ?
—Вышейте вы мнѣ на коврѣ
—Ликъ своего чудотворца Димитрія Солунскаго,
—Коню моему на прикрасу,
—Мнѣ царю на потѣху,
—Передайте лице его святое на поруганье.—
(Двѣ дѣвицы отказались)
Тогда же невѣрный царь Мамай
На двухъ дѣвицъ опалился:
Вынимаетъ онъ саблю мурзавецкую,
Да и хочетъ онъ головы ихъ рубити
По ихъ плечи по могучія.
Двѣ дѣвицы убоялись,
Къ невѣрному царю Мамаю приклонились:
«О злодѣй, собака, невѣрный Мамай царь:
«Не руби-ка ты наши головы
«По наши плеча по могучія,
«Дай ты намъ время хоть до утра.»
. . . .
Двѣ дѣвицы шили коверъ, вышивали,
Святое лице на коврѣ вышивали,
На небеса возирали,
Горючія слезы проливали.
Молились онѣ Спасу, Пречистой Богородицѣ,
И святому Димитрію Солунскому чудотворцу.
Поздно вечеромъ онѣ просидѣли,
На коврѣ спать ложились, и пріуснули.
По Божьему все по велѣнью,
И по Димитрія святому моленью,
Возставали сильные вѣтры,
Подымали коверъ со двумя со дѣвицами,
Подносили ихъ ко граду ко Солуну,
Ко святой соборной Божьей церкви,
Ко празднику Христову,
Ко святому Димитрію Солунскому чудотворцу:
Положило ихъ святымъ духомъ за престоломъ.
По утру было ранымъ рано,
Церковный пономарь отъ сна возставаетъ,
Приходилъ онъ во святую соборную церковь
Къ утренней заутрени благовѣстити,
Утреннія молитвы говорити.
Приходилъ онъ въ соборную Божію церковь,
Увидѣлъ онъ чудо за престоломъ:
Спятъ на коврѣ двѣ дѣвицы,
Двѣ русскія полонянки.
Церковный пономарь убоялся,
Изъ церкви вонъ утекаетъ,

Ко священнику прибѣгаетъ,
Ото сна его разбуждаетъ:
—Батюшка ты нашъ попъ,
—Священникъ, отецъ духовный!
—Возстань ты ото сна, пробудися,
—Гряди скоро во соборную церковь
—Великое чудо явилось,—
—Спятъ на коврѣ двѣ дѣвицы,
—Двѣ русскія полонянки.—
Попъ-священникъ отъ сна возставаетъ,
Животочною водой лице свое умываетъ,
На ходу онъ одежду надѣваетъ,
Грядетъ онъ скоро во святую соборную церковь,
До Господняго престола доступаетъ,
Животворящій крестъ съ престола принимаетъ,
Святой ихъ водой окропляетъ,
Ото сна разбуждаетъ:
«Встаньте вы, двѣ дѣвицы,
«Двѣ русскія полонянки,
«Ото сна вы пробудитесь!
«Скажите вы мнѣ, не утайте,
«Какъ вы здѣсь явились
«Изъ той земли изъ невѣрной,
«Во славномъ городѣ во Салунѣ,
«Во святой соборной церкви за престоломъ?
«Какъ вамъ замки отмыкались,
«Какъ двери отворялись,
«И какъ свѣчи зажигались?»
Двѣ дѣвицы отъ сна пробуждались.
Поначаляли онѣ, что невѣрный Мамай:
«О злодѣй, собака, невѣрный Мамай царь!
«Не руби-ка ты наши главы
«По наши плечи по могучія.
«Мы вышили тебѣ на коврѣ
«Ликъ святаго Димитрія Солунскаго чудотворца.
«Предали лице его тебѣ злодѣю на поруганье.»
Попъ-священникъ, стоя на мѣстѣ изумился,
На двухъ дѣвицъ прослезился,
На небеса возираетъ,
Горючи слезы проливаетъ,
Во слезахъ онъ отвѣчаетъ:
«Вы гой еси, двѣ дѣвицы.
«Двѣ русскія полонянки.
«Вѣдь не невѣрный Мамай царь,
«Я вашъ священникъ, отецъ духовный.»
Двѣ дѣвицы отъ сна возставали,
Животочной водой лице умывали,
Животворящимъ крестомъ себя ограждали,
Священнику отвѣчали:
«Батюшка, священникъ, отецъ духовный!
«Мы сами про то не вѣдаемъ,
«Какъ мы у васъ явились,
«Изъ той земли невѣрной,
«Во славномъ городѣ во Салунѣ;
«Знать по Божьему повелѣнію,
«По Дмитрія святаго моленію,
«Сама намъ Божія церква отмыкалась,
«И сами намъ двери отверзались,
«Сами намъ за престоломъ свѣчи зажигались!»
Попъ священникъ, отецъ духовный,
Заблаговѣстилъ во многіе колокола,
И услышали по всему граду по Салуну
Князья-бояре, воеводы,
И митріи-митрополиты,
Попы-священники, игумны,
И всѣ православные христіане;
Собирались они въ соборную Божію церковь,
Подымали они иконы мѣстныя,
Служили они молебны честные,
Молилися они Спасу, Пречистой Богородицѣ
И святому Димитрію Солунскому чудотворцу.
Его же свѣта величаемъ,
Святаго Димитрія Солунскаго чудотворца.
Да и Богу нашему слава
Отнынѣ и во вѣки, аминь.

Кромѣ былевыхъ духовныхъ стиховъ было (и есть) много стиховъ общаго нравственнаго содержанія: о страшномъ судѣ,

о вѣчныхъ мукахъ, о разставаніи души съ тѣломъ, о смертномъ часѣ. Мы приведемъ нѣкоторыя изъ нихъ въ главѣ о правахъ. Такъ называемая голубиная книга, будучи памятникомъ устной словесности, свидѣтельствуютъ вмѣстѣ о предметахъ любознательности русскаго народа, объ его вопросахъ и о характерѣ отвѣтовъ на оные, сходныхъ во многихъ чертахъ съ древними памятниками Нѣмецкими.

Восходила туча сильная грозная,
Выпадала книга голубиная,
И не малая, не великая:
Долины книга сороку сажень,
Поперечины двадсяти сажень.
Ко той книгѣ ко божественной
Соходилися, соѣзжалися,
Сорокъ царей со царевичамъ,
Сорокъ князей со князевичамъ,
Сорокъ поповъ, сорокъ дьяконовъ,
Много народу, людей мелкіихъ,
Христіанъ православныхъ.
Никто ко книгѣ не приступится,
Никто ко Божьей не пришатнется.
Приходилъ ко книгѣ премудрый царь,
Премудрый царь Давыдъ Евсеевичъ:
До Божьей до книги онъ доступается.
Передъ нимъ книга разгибается,
Все божественное ему писаніе объявляется.
Еще приходилъ ко книгѣ Володимеръ князь,
Володимеръ князь Володимеровичъ.
Возговорилъ Володимеръ князь, и т. д.
«Ты премудрый царь, Давыдъ Евсеевичъ!
«Скажи, сударь, проповѣдуй намъ,
«Кто сію книгу написывалъ,
«Голубину кто напечатывалъ?»
Имъ отвѣтъ держалъ премудрый царь,
Премудрый царь Давыдъ Евсеевичъ:
«Писалъ сію книгу самъ Исусъ Христосъ,
Исусъ Христосъ царь небесный.
«Читалъ сію книгу самъ Исай пророкъ-
«Читалъ онъ книгу ровно три года,
«Прочиталъ изъ книги ровно три листа.

Володимеръ проситъ Давида прочесть книгу....

Объяви, сударь, дѣла Божіи
Про наше житіе, про Святорусское,
Про наше житіе свѣта вольнаго.

Затѣмъ слѣдуютъ частные вопросы видные изъ отвѣтовъ. Давыдъ начинаетъ:

Ой ты гой еси Володимеръ князь;
Не могу я прочесть книгу Божію,
Ужъ мнѣ честь книгу, не прочесть Божію.
Это книга не малая,
Это книга великая,
На рукахъ держать-не сдержать будетъ;
На налой положить Божій—не уложится.
Умомъ намъ сей книги не сосмѣтити,
—И очамъ намъ книгу не обозрити,
—Великая книга голубиная!
—Я по старой по своей по памяти
—Разскажу вамъ, какъ по грамотѣ:
—У насъ бѣлый вольный свѣтъ начался отъ суда Божія;
—Солнце красное отъ лица Божьяго,
—Самаго Христа Царя небеснаго;
—Младъ-свѣтелъ мѣсяцъ отъ грудей его;
—Звѣзды частыя отъ ризъ Божіихъ;
—Ночи темныя отъ думъ Господніихъ;
—Зори утренни отъ очей Господнихъ,
—Вѣтры буйные отъ Святаго Духа:
—Дробенъ дождекъ отъ слезъ Христа;
—Самаго Христа, царя небеснаго.
—У насъ умъ-разумъ самаго Христа,
—Наши помыслы отъ облацъ небесныихъ;
—У насъ міръ-народъ отъ Адамія;
—Кости крѣпкія отъ камени;
—Тѣлеса наши отъ сырой земли;
—Кровь руда наша отъ черна моря.
—Отъ того у насъ въ землѣ цари пошли—
—Отъ святой главы отъ Адамовой;
—Отъ того зачались князья, бояры—
—Отъ святыхъ мощей отъ Адамовыхъ;
—Отъ того крестьяны православные—
—Отъ свята колѣна одъ Адамова.
Возговоритъ Володимеръ князь,
Володимеръ князь Володимеровичъ:

«Премудрый царь Давыдъ Евсеевичь!
«Скажи ты намъ проповѣдуй:
«Который царь надъ царями царь?
«Кая земля всѣмъ землямъ мати?
«Кая глава всѣмъ главамъ мати?
«Который городъ городамъ отецъ?
«Кая церковь всѣмъ церквамъ мати?
«Кая гора всѣмъ горамъ мати?
«Который камень всѣмъ камнямъ мати?
«Кое древо всѣмъ древамъ мати?
«Коя трава всѣмъ травамъ мати?
«Которое море всѣмъ морямъ мати?
«Кая рыба ксѣмъ рыбамъ мати?
«Кая птица всѣмъ птицамъ мати?
«Который звѣрь всѣмъ звѣрьямъ отецъ?»
Возговоритъ премудрый царь,
Премудрый царь Давыдъ Евсеевичъ:
—У насъ Бѣлый царь надъ царями царь.
—Почему жъ Бѣлый царь надъ царями царь?
—И онъ держитъ вѣру крещеную,
—Вѣру крещеную, богомольную;
—Стоитъ за вѣру христіанскую,
—За домъ Пресвятыя Богородицы.
—Потому Бѣлый царь надъ царями царь.
—Свята Русь земля всѣмъ землямъ мати:
—На ней строятъ церкви Апостольскія:
—Они молятся Богу распятому,
—Самому Христу царю небесному:
—Потому свято-Русь земля всѣмъ землямъ мати.
—А глава главамъ мати-глава Адамова.
—Потому что когда Жиды Христа
—Распинали на лобномъ мѣстѣ,
—То крестъ поставили на святой главѣ Адамовой.
—Іерусалимъ городъ городамъ отецъ.
—Почему тотъ городъ городамъ отецъ?
—Потому Іерусалимъ городамъ отецъ:
—Во тѣмъ во градѣ во Іерусалимѣ
—Тутъ у насъ среда землѣ.
—Соборъ - церковь всѣмъ церквамъ мати.
—Почему же Соборъ церковь церквамъ мати?
—Стоитъ Соборъ церква посреди града Іерусалима;
—Во той во церкви во соборноей
—Стоитъ престолъ божественный:
—На томъ на престолѣ на божественномъ
—Стоитъ гробница бѣла каменная;
—Во той гробницѣ бѣлой каменной
—Почиваютъ ризы самаго Христа,
—Самаго Христа царя небеснаго.
—Потому Соборъ-церква церквамъ мати.
—Ильмень озеро озерамъ мати.
—Не тотъ Ильмень, который подъ Новымъ Градомъ,
—Не тотъ Ильмень, который въ Царѣ Градѣ,
—А тотъ Ильмень, который въ Турецкой земли
—Подъ начальнымъ городомъ Іерусалимомъ.
—Почему же Ильмень озеро озерамъ мати?
—Выпадала съ его матушка Іордань рѣка
—Іордань рѣка всѣмъ рѣкамъ мати.
—Почему Іордань всѣмъ рѣкамъ мати?
—Окрестился въ ней самъ Исусъ Христосъ,
—Со силою со небесною,
—Со ангелами со хранителями,
—Со двухнадесятьми апостольми,
—Со Іоанномъ, свѣтомъ, со крестителемъ.
—Потому Іордань рѣка всѣмъ рѣкамъ мати.
—Θаворъ гора всѣмъ горамъ мати.
Почему Θаворъ гора горамъ мати?
—Преобразился на ней самъ Исусъ Христосъ,
—Исусъ Христосъ, царь небесный, свѣтъ,
—Съ Петромъ, со Іоанномъ, со Іаковымъ,
—Съ двунадесятью Апостолами,
—Показалъ славу ученикамъ своимъ.
—Потому Θаворъ гора горамъ мати.
—Бѣлый латырь камень всѣмъ камнямъ мати.
—На бѣломъ латырѣ на камни

—Бесѣдовалъ, да опочивъ держалъ,
—Самъ Исусъ Христосъ, царь небесный,
—Съ двунадесяти со апостоламъ,
—Съ двунадесяти со учителямъ.
—Утвердилъ онъ вѣру на камени,
—Распущалъ онъ книгу голубиную,
—По всей земли по вселенныя.
—Потому Латырь камень всѣмъ камнямъ мати.
—Кипарисъ дерево всѣмъ деревамъ мати,
—На тѣмъ деревѣ на кипарисѣ
—Объявился намъ животворящій крестъ.
—На тѣмъ на крестѣ на животворящемъ
—Распятъ былъ самъ Исусъ Христосъ,
—Исусъ Христосъ, царь небесный свѣтъ;
—Потому кипарисъ всѣмъ деревамъ мати.
—Плакунъ трава всѣмъ травамъ мати.
—Почему плакунъ всѣмъ травамъ мати?
—Когда жидовья Христа роспяли,
—Святую кровь его пролили,
—Мать Пречистая Богородица
—По Исусу Христу сильно плакала,
—По своемъ сыну по возлюбленномъ;
—Ронила слезы пречистыя
—На матушку на сыру землю;
—Отъ тѣхъ отъ слезъ отъ пречистыихъ
—Зараждалася плакунъ трава.
—Потому плакунъ трава травамъ мати.
—Почему Океанъ всѣмъ морямъ мати?
—Посреди моря Океанскаго
—Выходила церковь соборная,
—Соборная, богомольная,
—Святаго Климента попа Римскаго:
—На церкви главы мраморныя,
—На главахъ кресты золотые.
—Изъ этой изъ церкви изъ соборной,
—Выходила царица небѣсная;
—Изъ океана моря она омывалася,
—На соборъ-церковь она Богу молилася,
—Отъ того океанъ всѣмъ морямъ мати.
—Китъ рыба всѣмъ рыбамъ мати.
—Почему же китъ рыба всѣмъ рыбамъ мати?
—На трехъ рыбахъ земля основана.
—Стоитъ китъ рыба—не сворохнется;
—Когда жъ китъ рыба поворотится,
—Тогда мать земля восколыбнется,
—Тогда бѣлый свѣтъ нашъ покончится.
—Потому китъ рыба всѣмъ рыбамъ мати.
—Основана земля Святымъ Духомъ,
—А содержана Словомъ Божіимъ.
—Стратимъ птица всѣмъ птицамъ мати.
—Живетъ стратимъ птица на океанѣ морѣ,
—И дѣтей производитъ на океанѣ морѣ.
—По Божьему все повелѣнію,
—Стратимъ птица вострепенется,
—Океанъ море восколыхнется;
—Топитъ она корабли гостиные
—Со товарами драгоцѣнными:
—Потому стратимъ она птица всѣмъ птицамъ мати.
—У насъ Индрикъ звѣрь всѣмъ звѣрямъ отецъ,
—Почему Индрикъ звѣрь всѣмъ звѣрьямъ отецъ?
—Ходитъ онъ по подземелью,
—Прочищаетъ ручьи и проточины,
—Куда звѣрь пройдетъ,
—Тута ключь кипитъ;
—Куда звѣрь тотъ поворотится,
—Всѣ звѣри звѣрю поклонятся.
—Живетъ онъ во святой горѣ,
—Пьетъ и ѣстъ во святой горѣ,
—Куды хочетъ, идетъ по подземелью,
—Какъ солнышко по поднебесью.
—Потому же у насъ Индрикъ звѣрь всѣмъ звѣрямъ отецъ.

Возговорилъ Володимеръ князь,
«Ой ты гой еси, премудрый царь,
«Премудрый Давыдъ Евсеевичь!
«Мнѣ ночесь, сударь, мало спалось,
«Мнѣ во снѣ много видѣлось,
«Кабы съ той страны со восточной,
«А съ другой стороны то полуденной,
«Кабы два звѣря собиралися,
«Кабы два лютые собѣгалися,
«Промежду собой дралися-билися,
«Одинъ одного звѣрь одолѣть хочетъ.»

Возговорилъ премудрый царь,
Премудрый царь Давыдъ Евсеевичъ:

—Это не два звѣря собиралися,
—Не два лютые собѣгалися:
—Это Кривда съ Правдой соходилася,
—Промежду собой онѣ бились-дрались,
—Кривда Правду одолѣть хочетъ;
—Правда Кривду переспорила.
—Правда пошла на небеса,
—Къ самому Христу, царю небесному;
—А кривда пошла у насъ по всей землѣ,
—По всей землѣ по Свѣтъ-русской,
—По всему народу христіанскому;
—Отъ кривды земля восколыбалася,
—Отъ того народъ весь возмущается;
—Отъ кривды сталъ народъ неправильный,
—Неправильный сталъ злопамятный:
—Они другъ друга обмануть хотятъ,
—Другъ друга поѣсть хотятъ.
—Кто будетъ кривдой жить,
—Тотъ отчаянный отъ Господа...
—Кто не будетъ кривдой жить,
—Тотъ причаянный ко Господу.
—Та душа и наслѣдуетъ
—Себѣ царство небесное.—

Старымъ людямъ на послушанье,
А молодымъ людямъ для памяти.
Славу поемъ Давыду Евсеевичу,
Во вѣки его слава не минуется.

Наконецъ къ періоду нашего повѣствованія и изслѣдованія принадлежитъ множество пѣсенъ, такъ называемыхъ народныхъ, обрядныхъ, свадебныхъ, хороводныхъ. Основательно сказалъ о нихъ почтенный собиратель и толкователь, П. В. Кирѣевскій:

«Едва ли есть въ мірѣ народъ пѣвучѣе Русскаго. Во всѣхъ почти минутахъ жизни Русскаго крестьянина, и одинокихъ и общественныхъ, участвуетъ пѣсня; почти всѣ свои труды, и земледѣльческіе и ремесленные, онъ сопровождаетъ пѣснію. Онъ поетъ, когда ему весело; поетъ, когда ему грустно. Когда общее дѣло, или общая забава, соединяетъ многихъ,—пѣсня раздается звучнымъ хоромъ; за одинокимъ трудомъ, или раздумьемъ, ея мелодія, полная души, переливается одиноко. Поютъ всѣ: и мущины и женщины, и старики и дѣти. Ни одинъ день не пройдетъ для Русскаго крестьянина безъ пѣсни; всѣ замѣчательныя времена его жизни, выходящія изъ ежедневной колеи, также сопровождены особенными пѣснями. На всѣ времена года, на всѣ главные праздники, на всѣ главныя событія семейной жизни, есть особыя пѣсни, носящія на себѣ *печать глубокой древности;* и особенно тамъ, гдѣ меньше чувствительно городское вліяніе, Русскій крестьянинъ,—вѣрная отрасль своихъ предковъ, не отступившій отъ нихъ даже и въ мелкихъ подробностяхъ своего домашняго быта, до сихъ поръ поетъ эти *древнія* пѣсни, потому что онѣ вполнѣ сливаются съ его чувствомъ и съ его обычаемъ, также какъ выражали чувство и обычай его прапращура. Онъ дорожитъ своими пѣснями: можно сказать, что онѣ составляютъ любимую и лучшую утѣху его простой жизни.»

Мы обратимъ вниманіе на эти народныя пѣсни, равно какъ и на народныя сказки, которыхъ осталось множество, хотя также подновленныхъ и поврежденныхъ, какъ былины, стихи и пѣсни, когда будемъ говорить о нравахъ и обычахъ, такъ какъ изъ нихъ собственно можетъ сколько нибудь составиться понятіе о народѣ въ этомъ отношеніи.

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВѢ.

Слово о полку Игоревѣ есть цѣлая поэма, въ которой воспѣвается несчастный походъ Новгородъ-Сѣверскаго Князя Игоря Святославича на Половцевъ, въ 1183 году. Эта поэма обилуетъ истинными піитическими красотами, смѣлыми сравненіями, счастливыми выраженіями, искуснымъ расположеніемъ. Теплое чувство, любовь къ отечеству, забота о благосостояніи Русской земли, слышатся во всякой строкѣ даровитаго сочинителя.

Касательно подлинности Слова — важнѣйшее доказательство состоитъ въ языкѣ, носящемъ явные признаки древности.

Пусть сомнѣвающіеся попытаются теперь, со всѣми пособіями Грамматики Добровскаго, со всѣми филологическими трудами Востокова и прочихъ нашихъ изслѣдователей, со всѣми напечатанными нашими памятниками, пусть, говорю, попытаются обмануть насъ, и написать слово о какомъ нибудь Мстиславѣ Удаломъ, или Романѣ Волынскомъ, или Даніилѣ Галицкомъ.

Выраженія о поющихъ копіяхъ, о глаголющихъ стягахъ, о червленыхъ щитахъ, сравненіе дѣйствій вѣтра съ стрѣлами и птицами, представляютъ совершенное сходство съ языкомъ древнихъ скандинавскихъ памятниковъ. Этого сходства поддѣлывать было нельзя, такъ какъ оно открывается только нынѣ, благодаря новымъ изслѣдованіемъ сравнительной филологіи. *

Второе доказательство, — согласіе съ показаніями лѣтописей во всемъ, что касается до исторіи, съ небольшими однакожъ отмѣнами, показывающими, что авторъ, вѣроятно участникъ, очевидный свидѣтель похода, подобно сѣвернымъ скальдамъ, имѣлъ случай знать самъ происшествіе въ подробности.

Третье доказательство, отрицательное, состоитъ въ томъ, что поддѣлыватель неминуемо избралъ бы себѣ предметомъ какое-нибудь происшествіе важное, громкое, великое, а не несчастную войну малаго удѣльнаго Князя.

Притомъ — когда оно могло быть поддѣлано? Въ эпоху своего обнародованія, т. е. при И. Екатеринѣ? Но многія выраженія, слова, встрѣчаются въ древнихъ нашихъ памятникахъ, напримѣръ въ былинахъ въ припискѣ къ Евангелію 14-го вѣка, только что недавно открытому, — кромѣ слова о побоищѣ Дмитрія Донскаго.

А піитическій талантъ автора? Съ такимъ талантомъ всякій пріобрѣлъ бы себѣ славу поэта, употребляя его на сочиненія современныя. Кто рѣшился бы пожертвовать ею, и промѣнять на безславіе обманщика? Вмѣсто поддѣлки сочинитель выдалъ бы сочиненіе отъ своего имени.

Но не было ли оно поддѣлано прежде? Прежде — мысли о поддѣланіи быть не могло: развѣ при Аннѣ, Елизаветѣ, Петрѣ, можно было возбудить участіе, произвесть дѣйствіе, сочиненіемъ или находкой такого документа.

Не было-ль оно поддѣлано въ древности? Въ древности никакой цѣли для поддѣлки придумать нельзя. Чрезъ пятьдесятъ лѣтъ послѣ похода Игоря вся Малороссія была опустошена Татарами, и имя этого удѣльнаго Князя, со всѣми его братьями и пле-

* См. выше, с. 709.

мянниками, позабылось въ народѣ, оставаясь только въ страницахъ современныхъ лѣтописей. Тогда не думали ни о сочиненіяхъ, ни о выдумкахъ.

Слово, по раздѣленію М. А. Максимовича, состоитъ изъ слѣдующихъ частей: Запѣвъ, сборъ Игоря и брата его Всеволода къ походу. Выступленіе. Побѣда. Начало новой битвы на рѣкѣ Каялѣ. Воспоминаніе о прежнихъ Князьяхъ. Пораженіе Русскихъ на Каялѣ. Новая бѣда отъ Половцевъ. Сновидѣніе и печаль В. К. Кіевскаго Святослава Всеволодовича. Воззваніе къ Князьямъ о помощи. Воспоминаніе о прежнихъ Князьяхъ. Плачь Ярославны. Бѣгство Игоря изъ плѣна. Возвратъ въ Русскую землю.

Предложимъ нѣсколько отрывковъ изъ Слова съ переводомъ А. Н. Майкова.

Не лѣпо ли ны бяшешь, братіе, начяти старыми словесы трудныхъ повѣстій о полку Игоревѣ, Игоря Святъславличя!

Не начать ли нашу пѣснь, о братья,
Со сказаній о старинныхъ браняхъ,
Пѣснь о храброй Игоревой рати,
И о немъ о сынѣ Святославлѣ!

Начати же ся тъи пѣсни по былинамъ сего времени, а не по замышленію Бояню.

И воспѣть ихъ, какъ поется нынѣ,
Не гоняясь мыслью за Бояномъ!

Боянъ бо вѣщій, аще кому хотяше пѣснь творити, то растекашеться мыслію (мысію?) по древу, сѣрымъ вълкомъ по землѣ, шизымъ орломъ подъ облакы.

Пѣснь слагая, онъ, бывало, вѣщій,
Быстрой векшей по лѣсу носился,
Сѣрымъ волкомъ въ чистомъ полѣ рыскалъ,
Что орелъ ширялъ подъ облаками!

Помняшеть бо рѣчь пьрвыхъ временъ усобицѣ. Тогда пущашеть десять соколовъ на стадо лебедѣй: который дотечяше, та преди пѣсь пояше: старому Ярославу, храброму Мстиславу, иже зарѣза Редедю предъ пълкы Касожьскыми, красному Романови Святъславличю.

Какъ воспомнитъ брани стародавни,
Да на стаю лебедей и пуститъ
Десять быстрыхъ соколовъ въ догонку;
И какую первую настигнетъ,
Для него и пѣсню пой та лебедь,—
Пѣсню пой о старомъ Ярославѣ ль,
О Мстиславѣ ль, что, въ бою зарѣзалъ,
Поборовъ, Касожскаго Редедю,
Аль о славномъ о Романѣ Красномъ....

Боянъ же, братіе, не десять соколовъ на стадо лебедѣй пущаше; нъ своя вѣщія пьрсты на живая струны въскладаше, они же сами княземъ славу рокотаху.

Но не десять соколовъ то было;
Десять онъ перстовъ пускалъ на струны,
И князьямъ подъ вѣщими перстами
Рокотали славу сами струны!...

Почнемъ же, братіе, повѣсть сію отъ стараго Владиміра до нынѣшняго Игоря, иже истягну умъ крѣпостію своею, и поостри сердца своего мужествомъ, напълнився ратнаго духа, наведе своя храбрыя пълки на землю Половецькую, за землю Руськую.

Поведемъ же, братія, сказанье
Отъ временъ Владиміровыхъ древнихъ,
Доведемъ до Игоревой брани,
Какъ онъ думу крѣпкую задумалъ,
Наострилъ отвагой храброй сердце,
Распалился славнымъ ратнымъ духомъ,
И за землю Русскую дружины
Въ степь повелъ на хановъ Половецкихъ.

Тогда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце, и видѣ отъ него тьмою вся своя воя прикрыты.

И рече Игорь къ дружинѣ своей: братіе и дружино! луцежъ бы потяту быти, неже полонену быти! А всядемъ, братіе, на свои бързые комони, да позримъ синего Дону!

Спала князю умъ похоти искусити Дону великаго, и жалость ему знаменіе заступи.

Хощу бо, рече, копіе приломити конець поля Половецькаго! съ вами, Русичи, хощу главу свою приложити, а любо испити шеломомъ Дону!

О Бояне, соловію стараго времени! А бы ты сія пълкы ущекоталъ, скача славію по мыслену древу, летая умомъ подъ облакы, свивая славы оба-полы сего времени, рыща въ тропу Трояню чрезъ поля на горы. Пѣти было пѣсь Игореви, того Ольга внуку!

Не буря соколы занесе чрезъ поля широкая; галици стады бѣжять къ Дону великому.

Чили въспѣти было, вѣщій Бояне, Велесовъ внуче!...

Комони ржуть за Сулою; звѣнитъ слава въ Кыевѣ; трубы трубятъ въ Новѣградѣ; стоять стязи въ Путивлѣ; Игорь ждетъ мила брата Всеволода.

И рече ему Буй Туръ Всеволодъ: одинъ братъ, одинъ свѣтъ свѣтлый ты, Игорю, оба есвѣ Святъславличя! Сѣдлай, брате, свои бързыи комони, а мои ти готови, осѣдлани у Курьска на переди.

У Довца былъ Игорь,
И возрѣлъ на свѣтлое онъ солнце—
Только видитъ—
Словно тьмой полки его прикрыты,

Князь же Игорь: «братья и дружина»!
«Лучше быть убиту, чѣмъ плѣнену!
«А посядемъ на коней на борзыхъ,
«Да хоть позримъ синяго-то Дону!»

«Не послушалъ знаменья онъ солнца,
«Распалясь взглянуть на Донъ великій!

«Преломить копье свое,» онъ кликнулъ,
«Вмѣстѣ съ вами, Русичи, хочу я,
«На концѣ невѣдомаго поля!
«Хоть за то бъ и голову сложити,
«А испить шеломомъ Дону—любо!»

О Боянъ, о вѣщій пѣснотворецъ,
Соловей временъ давно минувшихъ!
Ахъ, тебѣ бъ пѣвцомъ быть этой рати!
Лишь скача по мысленному древу,
Возносясь умомъ подъ сизы тучи,
Съ древней славой новую свивая,
Въ путь Трояновъ мчась чрезъ долъ на горы,
Воспѣвать бы Игореву славу!

То не буря соколовъ помчала,
И не стаи галчьи побѣжали,

Чрезъ поля-луга на Донъ великій....
Ахъ, тебѣ бы пѣть, о внукъ Велесовъ!...

За Сулой-рѣкою да ржутъ кони,
Звонъ звѣнитъ во Кіевѣ во стольномъ,
Въ Новѣградѣ затрубили трубы;
Вѣютъ стяги красные въ Путивлѣ....
Поджидаетъ Игорь мила брата.

А пришелъ и Всеволодъ, и молвитъ:
«Игорь братъ, единъ ты свѣтъ мой свѣтлый!
«Святославли мы сыны, два брата!
«Ты сѣдлай коней своихъ ретивыхъ,
«А мои осѣдланы ужъ въ Курскѣ!

А мои ти Куряни, свѣдоми къмети: подъ трубами повити, подъ шеломы възлелѣяни, конецъ копія въскърмлени; пути имъ вѣдоми, яругы имъ знаеми; луци у нихъ напряжени, тули отворени, сабли изострени; сами скачють, акы сѣрыи вълцы въ полѣ, ищучи себѣ чти, а князю славы.

«И мои Куряне ль не смышлены!
«Повиты подъ бранною трубою,
«Повзросли подъ шлемомъ и кольчугой,
«Со конца копья они вскормлены!
«Всѣ пути имъ свѣдомы, овраги!
«Луки туги, тулы отворены,
«Остры сабли крѣпко отточены,
«Сами скачутъ словно волки въ полѣ,
«Алчутъ чести, а для князя славы!...»

Тогда въступи Игорь князь въ златъ стремень, и поѣха по чистому полю.

И вступилъ князь Игорь во златъ стремень,
И дружины двинулись за княземъ.

Солнце ему тьмою путь заступаше; нощь стонущи ему грозою птиць убуди; свистъ звѣринъ въ стазби.

Солнце путь ихъ тьмою заступало:
Ночь пришла—та взвыла, застонала,
Стономъ-воемъ птицъ поразбудила.
Вкругъ стоянки свистъ пошелъ звѣриный.

Дивъ кличетъ върху древа, велитъ послушати земли незнаемѣ, Вълзѣ и Поморію, и Посулію, и Сурожу, и Корсуню, и тебѣ Тьмутороканьскый блъванъ.

Высоко поднявшися по древу,
Черный Дивъ закликалъ, подавая
Вѣсть на всю незнаемую землю,
На Сулу, на Волгу и Поморье,
На Корсунь и Суражское море,
И тебѣ, болванъ Тмутораканскій!

А Половци неготовами дорогами побѣгоша къ Дону великому; крычять тѣлѣгы полунощи, рци лебеди роспущени.

И бѣгутъ неѣзжими путями
Къ Дону тьмы поганыхъ, и отсюду
Отъ телегъ ихъ скрыпъ пошелъ,—ты скажешь:
Лебедей испуганные крики.

Игорь къ Дону вои ведеть. Уже бо бѣды его пасуть птиць; подобію вълци грозу въсрожать по яругамъ; орли клектомъ на кости звѣри зовуть; лисици брешутъ на чърленыя щиты.

Игорь путь на Донъ великій держитъ,
А надъ нимъ бѣду ужь чуютъ птицы,
И несутся слѣдомъ за полками:
Воютъ волки по крутымъ оврагамъ,
Ощетинясь, словно бурю кличутъ;
На красны щиты лисицы брешутъ,
А орлы, зловѣщимъ клектомъ, словно
По степямъ звѣрье зовутъ на кости:...

О Руськая землѣ! уже за шеломянемъ еси!...

А ужь въ степь зашла ты, Русь, далеко!
Перевалъ давно переступила!

Дълго ночь мьркнеть; заря свѣтъ запала; мъгла поля покрыла; щекотъ славій успе, говоръ галичь убуди.

Ночь рѣдѣетъ. Бѣлъ разсвѣтъ проглянулъ,
По степи туманъ понесся сизый;
Позамолкнулъ щекотъ соловьиный,

Русичи великая поля чърлеными щиты прегородиша, ищучи себѣ чти, а Князю славы.

Въ полѣ Русь, съ багряными щитами,
Длинымъ строемъ взрядилась къ бою,
Алча чести, а для князя славы.

Вотъ еще нѣсколько мѣстъ изъ продолженія, и конецъ Слова.

Съ заранія до вечера, съ вечера до свѣта, летять стрѣлы каленыя, гримлють сабли о шеломы, трещать копія харалужныя, въ полѣ незнаемѣ, среди земли Половецькыя.

Чьрна земля подъ копыты, костьми была посѣяна, а кровію польяна; тугою взыдоша по Руськой земии....

От зари до вечера, день цѣлый,
Съ вѣчера до свѣта рѣютъ стрѣлы,
Гремлютъ остры сабли о шеломы,
Съ трескомъ копья ломятся булатны,
Середи невѣдомаго поля,
Въ самомъ сердцѣ Половецкой степи!

Подъ копытомъ черное все поле
Было сплошь засѣяно костями,
Было кровью алою полито,
И взошелъ посѣвъ по Руси—горемъ!..

Усобиця Княземъ на поганыя погыбе, рекоста бо братъ брату: се мое, а то мое же; и начаша Князи про малое се великое мълвити; а сами на себѣ кромолу ковати; а поганіи съ всѣхъ странъ прихождаху съ побѣдами на землю Руськую.

Отъ усобицъ княжихъ—гибель Руси!
Братья спорятъ, то мое и это!
Золъ раздоръ изъ малыхъ словъ заводятъ,
На себя куютъ крамолу сами,
А на Русь съ побѣдами приходятъ
Отовсюду вороги лихіе!

А въстона бо, братіе, Кыевъ тугою, Чернѣговъ напастьми. Тоска разліяся по Руськой земли; печаль жирна тече средь земли Руськыя...

А Князи сами на себѣ крамолу коваху; а поганіи сами побѣдами нарыщуще на Руськую землю, емляху дань по бѣлѣ отъ двора.

Тіи бо два храбрая Святъславличя, Игорь и Всеволодъ, уже лжу убуди, которую то бяше успилъ отець ихъ Святославъ грозный, великый Кіевскый.

Грозою бяшеть; притрепеталъ своими сильными пълки и харалужными мечи, наступи на землю Половецькую; притопта хълмы и яругы; възмути рѣкы и озеры, иссуши потокы и болота; а поганаго Кобяка изъ луку моря отъ желѣзныхъ великыхъ пълковъ Половецькыхъ, яко вихръ выторже: и падеся Кобякъ въ градѣ Кыевѣ, въ гридницѣ Святъславли!

Стонетъ Кіевъ, тужитъ градъ Черниговъ,
Широко печаль течетъ по Руси,

А князья куютъ себѣ крамолу,
А враги съ побѣдой въ селахъ рыщутъ,
Собираютъ дань по бѣлкѣ съ дому....

А все храбрый Всеволоду да Игорь!
То они зло лихо разбудили:
Усыпилъ было его могучій
Святославъ, князь Кіевскій великій...

Былъ грозой для хановъ Половецкихъ!
Наступилъ на землю ихъ полками,
Притопталъ ихъ холмы и овраги.
Возмутилъ ихъ рѣки и озера,
Изсушилъ потоки и болота!
А того поганаго Кобяка,
Изъ полковъ желѣзныхъ Половецкихъ,
Словно вихрь, исторгъ изъ лукоморья,
И упалъ Кобякъ во стольный Кіевъ,
Въ золотую гридню къ Святославу.

Плачь Ярославны, супруги Игоревой.

Ярославнинъ гласъ слышить — зегзицею незнаемь рано кычеть: полечю, рече, зегзицею по Дунаеви; омочю бебрянъ рукавъ въ Каялѣ рѣцѣ; утру Князю кровавыя его раны на жестоцѣмъ его тѣлѣ.

Игорь слышитъ Ярославнинъ голосъ...
Тамъ въ землѣ незнаемой, кукушкой
Поутру она кукуетъ, плачетъ:
«Полечу кукушечкой къ Дунаю,
«Омочу бебрянъ рукавъ въ Коялѣ,
«Оботру кровавы раны князю,
«На бѣломъ его могучемъ тѣлѣ...»

Ярославна рано плачеть въ Путивлѣ на забралѣ, а ркучи: о вѣтре, вѣтрило! чему, господине, насильно вѣеши? чему мычеши Хиновьскыя стрѣлкы на своею нетрудною крильцю на моея лады вои? Мало ли ти бяшеть горъ подъ облакы вѣяти, лелѣючи корабли на синѣ морѣ? чему, господине, мое веселіе по ковылію развѣя.

Тамъ она въ Путивлѣ ранымъ рано
На стѣнѣ стоитъ и причитаетъ:
«Вѣтръ-вѣтрило! что ты, господине,
«Что ты вѣешь, что на легкихъ крыльяхъ
«Носишь стрѣлы въ храбрыхъ воевъ лады!
«Въ небесахъ подъ облака бы рѣялъ,
«По морямъ кораблики лелѣялъ,
«А то, вѣешь, вѣешь-развѣваешь
«На ковыль траву мое веселье...

Ярославна рано плачеть Путивлю городу на заборолѣ, а ркучи: о Днѣпре Словутицю! ты пробилъ еси каменныя горы сквозѣ землю Половецькую; ты лелѣялъ еси на себѣ Святославли носады до пълку Кобякова; възлелѣй, господине, мою ладу къ мнѣ, а быхъ неслала къ нему слезъ на море рано.

Тамъ она въ Путивлѣ ранымъ рано
На стѣнѣ стоитъ и причитаетъ;
«Ты ли Днѣпръ мой, Днѣпръ ты мой Словутичь!
«По землѣ прошелъ ты Половецкой,
«Пробивалъ ты каменныя горы!
«Ты ладьи лелѣялъ Святослава,
«До земли Кобяковой носилъ ихъ..
«Прилелѣй ко мнѣ мою ты ладу,
«Чтобъ мнѣ слезъ не слать къ нему съ тобою
«По сырымъ зарямъ на сине море....»

Ярославна рано плачеть въ Путивлѣ на забралѣ, а ркучи: «свѣтлое и тресвѣтлое сълнце! всѣмъ тепло и красно еси; чему, господине, простре горячюю свою лучю на ладѣ вои? въ полѣ безводнѣ жаждею имь лучи съпряже, тугою имъ тули затче?...

Рано-рано ужь она въ Путивлѣ
На стѣнѣ стоитъ и причитаетъ:
«Свѣтлое тресвѣтлое ты солнце,
«Ахъ для всѣхъ красно, тепло ты солнце!
«Что жь ты, солнце, съ неба устремило
«Жаркій лучъ на лады храбрыхъ воевъ!
«Жаждой ихъ томишь въ безводномъ полѣ,
«Сушишь-гнешь не смоченные луки,
«Замыкаешь кожанные тулы...»

Прысну море полунощи; идуть сморци мьглами; Игореви князю Богъ путь кажеть изъ земли Половецькои на землю Руськую, къ отьню злату столу.

Сине море прыснуло къ полночи.
Мглой встаютъ, идутъ смерчи морскіе;
Кажетъ Богъ князь-Игорю дорогу
Изъ земли далекой Половецкой
Къ золотому отчему престолу.

Кликну, стукну земля; въшумѣ трава; вежи ся Половецькія подвизашася; а Игорь Князь поскочи горностаемъ къ тростію, и бѣлымъ гоголемъ на воду; въвържеся на бързъ комонь, и скочи съ него босымъ вълкомъ, и потече къ лугу Донця, и полетѣ соколомъ подъ мьглами, избивая гуси и лебеди, завтроку и обѣду и ужинѣ.

Вѣтеръ воетъ, проносясь по степи,
И шатаетъ вежи Половецки;
Шелеститъ-шуршитъ ковыль высокій,
И шумитъ-гудитъ земля сырая...
Горнастаемъ скокъ въ тростникъ князь Игорь,
Что бѣлъ гоголь по водѣ ныряетъ,
На быстра добра коня садится;
По лугамъ Донца что волкъ несется,
Что соколъ летитъ въ сырыхъ туманахъ,
Лебедей, гусей себѣ стрѣляетъ
На обѣдъ, на завтракъ и на ужинъ.

Тогда врани неграяхуть, галици помълкоша, сорокы не стрекоташа; по лозію ползоша только дятлове, тектомъ путь къ рѣцѣ кажуть; соловіи веселыми пѣсьми свѣтъ повѣдають.

Вранъ не каркнетъ, галчій стихнулъ говоръ,
И сорочья стрекота не слышно.
Только дятлы ползаютъ по вѣтвямъ,
Дятлы тѣктомъ путь къ рѣкѣ казуютъ,
Соловьинъ свистъ зори повѣщаетъ...

Солнце свѣтиться на небесѣ. Игорь князь въ Руськой земли.

(Вотъ) на небѣ солнце засвѣтило,
Игорь князь въ землѣ ужъ скачетъ Русской.

Дѣвицы поють на Дунаи. Вьються голоса чрезъ море до Кыева.

На Дунаѣ дѣвицы запѣли:
Черезъ море пѣснь отдалась въ Кіевъ.

Игорь ѣдетъ по Боричеву, къ святѣй Богородицѣ Пирогощѣй. Страны ради, гради весели, пѣвше пѣснь старымъ княземъ, а потомъ молодымъ пѣти.

Игорь ѣдетъ, на Боричевъ держитъ,
Ко святой иконѣ Пирогощей.
Въ селахъ радость, въ городахъ веселье;
Всѣ князей поютъ и величаютъ,
Перво—старшихъ, а за ними—младшихъ.

Слава Игорю Святославличю буй-туру Всеволоду, Владимиру Игоревичю! Здрави князи и дружина, побороя за христьяны на поганыя пълкы. Княземъ слава, а дружинѣ аминь.

Воспоемъ и мы свѣтъ-Игорь слава!
Буй-туръ-свѣту Всеволоду слава!
Володимеръ Игоревичу слава!
Вамъ на здравье, князи и дружина,
Христіанъ поборцы на поганыхъ!
Слава князьямъ и дружинѣ! аминь.

Въ жизни Муромскаго князя Давида* и супруги его столько піитическихъ подробностей, что невольно зараждается мысль, не вошлоль въ составъ ея многое изъ Слова посвященнаго этому князю? Замѣчательно, что есть еще Муромское произведеніе — о князѣ Константинѣ, въ которомъ обнаруживается такой же складъ.*

* См. выше, с. 544.

* См. выше, с. 651.

СЛОВО ДАНІИЛА ЗАТОЧНИКА.

Это слово полуважное, полушутливое, очень остроумное, замысловатое, наполненное пословицами и поговорками, рядомъ съ мѣстами изъ Священнаго писанія, содержитъ просьбу, моленіе, ко Князю (вѣроятно Юрью Володимеровичу Долгорукому)* объ оказаніи милости сочинителю, который сосланъ былъ на озеро Лаче, (въ нынѣшней Олонецкой губерніи), и находился въ крайней нищетѣ.

Предлагаемъ нѣсколько отрывковъ изъ слова—вотъ его начало:

«Вострубимъ, братіе, яко во златокованныя трубы, въ разумъ ума своего, и начнемъ бити сребряныя арганы, и возвѣемъ мудрости своя. Боже, Боже мой! вѣскую мя еси оставилъ?... Да разверзу во притчахъ гаданіе мое, провѣщаю во языцѣхъ славу мою. Сердце бо смысленаго укрѣпляется въ тѣлеси его мудростію. Бысть языкъ мой трость книжника скорописца, и увѣтлива уста, аки рѣчная быстрость. Но боюсь, Господине, похуленія твоего на мя; азъ бо есмь яко она смоковница проклятая, не имѣя плода покаянію: имѣю бо сердце аки лице безъ очію, и бысть умъ мой яко нощны вранъ на нырищи...

...«Азъ бо есмь, княже, яко трава блещанна, растуще за стѣнію, на ню же ни солнце сіяетъ, ни дождь идетъ: тако и азъ, княже господине, всѣми обидимъ есмь, зане огражденъ есмь страхомъ грозы твоея, яко онплотомъ твердымъ. Но не возри на мя, княже Господине, яко волкъ на ягня, но возри на мя, Господине мой; аки мати на младенца. Возри Господине, на птицы небесныя, яко ти ни орютъ, ни сѣютъ, ни въ житницу собираютъ, но уповаютъ на милость Божію; тако и мы, княже Господине, желаемъ твоея милости: зане, Господине, кому любово, а мнѣ горе лютое; кому Бѣло озеро, а мнѣ черныя смолы; кому Лачь озеро, а мнѣ, на немъ сѣдя плачь горьки; кому ти есть Новъгородъ, а мнѣ углы опали: зане не процвѣте часть моя....»

...«Господине княже! яви ми зракъ лица твоего, яко гласъ твой сладокъ, и образъ твой государевъ красенъ, и лице твое свѣтло и благолѣпно, и разумъ твой государевъ, якоже прекрасный рай многоплодовитъ. ...Егда веселишися многими брашны, а мене помяни, сухъ хлѣбъ ядущъ, или піеши сладкое питіе, а мене помяни теплу воду пьюще, и праха нападша отъ мѣста завѣтреня. Егда ляжеши на мягкыхъ постеляхъ подъ собольими одѣялы, а мене помяни подъ единымъ платомъ лежаща, и зимою умирающа, и каплями дождевными яко стрѣлами сердце пронизающе...»

Сочинитель былъ молодой человѣкъ:

...«Господине мой! не зри внѣшняя моя, но зри внутренняя: азъ бо одѣяніемъ есмь скуденъ, но разумомъ обиленъ; юнъ возрастъ имѣю, а старъ смысломъ; быхъ мыслію, яко орелъ паряй по воздуху. Но постави сосуды скудельничи подъ потокъ капли языка моего, да накаплютъ ти сладчаиши меду словеса устъ моихъ!»

Странная вставка въ словѣ есть о злыхъ женахъ, которая не имѣетъ никакого отношенія къ его содержанію: не заставлялъ ли Данилу князь жениться противъ его желанія? Въ спискѣ Ундольскаго: "луче бо ми желѣзо варити, (нежели) ни со злою женою быти и проч.*

* Есть списки съ обращеніемъ къ князю Переяславскому Ярославу Всеволодовичу.

* См. пословицы изъ Слова ниже, въ главѣ о нравахъ.

ЯЗЫКЪ ГЛАВНАГО ПЛЕМЕНИ.

«Словенскій языкъ и Русскій одно есть,» сказалъ древнѣйшій нашъ Лѣтописатель XI в.

Въ Сербіи въ XV столѣтіи было мнѣніе, что Священное писаніе было переведено первоначально «на тончайшій Русскій языкъ.»*

Церковный языкъ есть Русскій языкъ, сказалъ знаменитый Сербъ Юрій Крижаничъ, (17 в.) недавно изъ-подъ спуда открытый.**

А мы ту же мысль выразимъ такъ: Великороссійское нынѣшнее нарѣчіе есть древній церковный, нашъ древній письменный языкъ, проходившій съ теченіемъ времени чрезъ извѣстныя степени развитія, и пришедшій въ нынѣшнее положеніе—есть органическое продолженіе, развитіе древняго языка, на который Св. Кириллъ и Меѳодій перевели Священное писаніе, или, по крайней мѣрѣ, самое близкое къ нему, родственное нарѣчіе.

Болгарскимъ или Сербо-Болгаро-Македонскимъ можно называть его только въ географическомъ смыслѣ, ибо Словенцы или Словинцы, говорившіе этимъ нарѣчіемъ, жили тогда въ странѣ, извѣстной вообще подъ именемъ Болгаріи.

Формы письменнаго языка часто костенѣютъ, между тѣмъ какъ народная рѣчь течетъ своимъ потокомъ. Она врывается по временамъ въ письменный языкъ, который между тѣмъ и самъ, подъ перомъ писателей, подвергается своимъ измѣненіямъ. Сравните настоящую Великорусскую рѣчь съ письменнымъ и литературнымъ языкомъ; сравните языкъ Петровскій, Ломоносовскій, Карамзинскій, нынѣшній—между собою: сколько измѣненій на нашемъ вѣку, и въ письмени и въ устахъ! Еще больше должны мы предполагать ихъ въ древности, когда въ языкѣ было болѣе жизненной силы.

На этомъ основаніи легко понять органическую связь между языкомъ Св. Кирилла въ Солуни, варіантомъ его (отмѣною) на Черномъ морѣ, или Днѣпрѣ, на Волховѣ, въ IX вѣкѣ, языкомъ Нестора и Кіевской лѣтописи въ XI и XII вѣкѣ, языкомъ лѣтописей Московскаго періода, языкомъ Петровскимъ, Ломоносовскимъ, Карамзинскимъ и нынѣшнимъ.

Такъ точно замѣчаетъ и Г. Григоровичъ, что «въ развитіи языка нашего, вмѣсто вліянія церковно-славянскаго языка справедливѣе признать постепенное исчезаніе старыхъ и возниканіе новыхъ формъ.»

Но какимъ же образомъ могло случиться, чтобъ въ Кіевѣ, на Днѣпрѣ, говорено было тѣмъ же, или почти тѣмъ же языкомъ, какой употреблялся гдѣ-то около Солуни, въ нынѣшней Македоніи, и на какой переведено Св. писаніе Св. Кирилломъ и Меѳодіемъ, языкомъ, который такъ долго мы отыскиваемъ и необрѣтаемъ?

А какъ могло случиться, отвѣчаю я, что племена Славянскія разсыпались по всей Европѣ, и представили собою въ историческое время разтасованную колоду картъ?

Это мы знаемъ, въ этомъ мы увѣрены, и это мы положительно говоримъ:

Словене жили на Ильмени и въ Словеніи, близь Адріатическаго моря.

Хорваты въ Галиціи, въ Исполинскихъ горахъ, въ Полабьѣ, Штиріи и Илиріи.

Дреговичи между Припетью и Западной Двиной, въ Булгаріи и Германіи.

Дулебы по Бугу и въ Чехіи, Паннонiи.

Древляне въ Волыни и Полабьѣ.

* См. статью В. И. Григоровича.

** У насъ Г. Безсоновымъ, 1859, у Хорватовъ, гораздо позднѣе, Г. Кукулевичемъ.

Сѣверяне по Деснѣ, Семи, Сулѣ, и въ Польшѣ, по Дунаю.

Поляне на Днѣпрѣ и Вислѣ, и пр.

Племя, что мы называемъ теперь Великороссійскимъ, могло по разселеніи Славянскихъ племенъ съ Юга, жить въ окрестностяхъ Селуня, близь береговъ Чернаго моря, на Днѣпрѣ въ Кіевѣ, на Волховѣ въ Новѣгородѣ, и въ нынѣшней Великороссіи.

Положеніе историческое мы принимали безспорно,—намъ слѣдуетъ теперь только распространить, такъ сказать, его, и придать ему смыслъ.

Если одно и тоже племя жило въ разныхъ мѣстахъ, то и говорило въ этихъ мѣстахъ одинаково: Словене говорили сначала одинаково на Ильменѣ и на берегахъ Адріатическаго моря; Хорваты въ Галиціи и Илляріи, Дулебы по Бугу и Чехіи.

Великороссіяне, (которыхъ мы теперь такъ называемъ), могли жить и говорить сначала одинаково около Селуна, въ Кіевѣ, и нынѣшней Великороссіи.

Эта одна рѣчь по разнымъ мѣстамъ подверглася впослѣдствіи разнымъ вліяніямъ.

Самъ церковный языкъ, заключенный такъ сказать въ формы, остановленный въ своемъ движеніи, носитъ теперь по мѣстамъ слѣды этихъ явленій. Но не смотря на ихъ разность, все-таки единство языка, сходство въ переводѣ Евангелія по Остромирову списку, въ языкѣ лѣтописей, и въ языкѣ живомъ настоящемъ Русскомъ, или Великорусскомъ, повторяю, гораздо виднѣе, нежели въ какихънибудь другихъ нарѣчіяхъ, напримѣръ: нынѣшнемъ Болгарскомъ и церковномъ, нынѣшнемъ Сербскомъ и церковномъ и т. д. До сихъ поръ изъ всѣхъ Славянскихъ, живыхъ нарѣчій, самое близкое къ церковному, Кирилло-Меѳодіеву языку, есть безъ всякаго сравненія Великороссійское. Сравните, напримѣръ, молитву Отче нашъ на Русскомъ нарѣчіи и на всѣхъ прочихъ Славянскихъ нарѣчіяхъ: которое ближе къ Кириллову переводу? Наше.

Поведемъ разсужденіе далѣе: Воображаю себѣ лѣтописателя Нестора или другааго монаха, —какъ могло придти ему въ голову ломать себѣ языкъ, и завести новую рѣчь, постоянно соображаясь съ церковными образцами, которыхъ не зналъ же онъ сполна наизусть? Можно-ли писать на чужомъ нарѣчіи не зная его? А знать его было нельзя! За всякою формою ему надо бы справляться? Какъ бы не забылъ онъ ту или другую, и не запутался въ своихъ выраженіяхъ? Что за насиліе должно было дѣлать себѣ! Кто могъ выдержать это? Вѣроятно ли это? Если теперь во всякомъ нашемъ сочиненіи на церковномъ языкѣ, наприм. молитвахъ, сочиняемыхъ на новые случаи, просвѣчиваютъ наши руссизмы, какимъ образомъ можно бы уберегаться отъ нихъ въ древности, безъ нынѣшнихъ грамматическихъ и филологическихъ изслѣдованій и познаній? А въ лѣтописяхъ, въ грамотахъ, вы замѣчаете вездѣ естественность, правильность, живость, а не мертвенность!

Въ повѣствованіи нашемъ приведено много мѣстъ изъ лѣтописей, по коимъ можно судить о живости языка: присоединимъ еще нѣсколько строкъ, доказывающихъ ее разительно. «Се, брате, ты еси ко мнѣ отъ отца пришелъ, оже отецъ тя *пріобидилъ*, и волости ти не далъ; язъ же тя пріялъ въ правду, яко достойнаго брата своего, и волость ти есмь далъ, яко ни отецъ того вдалъ, *что я тебѣ вдалъ*, и еще есмь и Русской земли *приказалъ* стеречи тобѣ.»

Или: «Въ правду-ли идеши на Изяслава? Гюрги рече ему: како хощу не въ правду ити? Сыновецъ мой Изяславъ на мя пришедъ, волость мою повоевалъ и пожеглъ, и еще и сына моего выгналъ изъ Русьской земли, и волости ему не далъ, и соромъ на мя возложилъ; а любо соромъ сложю, и земли мщю, любо честь свою налѣзу, пакы-ли а голову свою сложю.»

«Изяславль же посолъ пріѣха у Кіевъ, повѣда ему Святославлю рѣчь, и что ему Володимиръ сказалъ. Изяславъ же слышавъ, и не устряпа, по посла опять посолъ свой къ Святославу, река ему: брате! хрестъ еси честный цѣловалъ ко мнѣ, ако со мною быти, а ворожбу еси про Игоря отложилъ и товары его.»

«Сыновецъ ваю Изяславъ... передъ вами не творится правъ, *но кланяеться и милости ваю хочеть;* азъ же не простъ есмь ходатай межи вами....»

«Язъ переже всихъ далъ есмь тобѣ волость сю,» говоритъ В. К. Рюрикъ Ростиславичъ зятю своему Роману Волынскому, «поже Всеволодъ наслалъ на мя, жалуяся про тебе, ажъ есми на немъ чести не положили преже; я же есмь тобѣ являлъ вси рѣчи его, ты же ми еси ее отступился по волѣ, а намъ како любо ему было ю даяти. А намъ безъ Всеволода нельзя быти, положили есмы на немъ старѣйшиньство вся братья во Володимерѣ племени, а ты мнѣ сынъ свой, а то ти волость иная, той ровна.»

Неужели это неестественный, не живой языкъ?

Еслибъ Несторъ и продолжатели его, Кіевскіе лѣтописатели, были Малороссіяне, то какимъ бы образомъ могло случиться, чтобъ они пишучи на чужемъ, церковномъ нарѣчіи, какъ предполагалось доселѣ, не обронили тамъ-сямъ какого нибудь Малороссійскаго слова, не употребили Малороссійскаго оборота, не вставили иной поговорки, или удержались отъ междометія? Употребляя языкъ чужой, нельзя по мѣстамъ скрыть вовсе свой: Малороссіянинъ проговоривается подъ-часъ по Малороссійски, Великороссіянинъ по Великороссійски, Бѣлорусецъ по Бѣлорусски, Сербъ по Сербски, и т. д.

Въ лѣтописи безпрестанно встрѣчаются слова и обороты, точно также и не церковные, какъ не Малороссійскіе, которые слѣдовательно и должно счесть признаками племени лѣтописателей, а съ ними и обитателей. Такъ точно и въ прочихъ сочиненіяхъ духовнаго содержанія, нами исчисленныхъ, мы встрѣчали вездѣ слова, обороты, формы, Великороссійскія.

Эти слова, обороты, формы, должно считать частными, мѣстными отличіями говора Кіевскаго отъ говора Солунскаго.

Еще болѣе—слова, относящіяся до жилища, до одежды, до пищи, въ лѣтописи, отнюдь не Малороссійскія. Вездѣ вы видите избу, истопку, а не хату; сапоги, лапти, а не чоботы; квасъ, медъ, жито, и т. п.

Дайте прочесть лѣтопись Несторову, Кіевскую и прочія, любому Великороссіянину, не знающему церковнаго нарѣчія: онъ пойметъ ихъ, говоря вообще, кромѣ того или другаго стараго слова, вышедшаго изъ употребленія, а Малороссійской страницы онъ не пойметъ, даже образованный.

Дайте прочесть лѣтописи Малороссіянину, не знающему Великороссійскаго нарѣчія, онъ пойметъ ихъ только, поколику понимаетъ Великороссійское и церковное нарѣчіе,

а свое нарѣчіе не окажетъ ему никакой пользы для уразумѣнія.

Слѣдовательно, въ лѣтописяхъ, вѣрно, господствуетъ Великороссійское нарѣчіе, а Малороссійскаго нѣтъ.

Слѣдовательно лѣтописи принадлежатъ не Малороссіянамъ, а какому нибудь другому племени. *Слѣдовательно племя другое жило въ Кіевѣ, около Кіева, а не Малороссіяне,—Поляне-Великороссіяне.*

Много собственныхъ именъ въ Кіевской, Волынской и Подольской губерніяхъ звучатъ Великороссійскими.

Мнимые Малороссіяне съ Юрьемъ Долгорукимъ, Андреемъ Боголюбскимъ, переселились на сѣверъ, въ землю Суздальскую: казалось — они должны бы оказать свое Малороссійское вліяніе на что нибудь— въ обычаяхъ, въ языкѣ. Нѣтъ — мы не видимъ тогда никакой перемѣны на сѣверѣ: слѣдовательно пришли туда не Малороссіяне, а тѣ же Великороссіяне.

Малороссіяне есть народъ самый пѣвучій: почему же не сохранилось у нихъ никакихъ былинъ о древнемъ нашемъ времени, между тѣмъ какъ эти былины о Владимирѣ и его витязяхъ поются у насъ вездѣ, въ Архангельскѣ и Владимирѣ, Костромѣ и Сибири. Слѣдовательно, опять тоже заключеніе: не Малороссіяне жили въ Кіевѣ во время Володимера, а Великороссіяне, которые разнесли тамошнія былины по всему пространству Русской земли, пѣсни, носящія признаки чистаго Великороссійскаго нарѣчія, безъ малѣйшей примѣси Малороссійскаго.

Точно такъ и въ древнѣйшихъ духовныхъ стихахъ, пѣсняхъ свадебныхъ, обрядныхъ, загадкахъ, пословицахъ, приговоркахъ, — нигдѣ не слышите ни малѣйшаго звука Малороссійскаго.

Характеръ князей, послѣ того какъ Норманство подверглось вліянію туземному и мѣстному, Славянскому, гораздо ближе къ настоящему Великороссійскому характеру, нежели къ Малороссійскому, обнаружившемуся въ казачествѣ, или извѣстному нынѣ. Тоже можно сказать и вообще о характерѣ военнаго древняго сословія и самой войны.

Должно разобрать, по возможности, племена Славянскія, исчисляемыя Несторомъ: мы причисляемъ теперь южныя и юго-западныя къ одному, которое называемъ Малороссійскимъ, но справедливо ли и на какихъ основаніяхъ? При такомъ понятіи долженъ бы возникать вопросъ: откуда же и когда явились Великороссіяне, самое многочисленное, и самое распространенное племя?

Если Великороссійское племя есть самое многочисленное изъ всѣхъ племенъ Славянскихъ и наиболѣе распространенное; то оно должно быть и одно изъ самыхъ древнихъ: естественно ли думать, чтобъ самое многочисленное, (даже безъ всякой соразмѣрности), племя народилося въ короткое время, безъ извѣстныхъ предковъ? Нѣтъ, Великороссіяне скрывались (какъ и вообще скрывались долго всѣ Славяне), подъ другимъ именемъ.

Потому то Несторъ, описывая разселеніе племенъ, по пространству нынѣшней Россіи, оставляетъ нашу великую Россію почти пусту. Туда приходили Великороссіяне-Поляне съ юга, какъ послѣ съ юга же начали наступать и Малороссіяне, къ Курску, Харькову, Воронежу.

Поляне, рѣзко отличаются отъ прочихъ племенъ даже по словамъ Нестора: «Поляне бо своихъ отецъ обычай имутъ кротокъ и тихъ, и стыдѣнье къ снохамъ

своимъ, и къ сестрамъ, къ матеремъ и къ родителемъ своимъ, къ свекровемъ, и къ деверемъ великое стыдѣнье имѣху; брачные обычаи имѣху; но хожаше зять (женихъ) по невѣсту, но приводяху вечеръ, а завтра приношаху по ней что вдадуче.»

Можетъ быть Великороссіянами обитаемъ былъ только Кіевъ съ окрестными странами, т. е. Великороссіянами были только Поляне. Можетъ быть единоплеменны съ Полянами были еще Сѣверяны, Сулччи.

Послѣ Татаръ Поляне отодвинулись на сѣверъ, да и до Татаръ они распространялись безпрестанно на сѣверъ вмѣстѣ съ князьями. Галиція, Волынь, Подолія, можетъ быть искони были заселены Малороссійскими племенами.

Малороссіяне могли придти послѣ Татаръ еще и отъ Карпатскихъ горъ, и занять Кіевскую губернію, такъ, какъ потомки ихъ въ XVI столѣтіи заняли Харьковскую, подвинулись къ Воронежу и Курску; такъ какъ Славянскія племена отодвинули Финновъ къ востоку, и заняли ихъ мѣсто въ губерніяхъ Московской, Владимирской и Рязанской.

А какъ объяснить то, что лѣтописи послѣ Татаръ писались прежнимъ языкомъ, и Малороссійскаго элемента все также въ нихъ не оказывается, хотя Малороссіяне распространились уже тогда по всему юго-западу?

На это отвѣчу я вотъ что: лѣтопись, которая можетъ навести на это сомнѣніе, есть одна, Волынская, и только до конца XIII столѣтія. Можетъ быть Малороссіяне тогда еще не достаточно возобладали въ странѣ, и оставались еще слѣды Полянскіе Великороссійскіе въ княжескихъ родахъ, боярскихъ, въ духовенствѣ, въ военномъ сословіи. Пришли же туда еще позднѣе Литовцы или Бѣлорусцы, съ Гедеминомъ, и ввели въ письменное употребленіе свой языкъ, ведшійся даже до позднѣйшаго времени, между тѣмъ какъ тамъ несомнѣнно уже жили Малороссіяне. Я говорю о времени послѣ Татаръ, и даже хоть до Петра I. Какъ Бѣлорусское нарѣчіе употреблялось въ этотъ періодъ, такъ Великорусское, господствовавшее сначала при Великороссіянахъ, могло вестися тамъ между грамотѣями еще въ XIII столѣтіи. Укажу и на значительный примѣръ изъ Волынской лѣтописи (подъ годомъ 1205): бѣ Тимофей въ Галичѣ премудръ книжникъ, *отцество имъя во градъ Кыевъ.*

Какъ бы то ни было, языкъ есть древнѣйшая наша лѣтопись, и первыя страницы нашей исторіи должны быть извлечены изъ этой лѣтописи; по обработаніи ея наукою филологіи, которая теперь только что начинается.

Замѣтимъ древнѣйшія заимствованія нашего языка изъ иностранныхъ: Слова, относящіяся до гражданскаго быта, управленія, принесены къ намъ *Норманнами*— бояре, смерды, тіуны, гридни, метельники, ябедники, верви, губы, ряды.

(Нѣмецкое слово мастеръ является еще въ XII столѣтіи, также хозяинъ).

Слова относящіяся до христіанской вѣры принесены *Греками:* грамота, евангеліе, апостолы, митрополиты, архіереи, иконы, иконостасы, кадила, индитіи и пр. и пр.

Отъ Грековъ получили мы свеклу, коноплю, аксамиты, паволоки, фофудьи, мантіи, тесмы, паполамы, и проч.

Арабы по торговлѣ доставили: бисеръ, бусы, жемчугъ, алмазъ, яхонтъ, топазъ, яшму, бирюзу, цвѣты—алый, бурый и пр.

(Съ востока досталась намъ издревле лошадь).

НРАВЫ И ОБЫЧАИ.

Нравы, въ этомъ періодѣ Русской Исторіи, надо различать, по родамъ жизни, по занятіямъ, на кои собственно раздѣлялся народъ, такъ какъ сословій въ западномъ смыслѣ у насъ никогда не было.

Князья вели бранную жизнь, которая требовала, разумѣется, отваги, храбрости, мужества, неустрашимости,—и мы видимъ эти доблести у всѣхъ, въ бо́льшей или ме́ньшей степени. Особенно отличались ими изъ сыновъ Ярослава: Володимеръ, Святославъ, изъ внуковъ: Мономахъ, Олегъ Святославичъ, Ростиславъ Володимеровичъ, далѣе—В. К. Мстиславъ, Василько, Изяславъ Мстиславичъ, Андрей Боголюбскій, Мстиславъ Ростиславичъ, Мстиславъ Мстиславичъ, Володимеръ Глѣбовичъ, Игорь и Всеволодъ Святославичъ Сѣверскіе, Романъ Волынскій, Даніилъ Галицкій — славные витязи Русскіе.

Объ отсутствіи этихъ доблестей нѣтъ почти и извѣстій: одного Всеволода Мстиславича обвиняли однажды Новгородцы, что онъ съ полку ушелъ прежде всѣхъ. Отступленія бывали, но по военнымъ соображеніямъ и разсчетамъ, напримѣръ въ войнѣ Изяслава Мстиславича съ Юрьемъ Долгорукимъ. Рать Андрея Боголюбскаго бѣжала почти отъ Вышегорода, вслѣдствіе ложныхъ извѣстій, а можетъ быть и измѣны, —отъ Новагорода, вслѣдствіе разнесшейся молвы о чудѣ.

Злобы, взаимной вражды, у князей вообще не примѣчается. Вчерашніе враги дѣлались съ нынѣшняго дня друзьями: миръ стоитъ до рати, а рать стоитъ до мира, — вотъ была ихъ любимая пословица; либо побьемъ, прогонимъ, либо помиримся, говаривали часто противники; они искали владѣній другъ у друга, волостились, — удалось-хорошо, неудалось-такъ и быть. Войны ихъ было иногда какъ бы состязанія объ закладъ, охотническія, полюбовныя схватки—чья возметъ, въ родѣ нынѣшнихъ кулачныхъ боевъ; бывали случаи, что они такъ прямо и предлагали другъ другу, напримѣръ 1180 года: В. К. Кіевскій Святославъ Всеволодовичъ, В. К. Суздальскому, Всеволоду Георгіевичу, на берегу Влены.[1]

Въ 1216 году Мстиславъ Новогородскій В. К. Юрью Всеволодовичу подъ Липицами.[2]

1149. Изяславъ говоритъ дядѣ Вячеславу: прими меня въ любовь, а не то волость твою пожгу.[3]

Давидовичи нѣсколько разъ переходили съ одной стороны на другую, отъ Изяслава Мстиславича къ Святославу Ольговичу и Юрью, и отъ нихъ опять къ Изяславу Мстиславичу.[4]

Въ 1147 г. Святославъ Всеволодовичь, изъ рода Ольговичей, служившій дядѣ, (по матери), В. К. Изяславу Мстиславичу, перешелъ къ его врагамъ, роднымъ съ отцовой стороны, въ Черниговъ, съ его разрѣшенія.[5]

Онъ же, 1155, по смерти В. К. Изяслава Мстиславича, призванъ былъ изъ Чернигова въ Кіевъ для распорядковъ, во враждебный, такъ сказать, станъ, престарѣлымъ Вячеславомъ, въ ожиданіи на столъ Великокняжескій Ростислава Смоленскаго, а когда приблизился Юрій, то ударилъ

1) См. выше, с. 194. 2) с. 377. 3) с. 157. 4) с. 146, 147, 151. 5) с. 146.

ему челомъ говоря: избезумился есмь, и получилъ прощеніе, благодаря впрочемъ ходатайству двоюроднаго брата Святослава Ольговича, къ которому также находился часто во враждебныхъ отношеніяхъ.[1]

Точно такимъ образомъ получилъ прощеніе отъ Юрья и Ростиславъ Смоленскій, долго воевавшій съ нимъ, помогая брату В. К. Изяславу Мстиславичу, и, по его уже ходатайству, Изяславичи.[2]

Старшій сынъ Юрьевъ, Ростиславъ, переходилъ (1148) на сторону врага его В. К. Изяслава, во время самаго разгара войны, и получилъ отъ него удѣлъ. Чрезъ нѣсколько времени Ростиславъ подвергся тамъ подозрѣнію, и былъ отпущенъ назадъ къ отцу, который принялъ его безъ всякаго гнѣва, и пошелъ мстить за него.[3]

1196. Ярославъ Черниговскій, принявши оборонительныя мѣры, послалъ сказать своимъ врагамъ, В. К. Всеволоду Суздальскому и Давыду Смоленскому: «брате и свату, отчину нашу и хлѣбъ нашъ взялъ еси; ажь любишь съ нами рядъ правый, и въ любви съ нами быти, то мы любви не бѣгаемъ, и на всей волѣ твоей станемъ; пакыли что еси умыслилъ, а того не бѣгаемъ же, да ны како Богъ разсудитъ съ вами и святый Спасъ.»

Большаго кровопролитія въ войнахъ предполагать нельзя, если впродолженіи двухъ сотъ почти лѣтъ пало на мѣстѣ междоусобныхъ битвъ только пять князей, хотя они всегда сражались на ряду съ простыми воями: Изяславъ Ярославичъ (1078), Борисъ Вячеславичъ (1078), Володимеръ Давыдовичъ (1151), Изяславъ Давидовичъ (1161), Изяславъ Глѣбовичъ (1182).

1) См. выше, с. 174. 2) с. 176. 3) с. 158.

Это — общее замѣчаніе о войнахъ, но бывали войны ожесточенныя, внушенныя местью, вслѣдствіе явнаго нарушенія права или личнаго оскорбленія, напримѣръ войны Олега Святославича (1078, 1096). Юрій Долгорукій съ запальчивостію искалъ Кіева, на который имѣлъ право больше племянника Изяслава Мстиславича. Когда онъ услышалъ о сожженіи послѣдняго своего убѣжища на Руси, городка Остреческаго, то снарядился въ походъ (1152), восклицая: отожгу! Романъ Волынскій преслѣдовалъ своего тестя, Рюрика Ростиславича, съ неистовствомъ, и постригъ его наконецъ въ монахи (1102, 1205).

1196. «Ростиславъ Рюриковичъ съ Володимеромъ и Чернымъ клобукомъ ѣхавше, повоеваша и пожгоша волость Романову около Каменца, и тако ополонишася челядью и скотомъ, и *отмстившеся*, возвратишася во свояси.»

Жестокость на войнѣ можно назвать общимъ явленіемъ, по крайней мѣрѣ обыкновеннымъ. Дѣйствія этого рода вызывались впрочемъ иногда необходимостію, а иногда увлеченіями гнѣва. Такъ въ 1068 г. Мстиславъ Изяславичъ, воротясь въ Кіевъ, послѣ изгнанія, съ отцемъ, изсѣкъ 70 человѣкъ чади, а другихъ ослѣпилъ и погубилъ, безъ испытанія.

1097. Ростиславичи изсѣкли жителей города Всеволожа, принадлежавшаго къ удѣлу врага ихъ, Давыда Игоревича, и потомъ разстрѣляли бояръ Василья и Лазаря, наушничавшихъ ему на Василька.

1144. Володимерко изсѣкъ многихъ жителей Галича, за сношенія съ его племянникомъ.

Въ 1146 г. В. К. Изяславъ Мстиславичъ, въ войнѣ съ Святославомъ Ольговичемъ

Сѣверскимъ совѣтовалъ Вятичамъ: ловите убить его лестію, и дружину его избити.

1153. Онъ же велѣлъ изсѣчь всѣхъ плѣнныхъ Галичанъ, которыхъ было у него больше, чѣмъ собственныхъ воевъ, «а лучшіе мужи съ собою поя, — и бысть плачь великъ по всей землѣ Галицкой.»

1161. Братъ его, Ростиславъ, услышавъ объ изгнаніи Новогородцами его сына, велѣлъ всѣхъ Новогородцевъ, случившихся въ Кіевѣ, побросать въ Пересѣченскій погребъ, гдѣ и задохлись ихъ 14 человѣкъ за ночь, въ чемъ онъ послѣ горько раскаявался.

1216. Ярославъ Всеволодовичъ, разбитый Новогородцами подъ предводительствомъ Мстислава Мстиславича, прибѣжавъ въ свой Переяславль, велѣлъ всѣхъ Новогородскихъ купцовъ побросать въ погреба, и затворить въ тѣсныхъ избахъ, — такъ издушилъ онъ ихъ полтораста.

Нечего удивляться послѣ того сожженію городовъ, то есть укрѣпленій, и истребленію жителей, то есть военной части населенія, такъ какъ это принадлежало собственно къ праву войны — лишать непріятеля его вспомогательныхъ средствъ:

Ярославичи, 1066, запявъ Минскъ, изсѣкли мужей, а женъ и дѣтей взяли на щитъ.

Глѣбъ Рязанскій, 1175, предалъ все огню и мечу во Владимирской области.

В. К. Всеволодъ 1208, сжегъ городъ Рязань, а потомъ Бѣлгородъ.

Бояре, и вообще вои, ничѣмъ не отличались въ этомъ отношеніи отъ князей: такъ въ 1067 г. совѣтовали они В. К. Изяславу привлечь къ себѣ Всеслава обманомъ и убить. Въ 1150 г. бояре совѣтовали В. К. Изяславу захватить дядю Вячеслава, или подсѣчь подъ нимъ сѣни. Въ 1173 г. Владиславъ присовѣтовалъ В. К. Глѣбу Кіевскому перебить колодниковъ.

1177. Бояре требовали у В. К. Всеволода, чтобъ онъ выдалъ имъ плѣнныхъ Суздальцевъ и Ростовцевъ: «либо и казни, либо и слѣпи, али дай намъ.»

1178. «Дружина Всеволожа начаша князю жаловатися: мы не цѣловать ихъ пріѣхали... И се рекше ударища въ конѣ, и взяша городъ (Торжекъ), мужи повязаша, а жены и дѣти на щитъ и товаръ взяша, а городъ пожгоша весь.»

1208. Рязанцы, послѣ присяги В. К. Всеволоду, захватили людей его и поковали, а других заморили въ погребахъ. Напомнимъ убіеніе Кіянами Игоря Ольговича, (1146), измѣну Полочанъ Рогволоду Борисовичу и Ростиславу Глѣбовичу (1151, 1158), отношенія Смольянъ къ Роману Ростиславичу, (1180) видныя изъ причитанья его вдовы, наконецъ взятіе и ограбленіе Кіева, въ 1169 году, соединенною ратью Андрея Боголюбскаго, и въ 1202 году сборною ратью Рюрика Ростиславича съ Половцами. Галичане сожгли любовницу Ярослава (1173).

Въ Новѣгородѣ съ 1136 г. часто происходили смятенія, среди которыхъ терпѣли много, виноватые и правые. Разграбить дома, сбросить въ Волховъ — это были обыкновенныя явленія.

Самыми вопіющими злодѣяніями, изъ ряду воинъ, должно почесть вѣроломное умерщвленіе на пиру Глѣбомъ, княземъ Рязанскимъ, шестерыхъ братьевъ, вмѣстѣ съ множествомъ ихъ бояръ и слугъ (1203).

Въ 1208 г. Сѣверскіе князья, Игоревичи, призванные княжить въ Галичь, избили Галицкихъ бояръ, до 500 человѣкъ, въ гнѣвѣ за безпрестанно возобновлявшіеся ихъ мятежи. Вскорѣ, захваченные врасплохъ, князья сами были повѣшены ими.

Въ сношеніяхъ съ погаными, то есть Половцами, военное сословіе оказывало еще менѣе милосердія. Такъ, напримѣръ, въ 1103 году, велѣлъ Мономахъ убить плѣннаго Бельдюза, дававшаго за себя золото и серебро, коней и скотъ: «знай то», сказалъ онъ, «что васъ казнитъ клятва; сколько разъ приходили вы воевать Русскую землю, нарушая клятву.»

Однажды даже рѣшился онъ самъ преступить клятву, данную Половцамъ, и согласиться на умерщвленіе ихъ пословъ, Итларя и Китана, въ своемъ Переяславлѣ.

Въ 1149 году В. К. Изяславъ Мстиславичъ велѣлъ Половчина, (захваченнаго подъ Переяславлемъ), «перетяти и съ опоною».

Въ 1224 году предъ сраженіемъ на Калкѣ избиты были Татарскіе послы.

Къ числу особенныхъ пороковъ въ дружинѣ принадлежитъ наушничество, котораго извѣстны многіе примѣры — въ исторіи Василька, Мономаха, Изяслава Володимеровича, Андрея Боголюбскаго, Мстислава Мстиславича. Митрополитъ Никифоръ убѣждалъ даже Мономаха невѣрить наушникамъ. Слово Даніила Заточеника свидѣтельствуетъ также объ этомъ порокѣ.

Проповѣди и посланія о піанствѣ и блудѣ показываютъ, что сіи пороки были нерѣдки какъ между князьями, такъ и въ дружинѣ. Рѣзоимство или лихоимство, распространенное въ городахъ, осуждалось сильно.

По окончаніи споровъ и войнъ, при заключеніи договоровъ, важное значеніе имѣла присяга (клятва-рота), которую обыкновенно давали всѣ участники, ходили ротѣ, цѣловали крестъ.

Нарушеніе клятвы было впрочемъ несовсѣмъ необыкновеннымъ явленіемъ:

Въ 1066 г. Ярославичи поклялись Полоцкому князю Всеславу, призывая его къ себѣ па миръ, что не причинятъ ему никакого зла, а когда онъ пришелъ, заключили его въ оковы, и посадили къ порубъ, въ Кіевѣ.

Въ 1096 году, вслѣдъ за общею присягою, ослѣпленъ былъ несчастный Василько, по навѣтамъ Давыда Игоревича.

Въ 1146 году Кіяне измѣнили В. К. Игорю Святославичу послѣ присяги.

Вѣроломствомъ отличался въ особенности Галицкій князь Володимерко. По договору съ В. К. Изяславомъ Мстиславичемъ онъ поклялся возвратить ему захваченные города на Волыни, и когда тотъ прислалъ къ нему своего боярина Петра, напомнившаго о крестномъ цѣлованіи, и указавшаго на крестъ, которой цѣловалъ Володимерко, то онъ отвѣчалъ: «Сій ли крестецъ малый?» и потомъ насмѣялся, смотря на проѣзжавшаго мимо Петра: «вотъ, Русскій мужъ отправляется «обимавъ всѣ волости.»

О Володимерѣ Мстиславичѣ лѣтописатель замѣчаетъ вообще «бяше ко всей братьи своей вертливъ, и не управливаше къ нимъ хрестьнаго цѣлованія.»

Разумѣется, всѣ дѣйствія этого рода относились преимущественно къ военному времени, въ остальное—и князья, и дружина, и вои, были гораздо человѣчнѣе и благо-

душнѣе, и въ отношеніяхъ ихъ между собою видны даже значительные успѣхи общежитія.

Находясь въ брачныхъ союзахъ съ множайшими Европейскими государями, Императорами: Греческимъ и Германскимъ, Королями: Венгерскимъ, Польскимъ, Шведскимъ, князья стояли па одинакой съ ними степени житейскаго образованія.

Между собою они уважали родство, а всего болѣе старшинство: ты старше, говоритъ Мономахъ В. К. Святополку на совѣтѣ о войнѣ съ Половцами, подавай голосъ первый (1111).

Мономахъ, и послѣ его сынъ Мстиславъ, были въ полномъ смыслѣ главами своего рода, и пользовались общимъ уваженіемъ.

Исполнены почтительности отношенія Ростислава Смоленскаго къ старшему брату В. К. Изяславу Мстиславичу. Послѣдній, напримѣръ, отдавалъ ему на благоусмотрѣніе просьбу Ольговичей о мирѣ, —онъ отвѣчалъ: «Кланяюсь тебѣ, братъ, ты меня старше, какъ ты разсудишь, такъ и будетъ—я готовъ за тобою. Но если ты оказываешь мнѣ честь, спрашивая моего мнѣнія, то я люблю лучше миръ, чѣмъ войну» и проч. По возвращеніи изъ-подъ Чернигова Изяславъ, извѣщая о своихъ успѣхахъ брата Ростислава, говоритъ ему: «Богъ привелъ насъ въ Кіевъ благополучно; я спрашиваю тебя, въ здоровьѣ ли ты живешь, и какъ тебѣ Богъ помогаетъ.» Свиданіе ихъ было торжественное: «Увидяся братья въ здоровьѣ, (1148), пребыли въ великой любви и въ весельѣ, съ мужами своими и Смольнянами, и одарилися многими дарами: Изяславъ далъ дары, что отъ Русской земли и отъ всѣхъ царскихъ земель, а Ростиславъ—что отъ верхнихъ земель и отъ Варяговъ.»

Отношенія Ростислава къ дядѣ В. К. Вячеславу представляютъ образецъ покорности младшаго къ старшему.*

Ярославъ Владимеровичъ Галицкій поручалъ послу В. К. Изяслава Мстиславича (1152) сказать ему: «Богъ сотворилъ волю свою и отца моего взялъ. Что у васъ было между собою, то разсудитъ онъ. Я кланяюсь тебѣ и прошу—прими меня сыномъ: сынъ твой Мстиславъ будетъ ѣздить подлѣ твоего стремени съ одной стороны, а я съ другой со всѣми своими полками.»

Ростиславичи плакали по старшемъ своемъ братѣ Романѣ, какъ по отцѣ (1190).

1197. В. К. Святославъ Всеволодовичъ съ глубокимъ чувствомъ относился къ памяти отца своего.

В. К. Рюрикъ Ростиславичъ звалъ брата Давыда Смоленскаго въ Кіевъ: (1195) «вотъ, братъ, мы осталися старше всѣхъ въ Русской землѣ, пріѣзжай ко мнѣ въ Кіевъ: мы покончимъ вмѣстѣ, что будетъ думы о Русской землѣ и о своей братьѣ, а сами повидаемся въ здоровьѣ.»

Многія выраженія въ сношеніяхъ князей между собою служатъ свидѣтельствомъ ихъ нравственнаго развитія. Мономахово поученіе представляетъ лучшее тому доказательство. Въ письмѣ своемъ къ Олегу Святославичу, послѣ того какъ сынъ его Изяславъ погибъ въ сраженіи съ Черниговскимъ княземъ, онъ говоритъ:

«Я пишу къ тебѣ по принужденію сына моего, (Мстислава), котораго ты крестилъ, и который теперь находится близъ тебя. Онъ прислалъ ко мнѣ своего мужа съ грамотою: уладимся и смиримся, «а братцу моему

* См. выше, с. 175.

судъ пришелъ,» не будемъ мстить за него, а положимся на Бога, онъ разсудитъ ихъ, а мы Русской земли не будемъ губить.

«Ты можешь понять, мнѣ ли достойно было написать къ тебѣ, или тебѣ ко мнѣ? Хоть бы сыну (Мстиславу) ты сказалъ: слися ко отцу, я отвѣтилъ бы десять разъ.»

«Если бы ты раскаялся и прислалъ ко мнѣ грамотку утѣшительную, пустилъ бы сноху мою ко мнѣ, потому что нѣтъ въ ней ни добра ни зла — мы оплакали бы вмѣстѣ съ нею мужа ея вмѣсто свадебныхъ пѣсней: я не видалъ ихъ вѣнчанья. Бога ради пусти ю ко мнѣ вборзѣ съ первымъ словомъ—кончавъ слезы, я устрою ее на мѣсто: пусть она сядетъ, какъ горлица на сухомъ деревѣ, прискорбная, а я утѣшуся о Богѣ.»

Трогательна привязанность Святослава Ольговича къ плѣненному брату его Игорю: «ни волости хочю, ни иного чего,» отвѣчалъ онъ Давидовичамъ, «развѣ только пустите ми брата.» Получивъ извѣстіе объ его убіеніи онъ плакалъ горько (1146).

1177. «Мстиславъ не хотя вередити сердца брату старѣйшему,» то есть не хотѣвъ огорчить брата старшаго Романа, (которой не совѣтовалъ ему начинать войну съ Полоцкомъ), отложилъ свое намѣреніе.

1185. В. К. Святославъ Всеволодовичь горько плакалъ о несчастіи Игоря Сѣверскаго.

Лѣтописи замѣчаютъ, съ какою радостію нѣкоторые князья встрѣчали рожденіе дѣтей, напр. Всеволодъ Мстиславичь, Рюрикъ Ростиславичь.

Князья дорожили вообще своею честью, подъ которою разумѣлось впрочемъ всего чаще почетъ, значеніе, право на уваженіе, но иногда и настоящее благородство.

1146. Вячеславъ, надѣяся на старѣйшинство, послушавъ бояръ своихъ, отъ радости (по смерти В. К. Всеволода Ольговича) не приложивъ *чти* къ Изяславу, (не уваживъ Изяслава), отнялъ городы, захваченные у него покойнымъ Великимъ княземъ.

1171. «*Честь* его съ душею ишла,» отвѣчалъ Давыдъ Ростиславичъ игумену Поликарпу, просившему у него почетныхъ проводниковъ къ тѣлу умершаго князя Володимера Андреевича.

1175. Глѣбъ, (Рязанскій князь), слышавъ о намѣреніи Владимирцевъ посадить къ себѣ на столъ его шурьевъ, «радъ бысть, оже на него *честь* воскладываютъ.»

1195. «Поѣди пестряпая, (зоветъ на Смоленскъ Олегъ Святославичъ дядю Ярослава Черниговскаго), совокупивъ дружину свою, нынѣ возмемъ *честь* свою.»

1195. В. К. Рюрикъ Ростиславичъ оправдывался предъ зятемъ Романомъ Волынскимъ въ отдачѣ нѣкоторыхъ Русскихъ городовъ В. К. Всеволоду Юрьевичу: я далъ тебѣ сначала волость, но Всеволодъ пожелалъ ея и жаловался, что мы не положили на немъ *чести*, а мы признали его старшинство во Владимировомъ племени... Ты вѣдь согласился и проч. Романъ уступилъ, но началъ умышлять злое, и Рюрикъ послалъ просить помощи у Всеволода: ты старшій, гадай о Русской земли, о своей *чести* и о нашей.

Иногда честь принималась, какъ мы замѣтили выше, и въ настоящемъ благородномъ смыслѣ, напримѣръ Ростиславичи (1170) никакъ не хотѣли выдать В. К. Андрею Боголюбскому требованныхъ имъ бояръ, которыхъ онъ подозрѣвалъ въ из-

веденіи его брата Глѣба, и Мстиславъ велѣлъ даже, на повторенное требованіе, обрить бороду его послу.

Такъ точно Новогородцы нѣсколько разъ отказывались отъ выдачи враждовавшимъ князьямъ своихъ граждан, несмотря ни на какія угрозы. Также и Псковичи.

Благородныя чувства обнаруживались преимущественно при мысли о всей Русской землѣ, которой единство князья всегда сознавали, не смотря на свои междоусобія, чѣмъ доказывается развитіе ихъ гражданскаго чувства, любви къ отечеству.

1152. «Братья и дружино,» говоритъ В. К. Изяславъ Мстиславичъ, въ Галичѣ, во время войны, «Богъ всегда *Русскія земли* и Русскихъ сыновъ въ безчестьѣ не положилъ есть: на всихъ мѣстѣхъ *честь* свою взимали суть. Нынѣ же, братья, ревнуимы тому вси, въ сихъ земляхъ и предъ чюжими языки, дай ны Богъ *честь* свою взяти.»

1169. В. К. Мстиславъ Изяславичъ зоветъ князей на Половцевъ — «поискати отецъ своихъ и дѣдъ своихъ пути и своей *чести*. И угодна бысть рѣчь его прежде Богу, и всеѣ братьѣ, и мужемъ ихъ, и рекоша ему братья вся: Богъ ти, брате, помози въ томъ, оже ти Богъ вложилъ таку *мысль въ сердце*, а намъ дай Богъ за крестьяны и за *Русскую землю* головы своя сложити, и къ мученикомъ причтенімы быти.» Походъ былъ успѣшенъ, Князья отошли потомъ къ Каневу охранять гречниковъ:... «тако буди, то есть намъ, на *честь* и всеѣ Русскѣи земли.»

1185. «Азъ славы дѣля, (говоритъ Игорь Святославичъ Сѣверскій, въ отвѣтъ на предложеніе бѣжать изъ Половецкаго плѣна), не бѣжахъ тогда (въ сраженіи) отъ дружины, и нынѣ *неславнымъ* путемъ не имамъ ити.

Съ честію и славою — это любимое выраженіе лѣтописей о всякомъ успѣшномъ походѣ.

Ростиславъ Рюриковичъ, одержавъ побѣду надъ Половцами, объѣхалъ всѣхъ родныхъ со взятыми сайгатами.

«Русская земля» была безпрестанно на устахъ у князей, у духовенства, у лѣтописателей.

Кромѣ приведенныхъ мѣстъ, укажемъ еще на слѣдующія.

Св. Борисъ и Глѣбъ объявляются вездѣ заступниками *земли Русской.*»

1111. Мономахъ предлагаетъ разсужденіе, «какъ быхомъ промыслили *о Русской землѣ.*»

Василько хотѣлъ сложить голову «за *Русскую землю.*»

1097. Князья собрались въ Любечь, на совѣтъ: почто губимъ *Русскую землю*, сами на ся котору дѣюще, а Половцы землю нашу несутъ розно... «Блюдемъ *Русскыя земли.*»

Митрополитъ Никола убѣждалъ Мономаха оставить осаду Кіева: «молимся, княже, тобѣ и братома твоима, не мозѣтѣ погубить *Русьскиѣ земли...*—

...«Се слышавъ Володимеръ, росплакався и рече: по истинѣ отцы наши и дѣды наши соблюли *землю Русьскую*, а мы хочемъ погубити...»

1125. Мономаха по кончинѣ лѣтописатель называетъ добрымъ »страдальцемъ (труженикомъ) за *Русскую землю.*»

1139. Мы вѣдаемъ милосердіе Ярополче, «говорятъ Черниговцы своему князю, Всеволоду Ольговичу, «тъ бо соблюдаетъ *землю Русскую.*»

1148. В. К. Изяславъ Мстиславичъ соглашался на миръ «*Русскія* дѣля *земли* и крестьянъ дѣля.»

1149. Вячеславъ Туровскій предлагалъ миръ, чтобъ «*земля Русская* расплодилася и розмогла въ братолюбьи князеи.»

Уважалось общее мнѣніе: Мономахъ обращаетъ на него вниманіе дѣтей своихъ въ поученіи. В. К. Изяславъ Мстиславичъ сказалъ, услышавъ объ убіеніи соперника его въ Кіевѣ, Игоря Ольговича (1147): «то мнѣ есть порока всякаго отъ людей неуйти; тѣмъ есть речи: Изяславъ велѣлъ убити, но тому Богъ послухъ, яко не повелѣлъ, ни научилъ.»

Гостепріимство между князьями, какъ и въ народѣ, было развито, и обнаруживалось иногда въ широкихъ размѣрахъ. Укажемъ на нѣкоторыя приглашенія и угощенія, отмѣченныя въ лѣтописяхъ.

Ярополкъ (1084) приходилъ къ дядѣ Всеволоду на великъ день.

Святополкъ звалъ Василька къ себѣ на имянины (1096).

Изяславъ Мстиславичь, съ сыномъ Ярославомъ, послали (1148) подвойскихъ и бирючей кликать по улицамъ, «зовуче къ князю на обѣдъ (Новогородцевъ) отъ мала и до велика, и тако всѣ обѣдая веселились радостію великою и честію.»

Юрій Долгорукій давалъ союзнику своему, Святославу Ольговичу, обѣдъ сильный въ Москвѣ, въ 1147 году.

Давыдъ Смоленскій, пріѣхавъ въ Кіевъ, по приглашенію брата В. К. Рюрика Ростиславича, (1195), «обѣдалъ у него въ великой любви и многомъ весельѣ,» потомъ приглашенъ былъ на обѣдъ къ племяннику Ростиславу въ Бѣлгородъ. Затѣмъ пригласилъ онъ брата Рюрика къ себѣ на обѣдъ съ дѣтьми, далѣе—монастыри, раздавая въ то же время сильную милостыню нищимъ, наконецъ Черныхъ клобуковъ, которые «попишася у него вси.» Въ заключеніе Кіяне позвали Давыда къ себѣ на пиръ, и воздали ему честь великую. Давыдъ отблагодарилъ ихъ обѣдомъ и дарами.

Дарами обоюдными сопровождались всѣ эти обѣды.

Братчинами назывались пиры, въ монастыряхъ на счетъ міряиъ, и были въ большемъ употребленіи.

Нѣкоторые обычаи, относящіеся къ жизни общественной, видны въ пѣсняхъ, напримѣръ Добрыня Никитичъ

Идетъ онъ княженецкой дворъ безъобсылочно,
А въ палаты идетъ бездокладочно;
Неспрашивалъ у воротъ приворотниковъ,
У дверей неспрашивалъ придверниковъ,
Всѣхъ онъ взашей прочь отталкивалъ.
Смѣло проходилъ въ палаты княженецкія.
Крестъ кладетъ по писанному,
Поклонъ ведетъ по ученому,
Солнышку Володимеру въ особину.*

Общественная благотворительность была очень развита:

Мономахъ учитъ дѣтей своихъ: всего же паче убогыхъ незабывайте, но елико могуще по силѣ кормите, и придавайте сиротѣ, и вдовицу оправдите сами.

Святый Ѳеодосій, сотвори дворъ близь монастыря... туже повелѣ пребывати нищимъ и слѣпымъ, и хромымъ, и трудноватымъ,

---

* См. выше, с. 528, описаніе прибытія Добрыни къ матери Дюка Степановича.

и отъ монастыря подаваше имъ, еже на потребу, и отъ всего сущаго монастырскаго десятую часть даяше имъ, и еще по вся суботы посылаша въ потребу возъ хлѣба сущіимъ во узехъ.»

Исаакій, Θеодоръ, Евстратій, Печерскіе, роздали все свое имѣніе нищимъ предъ вступленіемъ въ монастырь.

Блаженному Ефрему Переяславскому приписывается устройство больницъ въ разныхъ мѣстахъ.

Андрей Боголюбскій, какъ Володимеръ святый, разсылалъ угощенія для бѣдныхъ по улицамъ на возахъ: «видя всякаго нища приходящаго къ собѣ просить, подавая имъ прошенья ихъ, глаголя тако: еда се есть Христосъ пришедъ испытать мене.»

Милостыня раздавалась въ особенности на похоронахъ.

У князей примѣтно расположеніе и къ красотамъ природы: Всеволодово загородное убѣжище называлось Краснымъ дворомъ. Юрій называлъ свой дворъ за Днѣпромъ Раемъ. Другой дворъ у него былъ также Красный.

Нѣкоторые князья пользовались за свои достоинства особенною преданностію и любовію народною. О кончинѣ *Мономаха* (1125) сказано: «Святители жалящи си плакахуся по святомъ добромъ князи; весь народъ и вси людіе плакахуся, яко же дѣти по отцю или по матери.»

Даже потомки его долго были предметомъ особеннаго уваженія. Въ 1147 г. Кіяне отвѣчали В. К. Изяславу Мстиславичу: «княже, ты ся на насъ не гнѣвай, не можемъ на Володимире племя рукы въздняти, олняже Ольговичъ хотя и съ дѣтьми.» Точно также говорили жители Курска Мстиславу Изяславичу: «на Володимере племя, на Гюргевича, не можемъ рукы подняти.»

Новогородцы въ одинъ голосъ восклицали *Изяславу Мстиславичу* (1148): «ты нашъ князь, ты нашъ Владимиръ, ты нашъ Мстиславъ: ради съ тобою идемъ твоихъ дѣля обидъ.»

Смольяне встрѣтили В. К. *Ростислава*, на пути въ Новгородъ, за 300 верстъ,— лучшіе мужи, потомъ внуки, сынъ Романъ, епископъ Мануилъ, «и малѣ не весь градъ изиде противу ему, и тако вельми обрадовашася вси приходу его, и множество даровъ подаяша ему.»

О Мстиславѣ Ростиславичѣ, по случаю кончины его, въ 1179 году въ лѣтописи сказано: «не бѣ бо тоѣ земля въ Руси, которая же его не хотяшеть, не любяшеть»..*

Владимерцы, призывая Ростиславичей по смерти *Андрея* Боголюбскаго (1175), говорили ему: «ваю отецъ добръ былъ, коли у насъ былъ, а поѣдьте къ намъ княжить, а иныхъ не хочемъ.» Ростиславичи отвѣчали: «помози Богъ дружинѣ, оже не забываютъ любви отца моего.»

Галичане, удерживая отъ участія въ сраженіи князя своего *Ярослава* Володимеровича, говорили: «ты еси молодъ, а поѣди прочь и насъ позоруй; како ны будеть отецъ твой кормилъ и любилъ, а хочемъ за отця твоего честь и за твою головы своя сложити.»

Вообще княжеское достоинство уважалось какъ въ дружинѣ, такъ и въ народѣ, что можно видѣть особенно въ посланіяхъ митрополита Никифора къ Великому князю Володимеру Мономаху.

---

* См. выше, с. 580.

Лѣтописатели приписываютъ князьямъ иногда даже царскій титулъ—1147, 1149, 1151, 1154, 1180.

Князья и ихъ жены отличались вообще набожностію, которую доказывали строеніемъ церквей, основаніемъ монастырей, и вступленіемъ передъ смертію въ монашество, надѣясь тѣмъ искупить грѣхи свои.

Духовенство, чѣмъ древнѣе и ближе къ началу христіанской вѣры, тѣмъ было чище, ревностнѣе и усерднѣе. Мы видимъ его всегда впереди въ дѣлахъ миротворства и человѣколюбія. Поученія къ народу, дошедшія до насъ, дышатъ искренностію, и исполнены правилъ простыхъ, вѣрныхъ и дѣйствительныхъ для спасенія. Множество лицъ высоко-нравственныхъ, было изъ этого сословія, которыхъ святая жизнь засвидѣтельствована памятниками.

Бывали, разумѣется, исключенія. Самъ св. Ѳеодосій указываетъ въ своихъ поученіяхъ на нѣкоторые недостатки братіи. Печерскіе иноки не хотѣли принять игуменомъ предложеннаго имъ Св. Ѳеодосіемъ Іакова мниха, и пожелали имѣть Стефана, котораго также принудили вскорѣ удалиться отъ нихъ. Въ житіяхъ Печерскихъ, изложенныхъ нами выше, встрѣчаются случаи, несогласные съ святыми обѣтами: въ житіи Евагрія[1] видно злопамятство, въ житіи Ѳеофила[2] самолюбіе, въ житіи Ѳеодора, Арефы,[3] корыстолюбіе, и проч.

Въ гоненіи на добродѣтельнаго Авраамія Смоленскаго участвовало всѣхъ болѣе духовенство, изъ зависти.

1) См. выше стр. 631. 2) См. 618, 932. 3) См. 614.

Нѣкоторыя извѣстія о святокупствѣ относятъ преимущество къ Греческимъ пришельцамъ. Супруга Ростислава Рюриковича говоритъ, напримѣръ, что она не пожалѣетъ тысячи гривенъ серебра за поставленіе епископомъ Поликарпа, (писателя житій Печерскихъ).

«Поставленъ на мздѣ» выраженіе встрѣчающееся часто въ лѣтописяхъ.

Въ словѣ Даніила заточеника (по сп. Ундольскаго): «мнози отшедше міра сего, паки возвращаются аки пси на своя блевотины, на мирское гоненіе: обиходятъ села и домы славныхъ міра сего, яко пси легкосердіи; идѣже брацы и пирове, ту черицы и черницы, и безаконіи, отческій имѣя на собѣ санъ, а блядивъ норовъ, святительски имѣя на собѣ санъ, а обычаемъ похабъ.»

Роскошныя братчины въ монастыряхъ осуждаются еще въ правилѣ митрополита Іоанна: «иже въ монастырехъ часто пиры творятъ, созываютъ мужи вокупи и жены, и во тѣхъ пирехъ другъ другу пресиѣваютъ, кто лучшій сотворитъ пиръ—сія ревность не о Бозѣ» и проч.

Владимирскій епископъ Ѳеодоръ представляетъ своею жизнею явленіе особенное, изъ ряду вонъ. Лѣтописи разсказываютъ ужасы объ его злодѣяніяхъ: «Многіе люди пострадали въ его управленіе, лишась своихъ селъ, оружія и коней, другіе обречены работѣ, подверглись заточенію и грабежу, нетолько простцы, но и монахи, игумены, священники. Это былъ безмилостивый мучитель: однимъ онъ рѣзалъ головы, бороды; другимъ выкалывалъ глаза, выжигалъ языки, распиналъ по стѣнѣ, и мучилъ немилостивнѣ, хотя восхитить отъ всѣхъ имѣнія; былъ онъ не сытъ, какъ адъ.» Отосланный въ Кіевъ В. К. Андреемъ

(1172) онъ былъ осужденъ митрополитомъ Константиномъ, и на Песьемъ островѣ «его осѣкоша и языка урѣзаша, яко злодѣю еретику, и руку правую отсѣкоша, и очи ему выняша, зане хулу измолви на святую Богородицю.»

Замѣчательно завѣщаніе Кіевскаго митрополита Константина—бросить тѣло его по кончинѣ на съѣденіе псамъ. (1169).

Сельское сословіе, то есть большинство народа, народъ въ собственномъ смыслѣ этого слова, живя вдали отъ шума браней, въ которыхъ не принималъ никакого почти участія, и занимаясь единственно воздѣлываніемъ земли, и другими подобными трудами, сохранялъ большею частію свои древніе, патріархальные правы — тихій, смирный, терпѣливый. Ни въ лѣтописяхъ, ни въ какихъ другихъ памятникахъ, нѣтъ слѣдовъ его сопротивленія правительству, какое было, нѣтъ признаковъ безпокойства или возмущенія,—и даже нѣтъ вообще извѣстій объ немъ, какъ будтобъ его и на свѣтѣ не существовало: доказательство жизни мирной и покойной.

Съ другой стороны въ народныхъ пѣсняхъ не слышится никакихъ жалобъ на притѣсненія со стороны князей и бояръ, на худую или тяжелую жизнь: значитъ, что жить было хорошо, сносно, и, заплативъ, что положено, поселяне пользовались полною свободою.

Множество святыхъ мужей, вышедшихъ изъ народа, и достигшихъ высокой степени нравственнаго совершенства въ духовной жизни, представившихъ великое развитіе ума, сердца и воли, свидѣтельствуютъ въ пользу того народа, изъ котораго они вышли: такіе блистательные плоды могли возникнуть только на доброй, благодатной, и подготовленной для христіанства почвѣ. Писатели—Иларіонъ, Несторъ, Іаковъ, Даніилъ, Симонъ, Поликарпъ, Кириллъ Туровскій, принадлежали къ простолюдію.

Преданность въ волю Божію, принятіе всякихъ бѣдствій наказаніемъ за грѣхи свои, отсутствіе ропота и жалобъ, искреннее раскаяніе—вотъ отличительныя черты народнаго характера, при общественныхъ бѣдствіяхъ, судя по лѣтописямъ.

Суевѣрія, которыхъ было много, принадлежали къ остаткамъ язычества, вмѣстѣ съ знахарями и колдунами, преемниками древнихъ волхвовъ. Въ Новѣгородѣ еще въ 1230 году, сожгли четырехъ волхвовъ. Въ монастырѣ Никиты Переяславскаго скрывался при немъ такъ называемый колдунъ.

Единственный источникъ, изъ коего почерпаются свѣдѣнія объ ежедневномъ житьѣбытьѣ, образѣ мыслей, чувствованій и дѣйствій простаго народа, суть пѣсни, до насъ дошедшія, со множествомъ разнорѣчій,—источникъ, необработанный еще критикою, но представляющій достаточныя данныя, чтобъ составить по нимъ приблизительное понятіе.

Пѣсни были повреждены значительно, въ теченіи времени, но они носятъ еще до сихъ поръ вѣрные признаки древности—и вмѣстѣ современности съ былинами. Въ пѣсняхъ нашихъ слышатся безпрестанно: синее море, море Хвалынское, Дунай рѣка, Почай, Кіевъ, Черниговъ, Новгородъ, Ладо, Дидъ-ладо, Лелю, люли, терема, сѣни, купы, золотыя, серебряныя гривны, соболи, куницы, веверицы, лебеди, виноградъ, вина заморскія, рыбій зубъ, ковры, аксамиты, паволоки, золотошвейное искусство. Когда могли бъ попасться въ пѣсни всѣ эти слова, кромѣ древняго періода?

Когда моглибъ попасться въ пѣсни — князья, бояре, боярскія дѣти, воеводы, тысяцкіе, кромѣ удѣльнаго періода, когда они были близки къ народу.

О существованіи пѣсенъ есть много древнихъ свидѣтельствъ, напр. въ словѣ христолюбца, по древнему списку осуждается плясаніе, гудьба, пѣсни бѣсовскія, (въ одномъ спискѣ XIV вѣка: мирскія).

Пѣсни есть свадебныя, обрядныя, подблюдныя, хороводныя, игорныя.

Свадебныя пѣсни, по количеству своему, занимаютъ между ними первое мѣсто.

Свидѣтельство о свадебныхъ пѣсняхъ въ древности мы находимъ у Володимера Мономаха, въ письмѣ его къ Олегу Святославичу, послѣ сраженія, въ которомъ убитъ былъ сынъ Монамаховъ, Изяславъ. Ты долженъ бы «къ Богу покаятися, а ко мнѣ грамотку утѣшительную (написати)... а сноху мою послати ко мнѣ, зане нѣсть въ ней ни зла, ни добра, да быхъ обуимъ оплакалъ мужа ея, и оны сватьбы ею, *пѣсній мѣсто:* не видѣхъ бо первѣе радости, ни вѣнчанья ею, за грѣхи своя.»

«Плясаніе, гуденіе и плесканіе,» вмѣсто священнаго обряда, осуждается еще въ правилѣ митрополита Іоанна II.

Древняя Русская свадьба есть цѣлая поэма въ дѣйствіи, состоящая изъ знаменательныхъ обрядовъ, съ присоединеніемъ множества разнообразныхъ пѣсенъ, которыя живо представляютъ величіе древней Русской семейной жизни.

Исчислимъ ея составныя части по Сахарову.

Приготовленія къ свадьбѣ: благословеніе жениха; выборъ невѣсты; смотръ; нареканіе вѣнценосной невѣсты. — Наряды къ свадьбѣ: тысяцкій и тысяцкаго жена; посаженый отецъ и посаженая мать; дружки; свахи; выдающій молодую; вскрывающій молодую; поѣзжане; бояре и боярыни сидячія; конюшій; ясельничій; свѣчники; фонарщики; коровайщики; мовники; носильщики — съ ковромъ, съ подножіями, съ скляницею, съ платьемъ къ бани, съ скамейкою; держащіе: осыпало, чару, требень, сороки соболей; сидѣльщикъ на княжьемъ мѣстѣ. — Наряды въ избѣ: мѣсто чертожное; столы; размѣщеніе гостей; осыпало; свѣчи; фонари; короваи. — Сѣнникъ: уборка стѣнъ; постеля; кадь; оловянники; оберегатели. — Кушанья: короваи; вины; перепеча; каша; куря. — Сборъ въ палатѣ: выходъ жениха; посылка за невѣстою; выходъ невѣсты; посылка отъ посаженаго отца за женихомъ; чесаніе головы; опахиваніе; подарки. — Поѣздъ къ вѣнчанію: выходъ изъ палаты; аргамакъ; сани; поѣздъ къ церкви; обряды. — Поѣздъ отъ вѣнчанія: шествіе въ палату: столованіе; выходъ въ сѣнникъ; выдача невѣсты; кормленіе; вскрытіе невѣсты. — Второй день свадьбы: мыльня; кормленіе новобрачныхъ «разсылка каши; поздравленія; пированіе княжое; зовъ; дары. — Третій день свадьбы: пированіе; награды.

Вотъ одно старинное описаніе свадьбы съ явными слѣдами язычества: «се слышимъ нѣкое небоугодное дѣло, наипаче же мерзко и студно, яже творять христіане, отъ діавола научени суще. Егда же убо у нихъ бракъ совершается, и готовлена храмина бываетъ, жениху съ невѣстою, идѣже ложу быти, и постилаютъ подъ нихъ класы, рекше снопове съ зернами... Какъ прідетъ женихъ по невѣсту, и свахи жениха съ невѣстою вмѣстѣ за навѣсомъ сажаютъ, и *съ невѣ-*

сту снемъ шапку на жениха надѣваютъ, а мужскую шапку на невѣсту; и свѣщами со огнемъ волхвуютъ кругъ главы съ четырехъ странъ, и трижды къ главѣ притыкаютъ, и въ зеркало смотрить велятъ. Да у того же жениха тѣ же свахи гребнемъ голову чешутъ; да ины вражьи есть затѣи: *кругъ стола всѣмъ поѣздомъ ходятъ;* а какъ крутятъ невѣсту, и покроютъ ее пеленою, и учнутъ хмѣлемъ осыпати. И какъ прійдетъ женихъ съ невѣстою и съ поѣздомъ своимъ, такъ бабу поставятъ на кадь, и облекутъ на нее шубу выворотя (!)... и станетъ та баба всѣхъ людей хмѣлемъ осыпать, и въ то время вси шапки подставливаютъ. Да отъ вѣнчанія женихъ приходитъ съ невѣстою на подклѣть, а не за столъ, какъ не во истинныхъ крестьянѣхъ ведется, по христіанскому обычаю, а не по странному сему дѣянію. И тамо принесутъ имъ курицу жареную, и *женихъ возьметъ за ногу, а невѣста за другую, и учнутъ тянути ея разно, и приговаваютъ* скверно, еже нѣсть мочно и писанію вдати. *Тако врагъ научилъ дѣйствовати старыхъ колдуновъ, бабъ и мужиковъ, и женихъ съ невѣстою, по ихъ наученію, и неволею тако творятъ,* и яди той зѣло ругаютца. Да еще къ нимъ приносятъ тутъ же на подклѣть каши, и *они кашу черпаютъ и за себя мечутъ.* Все тое есть бѣсовское дѣйство. Да когда женихъ съ невѣстою пребываютъ, ино таково скверно и зазарно вельми зрѣти: понеже странно не токмо рещи, но и помыслити...»

Предложимъ нѣсколько пѣсенъ, замѣчательныхъ, какъ по древности языка, такъ и по указаніямъ на обычаи, на нравственныя отношенія.

Со *вѣномъ* я хожу,
Съ животомъ я хожу;
Мнѣ куда будетъ *вѣна* положить?
Мнѣ куда живота положить?
Положу я *вьюна*, положу живота,
Ужъ я Павѣ на поволоку,
Свѣтъ Андреевнѣ на паволоку,
Красной дѣвицѣ на правое плечо.

Чѣмъ мнѣ *вѣна выкупать*?
Чѣмъ живота выкупать?
Ужъ я дамъ ли, ужъ дамъ за вѣна
Три *гривны серебряныя*, и проч.

Ты камочка, камочка моя,
Ты камка мѣлкотравчатая!
Не давайся развертываться,
Ни по атласу, ни по бархату,
Ни по *аксамиту* на золотѣ.
Какъ аксамитъ-то волю взялъ,
Хрущату камку развернулъ,
Всѣ узоры высмотрѣлъ,
Всѣ круги позолоченые.
Ты Машенька Ефимовна,
Не давайся насматриваться
Ни купцамъ, ни чернавцамъ,
Ни тому *сыну боярскому.*
Какъ боярской сынъ волю взялъ,
Онъ Машеньку за ручку бралъ,
Онъ Ефимовну за бѣлую,
Онъ повелъ за дубовый столъ,
За скатерти браныя,
За яства сахарныя.

Что Ефимовъ дворъ-*море*,
Что Гавриловичевъ дворъ-море,
Что круты берега—его тесаный *теремъ*,
Что сильны вѣтры—его крѣпки стражи.
А у него на морѣ бѣлая рыбица,
Машенька Ефимовна.
Ловили ловцы,
Купцы молодцы;
Тѣ ловцы неудальцы:
Невода у нихъ не шелковые,
Крючья у нихъ не серебряные.

Что Ефимовъ дворъ—море,
Что Гавриловичевъ дворъ—море,

Что круты берега —его тесаный теремъ,
Что сильны вѣтры—его крѣпки стражи,
А у него на морѣ бѣлая рыбица,
Машенька Ефимовна.
Ловили ловцы,
Бояре молодцы;
Тѣ ловцы всѣ удальцы:
Невода у нихъ шелковые,
Крючья у нихъ серебряные.
Поймали они бѣлую рыбицу,
Поймали Марью Ефимовну,
Поймавши, за столъ сажали
Со Петромъ да Петровичемъ.

Какъ у Ефима на дворѣ
Выростало деревцо кипарисное,
На то ли деревцо соловьямъ былъ слетъ,
Молодымъ былъ слетъ.
Какъ ко Ефиму во теремъ
Былъ *боярамъ* съѣздъ.
Какъ у Ефима то дитя,
Марья, душа, Ефимовна,
Умное, разумное,
Вѣжливое, привѣтливое.
По утру встанетъ ранешенько,
Умоется бѣлымъ-бѣлешенько,
Одѣнется чистымъ-чистешенько,
Помолится Богу низешенько.
Ужъ про то ли бояре прослышали,
Ужъ про то ли провѣдали;
Пріѣхали ко Ефиму во теремъ,
Ко Гавриловичу во высокъ,
Хотятъ ее съ собою взять:
Не близко, не далеко,
Во Божью церковь,
Съ молодымъ княземъ рядомъ поставити,
Со Петромъ Петровичемъ,
Золоты вѣнцы положити.

У Ивана у Петровича
Новыя сѣни разрѣшетилися,
Новыя крылечки понавѣсилися;
Что изъ тѣхъ ли, изъ новыхъ сѣней,
Вылетала пташечка, перепелычка,
Перепелычка свѣтъ Аннушка,
Златокрылая Ивановна и проч.

Стоитъ на горѣ бѣлъ шатеръ,
Шатеръ бѣлъ полотнянъ,
Во томъ ли во шатрѣ спалъ-почивалъ
Иванъ, господинъ, Петровичъ.
Его будили молодцы,
Будили, побуживали:
Ты встань, пробудись
Иванъ, сударь, Петровичъ!
Какъ у насъ ли на морѣ,
Какъ у насъ ли на синемъ
Корабль плыветъ,
Корабль съ чистымъ серебромъ.
Ой вы, братцы молодцы,
Вы товарищи мои!
Этого добра много въ домѣ у меня.

Стоитъ на горѣ бѣлъ шатеръ,
Шатеръ бѣлъ, полотнянъ,
Во томъ ли во шатрѣ спалъ-почивалъ
Иванъ, господинъ, Петровичъ.
Его будили молодцы,
Будили, побуживали:
Ты встань, пробудись
Иванъ, сударь, Петровичъ:
Какъ у насъ ли на морѣ,
Какъ у насъ ли на синемъ,
Корабль плыветъ,
Корабль съ краснымъ золотомъ.
Ой вы, братцы молодцы,
Вы, товарищи мои!
Этого добра много въ домѣ у меня.

Стоитъ на горѣ бѣлъ шатеръ,
Шатеръ бѣлъ, полотнянъ,
Во томъ ли во шатрѣ спалъ-почивалъ
Иванъ, господинъ, Петровичъ,
Его будили молодцы,
Будили побуживали:
Ты встань пробудись,
Иванъ, сударь, Петровичъ!
Какъ у насъ ли на морѣ,
Какъ у насъ ли на синемъ,
Корабль плыветъ,
Корабль съ красной дѣвицей,
Машенькой, душей Ивановной.
Ой вы, братцы молодцы,
Вы, товарищи мои!

Этого добра нѣтъ у меня.
И мы встанемъ-те, пойдемъ-те,
Къ себѣ въ домъ его перейметъ-те.

Нетесанъ теремъ нетесанъ,
Только хорошо украшенъ,
Разными красками разцвѣченъ.
Не ученъ Лука, не ученъ Ивановичъ,
Только хорошо снаряженъ;
Снаряжала его матушка,
Отпускала его въ гости къ тещенкѣ.
Зеленъ-сосенька, желтый цвѣтъ!
Почто тебя, Лука, дома нѣтъ,
Почто тебя, Ивановичъ, дома нѣтъ?
Ждала я тебя день, ждала другой,
Не бывалъ, писала-бъ письмо, не умѣю,
Послала-бъ посла, не смѣю;
Сама-бъ я пошла, стыжуся,
Роднаго батюшки боюся,
Родной матушки кроюся.
Ты заря-ль моя, зорюшка,
Ты душа-ль моя, Просковьюшка,
Ты душа-ль моя, Андреевна.
Городомъ прошла зарею,
Ко двору пришла тучею,
Ударила въ ворота бурею,
Пустила по двору сильный дождь,
Сама поплыла уткою,
На крыльцо взошла павою,
Во новы сѣни лебедемъ,
Во высокъ теремъ соколомъ,
Садилась за столъ съ молодцомъ,
Махнула платкомъ во теремъ.
Вы раздайтеся бояре,
Разступитеся дворяне!
Чѣмъ меня батюшка жалуетъ?
Небольшимъ даромъ—теремомъ.
Чѣмъ меня матушка жалуетъ?
Вѣдь большимъ даромъ—женихомъ,
Вѣковымъ дружкомъ Лукой,
Вѣковымъ дружкомъ Ивановичемъ.

Пойду млада по двору,
Взгляну млада по морю:
Какой по морю рай плыветъ,
По синему *раюшка* плыветъ?
Ахъ, ты, Анна Петровна свѣтъ!
Сойди же ты съ терема высокаго,
Поймай, поймай раюшка дружка.
На что же мнѣ раюшка?
У меня есть ладушка,
Свѣтъ сударь, Иванъ Андреевичъ.

Соболемъ Прасковьюшка всѣ лѣса прошла,
Крыла лѣса, крыла лѣса чернымъ бархатомъ,
Въ путь катила, въ путь катила золотымъ кольцомъ,
Прикатила, прикатила ко синю морю,
Всвиснула, взгаркнула громкимъ голосомъ:
Кто у насъ на морѣ перевощикомъ?
Кто бы меня, кто бы меня, дѣвицу,
Кто бы меня перевезъ на ту сторону?
Гдѣ ни взялся, гдѣ ни взялся Иванъ господинъ.
Я тебя, Прасковьюшка, перевезу на ту сторону;
Я за тобою, за тобою корабль пришлю,
Корабль пришлю, судно крѣпкое, колыхливое.
Не присылай за мной судна крѣпкаго, колыхливаго:
Я у батюшки дитя пугливое, торопливое.
Я за тобою, я за тобою самъ прилечу,
Самъ прилечу, подъ крыломъ унесу, и проч.

Ужъ какъ по морю, морю,
По *синему морю Хвалынскому,*
Что плыла сѣра утица,
За собой вела селезня,
Молодаго, хохлатаго,
Хохлатаго, мохнатаго.
Ужъ какъ ей утушкѣ завидовали,
Ужъ и ей, сѣрой, завидовали:
Ай да наша утушка!
Ай да наша сѣрая!
Вотъ какого нашла себѣ селезня,
Селезня молодаго, хохлатаго!

А и тутъ говоритъ утушка,
А и тутъ говоритъ сѣрая:
Не завидуйте утушки,
Не завидуйте сѣрыя!
И у васъ будутъ селезни,
Селезни еще лучшіе.
Ужъ, какъ по терему, терему,
Шла-прошла Машенька,
Шла-прошла свѣтъ Ефимовна,
За собой вела молодца,
Молодца хорошаго.
Какъ ей дѣвушки завидовали:
Добро тебѣ Марьюшка,
Добро тебѣ, свѣтъ Ефимовна:
Что нашла себѣ молодца,
Молодца хорошаго!
А и тутъ говорила Машенька,
А и тутъ говорила Ефимовна:
Не завидуйте дѣвушки,
Не завидуйте красныя!
И вамъ будутъ молодцы,
Молодцы еще лучшіе.
Тогда вамъ не позавидую,
И позавидовать не вздумаю,
А порадуюсь радостью,
Поѣду за вами въ поѣзжаныя.

Долго по долгу соколъ не летитъ,
Знать что соколъ за лѣсъ залетѣлъ.
Долго по долгу къ намъ Петра нѣтъ.
Ѣдетъ Петръ-то, ѣдетъ Петръ-то,
Ѣдетъ Васильевичъ на ворономъ конѣ.
Конь подъ нимъ словно звѣрь лютой,
Грива у коня златомъ перевита,
Хвостъ у коня какъ лютая змѣя,
Самъ на конѣ, самъ на конѣ,
Какъ соколъ на рукѣ.
Разыгрался, разыгрался Петровъ-то конь,
Разыгрался, разыгрался Васильевичевъ конь,
Онъ перескочилъ черезъ тынъ въ зеленъ садъ,
Переломилъ, переломилъ,
Переломилъ онъ желѣзную тынь,
Отломилъ онъ у яблони сукъ,
Отломилъ, отломилъ,
Отломилъ у кудрявыя сукъ.
Возговоритъ свѣтъ-Василій господинъ,
Возговоритъ свѣтъ Васильевичъ:
Кто безъ меня въ зеленомъ саду былъ?
Кто желѣзную тынь переломилъ?
Кто безъ меня у яблони сукъ сломилъ?
Кто безъ меня у кудрявыя сукъ сломилъ?
Возговоритъ свѣтъ-Петръ господинъ,
Возговоритъ свѣтъ Васильевичъ:
Я безъ тебя во зеленомъ саду былъ,
Я безъ тебя желѣзну тынь сломилъ,
Я безъ тебя у яблони сукъ сломилъ.
Я безъ тебя у кудрявыя сукъ сломилъ.

Долго по долгу соколъ не летитъ,
Знать что соколъ за лѣсъ залетѣлъ;
Долго по долгу къ намъ Петра нѣтъ.
Ѣдетъ Петръ-то, ѣдетъ Петръ-то.
Ѣдетъ Васильевичъ на ворономъ конѣ,
Конь подъ нимъ словно звѣрь лютой,
Грива у коня златомъ перевита,
Хвостъ у коня, какъ лютая змѣя,
Самъ на конѣ, самъ на конѣ,
Какъ соколъ на рукѣ.
Разыгрался, разыгрался Петровъ-то конь,
Разыгрался, разыгрался,
Разыгрался Васильевичевъ конь,
Расшаталъ дубовы вереи,
Разогналъ красныхъ дѣвушекъ,
Душу Пашеньку съ собою взялъ.
Возговоритъ свѣтъ-Василій господинъ,
Возговорилъ свѣтъ Васильевичъ:
Кто безъ меня въ домѣ былъ?
Кто безъ меня верешки расшаталъ?
Кто безъ меня красныхъ дѣвушекъ разогналъ?
Кто безъ меня Прасковьюшку взялъ?
Возговоритъ свѣтъ-Петръ господинъ,
Возговоритъ свѣтъ Васильевичъ:
Я безъ тебя въ домѣ былъ,
А мой конь верешки расшаталъ,
Я безъ тебя красныхъ дѣвушекъ разогналъ.
Я безъ тебя Прасковьюшку душу взялъ.

Ужъ, ты гдѣ былъ-побывалъ,
Свѣтъ нашъ Тысяцкій воевода,
Ужъ гдѣ ты былъ-побывалъ,
Свѣтъ Иванъ Ивановичъ, воевода?—
Я былъ - побывалъ,
(Во каменной Москвѣ).
А что же ты, воевода, подѣлывалъ?—
Я дѣвицы тамъ торговалъ,
Я красныя тамъ торговалъ.
А чѣмъ же ты торговалъ?
А чѣмъ же ты за товаръ бралъ?—
Я торговалъ дорогими парчами,
Я бралъ не кунами, не черными соболями,
Я бралъ все со русыми со косами,
Я бралъ со дѣвичьими красотами.

Матушка, что во полѣ пыльно,
Сударыня, что во полѣ пыльно?—
Дитятко, кони разыгрались,
Свѣтъ мое милое, кони разыгрались.
Матушка, на дворъ гости ѣдутъ,
Сударыня, на дворъ гости ѣдутъ?—
Дитятко, не бойся, не выдамъ,
Свѣтъ мое милое, не бойся, не выдамъ.
Матушка, на крылечко гости идутъ,
Сударыня, на крылечко гости идутъ?—
Дитятко, не бойся, не выдамъ,
Свѣтъ мое милое, не бойся, не выдамъ.
Матушка, въ нову горницу идутъ,
Сударыня, въ нову горницу идутъ?—
Дитятко не бойся, не выдамъ,
Свѣтъ мое милое, не бойся, не выдамъ.
Матушка, за дубовый столъ садятся,
Сударыня, за дубовый столъ садятся?--
Дитятко, не бойся, не выдамъ,
Свѣтъ мое милое, не бойся, не выдамъ.
Матушка, образъ со стѣны снимаютъ,
Сударыня, образъ со стѣны снимаютъ?—
Дитятко, не бойся, не выдамъ,
Свѣтъ мое милое, не бойся, не выдамъ.
Матушка, меня благословляютъ,
Сударыня, меня благословляютъ?—
Дитятко, Господь Богъ съ тобою,
Свѣтъ мое милое! Господь Богъ съ тобою!

Какъ у мѣсяца золоты рога,
А у солнышка лучи ясные,
У Ивана кудри русыя,
У Алексѣевича по плечамъ лежатъ,
По его плечамъ могучіимъ.
Соѣзжалися князья и бояры,
Дивовалися на это дитя!
Еще чье это дитя милое?
Хорошо очень вспорожено.
Да не солнушко-ли вспородило?
Не свѣтель-ли мѣсяцъ вспоилъ, вскормилъ?
Не частыя-ль звѣзды взлелеяли?
Возговоритъ дитя милое:
Ужъ вы, князья, бояре,
Вы разумные, люди добрые!
Вспородила меня родна матушка,
Вскормилъ, вспоилъ родной батюшка,
Возлелѣяли мамки, нянюшки,
Завила кудри сестра милая.

Ты взойди, Анна-душа, на новы сѣни,
Ты взойди, Михайловна, да на новыя!
Посмотри Анна-душа, во чисто поле,
Посмотри, Михайловна, да во чистое:
Сколь силёнъ ѣдетъ Иванъ та князь.
Сколь силёнъ ѣдетъ Александровичь!
По одну сторону пятьдесятъ человѣкъ,
По другую сторону еще пятьдесятъ.
Глядючи Анна душа испугалася,
Глядючи Михайловна испугалася.
Защатри, батюшка, шатромъ ворота!
Занавѣсь, матушка, камкою терёмъ!
Оберните, сестрицы, меня полотномъ!
Ѣдучи Иванъ та князь похваляется,
Ѣдучи Александровичъ похваляется:
Быть, быть шатру да разломанному,
Быть, быть камкѣ да разодранной,
Быть, быть Аннѣ душѣ во полонъ взятой,
Быть, быть Михайловнѣ во полонъ взятой.

Не бывать бы вѣтрамъ, да повѣяли,
Не бывать бы боярамъ, да понаѣхали,
Травушку, муравушку, притолочили,
Гусей, лебедей поразогнали,

Красныхъ дѣвушекъ поразослали,
Красную Анну душу въ полонъ взяли,
Красную Михайловну въ полонъ взяли.
Стала тужить-плакати Анна душа,
Стала тужить-плакати Михайловна.
Сталъ унимать-разговаривати да Иванъ та князь,
Сталъ унимать-разговаривати Александровичъ:
Не плачь, не тужи, свѣтъ Анна душа!
Не плачь, не тужи, Михайловна!
Я тебя, Анна душа, да не силой бралъ.
Якъ тебя, Михайловна, не неволею.
Билъ челомъ, кланялся твоему батюшкѣ,
Билъ челомъ, кланялся твоей матушкѣ,
Снявъ шапку, снявъ шапку соболиную,
Распустивъ полы сарачинскія,
Износилъ кафтанъ китайчатой,
Все до тебя, Михайловна, доступаючи.

Какъ на синемъ на морѣ,
Что-ль на бѣломъ камени,
Строила Анна душа,
Строила Ивановна,
Строила себѣ широкій дворъ,
Со высокіимъ теремомъ.
Строючись она похвалялася,
Похвалою великою,
Что-ль не взять моего широка двора,
Со высокіимъ теремомъ,
Что-ль ни стомъ, ни тысячей,
Что-ль ни *стольнымъ городомъ*,
Что-ль ни славнымъ *Кіевомъ*.

Какъ услышалъ ту
Похвалу великую
Иванъ князь, да Ивановичъ,—
Не хвалися Анна душа,
Не хвалися Ивановна,
Своимъ широкимъ дворомъ,
Со высокіимъ теремомъ;
Я возьму твой широкій дворъ,
Со высокіимъ теремомъ,
Я безъ ста, безъ тысячи,
Я безъ стольна города,
Я безъ славна Кіева.
Я возьму твой широкій дворъ,
Со высокіимъ теремомъ,
Я самъ-другъ со священникомъ,
Самъ-третей со діакономъ,
Самъ-четвертъ со тысяцкимъ,
Самъ шестой со боярами,
Самъ восьмой со дружками,
Самъ девятъ со свахою,
Да тебя десятую,
Душу красну дѣвицу,
Да что-ль Анну Ивановну!

Ахъ, вы гуси,
Ахъ, вы лебеди,
Вы куды, гуси, летали?
А мы ужъ летали, летали:
Съ моря да на море.
Да ужъ что вы гуси видѣли?
Сѣру утицу на морѣ.
Для чегожъ вы ее не взяли?
Хотя мы ее не взяли,
Крылья, перья вонъ повыщипали,
Горючую кровь пролили;
Ужъ теперь же она наша.

Вы князья, вы бояре,
Вы куды князья ѣздили?
А мы ѣздили, ѣздили,
А мы изъ города въ городъ.
Ужъ и что князья видѣли?
А мы видѣли, видѣли,
Душу Полиньку въ теремѣ,
Свѣтъ Тарасьевну въ высокомъ.
Для чего-жъ вы ее не взяли?
Хоть мы ее не взяли,
По рукамъ ударили:
Быть сговору, дѣвишнику,
Быть дѣвьчьему вечеру.
Мы русу косыньку расплели,
Мы по плечикамъ распустили,
Ужъ теперь она наша стала.

Ахъ вы дѣвки, дѣвушки,
Голубины гнѣздышки!
Много васъ посѣяно,
Да не много выросло:
Одно поле *Кіевско*,
А другое *Черниговско*.
Промежъ тѣхъ двухъ полей,

Не *лебедь* вскликала,
Не *куна* взыграла,
Да что-ль Анна всплакала,
Что-ль Ивановна всплакала,
По своей русой косѣ,
Что-ль по красной-то красотѣ:
Ты коса-ль, краса моя,
Коса безкручинная,
Коса безпечальная!
Какъ вчера русу косу
Въ парной бани парили,
А сегодня русу косу,
Подъ вѣнецъ поставили,
Женою называли:
Женою Ивана князя,
Женою Ивановича.

Прочія пѣсни связаны большею частію съ праздниками, имѣющими начало еще во времена язычества. Они подверглись вліянію христіанства, и заключаютъ нынѣ совершенное смѣшеніе понятій. Первоначальное значеніе многихъ обрядовъ пропало, и можетъ быть отыскано развѣ путемъ изслѣдованій.

Главные праздники были слѣдующіе: коледа и святки, авсень, красная горка, радуница, семикъ, троицынъ день, русальная недѣля, купальница и купало, ярило и проч.

Коледа отправлялась 24 декабря. «На навечеріи Рождества Христова и Крещенія,» сказано въ Стоглавѣ «сходятся мужи и жены на нощное плещованіе, игры и глумленіе, и бѣсовскія пѣсни.»

Поется и въ пѣснѣ:

Уродилась коледа
Наканунѣ Рождества,

Значеніе этого древняго праздника позабылося: нынѣ осталось отъ него только пѣніе особыхъ пѣсенъ подъ окнами домовъ, съ прошеньемъ о наградѣ. Нѣкоторые соединяютъ коледу съ общимъ у Скандинавовъ праздникомъ Іольскимъ, который съ переряживаніемъ, какъ нынѣ у насъ на святкахъ, отправлялся и въ Константинополѣ, около того же времени, по описанію Императора Константина Багрянороднаго.

Приведемъ нѣсколько пѣсенъ съ явными признаками древности.

Виноградье красно, почему спознать:
Что Устиновъ домъ Малафеевича,
Что у его двора все шелкова трава,
Что у его двора все серебряный тынъ,
Ворота у него дощатыя,
Подворотички *рыбья зубья.*
На дворѣ у него да три *терема:*
Во первомъ терему да свѣтелъ мѣсяцъ,
Во второмъ терему красно солнышко,
Во третьемъ терему часты звѣзды;
Что свѣтелъ мѣсяцъ, то Устиновъ домъ,
Что красно солнце, то Улита его,
Что часты звѣзды, малы дѣтушки.
Да дай Боже Устину Малафеевичу
Съ борзыхъ коней сыновей женить.
Да дай Боже, Устинеѣ Ховроньевнѣ
Съ высока терема дочерей выдавать.
Подари, государь, *колядовщиковъ.*
Наша коляда ни рубль, ни полтина,
А всего полъ-алтына.

За рѣкою, за быстрою
Ой колюдка! ой колюдка!
Лѣса стоятъ дремучіе.
По тѣмъ лѣсамъ огни горятъ,
Огни горятъ великіе.
Вокругъ огней скамьи стоятъ,
Скамьи стоятъ дубовыя.
На тѣхъ скамьяхъ добры молодцы,
Добры молодцы, красны дѣвицы,
Поютъ пѣсни *колядушки.*
Ой колюдка, ой колюдка!
Въ срединѣ ихъ старикъ сидитъ,
Онъ точитъ свой булатный ножъ.
Котелъ кипитъ горючій

Возлѣ котла козелъ стоитъ.*
Хотятъ козла зарѣзати
Ой колюдка, ой колюдка!
Ты братецъ Иванушка,
Ты выди, ты выпрыгни!
Я радъ бы выпрыгнуть
Горючь камень
Къ котлу тянетъ,
Желты пески
Сердце высосали.**
Ой колюдка, ой колюдка!

По Дунаю, по рѣкѣ,
По бережку по крутому,
Лежатъ гусли неналаженныя
Коляда!
Кому *гусли* налаживати?
Коляда!
Наладить гусли
Зензевею Андреяновичу.
Коляда!

Зензевея дома нѣтъ:
Онъ уѣхалъ въ *Царь городъ*
Суды судить, *ряды рядить*.
Коляда!
Онъ женѣ-то шлетъ
Кунью шубу.
Коляда!
Сыновьямъ-то шлетъ
По добру коню.
Коляда!
Дочерямъ-то шлетъ
По черну *соболю*.
Коляда!

Изъ святочныхъ пѣсенъ, что поются до сихъ поръ, среди гаданія, вотъ примѣчательныя и вмѣстѣ самыя распространенныя:

И я золото хороню, хороню,
Чисто серебро хороню, хороню,
Я у батюшки въ *терему*, въ терему,
Я у батюшки въ высокомъ, въ высокомъ.
Палъ, палъ перстень
Въ калину, въ малину,
Въ черную смородину.
Гадай, гадай дѣвица, отгадывай красная!
Въ коей рукѣ былица, (*Змѣиная крылица*)?
И я рада бы гадала,
И я рада бы отгадывала,
Кабы знала, кабы вѣдала,
Чрезъ поле *идучи*,
Русу косу *плетучи*,
Шелкомъ *первиваючи*,
Златомъ *приплетаючи*.*
Ахъ вы кумушки, вы голубушки
Вы скажите, не утайте,
Мое золото отдайте;
Меня мати хочетъ бити,
По три утра, по четыре,
По три прута золотые,
Четвертымъ жемчужнымъ.
Еще дѣвицы гадали,
Еще красныя гадали,
Да не отгадали,
Палъ, палъ перстень
Въ калину, малину,
Въ черную смородину.
Очутился перстень
Да у *боярина*, да у молодаго,
На правой на ручкѣ,
На маломъ мизинцѣ.
Еще дѣвицы гадали,
Да не отгадали,
Еще красныя гадали,
Да не отгадали.
Наше золото пропало,
Чистымъ порохомъ запало,
Призаиндивѣло, призаплѣснивѣло.
Молодайка отгадай-ка!

---

* Вѣроятно жертвенный.

** Здѣсь изображается жертвоприношеніе, по замѣчанію Г. Снегирева: въ насыпанный песокъ, у сѣверныхъ народовъ, изливалась кровь жертвы; это выражается въ пѣснѣ словами: пески сердце высосали.

* Въ иныхъ мѣстахъ вставляются здѣсь еще слѣдующіе стихи:
Куда утка шла,
Туда пыль прошла.
Куда я молода,
Туда рожь густа.

Идетъ кузнецъ изъ кузницы,
Слава!
Несетъ кузнецъ три молота,
Слава!
Кузнецъ, кузнецъ! ты скуй мнѣ вѣнецъ,*
Слава!
Ты скуй мнѣ вѣнецъ и золотъ и новъ,
Слава!
Изъ остаточковъ золотъ перстень,
Слава!
Изъ обрѣзочковъ булавочку,
Слава!
Мнѣ во томъ вѣнцѣ вѣнчатися,
Слава!
Мнѣ тѣмъ перстнемъ обручатися,
Слава!
Мнѣ тою булавочкою убрусъ притыкати,
Слава!

Растворю я квашенку на донышкѣ,
Слава!
Я покрою квашенку чернымъ *соболемъ*,
Слава!
Опояшу квашенку яснымъ золотомъ,
Слава!
Я поставлю квашенку на столбичкѣ,
Слава!
Ты взойди, моя квашенка, съ краями ровна,
Слава!
Съ краями ровна, и со всѣмъ полна,
Слава!

Жемчужина окатная,
Слава!
До чего тебѣ докатитися?
Слава!
Пора тебѣ выкатитися,
Слава!
Князьямъ и *боярамъ* на шапочку.
Слава!

---

* Кузнецомъ—золотыхъ дѣлъ мастеръ назывался только въ древности.

Слава Богу на небѣ,*
Слава!
Государю нашему на сей землѣ,
Слава!
Чтобъ нашему государю нестарѣться,
Слава!
Его цвѣтному платью не изнашиваться
Слава!
Его добрымъ конямъ не изъѣзживаться,
Слава?
Его вѣрнымъ слугамъ не измѣниваться
Слава!
Чтобы правда была на Руси,
Слава!
Краше солнца свѣтла,
Слава!
Чтобы Царева золота казна,
Слава!
Была вѣкъ полнымъ полна,
Слава!
Чтобы большимъ то рѣкамъ,
Слава!
Слава неслась до моря,
Слава!
Малымъ рѣчкамъ до мельницы,
Слава!
Эту пѣсню мы хлѣбу поемъ,
Слава!
Хлѣбу поемъ, хлѣбу честь воздаемъ.
Слава!
Старымъ людямъ на потѣшеніе,
Слава!
Добрымъ людямъ на услышаніе,
Слава!

Капунъ новаго года, Васильевъ вечеръ, богатый вечеръ, прозывается еще по мѣстамъ *авсенемъ*, овсенемъ, усенемъ, таусенемъ, и соединяется иногда съ коледою. По замѣчанію Г. Снегирева Великорусскій авсень, древній земледѣльческій праздникъ.

---

* Въ этой пѣснѣ древняго остался вѣроятно только складъ, а выраженія всѣ поновленныя.

Ему соотвѣтствуетъ прообразовательный обрядъ обсѣванія на свадьбахъ, и послѣ, даже при вѣнчаніи на царство Русскихъ Государей.

Вотъ двѣ изъ особыхъ пѣсенъ, принадлежащихъ къ этому празднику:

Ай во борѣ, борѣ,
Стояла тамъ сосна,
Зелена кудрява,
Ой овсень! ой овсень!

Ѣхали бояре,
Сосну срубили,
Дощечки пилили,
Мосточикъ мостили,
Сукномъ устилали,
Гвоздьми обивали.
Ой овсень! ой овсень!

Кому жъ, кому ѣхать
По тому мосточку?
Быть тамъ овсеню
Да новому году.
Ой овсень! ой овсень!

Походи, погуляй,
По святымъ вечерамъ,
По весёлымъ теремамъ!
Ой овсень! ой овсень!

Посмотри, погляди,
Ты взойди, посѣти
Къ Филимону на дворъ,
Ой овсень! ой овсень!

Посмотрѣлъ, поглядѣлъ,
Ты нашелъ, ты взошелъ,
Къ Филимону на дворъ.
Ой овсень! ой овсень!

Какъ въ срединѣ (Москвы),
Здѣсь вороты красны,
Вереи всѣ пестры.
Ой овсень! ой овсень!

Филимоновъ весь дворъ
Обведенъ, за тыненъ
Кипарисньшъ тыномъ
Ой овсень! ой овсень!

Филимоновъ то тынъ.
Серебромъ обложенъ,
Позолотой увитъ!
На дворѣ у Филимона
Три теремчика стоятъ:
И свѣтлѣньки и красненьки.
Золотые терема!
Первый теремъ—Свѣтелъ мѣсяцъ;
Другой теремъ—Красно солнце;
Третій теремъ—Часты звѣзды.
Свѣтелъ мѣсяцъ—Хозяинъ нашъ,
Красно солнце—Жена его,
Часты звѣзды—Ихъ дѣтушки.
Ой овсень! ой овсень!

Красная горка—Ѳомина недѣля, Ѳоминъ понедѣльникъ, вторникъ. Вѣроятно этотъ праздникъ назывался отъ мѣста, гдѣ былъ первоначально отправляемъ. До сихъ поръ играются свадьбы преимущественно на красную горку.

Съ этого дня начинаются игры хороводныя, со множествомъ древнихъ разнообразныхъ пѣсенъ безъ сомнѣнія. Главная пѣсня—это объ сѣяніи проса, которая ясно происходитъ съ юга.

1 А мы *просо* сѣяли, сѣяли,
Ой *Дидъ, Ладо*, сѣяли, сѣяли!
2 А мы просо вытопчемъ, вытопчемъ,
Ой Дидъ, Ладо, вытопчемъ, вытопчемъ.
1 А чѣмъ же вамъ вытоптать, вытоптать,
Ой Дидъ, Ладо, вытоптать, вытоптать?
2 А мы коней выпустимъ, выпустимъ,
Ой Дидъ, Ладо, выпустимъ, выпустимъ.
1 А мы коней переймемъ, переймемъ,
Ой Дидъ, Ладо, переймемъ, переймемъ.
2 А чѣмъ же вамъ перенять, перенять,
Ой Дидъ, Ладо, перенять, перенять?
1 Шелковымъ поводомъ, поводомъ,
Ой Дидъ, Ладо, поводомъ, поводомъ.
2 А мы коней выкупимъ, выкупимъ,
Ой Дидъ, Ладо, выкупимъ, выкупимъ.
1 А чѣмъ же вамъ выкупить, выкупить,
Ой Дидъ, Ладо, выкупить, выкупить?

2 А мы дадимъ сто рублей, сто рублей,
Ой Дидъ, Ладо, сто рублей, сто рублей.
1 Не надо намъ тысячи, тысячи,
Ой Дидъ, Ладо, тысячи.
2 А чтоже вамъ надобно, надобно,
Ой Дидъ, Ладо, надобно, надобно?
1 Намъ-то надобно дѣвицу, дѣвицу,
Ой Дидъ, Ладо, дѣвицу, дѣвицу!
2 А нашего полку убыло, убыло
Ой Дидъ, Ладо, убыло, убыло!
1 А нашего полку прибыло, прибыло,
Ой Дидъ, Ладо, прибыло, прибыло!

Вторая пѣсня, столько же общая, это—плетень.

Заплетися плетень, заплетися,
Ты завейся, труба золотая,
Завернися камка крущатая!
Изъ-за горъ дѣвица утей выгоняла:
Тига, утушка, домой!
Тига, сѣрая, домой!
. . . . ,
Разплетися плетень, разплетися, и т. д.

Заинька бѣленькой!
Хожу я по хороводу
Гляжу я, смотрю я,
По всему народу,
. . . .
Ищу себѣ *ладу* милую.
Нашелъ я, нашелъ я
Себѣ ладу милую.
Будь ты мнѣ лада невѣстой,
А я тебѣ женихомъ и проч.

Ты не пой соловей,
Ты не пой молодой,
При долинѣ,
Ты не вей гнѣзда,
Ты не вей гнѣзда,
При *теремѣ*.
Какъ во теремѣ дѣвица
Дорогой коверъ вышиваетъ;
Она *золотомъ коверъ вышивала*,
Она жемчугомъ коверъ унизала.
Ужъ, кому мой коверъ достанется?
Доставался мой коверъ
Старому мужу.
Я могу ковра убавить,
Я со всѣхъ сторонъ, со четыріихъ,
Я со всѣхъ угловъ, съ золотыихъ.
Какъ во теремѣ дѣвица
Дорогой коверъ вышиваетъ;
Она золотомъ коверъ вышивала,
Она жемчугомъ коверъ унизала.
Ужъ кому мой коверъ достанется?
Доставался мой коверъ
Ладу милому.
Я могу ковра прибавить,
Я со всѣхъ сторонъ, со четыріихъ,
Я со всѣхъ угловъ, со золотыихъ.

Какъ у насъ было за дворьемъ
Росла трава шелковая:
Ой люли, шелковая!
По той травѣ лада шла,
За ладой мужъ бредетъ.
Ой люли, шелковая!
Ты постой лада моя,
Ты подожди лада моя.
Ой люли, шелковая и проч.

Взойду на церковь на маковку,
Уроню шелковину серебряную.
Ѣхалъ *Людинъ*,
Селиванъ Петровъ,
Поднялъ шелковину серебряную и проч.

Ахъ и по морю, ахъ и по морю,
Ахъ и по морю, морю синему,
Плыла лебедь, плыла лебедь,
Лебедь бѣлая, со лебедушками,
Со малыми, со дитятами.
Ни тряхнется, ни ворохнется;
Плывши лебедь, встрепенулася,
Подъ ней вода всколыхнулася,
Плывши лебедь вышла на берегъ.
Гдѣ ни взялся, гдѣ ни взялся,
Гдѣ ни взялся младъ ясенъ соколъ,
Убилъ ушибъ, убилъ ушибъ,
Убилъ ушибъ лебедь бѣлую;
Онъ кровь пустилъ по синю морю;
Онъ пухъ пустилъ, онъ пухъ пустилъ,
Онъ пухъ пустилъ, по подънебесью

Сорилъ перья, сорилъ перья,
Сорилъ перья по чисту полю.
Гдѣ ни взялась, гдѣ ни взялась,
Красна дѣвица душа;
Брала перья, брала перья,
Брала перья лебединыя;
Клала въ шапку, клала въ шапку,
Клала въ шапку соболиную,
Милу дружку, милу дружку,
Милу дружку на подушечку,
Родну батюшкѣ, родну батюшкѣ,
Родну батюшкѣ на перинушку.

Гдѣ ни взялся, гдѣ ни взялся,
Гдѣ ни взялся добрый молодецъ.
Богъ на помочь, Богъ на помочь,
Богъ на помочь красна дѣвица душа,
Она-жъ ему, она-жъ ему,
Она-жъ ему не поклонится.
Грозилъ парень, грозилъ парень,
Грозилъ парень красной дѣвицѣ:
Добро дѣвка, добро дѣвка,
Добро дѣвка, дѣвка красная!
Зашлю свата, зашлю свата,
Зашлю свата, за себя возму.
Будетъ время, будетъ время,
Будетъ время и поклонишься мнѣ;
Будешь дѣвка, будешь дѣвка,
Будешь дѣвка у кроватушки стоять;
Будешь дѣвка, будешь дѣвка,
Будешь дѣвка, бѣлы руки цѣловать;
Будешь держать, будешь держать,
Будешь держать шелкову плеть въ рукахъ.
Я думала, я думала,
Я думала, что не ты идешь,
Что не ты идешь, не мнѣ кланяешься;
Я думала, я думала,
Я думала, что поповской сынъ,
Что поповской сынъ, попъ Алешинька!

Я пойду, пойду во зеленой садъ гулять,
Поищу я молодаго соловья.
Соловей ты мой, батюшко!
Ты скажи, скажи мой младъ соловей:
Кому воля, кому нѣтъ воли гулять?
Молодушкамъ нѣтъ волюшки,
Краснымъ дѣвицамъ своя воля гулять.
У молодушки три кручинушки:
Да какъ первая кручинушка—
Слать пуховую перинушку;
А другая-то кручинушка—
Растворяй, жена, широки ворота;
А какъ третья-та кручинушка—
Ѣдетъ, ѣдетъ мой ревнивый мужъ домой:
Онъ везетъ, везетъ гостинецъ дорогой,
Шелкову плетку, гнуто кнутовье,
Да ударитъ меня межъ бѣлыхъ плечь.
Стану съ мужа я кафтанъ скидывати,
Часты пуговки растегивати;
Хоть и рученьки бѣлешеньки,
Хоть и пальчики тонешеньки,
На рукахъ ли золоты перстни,
Только стану, стану *разувать*,
Про замужню жизнь вспоминать.

Ходилъ нашъ свѣтлый *князь*,
Ходилъ около своего города,
Ходилъ около своего высокаго.
Ищетъ нашъ свѣтлый князь,
Ищетъ нашъ добрый князь,
Свою ли свѣтлую *княгиню*,
Свою ли добрую княгиню.
Ходитъ, ходитъ князь
Ходитъ кругомъ города:
Онъ сѣчетъ, онъ рубитъ
Своимъ мечемъ ворота.
Скоро ли свѣтлый князь
Сыщемъ красну дѣвицу?
Ужъ я ли гдѣ найду
Красну дѣвицу, княгиню,
Ту ли дѣвицу княгиню,
Златымъ перстнемъ подарю.

Княжій сынъ хороберъ,
Да ты что ходишь, гуляешь?
Княжій сынъ хороберъ,
Да ты что примѣчаешь?
Скажу вамъ друзья подруженьки:
Какъ хожу я, какъ гуляю,
Какъ хожу я, какъ примѣчаю,
Все свою лишь молодую.
Вѣдь моя-то княгиня,

Вѣдь моя-то молодая,
Во *Новѣ городѣ* гуляетъ,
На торговой сторонѣ играетъ.
Ужъ на моей ли княгинѣ,
Ужъ на моей ли молодой,
Красенъ вѣнчикъ сіяетъ,
Сарафанъ на ней камчатный,
Убрусецъ весь жемчужный,
Алы бархатны башмачки,
Два яхонта во сергахъ,
Два алмаза во глазахъ,
Со походкой лебединой,
Со поступью орлиной.

1 *Бояре*, да вы почто пришли,
Молодые, да вы почто пришли?
2 *Княгини*! да мы невѣстъ смотрѣть,
Молодыя, да мы невѣстъ смотрѣть!
Бояре! покажите жениха,
Молодые, покажите жениха?
Княгини! во се нашъ женишокъ,
Молодыя, во се нашъ женишокъ!
Бояре! покажите теремъ,
Молодые, покажите теремъ?
Княгини! во се дѣвичій теремъ,
Молодыя, во се дѣвичій теремъ!
Бояре! покажите кафтанъ,
Молодые, покажите кафтанъ?
Княгини! во се нашъ кафтанъ,
Молодыя, во се нашъ кафтанъ!
Бояре! покажите кушакъ,
Молодые, покажите кушакъ?
Княгини! во се нашъ кушакъ,
Молодыя, во се нашъ кушакъ!
Бояре! покажите сапоги,
Молодые, покажите сапоги?
Княгини! во се нашъ сапожокъ,
Молодыя, во се нашъ сапожокъ!
Бояре! идите во теремъ,
Молодые, идите во теремъ!
Княгини! поздороваться!
Молодыя, со всѣмъ поѣздомъ!

Около сыра дуба,
Люли, люли, дуба!
Растетъ черпь черница,
Люли, люли, черница!
А во той ли во черницѣ,
Люли, люли, во черницѣ,
Черенъ-соболь скачетъ,
Люли, люли, скачетъ!
Поскачи, поскачи соболь,
Люли, люли, соболь!
По чисту полю,
Люли, люли, полю!
Поплови, поплови, утя,
Люли, люли, утя!
По тиху *Дунаю*,
Люли, люли, Дунаю!
Ищи себѣ друга,
Люли, люли, друга!
Ищи себѣ любушку,
Люли, люли, любушку!

Около сыра дуба,
Люли, люли, дуба,
Растетъ черпь черница,
Люли, люли, черница!
А во той-ли во черницѣ.
Люли, люли, во черницѣ!
Красныхъ дѣвицъ хороводъ.
Люли, люли, хороводъ.
Скачите вы, дѣвушки, пляшите,
Люли, люли, пляшите!
Вы холостые, не смотрите,
Люли, люли, не смотрите!
Смотрючи, дѣвушку не взяти,
Люли, люли, не взяти!
Взять ли не взять по любови,
Люли, люли, по любови!
По батюшкину благословенью,
Люли, люли, благословенью!
По матушкину умоленью,
Люли, люли, умоленью!

Ай во полѣ, ай во полѣ,
Ай во широкомъ раздольѣ,
Стоятъ шатры, стоятъ полотняные!
Во шатрахъ сидятъ *князья, бояре*,
За шатромъ *гостинъ сынъ гуляетъ*.
Онъ во гусли играетъ,
Дѣвушку утѣшаетъ:
Не плачь, не плачь, дѣвушка,
Не плачь, не плачь, красная!

Сошью тебѣ, дѣвушка,
Шубку, юбку, тѣлогрѣйку,
Монисту со камнями,
Серги съ жемчугами.
Ай во полѣ, ай во полѣ,
Ай во широкомъ раздольѣ,
Стоятъ шатры, стоятъ полотняные!
Въ шатрахъ сидятъ князья, бояре,
За шатромъ красна дѣвица гуляетъ.
Она рѣчи ведетъ
Къ гостину молодцу.
Не надобно, молодецъ,
Ни шубки, юбки, тѣлогрѣйки,
Ни монисты со камнями,
Ни серегъ съ жемчугами.
Пусти меня, молодецъ,
Ко дѣвичью стадичку!
Тогда я тебя отпущу,
Когда русу косу расплету.

Сиди, сиди ящеръ—ладу, ладу!
На золотѣ стулѣ—ладу, ладу!
Грызи, грызи ящеръ—ладу, ладу!
Орѣховы ядра—ладу, ладу!

Какъ за горницей, за повалушею,
Не въ гусли играютъ,
Не въ свирѣли говорятъ;
Говорятъ мои подруженьки
На игрища идти.
А меня ли, молодешеньку,
Свекоръ не пускаетъ,
Заставляетъ свекоръ-батюшка
Гумно чистить,
Гумно чистить,
Метлой мести;
Ужъ я въ сердце взойду,
И метлу изломлю,
И гумно истопчу,
Сама ли, молодешенька
На игрища пойду:
Наскачуся, напляшуся,
Наиграюсь молода.
А меня, молодешеньку,
Свекровь не пущаетъ,
Заставляетъ свекровь-матушка
Красенца ткать.
Ужъ я въ сердце-то взойду,
Красна изорву, бердо изломлю,
Какъ на игрище уйду,
Наскачуся, напляшуся,
Наиграюсь молода!

Пойду, пойду,
Подъ *Царь городъ* подойду,
Вышибу, вышибу,
Копьемъ стѣну вышибу!
Выкачу, выкачу,
Съ казной бочку выкачу!
Подарю, подарю,
Люту свекру батюшкѣ!
Будь добръ, будь добръ,
Какъ родимый батюшка!
Пойду, пойду,
Подъ *Царь городъ* подойду!
Вышибу, вышибу,
Копьемъ стѣну вышибу.
Вынесу, вынесу,
Лисью шубу вынесу.
Подарю, подарю,
Люту свекровь матушку:
Будь добра, будь добра
Какъ родима матушка.

Пойду млада по *Дунаю*,
(Погуляю млада по тихому).
Ой люли, погуляю!
Зайду млада во *бесѣду*;
Ой люли, во смиренну!
Во бесѣдѣ сидитъ старой,
(Мой мужъ постылой).
Ой люли, постылой!
На колѣняхъ держитъ гусли,
Ой люли, лубяные!
На гуслицахъ струны,
Ой люли, мочальныя!
Старой въ гусли заиграетъ,
Ой люли, заиграетъ!
Мое сердце ноетъ, ноетъ,
Ой люли, заныважетъ!
Скоро ноги подломились,
Ой люли, подломились,

Бѣлы руки опустились,
Ой люли, опустились!
Ясны очи потупились,
Ой люли потупились!

Пойду млада по Дунаю
Ой люли, погуляю!
Зайду млада во бесѣду;
Ой люли, во веселую!
Во бесѣдѣ сидитъ молодой,
Ой люли, мой любезной!
На колѣняхъ держитъ гусли,
Ой люли, звончатые!
На гусляхъ струны,
Ой люли, золотыя!
Молодой въ гусли заиграетъ,
Ой люли, заиграетъ!
Мое сердце радо, радо,
Ой люли, возвеселилось!
Скоры ноги расплясались,
Ой люли, расплясались!
Руки бѣлы размахались,
Ой люли, размахались!
Очи ясны разглядѣлись,
Ой люли, разглядѣлись!

Радуница, нынѣ великія поминки на Ѳоминой недѣлѣ—въ однѣхъ мѣстахъ въ понедѣльникъ, въ другихъ во вторникъ, въ воскресенье. Прежде это былъ вѣроятно какой нибудь языческій праздникъ. Вторникъ называется въ нѣкоторыхъ мѣстахъ навьемъ днемъ. Навье—мертвецъ.

Семикъ, седьмой четвергъ по пасхѣ, имѣющій связь съ Троицынымъ днемъ.

Какъ у насъ въ году три праздника,
Первый праздникъ—Семикъ честной,
Другой праздникъ—Троицынъ день,
А третій праздникъ—Купальница.

Семицкая недѣля называлась въ древности *Русальною.* Семикъ отправляется народомъ въ рощахъ, лѣсахъ, на берегахъ рѣкъ и прудовъ. Къ этому дню рубятъ березки, красятъ яица въ желтую краску, готовятъ короваи, драчены, яичницы. Березки разставляютъ по домамъ, дворамъ и улицамъ. Въ семикъ завиваютъ вѣнки, которые въ Троицынъ день съ гаданіемъ пускаются на воду.

Завиваніе вѣнковъ и украшеніе себя цвѣтами осуждается въ Стоглавѣ, какъ обрядъ языческій.

Благослови Троица, Богородица,
Намъ въ лѣсъ пойти,
Намъ вѣнки завивать,
Ай Дидо! ай Ладо!
Намъ вѣнки завивать,
И цвѣты сорывать;
Ай Дидо! ай Ладо!
А мы въ лѣсъ пойдемъ,
И цвѣтовъ нарвемъ,
Мы цвѣтовъ нарвемъ,
И вѣнокъ совьемъ.
Ай Дидо! ай Ладо!
Свекрову батюшкѣ,
Свекровѣ матушкѣ,
Свекрову батюшкѣ, малиновый,
Свекровѣ матушкѣ, калиновой.
Ай Дидо! ай Ладо!
Пойду ль я тишкомъ,
Лужкомъ, бережкомъ,
Сломлю ль съ сыра дуба вѣточку,
Брошу на быструю рѣченку.
Ай Дидо! ай Ладо!
Не тонетъ, не плыветъ,
Съ сыра дуба вѣточка,
Не тужитъ по мнѣ
Свекоръ батюшка, свекровь матушка!
Ай Дидо! ай Ладо!

Ай во полѣ, ай во полѣ,
Ай во полѣ липинка!
Подъ липою, подъ липою,
Подъ липою бѣлъ шатеръ.
Во томъ шатрѣ, во томъ шатрѣ,
Во томъ шатрѣ столъ стоитъ.
За тѣмъ столомъ, за тѣмъ столомъ,
За тѣмъ столомъ дѣвица,

Рвала цвѣты, рвала цвѣты,
Рвала цвѣты со травы,
Вила вѣнокъ, вила вѣнокъ,
Вила вѣнокъ съ городы,
Со дорогимъ, со дорогимъ,
Со дорогимъ яхонтомъ.
Кому вѣнокъ, кому вѣнокъ,
Кому вѣнокъ износить?
Носитьвѣнокъ, носить вѣнокъ старому.
Старому вѣнокъ, старому вѣнокъ,
Старому вѣнокъ не сносить;
Мою молодость, мою молодость,
Мою молодость не сдержать.

Ай во полѣ, ай во полѣ,
Ай во полѣ липинка!
Подъ липою, подъ липою,
Подъ липою бѣлъ шатеръ,
Во томъ шатрѣ, во томъ шатрѣ,
Во томъ шатрѣ столъ стоитъ,
За тѣмъ столомъ, за тѣмъ столомъ,
За тѣмъ столомъ дѣвица.
Рвала цвѣты, рвала цвѣты,
Рвала цвѣты со травы,
Вила вѣнокъ, вила вѣнокъ,
Вила вѣнокъ съ городы,
Со дорогимъ, со дорогимъ,
Со дорогимъ яхонтомъ.
Кому вѣнокъ, кому вѣнокъ,
Кому вѣнокъ износить!
Носить вѣнокъ, носить вѣнокъ,
Носить вѣнокъ милому;
Милому вѣнокъ, милому вѣнокъ,
Милому вѣнокъ износить;
Мою молодость, мою молодость,
Мою молодость содержать.

Въ этотъ день совершалось также поминовеніе по убогихъ покойникахъ, въ убогихъ домахъ или скудельницахъ.

Въ Троицкую субботу, какъ видно изъ Стоглава, сходилися мужи и жены на жальники, то есть на кладбища, «и плакали на могилахъ съ великимъ кричаніемъ, и когда тамъ станутъ играть скоморохи и гудошники, то они перестанутъ плакать, и начнутъ скакать, плясать и въ ладоши бить на тѣхъ жальникахъ.»

Купало и Купальница,—Ивановъ день. Мѣстомъ купальскаго праздника бываютъ обыкновенно горы, поля и воды; на однѣхъ зажигаются огни, чрезъ кои перескакиваютъ мущины и женщины, и перегоняютъ скотъ для предохраненія отъ очарованія злыхъ духовъ; а въ другихъ купаются для очищенія себя и сохраненія отъ болѣзней на цѣлый годъ. Въ Купальницѣ, по мнѣнію Снегирева, болѣе заключается идея водопоклоненія, какая сродна была Славяно-Руссамъ, а въ Купалѣ идея траволволхвованія, смѣшиваемаго съ врачеваніемъ, и огнепоклоненія. Отличительные обряды этого празднества, говоритъ Сахаровъ, составляютъ: зажженые костры, пѣсни, игры, перепрыгиваніе чрезъ огонь и крапивные кусты, купаніе ночью въ росѣ, и днемъ въ рѣкахъ, пляски вокругъ дерева марины и погруженіе его въ воду, зарываніе травъ, повѣріе о полётѣ вѣдьмъ на Лысую гору.

Коляда и Купало, по замѣчанію Снегирева, какъ главнѣйшія и древнѣйшія годовыя празднества, нетолько въ Славянорусскомъ мірѣ, но почти извѣстныя во всей Европѣ подъ разными именами, находятся въ тѣсной связи съ солнцестояніями. Какъ на югѣ, такъ и на сѣверѣ Россіи, купало празднуется въ одинъ день, хотя пора созрѣванія плодовъ тамъ не одинакова.

Ярило отправляется во Всесвятское заговенье, но невездѣ, и сопровождается разными игрищами и обрядами, противъ коихъ въ прошедшемъ еще столѣтіи возставалъ сильно св. Тихонъ Воронежскій.

Образчики плясовыхъ пѣсенъ:

Во полѣ береза стояла,
Во полѣ кудрявая стояла,
Люли, люли, стояла,
Люли, люли, стояла.

Некому березу заломити,
Некому кудряву заломити.
Люли, люли, заломити.

Я пойду, погуляю
Бѣлую березу заломаю.

. . . .

Пойду ль я на новыя *сѣни*,
Пойду ль я на новыя сѣни,
Люли, люли, на новыя сѣни.

. . . .

Встань, мой милый, пробудися,
Встань, мой милый, пробудися.
Люли, люли, пробудися,
Люли, люли, пробудися.

. . . .

Войди въ теремъ, веселися,
Войди въ теремъ, веселися,
Люли, люли, веселися,
Люли, люли, веселися.

Во лузѣхъ, во лузѣхъ,*
Еще во лузѣхъ, зеленыихъ лузѣхъ,
Еще во лузѣхъ, зеленыихъ лузѣхъ!

Выросла, выросла,
Выростала трава шелковая,
Выростала трава шелковая.

Разцвѣли, разцвѣли,
Разцвѣли цвѣты лазоревые,
Разцвѣли цвѣты лазоревые!

Съ той травы, съ той травы,
И я съ той травы выкормлю коня,
И я съ той травы выкормлю коня!

Выкормлю, выкормлю,
И я выкормлю, выглажу его,
И я выкормлю, выглажу его!

Поведу, поведу,
Поведу я коня къ батюшкѣ,
Поведу я коня къ батюшкѣ!

Батюшка, батюшка,
Ахъ, ты, батюшка, родимой мой,
Ахъ, ты, батюшка родимй мой!

Ты прими, ты прими,
Ты прими слово ласковое,
Полюби слово привѣтливое!

Не отдай, не отдай,
Не отдай меня за старова за мужъ,
Не отдай меня за старова замужъ!

Старова, старова,
И я старова на смерть не люблю,
И я старова на смерть не люблю!

Съ старыимъ, съ старыимъ,
И я съ старыимъ гулять нейду.
И я съ старыимъ гулять нейду!

Повторяется начало пѣсни и оканчивается тѣмъ же заключеніемъ.

Со младыимъ, со младыимъ,
И я со младыимъ гулять не пойду,
И я со младыимъ гулять не пойду!

Новое повтореніе начала, которое оканчивается:

Ты отдай, ты отдай,
Ты отдай меня за ровнюшку замужъ.
Ты отдай меня за ровнюшку замужъ!

Ровню я, ровню я,
Ужъ я ровню душой люблю,
Ужъ я ровню душой люблю!

Съ ровней я, съ ровней я,
Ужъ я съ ровней гулять пойду,
Ужъ я съ ровней гулять пойду!

Ахъ, *сѣни* мои, сѣни,
Сѣни новыя мои!
Сѣни новыя, кленовыя,
Вы рѣшетчаты мои!
Ужъ какъ знать ли мнѣ, младой,
По васъ, сѣничкамъ, не хаживати,
Ужъ какъ мнѣ мила дружка
За рученьку не важивати, и проч.

---

* Древняя форма предложнаго падежа свидѣтельствуетъ о древности пѣсни, и вмѣстѣ о сродствѣ языка народнаго съ церковнымъ.

За рѣченькой яръ хмѣль,
Яръ, яръ хмѣль!

Припѣвъ повторяется послѣ всякаго стиха.

Перевейся нашъ яръ хмѣль,
На нашу сторонку;
На нашей сторонкѣ,
Удача большая,
Тычья золотыя,
Вѣтья шелковыя,
Я выщиплю хмѣлю,
Хмѣлю яраго.
Позову я гостя,
Гостя дорогаго,
Батюшку роднаго.
Мой батюшка пьетъ, ѣстъ,
Домой ѣхать хочетъ.
А я молодешенька,
Горе горевати;
Вѣдь я не умѣю
Горе горевати.
Только я умѣю,
Скакати, плясати;
Яръ, яръ хмѣль

Различныя сельскія работы по временамъ года, сѣяніе, жатва, молотьба, соединяются также съ особенными пѣснями, напримѣръ: закликанье весны

Весна красна,
На чемъ пришла,
На чемъ пріѣхала?
На сошечкѣ,
На бороночкѣ.
Какъ и всѣ дѣвки на улицѣ,
И всѣ красныя на широкой,
Одной дѣвушки нѣтъ:
Сидитъ она во теремѣ,
Ширинку шьетъ золотомъ,
Узду вязетъ тесмяную.
Ахъ горе великое—
Кому то достанется?
Достанется моему суженому
Моему ряженому.

Первой весенній дождь встрѣчается пѣснею:

Дождь, дождь!
На бабину рожь,
На дѣдову пшеницу,
На дѣвкинъ ленъ,
Поливай ведромъ.

Вотъ осенняя пѣсня при вареніи пива:

Ай на горѣ мы пиво варили;
Ладо мое, Ладо, пиво варили!
Мы съ этого пива всѣ вкругъ соберемся;
Ладо мое, Ладо, всѣ вкругъ соберемся!
Мы съ этого пива всѣ разойдемся;
Ладо мое, Ладо, всѣ разойдемся!
Мы съ этого пива всѣ присядемъ,
Ладо мое, Ладо, всѣ присядемъ!
Мы съ этого пива спать ляжемъ,
Ладо мое, Ладо, спать ляжемъ
Мы съ этого пива опять встанемъ,
Ладо мое, Ладо, опять встанемъ!
Мы съ этого пива всѣ въ ладоши ударимъ,
Ладо мое, Ладо, въ ладоши ударимъ!
Мы съ этого пива всѣ перепьемся,
Ладо мое, Ладо, всѣ перепьемся!
Теперь съ этого пива всѣ передеремся,
Ладо мое, Ладо, всѣ передеремся!

Изъ всѣхъ этихъ пѣсенъ ясно видно, что женщина пользовалась въ древнемъ Русскомъ обществѣ всѣми принадлежащими ей правами, всѣмъ подобающимъ ей уваженіемъ, любовью, что подтверждается и былинами равно какъ и лѣтописями. Вспомнимъ В. К. Ольгу, мудрѣйшую всѣхъ людей, по признанію современниковъ, которая была правительницею земель Русскихъ, во время малолѣтства Святославова, и путешествовала въ Константинополь.

Рогнѣда съ сыномъ получила отъ супруга своего В. К. Володимера въ удѣлъ Полоцкое княжество.

Ингигерда принимала участіе въ управленіи супруга своего, В. К. Ярослава.

Янка, дочь В. К. Всеволода, путешествотала въ Константинополь съ порученіемъ привезти митрополита.

Мономахъ отложилъ намѣреніе осаждать Кіевъ изъ уваженія къ своей мачихѣ. За дурное обращеніе съ дочерью онъ начиналъ войну съ зятемъ Ярославомъ Святополковичемъ.

Дружеская близость Рогнѣды, къ брату В. К. Ростиславу Мстиславичу, засвидѣвельствована лѣтописью (1268).

Святославъ Всеволодовичъ (1180) совѣтовался съ супругою своей о войнѣ противъ В. К. Всеволода.

Мономахъ, Рюрикъ Ростиславичъ, Мстиставъ Мстиславичъ, отняли своихъ дочерей отъ ихъ мужьевъ за дурное обращеніе.

Выше описанъ великолѣпный поѣздъ съ Всеславою, дочерью В. К. Всеволода, отданною въ Кіевъ, въ замужство за Ростислава Рюриковича.*

Подъ 1198 годомъ описана въ лѣтописи общая радость о рожденіи у нея дочери, «и нарекоша имя ей Ефросѣнья, прозваніемъ измарагдъ, еже наречется дорогый камень; и бысть радость велика во градѣ Кыевѣ и Вышегородѣ; пріѣха Мстиславъ Мстиславичъ и тетка ей Передслава, и взяста ю къ дѣду и къ бабѣ, и тако воспитана бысть въ Кыевѣ на горахъ.»

Марія, супруга В. К. Всеволода Георгіевича Суздальскаго, была предметомъ общаго почтенія, какъ видно изъ описанія послѣднихъ дней ея жизни (1206). «Проводи ю В. К. Всеволодъ самъ со слезами многими, до монастыря, и сынъ его Георгій, и дщи ею Всеслава Ростиславляя, иже бѣ пріѣхала ко отцю и матери своей, и не мочи видѣти туги. И бысть епископъ Іоаннъ, и Симонъ игуменъ, отецъ ей духовный, и иніи игумени и чернци вси, и бояре вси, и боярыни, и черници изо всѣхъ монастыревъ, и горожане вси, проводиша ю со слезами многими, зане бяше до всѣхъ презлиха добра,… издѣтска въ страсѣ Божьи любяше правду, воздающи честь епископомъ, и игуменомъ, и чернцемъ и презвитеромъ… бяшеть бо нищелюбица и страннолюбица, печалныя и нужныя и больныя тѣхъ всѣхъ утѣшаше, и подаваше имъ требованіе.»

Нездиловая, теща Давида Вышатича, убѣдила своего зятя предать городъ Ярославъ (1231) Судиславу, у котораго, или у его сына она была кормилицею, и почитаема отъ него матерью: «теща бо его бѣша вѣрна Судиславу, кормильчья Нѣздиловая, матерью, бо си нарѣчашеть ю.»

Въ Словѣ Даніила Заточеника строго осуждаются злоупотребленіи женской власти и женскаго вліянія, которое было, видно, отнюдь не необыкновенно.

Красота чувствовалась и уважалась искони: «у Ярополка жена Грекина бѣ, и бяше была черницею; бѣ бо привелъ отецъ его Святославъ, и вда ю за Ярополка, красоты ради лица ея.»

Ярополкъ Изяславичъ привелъ себѣ жену Ясыню, разумѣется по той же причинѣ.

Изяславъ Мстиславичъ также изъ Обезъ.

Володимеръ, на пиру, между своими боярами, выражая желаніе жениться предъявлялъ такое требованіе, по былинамъ:

Чтобы лицюшкомъ-то была супротив мени,
Очушки-то у ней ясныхъ соколовъ,
Бровушки-то у ней черныхъ соболей,

* См. выше, с. 506.

Походочка была бы лани бѣлыя,
Бѣлыя лани напольскія,
Напольскія лани златорогія,...

Такая невѣста была найдена, и вотъ ея описаніе:

Она ростомъ высокая,
Станомъ она становитая,
И лицомъ она красовитая,
Походка у ней часта и рѣчь баска.
Будетъ тебѣ, князю, съ кѣмъ жить да быть,
Дума думати, долгіе вѣки коротати,
И всѣмъ князьямъ, всѣмъ боярамъ,
Всѣмъ могучимъ богатырямъ,
И всему красному городу Кіеву,
Будетъ кому поклонятися.

Что этотъ даръ Божій имѣлъ такую же цѣну и во всемъ народѣ, свидѣтельствуютъ всѣ пѣсни. *Красная* дѣвица — любимое выраженіе въ пѣсняхъ.

Спусти-ка меня дѣвицу-красавицу
Погулять во далечѣ далечѣ чистомъ полѣ,
Съ нянками и съ мамками,
И съ сѣнными дѣвками служащима.

Мужская красота имѣла также свое значеніе и свою цѣну.

Идетъ Чурилушка Опленковъ сынъ:
Подъ пяты-пяты воробей пролети;
Около носа-то яичко кати;
На его дѣвки глядятъ - золоты пелы ломятъ,
Стары бабы гладятъ—прялицы ломятъ.

Премладое Чурило сынъ Пленковичъ
Ходитъ да ставитъ дубовы столы,
Желтыми кудрями самъ потряхиваетъ:
Желтыя-то кудри разсыпаются,
Бывъ скаченъ жемчугъ раскатается.
Премладая-та княгиня Апраксія
Рушала мясо лебединое,
Да обрѣзала руку бѣлу правую,
И сама говорила таково слово:

—Не дивуйте-ка, жены мнѣ господскія,
—Что обрѣзала я руку бѣлу правую:
—Я смотрючись на красоту Чурилову,
—На его на кудри на желтыя,
—На его на перстни злаченые,
—Помутились у меня очи ясныя!

Такъ произошло и на улицахъ:

Старицы по кельямъ опакишь дерутъ
Смотрючись де на красоту Чурилову
Молодыя молодицы въ голенище...
Красныя дѣвки очелье дерутъ.

Прелести дѣвической жизни изображены въ пѣсняхъ яркими красками. Пѣсни и игры—первое ихъ удовольствіе. Свободная жизнь, чуждая затворничества, видна во всѣхъ пѣсняхъ.

Трогательны отношенія дѣвушки къ родителямъ, особенно къ матерямъ, братьямъ. Подруженки свидѣтельствуютъ объ обществѣ. Хороводы, любимыя пляски.

Чужая сторона представляется страшною. Свекоръ и свекровь, старый мужъ съ его ревностію, вотъ чего боится особенно дѣвушка. Неизвѣстность судьбы особенно мучила ее, но она покорялась, ей, въ лицѣ своего *суженаго*. Бракъ почитался судомъ Божіимъ.

Многія пословицы и поговорки, выраженія народнаго образа мыслей игры ума, принадлежатъ къ этому періоду. Нѣкоторыя сохранены въ лѣтописи: Погибоша, аки Обрѣ, отъ нихъ же нѣтъ ни племени, ни остатка. Бѣда, аки въ Роднѣ, (гдѣ погибъ В. К. Ярополкъ Святославичъ). Пищанцы волчья хвоста бѣгаютъ (такъ прозывался одинъ изъ Володимеровыхъ воеводъ, побѣдившій Радимичей, на рѣкѣ Пищанѣ). Рать стоитъ до мира, а миръ до рати.

(Рать въ смыслѣ войны употреблялось только въ древности).

Мѣсто къ головѣ, а не голова къ мѣсту (1151). Повадится волкъ къ овцамъ, выноситъ все стадо (946). Одинъ камень много горнцевъ избиваетъ (1217). Непогнетши пчелъ, меду не ѣсть (1231).

Полонивъ вскликнетъ, а статъ николи. Въ мертвыя уста не пройдетъ, а въ кровавыя пройдетъ. Молодой на битву, а старый на думу. Въ лѣсу птицы, въ теремѣ дѣвицы, а у браги старыя бабы. Звалася баба княгинею за пустою братиною.

Есть много пословицъ, напоминающихъ языческіе обряды: По дѣдѣ спибокъ, (тризна, пиръ погребальный, поминки), а по бабкѣ щипокъ.* Изъ пустаго дупла либо сычъ, либо сова, либо самъ сатана.** Родила тетка, жилъ въ лѣсу, молился пнямъ. Обреченная скотинка уже не животинка. Моленой (назначенный къ закланію) баранъ отлучился, инъ гулящій прилучился. Егорій да Власъ всему богатству глазъ. (Св. Власъ занялъ мѣсто Волоса, скотіего бога) Церкви не овины, въ нихъ образа все едины. Суженo ѣство да ряженому ѣсти. Взялъ боженьку за ноженьку, да и о полъ. Вѣнчался вкругъ ели, черти пѣли. Тутъ они обручалися, кругъ ракитова куста вѣнчалися.

Слѣдующія пословицы напоминаютъ древній судъ: Желѣза и змѣя боится; братчина судитъ, ватага рядитъ. Идѣже законъ, ту и обидъ много. Не клади судибоги, т. е. не предавай суду Божью.

Въ словѣ Даніила Заточеника есть много поговорокъ, изъ которыхъ многія употребляются и нынѣ, доказывая, что и другія, подобныя, нигдѣ не записанныя, могутъ относиться къ древнему времени:

* Вспомнимъ описаніе тризны Ольгиной по Игорѣ.
** Дупло считалось пребываніемъ злаго духа.

«Ихъ же ризы свѣтлы, тѣхъ и рѣчь честна. Никто же можетъ соли зобати, ни въ печали смыслити. Всякъ человѣкъ хитритъ и мудритъ о чюжей бѣдѣ, а о своей не можетъ смыслити. Злато искушается огнемъ, а человѣкъ напастьми. Пшеница, много мучима, чистъ хлѣбъ подаетъ, а въ печали обрѣтаетъ человѣкъ умъ совершенъ. Молеве ризы изъѣдаютъ, а человѣка печаль: печальну мужу засышутъ кости. Очи бо мудрыхъ желаютъ благыхъ, а безумнаго (очи) дому пировнаго. Лѣпши слышати пренїе умныхъ, нежели безумныхъ наказаніе. Дай премудру вину, премудрѣе будетъ; не сѣй бо на браздахъ жита, ни мудрости на сердце безумныхъ; безумныхъ бо ни орютъ, ни сѣютъ, ни въ житницы собираютъ, но сами ся ражаютъ. Какъ во утелъ мѣхъ воду лити, такъ безумнаго учити; псомъ и свиніямъ ненадобе злато и сребро, ни безумному мудрая словеса; ни мертвеца разсмѣшити, ни безумна наказати. Коли пожретъ синица орла, коли каменіе воспловетъ по водѣ, коли свиніа почнетъ на бѣлку лаяти, тогда безумный уму научится. Дѣти бѣгаютъ рода, а господь (господинъ) пьяного человѣка.»

«Не имѣй себѣ двора близь княжа двора. Не держи села близь княжа села.»

«Не скотъ въ скотѣхъ коза, а не звѣрь во звѣрѣхъ ежъ, не рыба въ рыбахъ ракъ, не птица во птицахъ нетопырь: а не мужъ въ мужѣхъ, кѣмъ своя жена владѣетъ,... не работа въ работахъ подъ жонками возъ возити. Червь бо древо тлитъ, а злая жена домъ мужа своего теряетъ. Лутчи есть во утлѣ лодьѣ по водѣ ѣздити, нежели злѣ женѣ тайны повѣдати: утлая лодья порты помочитъ, а злая жена всю жизнь мужа своего погубляетъ. Лѣпши есть камень долотити,

нежели зла жена учити, или желѣзо варити: желѣзо уваришь, а злы жены не научишь.»

«Да не уподоблюся жерновомъ яко тѣ многія люди насыщаютъ, а сами себе не могутъ насытитися. Рѣчь продолжна не добро, продолжена паволока. Лютѣ бѣснующемуся дати ножь, а лукавому власть.»

Въ Словѣ о полку Игоревѣ встрѣчаются также поговорки въ родѣ пословицъ, напримѣръ: тяжко ти головѣ, кромѣ плечю; зло ти тѣлу, кромѣ головы; Русской земли безъ Игоря.

Мы имѣемъ отъ древности еще много сказокъ, испорченныхъ и также не разработанныхъ критически.

Свидѣтельство о существованіи сказокъ въ древности мы находимъ въ словахъ проповѣдника, призывающаго слушать ученія о правой вѣрѣ, а не *пустошныхъ басенъ*. Многіе образы и предметы, въ нашихъ сказкахъ, совершенно тожественны съ образами и предметами во всѣхъ Индо-Европейскихъ сказкахъ, доказывая тѣмъ свою древность и единство происхожденія во время доисторическое, напримѣръ: яга-баба, жаръ-птица, сивка-бурка, вѣщая каурка, шапка-невидимка, коверъ-самолетъ, черныя брови, очи соколиныя, шея лебединая, встрѣчаются вездѣ.

Предлагаемъ заключенія о сказкахъ Гг. Котляревскаго и Аѳанасьева.

«Строгое повиновеніе волѣ отца идетъ за нерушимый вѣковѣчный законъ, отступленіе отъ котораго всегда ведетъ за собою наказанія и несчастіе преступившихъ, и на оборотъ покорность ей вѣнчается счастіемъ и успѣхомъ; супружеская любовь рисуется довольно слабо, преимущественно со стороны вѣрности жены, напротивъ, любовь матери къ дѣтямъ, сестры къ братьямъ—выступаютъ въ довольно яркихъ очертаніяхъ; отношенія отца къ дѣтямъ не обнаруживаютъ особенной мягкости и очень смутны; еще менѣе она видна въ отношеніяхъ между братьями, наслѣдниками отцовскаго имущества: сказка представляетъ ихъ постоянно несправедливыми и завистниками относительно младшаго брата. Цѣлый рядъ сказокъ преслѣдуетъ нелюбовь и ненависть мачихи къ падчерицамъ и пасынкамъ, и излишнюю зловредную привязанность ея къ своимъ собственнымъ дѣтямъ. Этотъ типъ мачихи составляетъ одно изъ самыхъ характерныхъ указаній на особенности патріархальнаго быта, и вполнѣ оправдывается и древнимъ значеніемъ сиротства, и свадебными пѣснями о судьбѣ *молодой* среди чужой для нея семьи.»

«Любопытны въ сказкахъ сословныя отношенія и занятія. Виднѣе другихъ выступаютъ на сцену купцы, и почти всегда торгующіе за моремъ, въ чужихъ краяхъ. Рѣзкаго различія сословій не замѣчается въ Русской сказкѣ: всѣ они находятся между собою въ свободныхъ отношеніяхъ.»

«Слѣды пастушьяго и охотничьяго быта довольно значительны: любимое занятіе—*охота*, и при томъ всегда съ *лукомъ*; верженіемъ *стрѣлы*, чья упадетъ далѣе, рѣшаются и спорныя дѣла, и выборъ невѣстъ и выборъ старѣйшины; въ нѣкоторыхъ сказкахъ занятіе пастуха разсматривается, какъ занятіе низкое, и опредѣляется въ наказаніе.»

«Много чрезвычайно любопытныхъ и важныхъ археологическихъ подробностей предлагаютъ наши сказки: вотъ нѣсколько примѣровъ:

1) По древне-Германскому праву, находящему подтвержденіе въ юридическихъ постановленіяхъ народовъ востока, Грековъ и Римлянъ, отецъ новорожденнаго ребенка имѣлъ право выбросить его, оставить на произволъ судьбы. Поводомъ къ такому суровому обычаю бывали обыкновенно или физическіе недостатки ребенка, дѣлавшіе его неспособнымъ къ труду воинской жизни, или подозрѣнія въ незаконности по его происхожденію, или наконецъ, недостаточное существованіе его родителей. Славянскія сказки свидѣтельствуютъ, что этотъ обычай имѣлъ мѣсто и у Славянъ, но такъ какъ эти племена отличали себя въ исторіи преимущественно мирнымъ характеромъ, то сказка по большей части забываетъ настоящую причину, и объясняетъ ее иными побужденіями, иногда же, впрочемъ, прямо указываетъ на бѣдность или на подозрѣнія въ незаконности происхожденія.

2) Между многими родами смертной казни, о которыхъ упоминается въ нашихъ сказкахъ, чаще всего встрѣчается *размычка конями*. Преступника привязывали къ хвосту дикой лошади, или къ нѣсколькимъ лошадямъ, и пускали въ открытое поле.

3) *Выбросить тѣло усопшаго звѣрямъ на съѣденіе, оставить кости безъ погребенія* — по понятіямъ языческой старины было величайшимъ несчастіемъ для души усопшаго: она не находила себѣ покоя до поры, пока не совершено погребеніе бренныхъ остатковъ, и не исправлена тризна по нихъ.

«Этихъ немногихъ примѣровъ, думаемъ, достаточно для убѣжденія, что сказка не пустой вымыселъ, а важный памятникъ народной жизни, драгоцѣнный матеріалъ исторической науки.»

Есть у насъ много *загадокъ*, также сходныхъ съ Европейскими, и имѣющихъ одно происхожденіе въ глубокой древности:

Красная дѣвица по садику гуляла,
Цвѣты алые дѣвица собирала.
Мимо ѣхалъ тутъ гостиный сынъ.
Ужъ Богъ помочь тебѣ, красная дѣвица,
Цвѣты алые тебѣ, дѣвица, собирати.
Благодарствуй, сынъ гостиный, благодарствуй.
Загадать ли тебѣ, красная дѣвица,
Шесть мудреныхъ загадокъ, загадать ли?
Загадай-ка, сынъ гостиный, загадай-ка,
Шесть мудреныхъ загадокъ, загадай-ка?
Ужъ какъ что у насъ, дѣвица, выше лѣсу?
Еще что у насъ, дѣвица, краше свѣту?
Еще что у насъ, дѣвица, чаще лѣсу?
Еще что у насъ, дѣвица, безъ коренья?
Еще что у насъ, дѣвица, безъ умолку?
Еще что у насъ, дѣвица, безъ извѣстно?
Отгадаю, сынъ гостиный, отгадаю.
Выше лѣсу, сынъ гостиный, свѣтелъ мѣсяцъ:
Краше свѣту, сынъ гостиный, красно солнце;
Чаще лѣсу, сынъ гостиный, часты звѣзды;
Безъ коренья, сынъ гостиный, бѣлый камень;
Безъ умолку, сынъ гостиный, сине море:
Безъ извѣстна, сынъ гостиный, Божья воля.
Отгадала, красная дѣвица, отгадала,
Шесть мудреныхъ загадокъ отгадала.
Ужъ и знать тебѣ, дѣвица, быть за мною,
Ужъ знать быть тебѣ купеческой женою.

Нѣкоторыя загадки отзываются періодомъ миѳическимъ; напримѣръ:

Сивый жеребецъ подъ вороты глядитъ. (Мѣсяцъ).

Заря заряница, красная дѣвица, къ церкви ходила, ключи обронила, мѣсяцъ увидѣлъ, солнце скрало. (Роса).

Къ загадкамъ относятся толкованія сновъ и разныя примѣты. Въ слѣдующей пѣснѣ, по замѣчанію Г. Буслаева, совмѣщаются предметы одной Нѣмецкой поэмы и одной Скандинавской саги.

Охъ ты мать моя матушка
Охъ ты мать, государыня!
Ты взойди, моя матушка,
Ты взойди въ мой высокъ теремъ,
И ты сядь подъ окошечкомъ.
Что севоднешную ноченьку
Нехорошъ сонъ мнѣ видѣлся:
Какъ у насъ на широкомъ дворѣ,
Что пустая хоромина—
Углы прочь отвалилися,
По бревну раскатилися;
На печищѣ котище лежитъ,
По полу ходитъ гусыня,
А по лавочкамъ голуби,
По окошечкамъ ласточки,
Впереди младъ ясенъ соколъ.

Ты дитя ль мое, дитятко!
Ужъ какъ я тебѣ сонъ разскажу,
По словамъ я тебѣ разскажу:
Что пустая хоромина—
Чужа дальня сторонушка;
Углы прочь отвалилися,
По бревну раскатилися—
Родъ-племя отступилися.
На печищѣ котище лежитъ—
То лютой свекоръ-батюшка,
По полу ходитъ гусыня—
То люта свекровь-матушка;
А по лавочкамъ голуби—
Деверья ясны соколы,
По окошечкамъ ласточки—
Что золовки-голубушки·
Впереди младъ ясенъ соколъ—
То (имя жениха).

Слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ о заклятіяхъ: Тотъ же археологъ приводитъ слѣдующій заговоръ для предохраненія отъ всякихъ враждебныхъ или опасныхъ столкновеній въ обществѣ: «Господи, благослови! Отче Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя грѣшнаго! Святый Государь Иванъ учитель! Научи насъ дѣлъ добрыхъ творити! Помилуй насъ, Боже, какъ сталъ свѣтъ и заря, и солнце и луна, и звѣзды, какъ взошло красное солнце на ясное небо, и освѣтило всѣ звѣзды и всю Русскую землю, и священныя церкви, и митрополитовъ, и владыкъ, и игуменовъ, и священниковъ, и весь міръ и всѣхъ христіанъ. Святой Государь Спасъ и святой Государь Архистратигъ Михаилъ! Помилуй Господи, меня, имрекъ, грѣшнаго! Освѣти, Господи, меня, имрекъ, князямъ и боярамъ, и властямъ и тіунамъ, недѣльщикамъ, и ихъ дворянамъ, и гостямъ, и мужамъ и женамъ, и всему православному христіанству, что нареклось на семъ свѣтѣ, и на всякъ часъ, и на всяко время, и на всякое сердце, и на всякія очи моему сердцу, имрекъ, отъ всякаго зла и отъ злыхъ очей, закрой, Государь Михаилъ Архангелъ, своею ризою нетлѣнною раба Божія, имрекъ.»

А входитъ во дворъ, впередъ лѣвою ногою въ порогъ, въ ворота, а какъ отворятъ ворота, то опереться въ правую верею воротъ правымъ плечемъ, и молвить всю молитву, и перекреститься и молвить: Святой Государь Спасъ и Святой Архистратигъ Михаилъ! Закрой, Господи, отъ лиха человѣка и супостата на всякъ часъ и на всяко время, и нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ, аминь.

«Высокимъ эпическимъ складомъ,» говоритъ Г. Буслаевъ, «отличается заговоръ оборотня..... изъ числа тѣхъ упировъ или волкодлаковъ, исторія которыхъ теряется въ глубокой старинѣ.

«На морѣ на Окіянѣ, на островѣ на Буянѣ, на полой полянѣ, свѣтитъ мѣсяцъ на

осиновъ пѣнь, въ зеленъ лѣсъ, въ широкій долъ. Около пня ходитъ волкъ мохнатый, на зубахъ у него весь скотъ рогатый; а въ лѣсъ волкъ не заходитъ, а въ долъ волкъ не забродитъ.» Далѣе оборотень проситъ мѣсяцъ оказать свое содѣйствіе, чтобъ никто съ волка не дралъ теплой шкуры. Въ этомъ заговорѣ упоминается *осиновой пень*, потому-что оборотня въ могилѣ имъ протыкаютъ; выраженіе: «*на зубахъ* у волка весь скотъ рогатый» стоитъ въ связи съ пословицею: «у волка въ зубахъ, то Егорей домъ;» наконецъ *теплая* шкура *мохнатаго* волка-оборотня согласуется съ названіемъ *волкодлакъ* отъ *длака*—мохнатая шерсть.

Въ исторіи наговоровъ занимаетъ важное мѣсто заклятіе отъ лихорадокъ, особенно потому, что записано было уже въ старину въ древне-русскихъ, а также и болгарскихъ сочиненіяхъ о книгахъ истинныхъ и ложныхъ.

Вотъ еще заговоръ или заклятіе отъ перелома, ушиба и вывиха, сходное съ древнимъ Нѣмецкимъ, сохранившимся въ рукописи X столѣтія.

«Пристани Господи къ добру сему дѣлу, Святый Петръ и Павелъ, Михайло Архангелъ, Ангелы Христовы, рабу Божію, имя рекъ; зъбасалися—сцѣпалися двѣ высоты вмѣсто.... Сростася тѣло съ тѣломъ, кость съ костью, жила съ жилою; запечаталъ самъ Христосъ во всякомъ человѣкѣ печать; запеки ту рану у раба Божія, имя рекъ, въ три дни и въ три часы, ни боли, ни сверби, безъ крови, безъ раны, во вѣки аминь.»

Въ Словѣ о полку Игоревѣ Ярославна ясно произноситъ заговоры на оружіе, на солнце, вѣтеръ и рѣку.

ОБЩЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Мы изложили событія первыхъ четырехъ сотъ лѣтъ Русской Исторіи въ ихъ послѣдовательномъ порядкѣ; мы познакомились съ дѣйствовавшими лицами; мы разсмотрѣли ихъ отношенія между собою, законы, занятія, промыслы, торговлю, введеніе христіанской вѣры и ея вліяніе, церковное управленіе, грамотность и нравы; однимъ словомъ—мы обозрѣли, по возможности, древнюю жизнь во всѣхъ ея проявленіяхъ.

Подведемъ теперь итоги подъ наши извѣстія, окинемъ взглядомъ все прошедшее, соберемъ разсѣянныя черты во едино, и составимъ картину Русской земли предъ нашествіемъ Татаръ и покореніемъ ея подъ ихъ иго.

Для освѣщенія этой картины, для лучшаго уразумѣнія совокупности событій, предпошлемъ сравненіе, которое можно приложить, кажется, къ нашей исторіи, и во все ея продолженіе, даже до настоящаго времени.

Течетъ широкая, глубокая рѣка, берущая начало изъ какихъ-то невѣдомыхъ странъ, и несетъ свои волны въ далекое море. Часто возмущается она вѣтромъ, и поверхность ея покрывается пѣной, грязью и всякой нечистотою. Случаются бури, волны поднимаются высоко, и сшибаются между собою, брызги летятъ во всѣ стороны. Въ весеннее водополье, нѣтъ преграды яростному стремленію, а въ лѣтнюю межень рѣка по мѣстамъ мелѣетъ на песчаныхъ перевалахъ. Иногда встрѣчные утесы, сдвинувшись вдругъ между собою, преграждаютъ ея теченіе. Зимою жестокій холодъ сковываетъ ея быстрыя струи, въ ледяной

толщѣ останавливается всякое движеніе, — и страшно становится за царственную рѣку: не донесетъ она своей живой воды до назначеннаго ей предѣла, не исполнитъ она своего высокаго предназначенія, и потеряется въ сыпучихъ пескахъ, ее окружающихъ! Нѣтъ, нѣтъ, при всѣхъ невзгодахъ, при всѣхъ превратностяхъ, при всѣхъ тревогахъ, внизу, глубиною, по твердому дну, катится спокойно чистая струя крѣпкой, холодной воды, которую рѣдко захватываетъ даже верхнее замѣшательство, которая сохраняетъ всегда силу своей живучести. Иногда вдругъ, неожиданно, вырывается откуда-то изъ земли новый ключь, — онъ бьетъ чудодѣйственной силой, и освѣжаетъ на долго мутную воду. Обильные притоки обѣщаютъ вознаградить сторицею временную убыль. Вотъ поднимается высоко на небѣ животворное солнце: оно пускаетъ отъ себя теплые лучи, ледъ таетъ, зимніе оковы разрѣшаются, ниспадаютъ однѣ за другими, и освобожденная рѣка, озаренная полуденнымъ сіяніемъ, воспринимаетъ съ новыми силами свой торжественный, задержанный бѣгъ, опять несется, несется... Счастливый ей путь!

Вотъ изображеніе Русскаго человѣка, Русскаго народа, Русской жизни, какъ въ первыя, такъ и послѣдующія времена ихъ историческаго бытія.

Сѣверовосточная треть Европы, прорѣзанная поперегъ, на югѣ, Днѣпромъ, Дономъ и Волгою, — на сѣверѣ, Невою и Двинами, сѣверною и западною, была по большей части покрыта дремучими, непроходимыми лѣсами. Славянскія племена, двигавшіяся со стороны Дуная, который слышится до сихъ поръ въ нашихъ пѣсняхъ, заселили ее, въ незапамятныя времена, преимущественно по берегамъ рѣкъ, и по сосѣднимъ съ ними долинамъ, столкнувшись на крайнемъ сѣверѣ и востокѣ съ Финнами и Латышами.

Финны пришли, вѣроятно, прежде ихъ изъ Азіи чрезъ Уралъ, и заняли огромное восточное пространство, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до Волги и Оки, въ другихъ переправясь чрезъ эти рѣки, а на сѣверѣ опоясали на значительномъ протяженіи Балтійское море, встрѣтивъ здѣсь Латышскія племена, первыхъ, вѣроятно, переселенцевъ съ Дуная.

Славяне въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отодвинули Финновъ, а въ другихъ поселились между ними.

Отличаясь по преимуществу характеромъ тихимъ, смирнымъ, терпѣливымъ и покорнымъ, они были уже знакомы съ разными первоначальными рукомеслами и орудіями для удовлетворенія насущныхъ нуждъ своихъ, и имѣли разные обряды, обычаи и вѣрованія о природѣ и другой жизни, перенесенныя ими на Дунай еще изъ прародины своей Индіи. Главнымъ доказательствомъ ихъ относительнаго развитія служитъ богатый и сильный языкъ, въ которомъ нашлись еще въ IX столѣтіи выраженія для перевода всего Священнаго писанія, — и народная способность освоиться вскорѣ съ его святыми истинами.

Сообщеніе Славянскихъ племенъ было по естественнымъ причинамъ затруднительно, и онѣ, живя почти особняками, подвергались только вліянію мѣстности, доставшейся тому или другому племени въ удѣлъ для жительства: однѣ грубѣли и дичали въ лѣсахъ, другія смягчались и преуспѣвали среди полей и по долинамъ, незаботясь впрочемъ знать, что дѣлается

за живымъ рубежемъ, и рѣшая возникавшія между ними дѣла на сходкахъ своего поселка, который былъ для нихъ и назывался *міромъ*.

Необходимаго для удовлетворенія главныхъ потребностей вездѣ было вдоволь: дѣвственная новь давала хорошіе урожаи, лѣса обиловали дичью, пушные звѣри бѣгали чуть не по задворьямъ, въ рѣкахъ ловилась вкусная рыба, отъ пчелъ получался медъ и воскъ, рогатый скотъ доставлялъ мясо, кожи, молоко. Нужда учила дѣлать все для себя потребное, очень впрочемъ ограниченное, дома, собственными средствами: мужъ пахалъ землю и добывалъ хлѣбъ, жена пряла ленъ и ткала красно̀. Съ овецъ снимали они шерсть для сукна на свиты, а шкуры шли на кожухи. Для обуви на лапти все было готово въ сосѣднемъ лѣсу. Сыты, одѣты, обуты, мирные поселяне жили себѣ припѣваючи,— пѣсни искони были ихъ услажденіемъ,— пользуясь жизнію по своему, довольствуясь малымъ, крѣпко сидя на своихъ мѣстахъ, въ теплыхъ избахъ, кои топить и строить было очень легко и удобно. Изъ сосѣдей кой съ кѣмъ они мѣнялись своими произведеніями, ибо у однихъ было больше хлѣба, у другихъ мяса, у третьихъ рыбы, или меду, воску, шерсти.

На нѣкоторыхъ заселенныхъ пространствахъ, вслѣдствіе этого обмѣна, а равно и для общаго богослуженія, возникли города, болѣе или менѣе укрѣпленныя слободы, коихъ жители, благодаря большему сообщенію, дѣлались разумѣется смышленнѣе, дѣятельнѣе и богаче.

Изъ нихъ самые важные были—на Югѣ, у Полянъ, при Днѣпрѣ, Кіевъ, и на Сѣверѣ, при Волховѣ, у Словенъ, Новгородъ.

Словене отличались особою дѣятельностію изъ племенъ Славянскихъ: пользуясь мѣстоположеніемъ, они завели, со времени перваго водворенія, торговлю, съ сосѣдними племенами; овладѣвъ Заволочьемъ, проникли далеко на сѣверъ, къ Югрѣ и Печерѣ, за Уралъ, и разослали свои поселенія по всѣмъ сторонамъ: Торжекъ, Ростовъ, Бѣжецкъ, Волокъ-ламскій причислялись издревле къ ихъ владѣніямъ.

Кромѣ Новагорода и Кіева рано сдѣлались извѣстными даже Грекамъ: Вышгородъ, Любечь и Смоленскъ на Днѣпрѣ, Черниговъ на Деснѣ. Къ древнѣйшимъ городамъ принадлежатъ также по домашнимъ извѣстіямъ Полоцкъ, Изборскъ, Бѣлозерскъ, Муромъ.

Къ счастію племенъ Славянскихъ, у нихъ въ рукахъ было обиліе такого произведенія, которое пользовалось великимъ почетомъ, имѣло большее употребленіе по всей Европѣ и Азіи, и цѣнилось вездѣ очень высоко: мѣха—собольи, бобровые, лисьи, куньи, медвѣжьи, волчьи, горностаевые.

Мѣха привлекли издревле на нашъ Сѣверъ торговлю, лишь только она освѣдомилась, что можетъ добывать отсюда дорогой и нужный товаръ для нея съ большою для себя выгодою.

Два народа отличались тогда особою дѣятельностію, и, занимаясь войною, производили вмѣстѣ повсюду и обширную, живую торговлю: въ Европѣ Норманны, въ Азіи Аравитяне.

Норманны, самое отважное и неустрашимое изъ всѣхъ Европейскихъ племенъ, гонимое нуждою изъ дома, отъ каменистыхъ пустынь бѣднаго Сѣвера, возобладало съ начала среднихъ вѣковъ всѣми морями, забиралось въ устья всѣхъ большихъ рѣкъ,

и вездѣ заводило торговыя связи, устроивало свои поселенія.

Какъ Норманнамъ, такъ и Арабамъ, нужны были мѣха, которые и послужили въ то время чрезъ нихъ связію Запада и Востока съ Сѣверомъ, нашей Залѣской стороны съ Европою и Азіей, точно какъ пряныя коренья и благовонія привлекали въ древности торговлю въ Индію, а послѣ въ средніе вѣка кофей—въ Аравію, табакъ и сахаръ—въ Америку.

Норманны очень рано явились въ сосѣднихъ къ нимъ устьяхъ Невы и Западной Двины, и узнали богатый Новгородъ, который сталъ извѣстенъ у нихъ подъ именемъ *Гольмгарда*, и прославился въ сагахъ. Они проникли во внутренность страны, гдѣ, на водораздѣлѣ «Оковьскаго лѣса» представился имъ Днѣпръ, приведшій прямо въ Черное море.

Богатый, роскошный Константинополь-Царьградъ-Миклагардъ, сдѣлался любимою цѣлью ихъ торговыхъ плаваній. Тамъ они нашли себѣ еще выгодное и почетное занятіе служить въ императорской гвардіи или варангіи.

(Послѣднее имя послужило, кажется, Славянамъ поводомъ называть Норманновъ Варягами).

Путь въ Грецію прославился также на Сѣверѣ, и получилъ въ ихъ лѣтописяхъ и сагахъ особое имя austerueg. Онъ записанъ такъ въ нашей древнѣйшей лѣтописи: «бѣ путь изъ Варягъ въ Греки, и изъ Грекъ по Днѣпру, и верхъ Днѣпра волокъ до Ловати, по Ловоти внити въ Илмерь озеро великое, изъ него же озера потечеть Волховъ, и втечеть въ озеро великое Нево, того озера устье внадеть въ море Варяжское.»

Варяги такъ часто плавали по этому пути, что дали свои имена Днѣпровскимъ порогамъ, которыя дошли и до императора Константина Багрянороднаго и имъ записаны: Нессупи, Варуфоросъ, Ульворси, Геландри, Леанти, Струвунъ,—имена, объясняемыя всего легче изъ языковъ Норманскихъ.

Точно также открылся Варягамъ путь изъ Оковскаго лѣса, въ Каспійское море: «Изъ того же лѣса, (откуда течетъ Днѣпръ), потече Волга на востокъ, и втечетъ семидесятью жерелъ въ море Хвалисское, тѣмъ же изъ Руси можетъ идти въ Болгары и Хвалисы.»

Новгородъ былъ на перепутьѣ для Норманновъ и къ Черному и къ Каспійскому морямъ.

Словене-Новгородцы, сами торговые и промышленые, приняли живое участіе въ дѣйствіяхъ новыхъ гостей, служили какъ бы посредниками, доставляли имъ товары, получаемые изъ ихъ поселеній, и разумѣется присоединялись къ нимъ и въ ихъ путешествіяхъ.

При устьѣ Волги находился знаменитый на Востокѣ городъ Итиль, нынѣшняя Астрахань, принадлежавшая Козарамъ. Здѣсь Норманны сошлись съ Арабами, которые приходили туда изъ Азіи, и плавали также вверхъ по Волгѣ до Бертасовъ и Булгаровъ.

Арабскія монеты, чеканенныя въ 8, 9, 10, 11 и 12 столѣтіяхъ, находимыя во множествѣ по всему пространству нынѣшней Европейской Россіи, вплоть до Уральскихъ горъ, доказываютъ это древнее живое сообщеніе.

Торговля обогащала нашъ Сѣверъ, содѣйствовала распространенію свѣдѣній, расширяла кругозоръ,—и она же возбудила жадность, привлекла враждебныя нашествія.

Изъ мирныхъ гостей, проѣзжихъ путешественниковъ, Норманнамъ захотѣлось, какъ то бывало и вездѣ, сдѣлаться хозяевами, господами.

Удостовѣрясь въ отсутствіи бранныхъ свойствъ у жителей, надѣясь не встрѣтить значительнаго сопротивленія, одна ихъ дружина явилась изъ за моря въ устьяхъ Невы и западной Двины, и обложила данью сѣверныя племена — Словенъ Новогородскихъ, Кривичей, Чудь, Весь и Мерю.

Лѣтопись относитъ это событіе къ 859 г.

Около того же времени Козары, жившіе въ Итилѣ, или нынѣшней Астрахани, и въ Крыму, народъ не воинственный, но имѣвшій гвардію (аларезію) изъ Арабовъ и Турокъ, подчинилъ своей власти племена южныя: Полянъ, Сѣверянъ, Вятичей, опредѣливъ дань по бѣлой вѣверицѣ съ дыма.

Варяговъ на Сѣверѣ осталось не много послѣ перваго набѣга, и жители, въ добрый часъ, вооружившись, прогнали ихъ за море, откуда тѣ приходили, а послѣ, по исконному свойству Славянской природы, перессорились между собою. Они понимали однакожъ, благодаря природному своему толку, что имъ придется скоро разплачиваться за недавнее возмущеніе, и рѣшились призвать къ себѣ начальниковъ, защитниковъ, — князей, также изъ Норманновъ, которые властвовали тогда по всему Сѣверу, и съ которыми бороться никому въ тѣхъ краяхъ не было возможности.

Посланцы отправились къ тремъ братьямъ изъ племени Руси, Рюрику, Синеусу и Трувору, извѣстнымъ вѣроятно въ Новгородѣ прежде, по какимъ либо отношеніямъ. «Земля наша велика и обильна,» сказали братьямъ Словене, «а наряда въ ней нѣтъ. Придите княжить и володѣть нами по праву.»

Вотъ начало нашей государственной исторіи, — добровольное призваніе, — начало полюбовное, которое въ соединеніи съ другими соотвѣтственными обстоятельствами, народнымъ характеромъ, пространствомъ, мѣстоположеніемъ, климатомъ, отношеніемъ числа пришельцовъ къ числу туземцевъ, и проч., дало Русской Исторіи направленіе, противоположное исторіи Запада, гдѣ съ самаго начала, вмѣсто нашего единства оказалось раздвоеніе, зародились съ одной стороны, у туземцевъ, ненависть и злоба, съ другой, у завоевателей, гордость и недовѣрчивость, — произведшія безпрерывную и постоянную такъ называемую *оппозицію*, которая и служитъ до сихъ поръ основаніемъ всего управленія западнаго.

Братья пришли съ своими родственниками и дружинами (862), и заняли главные города призывавшихъ племенъ: Ладогу и Новгородъ у Словенъ, Изборскъ у Кривичей, и Бѣлозерскъ у Веси.

Все ихъ племя, Варяги-Русь, перебралось вслѣдъ за ними, — разумѣется съ своимъ языкомъ, вѣрою, законами, обычаями, и дало свое имя нарождавшемуся государству: «отъ тѣхъ прозвася Руская земля — Новугородьци: ти суть людье Новугородьци отъ рода Варяжьска, преже бѣ бѣша Словѣни.» Они начали рубить вездѣ города, устанавливать точки опоры, по Норманскому обычаю, и межевать веревкою доставшуюся землю, какая часть ея гдѣ должна тянуть на содержаніе князя, какая опредѣлялась для дружины, и какая оставлялась въ пользованіе прочихъ воевъ.

Новое правительство въ нашей странѣ оставило слѣдъ во всѣхъ словахъ, вве-

денныхъ имъ въ употребленіе, которыя своими звуками, или приданнымъ имъ значеніемъ, очевидностію перевода, указываютъ именно на свое Норманское происхожденіе: князья, бояре, огнищане, дѣтскіе, люди, смерды, закупы, тіуны, гридни, ябедники, метельники, верви, губы, виры, дружина, дума, гривны, скотъ (въ смыслѣ денегъ)....

Рюрикъ, утвердясь крѣпко въ Новѣгородѣ, началъ распространять свои владѣнія, на счетъ сосѣднихъ, Чудскихъ и Латышскихъ племенъ, жившихъ къ западу и востоку отъ Новагорода. По всѣмъ вѣроятіямъ онъ покорилъ себѣ Балтійское прибрежье, вплоть до Нѣмана, котораго сѣверный рукавъ получилъ названіе Руссы, Курскій заливъ—Русны, а смежная Латышская страна—Порусья, Пруссія, Preussen.

Двое изъ единоплеменниковъ Рюрика, Аскольдъ и Диръ, отпросясь у него, пошли было на службу въ Грецію, но по дорогѣ увидѣли Кіевъ, который имъ понравился, и они рѣшились тамъ остаться, воспользуясь мирнымъ свойствомъ жителей, — тѣ платили дань Козарамъ, а теперь согласились признать своими господами пришлыхъ искателей приключеній.

Варяговъ набиралось въ Кіевѣ больше и больше, и они недолго усидѣли на одномъ мѣстѣ, — вздумали съ двумя стами судовъ рѣшиться на подвигъ, достойный Норманской смѣлости, —напасть на богатый Константинополь, напали, и городъ откупился отъ нихъ золотомъ по свидѣтельству патріарха Фотія, въ 866 году. Они привезли домой начатки христіанской вѣры, для которой тогда же въ Болгаріи и Моравіи переведено было все Священное Писаніе и книги богослужебныя безсмертными Славянскими первоучителями, Св. Кирилломъ и Меѳодіемъ, такъ, что Русская земля, по удивительному стеченію обстоятельствъ, получила, почти въ одночасье, всѣ три благодатныхъ сѣмени: государственности, вѣры и просвѣщенія.

Утреняя звѣзда о трехъ лучахъ сверкнула съ высокаго неба надъ нашей рѣкою.

Аскольдъ и Диръ владѣли Кіевомъ лѣтъ пятнадцать, пока Рюрикъ устроивался по берегамъ Варяжскаго или Балтійскаго моря, — и должны были уступить его преемнику Олегу. Недовольный жизнію на сѣверѣ, увлекаемый духомъ движенія, онъ отправился съ набранными воями на югъ, и выманивъ обманомъ къ себѣ въ ладьи Кіевскихъ начальниковъ, сказалъ имъ: «вы не князья, и не княжескаго рода, а я князь, и вотъ сынъ Рюриковъ,» велѣлъ ихъ умертвить, и остался владѣть въ Кіевѣ, (882), встрѣтивъ такую же покорность жителей, какою пользовались Аскольдъ и Диръ, а прежде ихъ Козары.

Изъ Кіева Олегъ, уставивъ дани сѣверныхъ племенъ, сталъ ходить ежегодно, преимущественно по рѣкамъ, на востокъ, югъ и западъ, и облагать данью Славянскія племена: Сѣверянъ, Радимичей, Вятичей, Угличей, Тиверцовъ, Дулебовъ, Хорватовъ, которые покорились ему почти всѣ безпрекословно. Кому дань даете? Козарамъ. Не давайте Козарамъ, а дайте мнѣ, —и они давали ему дань, какъ бы присоединяясь такимъ образомъ къ первому призванію съ своимъ согласіемъ и добровольнымъ подданствомъ.

Олегъ, истый Норманнъ, по примѣру Аскольда и Дира, пошелъ (906) съ двумя тысячами судовъ на Константинополь, устрашилъ Грековъ, получилъ богатую дань, прибилъ свой щитъ къ городскимъ воротамъ, и заключилъ чрезъ нѣсколько

времени договоръ, (послѣ 911, подтвержденный письменно), по которому сверхъ укладовъ на всѣ его подданные города, князьямъ, подъ его рукою сущимъ, онъ выговорилъ значительныя преимущества для ходившихъ въ Константинополь послами и торговцами Варяговъ—выдавать имъ мѣсячное содержаніе, пускать даромъ въ бани, снабжать веревками, веслами и парусами для возвратнаго плаванія.

Послѣ Олега, при Игорѣ, дружина его ходила на востокъ, (913), и произвела нападеніе на берега моря Хвалисскаго или Каспійскаго, гдѣ торговали ихъ единоплеменники. Разсыпавшись по всѣмъ западнымъ берегамъ его до Баку, какъ свидѣтельствуютъ современные Арабскіе писатели, они ограбили всѣ города, разбивъ ополченія, но на возвратномъ пути, по Волгѣ, истреблены возставшими Мусульманскими племенами. Здѣсь погибла часть дружины Игоревой, а другая въ первомъ несчастномъ походѣ на Грецію (941), описанномъ Греками.

Второй походъ подъ Константинополь, съ новой помощію Норманскою, (943), доставилъ Руси обычную дань, и кончился также письменнымъ договоромъ, въ началѣ котораго стоятъ Норманскія имена пословъ, его заключавшихъ отъ имени князя.

И на берега Каспійскаго моря второй походъ (944) былъ также удачнѣе, окончившись разрушеніемъ Берды, на берегу Куры.

Супруга Игорева, Ольга, наказавъ жестоко за его смерть возмутившихся Древлянъ, утвердила подданство племенъ, и уставила нѣкоторыя дани.

Сынъ ея Святославъ ходилъ на Ясовъ, Касоговъ, Козаръ, по сѣверному предгорію Кавказа. Послѣ успѣшной войны въ Болгаріи, онъ хотѣлъ переселиться туда, и утвердить средоточіе Русское въ Переяславцѣ на Дунаѣ, посадивъ сыновей въ Кіевѣ, Коростенѣ и Новѣгородѣ. Греческій Императоръ Іоаннъ Цимисхій не допустилъ совершиться этому намѣренію. Въ жестокой войнѣ, подробно описанной Львомъ діакономъ, который видѣлъ лицемъ къ лицу Святослава, и описалъ его наружность, храбрый Русскій князь былъ разбитъ, принужденъ удалиться въ Кіевъ, и на возвратномъ пути въ Днѣпровскихъ порогахъ, убитъ Печенѣгами,—кочевое племя,—которые еще при Игорѣ (914) начали тревожить Русскіе предѣлы со стороны Черноморскихъ степей.

Между тремя сыновьями Святослава тотчасъ по его кончинѣ началось междоусобіе, и Володимеръ Новогородскій, приведя по найму свѣжую дружину съ Сѣвера, побѣдилъ сперва новаго поселенца въ Полоцкѣ Рогволода, нареченнаго тестя Ярополкова, а потомъ самаго Ярополка, отъ котораго погибъ предъ тѣмъ средній ихъ братъ Олегъ,—овладѣлъ Кіевомъ, и отпустилъ наемныхъ Варяговъ въ Грецію, кромѣ нѣкоторыхъ выбранныхъ, оставшихся въ полной отъ него зависимости.

Володимеръ ходилъ на Волжскихъ Болгаръ, Ятвяговъ, и, еще дальше своихъ предшественниковъ, на западъ, покорилъ себѣ города Червенскіе, т. е. нынѣшнюю Галицію.

Онъ раздѣлилъ свои владѣнія между двѣнадцатью сынами, которыхъ и разослалъ по главнымъ городамъ: въ Новгородъ, Ростовъ, Муромъ, Псковъ, землю Древлянскую, Тмутаракань... предоставивъ каждому по малу своей дружины.

Наслѣдство всѣхъ сыновъ Володимеровыхъ досталось, послѣ нѣсколькихъ междоусобій, одному Ярославу, котораго должно

считать послѣднимъ представителемъ Норманскаго періода Русской исторіи. При немъ кончились походы на Константинополь; впрочемъ неудачно, онъ смирилъ Печенѣговъ, ходилъ на Чудь сѣверо-западную, —и для собранія дани съ нея построилъ Юрьевъ или Дерптъ, —на Емь, на Пермь, на Ятвяговъ, на Литву, на Мазовшанъ. Братомъ его Мстиславомъ Тмутараканскимъ уничтожена окончательно держава Козаръ въ Крыму.

Границами Ярославовыхъ владѣній были: къ сѣверу Балтійское или Варяжское море, къ западу Нѣманъ, Бугъ, Санъ, Карпаты, къ югу Новороссійскія степи, къ востоку Волга, Уралъ.

Вотъ какъ исчисляетъ Несторъ племена подданныя Ярослава:

«Се бо токмо Словенескъ языкъ въ Руси: Поляне, Древляне, Новгородцы, Полочане, Дреговичи, Сѣверы, Бужане... а се суть нніи языцы, иже дань даютъ Руси: Чудь, Меря, Весь, Мурома, Черемись, Мордва, Пермь, Почера, Ямь, Литва, Зимегола, Корсь, Норова, Либъ.»

Такимъ образомъ, впродолженіи двухъ сотъ лѣтъ, очертилась окружность Русскаго, основаннаго Норманнами, государства, съ средоточіемъ въ Кіевѣ, о которомъ еще Олегъ сказалъ: се буди мати градомъ Русскимъ!

Ярославъ былъ въ родственныхъ союзахъ со многими Европейскими Государями, и дворъ его былъ надежнымъ пристанищемъ для знаменитыхъ изгнанниковъ, преимущественно изъ странъ Норманскихъ.

Съ его именемъ сохранилось собраніе законовъ Русскихъ, подвергшихся вліянію христіанства и Славянскихъ обычаевъ, Русская Правда, которая примѣтна еще въ договорахъ съ Греками, и заключаетъ уголовныя постановленія о правѣ мести, о пеняхъ за убійство, за побои, за увѣчье, за кражу, укрывательство, —съ свидѣтелями, поручителями, судомъ 12 цѣловальниковъ или присяжныхъ, съ судебными поединками или полемъ, испытаніемъ желѣзомъ и водою.

Племена Славянскія были соединены Норманскими князьями въ одно цѣлое, и въ патріархальной ихъ жизни произошла важная перемѣна: Сѣверный вихорь возмутилъ рѣку, и поднялъ со дна ея тихія струи. Хотя князья, занятые своими походами, внѣшними и внутренними, распространеніемъ предѣловъ своей дани, имѣли мало къ нимъ непосредственнаго отношенія, и оставляли ихъ жить на прежней волѣ, — хотя дань, положенная на племена, была не тягостна, и отдать куницу или бѣлку, которую поймать можно было не подалеку, въ сосѣднемъ лѣсу, никому не стоило большихъ трудовъ, —но все таки произошло между племенами небывалое движеніе, зародились иныя чувства, возникли совершенно новыя отношенія, и началось понятіе объ обязанностяхъ. Естественная воля стѣснилася. Для пришлаго непосѣднаго племени, надобно было припасать содержаніе и всѣ нужныя вещи. Иное шло въ дань, другое покупалось. Уже Императоръ Константинъ Багрянородный свидѣтельствуетъ о закупаемыхъ Варягами у Славянъ зимою ладіяхъ, на которыхъ они пускались весною въ свои путешествія, торговыя и военныя. Промышленность, и соединенная съ нею торговля, получили сильный толчекъ. Сообщеніе селеній съ городами, и городовъ между собою, усилилось.

Вліяніе Норманское обнаруживалось преимущественно въ городахъ, гдѣ со временъ Рюриковыхъ расселились «находники

Варязи, а первіи насельници,» сказалъ Несторъ, «въ Новѣгородѣ Словѣне, Полотскѣ Кривичи, въ Ростовѣ Меря, въ Бѣлѣзерѣ Весь, въ Муромѣ Мурома.» Къ нимъ наѣзжали безпрестанно соотечественники съ Сѣвера на житье, или по пути въ Грецію. Иные основывали свои особыя поселенія: Рогволодъ съ сыновьями въ Полоцкѣ, Туръ въ Туровѣ. Ихъ образъ жизни, разсказы о видѣнныхъ странахъ и народахъ, знакомство съ роскошью Греческою и Восточною, даже домашній скарбъ—все дѣйствовало на воображеніе туземцевъ. Находились между послѣдними и такіе, которые принимали участіе въ ихъ странствіяхъ всякаго рода; кругозоръ расширялся. Женщины, какъ и вездѣ, бывъ посредницами, и служа къ утвержденію связей, оказывали обратное вліяніе, тѣмъ болѣе значительное, что пришельцевъ было несравненно менѣе туземцевъ. Норманство распустилось въ Славянщинѣ, какъ капля вина въ сосудѣ съ водой, сообщивъ ей нѣсколько своего вкуса.

Въ хозяйственномъ отношеніи надо замѣтить еще одно явленіе: нѣкоторые изъ пришлыхъ бояръ, изъ дружины, живя при князьяхъ, захотѣли имѣть подобно имъ, собственныя усадьбы, особенно подъ городами, занимали пустопорожную землю,—ея было вездѣ съ избыткомъ,—и приглашали къ себѣ въ работники смердовъ, въ дополненіе многочисленной плѣнной и прочей челяди, которую приводили они изъ своихъ походовъ. Такіе временные работники извѣстны въ Русской Правдѣ подъ именемъ *закуповъ*. Получая извѣстныя выгоды, и въ особенности бóльшую безопасность и спокойствіе отъ всякихъ притязаній, они оставляли охотно свою землю, которую всегда достать себѣ могли, и шли въ услуженіе, составляя съ боярскою челядью слободы, первоначальныя помѣстья. Вотъ первая степень произвольнаго крѣпостнаго права, съ свободнымъ переходомъ!

Такая перемѣна произошла въ древнемъ Славянскомъ быту, вслѣдствіе нашествія и разселенія Нормановъ!

Впрочемъ сословій никакихъ, не смотря на соединеніе двухъ племенъ, господствующаго и подчиненнаго, необразовалося, а раздѣлялся народъ по занятіямъ—военное, торговое, земледѣльческое, между которыми никакихъ преградъ не было, и переходъ отъ одного занятія къ другому свободный. Самые рабы не лишены были надежды на освобожденіе.

Важнѣйшая и благодѣтельнѣйшая перемѣна произведена въ народѣ Христіанскою религіей, которою также мы обязаны зачину Нормановъ. Первое сѣмя ея принесено безъ сомнѣнія Аскольдомъ и Диромъ, изъ Константинопольскаго похода, о чемъ свидѣтельствуетъ грамота и проповѣди Патріарха Фотія, равно какъ и церкви, построенныя на мѣстахъ погребенія несчастныхъ витязей. Мало-по-малу число ея поклонниковъ умножалось, и при Игорѣ была у нихъ уже церковь Св. Иліи, въ коей дружинники-христіане присягали предъ Греческими послами въ сохраненіи договора (944). Великая княгиня Ольга подала сильный примѣръ, принявъ святое крещеніе въ Константинополѣ, куда ѣздила съ многочисленными спутниками, и привезла оттуда крестъ, оставивъ тамъ на память золотое блюдо, которое долго показывалось нашимъ поломникамъ. Сынъ ея Святославъ однакожъ не внялъ ея просьбамъ о крещеніи, опасаясь насмѣшекъ дружины. При Володимерѣ два

Варяга, отецъ и сынъ, пришедшіе изъ Греціи, обреченные по жребію на жертву богамъ, запечатлѣли кровію преданность христіанской вѣрѣ: первые священномученики Кіевскіе— Ѳеодоръ и Іоаннъ.

Этому князю предназначено было просвѣтить всю Русскую землю ея свѣтомъ. Выслушавъ предложеніе отъ іудеевъ, магометанъ, католиковъ, рѣшился онъ принять ее отъ Грековъ, и для того пошелъ на Корсунь, знаменитый Греческій городъ на Таврическомъ берегу Чернаго моря. Тамъ онъ крестился, и вступилъ въ бракъ съ Греческою царевною Анною, сестрою императоровъ Василія и Константина. Забравъ все нужное для богослуженія, онъ возвратился въ Кіевъ, велѣлъ низвергнуть кумиры, Перуна, Волоса и проч. и объявилъ, чтобъ на другой день утромъ, всѣ жители, богатые и убогіе, нищіе и работники, шли на рѣку принимать святое крещеніе, а кто не придетъ, тотъ будетъ ему противенъ,—и всѣ пришли съ радостію говоря: еслибъ это не было хорошо, то Великая княгиня Ольга, мудрѣйшая всѣхъ людей, князь и бояре, не поступили бы такъ.

Добровольное принятіе Христіанской вѣры соотвѣтствовало совершенно полюбовному основанію Государства, и церковь не получила сначала сѣмянъ западной реформаціи, точно какъ государство не имѣло сѣмянъ западной революціи.

Володимеръ велѣлъ рубить вездѣ церкви по мѣстамъ, гдѣ стояли кумиры. Въ Кіевѣ основана была церковь Св. Василія,—имя его ангела, — на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ Перунъ съ своими товарищами. У нарочитыя чади взяты были дѣти и отданы на ученье книжное. Потомъ изъ Кіева были посланы епископы по странамъ, вѣроятно, большею частію изъ Болгаръ, разносить вездѣ свѣтъ Христіанской вѣры.

Благодатное солнце возсіяло надъ рѣкою.

Христіанская вѣра съ самаго начала возъимѣла могущественное дѣйствіе на народъ, безъ сравненія съ прочими европейскими государствами, вслѣдствіе особаго счастливаго обстоятельства — проповѣди на родственномъ, близкомъ, понятномъ языкѣ.

Въ избранныхъ душахъ произошелъ совершенный переворотъ: отъ земли взоры обратились къ небу. Самъ Володимеръ преобразился, и изъ человѣка, преданнаго страстямъ и похотямъ, сдѣлался кроткимъ и воздержнымъ. Сыновья его, Борисъ и Глѣбъ, какъ прежде Ѳеодоръ и Іоаннъ, приняли съ радостію вѣнцы мученическіе.

Ярославъ, сынъ Володимеровъ, продолжалъ ревностно дѣланіе своего отца; «при немъ вѣра христіанская начала плодиться и разширяться» говоритъ Несторъ, «основаны монастыри, и размножились черноризцы. Ярославъ чтилъ церковные уставы, поповъ любилъ повелику и черноризцевъ, прилежалъ книгамъ и читалъ ихъ днемъ и ночью, собралъ многихъ писцевъ, которые прелагали съ Еврейскаго на Славянскій, и переписывали многія книги, имиже поучались вѣрные люди, и наслаждались божественнымъ ученіемъ. Отецъ его Володимеръ взоралъ землю и умягчилъ, т. е. просвѣтилъ крещеніемъ, а онъ насѣялъ книжными словесы, мы же пожинаемъ, принимая ученіе книжное.»

Строеніе церквей, основаніе монастырей, учрежденіе эпархій, имѣло великое просвѣтительное значеніе. Всякая вновь построенная церковь дѣлалась, говоря по нашему,

училищемъ, новый монастырь гимназіей, а новая епархія учебнымъ округомъ. Господи помилуй, подай Господи, буди святая воля Твоя, остави намъ долги наша, якоже и мы оставляемъ должникомъ нашимъ — эти простыя молитвы и правила распространялись въ народѣ, и принимались къ сердцу, дѣлаясь у многихъ основаніемъ жизни, какъ свидѣтельствуютъ современные памятники.

Великолѣпные соборы Софійскіе, въ Кіевѣ и Новѣгородѣ, Десятинная церковь, построенные греческими мастерами, представили удивленнымъ взорамъ Славянъ новое поразительное зрѣлище. Печерская обитель, учрежденная Св. Антоніемъ и Ѳеодосіемъ, стала средоточіемъ духовной жизни Русской, истиннымъ ея святилищемъ; тамъ водворилось и первое наше христіанское просвѣщеніе: книги Священнаго писанія, творенія первыхъ отцевъ церкви, житія, переписывались, читались, изучались, и отсюда разносились во множествѣ по всѣмъ обширнымъ областямъ нашего отечества. Въ монастыряхъ сохранялись и дополнялись лѣтописи, веденныя при князьяхъ. Болгарія сообщала намъ труды своихъ учителей, преемниковъ Кирилла и Меѳодія.

Святыя сѣмена находили вездѣ плодоносную, подготовленную почву: въ Кіевѣ и Смоленскѣ, Любичѣ и Курскѣ, Торопцѣ и Туровѣ, вездѣ находились люди, даже между простолюдинами, способные принимать новое ученіе, претворять его въ свою плоть и кровь, и на основаніи его подниматься на высоту первыхъ ревностныхъ христіанскихъ исповѣдниковъ.

Солнце проникало своими лучами до самой глубины рѣки.

Первые Печерскіе подвижники явили свѣту великіе образцы вѣры и любви, кротости, самоотверженія, терпѣнія, всѣхъ христіанскихъ добродѣтелей, вмѣстѣ съ примѣчательною для того времени нѣжностію и тонкостію чувствованій. Изъ среды ихъ явились писатели или проповѣдники, постигшіе глубоко таинства христіанской вѣры. Вотъ наши великіе люди, которымъ Россія обязана просвѣщеніемъ духовнымъ, нравственнымъ образованіемъ!

Разсылаемые отсюда епископы заводили по городамъ училища. Многіе изъ Греческихъ митрополитовъ отличались просвѣщеніемъ и ревностію къ распространенію образованія въ народѣ. По окраинамъ впрочемъ, и по глухимъ мѣстамъ, долго еще держались слѣды язычества, по которымъ люди назывались отъ проповѣдниковъ двоевѣрцами.

Между тѣмъ какъ духовная жизнь такимъ образомъ возвышалась и процвѣтала, пшеница Божія множилась на угобженной нивѣ, впродолженіи двухъ сотъ лѣтъ по принятіи Христіанства, — государственное устройство, утвержденное и возвеличенное единодержавіемъ, впродолженіи Норманскаго періода, ослабѣвало постепенно, вслѣдствіе умноженія князей и раздробленія княжествъ, и наконецъ очутилось на краю погибели.

Ярославъ раздѣлилъ свои владѣнія «Русскую землю, налезенную трудами отцовъ и дѣдовъ», между пятью сынами, предоставивъ еще прежде Новгородъ старшему, шестому, который умеръ прежде его — первыя удѣльныя княжества въ предѣлахъ прежнихъ племенъ. (Новгородъ, Кіевъ, Черниговъ, Переяславль, Владиміръ Волынскій, Смоленскъ. Полоцкъ оставался во владѣніи Рогнѣдина сына Изяслава).

Ярославъ раздѣлилъ, но такъ, что раздѣленная имъ Русская земля составляла все-таки

одно цѣлое, одно общее владѣніе, гдѣ главный городъ долженъ былъ принадлежать всегда старшему въ родѣ, брату послѣ брата, мимо сыновей, которымъ слѣдовало дожидаться своей череды. Такъ точно и во всякомъ удѣлѣ стольный городъ долженъ былъ принадлежать старшему въ родѣ того Ярославова сына, которому онъ по его завѣщанію былъ предоставленъ. Русская земля стала одной большой общиной, въ которой всѣ потомки Ярославовы имѣли право имѣть каждый свою часть, какъ нынѣ въ сельскихъ общинахъ земля находится въ общемъ владѣніи. Какъ бы по лѣстницѣ князья поднимались поочередно, и становились наконецъ, кому случалось дожить, на верхнюю ступень, то есть получать стольный городъ Кіевъ.

Этотъ обычай, принесенный вѣроятно съ Сѣвера, имѣлъ рѣшительное вліяніе на всю нашу древнюю государственную исторію, и обусловливалъ всѣ ея явленія.

Вслѣдствіе этого обычая у князей не было постояннаго пребыванія, поземельной, наслѣдственной, государственной собственности, а только временное пользованіе. Они даже и не думали объ ней, никакого мѣста не считали своимъ, а смотрѣли съ него на старшее и лучшее, вплоть до Кіева, который по порядку могъ достаться каждому изъ нихъ, и составлялъ предметъ его задушевныхъ желаній. Отецъ, умирая на томъ или другомъ столѣ, отдавалъ малолѣтнихъ дѣтей на руки своего преемника иногда безъ ничего, или отсылалъ въ другое княжество на воспитаніе къ брату, дядѣ или другому какому родственнику. Могли оставаться у нихъ волости по особымъ обстоятельствамъ, какъ оброчныя статьи, на правахъ частнаго владѣнія.

Самыя княжества не имѣли опредѣленныхъ границъ, которыя измѣнялись смотря по личнымъ правамъ и обстоятельствамъ того или другаго владѣвшаго князя, иногда соединялись, иногда раздѣлялись отчасти или вполнѣ.

Но, говорятъ, гдѣ право, тамъ и обида. Первоначальный обычай имѣлъ исключенія: Князь лишался права на тотъ городъ, которымъ не приходилось прежде владѣть его отцу; онъ могъ также потерять свое право за вину. Встрѣчались недоразумѣнія. Разныя постороннія обстоятельства могли нарушить обычай: народное избраніе, воля умирающаго князя, имѣвшаго почему нибудь особенную силу, малолѣтство законнаго наслѣдника. У иныхъ князей недоставало терпѣнія ожидать очереди, и они спѣшили воспользоваться благопріятными обстоятельствами, въ коихъ случайно находились. Притомъ ломоть въ чужой рукѣ всегда кажется длиннѣе, чѣмъ въ своей; стремленіе усиливаться, распространять свои владѣнія на чужой счетъ, обнаружилось еще въ первомъ періодѣ, когда бывало только по два, по три князя; теперь же, когда число ихъ съ каждымъ годомъ становилось больше и больше, споры возникали гораздо легче, за коими слѣдовали распри и междоусобіе: князья начали волоститься, воевать между собою за владѣнія, цѣнимыя по мѣрѣ доходовъ, и входить въ союзы съ этою цѣлію, подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ, по тому или другому праву. Ни княжескіе съѣзды, которые придумалъ Володимеръ Мономахъ, представитель удѣльнаго періода съ хорошей его стороны, ни убѣжденія духовенства, всегда ревностнаго къ прекращенію междоусобій, не могли воспрепятствовать развитію этого зла. Во всѣхъ княжествахъ происхо-

дили однѣ и тѣ же явленія: войны, впрочемъ не слишкомъ кровопролитныя. Иногда онѣ уменьшались, благодаря способностямъ того или другаго Великаго князя; иногда умножались вслѣдствіе побочныхъ обстоятельствъ. Война вообще была главнымъ занятіемъ князей.

Кромѣ междоусобій — они должны были безпрестанно стеречь Русскую землю отъ набѣговъ Литовцевъ и кочевыхъ Половцевъ, которые замѣстили на югѣ Печенѣговъ, и отражать ихъ нападенія. Иногда же они призывали ихъ сами на помощь противъ своихъ соперниковъ.

Дружина, которая раздѣлялась на старшую и младшую, бояръ и отроковъ или дѣтскихъ, жила одною жизнію съ князьями. Дружиною всякой князь дорожилъ потому, что она составляла всю его силу, и безъ нея онъ былъ, какъ безъ рукъ: отъ дружины онъ получалъ первую помощь и первый совѣтъ. Съ добрымъ думцею, говоритъ Данило Заточеникъ, князь высока стола додумается, а съ лихимъ думцею и малаго стола лишенъ будетъ. Дружина обходилася съ князьями за панибрата, участвовала во всѣхъ ихъ дѣлахъ, и пировала съ ними вмѣстѣ. Она не водворялась нигдѣ на постоянное жительство, а слѣдовала постоянно за своимъ княземъ, отъ котораго, разумѣется, всегда могла ждать лучшаго, чѣмъ отъ чужаго, приходившаго на его мѣсто, съ своими людьми. Если князю надѣялось быть индѣ лучше, то и дружинѣ его также, а положительное содержаніе, кормленіе, опредѣлялось вездѣ, вѣроятно, одинаково, изъ предназначенныхъ на то волостей.

Княжескій обычай столонаслѣдія имѣлъ, слѣдовательно, великое вліяніе и на отношенія дружины къ государственному устройству: какъ въ первый, Норманскій періодъ, Русской исторіи, не могло установиться у насъ на особыхъ правахъ высшее гражданское сословіе, аристократія, потому что дружина была не постоянною, а сборною, иногда даже наемною, сбродною, часто переводилась и возобновлялась, и состоя при всякомъ князѣ изъ новыхъ пришлыхъ людей, на особенныхъ всегда условіяхъ, зависѣла отъ князя, — такъ и въ удѣльный по преимуществу періодъ, странствуя за князьями изъ города въ городъ, безъ поземельной, наслѣдственной собственности, а только съ правомъ, или лучше, обычаемъ пользованія, при томъ очень малочисленная и разсѣянная по отдѣльнымъ княжествамъ, она не могла составить сильнаго сословія, и находилась всегда въ полной зависимости отъ князей, какъ князья зависѣли отъ нея, — они были связаны между собою одинакими выгодами.

Переходя обыкновенно съ княземъ, бояре имѣли еще право переходить отъ одного князя къ другому, оставляя въ томъ и другомъ случаѣ частныя свои владѣнія, если у кого были какія. Они дорожили этимъ правомъ перехода, которое сочлось бы наказаніемъ на Западѣ, гдѣ всякій прирасталъ къ тому мѣсту, къ тому владѣнію, которое досталось ему при первомъ дѣлежѣ, и поступало въ его родъ отъ поколѣнія къ поколѣнію. Объ осѣдлости у бояръ не было мысли, какъ у князей. Война была главнымъ ихъ занятіемъ вмѣстѣ съ князьями.

Иноплеменники встрѣчаются часто въ приближеніи у князей: — изъ Чуди, Половцевъ, Ясовъ.

Города, съ военнымъ своимъ населеніемъ, къ которому присоединились и первоначальные ихъ жители, принимали по временамъ участіе въ текущихъ дѣлахъ, въ избраніи и удаленіи князей, въ согласіи или несогласіи на веденіе войны: «Новгородцы бо изначала и Смолняне, и Кіяне, и Полочане, и вся власти, якоже на думу, на *вѣча* сходятся; на что же старѣйшіе думаютъ, на томъ же пригороди станутъ.» Князья при вступленіи на столъ всякой разъ договаривались съ людьми.

Народу сельскому въ удѣльный періодъ стало тяжеле противъ прежняго, потому что при удѣлахъ князь сталъ ближе лицемъ къ нему, и онъ долженъ былъ понести лишнія повинности. Полюдья или княжіе объѣзды, какъ для суда и расправы, за кои получалась пошлина, такъ и для собиранія дани, исправлялись лично чаще. Мономахъ велитъ, правда, дѣтямъ «худаго смерда не давать въ обиду,» но не всѣ князья были такъ благодушны. Междоусобія отражались и по селамъ. Надо было содержать прохожія толпы, и доставлять имъ все нужное. Походами притаптывались поля, пожарами истреблялись жилища и запасы. Верхнія волненія захватывали рѣку глубже и глубже. Но за то, если народъ подвергался неизвѣстнымъ ему прежде тревогамъ, если умножались его потребности, то съ другой стороны возбуждался больше его умъ, ощущалась необходимость въ трудѣ, увеличивалась его самодѣятельность. Нужда учила народъ ѣсть пироги, и онъ становился смышленѣе, заботливѣе, подвижнѣе. Значительная торговля, продолжавшаяся съ Греціей и Нѣмецкимъ западомъ, содѣйствовала его благосостоянію. Жизнь вообще была спокойною, и пѣсни распѣвались по прежнему, за работою и по праздникамъ; на сватьбахъ, въ хороводахъ и въ посидѣлкахъ, — пѣсни, въ которыхъ слышится нѣжное чувство и развитіе мирныхъ добродѣтелей, любовь родительская, въ особенности къ дочерямъ, и вообще живо представляется величіе Русской семейной жизни. Древняя Русская свадьба съ своими знаменательными обрядами представляетъ цѣлую поэму, и свидѣтельствуетъ объ значительныхъ успѣхахъ общежитія.

Путешествія въ Константинополь, на Аѳонъ, въ Іерусалимъ, на Западъ, одни съ духовною, другіе съ торговою цѣлію, служили средствомъ для распространенія познаній, въ родѣ того, какъ у западныхъ народовъ Крестовые походы.

Духовенство сѣяло благія сѣмена, и открывало пути для образованія, являлись такіе дѣятели и учители, какъ митрополитъ Никифоръ, Кириллъ Туровскій, Авраамій Смоленскій, Симонъ и Поликарпъ Печерскіе которые были достойными преемниками Иларіоновъ, Антоніевъ, Ѳеодосіевъ, Варлаамовъ.

Постановленія церковныя, и въ особенности обряды, соблюдались строго, и малѣйшее уклоненіе подавало поводъ къ сомнѣніямъ и преніямъ. Вопросъ напримѣръ о разрѣшеніи мяса по середамъ и пятницамъ, во дни господскихъ праздниковъ, взволновалъ всю Русь, и князья принимали въ немъ живое участіе, пока наконецъ уже въ Константинополѣ онъ былъ оконченъ.

Князья строили монастыри въ искупленіе своихъ грѣховъ, и предъ кончиною часто принимали схиму.

Но вотъ князья размножаются болѣе и болѣе: въ первой степени отъ Ярослава, въ шестой отъ Рюрика, было ихъ 11, во 2-й 15, въ третьей 39, въ четвертой 49, въ пятой 66. Доблести ихъ не умалялись: та же храбрость, та же неустрашимость, та же дѣятельность,—и Романъ Волынскій, Мстиславъ Удалый, Даніилъ Галицкій, Игорь Сѣверскій, Всеволодъ Курскій, Володимеръ Глѣбовичъ Переяславскій, не уступаютъ ни въ чемъ своимъ отцамъ, какъ тѣ первымъ витязямъ древности: Олегу, Святославу, Ростиславу Володимеровичу, Васильку, Олегу Святославичу, Мономаху, Мстиславу, Изяславу Мстиславичу, Андрею Боголюбскому, Мстиславу Храброму. Избытка силы было у нихъ поровну, бранный духъ не ослабѣвалъ, они не хотѣли уступать другъ другу, и дрались, дрались до истощенія силъ.

Бывали князья умные и способные, которымъ, благодаря счастливому стеченію обстоятельствъ, доставались подъ власть многія княжества и волости, но такое положеніе оставалось недолго. Порядокъ наслѣдства и обычай дѣлежа между дѣтьми приводилъ все въ старую колею. По смерти ихъ, даже при жизни, возобновлялись однѣ и тѣ же явленія: такъ Всеволодъ (Ярославичь) бѣ единъ владѣя въ Руси (1074—1093), но племянники не давали ему покоя своими просьбами: кому нужна была та волость, кому другая,—и онъ долженъ былъ раздать имъ многіе города.

Сильнѣе его былъ сынъ Мономахъ, владѣвшій и заправлявшій силами многихъ княжествъ: Кіевскаго, Переяславскаго, Владимирскаго, Курскаго, Смоленскаго, Суздальскаго, даже Новгородскаго, (1113—1125), —онѣ всѣ распредѣлились между его сынами и внуками.

Старшій сынъ Мстиславъ (1125—1132) присоединилъ еще княжество Полоцкое, но раздробилъ болѣе наслѣдство Мономахово, раздавъ изъ своей части удѣлы сыновьямъ, кромѣ удѣловъ братьямъ, имѣвшимъ своихъ дѣтей.

Всеволодъ Олеговичъ (1139—1146) владѣлъ княжествомъ Черниговскимъ, овладѣлъ Кіевскимъ, и хотѣлъ покорить себѣ всю Русскую землю, но долженъ былъ вскорѣ отказаться отъ исполненія своихъ замысловъ, найдя сильное сопротивленіе Мономаховичей.

Во всѣхъ княжествахъ, къ концу этого періода, оказывалось совершенное разстройство: бывало по два князя въ одномъ городѣ, иные владѣли по половинѣ города; бѣдныя волости сдѣлались мѣстопребываніями князей, за неимѣніемъ лучшихъ удѣловъ, какъ напримѣръ Вщижъ. «Не могу я умирать съ голоду въ Выри,» говоритъ одинъ князь. «Что мнѣ дѣлать съ семью городами, гдѣ живутъ одни псари,» жалуется другой.

Кіевское княжество, раздробленное и обрѣзанное, переходившее по десяти разъ изъ рукъ въ руки впродолженіе краткаго промежутка времени, подвергшееся двумъ страшнымъ опустошеніямъ, совершенно ослабѣло, и стѣснилось въ своихъ предѣлахъ чуть не до стѣнъ.

Черниговское княжество, отъ котораго отдѣлилось Новгородъ-Сѣверское и Муромское, раздробившееся въ свою очередь на мелкія части, истощилось окончательно въ послѣдней борьбѣ съ Кіевомъ, которому постоянно соревновало.

Переяславское, раздѣлявшее по большей части судьбу Кіевскаго, съ коимъ часто бывало въ соединеніи, подвергалось сверхъ того больше всѣхъ частымъ нападеніямъ Половцевъ.

Въ прочихъ княжествахъ западныхъ, Полоцкомъ, Туровскомъ, Владимиро-Волынскомъ, Смоленскомъ, происходило тоже: князья умножались, удѣлы дробились, сосѣдніе враги усиливались.

Средоточіе тяжести съ юга-запада обратилось въ половинѣ XII столѣтія на северо-востокъ; тамъ возникло и скоро усилилось новое великое княжество Суздальское или Владимирское, которое отдѣлилось отъ Переяславскаго еще при Мономахѣ, и зажило особою жизнью. Тамошніе князья стѣснили Новгородъ, подчинили князей Муромскихъ и Рязанскихъ, пріобрѣли верхъ, на нѣкоторое время, даже надъ дальнымъ югозападомъ. Они распространили также завоеванія къ востоку на счетъ Булгаръ, Мордвы, Черемисы. Юрій Долгорукій, сыновья его, Андрей Боголюбскій (1155—1175), и Всеволодъ, Большое гнѣздо, (1176—1212), одинъ за другимъ, были сильнѣйшими князьями, и при жизни не давали у себя никому удѣловъ.

Эти князья на сѣверѣ, какъ прежніе на югѣ, поднимались, слѣдовательно, на высоту мысли объ единовластіи, и сознавали ея пользу, хотя можетъ быть и безъ государственныхъ соображеній, а въ удовлетвореніе личнаго властолюбія или честолюбія, но на ней и останавливались, не имѣли силы, смѣлости, или смысла, подниматься выше и обезпечить наслѣдство, сохраненіе силы. Потому всѣ ихъ зданія, воздвигнутыя съ великими усиліями, разрушались тотчасъ по ихъ кончинѣ.

Всеволодъ, сильнѣйшій изъ нихъ, еще при жизни своей увидалъ пагубныя слѣдствія вѣковаго обычая, когда старшій сынъ его Константинъ «воздвигнулъ брови» на меньшаго брата своего Георгія, которому отецъ назначалъ Ростовъ.

По смерти его междоусобія начались въ Залѣсской сторонѣ точно такія, какія были и на югѣ. Сыновья Всеволода поссорились вновь между собою, и начали войну, которую порѣшилъ Новгородскій князь Мстиславъ Удалый, придя на помощь къ старшему Константину, противъ меньшихъ братьевъ Георгія и Ярослава, много обидившаго Новгородъ.

Всеволодъ оставилъ четырехъ сыновъ. У каждаго изъ нихъ были дѣти, и къ концу этого періода во Владимирскомъ княжествѣ оказались удѣлы: Владимиръ и Суздаль, Ростовъ и Ярославъ, Юрьевъ, Переяславль, Стародубъ, Москва. Число князей возрасло до десяти, они прибѣгали нѣсколько разъ къ оружію.

Рязань представляла еще печальнѣйшее зрѣлище. Послѣ неудачной борьбы съ Владимиромъ, она должна была подчиниться сильному сосѣду. Князья безпрестанно ссорились, и просили суда во Владимирѣ, а наконецъ одинъ изъ нихъ, вмѣстѣ съ братомъ, зазвавъ остальныхъ братьевъ къ себѣ на пиръ, измѣннически перебилъ ихъ въ своемъ шатрѣ съ ихъ боярами.

Два княжества представили особыя явленія въ древней Русской исторіи: Новгородъ и Галичъ, которыя жили болѣе самостоятельною жизнію, особенно первое, и въ которыхъ при княжеской власти образовалось свое значительное боярство.

Новгородъ съ самаго начала находился въ особыхъ обстоятельствахъ: до Рюрика онъ былъ уже независимымъ, значительнымъ обществомъ, съ обширными владѣніями. Вѣроятно тогда уже завелись тамъ старшины, которые пользовались вліяніемъ на общественныя дѣла. По удаленіи

изъ Новагорода преемника Рюрикова, остались тамъ можетъ быть нѣкоторые изъ его бояръ, которые и укрѣпились на своихъ мѣстахъ, утвердили за своими родами земли, и положили основаніе городской аристократіи, вмѣстѣ съ туземными старожилами и богатѣвшими купцами. При Ярославѣ они исходатайствовали себѣ право, за услуги, выбирать князей изъ его рода. Право это уважалось до такой степени, что никто безъ ихъ приглашенія не являлся туда съ своими притязаніями. Новгородъ сдѣлался опять особнякомъ, сперва какъ будто маіоратомъ, и, не дѣлясь, какъ прочія княжества, на удѣлы, сохранилъ всѣ свои владѣнія въ цѣлости, даже распространилъ ихъ на счетъ сосѣднихъ Финскихъ племенъ, не принималъ почти никакого участія въ Русскихъ междоусобіяхъ, торговалъ безпрепятственно, богатѣлъ, и пользовался совершенною свободою на бурныхъ своихъ вѣчахъ при рѣшеніи домашнихъ дѣлъ, —но не смотря на всѣ эти благопріятныя обстоятельства, не имѣлъ й не достигъ никакой цѣли, не успѣлъ сдѣлать ничего важнаго въ государственномъ смыслѣ, кромѣ счастливой по временамъ войны съ Чудскими племенами, кромѣ славнаго отраженія нѣкоторыхъ нападеній со стороны Владимірскихъ князей, кромѣ совершенія нѣкоторыхъ личныхъ подвиговъ. Внутреннія распри у бояръ съ простымъ народомъ, у тѣхъ и другихъ съ князьями, замѣняли мѣсто междоусобныхъ войнъ на югѣ. Князей Новогородцы безпрестанно выгоняли, и не могши жить безъ нихъ, призывали снова, какъ во время предъ-Рюриково. Владимірскіе князья, усилясь въ ихъ сосѣдствѣ, возъимѣли большое вліяніе на Новгородъ, тѣмъ болѣе, что имѣли возможность морить его голодомъ. Между Новгородцами образовались ихъ сторонники, отъ которыхъ прибавлялось смуты; свободный Новгородъ потянуло въ общій водоворотъ къ участію въ судьбахъ всей остальной Руси.

Въ Галичѣ усилились бояре, потому что долго оставались на своихъ мѣстахъ при единодержавныхъ князьяхъ, слѣдовавшихъ одинъ за другимъ по одиначкѣ законнымъ порядкомъ, или послѣ краткихъ междоусобій—такъ было при Володимерѣ и Василькѣ, при Володимеркѣ и сынѣ его Ярославѣ Осмосмыслѣ. Можетъ быть имѣло здѣсь вліяніе и Польское происхожденіе нѣкоторыхъ гражданъ, остававшихся еще отъ времени до-Володимерова. Но при безпутномъ наслѣдникѣ Ярославовомъ и послѣ него, явились иностранные притязатели, Ляхи и Угры, —и Галичь сдѣлался яблокомъ раздора между ними и Русскими сосѣдними князьями. Начались войны въ которыхъ бояре принимали большое участіе, склоняясь то на ту сторону, то на другую, и призывая Русскихъ князей. Сыновья извѣстнаго Сѣверскаго князя Игоря Святославича были призваны туда, и выведенные изъ терпѣнія кознями бояръ, рѣшились на вѣроломное злодѣяніе: до пяти сотъ человѣкъ было ими избито. Смятенія не прекращались, и Игоревичи въ свою очередь при перемѣнѣ обстоятельствъ были повѣшаны боярами. Тогда Поляки, поссорясь съ Уграми изъ за добычи, призвали Новгородскаго князя Мстислава Мстиславича рѣшить распрю.

Вотъ въ какомъ положеніи находились дѣла во всѣхъ княжествахъ!

Присоедините къ междоусобіямъ, Половецкимъ и Литовскимъ набѣгамъ, безпрерывное, перехожденіе съ мѣста на мѣсто

князей, бояръ, воевъ, и отчасти самыхъ поселянъ,—и нигдѣ никакого установленнаго твердо порядка, котораго вотще, видно, искали Словене за моремъ: полная, совершенная свобода, подвижность, измѣняемость, господствовала во всѣхъ учрежденіяхъ—въ преемствѣ князей, и ихъ отношеніи къ людямъ, между собою, въ собраніи вѣчъ, въ избраніи духовныхъ сановниковъ; какая то недовѣрчивость или отвращеніе отъ всякаго положительнаго опредѣленія; привычка, сдѣлавшаяся второю природою, рѣшать всѣ дѣла, внѣ правилъ, смотря по обстоятельствамъ, и требованіямъ времени, какъ въ ту или другую минуту представлялось нужнымъ, полезнымъ и цѣлесообразнымъ.

Сколько источниковъ и поводовъ для замѣшательствъ всякаго рода!

А нравственный, духовный уровень въ передовыхъ дѣятеляхъ стоялъ между тѣмъ высоко, поднимался безпрестанно,—и во всѣхъ областяхъ, во всѣхъ слояхъ общества, являлись люди глубоко просвѣщенные о единомъ, еже есть на потребу, — исключительный предметъ древней Русской любознательности и просвѣщенія,—но голоса ихъ были голосами вопіющихъ въ пустынѣ.

Народъ принималъ всѣ бѣдствія, какъ естественныя, такъ и гражданскія, справедливымъ наказаніемъ за грѣхи и приносилъ покаяніе устами своихъ лѣтописателей,—но помочь злу онъ былъ не въ силахъ, и не въ понятіяхъ.

Что же грозило Государству, до такой степени распущенному, далѣе,—при естественномъ умноженіи князей!

Мелкопомѣстность, чересполосность, разнобоярщина, однодворчество!

Враждебные сосѣди, нѣкогда усмиренные и покорные, теперь ободрились, и, пользуясь общимъ разстройствомъ, начали уже угрожать всѣмъ окраинамъ. Однимъ словомъ Государственное положеніе было отчаянное.

Къ утѣшенію должно сказать только то, что при всѣхъ междоусобіяхъ, при всѣхъ неурядицахъ, при всѣхъ дробленіяхъ, единство Русской земли чувствовалось и сознавалось у всѣхъ,—и у князей, и у бояръ, и у духовенства, и у лѣтописателей.

Вѣра, языкъ и единокровіе служили къ укрѣпленію этого чувства и понятія.

И святые отшельники, по пещерамъ, на столпахъ, среди пустынь, въ монастыряхъ, молились съ горькими слезами о спасеніи отечества.... Богъ услышитъ ихъ молитву: государство спасется, но пройдя чрезъ огнекровавое испытаніе, къ описанію котораго мы теперь и приступаемъ.

ТАТАРСКОЕ НАШЕСТВІЕ.

Мы видѣли, что главнымъ дѣйствующимъ лицомъ, въ первой четверти XII столѣтія, сдѣлался Мстиславъ Мстиславичъ Удалый, изъ рода Смоленскихъ князей, который призванъ былъ изъ Новагорода въ Галичь, гдѣ, по смерти знаменитаго Романа Волынскаго, сосредоточились дѣйствія всего юга.

Туда, въ 1223 году, явился неожиданно изъ своихъ кочевьевъ, въ нынѣшнихъ степяхъ Новороссійскихъ, тесть Мстиславовъ, старшій Половецкій ханъ Котянъ, въ сопровожденіи своихъ подручниковъ,—всѣ трепещущіе отъ страха. Никогда не видали Половцевъ въ такомъ смятенномъ, странномъ положеніи. И признаковъ нѣтъ прежней дерзости, назойливости, прежняго высокомѣрія! Тихіе, смиренные и униженные, съ поклонами и дарами, приходятъ они къ Мстиславу и просятъ: «помогите намъ, напали на насъ сильные враги и разорили нашу землю. Если вы теперь намъ не поможете, они придутъ и къ вамъ и сдѣлаютъ съ вами тоже. Помогите намъ!»

Что сдѣлалось съ вами? кто погубилъ васъ? какіе враги? спрашиваетъ князь и его бояре испуганныхъ бѣглецовъ, и не могутъ получить никакого удовлетворительнаго отвѣта. Половцы сами ничего не знали порядочно, показывали различно, умѣли описать только свое пораженіе: «враги ихъ пришли со стороны Каспійскаго моря, числомъ ихъ было очень много, храбрость и силу явили они великую, злобы еще больше; лицемъ они смуглые, глаза у нихъ узкіе, врозь, губы толстыя, плечи широкія, скулы выпуклыя, волосы черные. Сначало по предгорію Кавказскому побѣдили они Ясовъ, Обезовъ, Касоговъ. Половцы стали-было имъ въ отпоръ съ самымъ сильнымъ своимъ княземъ Юрьемъ Кончаковичемъ, и не могли устоять. Многіе были побиты, другіе загнаны въ луку моря, за Донъ, за Днѣпръ. Остальные перебрались черезъ валъ Половецкій, въ Русскую землю...»

Вотъ все, что можно было понять и разобрать изъ ихъ словъ; — впрочемъ въ ихъ голосѣ, на ихъ лицахъ, во всемъ ихъ разстроенномъ видѣ, заключалось самое ясное и убѣдительное доказательство о справедливости жалобъ, объ опасности положенія, о силѣ враговъ.

Но по крайней мѣрѣ какъ ихъ зовутъ? спрашиваютъ Русскіе, удивляясь въ свою очередь смутнымъ разсказамъ.

«Зовутъ ихъ Татарами» — и вотъ въ первый разъ услышалось на Руси зловѣщее, роковое имя!

Мстиславъ рѣшился созвать Русскихъ князей въ Кіевъ на совѣтъ, для разсужденія объ этихъ новыхъ происшествіяхъ,

касающихся до всей Русской земли. Понеслись гонцы съ повѣстками во всѣ стороны.

Повѣщенные князья собрались — Мстиславъ Романовичъ Кіевскій, съ сыномъ Всеволодомъ и зятемъ, Мстиславъ Святославичъ Черниговскій съ сыномъ, Михаилъ Всеволодовичъ Черниговскій, (будущій мученикъ), молодой Даніилъ Романовичъ Волынскій, Мстиславъ Нѣмый Волынскій, Олегъ Курскій, и многіе другіе.

Туда прибыли и набольшіе Половцы. Они обходили князей, отъ одного къ другому, кланялись, просили, дарили—коней, верблюдовъ, буйволовъ, дѣвокъ-невольницъ. Одинъ изъ нихъ, Бастѣй, для бо̀льшаго умилостивленія, принялъ даже христіанскую вѣру. Всѣ средства употребляли они, чтобъ подвинуть Русскихъ къ участію и защитѣ. Котянъ дѣйствовалъ въ особенности на зятя своего Мстислава Галицкаго, и мудрено ли было воспламенить этого неустрашимаго витязя, въ которомъ лѣта не угашали браннаго духа. Его самого уже волновало любопытство, что это за новые воины, предъ которыми все такъ преклонялось; его самого уже брало нетерпѣніе помѣриться съ ними силою, коей также до сихъ поръ никто не могъ противиться—и Чудь, и Угры, и Ляхи, и Половцы. А теперь его умоляютъ о помощи, отъ него ожидаютъ спасенія! Землѣ Русской предстоятъ опасности! Надо же предупредить ихъ!

Князья думали долго и толковали между собою. Мстиславъ убѣдилъ ихъ на общемъ совѣтѣ такимъ соображеніемъ: «Если мы теперь не поможемъ Половцамъ, то они передадутся Татарамъ, и наступятъ вмѣстѣ съ ними на Русскую землю. Тогда силы будетъ у нихъ еще больше». Опредѣлено было помочь Половцамъ, а такъ какъ борьба съ врагами лучше въ чужой землѣ, чѣмъ въ своей, то и рѣшились князья идти имъ на встрѣчу.

Половцы, ждавъ-недождавшись этого рѣшенія, возрадовались. Надежда блеснула предъ ними отмстить свое пораженіе. Немедля князья разъѣхались по своимъ волостямъ строить вои, и по всей Русской землѣ, свидѣтельствуетъ Ливонскій лѣтописецъ, пронеслося рѣшеніе — биться съ Татарами. Къ Великому князю Суздальскому послано было извѣстіе съ просьбою приходить скорѣе на помощь.

Къ веснѣ снарядились князья. Сборнымъ мѣстомъ назначенъ былъ на Днѣпрѣ, близъ Заруба, островъ Варяжскій, свидѣтельствовавшій своимъ именемъ объ удалыхъ набѣгахъ первыхъ Норманскихъ витязей. Съ апрѣля мѣсяца потянулись туда со всѣхъ сторонъ полки, кто въ ладьяхъ, кто на коняхъ, кто пѣшій. Тамъ собрались Кіяне и Черниговцы, Галичане и Волыняне, Смольяне и Переяславцы, весь Днѣпръ покрылся ладьями, изъ-подъ которыхъ не видать было и воды: мы переходили рѣку по ладьямъ, какъ по суху, говоритъ очевидецъ. А жители Курска, Трубчевска и Путивля пришли коньми, всѣ съ своими князьями. Слышался уже изъ Залѣсской стороны и Василько Константиновичъ, племянникъ Великаго князя Юрія, шедшій съ вспомогательной дружиной Ростовской и Суздальской. Выгонцы Галицкіе, въ тысячѣ ладьяхъ, приплыли Днѣстромъ въ море, поднялись въ Днѣпрѣ до пороговъ, и стали у рѣки Хортицы, на Протолчьемъ броду, подъ начальствомъ Юрья Домамирича, и Держикрая Володиславича.

Половцевъ прибывало ежедневно. Послыша новую брань, они какъ будто изъ земли

выростали, и стекались со всѣхъ сторонъ, ободренные, испытать еще разъ счастья. Всѣ отправились въ путь.

Лѣто въ тотъ годъ было жаркое. Дождей не перепадало ни капли. Солнце палило жестоко. Отъ необыкновенной засухи земля трескалась, лѣса и болота загорались. Воздухъ наполнялся дымомъ и смрадомъ, и мгла прилегала къ землѣ. Вблизи не видать было ничего. Птицы не могли летать. По ночамъ являлась необыкновенная звѣзда на западѣ, пуская лучи не въ лице человѣку, а съ боку, какъ бы къ полуденью. Она выходила съ вечера, по закатѣ солнечномъ, и сіяла ярче другихъ звѣздъ семь дней, а потомъ на четыре дни оборотила она лучи къ востоку, и пропала.

Между тѣмъ Татары, разбившіе Половцевъ, подвигались медленно вверхъ по ихъ землѣ. Услышавъ о приближеніи многочисленнаго ополченія Русскаго, вдали отъ главной своей силы, они, кажется, усомнились и выслали пословъ къ князьямъ. «Слышимъ, что вы поднялись противъ насъ, повѣривши Половцамъ, но мы не на васъ пришли, — мы вашей земли не занимали, ни селъ вашихъ, ни городовъ вашихъ; мы пришли на холопей своихъ, на конюховъ Половцевъ: возьмите съ нами миръ. Прибѣгутъ они къ вамъ, бейте ихъ, а имѣніе ихъ берите себѣ. Мы знаемъ, что и вамъ они причинили много зла». Такъ говорили послы.

А Половцы шептали Русскимъ князьямъ другое, возбуждая на брань, и стараясь всѣми силами, чтобъ они не соглашались мириться, — и Русскіе князья велѣли избить пословъ, пошли не останавливаясь далѣе, внизъ по Днѣпру, — судьба ихъ какъ будто влекла, — и достигли Олешья (противъ нынѣшняго Херсона).

Татары прислали другихъ пословъ: «видимъ, что вы слушаетесь Половцевъ, вы убили нашихъ пословъ, идете противъ насъ — идите, а мы опять говоримъ, что васъ не трогаемъ».

Вторыхъ пословъ князья отпустили.

Они все шли далѣе. Вдругъ послышалось въ станѣ, что сторожа завидѣли впереди Татаръ, которые пришли высматривать Русскихъ ладей. Молодой князь Даніилъ Романовичъ Волынскій вскочилъ на коня и понесся впередъ — взглянуть, что это за люди. Нѣсколько другихъ молодыхъ князей погнали вслѣдъ за нимъ, увлеченные тѣмъ же любопытствомъ «къ невиданной рати».

Соглядатаи, впрочемъ многочисленные, завидя ихъ приближеніе, съ поспѣшностію скрылись.

Впечатлѣніе произвели они различное. Одни говорили, что это «простые люди,» другіе возражали: «нѣтъ, это ратники, добрые вои.» Юрій Домамиричъ твердилъ, что они стрѣльцы, получше Половцевъ, но молодые князья переспорили всѣхъ, и пристали къ старшимъ: «Княже Мстиславе и другій Мстиславе, не стойте! пойдемъ противу-имъ! Мы ихъ побьемъ». Мстиславу самому хотѣлось скорѣе къ дѣлу — столько же пылкій, онъ послушался молодежи, и переправился чрезъ Днѣпръ въ тысячѣ человѣкъ. Это было во вторникъ. Безстрашный, пошелъ онъ впередъ, по полю Половецкому, встрѣтилъ сторожей Татарскихъ, напалъ — и разбить ихъ стоило ему одного удара. Его вои угнали множество рогатаго скота, который Татары водили за собою, такъ что стало его на всю нашу рать, — и пустились въ погоню «сѣкуще». Татары, въ бѣгствѣ, желая спасти начальника своего Гемябека, засыпали его живаго землею,

Заключеніе по подлиннику:

«Вопрошьшю же вы, и отвѣщайте ми: аще злато и сребро по вся дни раздавалъ быхъ, или медъ, любо си пиво, не быстъ ли приходили сами и не призываеми, и другъ друга бѣсте варили? Нынѣ же словеса Божія раздаваю, лучше паче золота и каменья драгаго, и слажьша паче меду и ста (сота), и лишаетеся ихъ не приходяче къ церкви. Тѣхъ же и злословлю и укоряю, якоже васъ приходящихъ хвалю и благословлю; кождо же васъ молю вы, приходящихъ сдѣ и вкушающе духовьнаго сего меду, аще сусѣда имате, или родина, или жену, или дѣти, то позывайте къ церкви вся, и поучитеся душеполезнымъ словесемъ, да и сдѣ богоугодно поживше и вѣчныхъ благъ наслѣдници будемъ о Христѣ Ісусѣ, Господѣ нашемъ, Ему же слава.»

Заключеніе молитвы на день воскресный:

«Надѣясь на милость Твою, вопію къ Тебѣ воплемъ сильнымъ: вспомни, Господи, слова пречистыхъ устъ Твоихъ; — Ты сказалъ: ищите и обрящете, просите и дастся вамъ. Не пришелъ Ты, Владыко, звать праведныхъ, а грѣшниковъ на покаяніе, изъ нихъ я первый. Противъ себя говорю о грѣхахъ моихъ: но если бы и молчалъ я, Ты знаешь ихъ. Пріими меня, премилостивый, какъ разбойника, мытаря, блудницу, блуднаго сына. За тѣхъ всѣ отчаялись, а Ты принялъ ихъ, и сотворилъ жителями рая. Пріими и мое покаяніе, недостойнаго раба Твоего, Господи Іисусе Христе! Очиствшій прокаженныхъ! очисти скверны души моей; будь мнѣ помощникомъ, огради меня силою креста твоего, утверди св. Духомъ Твоимъ, прогони борющихся со мною. Пусть уста мои вѣщаютъ великую милость Твою, что Ты — помощникъ въ скорби моей. Спаси, Господи, раба Своего благовѣрнаго князя, и помилуй всѣхъ христіанъ, молитвами Богородицы и всѣхъ святыхъ. Ты Богъ нашъ, и тебѣ съ умиленіемъ покланяемся; всѣ небесныя силы хвалятъ Тебя, Отецъ, Сынъ и Духъ Св., нынѣ, всегда и во вѣки вѣковъ, аминь.»

Слова изъ Златой цѣпи, неизвѣстнаго проповѣдника.*

На поученіе ко всѣмъ крестьяномъ.

Чада моя милая! Первое имѣйте вѣру праву к Богу, Отца и Сына и Св. Духа; потомъ же в послушаньи святыхъ Его Апостолъ, и Святыхъ Отецъ, иже пострадаша Христа ради во вся дни живота своего. А ослушанія блюдитеся, да не погибнете, якоже бѣ погиблъ первозданный Адамъ Евгою, ослушавшися Бога. Любовь же имѣйте ко всѣмъ ладну, и к богату и ко убогу и к нищимъ и к бѣднымъ, и въ узахъ стражющимъ, якоже и Христосъ ко всему миру, не избирая для насъ весь образъ собою. Приде бо съ небеси, и родися въ вертепѣ отъ дѣвы, и, милостивый Господь насъ ради съ человѣкы поживе и

Въ наученіе всѣмъ христіанамъ.

Милыя дѣти мои! прежде всего имѣйте искреннюю вѣру въ Бога, Отца и Сына и Св. Духа; потомъ послушаніе Его Св. Апостоламъ и Св. Отцамъ, которые за Христа страдали во всѣ дни своей жизни. А ослушанія остерегайтесь, чтобы не погибнуть, какъ погибъ первозданный Адамъ, чрезъ Еву, приведенную въ непослушаніе Богу. Любовь имѣйте ко всѣмъ, со всѣми пребывайте въ мирѣ, какъ и Христосъ весь міръ возлюбилъ, безъ выбора, и подалъ намъ совершенный образецъ въ Себѣ. Ибо пришелъ Онъ, Господь милостивый, съ небесъ, и родился въ вертепѣ отъ дѣвы — для насъ; жилъ съ человѣками и

* Пр. Филаретъ приписываетъ эти слова Митрополиту Кириллу, Греку, 1223—1233; но онѣ очевидно, сочиненіе, а не переводъ.

крещение приятъ, грѣха не имѣя, преобразися свѣ(тло) увѣренья ради нашего, и связанъ, и в темници затворенъ бысть, намъ повелѣвая в таковой же бѣдѣ не стужити си, но и на крестѣ распятъ бысть, намъ все къ спасенію створяя, и в гробѣ полежа грѣха не имый, и воскресъ изводя ны на свѣтъ, и на небеса възиде, веля намъ всхитится, по Апостолу, въ стрѣтенье. Все же то створи любовью и вѣрою, да научитъ ны Собою хитростью къ спасенію, хотя ны спасти отъ муки въ пребудущій вѣкъ.

принялъ крещеніе не имѣя грѣха; свѣтло преобразился для нашего увѣренія; былъ связанъ и затворенъ въ темницѣ, внушая намъ не унывать въ такомъ же несчастіи; былъ распятъ на крестѣ, все для того, чтобы наше спасеніе устроить; возлегъ во гробѣ не за свои грѣхи; воскресъ, чтобъ насъ извести на свѣтъ; вознесся на небеса, чтобы и намъ, по Апостолу, быть восхищенными въ срѣтеніе Его. Все сіе сотворилъ Онъ премудро, съ любовію и увѣренностію, что своимъ примѣромъ насъ приведетъ ко спасенію, и для того, чтобы насъ избавить отъ муки въ будущемъ вѣкѣ.

Слово о князѣхъ.

Князю же земли вашея покоряйтеся; не рцѣте ему зла въ сердци своемъ, и пріяйте ему головою своею, и мечемъ своимъ, и всею мыслею своею, и не взмогутъ противитися иніи князю вашему. Аще добре пріясте князю вашему, и обогатѣетъ земля ваша, и плодъ добръ объемлете. Аще ли ни, начнете пріяти инѣмъ княземъ отъ своего, то подобни будете женѣ блядивѣ мужатѣ, яже со всѣми блясти хощетъ, и последи мужъ ея устерегъ ю, псы ею накормитъ, и весь родъ ея в соромѣ будетъ велицѣ. И се паки и еще вы глаголю, чада моя, аще кто отъ своего князя ко иному князю отъѣдетъ, а достоину честь пріемля отъ него, то подобенъ есть Іюдѣ, иже, любимъ Господемъ, ти умысли продати е ко княземъ жидовскимъ. И купиша имъ село крови и гроба с прочими дарми, и отекъ отъ велики печали; суяся сѣмо и овамо, въ Иерусалимѣ отъ всѣхъ людей проклинаемъ, и бѣжа изъ Иерусалима по пути, и тугы и великія печали прія болѣзнь, и отекъ с того, и яко всезлы разсѣдеся на полы. И епископство его приметъ инъ, и дѣти его в пагубу впадоша. Да и вы, сынове мои миліи, не мозите пріяти чужему князю, да не в то же зло впадете.

Слово о князьяхъ.

Князю земли своей будьте покорны; не желайте ему зла въ сердцѣ вашемъ; но съ охотою служите ему головою своею и мечемъ своимъ и всею мыслію своею; и другіе не въ состояніи будутъ противиться вашему князю. Если хорошо будете служить своему князю, то земля ваша будетъ богата, и сами получите отъ сего добрый плодъ. Если же, оставивъ своего, станете радѣть другимъ князьямъ, то подобны будете женѣ распутной, которая отъ своего мужа готова со всѣми распутствовать; будетъ время, что мужъ подстережетъ ее, и накормитъ ею псовъ, и весь родъ ея покроется великимъ стыдомъ. Еще скажу вамъ, дѣти мои: кто отъ своего князя отпадетъ къ другому, хотя и пользовался отъ своего достойною почестію, тотъ подобенъ будетъ тому, который, хотя любимъ былъ Господомъ, но умыслилъ продать его старѣйшинамъ жидовскимъ, и куплены были на деньги предателя съ прочими приношеніями *село крови* и гробъ. Отъ великой печали онъ отекъ; метался туда и сюда по Іерусалиму, но отъ всѣхъ проклинаемый бѣжалъ по пути изъ Іерусалима; отъ великой скорби и печали сдѣлался боленъ, отекъ, и, какъ полный зла, *разсѣлся* по поламъ. Епископство его принялъ другой, и дѣти его впали въ погибель. И вы, дѣти мои, не могите радѣть чужому князю, чтобы вамъ не подвергнуться такому же бѣдствію.

Что это за люди? Откуда они? Куда ушли? Какой языкъ у нихъ? Какая вѣра? Какого онъ рода?—спрашивали себя Русскіе люди въ недоумѣніи, опомнясь послѣ перваго переполоха, и не видя предъ собою никого болѣе. Всѣ спрашивали другъ друга, но никто не умѣлъ отвѣчать никому. Одни толковали, что это прежніе Печенѣги, которые нападали при святомъ Владимирѣ, другіе называли ихъ Таурменами, безбожными Моавитянами. Книжники разсуждали, что это должны быть тѣ люди, которыхъ загналъ Гедеонъ, что они вѣрно пришли изъ пустыни между востокомъ и сѣверомъ, что объ нихъ предсказывалъ и святый Меѳодій Патарскій: «придти имъ къ скончанію вѣка, и поплѣнить всю землю отъ востока до Евфрата, и отъ Тигра до Понтскаго моря, кромѣ Еѳіопіи». «Нѣтъ,» заключали православные, выслушавъ ученыя рѣчи, «Богъ одинъ знаетъ, что это за люди, а насылалъ Онъ ихъ на насъ за грѣхи наши; обратилъ же вспять, ожидая нашего покаянія».

Что же произошло на Руси послѣ этого неожиданнаго нашествія, упавшаго какъ снѣгъ на ея голову,—послѣ такаго ужаснаго пораженія почти совокупныхъ ея силъ? Какое впечатлѣніе осталось въ нашихъ князьяхъ по удаленіи дикой восточной орды? Собирались ли они гдѣ нибудь толковать о мѣрахъ на случай ея возвращенія? Подумалиль они о настоящемъ своемъ положеніи? Перемѣнилиль образъ своихъ дѣйствій въ отношеніяхъ другъ къ другу, въ виду угрожающей опасности?

Увы! ничего не перемѣнилось въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ; ни разсужденій, ни мѣръ, ни совѣщаній никакихъ нигдѣ не было. Все пошло по прежнему, какъ будто ничего не случилось особеннаго, какъ будто никакой опасности извнѣ не грозило имъ ни откуда, и все происшедшее они видѣли только во снѣ. Тотчасъ принялись они за прерванныя нечаянно распри, поднимая опущенныя въ нихъ петли, и междоусобія на всѣхъ концахъ возобновились съ прежнею горячностію, — въ Галичѣ и на Волыни, въ Кіевѣ и Курскѣ, Новѣгородѣ и Владимирѣ, Смоленскѣ и Черниговѣ.

Въ первой же годъ загорѣлась въ Галичѣ война между двумя лучшими князьями того времени, близкими родственниками—Мстиславомъ, который призвалъ къ себѣ на помощь Половцевъ, и зятемъ его Даніиломъ, который имѣлъ на своей сторонѣ Ляховъ.

Тогда же, на другой сторонѣ, война началась между Олегомъ Курскимъ и Михаиломъ Черниговскимъ, въ которой приняли участіе и Суздальскіе князья.

За этими войнами поднялся на Волыни споръ за Луцкъ, Пересопницу и Чарторижскъ у Даніила Галицкаго, которому эти города были завѣщаны Мстиславомъ Нѣмымъ, съ сосѣдними князьями—Ярославомъ Ингваровичемъ, и племянникомъ покойнаго, Ростиславомъ Пинскимъ.

Галичь, среди боярскихъ смутъ, съ вооруженнымъ участіемъ Угровъ, Ляховъ, Половцевъ, и сосѣднихъ Русскихъ князей, переходилъ нѣсколько разъ изъ рукъ въ руки Даніила и королевича Андрея, потомъ достался Михаилу Черниговскому и сыну его Ростиславу, и наконецъ опять къ Даніилу.

Въ *Кіевѣ* одинъ за другимъ смѣнялись князья, также съ бою, Володимеръ Рюри-

ковичь, Изяславъ Володимеровичь, Ярославъ Всеволодовичь, Михаилъ Черниговскій и сынъ его Ростиславъ.

Черниговъ съ своими волостями подвергался нападеніямъ Олега Курскаго, Даніила Галицкаго, Ярослава Переяславскаго, и его племянниковъ князей—Ростовскаго и Ярославскаго.

Въ *Новгородѣ*, кромѣ походовъ на Литву, на Чудь, на Емь, внутреннія смятенія не прерывались, и по нѣскольку разъ призываемы были то Михаилъ Черниговскій, то Ярославъ Всеволодовичь Переяславскій, изъ которыхъ каждый имѣлъ своихъ сторонниковъ между боярами. Съ этими смѣнами соединялись и военныя дѣйствія: браты были Торжекъ, Волокъ-Ламскій и угрожаемъ былъ самый Новгородъ.

Псковъ воевалъ съ Литвою, ссорился съ Новгородомъ, и началъ сговариваться противъ него съ Нѣмцами.

Въ *Смоленскѣ* было кровопролитіе по смерти Мстислава Давыдовича, вслѣдствіе сопротивленія гражданъ, которые не хотѣли принять къ себѣ на столъ его двоюроднаго брата Святослава Мстиславича.

Владимирскіе князья, кромѣ походовъ на Мордву, воевали съ Черниговомъ и Новгородомъ, и начинали враждовать между собою.

Вотъ краткій очеркъ междоусобій, происходившихъ впродолженіи пятнадцати лѣтъ, слѣдовавшихъ за первымъ нашествіемъ.

Мы опишемъ теперь подробнѣе Галицкія происшествія, на югѣ, и Новогородскія, на сѣверѣ, какъ самыя важныя, къ которымъ, болѣе или менѣе, примыкали всѣ прочія.

Главнымъ дѣйствующимъ лицемъ въ *Галичѣ* оставался Мстиславъ Мстиславичь Удалой. Но не долго онъ пережилъ Калкское пораженіе: на третій годъ онъ скончался,—проведя послѣднее свое время среди измѣнъ, въ безпрестанныхъ тревогахъ, недоумѣніяхъ и горестяхъ.

Даніила, зятя своего, любилъ онъ отъ души,—и кто же былъ достойнѣе любви его! Это говорилъ Мстиславъ на смертномъ одрѣ своемъ, какъ засвидѣтельствовалъ и при первомъ появленіи своемъ въ Галичѣ, отдавъ за него старшую дочь свою, и принявъ вмѣстѣ столько трудовъ для изгнанія иноплеменниковъ. Александръ Бельзскій, ненавидя Даніила, равно какъ и брата его Василька за «злую ночь,» * старался всѣми силами вредить имъ. «Зять твой хочетъ убить тебя, зять твой поваживаетъ на тебя Ляховъ,»—твердилъ онъ безпрестанно въ уши Мстиславу, представлялъ доказательства,—и столько же легковѣрный, какъ и добродушный, Мстиславъ повѣрилъ было клеветнику, и вышелъ съ воями на Лысую гору для соединенія съ Александромъ, — а Даніилъ призвалъ Ляховъ. Началась брань, мужественные Романовичи брали верхъ, Мстиславъ принужденъ былъ отступить и воротиться въ Галичь: на другой годъ призвалъ онъ тестя Котяна съ Половцами, уцѣлѣвшаго при Калкѣ, вѣрнаго своего Володимера Рюриковича, занимавшаго столъ Кіевскій—какъ будто собираясь на Ляховъ, все по совѣту Александрову. Но ему противна была вражда съ Даніиломъ, и онъ вздумалъ вдругъ рѣшить дѣло иначе, не прибѣгая къ оружію, не обнажая меча — очною ставкою, на общемъ сеймѣ сосѣднихъ князей.

---

* См. выше, с. 288.

Александръ, не смѣя идти на снемъ, прислалъ своего боярина Яна. Мстиславъ объявилъ всѣмъ князьямъ, призваннымъ на снемъ, о причинахъ, побуждающихъ его къ войнѣ, и оборотясь къ послу Александрову повторилъ: «твоя рѣчь, Яню, что Даніилъ возводитъ второе на меня Ляховъ.» Доказательствъ не привелося, и клевѣта Александрова, ложь Янева, обнаружились. Тогда всѣ князья рѣшили, чтобъ волость Александрова отдана была Даніилу за его соромъ. Но добродушный витязь простилъ виноватаго, оставивъ его владѣть спокойно своей волостью, и всѣ Князья похвалили его за безкорыстіе и братолюбіе. Даніилъ, невинно обнесенный, принятъ былъ Мстиславомъ еще съ бо̀льшею любовію, чѣмъ прежде. Мстиславъ почтилъ его, равно какъ и дочь свою Анну, дарами великими, и далъ ему своего борзаго коня атказа, какого тогда нигдѣ не бывало.

Въ Перемилѣ князья утвердили миръ между собою.

Это происходило въ 1125 году, а въ 1126 году новое огорченіе испыталъ онъ. Жирославъ, одинъ изъ мятежныхъ бояръ Галицкихъ, выдумалъ на него басню, будто онъ хочетъ уйдти въ поле, и предать всѣхъ бояръ тестю своему Котяну на избитье; тѣ повѣрили и бѣжали въ Угорскія горы; оттуда прислали они пословъ къ Князю спросить о рѣчахъ Жирославовыхъ, а у него и въ умѣ ничего подобнаго не было. Онъ поручилъ духовнику своему Тимоѳею увѣрить бояръ, что Жирославъ оклевѣталъ его предъ ними. Тимоѳей поклялся, и привелъ всѣхъ удалившихся. Мстиславъ обличилъ клевѣтника и изгналъ изъ Галича. Бояре остались однакоже не расположенными, какъ прежде, и старались избавиться отъ князя. Онъ окруженъ былъ со всѣхъ сторонъ измѣнниками и предателями; одинъ былъ чистый человѣкъ, который любилъ его отъ сердца, и котораго онъ любилъ отъ сердца, по сходству ихъ нравовъ и расположеній, —и отъ того старый князь былъ безпрестанно отвлекаемъ.

Король Венгерскій Андрей, получивъ, еще до слуха о Татарахъ, для сына своего Перемышль, вздумалъ воспользоваться благопріятными для себя обстоятельствами, и, вѣроятно возбужденный боярами, явился въ Галицкой волости, занялъ Перемышль, (откуда сынъ его предъ тѣмъ ушелъ), Звенигородъ, и наконецъ послалъ вои подъ Галичь. Самъ онъ не пошелъ туда, боясь смерти, предсказанной ему волхвами, «узрѣвши Галичь.» Днѣстръ между тѣмъ наводнился, и нельзя было переправиться. Мстиславъ вышелъ изъ города самъ противъ Угровъ, расположенныхъ впереди, но они посмотрѣли на насъ, говоритъ лѣтописецъ, и ушли въ свои станы къ королю. Король обратился къ Теребовлю, и взялъ Теребовль, потомъ взялъ Тихомль, потомъ пришелъ подъ Кременецъ, подъ которымъ избито и ранено было много Угровъ.

Мстиславъ послалъ къ Даніилу боярина Судислава сказать: «не отступай отъ меня.» Даніилъ отвѣчалъ: «имѣю правду въ сердцѣ моемъ.»

Князь Галицкій, увѣрясь въ его преданности, рѣшился идти впередъ на Короля, который стоялъ тогда въ Звенигородѣ. Угры вышли на встрѣчу изъ становъ королевскихъ; произошло сраженіе, и они были разбиты, Мстиславъ побѣдилъ, —послѣдняя его побѣда, — и преслѣдовалъ бѣглецовъ до становъ. Самъ воевода королевскій Мартынинъ былъ убитъ. Андрей устрашился, и

поспѣшилъ уйдти скорѣе изъ земли. Даніилъ и Василько, которые мѣшали Лешку подать ему помощь, загораживая ему дорогу на Бугѣ, присоединились теперь къ Мстиславу, и убѣждали его преслѣдовать Короля Венгерскаго, потому что Андрей вовсе изнемогъ, а хитрый Судиславъ, вкравшійся въ довѣренность къ Мстиславу, старался отговорить, не хотя гибели королю, и полагая на него свою надежду.

Мстиславъ дался въ обманъ, и Андрей выбрался благополучно во свояси.

Этого мало было Судиславу. Онъ началъ приставать къ своему князю, чтобъ тотъ, въ избѣжаніе новыхъ распрей и браней, отдалъ по прежнему договору Галичь Андрееву сыну съ дочерью, ему уже обрученной: «Галича не можешь ты держать самъ, потому что бояре не хотятъ тебя.» Мстиславъ, напротивъ, рѣшался отдать Галичь Даніилу, а бояре его Судиславъ и Глѣбъ Еремеевичъ толковали: «если ты отдашь королевичу, то можешь взять у него назадъ, когда захочешь, а если отдашь Даніилу, то уже не видать его тебѣ никогда, потому что Галичане желаютъ Даніила.»

Начались переговоры, и Мстиславъ предоставилъ (1127) Галичь Королевичу Андрею, а себѣ взялъ Понизье, или нынѣшнюю Подолію, и отошелъ въ Торческъ. Королевичъ Андрей съ Судиславомъ водворились въ Галичѣ.

Около этого времени Мстилавъ Нѣмой, что оказалъ помощь на Калкскомъ побоищѣ храброму Даніилу, умирая, передалъ ему на руки сына Ивана, и завѣщалъ ему волость свою, но по смерти Ивановой Луцкомъ завладѣлъ Ярославъ Ингваревичь, а Черторижскомъ Пиняне.

Даніилъ вскорѣ добылъ Луцкъ, а о Черторижскѣ послалъ заслуженнаго своего тысяцкаго, бояриня Демьяна, жаловаться тестю: «не подобаетъ Пинянамъ держать Черторижска.» Мстиславъ, неизвѣстно по какимъ обстоятельствамъ, видѣлъ тогда уже свою ошибку, чувствовалъ раскаяніе, и сбирался исправить испорченное. Много толковавъ съ Демьяномъ, заключилъ добрый князь свою рѣчь къ Даніилу слѣдующими словами: «сыну! я согрѣшилъ, не отдавъ тебѣ Галича, но давъ иноплеменнику. Обольстилъ меня льстецъ Судиславъ! но, Богъ дастъ, мы пойдемъ на нихъ опять, ты съ своими полками, а я призову Половцевъ. Если Богъ намъ поможетъ, ты возмешь себѣ Галичь, а я останусь въ Понизьѣ. Что же касается до Черторижска, то ты правъ.» Даніилъ, получивъ согласіе тестя, пошелъ на виноватый городъ, и взялъ его ратью.

Между тѣмъ Мстиславъ, хотя еще не въ глубокой старости, разнемогся. Почувствовавъ приближеніе смерти, онъ пожелалъ видѣть Даніила, «жадящу ему видѣти сына своего Даніила, бѣ бо имѣя до него любовь велику въ сердцѣ своемъ.» Ему думалъ онъ препоручить дѣтей своихъ и домъ свой,— но злонамѣренные бояре, особенно Глѣбъ Еремеевичь, изъ зависти не допускали его, — и славный князь Галицкій умеръ одинъ, въ Торческѣ, заключая свою жизнь, исполненную такихъ тяжелыхъ трудовъ, такихъ блистательныхъ подвиговъ, такой постоянной почти удачи, — самою печальной, безвѣстной кончиной, оставляя все семейство на произволъ судьбы. Счастливъ еще: онъ умеръ не подъ игомъ, — счастливъ еще: онъ умеръ не рабомъ, — безъ мысли, что придутъ опять Татары, — и останутся дольше!

Кончина Мстиславова имѣла слѣдствіемъ новыя смятенія. Сосѣдніе князья сдерживались его силою, рѣшительностію и храбростію, и еще болѣе уваженіемъ, которое питали къ нему всѣ, получивъ отъ него или важныя услуги, или сильные уроки. Безъ него они почувствовали себя какъ бы на волѣ, и принялись за преслѣдованіе своихъ личныхъ цѣлей. Поводовъ и предлоговъ было много. Успѣхи Даніила, который занялъ между тѣмъ Понизье, возбуждали ихъ зависть, и вмѣстѣ опасенія, чтобъ онъ не пошелъ по слѣдамъ отца своего, славнаго Романа Волынскаго, слишкомъ для всѣхъ памятнаго. Первый выступилъ противъ Даніила, В. К. Кіевскій Володимеръ Рюриковичь, вспомнивъ, что отецъ его былъ не только согнанъ со стола Кіевскаго его отцемъ, но и постриженъ въ монахи. «Бѣ бо ему боязнь велика въ сердцѣ его.» Ростиславъ Пинскій, изъ рода старшаго Ярославова сына, Изяслава, «не престаяше клевѣща,» потому что дѣти его томились въ плѣну у Даніила. Составился союзъ изъ князей—Кіевскаго, Черниговскаго, Новгородъ-Сѣверскаго, Пинскаго, Туровскаго; подговорены Угры съ Королевичемъ и Судиславомъ, призваны Половцы, и соединенная рать оступила Каменецъ. Даніилъ притворился желающимъ сотворить миръ, «переводя ими,» то есть князьями, а между тѣмъ старался отвлечь отъ нихъ Котяна, пославъ просить его: «отче, измяти войну сію, пріими мя въ любовь собѣ.» Котянъ уступилъ его убѣжденіямъ, обошелъ ратью Галицкую землю, и удалился къ своимъ вежамъ. Союзники не могли сдѣлать ничего и отступили отъ Каменца, а Даніилъ съ Пакославомъ, воеводою Ляховъ, «и Олександро съ нима,» ударился на Кіевъ. Къ нему вышли послы отъ князей Кіевскаго и Черниговскаго просить мира, который и былъ имъ данъ.

Покончивъ такъ благополучно дѣла съ домашними противниками, Даніилъ долженъ былъ принять участіе въ Польскихъ междоусобіяхъ: Лешко, князь Краковскій, былъ убитъ на сеймѣ. У преемника его Конрада, князя Мазовецкаго, друга Романовичей, завязались споры, и онъ просилъ ихъ помощи. Оставивъ въ Берестьѣ Володимера Пинскаго стеречь землю отъ Ятвяговъ, Даніилъ пошелъ вмѣстѣ съ братомъ Василькомъ, къ Конраду. Всѣ вмѣстѣ они опустошили волости противниковъ Конрадовыхъ, и обогатясь всякою добычею, осадили Калишъ (1229). Разсуждаемо было о приступѣ. Погода не благопріятствовала—лилъ сильный дождь, «Конрату же, *любящу Русскый бой,* и понужающу Ляхы своѣ,» они не хотѣли идти на городъ. На утро Даніилъ и Василько приступили одни; по болотистой почвѣ, наполнившейся водою отъ дождя, трудно было двигаться; жители бросали каменья со стѣнъ, — и храбрые Русскіе витязи, зажегши подъемный мостъ, должны были воротиться въ свои товары. Тамъ, одинъ изъ Польскихъ военачальниковъ, посланный въ обходъ, заявилъ: «кдѣ мы стояли, ту нѣсть воды, ни гребли высокой.» Даніилъ, сѣвъ на коня, отправился тотчасъ осмотрѣть мѣсто, и удостовѣрился въ справедливости показанія. Воротясь онъ сказалъ Конраду: если бъ мы знали про то мѣсто, городъ былъ бы взятъ. Конрадъ просилъ его возобновить приступъ, и онъ на другой день, послалъ людей, «теребить» лѣса съ указанной стороны. Жители увидѣли неизбѣжную опасность, и просили прислать къ нимъ подъ стѣны для перегово-

ровъ Пакослава и Мстивоя. Конрадъ, не имѣя довѣренности къ послѣднему, просилъ Даніила идти съ ними. Даніилъ отправился переодѣтый. Жители говорили со стѣнъ боярамъ: Скажите Конраду, за что онъ утѣсняетъ насъ? Развѣ мы не его люди, не братья ваши? Какая слава будетъ для Конрада, если Русь заберетъ насъ въ полонъ къ себѣ. Когда Русское знамя разовьется на нашихъ стѣнахъ, кому достанется честь? Развѣ не Романовичамъ, а Конраду униженіе? Мы служимъ нынѣ твоему брату, а завтра будемъ служить тебѣ: не давай славы Руси, и не бери города.» Пакославъ отвѣчалъ: Конрадъ радъ бы оказать вамъ милость, но «Даніилъ лютъ зѣло есть, не хочетъ отойти прочь, не пріемъ града.» «Вотъ онъ здѣсь,» заключилъ Пакославъ разсмѣявшись, «говорите съ нимъ». Даніилъ толкнулъ его оскепищемъ, и, также засмѣявшись, снялъ съ себя шеломъ. Граждане закричали: «имѣй службу нашу, молимся, сотвори миръ.» Начались переговоры и продолжались долго. Даніилъ взялъ у нихъ двухъ талей, и воротился съ извѣстіями къ Конраду, который и заключилъ миръ. Русь и Ляхи поклялись между прочимъ не воевать, въ случаѣ усобицы, Ляхамъ Русской челяди, (т. е. не брать людей въ плѣнъ), а Руси—Лядской. Даніилъ и Василько, подавъ важную помощь Конраду, возвратились со великою славою въ свои княжества: ни одинъ Русскій князь, по замѣчанію лѣтописателя, кромѣ Володимера Святаго не заходилъ такъ глубоко въ Ляшскую землю, какъ они.

По возвращеніи Даніила Галичане прислали звать его къ себѣ: «Судиславъ ушелъ въ Понизье, и королевичъ остался одинъ—иди скорѣе.» Даніилъ отрядилъ тысяцкаго Демьяна противъ Судислава, а самъ, въ малѣ дружинѣ, отправился въ Галичь, и подступилъ къ городу, который затворился. Даніилъ занялъ подъ городомъ дворъ Судиславовъ, гдѣ найдено было множество всякаго корма, вина и овощей, и потомъ перешелъ на другую сторону Днѣстра. Судиславъ между тѣмъ, не устоявшій предъ Демьяномъ, прибѣжалъ въ городъ. Галичане и Угры выѣхали на ледъ, и стрѣляли по воямъ Даніиловымъ, а ввечеру, когда ледъ вдругъ тронулся, и рѣка наводнилась, зажгли мостъ по совѣту лихаго Семьюнка. «подобнаго лисицѣ чермности ради,» и воротились въ городъ. За то къ Даніилу, къ великой его радости, примкнулъ тогда Демьянъ со многими боярами Галицкими, воротясь изъ похода на Судислава. Забота была теперь только о томъ, какъ перейти Днѣстръ; Даніилъ поскакалъ къ мосту, и къ удовольствію увидѣлъ, что огонь погасъ. На утро подоспѣлъ къ нему еще Володимеръ Ингваревичь, и они перешли на другой берегъ рѣки, окружили городъ со всѣхъ сторонъ въ силѣ тяжкой. Осажденные изнемогли и сдалися. Даніилъ отпустилъ королевича, поминая любовь отца его, и проводилъ его до Днѣстра. Съ нимъ отправился и наставникъ его Судиславъ. Граждане бросали въ него камепьями, восклицая: «изыди изъ града, мятежниче земли.»

Но Судиславъ не успокоился, и, прибывъ въ Венгрію вмѣстѣ съ королевичемъ, началъ приставать къ Андрею и его дѣтямъ: «идите на Галичь, и занимайте Русскую землю: если не пойдете теперь, то послѣ вамъ не сладить будетъ съ нею.» Король послушался, и далъ старшему своему сыну Белѣ сильное войско съ присоединеніемъ Бегобарсовыхъ Половцевъ.

Съ великими затрудненіями, по причинѣ дождей, перешли они Карпатскія горы, и, уже изнеможенные, осадили Галичь, гдѣ начальствовалъ вѣрный Демьянъ. Даніилъ привелъ Ляховъ и Половцевъ Котяновыхъ, осаждающіе не могли сдѣлать ничего, и принуждены были думать о своемъ спасеніи. Они выбрали другую дорогу къ Пруту за горы. Множество ихъ погибло — одни убиты, другіе взяты въ плѣнъ, многіе перетонули, и «Днѣстръ сыгралъ Уграмъ злую игру.»

Опасность со стороны Угровъ миновалась, но Даніилу далеко еще было до покоя. Александръ Бельзскій продолжалъ строить ковы втайнѣ, и подъ его руководствомъ неугомонные бояре составили заговоръ (1230).

Они сговорились уже зажечь дворецъ, какъ Василько нечаянно вышелъ оттуда, и обнажилъ шутя мечь свой на слугу Королева, который оставался за чѣмъ-то въ Галичѣ, и принадлежалъ, видно, къ числу заговорщиковъ — они испугались подумавъ, что умыселъ ихъ открытъ, и разбѣжались.

У князей же не было еще никакого подозрѣнія: Василько поѣхалъ по своему дѣлу — во Владиміръ, а Даніила пригласилъ къ себѣ на пиръ въ Вишню бояринъ Филиппъ. На дорогѣ уже нагналъ князя посолъ отъ тысяцкаго Демьяна: «берегися, пиръ золъ уготованъ, тебя убить хотятъ.» Даніилъ воротился, велѣлъ Васильку идти на Александра, а Ивана Михайловича послалъ за Молибоговичами, участвовавшими въ заговорѣ, какъ было узнано. Василько взялъ Бельзъ, откуда Александръ бѣжалъ въ Перемышль къ своимъ пріятелямъ. Изъ заговорщиковъ перехватано 26 человѣкъ, которые получили прощеніе, но ихъ неуличенныхъ оставалось еще много, и дерзость ихъ доходила до того, что одинъ на пиру облилъ лице Даніила изъ чаши, — и то онъ долженъ былъ перенесть.

Надо было идти на Перемышль, гдѣ гнѣздилась измѣна. У Даніила были только 18 отроковъ съ тысяцкимъ Демьяномъ. Онъ созвалъ вѣче (1231), и спросилъ людей: хотите ли быть мнѣ вѣрными, и пойдете ли со мною на враговъ моихъ? Всѣ отвѣчали въ одинъ голосъ: мы вѣрны Богу и тебѣ, господину нашему. Соцкой Микула прибавилъ: «господине, не погнетши пчелъ, меду не ѣсть.» Даніилъ выступилъ съ маломъ отрокъ, по пути примкнулъ къ нему Мирославъ также съ маломъ отрокъ. Подошли якобы на помощь и невѣрные, творя втайнѣ совѣтъ лютый. Но Богъ помогалъ Даніилу: смѣло подступилъ онъ къ Перемышлю. Александръ «нестерпѣвъ» убѣжалъ, и оставилъ все свое имѣніе.

Невѣрный Володиславъ Юрьевичъ посланъ былъ преслѣдовать его, но въ заговорѣ съ нимъ, допустилъ его пробраться до Санока, воротъ Угорскихъ. Въ погонѣ сбоденъ былъ нѣкто Шелвъ, славный своею храбростію, и «въ великой чести» скончался.

Александръ прибылъ въ Угры. Тамъ, съ измѣнникомъ Судиславомъ, непримиримымъ врагомъ Даніила, уговорилъ онъ короля идти опять на Галичъ, и король пошелъ съ обоими своими сыновьями, Бѣлою и Андреемъ, собравъ многочисленное войско. Настоящій походъ былъ для него счастливѣе, и несчастнѣе для Даніила. Началось съ осады Ярославля. Тамъ начальствовали оставленные Даніиломъ бояре — Давыдъ Вышатичъ и Василій Гавриловичъ. Цѣлый день, даже до захожденія солнечнаго, продолжа-

лась битва, и Угры не могли взять города. Теща Давыдова, Нѣздиловая, была дружна съ Судиславомъ, бывъ кормилицей у него или у его сына, и онъ называлъ ее матерью; она убѣдила Давыда предать городъ, за невозможностію якобы удержать его. Напрасно товарищъ его Василій просилъ: не погубимъ чести князя своего, — эти вои не могутъ отнять у насъ городъ. Чакъ, видѣвшій Угорскіе полки, подтверждалъ это мнѣніе: «не могутъ васъ уже пріяти, ибо вельми суть біени.» Но Давыдъ настоялъ на своемъ, и сдалъ городъ, выговоривъ право отойти съ своими воями на свободѣ. Отъ Ярославля король пошелъ къ Галичу. Бояре, одинъ за другимъ, покидали Даніила, воевавшаго тогда около Буска, и переходили въ Угорскій станъ. И Галичъ былъ взятъ.

Королю мало было и этого: онъ пошелъ къ Даніиловой отчинѣ, Владимиру. Увидѣвъ этотъ городъ, онъ удивился и сказалъ: такаго города нѣтъ и въ Нѣмецкихъ странахъ. Воины стояли по стѣнамъ, и щиты ихъ, оружіе, блистали какъ солнце. Бояринъ Мирославъ, до сихъ поръ вѣрный слуга, дядька Романовичей, спасшій Даніила еще младенца на сѣдлѣ своемъ, при покушеніи Игоревичей взять Владимиръ, отдалъ теперь городъ Уграмъ безъ сопротивленія. «Иногда же храбру ему сущу, Богу вѣдать, тогда бо смутися умомъ» онъ сотворилъ съ королемъ миръ безъ совѣта съ своими князьями, и уступилъ ему Бельзъ и Червенъ, куда король и посадилъ тогда же Александра.

Въ Галичѣ на столѣ онъ оставилъ своего сына, и побѣдителемъ отошелъ за Карпатскія горы домой въ Угры.

Романовичи были сильно поражены. Они упрекали Мирослава, что тотъ сдалъ городъ имѣя многіе вои. Старый воевода отпирался впрочемъ отъ уступки Червена, — но эти пререканія не приносили разумѣется уже никакой пользы. Смѣлые братья однакожъ не унывали, и принимали свои мѣры, чтобъ воротить себѣ отнятое и прогнать Угровъ.

Но имъ прибавилась новая забота. В. К. Кіевскій, Володимеръ Рюриковичъ, попросилъ у нихъ помощи противъ Михаила Черниговскаго, грозившаго ему войною. Даніилъ пошелъ и помирилъ противниковъ. Городъ Торческъ, полученный за труды, уступилъ онъ шурятамъ своимъ Мстиславичамъ: «держите за добродѣянье отца вашего.» Между тѣмъ шелъ на него къ Бѣлобережью королевичъ Андрей изъ Галича, вѣроятно по предварительному уговору съ Уграми. Володиславъ, отшедшій изъ Кіева отъ Даніила въ сторожахъ, разбилъ Угорскіе полки, имъ встрѣченные. Даніилъ, получивъ это извѣстіе, пустился вслѣдъ за ними, и нагналъ ихъ у Шумска. Угры оборотились, принимая сраженіе. Даніиловы вои были на горахъ; Угры подъ горою. Бояре Даніиловы не совѣтовали ему сходить съ горъ. Кто медлитъ на брань, тотъ трусъ, «страшливу душу» имѣетъ, отвѣчалъ онъ, и велѣлъ воямъ спускаться. Въ происшедшемъ сраженіи Даніилъ оказалъ великую храбрость: копье его вонзенное въ непріятеля изломилось, онъ обнажилъ мечь, и озрѣвшись кругомъ увидѣлъ стягъ Васильковъ стоящъ. У Василька сулица была вся въ крови, и оскѣпище изсѣчено «отъ ударенья мечеваго.» Даніилъ поспѣшилъ на помощь къ брату рубя на право и на лѣво, поражая многихъ. Братья трудились много. Тысяцкій Демьянъ и дядька, старый Мирославъ, принимали дѣятельное участіе въ сраженіи, которое нѣсколько разъ обращалось въ

пользу то той, то другой стороны, но было наконецъ выиграно Даніиломъ. Угры бѣжали съ королевичемъ въ Галичъ. Эта побѣда Даніилова имѣла ту пользу, что Александръ Бельзскій, свидѣтель успѣховъ Романовичей и слабости королевича, перешелъ на ихъ сторону, говоря: «не лѣпо ми есть быти, кромѣ ваю,» и они, принявъ его съ любовію, пошли вмѣстѣ на Плѣснескъ, который держали Арбузовичи, и ополонились знатною добычею. Дѣла Даніиловы поправлялись (1232).

Королевичь выпросилъ у отца новое вспомогательное войско съ Данишемъ.

Даніилъ отправился въ Кіевъ, вызвалъ Половцевъ, привлекъ къ себѣ враждебнаго ему дотолѣ Изяслава Володимеровича, и взялъ съ него клятву, какъ и съ Великаго князя Кіевскаго Володимера Рюриковича.

Королевичъ съ Данишемъ шли уже на Владиміръ. Союзники выступили противъ Даниша, но Изяславъ тотчасъ измѣнилъ, ограбилъ волости около Тихомля и ушелъ.

Противники сошлись подъ Перемилемъ, и бились о мостъ. Угры были поражены, и пометавъ свои пороки, воротились въ Галичъ. Даніилъ и Володимеръ пошли за ними. Въ Бужскѣ присоединились къ нимъ— Василько и Александръ. Тамъ было совѣщаніе, послѣ котораго Володимеръ и Котянъ отошли домой (1234).

Въ слѣдующемъ году (1234) Глѣбъ Еремеевичъ, одинъ изъ значительнѣйшихъ бояръ Галицкихъ, передался Даніилу, увидя вѣрно улучшеніе его обстоятельствъ.

Братья пошли впередъ къ Галичу. Большая половина жителей встрѣтила ихъ съ радостью. Они заняли многіе города, и роздали держать своимъ боярамъ и воеводамъ, потомъ приступили къ самому Галичу, остановясь на лѣвомъ берегу Днѣпра. Девять недѣль продолжалась осада, въ ожиданіи, когда станетъ ледъ, и можно будетъ по льду переправиться чрезъ рѣку. Королевичь съ Судиславомъ и Данишемъ изнемогали отъ голода. Судиславъ ухитрился отвлечь Александра отъ союза. Отойди отъ брата, послалъ сказать ему, я дамъ тебѣ Галичь,—и Александръ, какъ прежде Изяславъ, ушелъ изъ стана. Но эта измѣна не помогла осажденнымъ. Королевичь внезапно умеръ, можетъ быть вслѣдствіе нужды или возникшихъ болѣзней,—и съ его смертію все дѣло рѣшилось окончательно въ пользу Даніила. Бояре Галицкіе прислали за нимъ Семьюнка Чермнаго, и онъ занялъ Галичь въ четвертый разъ.

Судиславъ ушелъ въ Угры, вѣроятно съ тѣломъ умершаго Королевича.

Весною (1235) Александръ «убояся злаго своего сотворенія» обратился къ тестю въ Кіевъ. Даніилъ погнался за нимъ съ своими воями. Три дня и три ночи сряду не спали они, и наконецъ настигли Александра въ Полономъ, на Хоморскомъ лугу, и взяли въ плѣнъ, въ которомъ вѣроятно онъ и умеръ.

Бельзъ присоединенъ былъ къ Владимирскому княжеству.

В. К. Кіевскій Володимеръ Рюриковичь прислалъ къ Даніилу въ Галичь сына Ростислава «и прія съ нимъ братство и любовь велику,» но Михаилъ Черниговскій, равно какъ и Изяславъ Володимеровичъ, не переставали враждовать имъ обоимъ. Володимеру понадобилась помощь. Даніилъ отправилъ въ Кіевъ Глѣба Еремеевича и Мирослава, но Володимеръ звалъ его самого: «помози мнѣ брате». Даніилъ, вѣдая

его любовь, собралъ полки скоро, и пошелъ. Вмѣстѣ они отразили Михаила, подступившаго подъ Кіевъ, опустошили его волости по Деснѣ, заняли города Хороборъ, Сосницу, Сновскъ. Подъ Черниговомъ произошелъ лютый бой. Такой таранъ былъ поставленъ, что металъ на полтора перестрѣла, камни, четыремъ человѣкамъ едва въ подъемъ. На столъ въ Черниговѣ былъ посаженъ Мстиславъ Глѣбовичъ, двоюродный братъ Михаиловъ, помогавшій союзникамъ. Вои Даніиловы иструдились, работая отъ Крещенія до Вознесенія, и князь Галицкій спѣшилъ на отдыхъ домой.

Между тѣмъ прошелъ слухъ, что Михаилъ и Изяславъ ведутъ Половцевъ на Кіевъ, и вступили уже на Русскую землю. Володимеръ съ Мирославомъ, убѣдили Даніила, послѣ многихъ его отказовъ, идти къ нимъ на встрѣчу. Полки сблизились съ Половцами около Звенигорода. Тогда только опознана была вражеская сила, и Володимеръ, вмѣстѣ съ Мирославомъ, вопреки прежнему своему мнѣнію, подали новый голосъ отступить. Даніилъ воспротивился и сказалъ имъ: «я не хотѣлъ идти впередъ, и говорилъ, что нельзя усталымъ воямъ идти на здоровыхъ и цѣлыхъ; вы настояли и я пошелъ, —теперь отступать я не хочу. Если воинъ вышелъ на брань, то долженъ или побѣдить или умереть. Нечего робѣть, пойдемъ впередъ.»

Русскіе были разбиты. Подъ Даніиломъ убитъ конь его гнѣдой. Володимеръ и Ярославъ взяты въ плѣнъ въ Торческѣ, по указанію безбожнаго Григорія Васильевича и Молибоговичей, Изяславъ занялъ Кіевъ.

Даніилъ спасся бѣгствомъ въ Галичь, гдѣ засталъ Василька съ полкомъ его. Борисъ Межибожскій, совѣтомъ Доброслава и Сбыслава, дали знать ему ложно, будто Изяславъ съ Половцами идутъ на Владиміръ. Онъ послалъ туда Василька, и остался одинъ въ Галичѣ, но услышавъ вскорѣ, что бояре по своему обычаю, строятъ противъ него козни, и ему грозитъ гибель, долженъ былъ оставить городъ, и отправился къ办 Ограмъ.

Михаилъ, шедшій по слѣдамъ его, занялъ Галичь. Напрасно зимою Василько тревожилъ его, напрасно Даніилъ воротясь изъ Угоръ, дѣйствовалъ съ своей стороны—они немогли ничего сдѣлать и воротились по домамъ.

За то Галичане повоевали по Хомору, и пошли на Каменецъ, со всѣми Болоховскими князьями. Ополонившись много они возвращались въ Галичь, но были настигнуты боярами Даніиловыми изъ Каменца, и Торками, присланными на помощь отъ Володимера Кіевскаго, который выкупился изъ плѣна Половецкаго. Плѣнники приведены были къ князю во Владиміръ.

Лѣтомъ Михаилъ и Изяславъ потребовали съ угрозою ихъ освобожденія: «отдай нашу братью, не то придемъ на тебя войною.» Дѣйствительно они призвали на Даніила Половцевъ, нѣкоторыхъ Русскихъ князей и Ляховъ съ Конрадомъ Мазовецкимъ, позабывшимъ услуги, оказанныя ему Романовичами.

Остановившись на мѣстѣ нынѣшняго Холма, Конрадъ послалъ воевать къ Червену, гдѣ встрѣтили его Васильковы вои, плѣнили Лядскихъ бояръ, и привели въ Городокъ къ Даніилу. Михаилъ стоялъ тогда, на Подгорьѣ, ожидая Изяслава съ Половцами, и думая потомъ снятися съ Конрадомъ. Половцы пришли, но отказались идти на Даніила, повоевали Галицкую землю, и воротились домой.

Услышавъ это, Михаилъ долженъ былъ безъ успѣха спѣшить въ Галичь, а Конрадъ въ Ляхи, при чемъ въ Вепрѣ потонуло множество его воевъ.

Лѣтомъ ободренные Романовичи приходили на Галичь, но не могли отнять его у Михаила и Ростислава, у которыхъ было много Угровъ,—и только повоевали около Звенигорода.

Весною (1236) собрались они на Ятвяговъ, и должны были остановиться за разлитіемъ рѣкъ. Потомъ пустились на рыцарей, призванныхъ Конрадомъ Мазовецкимъ противъ языческихъ Пруссовъ.» Нелѣпо есть держати нашей отчины крыжевникомъ Теппличемъ, рекомымъ Соломоничемъ.» Такъ называлъ Даніилъ рыцарей Нѣмецкаго ордена, поселенныхъ на Русскомъ рубежѣ, смѣшивая ихъ съ Темпліерами или рыцарями храма.. Романовичи взяли ихъ городъ, полонили старѣйшину Бруна со множествомъ воевъ, и воротились во Владиміръ.

Отдохнувъ двинулись они опять на Галичь, и на этотъ разъ Михаилъ принужденъ былъ просить у нихъ мира, уступивъ Даніилу Перемышль.

Въ отмщеніе Конраду за его измѣну, Даніилъ навелъ тогда на него Миндовга изъ Литвы, и Изяслава изъ Новагорода.

Король Венгерскій, вознамѣрясь вѣнчаться на царство, пригласилъ Романовичей къ себѣ «на честь.» Венгерскія лѣтописи говорятъ, что Даніилъ, участвуя въ совершеніи торжественныхъ обрядовъ, велъ его коня въ знакъ подданства, но это униженіе невѣроятно, потому что Даніилъ, достаточно тогда сильный, не имѣлъ нужды въ его покровительствѣ.

Въ Униахъ услышалъ онъ о притѣсненіяхъ Императоромъ Фридрихомъ Австрійскаго Герцога, и хотѣлъ, неутомимый, идти къ нему съ братомъ на помощь, но Король не далъ на то своего согласія. Романовичи возвратились во Владиміръ, не переставая думать о походѣ на Галичъ.

Вотъ какое смятеніе господствовало на нашемъ югѣ и западѣ!

Обозримъ теперь сѣверъ и востокъ.

Новгородъ, угрожаемый Нѣмцами и Литвою, никакъ не могъ ужиться съ своими князьями, изъ которыхъ къ каждому приставали тѣ и другіе бояре, и тѣмъ прибавляли смуты, ссорясь еще между собою, вовлекая и народъ въ свои ссоры.

Въ 1224 г. сынъ В. К. Владимирскаго Всеволодъ уѣхалъ ночью тайкомъ изъ Новагорода со всѣмъ дворомъ своимъ, по неудовольствію на нѣкоторыхъ бояръ, и сѣлъ на Торжку. Къ нему пришелъ, по предварительному, видно, уговору, отецъ В. К. Георгій съ своими полками; братъ его Ярославъ, Василько съ Ростовцами, Михаилъ съ Черниговцами. Новогородцы прислали къ Великому Князю двухъ мужей съ словами: «Княже, пусти къ намъ дитя, а самъ иди съ Торжку.» Георгій отвѣчалъ: «выдайте мнѣ Якима Ивановича, Никифора Тудоровича, Ивана Тимошкинича, Вячка, Ивача, Радка,—не выдадите, а я поилъ коней Тверцою, напою и Волховымъ.» Новогородцы скопили всю волость около города, доспѣли острогъ, и послали къ Великому князю Полюда Вячеслава Прокшинича, Ивана Ярышевича, съ отвѣтомъ: «Княже, кланяемся тебѣ; а братьи своей не выдаемъ; крови не проливай, а впрочемъ—твой мечь, а наши головы.»

На путяхъ поставили они сторожевые отряды, вездѣ устроили тверди, рѣшась умереть за святую Софію съ посадникомъ Иваномъ Дмитріевичемъ. Георгій предложилъ имъ въ князья шурина своего князя Михаила Черниговскаго. Они согласились, и должны были заплатить еще семь тысячъ гривенъ новыхъ.

Михаиломъ (1225) Новогородцы были очень довольны, но онъ оставался у нихъ не долго. Выправивъ самъ товаръ, захваченный Георгіемъ въ Торжку и по волости, объявилъ имъ, что не можетъ у нихъ оставаться болѣе, и предлагалъ имъ торговать въ Черниговѣ какъ у себя дома. Убѣжденія ихъ не помогли, и они, скрѣпя сердце, послали опять за Ярославомъ Всеволодовичемъ въ Переяславль.

Ярославъ, не доходя до Новагорода, оборотился съ своею дружиною и Торопецкимъ княземъ Давидомъ, на Литву, которая приходила предъ тѣмъ грабить Новоторжскія волости. Ярославъ отбилъ у нихъ весь полонъ на Усвятѣ; при чемъ пало ихъ до двухъ тысячъ. Новогородцы не присылали отъ себя подмоги. Ярославъ (1226) не положилъ однако жъ гнѣва на нихъ за то, ходилъ съ успѣхомъ на Емь, (1227) которая въ свою очередь отплатила набѣгами по Ладожскому озеру и опустошила по берегамъ его Исады и Олонесъ (1228).

Ладожскій посадникъ, не дождавшись Новогородцевъ, сразился съ ними, и отбилъ ихъ полонъ. Они просили мира, и, не получивъ, избили плѣнниковъ, побросали лодки, разбѣжались по лѣсамъ, гдѣ ихъ перебили Пжеряне и Корелы до двухъ тысячь, «а то все мертво!» Новгородцы стояли нѣсколько дней на Невѣ, сотворили вѣче, и хотѣли убить за что-то боярина Судимира, котораго спасъ въ своемъ насадѣ Ярославъ.

Ярославъ пошелъ во Псковъ съ посадникомъ Иванкомъ и тысяцкимъ Вячеславомъ, но Псковитяне заперлись въ городѣ, и не пустили его къ себѣ, прослышавъ что князь везетъ оковы, и хочетъ оковать вящшихъ мужей: онъ постоялъ на Дубровнѣ, и долженъ былъ воротиться въ Новгородъ, гдѣ созвалъ вѣче на владычнемъ дворѣ, и пожаловался: я не мыслилъ никакаго груба на Псковичей, и везъ имъ дары въ коробахъ, паволоки и овощи, а они меня обезчестили!

Тогда же привелъ онъ полки изъ Переяславля. Вои, приведенные Ярославомъ, расположились шатрами около городища и по дворамъ въ Славнѣ, отъ чего на торгу все вздорожало: хлѣбъ, мясо, рыба. Хлѣбъ продавался по двѣ куны, кадь ржаной муки по три гривны, пшено по семи гривенъ.

Князь говорилъ, что хочетъ идти на Ригу, а общее мнѣніе было то, что онъ, раздраженный, сбирается опять на Псковъ, о чемъ Новогородцы ихъ и предупредили.

Псковичи, услышавъ о сборахъ Ярослава, заключили миръ съ Ригою «выложивше Новогорцевъ: то вы,» сказали они, «а то Новгородцы; намъ ненадобѣ,» то есть, до вашихъ отношеній между собою намъ дѣла нѣтъ. Если пойдутъ на насъ, то вы помогайте намъ. Нѣмцы согласились, взявъ сорокъ мужей въ тальбу.

Ярославъ послалъ Мишу звать Псковичей: «выдайте, кто меня вамъ обадилъ, и идите со мною въ путь. Я не мыслилъ никакого зла на васъ.» Псковичи прислали къ нему Гречина: «Княже, кланяемся тебѣ и братьямъ Новогородцамъ, на путь нейдемъ,

и братьи своей не выдаемъ, а съ Рижанами мы взяли миръ. Къ Колываню вы ходили, серебро получили, а правды не сотворили, ушли въ Новгородъ не взявъ города, а въ Кеси также, въ Медвѣжьей головѣ также. За то наши братья избиты на озерѣ, другіе уведены въ плѣнъ. Вы раздразнили враговъ, да и прочь. Думаете ли идти на насъ, мы противъ васъ со Святою Богородицею и съ поклономъ. Ступайте, изсѣките насъ, женъ и дѣтей возмите себѣ въ плѣнъ, «а не луче погани, —кланяемся.»

Новогородцы также отказались: «мы безъ братьи своей Псковичей на Ригу не пойдемъ, а тебѣ кланяемся.» Ярославъ никакъ не могъ ихъ уговорить и долженъ былъ отпустить свои полки домой. Тогда и Псковичи отпустили призванныхъ Нѣмцевъ, Чудь, Летголу, Ливь, а сторонниковъ Ярослава выгнали изъ города: идите къ вашему князю, вы намъ не братья.

Ярославъ въ досадѣ ушелъ изъ Новгорода съ своей супругою, но не желая упустить изъ рукъ прибыльное княжество, оставилъ тамъ двухъ своихъ сыновъ, Ѳедора и Александра, съ Ѳедоромъ Даниловичемъ и тіуномъ Якимомъ.

Къ пущему горю настало въ Новѣгородѣ ненастье; дождь шелъ день и ночь, и отъ Госпожина дня до Николина не видали жители ни одного свѣтлаго дня. Народъ приписалъ это бѣдствіе Архіепископу Арсенію, который подкупилъ будто князя, отстранивъ Антонія, заключившагося въ Хутынскомъ монастырѣ. Созвали вѣче на Ярославовомъ дворѣ, вытолкали Архіепископа за ворота, и онъ насилу спасся въ церкви Св. Софіи. На другой день пошли на Хутино, взяли оттуда больнаго Антонія, и ввели на владычень дворъ, приставивъ къ нему двоихъ мужей; потомъ во оружіи пошли съ вѣча на тысяцкаго Вячеслава, разграбили дворъ его и многихъ другихъ сановниковъ, за то что они наводятъ будто князя на зло. Липенскаго старосту хотѣли повѣсить, и онъ едва спасся на дворъ къ князю, а жена его попалась имъ въ руки. Тогда же отнято тысяцкое у Вячеслава и отдано Борису Нѣгочевичу, а князю Ярославу дано знать: «пріѣзжай къ намъ, забожничье (налогъ церковный) отложи, судей по волости не разсылай, и клянись намъ на всей воли нашей и на всѣхъ грамотахъ Ярославовыхъ, ты нашъ князь, или ты себѣ, а мы себѣ.»

Въ отвѣтъ на это требованіе князь велѣлъ сыновьямъ своимъ, вмѣстѣ съ ихъ приставниками, оставить Новгородъ, и они удалились ночью сыропустныя недѣли во вторникъ (1229). Новгородцы говорили: «мы ихъ не гнали и князю никакого зла не сотворили; мы свою братью только казнили. Онъ видно задумалъ лихо на Святую Софію, Богъ съ нимъ, мы себѣ князя промыслимъ.» Поклялись всѣ быть за одно, и послали въ Черниговъ Хота Станимировича и Гаврилу съ Лубяницы, которыхъ не пропустилъ князь Смоленскій по наученію Ярославову.

Михаилъ, однакожъ, бывъ тогда въ Брыну съ сыномъ, узналъ о желаніи Новогородцевъ, и поспѣшилъ въ Торжекъ на вербницу, а въ Новгородъ прибылъ подъ конецъ Ѳоминой недѣли.

Новогородцы были рады своему хотѣнію, и Михаилъ поцѣловалъ крестъ на всей волѣ Новогородской и на всѣхъ грамотахъ Ярославлихъ. Онъ далъ свободу смердамъ на пять лѣтъ не платить дани; кто сбѣжалъ

на чужую землю, тому платить, кто гдѣ живетъ, по уставу переднихъ князей.

На Ярославовыхъ любовникахъ и на Городищанахъ Новгородцы взяли много кунъ, но дворовъ ихъ не грабили, и определили собранное на великій мостъ, отняли посадничество у Иванка Дмитріевича и дали Внѣзду Водовику. Иванко былъ посланъ въ Торжекъ, но Новоторжцы его не приняли, и онъ ушелъ къ Ярославу, съ которымъ вражда не прекратилась, ибо онъ не хотѣлъ отказаться отъ Новагорода.

Между тѣмъ Архіепископъ Антоній, больной и немощной, не могъ управлять церковными дѣлами. Михаилъ сказалъ Новогородцамъ: не лѣпо быть городу безъ владыки. Выберите кого вамъ угодно. Одни указывали на Іосафа, Епископа Волынскаго, другіе на какого-то Грека, многіе на діакона Спиридона при церкви Св. Георгія. Князь подалъ совѣтъ положить три жеребья на святую трапезу: «изволи Богъ служителя себѣ и пастуха словесныхъ овецъ Новугороду и всей области его.» Княжичь Ростиславъ выпулъ жеребій—Спиридоновъ.

Къ Ярославу послалъ онъ Нѣздилу Прокшинича и Иванка Тудорковича съ рѣчами: «отступись Волока, вороти, что ты силою зашелъ Новогородскаго, и поцѣлуй на томъ крестъ.» Ярославъ отвѣчалъ: «Волока не отступаю и креста не цѣлую: вы себѣ, а я себѣ,» и продержалъ пословъ у себя все лѣто.

Михаилъ между тѣмъ уѣхалъ въ Черниговъ, и оставилъ въ Новѣ городѣ сына Ростислава. Взявъ съ собою нѣсколько нарочитыхъ мужей Новогородскихъ онъ сказалъ: «дай Богъ исправить мнѣ всю правду Новогородскую, и принять отъ васъ сына моего.»

Литва набѣгала на волости Серегерскія; Новгородцы пагнали ее и возвратили полонъ.

Въ 1230 г. Михаилъ пріѣзжалъ въ Новгородъ, но оставался короткое время, обѣщаясь на Воздвиженье всѣсть на конь и идти на Ярослава; тогда же онъ совершилъ постриги сыну своему Ростиславу. Архіепископъ Спиридонъ обрѣзалъ отроку волосы во храмѣ Св. Софіи.

Ярославъ сбирался на войну. Во Владимиръ явилось тогда посольство къ Великому Князю Георгію — Митрополитъ Кириллъ, Порфирій, Епископъ Черниговскій, и бояринъ Володимера Рюриковича Кіевскаго, просить Великаго Князя о примиреніи брата его Ярослава съ Михаиломъ Черниговскимъ. Послы приняты были съ честію, и миръ обѣщанъ.

Въ нынѣшнее отсутствіе Михаилово Новгородцы возмутились еще сильнѣе, чѣмъ прежде.

Степанъ Твердиславичъ разсорился съ посадникомъ Водовикомъ: кажется Водовикъ былъ представителемъ партіи Михаиловой, а Степанъ Ярославовой. Его сторону принялъ Иванко Тимошкиничь, котораго избили парубки посадничьи.

На другой день созвано было вѣче противъ посадника на Ярославлѣ дворѣ, и дворъ его былъ разграбленъ. Онъ съ своей стороны, вмѣстѣ съ Семеномъ Борисовичемъ, поднялъ весь городъ на Иванка и на Якима Влунковича. Якимъ бѣжалъ къ Ярославу, Иванко былъ убитъ и брошенъ въ Волховъ. Былъ убитъ еще Волосъ Блуткиничь. Много дворовъ было разграблено съ вѣча, другіе сожжены.

Зимою, декабря 8-го, въ воскресенье, посадникъ Водовикъ отъѣхалъ въ Торжекъ съ княжичемъ Ростиславомъ. На другой день по утру былъ убитъ Семенъ Борисовичь, сторонникъ Михаиловъ, и жена его захвачена, дворъ и села разграблены, также дворъ и села Водовиковы и его сторонниковъ, Бориса тысячскаго и проч., которые всѣ убѣжали къ Михаилу въ Черниговъ. Имѣніе ихъ раздѣлено по стомъ. Одолѣвшая сторона показала путь и Ростиславу изъ Торжка въ Черниговъ: «Поди прочь—отецъ твой обѣщался и крестъ цѣловалъ сѣсть на конь на войну со Вздвиженья, а вотъ уже Николинъ день насталъ. Крестное цѣлованіе съ насъ снимается. Мы промыслимъ себѣ князя,» и послали за Ярославомъ.

Ярославъ вборзѣ пріѣхалъ въ Новгородъ, декабря 30, и цѣловалъ крестъ на всѣхъ граматахъ Ярославлихъ.

1230 годъ и начало 1231 были тяжелы для Новогородцевъ во всѣхъ отношеніяхъ, особенно вслѣдствіе голода и мора, о которыхъ будемъ говорить ниже.

Ярославъ пробылъ только двѣ недѣли въ Новѣгородѣ, и оставя опять двухъ сыновъ своихъ, Ѳедора и Александра, уѣхалъ въ Переяславль.

На осень Ярославъ ходилъ ратью на Михаила, который не смотря на недавно заключенный миръ принималъ къ себѣ бѣглецовъ Новгородскихъ. Ярославу сопутствовали племянники, Константиновичи. Они пожгли Шеренскъ и осадили Мосальскъ.

На слѣдующій годъ пришли изъ Чернигова (1232) сторонники Михаиловы: Борисъ Негочевичъ, Петръ Володиковичь, Глѣбъ, Семеновъ братъ, Миша, съ подговореннымъ ими Княземъ Святославомъ Трубчевскимъ. Они думали возстановить свою сторону въ Новѣгородѣ. Въ Буицѣ, селѣ Св. Георгія, на средоговѣніе, князь увидѣлъ ложь и несостоятельность ихъ намѣренія, и оставилъ ихъ, а они явились въ Псковѣ, захватили и оковали посадника Ярославова Вячеслава.

Въ Новѣгородѣ, гдѣ князя не было, началось смятеніе. Онъ поспѣшилъ пріѣхать, засадилъ случившихся тамъ Плесковичей въ гридницѣ на городищѣ, и послалъ въ Псковъ съ требованіемъ: «мужа моего пустите, а тѣмъ покажите путь, откуда пришли.»

Псковичи не соглашались и стояли за нихъ крѣпко. «Пришли къ намъ ихъ женъ,» отвѣчали они «и товаръ ихъ, и мы отпустимъ Вячеслава, а не то—вы себѣ, а мы себѣ.» И такъ прошло все лѣто безъ мира. Князь не пустилъ къ нимъ гостей, и они покупали соль по 7 гривенъ за берковецъ. Тогда они смирились и отпустили Вячеслава, а князь отпустилъ къ нимъ Борисовую, Глѣбовую, Мишную, но мира не далъ. На зиму пришли Плесковичи и поклонились: «ты нашъ князь, дай намъ сына Ѳедора.» Ярославъ сына не далъ, а далъ шурина Георгія. Они взяли его и указали путь Борисовой чади съ женами.—Изгнанники отправились въ Медвѣжью голову.

Въ 1233 г. Борисова чадь заняла изъѣздомъ Изборскъ съ Нѣмцами и Ярославомъ, сыномъ бывшаго Псковскаго князя Володимера Мстиславича. Плесковичи оступили ихъ, полонили и отвели къ князю Ярославу, который отослалъ ихъ окованныхъ въ заточеніе въ Переяславль. Онъ готовился играть сватьбу старшаго сына своего Ѳеодора въ Новгородѣ,—всѣ приготовленія были сдѣланы,—какъ онъ скончался внезапно, и похороненъ въ монастырѣ Св. Георгія.

Князь удалился въ свой городъ, а Нѣмцы въ его отсутствіе захватили въ Тесовѣ Кирила Синкинича, котораго князь по возвращеніи выправилъ, приведя съ собою множество полковъ.

Онъ пошелъ на Юрьевъ (1234), разорилъ окрестности, и разбилъ Нѣмцевъ, пришедшихъ изъ Юрьева и Медвѣжьей головы, которые ему поклонились. За то Литва захватила изъѣздомъ Русу, до самаго торга. Рушане поднялись — засада, огнищане, гридьба, купцы и гости, выгнали ихъ изъ посада, и сразились на полѣ. Литва была побита и отошла на Клинъ.

Ярославъ, услышавъ объ этомъ нападеніи, сѣлъ въ насадъ и пустился по Ловоти. Другіе послѣдовали на коняхъ. Подъ Моровійскомъ у лодейниковъ недостало хлѣба, и князь отпустилъ ихъ въ городъ, а самъ пошелъ съ конниками, и настигъ Литву въ Торопецкой волости на Дубравнѣ. Произошла битва. Богъ пособилъ Ярославу одержать побѣду надъ погаными, и онъ отнялъ у нихъ 300 коней и весь захваченный товаръ. Литовцевъ пало много на мѣстѣ, а остальные пометали оружіе и щиты, и разбѣжалися по лѣсамъ. Изъ Новгородцевъ убито десять мужей: Ѳедя Якуновичь, тысяцкій, Гаврило щитникъ, Нѣжило серебреникъ, Гостилецъ съ Козмодемьянской улицы, Ѳедоръ Умъ, княжой дѣтской, другой Городищанинъ и проч.

Ярославъ Всеволодовичь ушелъ изъ Новагорода (1236) Кіеву на столъ, взявъ съ собою вящшихъ Новогородцевъ сто мужей, Судимира изъ Славна, Якима Влунковича, Косту Вячеславича, и проч., которыхъ чрезъ недѣлю отпустилъ всѣхъ изъ Кіева одаривъ по многу.

Въ Новѣгородѣ оставленъ сынъ Александръ. Въ 1237 году былъ общій походъ на Литву—Нѣмцы, Рижане, Чудь, Новогородцы. Плесковичи послали отъ себя 200 человѣкъ. Они всѣ были разбиты, и едва десятые спаслися домой.

Во *Владимирѣ*, ослабленномъ значительно сраженіемъ при Липицѣ, и потомъ междоусобіемъ послѣ кончины В. К. Константина Всеволодовича, водворилось спокойствіе на нѣсколько времени.

Жители утѣшены были перенесеніемъ мощей Св. Авраамія, замученнаго въ 1229 г. въ Великомъ Болгарскомъ городѣ. Это былъ, говоритъ Суздальскій лѣтописецъ, человѣкъ инаго языка, не Русскаго, но Христіанинъ, богатый, торговавшій, «гостешбу дѣя» по разнымъ городамъ. Болгаре убѣждали его много времени, ласканьемъ и прещеньемъ, отступиться отъ Христа и Христіанской вѣры. Онъ не слушалъ ихъ, «изволи паче умереть за Христа,» оставилъ свое имѣніе, подвергся мукамъ, и былъ усѣченъ апрѣля 1-го. Русскіе, торговавшіе въ Болгарѣ, сохранили тѣло его въ гробѣ, хотя онъ былъ иноплеменникъ, и вѣроятно не православнаго исповѣданія, и принесли во Владимиръ, что приноситъ большую честь ихъ терпимости, —и православію.

Великій князь Георгій, съ княгинею и дѣтьми, епископъ Митрофанъ, со всѣмъ клиросомъ и игуменами, и всѣ люди, со свѣчами, встрѣтили святыя мощи за версту отъ города. Положенъ Авраамій былъ съ великою честію въ монастырѣ Великой княгини Всеволожей, любимой матери Великаго князя Георгія.

Начинались новыя распри и «Ярославъ усумнѣся брата своего Юрга, слушая

нѣкоихъ льсти, и отлучи отъ Юрга Константиновича три: Василька, Всеволода и Володимера, мысляшеть противиться Юргю брату своему,» —который нѣкогда, жертвуя собою, помогалъ ему, но Великій князь успѣлъ на время примирить вражду. Это было въ 1229 году.

И въ этомъ самомъ году пронесся опять слухъ о Татарахъ, показавшихся на границахъ Азіи, въ окрестностяхъ рѣки Яика или Урала,—и всѣ сердца вздрогнули на Руси, почуя новую бѣду. Сторожа Болгарскіе, сколько ихъ осталось тамъ отъ избіенія вмѣстѣ съ Половцами и Саксинцами, племени вѣроятно Киргизскаго, прибѣжали снизу домой извѣстить о собирающихся на востокѣ тучахъ.

Само небо необыкновенными чудесными знаменіями какъ будто предвѣщало идущую въ нихъ грозу.

1230 года, мая 10-го, въ пятницу, на пятой недѣлѣ по пасхѣ, въ Новѣгородѣ, рано по утру солнце являлось о трехъ углахъ «яко коврига, потомъ мнѣи (менѣе) бысть аки звѣзда, тако и погибе (пропало), потомъ мало опять взиде въ своемъ чину. «Черезъ четыре дня, въ торговъ годъ,» (въ часъ торга), солнце начало умаляться «зрящимъ всѣмъ людямъ» и осталось его мало, и сдѣлалось, «аки мѣсяцъ три дни,» (въ мѣру мѣсяца трехдневнаго), потомъ начало опять полниться, и многіе думали, что мѣсяцъ «идуще черезъ небо,» потому что тогда было межимѣсячье, а другіе думали, что солнце идетъ назадъ, отъ того, что малыя облака, кучею, борзо бѣжали на солнце съ сѣверной стороны на полуденную.

Въ Кіевѣ, въ тотъ же день и часъ, разсказывали самовидцы, бывшіе тамъ, было и еще того грознѣе: солнце стало мѣсяцемъ, явились около него съ обѣихъ сторонъ столпы красные, зеленые, синіе, и огнь съ небеси облакомъ великимъ опустился на Лыбедь—люди всѣ отчаялися своей жизни, думали, что наступаетъ кончина, цѣловались, прося другъ у друга прощенія, плакали горько, молились Богу со слезами; «и милостію своей Богъ преведе страшный тотъ огнь черезъ весь городъ «безъ пакости» (безъ вреда).

Накапунѣ, 3 мая, было повсемѣстное землетрясеніе. Въ Кіевѣ Печерская церковь разступилась на четыре части—во время обѣдни, когда митрополитъ Кириллъ, Великій князь Володимеръ съ боярами, и множество народу тамъ находились, празднуя память Св. отца Ѳеодосія; въ трапезницѣ уготованный кормъ и питіе, столы, скамьи, разбиты были падавшими сверху изъ потолка каменьями.

Въ Переяславлѣ Русская церковь Св. Михаила разсѣлася на двое, и упалъ переводъ съ кровлею трехъ каморъ.

Во Владимирѣ, Залѣсскомъ говоритъ лѣтописецъ, иконы подвиглись по стѣнамъ, и паникадила со свѣчами поколебались. Люди изумилися «мняхутся тако, яко голова обошла коего ихъ.»

«Тоже братья,» говоритъ Новогородскій лѣтописецъ, «не на добро, но на зло, грѣхъ дѣля нашихъ, Богъ намъ знаменія кажетъ, да быхомъ ся покаяли отъ грѣхъ нашихъ.» — «Колику Богъ» прибавляетъ онъ «наведе на ны смерть той весны, да то мы видяще, не разумѣхомъ своея погибели, но скорѣйши быхомъ на зло,» —и предлагаетъ

описанiе страшнаго голода въ Новѣгородѣ, и слѣдовавшаго за нимъ мора.

На Воздвиженье морозъ избилъ весь хлѣбъ, и онъ вздорожалъ еще больше прежняго. Хлѣбъ продавался по 8 кунъ, кадь ржи по 20 гривенъ, а на дворахъ по 25, пшеница по 40 гривенъ, пшено по 50, овесъ по 13. Жители расходились по чужимъ сторонамъ.

За голодомъ слѣдовалъ моръ. Трупы валялись по всѣмъ улицамъ, Архiепископъ Спиридонъ построилъ скудельницу въ ямѣ, на Пруской улицѣ, и приставилъ къ ней мужа благаго и смиреннаго Станилу, веля свозить сюда на коняхъ мертвецовъ со всего города. Въ короткое время навезено было 3030.

Слѣдующая весна была еще тяжелѣе зимы: голодъ свирѣпствовалъ страшно не только въ Новѣгородѣ, но и по всей странѣ. Жители употребляли въ пищу мохъ, желуди, сосну, ильмовый листъ, кору липовую, нечистыхъ животныхъ,—доходило до человѣкоубийства. Такихъ злодѣевъ сожигали, осѣкали, вѣшали. Отцы и матери отдавали дѣтей гостямъ изъ хлѣба въ одерень. Иные злые люди зажигали дома, гдѣ предполагалась рожь. Мертвецы на улицахъ, на торгу; по мосту, лежали непогребенными, псами пожираемые; поставлена была другая скудельница, на полѣ, въ концѣ Чудинцовой улицы, третья на Колѣни, за Рожествомъ, и тѣ наполнились скоро.

Случился еще пожаръ большой: погорѣлъ весь конецъ Славенскiй до конца Холма, кромѣ церквей. Городъ былъ уже при концѣ.

Но Богъ умилостивился, Нѣмцы прибѣжали съ житомъ и мукою, и городъ ожилъ.

Послѣ первыхъ слуховъ Татары подвигались медленно: только въ 1232 году подошли они къ Волгѣ, и, не доходя до Великаго города Болгарскаго (на лѣвой сторонѣ Волги, Казанской губернiи, въ Спасскомъ уѣздѣ), остановились зимовать. Здѣсь почему-то кочевали они больше трехъ лѣтъ, и уже въ 1236 году взяли древнюю столицу Болгаръ, ограбили и сожгли.

На слѣдующую зиму явились они въ предѣлахъ Рязанскихъ, подоiйдя лѣсами съ восточной стороны, и остановились станомъ въ Онузѣ (?), которую взяли и сожгли.

Ихъ было множество, безъ числа, говоритъ современный Русскiй лѣтописецъ, а Арабскiй описываетъ такъ ихъ нашествiе: земля стонала, звѣри безумѣли, испуганныя птицы падали мертвыя.

Рязанскiй князь Юрiй Игоревичъ при первыхъ слухахъ повѣстилъ родныхъ и сосѣднихъ князей. Въ родственный Черниговъ и ближнiй Владимиръ отправлены послы за помощiю.

Въ стольномъ городѣ Рязани успѣли собраться только ближнiе князья, братъ Олегъ Красный, племянники Олегъ и Романъ Ингворовичи, Всеволодъ Михайловичъ Пронскiй, одинъ изъ князей Муромскихъ.

Татары прислали къ нимъ пословъ, двухъ мужей и жену чародѣйку, требуя себѣ десятины во всемъ: и въ князьяхъ и людяхъ, и въ коняхъ,—десятое въ бѣлыхъ, десятое въ вороныхъ, десятое въ бурыхъ, десятое въ рыжихъ, десятое въ пѣгихъ.

Князья отвѣчали смѣло: не будетъ насъ, тогда возьмете все.

Послы препровождены были къ Великому князю, Георгiю Всеволодовичу, во Владимиръ.

На предложеніе Татаръ: мирися съ нами, онъ отвѣчалъ: «брань славная лучше мира постыднаго,» и началъ военныя приготовленія, а Рязанской просьбы не уважилъ, воевъ не прислалъ, и самъ не пришелъ, «хотя особь брань сотворити.»

Изъ Чернигова не было еще слуха, и Рязанскіе князья принуждены были идти одни на встрѣчу Татарамъ къ Воронежу, рѣшась умереть, а не покоряться.

Преданіе дополняетъ лѣтопись извѣстіемъ, что, посовѣтовавшись между собою, они попытались умилостивить Татарскаго Хана богатыми дарами, съ которыми былъ отряженъ къ нему сынъ старшаго Рязанскаго князя, Өеодоръ. Батый принялъ дары благосклонно, и потребовалъ у Өеодора жены его, славной своею красотою, какъ дошла до него молва. Рязанскій князь отворотился съ негодованіемъ, услышавъ требованіе, и тутъ же былъ умерщвленъ; тѣло брошено звѣрямъ на растерзаніе.

Молодая жена, услышавъ объ его погибели, кинулась изъ высокаго терема на берегу Осетра, съ младенцемъ на рукахъ, котораго звали Іоанномъ постникомъ, и заразилась, т.-е., убилась до смерти, отъ чего ближняя церковь получила названіе Николы Заразскаго или Зарайскаго. (Тѣло убитаго князя послѣ принесено было и погребено, вмѣстѣ съ тѣлами его жены и сына. Въ Зарайскѣ показываютъ еще до сихъ поръ три креста, поставленные, говорятъ, первоначально надъ ихъ могилами. Подлѣ построена была церковь во имя св. Іоанна Предтечи).

Татары двинулись къ Воронежу, гдѣ стояли князья Русскіе, и вступили съ ними въ бой. Сѣча была злая. Кровь потекла по полю, какъ новая рѣка. Отъ стремительнаго натиска безчисленныхъ воевъ Татарскихъ наши полки устоять не могли. Разбитые они принуждены были уступить, и князья спаслись бѣгствомъ, кійждо въ свой градъ. Одинъ изъ нихъ, Өеодоръ Красный, изнемогающій отъ ранъ, еле живый, былъ взятъ въ плѣнъ и приведенъ къ Батыю, которому понравился. Батый обѣщалъ ему помилованіе, если онъ обратится «на ихъ прелесть». Онъ не соглашался. Батый, разсерженный, дохну огнемъ отъ мерзкаго сердца своего, говоритъ лѣтопись, и несчастный былъ изрѣзанъ ножами, до полусмерти.

Татары устремились впередъ, опустошая огнемъ и мечемъ землю Рязанскую, «грады разбивающе и жгуще, люди сѣкуще и плѣнующе». Такъ были разорены до основанія: Пронскъ, Бѣлгородъ, Ижеславль, Борисоглѣбскъ, и имена ихъ съ тѣхъ поръ неслышутся въ лѣтописяхъ, кромѣ Пронска. Арабскіе современные писатели выражаются очень живо о городахъ, опустошенныхъ Татарами, что они изчезали, какъ будто и не красовались вчера.

Декабря 16 обступили Татары стольный городъ Рязань. Князья затворились, рѣшась защищаться до послѣдней капли крови. Пять дней продолжалась осада. Граждане оборонялись отчаянно, стояли по стѣнамъ не смѣняясь; между тѣмъ какъ нападавшіе обновлялись безпрестанно свѣжими силами. Каждый день падало множество, но никто не думалъ о сдачѣ. На шестый день подступили Татары съ огнемъ, съ пороками, или стѣнобитными орудіями и лѣстницами, и декабря 21 взятъ былъ городъ копьемъ, и, по разграбленіи, запаленъ. Жители всѣ, попадавшіеся подъ руку, были перебиты безъ милости, одни разстрѣляны стрѣлами,

другіе посѣчены мечами, потоплены въ рѣкѣ, женщины на улицахъ подвергались поруганіямъ, дѣти бросаемы были въ огонь, и не осталось въ городѣ никого изъ живыхъ, говоритъ лѣтопись: некому было стонать и плакать, некому скорбѣть о погибшихъ, родителямъ о дѣтяхъ, дѣтямъ о родителяхъ, братьямъ о братьяхъ—всѣ вмѣстѣ лежали мертвые.

Изъ князей остался одинъ Романъ Ингваровичъ, который успѣлъ убѣжать и повѣдать во Владимирѣ великому князю о погибели Рязани.

Татары пошли впередъ неостанавливаясь на Владимиръ. Вдругъ сзади, когда они уже выходили изъ предѣловъ Рязанскихъ, говоритъ древнее сказаніе, показались Русскіе вои, и ворвались въ ихъ становище. Татары всполошились, не понимая, откуда взялись они: не мертвые ли, павшіе въ Рязани, встали, и прискакали мстить за смерть свою. Неизвѣстные воители рубили на право и на лѣво изумленныхъ, оторопѣвшихъ варваровъ. Притупленные мечи они бросали, и хватали другіе изъ рукъ поверженныхъ на землю Татаръ. Во всѣхъ станахъ произошло страшное смятеніе. Пятерыхъ изъ воителей удалось наконецъ схватить, и они приведены были въ ставку Батыя. Кто вы такіе, спросилъ ихъ удивленный ханъ. «Мы слуги великаго князя Ингваря Ингваревича, отъ полка боярина Евпатія Коловрата, посланы тебя великаго царя почтити и честно проводити, да не подиви царю, что не успѣваемъ наливать чашъ на великую силу Татарскую.»

Шуринъ Батыевъ, Таврулъ, вызвался идти на Евпатія, взялъ съ собою сильные полки, и обѣщался привести его живаго. Онъ бросился на витязя, но тотъ, исполинъ силою, разсѣкъ его на полы до сѣдла Татары навели на Евпатія, какъ на крѣпость, множество сапей съ стѣнобитными орудіями, окружили его, и наконецъ одолѣли. Товарищи его избиты. Мертвый принесенъ былъ къ Батыю вмѣстѣ съ остальными воями, которые были взяты въ плѣнъ. Батый похвалилъ мужество, и отпустилъ ихъ на волю, отдавъ имъ тѣло погибшаго вождя.

Какимъ же образомъ случилося это нападеніе?

Рязанскій бояринъ, Евпатій Коловратъ, былъ посланъ при слухахъ о Татарскомъ нашествіи въ Черниговъ за помощію. Услышавъ тамъ, что Татары уже явились въ предѣлахъ Рязанскихъ, онъ поспѣшилъ въ княземъ на родину, которую нашелъ совершенно опустошенною; собралъ, сколько могъ, дружины, тысячу семьсотъ человѣкъ, которыхъ «Богъ соблюде,» и погнался въ слѣдъ за Татарами, рѣшась испить мертвую чашу за одно съ своими государями, и испилъ ее до дна, совершивъ и исполнивъ со славою великодушное свое намѣреніе.

Поздно понялъ великій князь Суздальскій свое положеніе, и увидѣлъ свою ошибку. Онъ отрядилъ старшихъ сыновей, незадолго обвѣнчанныхъ,—Всеволода, съ бывшими на готовѣ воями къ Коломнѣ, на встрѣчу къ Татарамъ,—а другаго Володимера въ Москву.

Подъ Коломною произошло сраженіе. Татары окружили Суздальцевъ со всѣхъ сторонъ, по своему обычаю. Наши бились крѣпко, но напрасны были всѣ усилія. Множество вездѣ одолѣвало. Татары приперли Русскіе вои къ надолбамъ. Тутъ палъ воевода Еремей Глѣбовичъ, Рязанскій князь Романъ Ингваревичъ, и много другихъ мужей добрыхъ. Враги остались опять побѣдителями.

Всеволодъ въ малѣ дружинѣ бѣжалъ во Владиміръ. Татары двинулись къ Москвѣ.

Москва, городокъ, только-что начинавшій возникать среди лѣсовъ, ее окружавшихъ, не могла противиться долго. Ее защищалъ другой сынъ Великаго князя Володимеръ Юрьевичъ. Онъ взятъ былъ въ плѣнъ. Воевода Филиппъ Нянька былъ убитъ. Жители истреблены. Имущество пограблено. Татары обратились къ Владиміру.

Великій князь уѣхалъ передъ тѣмъ съ племянниками на Волгу собирать вои для сильнѣйшаго отпора врагамъ. Онъ предполагалъ, кажется, что враги не могутъ еще такъ скоро угрожать его столицѣ, и что онъ успѣетъ заблаговременно воротиться съ новыми, свѣжими полками. Онъ могъ думать, по крайней мѣрѣ, что крѣпкій городъ во всякомъ случаѣ продержится до его прибытія. Вмѣсто себя урядилъ онъ двухъ сыновъ, Всеволода и Мстислава, къ которымъ воеводою былъ приставленъ Петръ Ослядюковичъ, — но онъ ошибся въ своихъ разсчетахъ! Татары не шли, а летѣли, какъ птицы, и между тѣмъ какъ Георгій расположился станомъ еще по рѣкѣ Сити, впадающей въ Мологу, ожидая своихъ братьевъ съ полками, — февраля 3, во вторникъ, прежде мясопуста за недѣлю, явились они предъ Владиміромъ, и тьмами темъ окружили его со всѣхъ сторонъ.

Владимирцы затворились накрѣпко въ городѣ съ молодыми князьями. Татары хотѣли уклониться отъ боя и потребовали сдачи. Владимирцы отказались отворить Золотыя ворота.* Епископъ Митрофанъ увѣщевалъ народъ: «Чада, не убоимся смерти, не пріимемъ себѣ во умъ сего тлѣннаго и скороминующаго житья, но о томъ не скороминующемъ житьѣ попечемся, еже со ангелы жити. Поручникъ я вамъ, аще и градъ нашъ плѣнше копіемъ возмутъ, и смерти насъ предадутъ, получимъ вѣнцы нетлѣнные на томъ свѣтѣ отъ Христа Бога». «О семъ же словеси слышавше вси,» замѣчаетъ лѣтописатель, «начаша крѣпко боротися». Татары подъѣхали къ Золотымъ воротамъ, имѣя при себѣ плѣненнаго въ Москвѣ княжича, Володимера Юрьевича, и спросили о великомъ князѣ, тутъ ли онъ въ городѣ. Владимирцы вмѣсто отвѣта пустили въ нихъ по стрѣлѣ. Татары отвѣтили тѣмъ же, пустивши также по стрѣлѣ на городъ и на Золотыя ворота, и потомъ закричали: не стрѣляйте! Наши остановились. Тогда Татары подошли ближе къ Золотымъ воротамъ и выставили передъ ними Володимера. Узнаете вы своего княжича, спрашивали они осажденныхъ. На несчастномъ не было лица; блѣдный и худой, онъ едва могъ держаться на ногахъ. Всеволодъ и Мстиславъ, стоявшіе на Золотыхъ вратахъ,* узнали брата — и залились слезами, бояре и граждане съ ними, смотря на Володимера, въ рукахъ у лютыхъ враговъ. Ударимъ, воскликнули пылкіе, молодые князья, обращаясь къ дружинѣ и воеводѣ, ударимъ, лучше умереть за святую Богородицу и правую вѣру, неже воли быти поганыхъ. Воевода не согласился.

Татары объѣхали городъ, и потомъ расположились станомъ передъ Золотыми воротами, «яко зрѣемо,» то-есть, на виду у жителей, притоговляясь на Студеной горѣ къ приступу.

* Къ воротамъ съ обѣихъ сторонъ присыпанъ былъ валъ, сохранившійся по мѣстамъ доселѣ. Сообщенія другаго не было.

* Дверь къ накатнику надъ нижнею аркой сохралась донынѣ.

Одинъ отрядъ ходилъ между тѣмъ къ Суздалю—городъ взядъ и сожженъ, княжій дворъ, монастырь св. Димитрія, церковь святой Богородицы, ограблены, жители перебиты, другіе отведены въ плѣнъ. Оставшіеся въ живыхъ, нагіе и босые, безпокровные, должны были погибать отъ стужи. (Уцѣлѣлъ только, говоритъ преданіе, дѣвичій монастырь, сокрытый чудомъ изъ виду Татаръ,—тотъ, гдѣ иноческое бореніе проходила страдально Евфросинія, дочь будущаго мученика, святаго Михаила Черниговскаго).

Въ субботу мясопустную отрядъ воротился къ Владимиру. Приготовленія къ приступу кончились, и Татары начали ставить лѣса и пороки отъ утра до вечера, а на ночь огородили тыномъ весь городъ. Поутру, когда совсѣмъ разсвѣло, князья и граждане увидѣли, что городу спасенія нѣтъ при такихъ средствахъ осады, и что онъ будетъ взятъ непремѣнно. Оставалось только приготовляться къ смерти. Супруга Великаго князя, съ дочерью, съ молодыми женами своихъ сыновей и внучатами ушли во храмъ Пресвятыя Богородицы, пріобщились тамъ святыхъ таинъ, и приняли ангельскій образъ отъ рукъ епископа Митрофана. За ними послѣдовали много бояръ и людей,—старики, женщины и дѣти.

Князья Всеволодъ и Мстиславъ отошли къ старому городу, который былъ окруженъ валомъ также, какъ и средній.

Всѣ ждали со страхомъ и трепетомъ своей погибели, предаваясь въ волю Божію.

По заутрени въ недѣлю мясопустную, 7 февраля, на память святаго мученика Ѳеодора Стратилата, Татары бросились на стѣны, и по примету ворвались въ городъ, черезъ стѣну отъ Золотыхъ воротъ у св. Спаса, —мѣсто это примѣтно до сихъ поръ,—съ сѣвера отъ Лыбеди къ Орининымъ воротамъ и къ Мѣдянымъ отъ Клязьмы, (къ Волжскимъ). До обѣда весь городъ новый былъ занятъ и запаленъ огнемъ. Татары отбили церковныя двери въ соборѣ Божіей Матери. Семейство великокняжеское съ ближними людьми укрылось на палатяхъ. Злодѣи ободрали всѣ иконы, захватили всѣ драгоцѣнности, сосуды, кресты, оклады, ризы, порты древнихъ князей, что вѣшали себѣ на память. Узнавъ, что Великая княгиня, съ снохами и внучатами, находится на палатяхъ, Татары звали ихъ сойдти, обѣщая помиловать. Никто не послушался. Тогда они натаскали лѣсу въ церковь, наклали вороха около церкви, и зажгли. Дымъ и смрадъ распространился повсюду. Люди задыхались. Епископъ Митрофанъ, объятый пламенемъ, благословилъ погибающихъ и воскликнулъ: Господи, Боже силъ, сѣдяй на херувимѣхъ, простри руку Твою невидимую, и прими съ миромъ души рабъ Твоихъ!

Владимирскій соборъ Успенія, славный памятникъ князя Андрея Боголюбскаго, на крутомъ берегу Клязьмы, сохранился почти совершенно до нашего времени. Цѣлы еще приснопамятныя палати, гдѣ избранные Русскіе люди, въ минуту общей гибели, скончали животъ свой, покоряясь безропотно волѣ Божіей съ вѣрою и любовію. Мѣсто свято есть!

Молодые князья, Всеволодъ и Мстиславъ, были настигнуты за городомъ, и убиты вмѣстѣ съ прочими, искавшими спасенія въ бѣгствѣ. Тамъ же погибли Пахомій, архимандритъ Рождественскаго монастыря,

игумены Успенскій и Спасскій. О плѣнномъ Володимерѣ нѣтъ извѣстій: вѣроятно, онъ подвергся той же участи.

Изъ Владимира Татары разсыпались отрядами къ Ростову, Ярославлю, Городцу, и поплѣнили все по Волгѣ, даже до Галича, другіе пошли на Переяславль, ограбили и разорили Юрьевъ, Дмитровъ, Волокъ, Тверь, гдѣ былъ убитъ сынъ Ярославовъ, племянникъ великаго князя, — вплоть до Торжка. Нѣтъ почти мѣста въ Суздальской землѣ, гдѣ бъ они не побывали; городовъ взято 14, кромѣ слободъ и погостовъ, въ прододженіи одного мѣсяца февраля. Ростовская область была разорена также. Единственное убѣжище для народа были лѣса.

«Такими дремучими лѣсами была покрыта эта страна,» говорятъ современные Арабскіе лѣтописатели, «что въ нихъ и змѣѣ не было прохода. Татары должны были въ иныхъ мѣстахъ прорубать себѣ дорогу, и они прорубали такую, чтобы четыремъ телѣгамъ можно было проѣхать рядомъ».

А Великій князь Георгій стоялъ еще станомъ на Сити, вмѣстѣ съ своими племянниками, ожидая братьевъ, Ярослава и Святослава, съ ихъ дружинами.

Вдругъ приходитъ къ нему роковая вѣсть: Владимиръ взятъ, церковь соборная разорена, жена твоя, княгиня, съ дѣтьми и снохами, огнемъ скончалися, сыновья убиты, люди погибли, —на тебя идутъ!

Господи! возопилъ несчастный гласомъ велiимъ, изъ глубины сердца, обливаясь слезами. Такъ ли судилъ Ты? Буди воля Твоя святая! Готовъ умереть и я: одному что дѣлать мнѣ на этомъ свѣтѣ?

И недолго оставалось ему жить. Дорожъ, одинъ изъ воеводъ, посланный развѣдывать съ 3 тысячами человѣкъ, прибѣжалъ къ нему скоро назадъ съ извѣстіемъ: Княже! обошли насъ Татары.

Едва началъ Юрій рядить полки съ братомъ Святославомъ, только-что пришедшимъ, съ воеводою Жирославомъ Михаиловичемъ, внукомъ славнаго Андреева воеводы, и племянниками, какъ вдругъ принеслась новая вѣсть, громовая: идутъ, идутъ!

Неуспѣвъ распорядиться, князья рѣшились отступить внизъ по Сити. Татары не дали имъ опамятоваться, пересѣкли дорогу, и внезапно явились передъ ними: сторожей послѣ Дорожа, видно, не оставлено было впереди, или не успѣли они дать знать о приближеніи враговъ, которые нагрянули на оторопѣвшее ополченіе.

Князь Юрій, отложивъ всю печаль, бросился въ бой. Полки его, обрекшіе себя на смерть, слѣдовали за нимъ. Началась сѣча, кровь полилась; сломить малочисленную дружину несмѣтной силѣ было не трудно. Она подалась. Татары за ними. Это было уже не сраженіе, а побоище. Князь Юрій былъ убитъ. Голова у него отрублена. Около него повалены снопами его вѣрные вои. Остальные должны были искать спасенія въ бѣгствѣ на всѣ стороны.

Побоище на Сити произошло 4-го марта: вотъ какъ быстро шли Татары, взявшіе Владимиръ 25-го февраля.

Кучи кургановъ, разсыпанныхъ по теченію Сити до ея устья, и по впадающимъ въ нее рѣкамъ, также какъ и по Мологѣ, обозначаютъ путь Татарскаго натиска и Русскаго жертвоприношенія.

Судя по расположенію этихъ кургановъ, должно заключить, что сраженіе происходило во многихъ мѣстахъ, начиная отъ села Боженокъ, гдѣ настигнутъ былъ Дорожъ съ передовымъ отрядомъ, и оканчиваясь при устьѣ Сити и за Мологою. Русскіе вои, видно, отступали, бѣжали, останавливаясь усталые, гдѣ и настигали ихъ Татары, возобновляя сѣчу.

Многіе изъ открытыхъ въ курганахъ скелетовъ сохранили на костяхъ слѣды ударовъ—проломовъ, разрубовъ, усѣченій.

Нѣкоторыя собственныя имена, до сихъ поръ сохранившіяся въ этой пустынной дикой странѣ, какъ глухіе звуки, донесшіеся изъ древности, напоминаютъ несчастное событіе: Рѣзанино, Станилово, Станово, Сторожево, Губино, Боронишино, Могилицы, Юрьево.

Есть нѣсколько бѣдныхъ церквей, гдѣ даже до послѣднихъ временъ служились панихиды за убіеннаго князя Юрія или Егорія. Есть и придѣлы во имя св. Егорія, а кто былъ этотъ Егорій, какъ онъ былъ убитъ, народъ не имѣетъ никакого понятія.

Ясно, что жителей старыхъ здѣсь не оставалось, и до позднѣйшихъ поселенцевъ дошли уже темныя преданія, дающія поводъ къ разнорѣчивымъ показаніямъ.

Василько, племянникъ Великаго князя, взятъ былъ живой въ плѣнъ, и отведенъ со многою нужею до Шернскаго лѣса, гдѣ Татары остановились станомъ. Тамъ принуждали они его быть съ ними за одно и воевать на своихъ. Василько отвѣчалъ имъ укоризнами: «О глухое царство и скверное! Не отлучите вы меня отъ святой христіанской вѣры. Въ великой бѣдѣ мы, но ее наслалъ на насъ Богъ за грѣхи наши! А васъ онъ накажетъ за души, что губите безъ правды.» Отощалый, онъ не принималъ ни пищи, ни питія; лицо его было уныло отъ многаго томленія. Татары бросились на него. Лѣтописатель влагаетъ въ его уста слѣдующія восклицанія: «Господи Іисусе Христе! Вижу, что младая моя память желѣзомъ погибаетъ и тонкое тѣло у меня увядаетъ. Помоги христіанамъ, помилуй раба Твоего, спаси жену мою, дѣтей моихъ, епископа Кирилла.»

Онъ былъ тутъ же изрубленъ.

Шернскій лѣсъ находится на границѣ между Ярославскимъ и Углицкимъ уѣздами, на рѣкѣ Шернѣ, на половинѣ дороги между Ростовомъ и Ситскимъ побоищемъ. Здѣсь до сихъ поръ одна пустошь называется Васили, и жители разсказываютъ о какихъ-то всадникахъ и схваткѣ, когда-то бывшей. Говорятъ, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ здѣсь найдена была древняя каменная плита, которая куда-то затерялась.

Умерщвленіе Василька видѣла какая-то вѣрная женщина и повѣдала поповичу Андреяну. Они взяли изрубленное тѣло, завернули въ понявицу, и спрятали въ сокровенномъ мѣстѣ. Вдова его и епископъ, узнавъ о томъ, въ послѣдствіи, пріѣзжали за нимъ, и торжественно похоронили въ Ростовскомъ соборѣ.

«Бѣже Василько лицемъ красенъ, очима свѣтелъ и грозенъ взоромъ, храбръ паче мѣры, на ловѣхъ вазнивъ, сердцемъ легокъ, а кто ему служилъ, тотъ не можаше забыти и до смерти».

И Юрьево тѣло было найдено, безъ головы, епископомъ Кирилломъ, возвращавшимся изъ Бѣлоозера, и похоронено тамъ же. Послѣ привезена была и голова

и приложена къ тѣлу. Потомъ оно было перенесено во Владиміръ, гдѣ и нынѣ находится.

Другой отрядъ Татарскій оступилъ Торжекъ на сборъ по Ѳедоровѣ недѣлѣ. И здѣсь жители не сдавались тѣмъ болѣе, что надѣялись на Новгородскую помощь. Двѣ недѣли враги били пороками крѣпость. О помощи не было слуха: «всякій сталъ о себѣ,» замѣчаетъ лѣтописецъ, «въ недоумѣніи и страхѣ».

Средства осажденныхъ истощились, и сопротивляться болѣе не осталось силъ. Городъ взятъ, и люди изсѣчены отъ мужскаго пола и до женскаго, все изобнажено и поругано, и нужною смертію погублено, марта 23-го, въ среду средокрестную, на память св. мученика Никона. Тутъ были убиты Иванко, посадникъ Новоторжскій, Яковъ Влунковичъ, Глѣбъ Борисовичъ, Михаило Моисѣевичъ.

Отъ Торжка окаянные погнались Серегерскимъ путемъ, «людіе сѣкуще, яко траву,» даже до Игнача креста, верстъ за сто до Новагорода, а Новгородъ, заступилъ Богъ, и спасла св. Софія.

Батый вдругъ повернулъ назадъ, опасаясь вѣроятно зайдти, предъ вскрытіемъ рѣкъ, слишкомъ далеко, въ страны неизвѣстныя, все болѣе и болѣе дикія, болотистыя и гористыя.

Возвратный путь его лежалъ по другому направленію, къ западу. Объ немъ не сохранилось никакихъ извѣстій въ лѣтописяхъ, кромѣ осады города Козельска, (въ нынѣшней Калужской губерніи), гдѣ княжилъ молодой князь Василій, изъ рода Черниговскихъ князей. Жители, «имѣя умъ крѣпкодушевенъ,» не хотѣли сдаваться, какъ и жители большихъ городовъ Русскихъ. Нужды нѣтъ, что молодъ нашъ князь, сказали они на вѣчѣ, умремъ за него и приемемъ славу здѣсь, на этомъ свѣтѣ, а тамъ, на томъ свѣтѣ, вѣнцы небесные получимъ. Семь недѣль бились храбрые. Татары рѣшились наконецъ взять городъ приступомъ; разбили стѣны, и вскочили на валъ. Жители приняли ихъ тамъ въ ножи, и не пускали дальше. Много времени продолжалась рѣзня, и Татары принуждены были сойдти внизъ, но и жителямъ нельзя стало держаться въ городѣ болѣе. И пищи и питья у нихъ не доставало, они рѣшили выйдти въ поле, бросились на пращи, изсѣкли пращниковъ, и сами были всѣ побиты, какъ на полѣ, такъ и въ городѣ, куда путь открылся, «даже до младенцевъ, сосущихъ молоко».

О князѣ Василіѣ пронесся слухъ, что онъ утонулъ въ крови.

Козельскъ получилъ отъ Татаръ славное проименованіе Злаго города. Четыре тысячи Татаръ легло подъ деревянными стѣнами его, и три сына темничихъ нашли себѣ тамъ смерть.

Батый, свершивъ свою губительную смертоносную прогулку, отошелъ въ землю Половецкую.

А что дѣлалось тамъ на югѣ, на западѣ— въ Кіевѣ, въ Галичѣ, между тѣмъ какъ Татары громили востокъ и сѣверъ. Прекратились ли хоть теперь тамошнія междоусобія? Успокоилась ли хоть теперь тамошняя раздираемая столько времени войною страна?

Нѣтъ, на югѣ и западѣ земля неуспокоивалась; и междоусобія продолжались безоставочно.

Кіевъ, оставленный (1236) Переяславскимъ княземъ Ярославомъ Всеволодовичемъ, при первомъ извѣстіи о приближеніи Татаръ къ Рязани, былъ занятъ тотчасъ Михаиломъ Черниговскимъ, который пріѣхалъ сюда изъ Галича, оставивъ тамъ сына Ростислава.

Ростиславъ отнялъ у Даніила Перемышль, уступленный ему не задолго, и между ними началась распря: они то воевали, то мирились. Ростиславу понадобилось отлучится на Литву съ своими боярами. Даніилъ, воспользуяся его отсутствіемъ, явился подъ Галичемъ, и подалъ голосъ жителямъ: «до какихъ же поръ вы хотите терпѣть державу чужихъ князей?» Ты нашъ князь, держатель Богомъ данный, закричали они въ отвѣтъ, и бросились къ нему, какъ дѣти къ отцу, какъ пчелы къ своей маткѣ. Дворецкой Григорій съ епископомъ Артеміемъ, увидя невозможность сопротивляться, вышли на встрѣчу къ Даніилу и сказали ему: иди князь, бери городъ. Даніилъ вступилъ въ Галичь въ пятой разъ, и поставилъ свое знамя на воротахъ Нѣмецкихъ сказавъ: теперь никто уже невозметъ у меня Галича.

Ростиславъ, возвращаясь изъ своего похода, услышалъ о взятіи города, и удалился къУграмъ, гдѣ надѣялся получить себѣ королевскую дочь съ супружество. Нѣкоторые изъ бояръ его пришли въ Галичь, пали къ ногамъ князя просили прощенія: виноваты, что держали другаго князя. Онъ отвѣчалъ: Богъ васъ проститъ, только не грѣшите больше, а то будете наказаны. Прочіе пошли за Ростиславомъ, и были преслѣдуемы до горы.

Все это происходило впродолженіи 1236 и 1237 годовъ.

Въ слѣдующемъ году, Батый прислалъ еще нѣсколько отрядовъ прогуляться по Россіи. Одни пришли къ Переяславлю Русскому, и взяли городъ копьемъ, ограбили церковь св. Михаила, убили епископа Симеона и множество жителей, попавшихся подъ удары.

Другіе напали на Черниговъ, гдѣ князь Михаилъ Глѣбовичъ рѣшился также защищаться. Татары долго не могли взять города, поставили тараны, и метали такіе камни, что четыремъ человѣкамъ они были въ подъемъ. Лютъ бѣ бой у Чернигова, но наконецъ побѣжденъ былъ Мстиславъ, и множество воевъ его погибли, городъ взятъ, и запаленъ огнемъ, какъ прочіе.

Батый велѣлъ Мангухану соглядѣти Кіева. Смотря на Кіевъ изъ-за Днѣпра, отъ города Песочнаго, Татары, удивились красотѣ его и величеству. Батый прислалъ пословъ къ Михаилу Всеволодовичу и къ гражданамъ, хотя прельстити ихъ. Тѣ не послушались и избили пословъ. Должно было ожидать нашествія и расправы...

Бѣ же пополохъ тогда золъ по всей землѣ: люди бѣгали, сами не зная куда отъ страха.

Михаилъ, не имѣя надежды оборониться отъ враговъ, удалился въ Угры, гдѣ уже былъ сынъ его Ростиславъ. Кіевскій остался столъ праздныимъ, но и въ такое грозное время нашелся на него охотникъ: Ростиславъ Мстиславичъ, изъ Смоленска, пришелъ занять Кіевъ, оставленный Михаиломъ, а Ярославъ Ингваревичъ напалъ тогда на Каменецъ, и плѣнилъ супругу Михаила, сестру Романовичей.

Даніилъ явился, отнялъ Кіевъ у Ростислава Смоленскаго, вытребовавъ сестру у

Ярослава, и препоручилъ защиту города боярину своему Димитрію, самъ удалился во Владимиръ.

Михаилъ между тѣмъ долженъ былъ оставить Венгрію, гдѣ король Бела, при перемѣнѣ обстоятельствъ, отказался выдать дочь свою за его сына, изгнанника. Онъ прибѣгнулъ подъ покровительство дяди своего, Конрада Мазовецкаго. Оттуда отправилъ онъ пословъ во Владимиръ къ Даніилу съ выраженіемъ раскаянія. Много разъ бывалъ я виноватъ предъ тобою, много разъ причинялъ тебѣ вредъ, неисполнялъ своихъ обѣщаній; случалось — хотѣлъ я имѣть любовь съ тобою; невѣрные Галичане мѣшали мнѣ; теперь я клянусь никогда невраждовать тебѣ.

Романовичи не помянули зла, послали къ нему сестру свою, и звали его изъ Ляховъ. Даніилъ, посовѣтовавъ съ братомъ, обѣщалъ Михаилу Кіевъ, а сыну его Ростиславу Луцкъ. Но Михаилъ «за страхъ Татарскій,» не посмѣлъ идти въ Кіевъ, и Романовичи позволили ему походить по землѣ своей, снабдивъ его пшеницею, медомъ, говядами, овцами, въ обиліи.

Между тѣмъ гроза приближалась. Даніилъ рѣшился искать помощи въ Уграхъ, чтобъ соединенными силами противостать Татарамъ, взялъ съ собою малолѣтнаго сына Льва, и поѣхалъ къ королю, но не успѣлъ убѣдить его, и долженъ былъ воротиться. Въ Синеводскѣ, (въ Стрыйскомъ округѣ), къ монастырѣ св. Богородицы, увидѣлъ онъ множество народа, бѣжавшаго отъ Татаръ, и побоялся идти далѣе съ малою дружиною по Русской землѣ, чтобъ не попасться съ сыномъ въ руки невѣрныхъ Галичанъ. Вотъ каково было положеніе въ этой несчастной странѣ, игралищѣ бояръ, что мужественнѣйшій изъ Русскихъ князей, въ виду приближающихся дикихъ враговъ, не смѣлъ тамъ показаться, безъ достаточной дружины. Онъ отправился назадъ въ Угры, оставилъ тамъ сына, и пошелъ домой чрезъ Польскую землю. Въ Сендомирѣ услышалъ онъ, что его семейство, княгиня, дѣти и братъ, бѣжали изъ Руси предъ наступленіемъ Татаръ, и находятся также гдѣ-то въ Ляхахъ. Даніилъ пошелъ искать ихъ, и нашелъ на рѣкѣ Палкѣ (?). Недобро намъ стояти здѣ близь воюющихъ насъ иноплеменниковъ, сказалъ онъ, и отошелъ въ землю Мазовскую къ Конрадову сыну Болеславу, который далъ ему Вышгородъ.

Михаилъ Черниговскій искалъ также спасенія у Ляховъ.

Дошла очередь и до Кіева. Въ 1240 году Батый пришелъ въ силѣ тяжкой, какъ-будто саранча налетѣла. — Видимо-невидимо полковъ вражіихъ окружило городъ. Отъ ржанія коней, мычанія стадъ, рева верблюдовъ, скрыпа телѣгъ, не слышно стало въ городѣ людской рѣчи. Одинъ захваченный Татаринъ, именемъ Таврулъ, извѣстилъ гражданъ о количествѣ силы Батыевой и объ именахъ его воеводъ: Урдюй, Байдаръ, Бирюй, Кайданъ, Бечанъ, Бедай-богатырь, Бурундай-богатырь, что взялъ землю Болгарскую и Суздальскую. Батый поставилъ пороки къ городу противъ воротъ Лятскихъ. День и ночь безъ перестани били осаждавшіе изъ этихъ пороковъ, и выбили часть стѣнъ. Защитники столпились на оставшихся въ цѣлости, «и ту бѣ видѣти ломъ копейный и щитовъ скепаніе, стрѣлы омрачаша свѣтъ». Мужественный воевода Дмитръ раненъ. Татары взобрались на стѣны и расположились тамъ почевать. Граждане

ночью устроили другой крѣпкій городъ около святой Богородицы. Поутру напали на нихъ и здѣсь Татары, и сѣча возобновилась. Множество укрылось на камарахъ церковныхъ съ своимъ имуществомъ, но стѣны обвалились отъ тягости, и люди погибли подъ развалинами. Нигдѣ не было спасенія. На Николинъ день, декабря 6, взятъ былъ Кіевъ и выжженъ. Камня не осталось на камени, кромѣ двухъ-трехъ главныхъ церквей, не до основанія разрушенныхъ, а дерево все сгорѣло.

Дмитра пощадили сами Татары, ради его мужества, и взяли съ собой въ походъ. Узнавъ, что князь Даніилъ въ Уграхъ, пошли искать его, приступили по дорогѣ къ городу Лодяжину (на Бугѣ, въ Подольской губерніи), который также не думалъ сдаваться. Татары поставили двѣнадцать пороковъ, и не могли разбить его стѣны. Наконецъ люди обманутые предалися, и были перебиты.

Также взяли Татары Кременецъ, городъ Изяславовъ, Владиміръ, Галичъ и множество другихъ городовъ, но Каменца, города Даніилова, не могли взять, и прошли мимо.

Такъ вслѣдъ за сѣверо-восточною Россіей, или Великороссіей, покорена была другая половина Россіи, юго-западная, нынѣ называемая Малороссіей. Городское сословіе было почти истреблено какъ тамъ, такъ и здѣсь. Вои, какъ тамъ, такъ и здѣсь, дружины съ боярами и отроками, честно исполнили долгъ свой, и положили животъ свой за отечество, за вѣру христіанскую, въ надеждѣ имѣть вѣнцы мученическіе на томъ свѣтѣ. Кіевъ, Черниговъ, Переяславль, Лодяжинъ, Кременецъ, на югѣ, защищались до послѣдней капли крови, какъ на сѣверѣ— Рѣзань, Коломна, Москва, Владиміръ, Торжекъ, Козельскъ, и, увѣренные въ неизбѣжной гибели, не колебались ни сколько предпочесть постыдное рабство мучительной смерти.

Умилительное, высокое зрѣлище представила Русская земля, въ эту критическую минуту своей исторіи, о которой нельзя вспоминать безъ благоговѣнія!

Терпѣніе, Русская добродѣтель по преимуществу, преданность въ волю Божію, проявились здѣсь блистательно, и смиренные лѣтописатели заключаютъ обыкновенно свои прискорбныя описанія слѣдующими словами: «Се же бысть за грѣхи наши.... Господь силу отъ насъ отъя, а недоумѣніе и грозу и страхъ и трепетъ вложи въ насъ за грѣхи наши».

Плано-Карпини, посланный вскорѣ папою Иннокентіемъ IV въ Татарію къ Великому Хану съ словами мира, проѣзжая чрезъ Кіевъ пишетъ въ своихъ запискахъ, что «*жителей по дорогѣ вездѣ мало;* они истреблены Монголами или отведены въ плѣнъ.» «Въ Кіевѣ,» продолжаетъ онъ, «наняли мы Татарскихъ лошадей, а своихъ оставили: ибо онѣ могли бы умереть съ голода на дорогѣ, гдѣ нѣтъ *ни сѣна, ни соломы,* а Татарскія, разбивая копытами снѣгъ, питаются одною мерзлою травою.»

Вотъ какъ въ народной пѣснѣ выразилось гореваніе о положеніи Руси:

За чѣмъ мать сыра земля не погнется?
За чѣмъ не разступится?
Отъ пару было отъ конинаго,
А и мѣсяцъ, солнце, померкнули.
Невидать луча свѣта бѣлаго.
А отъ духа Татарскаго
Не можно крещенымъ намъ живымъ
быть.

Дмитръ успѣлъ наконецъ убѣдить Батыя, чтобы онъ оставилъ несчастную Русь, разоренную и опустошенную. Если ты замедлишь здѣсь, сказалъ онъ, то Угры, племя великое, соберутся съ силами, и не допустятъ тебя возвратиться въ свояси благополучно. Батый принялъ совѣтъ, и отошелъ въ Угры.

Король Бѣла и Коломанъ были побѣждены Татарами, которые гнали ихъ до Дуная.

Провоевавъ въ западныхъ странахъ три года, до Владиславы, Батый удалился въ свои улусы.

Татары расположились кочевать въ низовьяхъ Волги, по привольнымъ стѣпямъ, гдѣ въ Астраханской губерніи странствуютъ нынѣ прямые потомки ихъ, Калмыки. Отсюда легко и удобно имъ было посылать летучіе отряды свои во всѣ покоренныя страны, держать ихъ въ повиновеніи, и уничтожать всякое покушеніе, еслибъ гдѣ обнаружилось какое, свергнуть ихъ иго. Отсюда Татары могли какъ бы держать мечь надъ головами всѣхъ своихъ подданныхъ, чтобъ никто изъ нихъ не могъ шевелиться..

Страшныхъ враговъ получила Русь въ лицѣ Татаръ, дикаго, необузданнаго Азіатскаго племени.

Но не одни Татары посягали въ это злополучное время на ея цѣлость и независимость, на ея существованіе.

Татары утвердились преимущественно на югѣ и востокѣ.

Поляки и Венгерцы терзали ея юго-западную окраину, и пытались покорить себѣ знаменитое Галицкое княжество, нынѣшнее королевство Галицію.

Далѣе къ сѣверу усиливались *Литовцы*, жившіе въ глубинѣ лѣсовъ Подляшья, (на предѣлахъ нынѣшнихъ губерній—Гродненской, Виленской, Ковенской), и платившіе нѣкогда дань сосѣднимъ Русскимъ князьямъ. Литовцы выдвинулись теперь изъ лѣсовъ, и начали тревожить своими набѣгами области Полоцкія и Новогородскія, угрожая близкими завоеваніями.

На сѣверо-западѣ, въ устьѣ западной Двины, явились *Нѣмцы*, построившіе первое укрѣпленіе съ позволенія Русскихъ князей, но въ 1201 году они основали Ригу, съ помощію вновь учрежденнаго ордена Меченосцевъ, обнаружили тотчасъ властолюбивые замыслы, и овладѣли всею страною Ливовъ и Леттовъ, нынѣшнею Лифляндіей, подданною прежде Полоцку.

На востокѣ отъ нихъ въ Эстляндіи, утвердились *Датчане*, они построили въ 1210 году Ревель, и угрожали Пскову и Новугороду.

Еще далѣе на востокѣ, въ устьѣ Невы, начали проникать *Шведы*....

Вотъ въ какомъ ужасномъ, отчаянномъ положеніи, находилось отечество въ половинѣ XIII столѣтія. Враги сильные, грозные, многочисленные, одни другихъ лютѣе, съ востока, юга, запада, сѣвера и моря, какъ хищные звѣри съ зіяющей пастью, стали надъ нимъ, и грозили порабощеніемъ. Татары, Литовцы, Поляки, Венгерцы, Нѣмцы, Датчане, Шведы, окружили святую Русь какъ бы облавою, напирали на нее, грозясь разнять ее по составамъ, готовясь подѣлить ризы ея по себѣ, и объ одеждѣ метати жребій.

Была-ли какая человѣческая возможность сладить съ такимъ страшнымъ сборищемъ враговъ странѣ, изнуренной двухсотлѣтними междоусобіями, лишенной теперь почти всего своего военнаго сословія, опустошенной огнемъ и мечемъ вдоль и поперегъ, отъ одного конца до другаго?

Казалось погибель ея неизбѣжна, нигдѣ не видать было исхода, надежды никакой не мелькало на перемѣну обстоятельствъ къ лучшему,—пропадетъ святая Русь. Казалось тогда, что на роду написано ей: не быть!

Такую горькую, тяжелую думу думалъ, вѣроятно, святой отшельникъ въ глубинѣ пещеръ Кіевскихъ или Черниговскихъ, смиренный лѣтописатель, заносившій въ лѣтопись не чернилами, а слезами и кровію, описаніе страшныхъ событій — думалъ, и молился со страхомъ и трепетомъ о спасеніи дорогой отчизны,—Господи помилуй!

Помилуетъ ли Онъ?

Да, Онъ помилуетъ, она спасется, она перенесетъ тяжелое огне-кровавое испытаніе, она превозможетъ всѣхъ своихъ враговъ, она возстанетъ съ новою силою и славою: аще бо паки возможете, и паки побѣжоени будете, яко съ нами Богъ!

Кто же спасетъ святую Русь?

Спасетъ ее народъ терпѣливый, смиренный, твердый, толковый, таланливый, носившій во глубинѣ своего сердца сознаніе о государственномъ и земскомъ единствѣ.

Спасетъ ее земля просторная, плодоносная, разнообразная, безпредѣльная, достаточная для безчисленныхъ грядущихъ поколѣній.

Спасетъ ее языкъ, творческій, сильный, многосмысленный, обильный, благозвучный.

Спасетъ ее вѣра православная, горячая, безусловная, готовая въ избранныхъ душахъ на всякія жертвы.

Народъ, земля, языкъ, вѣра—вотъ четыре твердыя, крѣпкія столпостѣны, на которыхъ, подъ державою Мономахова потомства, святая Русь удержалась, удерживается и удержится до тѣхъ поръ, пока онѣ не будутъ поколеблены въ своихъ завѣтныхъ, священныхъ основаніяхъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ВТОРАГО ТОМА.

ВАЖНѢЙШІЯ ИЗЪ ЗАМѢЧЕННЫХЪ ОПЕЧАТОКЪ:

стра-ница	строка сверху	въ котор. столбцѣ	Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
404	страница			помѣчена 494-ю
405	страница			помѣчена 495-ю
465	16	2	за Польскимъ королемъ Болеславомъ Кудрявымъ	за Польскимъ князем Болеславомъ
413	15	1	(1116)	(1154)
—	28	1	имена митр. Клима и Константина должны стоять одно вмѣсто другаго.	
414	34	1	(1869)	(1169)
—	23	2	зятю	свату
418	18	1	Святополкъ Ольговичь	Святославъ Ольговичь
458	12	2	1099 г.	1199 г.
476	послѣдняя	2	пропущено: о заимахъ въ Новѣгородѣ можно получить понятіе по извѣстію подъ 1209 годомъ о приговорѣ Новгородцевъ надъ посадникомъ Дмитромъ... «а что надъ дщкахъ (доскахъ), то князю оставиша... и даша дщки Дмитрова Святославу, а бяше на нихъ безъ числа	
501	19	2	Всеславы	Верхуславы
—	35	2	Ярополку	Ярославу
503	24	2	(род. 1195)	(род. 1192)
504	30	1	1181	1187
—	32	1	(род. 1171)	(род. 1177)
511	24	1	Ярослава Святославича	Ярослава Святополчича
—	28	2	1153	1157
515	6	1	1191	1091
—	24	1	Игорь Ольговичь	Игорь Святославичъ
520	1	2	1158	1185
525	17	1	1207	1237
526	34	1	Изяслава Святославича	Изяслава Ярославича
529	страница			помѣчена 829-ю
533	27	1	(Ярослава Ярополчича)	(Ярослава Святополчича)
541	17	1	1047	1147
542	9	1	1964	1064
—	10	2	1275	1175
549	34	2	Аннудинъ	Анкудинъ
555	29	1	поставленъ въ 1115 г., и скончался въ 1126 году	поставленъ въ 1216 г., и скончался въ 1226 году
527	15	2	Кириллъ	Кирикъ
504	30	1	1181	1187
—	32	1	(род. 1171)	(род. 1177)
511	24	1	Ярослава Святославича	Ярослава Святополчича
—	28	2	1153	1157